

Сборник статей

Память о блокаде. Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества: Материалы и исследования

новые материалы
и исследования
по истории
русской культуры

02

блокаде

ства очевидцев

еское

общества

память о блокаде

свидетельства очевидцев

и историческое

сознание общества

«Память о блокаде: Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества:
Материалы и исследования / Под ред. М.В. Лоскутовой»: Новое издательство; Москва; 2006

Аннотация

Настоящее издание представляет результаты исследовательских проектов Центра устной истории Европейского университета в Санкт-Петербурге «Блокада в судьбах и памяти ленинградцев» и «Блокада Ленинграда в коллективной и индивидуальной памяти жителей города» (2001–2003), посвященных анализу образа ленинградской блокады в общественном сознании жителей Ленинграда послевоенной эпохи. Исследования индивидуальной и коллективной памяти о блокаде сопровождается публикация интервью с блокадниками и ленинградцами более молодого поколения, родители или близкие родственники которых находились в блокадном городе.

Память о блокаде

Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества: Материалы и исследования

Предисловие

Эта книга представляет результаты работы двух исследовательских проектов, реализованных в Центре устной истории Европейского университета в Санкт-Петербурге в 2001–2003 годах. Первый проект назывался «Блокада в судьбах и памяти ленинградцев» (руководитель – к.и.н. Е. И. Кэмпбелл). Второй, его продолжение, – «Блокада Ленинграда в индивидуальной и коллективной памяти жителей города» (руководитель – к.и.н. В. В. Календарова). «Блокада в судьбах и памяти ленинградцев» – проект в рамках программы создания учебного центра подготовки специалистов в области устной истории, осуществлявшейся в Европейском университете в 2001–2002 годах. Благодаря этой программе в Центре устной истории сформировалась группа исследователей, сотрудников и аспирантов университета. В ходе двухлетней работы участниками проекта была собрана коллекция интервью с людьми, пережившими блокаду Ленинграда 1941–1944 годов, а также с представителями послевоенного поколения, чьи родители находились в городе во время блокады.

Результаты этих двух проектов и легли в основу настоящего издания. Представленные здесь статьи разных авторов объединяет и одновременно отличает их от огромного количества исследований, посвященных блокаде Ленинграда, тот факт, что в центре внимания здесь находятся не столько реальные события рассматриваемой эпохи, сколько отражение этих событий в сознании современников и их потомков. Тот образ или те образы блокады, которые оказались запечатленными в самых разных формах – в исторической литературе, официальных изданиях, на страницах ленинградской печати послевоенных десятилетий, в архитектурных памятниках, и наконец, в памяти простых ленинградцев, переживших войну и блокаду.

Блокада получила отражение во многих дневниках и мемуарах. Безусловно, не является чем-то принципиально новым и запись устных рассказов очевидцев и участников блокады: достаточно вспомнить здесь выдающийся памятник отечественной документалистики «Блокадную книгу» Д. Гранина и А. Адамовича, не говоря уже о множестве любительских записей, сделанных в разные годы участниками школьных поисковых отрядов, краеведческих кружков, различных общественных объединений и движений. Другое дело, что профессиональные историки не так уж часто обращались к этим документам как к историческим источникам – особенно если речь шла о воспоминаниях рядовых ленинградцев,

не принимавших значимых для судеб города решений. С одной стороны, их рассказы зачастую не представляли существенного интереса для исследователей, изучавших блокаду Ленинграда с точки зрения «большой истории» – хода Великой Отечественной войны, политической и военной истории страны в середине XX века. Большинство фактов, упоминавшихся в этих свидетельствах и относящихся к деятельности различных советских и партийных организаций, армейских формирований, промышленных предприятий, учреждений науки и культуры в блокадном городе, все равно нуждалось в проверке по документальным источникам и подчас страдало значительными неточностями. С другой стороны, воспоминания жителей блокадного города, особенно устные рассказы, несли и несут в себе огромный эмоциональный заряд, правду личного опыта свидетеля и участника исторических событий. Историк, особенно родившемуся уже после войны, психологически сложно подходить к этим рассказам с той же меркой, с какой он подходит к любому другому свидетельству: ведь это неизбежно означает подвергать оценке, определять степень достоверности, соизмерять с какими-то другими данными, возможно, даже оспаривать. Конечно, свою роль здесь сыграли и известные идеологические ограничения советского периода, и просто те этические рамки, которые устанавливает любое цивилизованное общество при обсуждении вопросов жизни и смерти в предельно экстремальной ситуации. Однако думается, что все же самой серьезной преградой, стоящей на пути анализа воспоминаний людей, переживших блокаду, является особое место, отводимое этим рассказам в общественном сознании эпохи, не утратившей еще эмоциональную связь с событиями военных лет. Воспоминания блокадников, как и других рядовых участников войны, обладают в глазах современников непререкаемым нравственным авторитетом и потому занимают в сознании общества особое пространство, отличное и даже противоположное по духу профессиональной историографии.

Заметим, что воспоминания блокадников лишь высвечивают эту проблему с особой остротой – их критический разбор может особенно болезненно восприниматься ленинградцами старшего поколения. Кроме того, эта проблема неизбежно возникает, когда речь заходит о том, каким образом следует историк, да и просто читателю, подходить к воспоминаниям людей, чья эпоха еще не канула безвозвратно в прошлое.

Как известно, устные рассказы очевидцев использовались историками еще со времен Геродота. Однако, по мере того как ученые занятия историей превращались в науку, то есть в особую область институционализированного знания, вполне доступного лишь специально подготовленным профессионалам, рассказы людей о прошлом, передающиеся в устной традиции, вызвали все меньший интерес и доверие исследователей. Становление исторической профессии во второй половине XIX – первых десятилетиях XX века было теснейшим образом связано с формированием позитивистской парадигмы в историографии, как известно, ставившей задачу объяснить прошлое исходя из эмпирических фактов, воссоздаваемых путем изучения и критики документальных источников. Напомним, что в соответствии с этой задачей все источники располагались в иерархической последовательности по степени их ценности для исследователя. Источники личного происхождения при этом оказывались на нижних ступенях такой иерархии за неизбежно присущий им субъективизм. Дневники всегда ценились выше мемуаров (поскольку к субъективизму автора в мемуарах добавляются еще искажения, внесенные позднейшей переоценкой и переосмыслением событий), а устные воспоминания не рассматривались вовсе – очевидно, как не являющиеся настоящими свидетельствами о прошлом. В такой перспективе профессиональная историческая наука представлялась явлением, в корне отличным от бытующей в обществе традиции – коллективной памяти о прошлом¹.

XX век, однако, внес свои коррективы. С одной стороны, колоссально изменились

средства коммуникации: появление телеграфа, телефона, радио и телевидения, авиасообщений самым радикальным образом сказалось на характере источников, с которыми историкам приходится сталкиваться в своей работе. С другой стороны, изменение социальной структуры общества в XX веке, его демократизация, особенно заметная в Европе и Америке в послевоенные десятилетия, привела к тому, что сфера интересов исторической науки значительно расширилась – в поле зрения историков попала повседневная жизнь обычного человека. Эти процессы (изменения в средствах коммуникации и стремление к демократизации исторической науки) и привели к появлению «устной истории» – особого направления исторической науки, ориентированного на работу с устными рассказами-воспоминаниями.

В нашей стране сам термин «устная история» стал использоваться сравнительно недавно. Его появление в работах конца 1980-1990-х годов несомненно связано с обращением отечественных историков к опыту своих зарубежных, в первую очередь западноевропейских и североамериканских, коллег, знакомство с которым по-настоящему состоялось только в годы перестройки. Между тем и в нашей стране в 1920-1930-е годы инициированием и записью устных воспоминаний очень активно занимались исследователи, изучавшие историю профсоюзного движения, историю Гражданской войны, историю фабрик и заводов. Очевидно, однако, что в условиях жесткого идеологического контроля эти начинания неизбежно рано или поздно ставили исследователей в сложное положение – хотя бы уже потому, что они с очевидностью обнаруживали существование в советском обществе различных настроений, «неудобных» воспоминаний, неортодоксальных интерпретаций прошлых событий. Свою роль, вероятно, сыграло и то обстоятельство, что советская историческая наука твердо усвоила основные принципы позитивистского подхода к истории – и потому устные воспоминания, как источники личного происхождения, к тому же сильно отстающие по времени от описываемых в них событий, расценивались серьезными исследователями достаточно скептически. Таким образом, к началу перестройки запись и изучение устных рассказов о прошлом воспринимались как занятие для любителей-краеведов или представителей других профессий (писателей, журналистов), но не для профессиональных историков². В силу этих обстоятельств устная история представляется многим лишь результатом заимствования. Можно сказать, что история устной истории в нашей стране еще не написана. Главное же – очень многие вопросы, принципиальные для понимания особенностей и границ возможностей устной истории как метода исследования, только становятся в России предметом широкого обсуждения среди историков, социологов, журналистов, словом, всех тех, кто использует в своей работе устные рассказы о прошлом. Поэтому мы неизбежно вынуждены повторять здесь некоторые основополагающие положения, выдвинутые несколькими десятилетиями ранее, в ходе подобных же споров и дискуссий среди историков в различных странах Западной Европы и Северной Америки (об истории возникновения устной истории в странах Западной Европы и Северной Америки см.: Бэрг 1976; Урсу 1989; Лоскутова 2000: 5-31; Томпсон 2003а; Thompson 1988; Oral History 1996).

Вполне естественно, что в первые десятилетия своего существования на Западе (1950-1970-е годы) устная история, желая доказать свое право на существование в университетах и исследовательских центрах, стремилась следовать канонам, выработанным позитивистской историографией. Исследователи, использовавшие в своих работах методы интервью, ставили своей целью прежде всего поиск фактов, не отраженных в известных письменных документах, подчеркивая достоверность устных рассказов, способность человеческой памяти – подобно письменным источникам – сохранять информацию на протяжении длительного времени. Для некоторых представителей социальных наук такое прочтение устной истории, в первую очередь как метода сбора данных о событиях, актуально и

по сей день³. В то же время часто у тех, кто в первый раз сталкивается с этим направлением, возникает впечатление, что устная история – это своеобразное «окно в прошлое», альтернативный профессиональному историческому исследованию способ проникнуть в навсегда ушедший мир. Если историки реконструируют прошлое по документам, то рассказчик-очевидец и участник событий воспринимается аудиторией как «живое свидетельство», его воспоминания, как может показаться, способны заменить собой анализ и комментарий и позволяют читателю или слушателю «увидеть» прошлое «своими глазами».

Концептуальная несостоятельность и наивность подобного отношения к устной истории (столь свойственного очень многим представителям этого направления в Европе и Северной Америке в конце 1960-х – 1970-е годы) была хорошо продемонстрирована целым рядом работ (см., например: Frisch 1979; Фриш 2003: 52–65). Действительно, в интервью мы неизбежно видим прошлое глазами респондента, к тому же отстоящего от описываемых событий на многие десятилетия своей жизни. Речь идет не только о том, что прошлое забывается: меняются взгляды рассказчика на окружающий мир, на историю своей страны, на свою собственную жизнь – и эти изменения, безусловно, отражаются в его воспоминаниях. С точки зрения позитивистской историографии эта особенность интервью – его ощутимый недостаток как исторического источника: только последовательно и настойчиво применяя специальные приемы исторической критики, из него можно вычленить крупницы «фактов», отбросив все субъективные суждения респондента как ненужный материал. При таком подходе, однако, мы рискуем полностью выхолостить рассказ очевидца и участника событий. К тому же, закрывая глаза на субъективизм рассказчика или вынося его «за скобки» исследования, историк невольно рискует поддаться соблазну и придать статус «факта» тем взглядам респондента, которые созвучны его собственной позиции. Между тем все другие суждения и оценки рассказчиков будут им отброшены как несущественная для дела «интерпретация» неспециалиста.

Поэтому интерес исследователей в последние несколько десятилетий вполне закономерно сместился в сторону изучения субъективной стороны воспоминаний. Внимание ученых оказалось привлечено не столько к поиску неизвестных фактов, сколько к их интерпретации представителями различных групп и слоев общества. Для нового поколения историков субъективизм устных повествований перестал олицетворять недостаток этого вида источников, став достоинством. Примерами подобных работ могут служить известные исследования А. Портелли, Л. Пассерини, Л. Нитхаммера, Г. Розенталя, посвященные проблемам самосознания и исторической памяти итальянского рабочего класса периода фашистской диктатуры и послевоенного периода, общественного сознания и исторической памяти жителей Западной и Восточной Германии, переосмысления ими всей эпохи национал-социализма и Второй мировой войны (Portelli 1991:1-26; Passerini 1987; Niethammer 1995; Rosenthal 1989; Rosenthal 1993). Эти работы оказали на нас стимулирующее воздействие, во многом послужив образцом для исследования взаимодействия индивидуальной и коллективной памяти о блокаде Ленинграда. Особенно притягательным для нас в этих исследованиях оказалось стремление их авторов внимательно отнестись к тому, как сами респонденты интерпретируют события своей жизни, жизни своего города, своего класса, своей страны. Анализ и оценка прошлого, всегда имплицитно присутствующие в рассказах интервьюируемых, не отбрасывались этими авторами как заведомо «ненаучные», малоинформативные суждения «людей с улицы», не посвященных в тайны большой политики. Напротив, именно сложный процесс постоянного осмысления и переосмысления своей судьбы в контексте истории всего общества находится в центре исследовательского внимания в названных здесь работах. Именно в таком ключе мы стремились подойти к собранным нами интервью, посвященным истории блокады.

Устные воспоминания, собранные историками, всегда субъективны. Не только потому,

что они отражают субъективные взгляды респондента, – в них неизбежно отражается и личность исследователя, проводящего интервью. Всякому, кто занимался устной историей, знакомо чувство: проводи это интервью другой человек, в другой день, в других обстоятельствах, все было бы иначе, и рассказ респондента был бы совсем другим. Эта особенность присуща устной истории, в ней, возможно, заключается главный недостаток этого направления с точки зрения исследователей, привыкших работать с письменными документами, но в ней же заключена и та притягательная сила, которая побуждает людей заниматься собиранием и изучением устных рассказов-воспоминаний. В настоящем издании каждый из авторов предлагает свою интерпретацию интервью, собранных им или его коллегами из Европейского университета в Санкт-Петербурге. Мы осознаем, что исследовательское прочтение, исследовательская трактовка этих воспоминаний может радикально расходиться с тем, как понимают свой рассказ и описываемые в нем события сами респонденты. Предлагаемая здесь интерпретация ни в коей мере не отрицает право жителей блокадного Ленинграда самим решать, чем были для них и для города, для страны в целом трагические и героические события 1941–1944 годов. Авторы лишь предлагают читателю свое осмысление этих воспоминаний в контексте нашего общего исторического прошлого.

Такое понимание устной истории не только сместило акценты с прошлого на настоящее, но и интегрировало подходы различных гуманитарных дисциплин: истории, социологии, социолингвистики и тому подобное. Книга, созданная по результатам этих двух проектов, включает статьи специалистов, представляющих различные дисциплины – историков, этнологов, искусствоведов, чьи работы связаны с изучением механизмов формирования образа блокады Ленинграда в общественном сознании, в памяти жителей блокадного города и их потомков. Внимание исследователей привлекли не только те представления о блокаде, которые восходят к личному биографическому опыту ее свидетелей, но и те, что сложились в официальном советском дискурсе послевоенных лет. Именно это определило структуру сборника. Несмотря на то что основное внимание в предлагаемых здесь авторских статьях уделено не самому событию, а его репрезентации, публикуемые здесь воспоминания о блокаде представляют интерес и для более традиционного подхода к анализу устных источников, как содержащие интересный материал о быте, социальных связях ленинградцев в предельно экстремальных условиях жизни в блокадном городе.

Первую часть книги составляют интервью с жителями блокадного Ленинграда, а также с теми ленинградцами, кто родился уже после войны, но чьи родители или другие ближайшие родственники пережили блокаду. Публикация полных текстов интервью, как мы полагаем, позволяет, с одной стороны, познакомиться с тем, что рассказывают и как понимают блокаду наши респонденты, вводит в оборот новый, не использованный ранее круг источников, а с другой – дает возможность самому читателю заглянуть в мастерскую исследователей, согласившись или, наоборот, оспорив их интерпретации, представленные в этой книге.

Вторая часть сборника посвящена анализу интервью. Исследователей интересовали особенности передачи памяти о ленинградской блокаде в воспоминаниях жителей города – непосредственных свидетелей блокады и следующего за ними поколения ленинградцев. Индивидуальная память, символы и риторика в рассказах о блокаде – основа этой главы. Не секрет, что для многих жителей современного Петербурга блокада связывается не столько со школьными уроками истории, сколько с историей своей семьи. Устные свидетельства, основанные на личном опыте или опыте родственников, поэтому становятся одним из наиболее значимых источников в изучении истории памяти о блокаде. Авторы не оспаривают интерпретации событий блокады информантами и не предлагают новой версии; их интересуют причины и условия возникновения того взгляда на блокадное прошлое, которое нашло

отражение в анализируемых интервью.

Наконец, третью часть книги составили исследования, в которых рассматривается коллективная память советского общества о блокаде Ленинграда. Очевидно, что для подавляющего большинства обычных людей, не причастных к принятию судьбоносных для страны решений, история предстает именно в виде их собственной биографии. Поэтому, когда в их рассказах возникают темы и образы «большой истории», обобщения и оценки событий, выходящих по своему масштабу и значимости за рамки их повседневного бытия, информанты неизбежно обращаются к уже существующим в обществе моделям осмысления истории. Эти модели не просто служат объяснению смысла прошедших событий – они истолковывают прошлое с точки зрения интересов сегодняшнего дня. Воспоминания о прошлом, как наглядно показал еще М. Хальбвакс, вызываются к жизни потребностью общества в обосновании и осмыслении современности. В Советском Союзе коллективная память общества, безусловно, находилась под жестким идеологическим контролем. Было бы ошибкой, однако, полагать, что контроль и манипулирование исторической памятью – явления, свойственные лишь социалистическим или «тоталитарным» режимам. С течением лет менялось и само советское общество, Советское государство, его идеология, в жизнь вступали новые поколения, родившиеся уже в послевоенное время, соответственно изменения претерпевала и память о блокаде. В статьях этого раздела книги представлен анализ данных изменений в различных сферах, где формируется и находит выражение коллективная память общества – в периодической печати и документальном кино, в исторической литературе, в монументальных памятниках.

Авторы сборника отдают себе отчет в ответственности, лежащей на каждом, использующего интервью в качестве источника для написания научного исследования. Поэтому во избежание возможных проблем все имена информантов в настоящем издании вымышленные (об этом подробнее см. в специальном разделе о принципах публикации текстов интервью), а все ссылки на интервью приведены без указания имен и фамилий информантов (в тексте статей указывается только номер интервью в архиве Центра устной истории Европейского университета в Санкт-Петербурге).

Авторы и составители сборника выражают глубокую признательность всем откликнувшимся на идею проектов и согласившимся принять участие в интервьюировании.

Оба проекта – «Блокада в судьбах и памяти ленинградцев» и «Блокада Ленинграда в индивидуальной и коллективной памяти жителей города» – оказалось возможным осуществить благодаря внутренним грантам Европейского университета в Санкт-Петербурге 2001 и 2002 годов и финансовой поддержке Фонда Джона Д. и Катерин Т. МакАртуров и Института «Открытое общество» (Фонд Сороса). Проведение международной зимней школы «Устная история: теория и практика» и международного семинара «Война и память» стало возможным благодаря сотрудничеству Европейского университета в Санкт-Петербурге с Индианским университетом (США).

Мы приносим благодарность инициатору создания Центра устной истории первому ректору Европейского университета в Санкт-Петербурге Б. М. Фирсову за неоценимую помощь и неизменную поддержку, без которой была бы невозможна реализация двух исследовательских проектов. Мы выражаем также глубокую признательность первому руководителю Центра устной истории Е. И. Кэмпбелл за огромную работу, сделанную для открытия Центра и налаживания его работы в первый год существования.

За участие в работе двух проектов на разных этапах мы благодарны ведущему научному сотруднику Санкт-Петербургского института истории РАН С. В. Ярову, а также аспирантам и

сотрудникам Европейского университета в Санкт-Петербурге И. Е. Гусинцевой, Е. В. Ведерниковой, И. Н. Толстых, Т. К. Никольской, А. В. Чекмасову, О. В. Малиновой, Г. Г. Лисицыной.

За сотрудничество и советы приносим благодарность: заведующему Отделом новой истории России Санкт-Петербургского института истории РАН А. Н. Цамутали, директору Центра независимых социологических исследований В. М. Воронкову, докторанту Университета Констанц (Германия) Андреа Земсков-Цюге, директору Французского колледжа в Санкт-Петербурге Элеоноре Мартино-Фристо, сотрудникам Научно-информационного и просветительского центра «Мемориал» Ирине Флиге и Татьяне Косиновой (Санкт-Петербург).

Мы также глубоко признательны за помощь в ходе работы над проектами и над написанием текстов, вошедших в сборник, за советы и поддержку, за конструктивную критику нашей деятельности преподавателям и сотрудникам Европейского университета в Санкт-Петербурге М. М. Кромю, Д. А. Александрову, Н. Д. Потаповой, С. А. Штыркову, Ж. В. Корминой, А. В. Куприянову, О. А. Ткач, О. В. Калачевой.

Кроме того, хотим сказать отдельное спасибо системному администратору Европейского университета в Санкт-Петербурге Д. Ю. Милютину и администратору факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге И. В. Гуркиной за техническую помощь и дружескую поддержку, неизменно оказываемую нам в течение двух лет работы.

Примечания

1 Именно таких взглядов придерживался, в частности, один из крупнейших теоретиков коллективной памяти, французский социолог М. Хальбвакс, противопоставлявший подходы историков и мемуаристов (см.: Halbwachs 1950: 78–87).

2 С этой точки зрения, безусловно, заслуживает внимания статья Т. А. Ильиной (1973: 27–32), посвященная осмыслению опыта экспедиции преподавателей и студентов Калининского педагогического института и Калининского областного краеведческого музея в колхоз Молдино Удомельского района Тверской (тогда Калининской) области в 1965–1966 годах. В ходе этой экспедиции были записаны воспоминания местных жителей о революционных событиях 1905 и 1917 годов, Гражданской войне, коллективизации и Великой Отечественной войне. Это едва ли не единственная публикация в исторической литературе 1970-х – первой половины 1980-х годов, посвященная устным воспоминаниям как историческому источнику. Только с конца 1980-х годов на русском языке появляются первые публикации, посвященные «устной истории» (калька с английского термина *oral history*). При этом невозможно отрицать влияние западноевропейской и североамериканской историографии на развитие этого направления (см.: Виноградов, Рябов 1986: 6-16; Урсу 1989: 3-32; Писаревская, Ляшенко 1989; Никитина 1990: 210–216; Рожанский 1990: 141–150; Коляда 1990: 25–30; Хубова 1997)/

3 Так, в одном из новейших учебных пособий по социальным исследованиям ему дано следующее определение: «Устная история – это фактуально точное воссоздание определенных исторических событий. В ее фокусе не субъективный опыт деятеля, а *историческое знание о событиях, процессах, движущих силах и причинах*. Устные истории, рассказанные участниками событий, используются для накопления такого исторического и фактического материала» (Девятко 2003: 69).

Татьяна Воронина, Виктория Календарова, Марина Лоскутова

I

Устные свидетельства жителей блокадного Ленинграда и их потомков

Основные принципы публикации текстов интервью

Публикуемые ниже интервью с людьми, пережившими блокаду Ленинграда, входят в состав коллекции устных воспоминаний, собранной исследовательским коллективом Центра устной истории Европейского университета в Санкт-Петербурге в ходе работы проектов «Блокада в судьбах и памяти ленинградцев» (2001–2002; руководитель – Е.И. Кэмпбелл) и «Блокада в индивидуальной и коллективной памяти жителей города» (2002–2003; руководитель В. В. Календарова)¹.

Научная цель, которую мы преследуем, издавая интервью, – возможность аналитического использования представленных текстов представителями различных научных дисциплин (историками, социологами, филологами, психологами) – заставляет нас публиковать интервью без купюр², редактирования и стилистической правки. В то же время этические соображения побуждают нас заменить подлинные имена информантов вымышленными. Мы понимаем, что эта практика анонимности информантов, широко распространенная в социологических публикациях, вступает в некоторое противоречие с подходом, традиционным для исторической науки, стремящейся к максимальной документальной точности и доказательности. Предвидя возможные возражения со стороны коллег по историческому цеху, мы хотим сказать, что подлинные имена информантов скрыты, чтобы их интересы не были болезненно задеты – в случае если наши собственные или чьи-либо последующие интерпретации опубликованных воспоминаний не совпадут с мнением рассказчика.

Мы полагаем, что эти опасения особенно актуальны, когда биографические интервью, содержащие большой пласт информации о личной жизни рассказчика и его окружения, публикуются дословно. Также из этических соображений все имена и фамилии родственников и знакомых, упоминаемые информантами в интервью, заменены инициалами; скрыты точные адреса проживания информантов в годы блокады, в некоторых случаях упоминавшиеся в интервью.

С научной точки зрения оправданием принятого нами решения сохранить анонимность информантов служит наша искренняя убежденность в том, что для качественного подхода в социальных исследованиях, к которому большинство из нас относят сферу своих научных интересов, вопрос персоналий не является определяющим. Биографический рассказ, хотя и привлекает исследователя возможностью повышенного внимания к нюансам и особенностям отдельной биографии, не требует непременно идентификации личности респондента.

В публикуемых текстах интервью сохранены все особенности устной речи, оговорки, оставлены в первоначальном виде незаконченные слова и фразы. Зафиксированы вокализованные и невокализованные паузы (длительность паузы указывалась приблизительно: многоточие для короткой паузы, «пауза» или «продолжительная пауза» для более долгих), а также некоторые невербальные компоненты взаимодействия («смеется», «усмехается», «плачет»). В то же время мы сознаем, что публикуемые тексты не могут быть свободными от искажений, неизбежных при любой попытке перевода устного текста в письменный: «Любой перевод из одного контекста в другой предполагает множество суждений и решений» (Квале 2003:162). И в нашем случае, как и при любой транскрипции, деление текста на фразы, расстановка знаков препинания и ряд других, безусловно значимых для интерпретации, моментов определяются решением исследователя, а значит, влекут за собой неизбежное

искажение материала. Осознавая неизбежность подобных искажений, мы стремимся лишь уменьшить их степень, принимая точку зрения, согласно которой определяющим фактором для выбора степени подробности расшифровки является его полезность для целей исследования: «Так, дословное описание необходимо для лингвистического анализа, включение пауз, повторений и тона голоса соответствует, например, психологической интерпретации уровня тревоги или смысла отказа» (Там же, 165–166). Отказавшись от литературной правки текстов интервью и точного следования правилам письменной речи, мы надеемся расширить круг возможностей использования данных текстов, адресуя их вниманию исследователей из разных научных дисциплин.

Примечания

1 Подробнее об этих проектах см. в нашей статье в настоящей книге.

2 В отношении купюр в данной публикации сделано одно исключение. Из интервью с информанткой, названной нами в данной публикации Татьяной Антоновной, по этическим соображениям был изъят небольшой отрывок, в котором речь шла о некоторых событиях из жизни родственников этой женщины в относительно недавнем прошлом (см. сноску в соответствующем месте текста интервью). Мы пошли на этот шаг, поскольку не можем гарантировать, что упоминаемые лица не узнают здесь как себя, так и саму рассказчицу.

Виктория Календарова

Интервью с Николаем Викторовичем

Интервьюер: Итак, сегодня 21 мая 2002 года. Мы находимся в Центре устной истории... Мой собеседник – Николай Викторович. Итак, расскажите, пожалуйста, для начала о себе: кто ваши родители, когда вы родились – о своей жизни.

Информант: Родился 5 августа 1932 года в городе Красногвардейске Ленинградской области. Так в то время называлась Гатчина – Красногвардейск. Вот. Почему там родился? Очень просто: мама выехала на дачу, и получилось так, что я¹ там вот на даче и родился. Хотя я всю жизнь прожил в Ленинграде. Правда, месяцев, наверное, восемь был в Москве. Мама у меня тоже некоторое время жила в Москве. И вот она меня взяла с собой, но я к ней, к московской жизни, так и не мог привыкнуть. Было это в 38-м году, все-таки мне уже шесть лет было. Седьмой год шел. Я очень хорошо помню. После Ленинграда московская жизнь мне что-то не понравилась. А так вот я... Сначала жил на 10-й Советской улице. А потом в 39-м году мои родители поменялись, и мы переехали на Большую Московскую². Жили мы вместе с бабушкой и дедушкой вместе. Вообще, корни мои очень интересно уходят в пригороды Ленинграда. По маме вот эти корни уходят в село Рыбацкое. Там родители моей бабушки – ее

¹ Информант родился в 1932 году. Во время блокады жил с матерью, бабушкой и дедом на Большой Московской улице. Награжден медалью «За оборону Ленинграда», принимает активное участие в работе общества блокадников. Интервью проходило в Центре устной истории ЕУ СПб. 21 мая 2002 года. Общая продолжительность аудиозаписи интервью – 248 минут. Интервьюировала И. Гусинцева. Архив Центра устной истории ЕУ СПб. Интервью № 0101022. Имя и отчество информанта изменены.

² В полном тексте интервью назван полный адрес информанта.

мамы – вот они родом оттуда, из села Рыбацкого. А по отцу корни уходят в Удельную.

Интервьюер: Уже не пригороды.

Информант: Вот теперь это все в городе. И, к сожалению, не сохранились дома ни в Рыбацком, ни в Удельной. Моих предков. Вернее, не предков, а родственников предков. Вот. А я вот, таким образом, значит, считаю себя коренным ленинградцем. До войны я успел начать учиться в школе. Школа № 300 на углу Большой и Малой Московской. Она до сих пор существует, эта школа. Окончил первый класс на одни «отлично», но почему-то похвальной грамоты не дали. Не знаю, наверное, просто первоклассникам не давали. И после окончания мы с мамой уехали в пионерский лагерь. Под Лугой. Там есть такое озеро – Черемнецкое. И вот на Черемнецком озере, в старинном дворце князя Львова, был пионерский лагерь. Мама работала в этом пионерском лагере бухгалтером, и она меня, значит, соответственно, с собой взяла туда. Вот там-то 22 июня я и узнал о начале войны. Вот я многих спрашивал... Не я спрашивал, другие спрашивали – вот, действительно, вот день 22 июня – он всем врезался в память. Всем. Хотя сам по себе ведь этот день для многих он был ну ничем не примечателен. Ну вот узнали о том, что началась война. Но ведь, скажем, для ленинградцев-то, не нужно забывать, что для нас это была вторая война. Что ведь советско-финская война 39-го года – она краешком задела Ленинград. Ленинград тогда первый из всех советских городов узнал затемнение. Он уже был объявлен тогда прифронтовым городом. И было введено затемнение и все сопутствующие неприятности прифронтового города. Хотя бед мы тогда, конечно, никаких не испытали. Но для нас уже было известно, что такое война. Вот и тут тоже началась война, в общем-то, которую мы все ждали. Все знали, что будет война. И Аркадий Гайдар нас к этому готовил... О том, что будет война. И в школе недаром вот сдавали нормы. ОСОАВИАХИМ³ – общество содействия армии... ОСОАВИАХИМ – армии, авиации и химической защиты. Тогда так... Так называлось тогда. И значки БГТО, ГТО и значки «Ворошиловский стрелок»⁴. Так что потихонечку все готовились к этой войне. И вот вышедший перед войною фильм «Тимур и его команда»⁵ – он ведь уже, по существу он уже немножко дышал войною, то же самое. И все-таки, конечно, было неожиданно, когда она началась. А был жаркий день. В этот день мы купались в озере. И когда вернулись с купания к обеду – вот тут об этом мы и узнали, что началась война. И вот тоже интересная такая подробность, которая врезалась в память. Большой был лагерь. А вот тут все, во всех отрядах ребята разбились на группки – вот кто с кем дружил – вот они в этих группках оказались. И все вот там стали обсуждать это событие между собою. И мы тоже, хотя я был в младшем отряде. Мы тоже. Нас было трое друзей. Двое мальчиков и одна девочка. Мы тоже уединились, стали обсуждать это. И вот кто-то из нас, я не помню, сказал, что теперь, наверное, немцы опять будут зверствовать и бросать в огонь детей. А все дело в том, что незадолго до

³ Массовая общественная организация, название которой расшифровывалось как Союз обществ содействия обороне и авиационно-химическому строительству СССР. Была образована в 1927 году в результате слияния Общества содействия обороне (ОСО), Общества друзей воздушного флота (ОДВФ) и Общества друзей химической обороны и химической промышленности (Доброхим СССР). После Второй мировой войны Осоавиахим было переименовано в ДОСААФ.

⁴ Значки БГТО («Будь готов к труду и обороне»), ГТО («Готов к труду и обороне») и «Ворошиловский стрелок» выдавались в Осоавиахиме за сдачу членами Общества определенных нормативов, включавших элементы военно-строевой подготовки.

⁵ Имеется в виду детский художественный фильм «Тимур и его команда» (реж. А. Разумный, киностудия им. М. Горького, «Союздетфильм», 1940).

этого в лагере прошел кинофильм «Александр Невский»⁶. И мы все были под впечатлением того, как немцы в захваченном Пскове бросали в костер детей. Вот как тут не сказать о том, что устами младенца глаголет истина. Ну кто мог предполагать 22 июня, что немцы будут действительно вот так зверствовать на нашей территории. А потом... Ну вроде жизнь в лагере не изменилась. Что добавилось, так это то, что каждый день у нас начались учебные воздушные тревоги. В лагере была ручная сирена, и вот, значит, ее начинали крутить, она завывала, и по сигналу сирены все отряды должны были быстро бежать с территории лагеря в лес. А в лесу моментально были вырыты укрытия – такие щели, где мы должны были, каждый отряд, укрываться в своей щели. Мы все знали, что это учебная тревога. Поэтому вот для нас это было просто как развлечение. (*Смеется.*) Мы туда бежали, забирались в эти щели, сидели в них и ждали, когда будет сигнал горна, который будет означать отбой воздушной тревоги. И вот так однажды забрались мы туда по учебной тревоге и вдруг увидали, что над Черемнецким озером кружатся два самолета – один вокруг другого. Так вот вертятся, моторы завывают, и слышно треск пулеметных очередей. И мы поняли, что на этот раз тревога-то оказалась не учебной, а самой настоящей. И мы видим воздушный бой. И потом мы увидали, как один самолет задымил и пошел вниз. В озеро. И все закричали: «Ага! Сбили! Сбили!» (*Смеется.*) Потом мы увидали, как от этого самолета отделилась точка, раскрылся парашют. Ветром его понесло к нашему берегу. И мы тут все выскочили из щелей и помчались к месту приземления парашютиста, чтобы взять его в плен. Нам кричат взрослые вожатые и воспитатели: «Куда? Ведь он же вооружен!» А мы в ответ только: «Нас же много, а он один». Но когда мы прибежали к месту приземления, оказалось, что нас уже опередили взрослые все-таки. И вот тут-то оказалось, что это был наш летчик. И для нас это был первый вот такой моральный удар. Что оказывается, на этой войне сбивают не только немецкие самолеты, а что немцы сбивают наших летчиков. Вот мы вернулись все в лагерь в этот день какие-то пришибленные немножко вот этим открытием. Война приближалась потихонечку к лагерю. Ведь начало героической обороны Ленинграда – это 10 июля 41-го года. Это начало боев на Лужском рубеже⁷. А если посчитать от 22 июня, то окажется, что 10 июля – это всего-навсего девятнадцатый день войны. За восемнадцать дней немцы от границ Советского Союза – от Западного Буга, от Немана – прошли вот до реки Луги. Если смотреть по карте, по прямой получается больше шестисот километров. За восемнадцать дней! А теперь им до города оставалось всего-навсего сто с небольшим километров. Три часа езды на пригородном поезде. И вот на эти сто километров немцам пришлось потратить два месяца. Это была первая остановка такая длительная, когда немцев остановили. Они же целый месяц не могли переправиться через реку Лугу. Бои на Лужском рубеже продолжались целый месяц. И могли бы и дольше, если бы вот в районе Кингисеппа немцы не обошли наших с фланга. И тогда, чтобы не попасть в окружение, пришлось всей этой группировке нашей отступать. А потом их ожидал следующий рубеж обороны – Гатчинский. Или, как тогда назывался, Красногвардейский рубеж обороны. И там они тоже около месяца⁸... Никак не

⁶ Имеется в виду знаменитый фильм «Александр Невский» (реж. С. Эйзенштейн, киностудия «Мосфильм», 1938).

⁷ 10 июля 1941 года немецкие войска захватили часть Прибалтики и вторглись в пределы Ленинградской области, развернув наступление в направлении городов Луга и Новгород. Именно в это время четвертая танковая группа армии «Север» прорвалась к реке Плюса, где и была на время остановлена. Лужский оборонительный рубеж – первый из трех – проходил на всем протяжении реки Луга, далее через Шимск до озера Ильмень. Второй – по линии Петергоф – Красногвардейск – Колпино. Третий рубеж проходил в районе Автово, окружной дороги, Средней Рогатки и села Рыбацкое (см.: Очерки истории Ленинграда V: 38).

⁸ Бои на Лужском рубеже длились с 10 по 19 июля 1941 года. 19 июля наступление немцев было прекращено

могли продвинуться к городу. Ну это я говорю к тому, что так получилось, что наш лагерь оказался как раз на пути движения немцев. И вот вы знаете, хотя мы, конечно, не слышали никаких сводок с войны. Нет. У нас, по-моему, и радио-то не было. Во всяком случае в нашей комнате точно никакого радио не было. Но слухи, конечно, были. Мы слышали, что говорят взрослые. Но вот была еще такая неприятная вещь – через нас все время летали самолеты. Понять, чьи это самолеты – они летели довольно высоко, – было тяжело. Но взрослые часто говорили, что это немецкие самолеты летят бомбить Ленинград. И как-то особенно неприятно было, когда они летели вечером. Как-то вот в вечернем воздухе вот это гудение моторов, оно особенно зловещим было. И у меня до сих пор, вот когда я слышу вечером гудение какого-то мотора, это что-то в памяти вот как-то всплывает... Вот эти неприятные ощущения. И еще одно ощущение тоже осталось вот от того времени. Вечером у нас была линейка, как положено в пионерском лагере. Уже темные вечера были. И почему-то они были очень теплыми такими, почти что душными вечерами. И, когда вот мы стояли на линейке, а линейка – она была обсажена цветами. И в это время на линейке цвели вот эти лиловые граммофончики. Как же они называются, эти цветы-то?

Интервьюер: Ирисы?

Информант: Нет. Нет. Нет.

Интервьюер: Люпины?

Информант: Нет. Нет. Нет. Нет. Вот выскочило из памяти. Такие красивые лиловые граммофончики. Они очень здорово пахнут. Это как раз цветы вечерние: они вечером начинают пахнуть. Вот вертится где-то на языке название, а никак не вспомнить. И вот, у меня как-то связался запах вот этих цветов тоже с какой-то с тревожной обстановкой. И когда я иногда вот слышу этот запах, вот тоже вот память моментально откуда-то оттуда из глубины сразу же настраивает на какую-то такую тревожную обстановку. Как же назывались вот... И название-то такое, в общем-то, не очень сложное. Чуть не сказал – глициния. Глициния – это на юге цветет. Ну ладно. Потом, может быть, вспомнятся. Вот это вот оттуда такие вот воспоминания еще остались. А потом, когда уже немцы оказались совсем близко к лагерю, лагерь было решено эвакуировать. И почему-то сразу весь лагерь не смогли эвакуировать. Разделили на две части. И одну часть – первую половину – решили сразу же вывозить в эвакуацию, не заводя в Ленинград. Посадили в Луге на поезд и повезли через Псковскую область на юг. Уехали они недалеко, потому что там был высажен десант. Мало того что немцы уже подходили оттуда, так они еще высадили... Высадили авиационный десант. Дорога оказалась перерезана, их пересадили на автобусы. Ехали, пока могли. А все... Потом оказалось, что большинство дорог уже перерезано. Они метались вот так вот в поисках хорошей дороги. Потом кончился бензин, и младший отряд решили оставить в ближайшей деревне, а старшие решили идти. Идти найти бензин и потом заехать за младшими. И не вернулись уже. Младшие потом оказались в деревне, занятой немцами. Младший отряд оказался. Это была вот у них такая трагедия. Там у них история была совершенно... Если написать правду о них, только скажут: «Вот, выдумал. Писатель». Таких... Приключенческий роман прямо. А я в эту не попал, потому что мама-то работала в лагере. Поэтому я и не попал в эту первую...

из-за перегруппировки немецких войск (соединения 18-й армии с четвертой танковой группой). Последовавшее за этим наступление 41-го немецкого моторизованного корпуса привело к захвату ряда населенных пунктов, находившихся в 20–35 км от Кингисеппа, но было остановлено до начала августа. 8 августа наступление немцев продолжилось сразу в нескольких направлениях. В результате 16 августа был захвачен Кингисепп, 15 августа взят Новгород, 20 августа – Чудово. 29 августа немцы вышли к Колпино. В результате активно развернувшегося наступления немецких войск в окружение попали войска Лужской группы советских войск под командованием А.Н. Астанина (подробнее об этом см.: Очерки истории Ленинграда V: 38–40).

Интервьюер: То есть это ваш отряд был?

Информант: А?

Интервьюер: Это ваш Отряд был?

Информант: Да, мой отряд, да, вот. Если бы не... Если бы не мама, я бы тоже с этим отрядом был бы. И как-то так получилось, что вот эта вторая половина лагеря, отправка ее... Ну, очевидно, узнали, что вот на юг нельзя уже отправлять, поэтому отправка, эвакуация оставшейся части лагеря – она задержалась. И дождались до того, что немцы уже из минометов стали обстреливать территорию лагеря. И вот тут спешно, значит, быстренько из-под этого обстрела нас все-таки успели посадить на один из последних поездов в сторону Ленинграда. Причем мама еще осталась – там чего-то ей нужно было. Ну как бухгалтеру что-то оформлять там нужно было, что-то отправлять... Она осталась. Она уже так добиралась потом... О том, какая там неразбериха была, можно судить по тому факту, что жена начальника лагеря... А сам начальник, он сразу же, в первые же дни, ушел добровольцем на фронт. Вот. А у жены его было двое детей: сын – мой ровесник, вот как раз один из этой нашей тройки. И маленькая девочка. По-моему, полтора года ей было. И вот жена вот в этих обстоятельствах так растерялась, что она дала свою дочку маме и побежала искать сына. Сына где-то не могла найти. И в результате мама приехала в город с вот этой девочкой. И эта девочка несколько месяцев у нас так и жила. Потому что не могли найти вот жену начальника лагеря. И только когда вот уже нашли – она тоже добралась до Ленинграда, – вот тогда эту девочку вернули назад. И вот сохранились справки у мамы о том, что у нее на иждивении находится девочка полутора лет – дочка начальника пионерского лагеря. Ну это нужно было для карточек. Чтобы карточки тогда получать. Вот в такой обстановке я вернулся в Ленинград. Вернулся в город тихий, спокойный, в котором... А я уже услышал, как свистят вот эти самые мины. Как они взрываются. Это все очень неприятные звуки. Какой-то и скрип, и скрежет – это ужас просто. А тут тихо. Народу еще много в городе. Смотришь – военные отряды часто проходят. Вот это вот в основном создавало такую военную настроенность, что ли, города. И потом часто можно было видеть людей с чемоданами, с узлами, которые спешили к вокзалам – это те, кто еще эвакуировался из города. Ведь еще блокады не было, поэтому они уезжали из города. Кругом были развешаны плакаты. Очень интересные плакаты, часто с карикатурами. И были воздушные тревоги. Но воздушные тревоги были не учебные, а настоящие. Но еще немецкие самолеты не прорывались к городу. По сигналу воздушной тревоги мы, значит, бежали в бомбоубежище, сидели там до отбоя. И это вот каким-то, да таким образом напоминало то, что было в лагере. *(Смеется.)* Во всяком случае это было привычно уже. И я говорю, что вот у меня после этого возвращения было наоборот такое ощущение, как будто я попал в более спокойный город. А потом первого сентября начались занятия в школе в нашей. Но начались они очень странно. Я пошел во второй класс. Школа была занята под госпиталь. И мы начали заниматься в подвале школы, уже оборудованном для занятий. Причем, как нам сказали, что занятия начались только для младших классов. Ну там было электричество, столы стояли, доски. Все как... Мы начали заниматься, и занимались мы до того, пока не отключили электричество. Тогда стали включать керосиновые лампы «летучая мышь». И так мы занимались, пока нам однажды учительница не сказала: «Ребята, занятия прерываются». Ну, во-первых, уже и холодно стало. И потом обстановка какая-то такая уже тоже была тревожная. Но вот надо сказать, что не все школы первого сентября начали заниматься. Очевидно, у нас какое-то такое было даже некоторое исключение, что вот младшие... Младших решили начать учить. Потому что ведь в это время шел штурм города... Немецкий страшный штурм⁹, который, я не знаю, какой бы еще город

⁹ По-видимому, имеются в виду боевые действия в августе-сентябре 1941 года. В большинстве отечественных

выдержал. И занятия в школах было решено не начинать. И только когда вот обстановка стабилизировалась – тогда в школах начали занятия. А потом вот уже эта неприятная когда стала обстановка, уже по другим условиям, потому что не было электричества, не было тепла, и уже голод ощущался. Вот тогда наша школа, как и почти все школы, прекратила занятия. Нам так и сказали: «Мы вас позовем, когда будут лучше условия. Мы вас позовем обратно в школу». Вот. Получилось, что нас стали собирать в школу – то уже весной 42-го года только.

Интервьюер : А когда школа прекратила занятия?

Информант : Вот я не могу сказать. Вот... Вот этого у меня в памяти не осталось. И я как-то даже эту дату не выяснял. Ну в это время уже начались бомбежки. Первая бомбежка была шестого сентября. Причем раньше бомбежек начались обстрелы. Четвертого сентября был первый обстрел. Это было совершенно непонятное, потому что мы знали, что перед бомбежкой всегда подается сигнал воздушной тревоги, мы опускаемся в бомбоубежище и все такое прочее. Зенитки там начинают стрелять. Самолеты могут и не прорваться, но у тебя есть время после сигнала спрятаться в бомбоубежище. Все. А тут, когда в городе вдруг стали неожиданно рваться снаряды, – это было совершенно непонятное – что это такое. И, вообще, вот если говорить о том, забегая вперед, что же страшнее – бомбежка или обстрел? Я считаю, что обстрел был страшнее, чем бомбежка. Вот именно по этой причине, что он начинался неожиданно. Что о нем не было предупреждения, вот как о налете немецких самолетов. И, значит, первым предупреждением о начале обстрела был первый взрывающийся снаряд. А ведь вот эти дальнобойные снаряды для того, чтобы далеко лететь – несколько десятков километров, – он должен развить сверхзвуковую скорость, иначе он далеко не улетит. Значит, он летел, обгоняя свой собственный свист. И если ты слышал над головой свист пролетающего снаряда – это значило, что снаряд уже пролетел, что его уже бояться не надо, что он взорвется где-то в другом месте, а не у тебя. А там вот где снаряд должен был взорваться – там сначала слышался взрыв. А что такое взрыв снаряда? Если это был фугасный взрыв... Фугасный снаряд – то это было разрушение. Если это был осколочный снаряд – то это значит, вокруг разлетались очень много осколков, и были много раненых и убитых. А ведь снаряды были очень большие. Сначала калибр снарядов был 210–250 миллиметров, а потом немцы стали подвозить к городу все более и более тяжелые орудия. И в конце концов вот привезли сюда эти «Большие Берты», калибр которых превышал 400 миллиметров. Если мне память не изменяет, по-моему, 440 миллиметров калибр¹⁰. Значит, 44 сантиметра. Это вот такой толстенный снаряд. Он еще и по высоте был большой. И когда такой снаряд летел – это все равно, что летела большая фугасная бомба. Они, конечно, вот такого рода снаряды – это были фугасными. Они были рассчитаны на большие разрушения. Если такой снаряд попадал в дом, он мог разрушить весь дом, как если бы фугасная бомба. Ну снаряды поменьше, они вызывали разрушения где-то в пределах

публикаций сказано, что немецкое командование планировало штурм Ленинграда в сентябре 1941 года (см., например: Очерки истории Ленинграда V: 157–158). Однако это мнение оспаривается многими другими историками и публицистами, убежденными в том, что в планы фашистского командования штурм города не входил. Войска имели задачу его блокировать, что и было достигнуто (см., например: Солсбери 2000: 341).

¹⁰ «Берта» («Большая Берта», «Толстая Берта») – мортира калибром 420 мм, созданная в единственном экземпляре в Германии в 1915 году и уничтоженная по условиям Версальского договора. Во время Второй мировой войны «Бертой» ошибочно называли немецкую мортиру «Гамма» со схожим с «Бертой» калибром или мортиру «Карл» (модель 1940 года, калибр 600 мм; всего было выпущено 6 штук, одна из них имела калибр 540 мм). Под Ленинградом во второй половине 1942 года в боевых действиях участвовали одна мортира «Гамма» и три – «Карла». Весной 1943 года в связи с большой уязвимостью мортир и гигантских (800 мм) немецких пушек типа «Дора» и «Густав», а также из-за сложностей с обеспечением их эксклюзивными боеприпасами они были вывезены в Германию, где часть их была демонтирована, а часть была захвачена союзниками в 1945 году.

квартиры, комнаты. Если они падали на улицу они... От них образовывалась большая воронка. Но самое страшное, я говорю, было то, что это всегда было неожиданно. И только после того как взорвется вот первый снаряд, тогда по радио передавали объявление: «Район подвергается артиллерийскому обстрелу. Движение транспорта и населения по району прекращается». Даже вот врезалась эта формулировка в память. Причем поскольку обстреливался какой-нибудь район, то и вот это объявление давали для этого района. Ну немцы, они поступали как? У них была разная система обстрелов. Во-первых, они, конечно, хотели как можно больше разрушить и убить ленинградцев. Во-вторых, им нужно было подействовать морально – то, что вот они могут обстреливать город в любое время. Они действительно обстреливали днем и ночью. И они могли обстреливать вот так систематически какой-то район. В течение длительного времени пускать снаряды по этому району только. А могли так вот – бросить несколько снарядов сюда, а потом перенести обстрел совсем в другое место. Потом опять перенести обстрел. Но были дни, когда они обстреливали город из нескольких батарей. Вот есть сведения – я читал в документах, – что до двух десятков батарей могло одновременно обстреливать город. Конечно, они обстреливали разные районы, и это были очень тяжелые дни, когда вот такое случалось. И вот, по статистике МПВО, значит, очень сильные обстрелы были в начальный период, когда обстрелы совмещались с бомбардировками. Вот и самолеты бросают бомбы, и в это же время обстреливают немцы из орудий город. Поди разберись, что это взрывается. Это, конечно, было в расчете на то, чтобы подавить... Подавить вот все... Весь, так сказать, моральный настрой ленинградцев. Заставить их потерять самообладание. Потом обстрелы стали послабее. А потом вот такая закономерность. У нас как-то не очень подчеркивают то, что город, в общем-то, был не очень сильно разрушен. Поэтому, когда вот вы где-нибудь встретите такое высказывание, что город был очень сильно разрушен... Я вот, например, где-то то ли услышал, то ли прочел – уже не помню – чье-то высказывание, причем высказывание какого-то даже писателя известного, о том, что весь Невский был разрушен. Это неправда. Это у кого-то либо память подвела, либо кто-то сделал просто такое умозрительное заключение. Может быть, его в это время уже и не было в городе, а он вот решает делать такие выводы. Ну, в общем-то, выводы, наверное, правильные были бы... Ну, представьте себе, девятьсот дней город в кольце. Немецкие аэродромы находятся у самого города. В Сиверской, в Луге¹¹. Здесь, со стороны Финляндии, тоже совсем недалеко. В Псковской области аэродромы. Огромнейшее количество самолетов, бомбардировщиков. Бомб, вообще, огромнейшее количество было завезено сюда. Так что, когда стали наши наступать, то вот на аэродромах были обнаружены большое количество неиспользованных бомб. Не успели немцы использовать. И вот в этих условиях можно было ожидать, что Ленинград будет превращен в такое же состояние, как вот, скажем, Сталинград. Ну очень часто показывают вот эту кинохронику, когда летит самолет над Сталинградом... Еще не после того, как Сталинград был освобожден, а в самом начале Сталинградской битвы и город весь уже... Стоят только коробки... Домов нету. Или, скажем вот, можно аналогию провести с Англией, как немцы бомбили английские города – Лондон и особенно Ковентри. Ведь Ковентри вошел в историю Второй мировой войны как город... Крупный город, почти стертый с лица земли немецкими бомбардировками. Так вот, можно было ожидать, что немцы то же самое сотворят с Ленинградом. Тем более что, после того как штурмом взять город не удалось, Гитлер, значит, приказал задушить блокадою и путем непрерывных бомбардировок и обстрелов стереть его с

¹¹ Немецкая авиация размещалась на бывших советских аэродромах, в том числе в Гатчине и Сиверской, а также на шести финляндских аэродромах, переданных в распоряжение немецкому командованию в 1941 году.

лица земли. Но этого не случилось. Почему? Вот вопрос. Некоторые говорят, что наша авиация и наша противовоздушная оборона была очень сильная. Дело в том, что наша истребительная авиация была хоть и отважной, но она в этот период значительно уступала по количеству истребителей. Зенитчики наши были, конечно, молодцы. Ничего не скажешь. Они тоже старались вовсю. Но немцы-то, они ведь применяли тактику такую – не одиночными самолетами налетать, а, наоборот, устраивали массированные налеты на город. Как они говорили, Звездные налеты». Такое посылали количество бомбардировщиков и прикрывающих истребителей, чтобы, во-первых, и наши истребители не могли нанести большого урона и чтобы даже и зенитчики не могли с ними справиться. Чтобы ковровой бомбардировкой снести весь город. А это не получилось. И вот забывают одну деталь. Редко о ней говорят. Дело в том, что у нас перед войною была именно в нашем городе изобретена радиолокация и были построены первые наши радиолокаторы¹². Случилось так, что одновременно с нами радиолокация была изобретена и в Англии. Вот оттуда пришло слово «радар». Англичане называли свои радиолокаторы «радарами». У американцев не было радиолокаторов, и они послали своих разведчиков в английскую вот эту службу радиолокации и по-союзнически украли у них вот этот самый секрет радио... Английской радиолокации. Так вот получилось так, что вот наш первый радиолокатор мы тоже... Ну это было сверхсекретное все. Мало того, что слово «радиолокатор» только было написано на самом приборе. Только вот на нем было написано, что это радиолокатор. В обиходе этого слова не было. Они не назывались не «радиолокаторами». Они назывались: «Радиоуловители самолетов» – «РУС»¹³. Так сказать, в противоположность звукоуловителям. Потому что до этого методика обнаружения вражеских самолетов – это звукоуловители. Это вот четыре вот таких огромных раструба, которые установлены на платформе. Сидит один боец, у которого от всех от них в ушах провода. И вот... А другие бойцы, значит, поворачивают эту платформу по его указанию. И он все время поворачивает и слушает небо. И действительно, он очень далеко мог уловить звук летящих самолетов. И опытные вот эти самые «слухачи», как их называли, могли определить даже количество самолетов. А некоторые даже по звуку моторов могли определить тип. Ну количество не то, что с точностью до одного, но могли сказать – один летит, маленькая группа или очень большая группа. Так вот поэтому и тут называли: «Радиоуловитель самолетов». «РУС». Ну, чтобы еще больше закрыться от немецких шпионов, эти вот «РУСы» – еще каждый из них – получили дополнительные названия: «Редут»¹⁴. Условное название: «Редут». И были номера: «Редут 1», «2», «3», «4», «5» и так далее. Я уже не помню, сколько их было. Кажется девять¹⁵. И вот эти «Редуты» – они были установлены по периметру города, в частности, вот стоял... Один «Редут» стоял в парке Лесотехнической академии. Второй был установлен на

¹² С 1934 года в Ленинградском электрофизическом институте (ЛЭФИ) по заказу Главного артиллерийского управления РККА велись работы по созданию станции радиообнаружения самолетов. Летом 1934 года в Ленинграде была создана первая радиолокационная установка «Рапид».

¹³ РУС – «радиоулавливатель самолетов» – официальная аббревиатура, принятая с 1939 года в РККА для обозначения радиолокационных станций.

¹⁴ Редут – радиолокационная установка, разработанная в 1939 году в ЛЭФИ и принятая на вооружение РККА в 1940 году под индексом РУС-2.

¹⁵ До конца 1941 года были изготовлено десять установок «Редут» (РУС-2), в том числе восемь на заводе № 209 им. Коминтерна в Ленинграде.

крыше Политехнического института. Один находился в поселке Южки на холме¹⁶. Потому что там холмы очень удобные. Были и на южной стороне города. И вот эти самые «Редуты» – у них проектная мощность обнаружения немецких самолетов была 100–120 километров. Но оказалось, что практически они брали гораздо дальше. Они брали до 150 километров. И был даже один рекордный случай засечения взлета немецких самолетов за 270 километров в Псковской области¹⁷. Вот было такое обнаружение. И вот, как только немцы поднимали самолеты с аэродрома, эти «Редуты» их сразу же засекали. И соответственно сообщали в штаб ПВО о том, что к городу идут немецкие самолеты. Они сообщали направление, с которого они шли. Сообщали высоту, на которой они шли. И по сигналу эха они могли сказать, большая группа или маленькая. Одной группой они идут или несколькими группами. И поэтому наши руководители ПВО могли маневрировать вот своими средствами противовоздушными и направлять истребителей вот именно навстречу. И истребители наши встречали немецкие самолеты далеко от города. Была возможность завязать бой далеко, не подпускать их близко к бою... К городу. И зенитчики тоже – они уже были готовы – они уже ждали здесь, именно с этой стороны. И немцы долгое время никак не могли понять: «Почему? Почему их уже ждут?» И вот благодаря этому-то долго-долго немцам не удавалось прорваться к городу. И вот тогда они стали менять свою эту тактику. Они посылали группами с разных сторон. Их все равно встречали и там, и тут. Они посылали самолеты куда-то в сторону вообще, чтобы сбить, что, дескать, вот они летят не сюда. И самолеты делали какой-то крюк и подлетали к городу с востока, хотя они были посланы откуда-то с юга. Могли даже залетать со стороны Ладожского озера. Но их все равно знали, что они идут. И когда немцы поняли, что у нас что-то есть вот такое – ну не дураки, они тоже догадались, что что-то... почему их обнаруживают – они сменили еще раз тактику. Они стали посылать вот уже массированные... Большое количество самолетов в расчете на то, что все равно какая-то часть будет сбита, но кто-то прорвется к городу и отбомбит все-таки. И вот тогда, действительно, первая такая вот массированная бомбардировка была 8 сентября. Но тогда в основном немец сбросил зажигательные бомбы. Было много пожаров, и вот эта трагедия с Бадаевскими складами, когда сгорели Бадаевские склады и продукты¹⁸. Ну вот еще тоже такая, психологическая, что ли, деталь... Некоторые говорят, что они очень хорошо запомнили день начала блокады. 8 сентября. Но ведь они не знали, что в этот день началась блокада. Об этом узнали потом. (*Смеется.*) Не знали о том, что в этот день взяли Шлиссельбург немцы, вышли, вот, к Ладожскому озеру, и замкнулось кольцо. Ведь можно было бы, скажем, считать началом блокады, когда немцы перерезали последнюю дорогу, связывающую, скажем, Ленинград со страной. Когда они взяли МГУ. 29 августа. И это тоже было бы правильно. Ну вот принято так, что вот день, когда немцы полностью отрезали

¹⁶ Система РУС-2 монтировалась на шасси автомобиля ГАЗ АА. Возможно, на определенное время системы могли быть установлены в указанных информантом местах. Единственная стационарная станция находилась с 1940 года в районе п. Токсово.

¹⁷ Установка РУС-2 имела генератор с длиной волны 4 м и мощностью 50 кВт. Позволяла непрерывно определять дальность, азимут и скорость полета цели. Дальность обнаружения – до 95 км при высоте цели 7500 м и 30 км на 500 м, точность определения дальности – 2–3 км.

¹⁸ Бадаевские склады – продовольственные склады им. А. Е. Бадаева были сожжены в результате налета немецкой авиации в первые дни блокады Ленинграда, 8 сентября. В результате пожара сгорели 3 тысячи тонн муки и 2,5 тысячи тонн сахара-рафинада, то есть суточный запас продуктов, расходуемых Ленинграде. Тем не менее пожар на Бадаевских складах долгое время служил (а для некоторых людей является и до сих пор) объяснением ухудшения продовольственного положения в городе осенью 1941 года (об этом подробнее см.: Очерки истории Ленинграда V: 180–181).

город – это вот значит... Так вот, ну и говорят, что вот они очень хорошо помнят этот день – день начала блокады. Ну я согласен, что, может быть, им врезался в память вот этот пожар Бадаевских складов. Потому что, действительно, такой был пожар, который было видно, наверное, с любой точки города. Во всяком случае дым-то поднимался точно. Этот дым можно было видеть всюду. А вот сказать, что запомнилось именно этот день как начало блокады – это, конечно, уже более позднее наслоение на память. И вот...

Интервьюер: Все нормально?¹⁹

Информант: Нет, нормально. Какая-то штука, наверное, упала.

Интервьюер: Это не Страшно.

Информант: Я даже не знаю, откуда она упала. Ну вот в мою память врезался день 19 сентября. День 19 сентября 41-го года. Почему он врезался? Потому что этот день был очень интенсивной бомбежки именно нашего района. Района вот Большой Московской, улицы Правды, Владимирского проспекта. В этот день там были сброшены фугасные бомбы. А мне еще это запомнилось потому, что, когда началась вот эта воздушная тревога, я был один в квартире. Наша квартира была на пятом этаже. Дом у нас огромный, шестиэтажный, с высокими потолками. И вот получилось так, что бабушка моя была в это время в магазине на углу Большой Московской и Владимирской площади – там был гастроном. И до войны тоже там был гастроном. Теперь там его нет. Она была там. А в квартире вот были я и сосед. Ну сосед... Было за шестьдесят лет ему явно. И вот, услышав сигнал воздушной тревоги, мы вышли в коридор. А у нас длинный коридор, семь комнат. По этому коридору я на велосипеде трехколесном катался в свое время. И вот мы вышли в коридор и говорим: «Надо идти в бомбоубежище». А сосед говорит: «Да нет. Смотри, какие у нашего коридора толстые кирпичные стены. Давай мы с тобой здесь останемся. Здесь эти стены не разрушит никакая бомба». И вот мы остались в коридоре. Стоим. И вдруг мы услышали не очень такой сильный взрыв, но дом наш вдруг почему-то закачался. Ну на пятом этаже это особенно хорошо чувствуется. И сосед говорит: «Знаешь что, давай лучше пойдем все-таки в бомбоубежище. (Смеется.) Что-то здорово качается». И вот мы с запозданием опустились в бомбоубежище. А бомбы сыпались с одного самолета. Вот самолет – один немецкий бомбардировщик – летел вот прямо над Владимирским проспектом, Большой Московской, Правдой и сыпал фугасные бомбы. Этот самолет потом сбили. И оказалось, что на нем была женщина-пилот. Сначала ходили слухи только об этом, что вот это женщина-пилот. Потом я нашел подтверждение, что действительно это было так. И вот эта вот женщина-пилот сыпала на нас бомбы. Когда началась воздушная тревога, бабушка была в магазине, стояла в очереди. И, услышав сигнал воздушной тревоги, заведующий магазином стал их всех выгонять. Ну как положено – все должны уйти в бомбоубежище. А очередь не хочет уходить. Все боятся, что, когда они уйдут, очередь перепутается. Потом будет очень тяжело ее восстановить. Он их уговаривает – они не уходят. Потом время идет, он их уговаривает: «Ну выйдите хотя бы во двор. И вот во дворе очереди... Очередью так и стойте». И, пока он их уговаривал, во двор туда упала бомба. Вот как везет, иногда бывает. Вот. Следующая бомба попала в дом 4 по Большой Московской. А потом две бомбы попали в дом 9 и дом 13. Это вот как раз напротив нашего четырнадцатого дома. Вот тогда-то наш дом закачался. Потом дальше летел самолет. Следующая бомба упала уже за Разъезжей улицей, посередине улицы Правда. На мостовой оставила большую воронку. Потом бомба попала в дом 12 по улице Правды. Разрушила его. Причем, как говорили, что, похоже, что даже в него попала не одна бомба, а две. Потому что дом был вытянутый. И вряд

¹⁹ Реакция на шум за окном.

ли бы он весь рухнул от одной бомбы. Ну это я уже не знаю. Еще одна бомба упала во двор школы № 321. В этой школе я потом учился. Мы играли во дворе и не знали, что эта бомба, не взорвавшись, лежит в земле. Под ногами у нас. Ее нашли только в 52-м году. Эту бомбу. Когда школу закрыли на ремонт. Там меняли всякие эти трубы во дворе. И вот тогда ее нашли. И последняя бомба упала в дом № 22 по улице Правды и тоже разрушила... Там дом был большой, она разрушила один из его флигелей. Вот эта вот бомбежка – она в мою память врезалась очень здорово. Потом вот из дома 9 стали... Ну мы, конечно, бегали, смотрели туда. Самое интересное, что фасады домов уцелели. Кое-где даже стекла в окнах остались. А внутри все рухнуло. И если... По улице идешь – и не понять, что дом разрушенный. Тем более что потом взяли вот эти самые, где были вылетевшие стекла, это забили фанерой, раскрасили под стекло, и вообще незаметно, что этот дом не существует. Что этот дом мертвый. А вот во двор войдешь, и там такая косая осыпь, это вот как все рухнуло. Так вот через некоторое время из обломков этого дома в начале Свечного переулка... А наш дом как раз угловой – угол Большой Московской и Свечного переулка, – и вот в начале Свечного переулка начали строить баррикаду. Ну, конечно, мы мальчишки разве могли быть в стороне от этого? Мы помогали строить эту баррикаду, таскали эти куски, которые мы могли принести. Когда баррикаду построили, я принес на балкон к себе... А балкон был как раз вот над самой баррикадой на пятом этаже. Такой у нас длинный балкон. И вот я принес туда штук 5 камней и сложил на балконе, что если немцы будут штурмовать эту баррикаду, я буду оттуда сверху кидать на них камни. *(Смеется.)* Вот сейчас это вызывает только улыбку, а тогда ведь это было на полном серьезе. Ну камни остались неизрасходованными, к счастью. Так и пролежали там всю блокаду на балконе. И вот... Вот этот период – сентябрь-октябрь месяц – немцы все наращивали количество воздушных тревог, налетов. Бывало по десяти воздушных тревог за день. Это было очень утомительно. Не только морально, даже физически утомительно. Вот я, моя бабушка, хотя она была бойцом группы самозащиты, но все равно по сигналу воздушной тревоги мы должны были идти вниз. Она меня приводила туда. На ходу, значит, пр... Ой... Шла уже с противогазом... А потом, оставив меня там, она поднималась и где-то там дежурила. Так вот десять раз в течение дня – это, скажем, с нашего пятого этажа, а был еще и шестой этаж – опуститься туда-сюда, туда-сюда – это, конечно, было очень утомительно. Даже не говоря о том, как бьет зенитки и все такое прочее. Вот в этот период я испытал свой первый самый большой страх во время блокады. Это был где-то октябрь месяц уже... Но еще свет был. Электричество еще не отключали в городе. И вот была... Был один из таких дней, когда было много воздушных тревог, и мы возвращались после воздушной тревоги. Она была где-то в 9 или в 10 часов вечера. Возвращались. Я шел первым. По нашему коридору прошел к нашей комнате... А она... Вот интересная подробность. Вот мы уходили в бомбоубежище, я очень хорошо помню, что мы комнату на замок не закрывали. Мы не боялись, что за время воздушной тревоги какие-то воры заберутся. Вот не было этого.

Интервьюер: А входную дверь?

Информант: Входную дверь запирали. Но потом, позже, где-то, наверное, с ноября месяца, и ее перестали закрывать. Она не запиралась уже. Так вот я, значит, подхожу к своей двери. Открываю ее. Вхожу в темную комнату. Окна завешаны светонепроницаемыми шторами. А у нас комната была очень интересная. Она была площадью 28 метров, большая комната. И стена, которая выходила на Свечной переулок, она была практически вся стеклянная. Было одно широкое двухстворчатое окно, была дверь на балкон, широкая и высокая, и по бокам этой двери еще были два узких окна. Так что стекла было очень много. И потом, когда это стекло все вылетело от взрывных волн, нам, конечно, было очень тяжело забивать это все картоном да фанерой. Мы, конечно, тогда недобрым словом поминали

архитек... Вернее, не архитектора, а автора этого дома, кто его спроектировал. Так вот я вхожу, руку протягиваю в сторону выключателя, чтобы включить свет и не успел... Потому что вдруг я вижу, что комната озаряется каким-то оранжевым светом, таким неровным, дрожащим. И вот эти черные светонепроницаемые бумажные шторы из черной бумаги – они просветились вот этим каким-то оранжевым светом. Таким дрожащим. Причем я это долго говорю, а это все было моментально. Вдруг яркая вот такая вспышка – и вся комната освещается вот этим светом. Это было очень страшно. Я тогда так испугался, что даже некоторое время потом заикался. А что оказалось? У немецких бомбардировщиков были глушители на моторах. Вообще, глушитель – это штука, с одной стороны, хорошая, уменьшает звук гудения. Но она в то же время уменьшала и мощность мотора, поэтому при движении, вот когда они идут к городу, они глушители не включали, потому что самолет пойдет с меньшей скоростью: это невыгодно. А вот они могли на какой-то период, находясь над городом, вот включить эти глушители. Пусть самолет там будет медленнее кружить, но его будет почти не слышно. И вот в этот раз один бомбардировщик включил эти глушители и остался. Была пасмурная погода, и он остался за тучами. Остальные улетели. А он остался. И вот он, какое-то время выждав специально, когда люди вернутся из бомбоубежищ, он сыпанул бомбами. Причем сыпанул зажигательными бомбами. Зажигательные бомбы, они разные были. Разного калибра. Больше. Меньше. Потом они даже бросали бомбы зажигательные весом до 50 килограмм – термитные – это были очень страшные бомбы. Но были и маленькие бомбы. И вот для удобства их упаковки в самолете они часто бывали в ящиках. Ящик, и в нем рядами вот эти бомбы стоят. Ящик подвешивается под крыльями. У него там обтекатели. И в нужное время, значит, он, пилот, сбрасывает этот ящик, и ящик летит вниз. И на заданной высоте он весь раскрывается, и бомбы разлетаются. Это было сделано еще для того, чтобы... Иногда нужно было очень большую густоту попадания бомб, чтоб они не разлетались широко. А наоборот, вот где-то на небольшом участке поражение было. Причем у этого ящика часто... Их мы называли «Сундуками»... Потому что они потом падали... Эти... Помимо всего прочего, еще и это падает. У него еще были наделаны всякие сирены и свистки. Дополнительно. Поэтому он летел, он и при этом издавал всевозможные душераздирающие звуки. Казалось, что падает там вообще неизвестно что. Огромнейшая бомба – вот она поэтому так воеет. А вместо этого потом сыпятся на тебя зажигательные бомбы. Так вот, видно, на нас был сброшен такой же ящик. И половина бомб упала на наш дом. Какая-то часть упала в Свечной переулок. А оставшаяся часть упала на дом напротив нас через Свечной переулок. А тот дом был ниже, и наши окна выходили как раз на его крышу. И вот бомбы, упав на крышу, они все одновременно взорвались. Была яркая вспышка. И вот эта вспышка была настолько яркой, что она просветила даже вот эту черную светонепроницаемую бумагу. Вот такой был случай моего первого самого большого страха блокадного. Все бомбы были потушены, и на том доме, и на нашем доме были потушены. Какие-то потушены, какие-то сброшены вниз на мостовую, пусть там догорают – это не важно. В общем, дом сберегли. И мы даже видели потом вот огарок такой бомбы. Смотришь, думаешь: «Ну неужели вот такая маленькая вещь могла сжечь весь наш дом?» Потом там... Бомбоубежище было в самом подвале – там, где раньше дрова были. Дрова выбросили. Но, не... Надо сказать, что не со всех подвалов. В некоторых подвалах дрова так и остались. Вот, в частности, в нашем подвале дрова остались. А там был и красный уголок еще. Ведь раньше в каждом домоуправлении был красный уголок. И с квартплаты какой-то процент оставался в домоуправлении на культурную работу в этом красном уголке. И вот сейчас этот красный уголок и часть подвалов были превращены в бомбоубежище. А окна подвальные были закрыты большими такими щитами: деревянные и окованными железом. Так вот одна из бомб попала вот в этот щит. Пробила его и горела в этом щите, пока ее кто-то оттуда за хвост не выдернул, чтобы щит не сгорел. Берегли

щит. Вот так проходил вот этот самый сентябрь, октябрь месяц. Значит, бабушка у меня была в МПВО, в группе самозащиты. Дедушка работал на заводе «Красный рабочий». Завод эвакуировали, но дедушка отказался эвакуироваться. Сказал: «Никуда я отсюда не поеду». И остался. Его перевели в охрану территории завода. Он там был... Мама работала. Она бухгалтером была всю жизнь и работала бухгалтером. Папа был на фронте. Причем, интересно, папа у меня был, как называли тогда, «белобилетником», значит, непригодным к военной службе. Он был глухим на одно ухо с детства. Но его все равно забрали. Не сразу, но забрали. Отправили из города (по Дороге жизни он был вывезен) и в первом же бою во время атаки он взмахнул левой рукою, и в этот момент ему осколок впился как раз вот под руку и попал в сердце. Но он остался жив. Правда, он упал. После боя к нему подошли. Увидали, что вот лежит, видно, где рана. Кровь не очень течет. А знали, что, если в сердце попадет, какая-то такая примета была, что при попадании в сердце крови мало. Ну видят, что... Ну и решили, что он убит. Взяли его документы и послали нам похоронку. А потом пришла похоронная команда. Его пошевелили, а он застонал. Вот так похоронная команда его спасла. Его отправили в госпиталь. И потом уже, когда он в госпитале, как говорится, очухался, он тогда написал письмо. Но мы не поверили в это письмо. Было часто, что письмо... Письма приходили после похоронок. Так... Такое часто бывало, что разными путями почта идет. И... И только когда второе письмо получили, тогда уже поверили. И вот он долго пролежал в госпитале. Но самое интересное, что его и после этого оставили в армии. *(Смеется.)* Даже с осколком. Осколок у него остался в сердечной сумке. Врачи побоялись его удалять – ну как это из сердца удалять? Сказали ему: «Потерпите?» Он говорит: «Потерплю». И вот его оставили в армии. И он в армии был до 48-го года. Его даже и демобилизовали не сразу. Так что он вернулся еще после войны. И он довольно долго прожил после этого – до семидесяти с лишним лет вот так с осколком в сердце. Вот бывает вот такая судьба. Он был на учете на специальном. Все его всем показывали. Чуть что говорили: «Вот человек с осколком в сердце, а живет». Так вот жили мы вчетвером. Ну начался голод. И вот тут я должен сказать, что я, как и очень многие, считаю, что спасла меня мама. Очень многих спасли матери. И я так считаю, что вообще Ленинград... жизнь в Ленинграде была спасена именно женщинами. Потому что да, Дорога жизни, тем более что она сначала плохо действовала еще. Голод был. Очень сильный голод. Много погибло людей от голода. Бойцы, которые защищали город, могли удержать немцев, не пустить немцев в город, но могло ведь случиться такое, что они бы защищали мертвый город. Что там бы все умерли. И это могло бы быть, если бы не женщины. Вот самоотверженность женщин, их вот это умение наладить жизнь в таких условиях... Наверное, мужчины бы не смогли это сделать. А женщины смогли. Они смогли приспособить не только себя, но и свои семьи вот к этой жизни. Переходить на какие-то вот всевозможные немыслимые продукты питания, чтобы как-то спасти свою семью, своих детей. И им, конечно, нужно ставить самый большой памятник. Вот то, что сейчас поставили памятник женщинам МПВОшницам и фронтовичкам²⁰, это, конечно, не то. Это недостаточно. Так вот моя мама... Где-то в ноябре месяце она стала донором. У нас порядок был в распределении продуктов такой: всем поровну. Вот все, что в дом попадало, ровно на четыре равных части все делилось. И мне, девятилетке, и дедушке, которому шел пятьдесят четвертый год. Бабушка была ровесницей: ей тоже шел пятьдесят четвертый год. Все равно. Все, что вот могли доставать. То, что покупали на рынках там, продавали какие-то вещи, все это делилось ровно на четверых. Строго на четверых. И тут

²⁰ Речь идет о памятнике женщинам – бойцам МПВО, установленном на улице Кронверкской, д. 14, в 2002 году (скульптор Л. Н. Сморгон, архитектор И. Д. Матвеев). Подробнее об этом памятнике см. в статье О. Русиновой в наст. книге.

даже никакого разговора не могло быть. Искали, находили у себя какие-нибудь странные запасы, которые даже не могли представить, что это может послужить едой. Ну находили вот какие-то лекарственные масла. Там, скажем, были вот масла для загара, еще какое-то. Выясняли, из чего это масло. Каждый раз оказывалось, что это масло какое-то из пищевых продуктов. Не минеральное масло. И, значит, его пускали в еду. Однажды заглянув за часы, а у нас большие стенные часы, они до сих пор у меня еще, хоть не ходят, стоят в прямом смысле – и в прямом, и в переносном смысле. Но я не могу с ними расстаться. Заглянули за них в угол и обнаружили банку олифы. Железную банку олифы, наверное, на литр. А собирались перед началом войны... Собирались отремонтировать комнату. И вот олифу купили... Обои не успели купить. Почему-то купили олифу первую, чтобы разводить краску. И забыли про нее. И вот, обнаружив, страшно обрадовались, потому что дедушка ск... Дедушка сказал: «Это ж олифа какая – настоящая олифа, не какая-нибудь там синтетическая. Это настоящее растительное масло». Он стал объяснять, что вот как там варится и все такое прочее. И, конечно, все обрадовались раз так. Пища. А как ее использовать? И решили на ней просто-напросто жарить хлеб. Первый раз поджарили, осторожно попробовали – ну еще отравишься? Но такая вкуснятина оказалась, я когда ел, мне казалось почему-то, что вот этот поджаренный хлеб, он даже немножко отдает жареной рыбой. Но это было чисто субъективное. И вот так вот находили. Нашли эти гомеопатические лекарства – шарики вот эти самые сладкие. Ну кто-то болел, они оставались. Тут, конечно, все их тоже съели все эти шарики. Но все равно, все равно голодали. Особенно дедушка. Дедушка был высокий под два метра ростом, хотя он был сухощавый, но все равно такая фигура. Нужно было много пищи. И вот мама стала донором. Она рассказывала потом, что она, когда первый раз сдавала кровь, она полулежала в каком-то кресле, покрытая белой простыней, и смотрела, как в склянку из трубочки капля за каплей, капает ее кровь. Голова немножко кружилась, по телу разливалась слабость. Но мама улыбалась, потому что она думала о том, что вот эта кровь ее спасет жизнь какому-нибудь защитнику Ленинграда. Но еще больше ее радовало то, что она сегодня принесет домой паек, который полагался донорам за сдачу крови. Она принесла этот паек домой и сказала, что им на работе выдали вот такой подарок. Что это откуда-то на самолетах привезли, распределили им подарки. И, когда она раскрыла, меня больше всего поразило, что там была белая булка. Мы в это время получали уже 125 граммов хлеба! И какого хлеба! Получилось так, что мы все четверо были на 125 граммах. Потому что я был ребенок до 12 лет – у меня карточка была детская 125 граммов. А они все трое получали... Мама получала служащую карточку, дедушка получал служащую карточку, бабушка получала иждивенческую карточку. В общем, все по 125²¹. То есть 500 граммов в день на четверых. И какого хлеба? Еще рассказать, какой это был хлеб. И мы все этот хлеб... Вот хлеб делился точно на четверых... И мы резали этот хлеб на тоненькие кусочки и сушили его на буржуйке. Вы, наверное, уже знаете, что такое буржуйка? Вам, наверное, уже рассказывали, что это чудо времен Гражданской войны изобретенное, а сейчас о нем вспомнили. Маленькие печурочки железные, которые стояли где-то поблизости от печки. В тех домах, где были печки. Но труба от нее редко когда выводилась в печку. Наоборот, ее проводили через всю комнату и выводили в окошко. И вот эта труба висела под потолком. Потому что, когда печка топилась через трубу, шел горячий дым. Дым нагревал трубу, и, значит, труба на всем пути движения дыма, она тоже отдавала тепло. То есть максимальное

²¹ 125 граммов хлеба выдавались по карточкам служащим, детям и иждивенцам с 20 ноября 1941 года по 25 декабря 1941 года. См.: Постановление военного совета ленинградского фронта о снижении норм хлеба от 24 ноября 1941 года и Решение горисполкома об увеличении норм отпуска хлеба от 24 декабря 1941 года (Ленинград в осаде 1995:194,209).

использование вот этого дыма. Вот хлеб таким образом подсушивали, ведь главное было, чтобы он дольше жевался. Когда он во рту, и жуешь, жуешь, жуешь. Блокадных дней...

Блокадных будней откровенья,
Не заслонить забвенья мгле.
Какое это наслажденье –
Жевать обычный черный хлеб!
Да, не кусать и не глотать,
А лишь жевать, жевать, жевать.
Упиться сладостью ржаною,
Остатком жизненных щедрот
И дивной хлебною слюною
Наполнить весь голодный рот.
А чтобы хлеб жевался дольше,
Чтоб растянуть блаженства миг,
Мы режем ломтики потоньше
И на буржуйке сушим их²².

Вот одно из блокадных откровений. Так вот, представляете себе, что мы почувствовали... Что я почувствовал, увидав этот белый хлеб. Все, что принесла мама, конечно, тоже разделили поровну на четверых. Все. Мама сказала, что вот это подарки. Мы ели, благодарили кого-то, кто эти подарки собрал, кто привез их сюда. И не знали сначала, что мы должны... Кого в первую очередь благодарить за эти подарки. Ну потом мама все-таки проговорилась, и мы узнали, откуда она берет эти подарки. Она сдавала кровь раз в месяц. Можно было сдавать только один раз в месяц. Нов феврале 42-го года она умудрилась обмануть врачей в Институте переливания крови на 2-й Советской и сдать два раза. Вообще, вот, так сказать, здравый смысл не может себе представить, как может человек истощенный – все же были дистрофиками, и мама тоже болела дистрофией – да еще сдавать кровь? Как это можно? И вот люди шли на это. И вот, когда она после второй сдачи пришла домой, она сказала, что она шла два часа. Вот она от угла Невского и Литейного, где находился магазин, где выдавали вот как раз эти пайки, до нашего дома – а там полторы трамвайных остановки всего-навсего – вот она шла два часа. И очень боялась, что не дойдет. Упадет. Она так и говорила, что она больше всего на свете боялась, что она не сможет принести вот это нам. Что она не донесет до нас. Она не за себя боялась, она боялась, что она нам не принесет. И дедушка тогда сказал: «Так чего же ты не поела? Ведь ты же несла хлеб. Ну поела бы, у тебя и слабость прошла бы». А мама виновато улыбнулась и ответила, что ей это и в голову не пришло. «Как бы я могла есть одна, без вас?» А в марте месяце кровь у нее не пошла. Врач развел руками, велел медсестре налить маме сладкого чая, подождет немного: думали, может быть, от сладкого чая пойдет кровь. Все равно не пошла. Поэтому в марте месяце мама ничего не принесла. А 15 апреля в городе пошли трамваи. Они четыре месяца не ходили, город был парализован и транспортом совершенно... Люди пешком ходили за много-много километров на работу. И мама тоже далеко ходила на работу. А 15 апреля пошли трамваи. Но все это знали, об этом заранее сообщили. И в этот день умер дедушка.

²² Эти и другие, встречающиеся в этом интервью стихи, написаны самим информантом.

15 апреля в блокаде пошел трамвай.
Звонков разлетелись трели:
«Бодришь Ленинград, оживай!»
Всю зиму мы это ждали,
Валясь от голода с ног,
Бредя через город, мечтали
Услышать трамвайный звонок.
15 апреля, подняв маскировки край,
Мы с мамой в окно смотрели
И ждали первый трамвай.
Объяты тревожной мглою,
Шептали: «Ну где же он?»
И вот, заискрив дугою,
Проехал первый вагон.
Он ехал, гудя мотором,
На стыках рельсов стуча
С тем милым шумом, в котором
Живой Ленинград звучал.
Я радостью просто взорвался
И деда начал будить:
«Вставай, ведь ты собирался
Приятелей навестить.
Вчера ты мечтал, как встанешь
И тихо пойдешь на трамвай,
Назло дистрофии дотянешь.
Трамваи пошли. Вставай!»
Но он спал. Спокойно, без храпа,
Хотя и лежал на спине.
А мама вдруг крикнула: «Папа!»
Потом простонала: «Нет... Нет».
Погладила лоб его стылый,
Сказала: «Пусть спит. Не мешай.
Его уже смерть посадила
В свой черный трамвай».

Мы похоронили дедушку через день на Охтинском кладбище. Маме на работе сделали для дедушки из фанеры гроб. Привезли. Мы заказали автобус. Вот это тоже, между прочим, забывают, что в апреле месяце уже работали похоронные бюро²³. И у меня остался даже...

²³ Трест «Похоронное бюро» не прекращал своей работы в течение всего периода войны и блокады. В его ведение входило строительство моргов и контроль над захоронениями на городских кладбищах, а также транспортировка трупов людей из мест бомбардировок и артобстрелов. До декабря 1941 года трест удовлетворительно справлялся с поставленными задачами. В течение зимы 1941/42 года объем работ похоронного бюро резко увеличился. Рабочие треста не справлялись с вывозом и захоронением большого числа трупов. 16 марта 1942 года одна из печей первого кирпичного завода была приспособлена под кремацию, в результате массовые захоронения на кладбищах были прекращены, работа городского похоронного бюро стабилизировалась. Подробнее об этом см.: Из отчета городского управления предприятия коммунального обслуживания о работе за год войны с июня 1941 по июль 1942 г. раздел «Похоронное дело» (Ленинград в осаде 1995: 319–343).

Осталась квитанция вот на этот автобус. 17 апреля. Там что-то около 20 рублей стоимость автобуса на Охтинское кладбище. Дедушку там похоронили. Вернулись мы домой, и мама сразу же, не раздеваясь, легла на кровать. А я взял книгу. Решил почитать. Сел на диван напротив нее, но не читалось. Перед глазами стоял вот этот свеженасыпанный холмик дедушкиной могилы. И хотя к этому времени я уже очень много мертвых видел и на улицах, и на нашей лестнице. А вот в моей семье это был первый. И, должно быть, на меня тоже это здорово подействовало, потому что я вдруг спросил у мамы: «Мама, а дедушке там не холодно в могиле?» А мама ничего не ответила. Я тогда чуть погромче говорю: «Мам». Она тоже не ответила, и я тогда со страхом посмотрел на нее. Смотрю, лежит на спине, лицо серое, все черты лица заострившиеся. Все же были кожей обтянутые лица очень. Глаза закрыты, рот закрыт, и никакого дыхания не заметно. Я тогда перевел взгляд на грудь и вижу, что грудь тоже не шевелится. Я тогда вскочил с дивана, закричал: «Мама!» Бросился к ней. Должно быть, я как-то встряхнул кровать, когда вот так подскочил, потому что мамины веки открылись, но там не было никакого выражения. Это были неживые глаза, а я все продолжал повторять: «Мама. Мама. Мама. Мама». И потом вдруг я смотрю, в глазах появилось какое-то выражение. Глаза смотрели в потолок и точно не узнавали. А я, должно быть, все вот так автоматически продолжал повторять: «Мама. Мама. Мама», потому что глаза вдруг немного шевельнулись и перевели взгляд на меня. И тут вот в них уже появилось какое-то осмысленное выражение. Рот у мамы открылся, и раздался голос: ну не ее голос, какой-то чужой голос. И этим чужим голосом она вдруг спрашивает: «Колюша, что с тобой?» Услыхав ее голос, и тут мои нервы совсем не выдержали, я разрыдался и упал к ней на грудь. И чувствую на спине ее руку, она медленно гладит и спрашивает: «Да что с тобой, Коля?» И я сквозь слезы ей ответил: «Я думал, что тоже... Что ты тоже, как дедушка». Мне было страшно произнести: «Умерла». Я не сказал этого слова. Она помолчала, а потом сказала: «Мне кажется, что я уже действительно была там. И только твой крик вернул меня оттуда». Вот это был мой самый сильный страх за всю блокаду. Второй сильный страх, когда я больше всего испугался. А мама сказала: «Ну, если ты меня уже похоронил, значит, я уже не умру». И действительно, выжили мы. Но я забыл еще сказать о той единственной радости 41-го года, вот той зимы, которая была 25 декабря. Когда была первая прибавка хлеба²⁴. Вот это была абсолютно неожиданная... Каждое утро мама шла в булочную, чтобы там занять очередь и успеть получить хлеб. Вот и в это утро она тоже пошла. Я тоже проснулся и лежал, ждал, когда она вернется. Я знал, что вот она придет... Когда она придет, зажжем коптилку, растопим буржуйку и начнем хлеб сушить на ней. Вот тогда уже встаем все. А потом слышу – хлопнула входная дверь в квартиру. И мамины шаги, но какие-то такие быстрые, точно радостные. А потом ее голос. Вот она вошла в квартиру, и в потемке квартиры раздается ее голос – это она соседям кричала: «Вставайте скорее. Идите в булочную, хлеба прибавили». Потом открывается дверь, она входит в комнату и кричит: «Вставайте же, радость-то какая: хлеба прибавили». (Смеется.) А мы на нее смотрим и не верим в такую радость. Ну как в такое можно верить? А она кладет хлеб на стол, и мы видим: действительно, хлеб – почти в два раза больше паек-то стал. Потому что вместо 125 нам стали давать 200 граммов хлеба. Вот это была радость. Это начала действовать Дорога жизни. Вот так мы узнали о том, что она начала действовать. Поэтому, когда говорят, что вот кто-то узнал о том, что 22

²⁴ Информант не ошибся – первое повышение норм выдачи хлеба было принято Горисполкомом Ленинграда 24 декабря 1941 года. Поэтому уже nasledующий день, 25 декабря, рабочие получили 350 граммов, а служащие, дети и иждивенцы – по 200 граммов. Подробнее об этом см.: Решение Горисполкома об увеличении норм отпуска хлеба (Ленинград в осаде 1995: 209).

ноября начала действовать Дорога жизни²⁵ – это тоже... Это уже позднейшие наслоения на память. Она же была открыта и действовала сначала тоже в строжайшей тайне от немцев. Чтобы немцы как можно дольше не могли о ней узнать, об этой дороге. Вот так прошла зима, потом... Да... Вот перед тем как пошел трамвай, в городе была проведена потрясающая операция по расчистке города от снега и грязи, которая накопилась за зиму. Ведь улицы города что из себя представляли? Огромные сугробы снега. Вдоль домов протоптаны тропинки, которые к апрелю месяцу напоминали уже траншеи, – такие глубокие они были. В последней части улицы машинами прокатана вот колея. И все. И этот снег слежался, смерзся, в этом снегу часто были и мусор, и помои выбрасывали: ведь канализация же не работала, ничего не работало. Были там и покойники. В этом снегу находили, когда чистили. Так вот исполком горсовета издал распоряжение о том, чтобы все приняли участие в расчистке города. Каждый человек должен был отработать определенное количество часов на расчистке города. Те, кто работали, они должны были отработать после работы. Кто не работал – тоже должны были отработать. И вот каждому взрослому выдавался такой вот листочек – там стояли даты, и написано было: «Два часа. Два часа. Два часа». Каждый вот должен был отработать два часа. И вот каждый день работы там отмечался. Чья-то подпись стояла. Этот листочек у нас тоже сохранился. Мамин листочек этот. Ну и мы ребята тоже помогали, хотя нам листочков не давали. Нам необязательно два часа было... Ну как мы... Вот когда нашу Большую Московскую... Как мы помогали? Взрослые ломали, кто чем мог ломали этот самый слежавшийся в лед снег, а мы эти куски брали, грузили на свои детские саночки и отвозили к тому месту, где стояли машины. Вот в чем заключалась наша помощь. И вот тут я должен рассказать еще один случай. Вот то, что сделала моя мама, это, конечно, подвиг. Вот подвиг материнской самоотверженности. Ну кто-то может, наверное, сказать, что: «Ну так и должно быть. Ведь мать – она и есть мать. Она должна жертвовать своей жизнью ради детей». Ну вот я хочу рассказать о том, что такой же подвиг самоотверженности совершил мальчишка всего лишь на год старше меня. Он жил на нашей лестнице. Только мы жили на пятом этаже, а он жил между вторым и третьим этажом. У нас такая вот лестница была, что одни квартиры располагались на, так сказать, на круглых этажах, а другие вбок отходили, между этими этажами. Так вот он жил между вторым и третьим этажом. Я даже не помню его имени, потому что мы все звали его по-дворовому: «Вавила». У него дворовое было... Дворовое прозвище. И вот еще долго потом на лестнице под окном возле его квартиры было нацарапано... Кто-то нацарапал: «Вавила». Так вот память о нем оставалась долго. Обычный мальчишка ленинградского двора. Добрый. Очень добрый. Потому что... Вот у меня тоже в памяти сохранилось... Я-то в бомбоубежище каждый раз уходил, а он каким-то образом смог пробираться на чердак. Во время воздушной тревоги. Потом после воздушной тревоги он на крыше собирал осколки от зенитных снарядов и щедро с нами делился. Ну это было очень интересно. Вот эти осколки, которые падали от взрывов зенитных снарядов, такие зазубренные, бесформенные кусочки железа, обгорелые. Вот он с нами делился ими. А вот когда на наш дом упало много зажигательных бомб, он выпросил у кого-то потушенную зажигательную бомбу, наполовину сгоревшую, и тоже ее показывал нам. Мы все смотрели тогда на нее, а он говорил: «Ты не только смотри. Ты послушай». И вот мы подносили ухо и слышали, внутри этого огарка что-то шипит, потрескивает. И каждый хотел скорее отбросить ее от себя: вдруг она сейчас

²⁵ Дорога жизни, соединявшая блокированный Ленинград с «большой землей» по льду Ладожского озера, начала действовать еще 23 ноября 1941 года, когда этим путем в город были доставлены первые 800 тонн муки. Однако в полном объеме дорога начала работать лишь в декабре 1941 года, что отразилось на нормах выдачи хлеба жителям города, – они были увеличены (об этом см.: Очерки истории Ленинграда V: 228).

взорвется? А он смеялся и говорил: «Да не бойся. Это шипит фашистская змея, а жало у нее уже вырвано». Это потом я уже узнал, что вот тот химический состав горючий, который вызывает температуру горения несколько тысяч градусов, он потом очень медленно остывает. Бомба вот она погашена, а остывают внутренности медленно-медленно. Долго. И вот это остывание, оно сопровождается как раз вот – то ли кристаллизуется там, то ли что – в результате вот такие звуки она издает. И вот этот Вавила в январе месяце 42-го года пропал. Об этом мне сказала, когда мы встретились на лестнице, его сестра Тамара. Она была ровесницей моей. Я, конечно, удивился. Спрашиваю: «Как пропал?» Она говорит: «Пошел в булочную и не вернулся. Ни хлеба, ни карточек». Я, конечно, говорю: мол, вы его искали? В милицию-то сообщали? Она говорит: «Искали. Все равно не нашли. Ни карточек теперь, ни хлеба». Это было страшно. Это была трагедия – остаться без карточек. А нашли мы Вавилу вот как раз, когда чистили этот снег – лед с Большой Московской улицы. Его нашли в сугробе. Он лежал на боку, прижимая к груди матерчатую сумку с хлебным пайком. А в кулаке были зажаты хлебные карточки. И мы поняли, что с ним произошло. Наверное, когда он возвращался из булочной, он почувствовал слабость, может быть, голова закружилась – это часто бывало с дистрофиками. В таком случае люди обычно присаживались и ждали, как пройдет эта слабость. Вот и он, наверное, тоже это почувствовал, присел на откос сугроба, а потом то ли потерял сознание, то ли уснул. Наверное, упал. И его занесло снегом. И все. Когда сумку раскрыли, вытащили этот хлеб, увидели, что он уже стал черным, как деревяшка такая. Но не заплесневел. Там, очевидно, в нем нечему было плесневеть просто. В том хлебе. Но что нас поразило, всех, это то, что вот на этом хлебном пайке сверху был прилеплен маленький довесочек хлеба. И вот, глядя на этот довесочек, каждый, наверное, подумал, что ведь, если бы Вавила съел этот довесочек хлеба, он бы, может быть, и не умер бы. Но он не мог себе этого позволить. Он знал, что вот он принесет хлеба и весь хлеб разделят на троих. И этот довесочек тоже разделят. И если бы он съел этот довесочек, он бы объел мать и сестру. И вот голодный, умирающий Вавила не смог себе этого позволить. Хлеб мы отдали Тамаре – его можно было размочить и съесть, а Вавилу так и похоронили с хлебными карточками в кулаке. И вот этот одиннадцатилетний мальчишка – ему еще не было даже 11 лет, шел одиннадцатый год – для меня так и остался символом вот мужества ленинградцев. Мужества и самоотверженности. Вот этого ощущения долга перед... Не только перед своей семьей, но перед всем городом. Вот это, очевидно, и помогло Ленинграду выстоять. Вот это главное. Вот это единение, вот эта самоотверженность, вот эта взаимная поддержка друг друга. Я помню, вот на нашей лестнице на третьем этаже жила девочка. Она переехала к нам с Охты. Их дом был деревянный, его разобрали на дрова, а ее переселили к нам. Ее семью. Ну и как-то так получилось, что мы подружились. Ну какая там дружба? Она на год была младше меня, но, во дворе когда мы были, играли, как-то так оказывалось, что она была рядом со мною. Так вот, однажды встретивши... Когда мы встретились на лестнице... Мы говорили мало в то время. Лестница темная. Все были закутанные, и узнать друг друга тяжело было, но она меня спросила: «Коля, это ты?» Я говорю: «Я». Она тогда протянула руку и сунула в мою руку сухарик. Маленький сухарик. Представляете себе, что это значит – поделиться сухариком? Наверное, вот также разрезанный, высушенный не буржуйках кусочек хлеба. Вот она мне его подарила. А потом после войны она мне рассказывала, что она потихоньку, чтоб никто не слышал, у нее дома пела, адресуясь мне, песенку Дженни из «Острова сокровищ»²⁶.

Я на подвиг тебя провожала,

²⁶ Художественный фильм «Остров сокровищ» (реж. В. Вайншток, «Союздетфильм», 1937).

Над страной гремела гроза,
Я тебя провожала,
Но слезы сдержала,
И были сухими глаза.
Ты в жаркое дело
Спокойно и смело
Иди, не боясь ничего.
Если ранили друга,
Сумеет подруга,
Врагам отомстить за него.

Ну вот такая судьба. Потом жизнь нас развела, и осталась только память вот об этой блокадной дружбе. Правда, к сожалению, жизнь с ней потом обошлась тяжело. Уже во взрослом возрасте в 70-х годах ее сбил мотоцикл насмерть. Вот так она кончила. Вот так проходила эта самая страшная зима. А потом... Потом под весну, когда уже совсем потеплело, когда пошли трамваи, когда снега, ни льда не стало, когда полезла первая зелень – вот тут все вспомнили о том, что мы в некотором роде травоядные. Значит, травку можно в еду пустить. Все, конечно, в первую очередь подумали о щавеле или щавеле – как правильно, не знаю, ударение. Сели на трамвай и поехали на окраины, забыв о том, что щавель-то – это не первая травка отнюдь. Тогда вспомнили о крапиве, что крапиву тоже можно, с нее можно щи варить и все. Ну крапивы еще не было. А первой вылезла лебеда. Она вылезла не только на окраинах, но и в городе. Где-то какие-то свалочки были – вот она там полезла. И тут бабушки, которые помнили голод 20-х годов, сказали: «А лебеду тоже можно есть». И мы стали эту лебеду потреблять в пищу. А, действительно, ее... Из нее можно было сварить зеленые щи, вернее, зеленый суп. Он был не очень зеленый, не то что, скажем, из крапивы или из щавеля, но как-то такой зеленоватый цвет появлялся. А вот если пропустить ее через мясорубку и если в эту в зеленую кашу что-то такое добавить типа муки или хотя бы крошек каких-то, то можно было поджарить, и были... Были лепешки. Были и котлеты – называй как хочешь. Которые тоже были очень вкусные. И, конечно, эта лебеда очень многих поддержала и, может быть, даже тоже спасла. Потому что, хотя нормы и хлеба, и продуктов были уже увеличены к весне, но вот чем дистрофия страшная, что... Есть три стадии дистрофии. И если человек заболел последней стадией – это уже неизлечимая стадия дистрофии. В организме уже необратимые нарушения, и, что ты не давай, как не корми, какие лекарства не давай – все. Организм истощен необратимо. Он не может уже. Поэтому даже и очень многие те, кто были эвакуированы из города, попав в хорошие условия, они все равно погибали от дистрофии.

Вот поэтому вдоль всех дорог, по которым вывозили из Ленинграда дистрофиков, остались могилы тех, кто погибал по дороге. И там, куда их привозили, иногда очень далеко, за тысячи километров от города, есть кладбища, которые называют либо «блокадными кладбищами», либо их даже «филиалами Пискаревки» их называют. И вот, по самым скромным подсчетам, говорят, что таких не меньше 200 тысяч²⁷. Тех, кто не погиб в Ленинграде, но

²⁷ К сожалению, точное число ленинградцев, погибших в процессе эвакуации из города, до сих пор не установлено. Однако о тяжелых условиях, в которых она производилась, можно узнать и из рассказов блокадников, переживших эвакуацию, и из отчетов о работе начальников эвакуационных пунктов. Так, в документах зафиксировано, что только за три месяца 1942 года на трех эвакуационных пунктах умерло 2200 человек. См.: Краткий отчет о работе медико-санитарной части эвакуационных пунктов Ленинград Финляндский – Жихарево – Лаврово за январь-апрель 1942 года (Ленинград в осаде 1995: 309–310). А по подсчетам М.И. Фролова, за все время эвакуации из Ленинграда только в Вологодской и Ярославской областях, основных регионах, через которые производилась эвакуация населения, умерло 15 000 человек (Фролов 2001: 97).

дистрофия достала их там все равно. Ну вот можно вспомнить Таню Савичеву²⁸ – ее же вывезли в Горьковскую область, за нее... За ее жизнь боролись там, лечили, а она все-таки умерла. Вот и тут также дистрофия весною еще добивала очень многих. Но, тем не менее весною нас собрали в школы. Сказали, что будут занятия. Это было в мае месяце. Но, оказалось, что не в трехсотую школу я должен был идти, а сначала привели в какой-то институт на Кузнечном переулке. Пришли мы туда, все еще пришли в зимних пальто, хотя май месяц был, все укутанные. Вот наш второй класс туда пришел. Огромнейшая аудитория, да еще вот такие, амфитеатром. И мы там потерялись просто. Нас и не видно в этой аудитории. *(Смеется.)* И вот несколько дней мы там пробыли, потом сказали: «Нет. Это не годится». И нас перевели в школу на Разъезжей улице. Вот я не помню номер: то ли 299, то ли 294. Странная, конечно, школа. Школа, которая занимала, по-моему, все шестиэтажное здание. Неудобное, конечно, очень здание для школы. И вот я помню эти занятия. Это, конечно, были не занятия. Это было нужно, во-первых, собрать детей, выяснить, сколько же осталось их. Часть была эвакуирована, часть погибла. Вот нужно было выяснить, сколько детей. Во-вторых, и это, наверное, это было главное, нужно было их встряхнуть от этой страшной зимы. Ну кто-то был в лучшем состоянии, кто-то в очень таком вялом состоянии. И вот я помню, какие занятия у нас были, у нас были уроки чтения, пения, рисования. Арифметики не было. Письма не было. Ничего не было. Вот только три этих урока. В основном чтение и пение. Пели все самые любимые песни, чтобы ребята немножко распелись, вспомнили, как это делается. И читали. А читали, конечно, книжки про войну. Или самые лучшие детские книжки. Читала в основном учительница и те, кто хорошо читал. Ну я тоже хорошо читал, поэтому мне часто поручали читать. Ну это было недолго. Потому что в июне месяце занятия прекратились. Все. Вот. А в июне месяце, поскольку стало ясно, что весною Ленинград от блокады не избавили, стали думать уже о новой зиме. Хотя надеялись, что летом будет проведена операция по деблокированию и так далее. И это действительно было, делалось²⁹. Но они ни к чему не привели, увы. Успеха не добились. Но задумались о том, что надо город обеспечить овощами. И вот в городе во всех парках и садах стали рыть грядки и сажать овощи. В центральных районах, где было очень мало садов, там стали выковыривать булыжник мощный и копать грядки. Дескать, потом снова замостим. И даже вот вокруг Исаакиевского собора на Исаакиевской площади, там тоже были грядки. И вот в кинохронике есть кадры, вид – должно быть, кинооператор присел низко, и у него вид на Исаакиевский собор через кочаны с капустою. И в этот же кадр попал, что неподалеку стоит зенитная пушка, вот такая типичная картина блокадного Ленинграда. И у мамы на работе... Ну, как и от многих других предприятий, решили организовать подсобные хозяйства. Тогда это был другой смысл у этого слова. Это была разновидность совхоза. Просто «совхоз» – это «советское

²⁸ Таня Савичева – ленинградская девочка, ставшая известной на весь мир благодаря своему дневнику, который она вела в блокадном городе. Дневник Тани Савичевой – записная книжка с лаконичными записями дат смерти членов ее семьи – был привлечен в качестве обвинительного документа на Нюрнбергском процессе (20 ноября 1945-го – 1 октября 1946 года). Дневник вошел в экспозицию Пискаревского мемориала, он стал также основной темой одного из памятников в Алее Дружбы, дополнившей мемориальный комплекс «Цветок жизни» (1968 год).

Там были установлены восемь бетонных плит с текстом дневника Тани Савичевой. Авторы памятника – А. Левенков и П. Мельников. Сама Таня была эвакуирована из Ленинграда в августе 1942 года в Горьковскую область, где и умерла 1 июля 1944 года.

²⁹ Действительно, еще в декабре 1942 года Ставкой был разработан план по деблокированию Ленинграда, в результате которого Ленинградский и Волховский фронты должны были объединиться и начать массированное наступление в районе Любани. Однако план реализован не был. Результатом операции стало окружение и разгром 25 июня 1942 года второй ударной армии (см.: Очерки истории Ленинграда V: 289).

хозяйство», расшифровывалось это. А подсобное хозяйство, оно принадлежало какому-нибудь предприятию. То есть им отводилась земля, дома давались где-то в пригородах города. А пригородов у нас ведь всего два было тогда – Парголово и Всеволожский район. Вот здесь на Карельском перешейке. Теперь Парголово нет, он вошел в город. А тогда был Парголово район еще. И вот там некоторые деревни прямо отвели под подсобные хозяйства. И вот с маминой работы то же самое – дали деревню Дранишники и сказали: «Вот там организуете подсобное хозяйство». Деревня Дранишники – три километра за Осиновой рощей по Приозерскому шоссе. И мама поехала туда и забрала меня с собой. И вот я очень хорошо помню, это июнь месяц, все еще ходят все равно как сонные мухи. Радуются тому, что уже тепло. Это, конечно, хорошо. Нас погрузили в полуторку, в кузов. И мне показалось, что везли что-то очень долго-долго. И вот от этой дороги, от свежего воздуха, от тряски мы все ослабели, кто сидели там. И вот приехали в эти Дранишники, кто-то подошел, борт откинули, сказали: «Ну слезайте». И никто не слезает. Ни у кого нет сил вылезать. Тогда какой-то дяденька, потом выяснилось, что это был директор как раз подсобного хозяйства, который раньше приехал. Меня, значит, берет – я крайний был – на руки, поставил на землю, а я ног не чувствую. Он меня ставит на землю, а у меня ноги не держат, и я на бок. Он меня поднял, поставил, говорит: «Стой». А я опять на бок. Он говорит: «Ты чего?» Я говорю: «А у меня, кажется, ног нету. Я их не чувствую». Он посмотрел на меня, на других, махнул рукой и говорит: «Ай, везите их скорее в столовую. Надо с этого начинать». И вот нас привезли в столовую и каждому дали по тарелке каши. Тогда мне это показалась огромная тарелка, хотя я скоро сообразил, что тарелка-то большая, но мелкая, и каша просто размазана по доньшку. *(Смеется.)* Как лиса журавлю размазала. Но все равно это была каша, вкусная-превкусная каша. Как я потом узнал, это была каша из солодового ячменя. Это вот когда варят пиво – там ячмень проращивают каким-то... Специальной технологией, образуется солод, из которого варят пиво. А вот этот проросший ячмень – его не выбрасывают, а складывают на корм свиньям или коровам. И вот на пиво... У нас же несколько пивзаводов было до войны тоже. И вот на каком-то пивзаводе обнаружили эти залежи. И вот в подсобное хозяйство тоже дали – вот из этого сварили кашу. Она сладкая-пресладкая, потому что ячмень проросший, действительно, становится очень сладким. Вот это было первое впечатление от подсобного хозяйства. Потом нас развели по домам, дали один день обжиться, прийти в себя. И вот я хорошо тоже запомнил вот этот первый день: я выхожу из дома, смотрю – зеленый луг и он весь красноватый почему-то. У меня первая мысль была: земляника, кажется. Я бросаюсь туда и смотрю: нет, это щавель, и он красным цветет. Я так обрадовался: щавель! Сколько его! *(Смеется.)* Я тут же набрал щавель. Мама куда-то ушла. А я нашел кастрюлю и вот с этого щавеля варю зеленые щи. Но это был не щавель, это был щавелек – разновидность щавеля. А он отличается тем, что у него маленькие листья и такая вот палка торчит, и эта палка еще цветет наверху. А я все – вместе с палками, со всем. И, когда это сварилось, листьев что-то не найти: одни палки там, больше ничего. Вот я так выяснил, что такое щавелек. А потом разделили на бригады. Я, конечно, попал в мамину бригаду и с маминной бригадой начал работать. В чем заключалась моя работа? Там они работали на каком-то поле сначала. И на этом поле нужно было чего-то сажать. Я уже не помню. Но моя обязанность была костер разжечь. Пусть он горит. Поддерживать огонь. Варить... Кипятить чайник, чтобы все время был горячий чай, потому что все хотели время от времени вот попить чайку. Пусть пустого.

А потом, когда они начали копать землю, они вдруг начали находить прошлогоднюю картошку. И тогда в мою обязанность вошло варить эту картошку. Нашелся котелок, и вот варили эту картошку. Потом сажали меня помощником тракториста. Ездил я на тракторе. В общем, такой был... Работа. Но самое интересное было, когда пришел бухгалтер и стал всех

оформлять. Он пришел прямо на поле, чтобы оформить без отрыва от работы людей. Или боялись, что потом после работы они не смогут в контору дойти усталые. В общем, короче говоря, он пришел, стал там оформлять. Дошел до меня, спрашивает: «Тебе сколько лет?» Я говорю: «Девять». Он говорит: «Слушай, – говорит, – а что же мне с тобой делать? Я же не могу тебя занести в списки рабочих. Ведь, если я тебя запишу, я тебе должен давать рабочую карточку. А я тебя не имею права принять на работу. Тебе же нет еще даже и десяти лет. Ты же получаешь детскую карточку. Это будет нарушение всех законов». Вот я так и остался незарегистрированный. Но я попал в списки. И по этим спискам я проходил как: «М-ва³⁰ с сыном». Так вот. Безымянно. «С сыном». А потом мы попали на турнепсовое поле. Привели нас на огромное поле, и агроном говорит: «Вот тут мы будем выращивать турнепс. Вернее, вы будете выращивать турнепс». А никто не знает, что это такое. Стали спрашивать. «А, когда вырастет, увидите. Вот ваша задача: видите, поле вспахано, вы будете делать бороздки. В эти бороздки будете сыпать семя, а потом эти бороздки закрывать». Показывает. «Вот, – говорит, – видите? Вот это вот семена. Мы, правда, не знаем, хорошие это или плохие. На всхожесть их никто не проверял, поэтому сыпьте больше. Не жалейте». Ну мы так и стали делать. Стали так делать. А поле огромное. Я сначала думал, что мне маленькому казалось, оно огромное. Я потом туда, конечно, не раз ездил в эти Дранишники, и, когда я приходил на это поле, я поражался: «Как мы могли это огромное поле обработать?» Оно было в длину наверняка больше километра. И вот мы идем по этому полю и сыпем, сыпем, сыпем и, когда дошли до конца, вернулись назад к началу – а тут турнепс уже пророс. Смотрим, вылезли листья. Так густо-густо. И кто-то опытный говорит: «Смотрите, – говорит, – это похоже то ли на репу, то ли на брюкву». А агроном увидал, как взошло, и говорит: «Что ж вы наделали? Так густо насеяли. Смотрите, он же сам себя задушит». А ему, конечно, говорят: «Так ведь сам говорил: „Сыпьте гуще“». «Ладно, – говорит, – придется прореживать». – «А это еще что такое?» «А это, – говорит, – лишнее все выдергивать». – «А что лишнее?» – «А вот что. Между двумя соседними растениями в одной борозде должен быть палец». И показывает свой толстый палец. Он говорит: «Вы суньте в землю палец между двумя кустиками, все остальное долой». Он бы хотя посмотрел на наши пальцы тоненькие. Ну раз он сказал палец, значит, мы палец. И суем тоненький свой пальчик, а надо бы, наверное, было два или три пальца. То есть наших пальца, чтобы с его сравнить. Стали выдергивать. Когда выдернули, смотрим, там такой длинный беленький тоненький хвостик. Как крысиный все равно. И кто-то из опытных опять говорит: «А ведь это похоже на сельдерей». Ну, что такое сельдерей, все знали уже. Сельдерей в суп кладут, а может быть, с этого тоже суп получится? Попробовали – так получилось очень вкусно. И тогда вот все, что мы стали выдергивать, стали складывать в ящики, отправлять в Ленинград, чтобы здесь варили тоже с этого суп. И вот так мы все лето проработали на этом поле. До того конца дойдем, назад возвращаемся, а тут он опять разросся, опять ему тесно. Опять лишнее надо выдергивать. А он все толще делается. Уже видно, что он кожурою покрыт. Решили попробовать сырой. Вымыли. Кожура так хорошо сдирается с него, как все равно кожа с банана. А внутри что-то белое, сочное. Попробовали – даже сладковатое. Мы так и стали называть блокадным бананом это. А он все рос, рос, рос. И вот к концу лета некоторые турнепсины были больше трех килограммов весом. И начинаешь дергать и не выдернуть ее из земли. Ботва обрывается, приходится ее разрывать, чтобы вытащить. И вот как-то мы работали на турнепсе на этом и... А деревня, она была со всех сторон окружена лесом, и из-за леса вылетел самолет – и прямо к нам. Мы ему еще руками помахали. Знали, что в Левашове

³⁰ В тексте указана фамилия матери.

аэродром – думали с этого аэродрома. А он сделал круг, опять к нам вернулся и из пулеметов по нам. Только тут мы разглядели у него кресты на крыльях. Хотели бежать кто куда, но кто-то из взрослых кричит: «Куда?! Ложись в турнепс!» А у него действительно ботва здоровенная. И вот мы нырнули в эти самые борозды между турнепсом. А он, самолет, еще два раза над нами прошел, прострочил. Но вот повезло: никого из нас не задело. Но зато турнепсины многие оказались побиты. Подходишь, смотришь, ботва завявшая. Чуть потянешь – выдергивается и пулею разбито. Вот так все лето это я проработал. К концу лета... Я там был не один из школьников. И вот нам сказали о том, что занятия начнутся 15 октября в школах. Ну и мы до 15 октября работали. А когда я в школу пришел, в трехсотую, оказалось, что 15 октября занятия должны начаться для старшеклассников. А младшие, второй класс, они начали 1 сентября. Получилось, что у меня вся первая четверть оказалась пропущенной. И тут еще почему-то я вдруг разболелся. Как-то у меня блокада вывернулась очень странно на мне. Эта дистрофия одновременно и на сердце, и на желудок. И что врачи не делали... Даже мама боялась, что я умру. Лекарства дают, а я все слабею и слабею. Слабею и слабею. И ничего не помогает. И температуры нету. И вот так проболел я до марта месяца. До середины марта месяца. Потом уже врачи сказали о том, что у меня осложнение на левый желудочек сердца. Я говорю: «Так сколько же у меня желудков? Я думал, что у меня один желудок, оказывается, не один желудок?» А врачиха говорит: «Да, вот видишь, не один, и все почему-то у тебя оказались подпорчены». Вот так у меня оказался этот год учебный проваленным. Поздно уже было идти. Второй класс у меня провалился. А лето – опять в те же самые Дранишники. Может, хватит рассказывать? Я же говорю, рассказывать можно очень долго.

Интервьюер: Ну, если вы не устали. Ну, в принципе, мы можем еще раз встретиться.

Информант: Нет, я могу. Так он пишет вообще-то?

Интервьюер: Да, пишет.

Информант: Значит, вернулись опять в Дранишники. Вернулись в те же Дранишники. Ну на этот раз меня взяли не в полевую бригаду, а вот директор подсобного хозяйства, он, значит, учел свою ошибку прошлого лета... Потому что у многих были дети, кто приехал. И дети эти были все безнадзорные. И он решил устроить «очаг». Перед войной же назывался не «детский сад», а «очаги» были. «Детский очаг». И вот он решил тоже устроить такой «детский очаг» – собрать в него всех ребят тех, которые не работают в бригадах, чтобы матерям было спокойнее. А меня в этот самый... Тоже направили в этот самый «очаг», хотя я сопротивлялся. Я говорил, что я уже не маленький, мне уже десять лет в этом году будет. То есть уже исполнилось десять лет, в этом году одиннадцать будет. 43-й год это уже. Ну он говорит: «Ты там будешь не как маленький, а ты там будешь помощником воспитателей». А там весь штат этого «детского очага» составляли два человека: повариха и воспитатель. И повариха была непрофессиональная, а уж воспитатель тем более. Просто двум женщинам поручили вот туда и все. А я им должен был помогать по хозяйству. А в обязанности по хозяйству входило... Я должен был, значит, снабжать водою, потому что колодец был в стороне от этого дома, который отвели, и нужно было подвозить воду туда. В бочке водовозной. И нужно было дрова для плиты. А для дров нужно было идти в лес, найти там какое-нибудь сухое упавшее дерево, потом взять телегу и с помощью взрослых привезти это дерево. Тут его распилить, расколоть и так до следующего. Вот такие были мои обязанности. Линия фронта была недалеко, и в лесу было очень много наших военных. Потому что их периодически отводили с линии фронта на отдых и пополнение. Другие части там находились. И вот мы знали, все ребята, кто были в Дранишниках, где в лесу стоят пехотинцы, где артиллеристы, где саперы, танкисты. Мы ходили к ним в гости, конечно. А они всегда нас принимали очень хорошо, потому что все знали, каково ребятам в Ленинграде достается. Ну и хотя их самих не шибко хорошо кормили, но они

старались нас тоже чем-нибудь угостить. Подстригали нас. Потому что в Дранишниках парикмахера не было, мы обрастали. А тогда всех стригли под машинку наголо. И мальчиков, и девочек – всех, чтобы вши не завелись. Но самое главное для мальчишек, что нам давали пострелять. Из всех видов оружия я попробовал тогда пострелять, и больше всего мне нравилось стрелять из автомата. Я за двадцать шагов попадал в спичечный коробок. Вот. Совсем рядом с нашим «очагом» у опушки леса стоял прожекторный взвод. Там каждый вечер включали прожектор, вот он опробует, как он работает. Потом его гасили до наступления воздушной тревоги. А в воздушную тревогу он тоже начинал шуровать по небу. И нас, я помню, что все время предупреждали: «Вы только не смотрите в нашу сторону, когда мы включаем прожектор. Мало ли мы его низко опустим, можем ослепить вас». И вот как-то я отправился поискать дров. Это был август месяц уже. Начало августа 43-го года. И в лесу я встретил двух военных, которые мне чем-то не понравились. Ну до сих пор не знаю, в чем дело было, что меня насторожило в этих двух. Вроде, форма была наша. Тогда уже с погонами были. Но видно то, что я каждый день почти был с нашими военными, что-то в этих двух меня все-таки насторожило. И у меня первой мыслью было, что это немецкие шпионы. Надо бежать и предупредить. Ближайшим был взвод прожектористов, значит, надо бежать к ним, поднять тревогу. А нам часто говорили, что, если только увидите в деревне чужих людей (ну там все друг друга знали), сразу же сообщайте: это могут быть немецкие шпионы. А потом я подумал: «Ну хорошо. Может быть, это никакие не шпионы. Может, мне только показалось. Прибегу я, подниму тревогу, их задержат, проверят документы – все нормально. А надо мной смеяться потом будут». И я решил убедиться, наши это или не наши. Как? Последить за ними. Они тоже шли в лес. И я обежал вокруг них, потом обежал... Круг сделал, зашел к ним в тыл и пошел сзади, но не по дороге, а держась за кустами, чтобы они меня не видали. С одной стороны, мне хотелось быть подальше от них, чтобы они меня не видели, а с другой стороны, хотелось быть поближе, подслушать, о чем они говорят. Если бы я услышал, что они говорят по-немецки, я бы, конечно, сразу побежал. А беда в том, что они говорили в полголоса, и я никак не мог понять, на каком языке они говорят. Потом они вдруг сели оба на большой пенек, из полевой сумки достали карту и стали карту разглядывать. Вот это меня насторожило еще больше. Потому что, если они из этого леса, что им на карте искать, они и так его знают. Значит, это чужие. Убрали карту они, пошли дальше по дороге. Я опять за ними. Потом эта дорога пересеклась другой лесной дорогой, вот тут они сели на травяной пригорок, достали опять какие-то бумаги, что-то опять начали рассматривать. Я стал думать, как бы к ним поближе подобраться. А по другую сторону дороги росли кусты. И я знал, что за этими кустами яма. Старая яма. Должно быть когда-то лес горел, и, наверное, песок копали и тушили пожар. И вот я решил забраться в эту яму, чтобы из ямы за ними наблюдать. Забрался в эту яму, но яма оказалась чересчур глубокой. (Смеется.) И мне никак не было видно их. Тогда я вылез из ямы и уселся на корточки между ямой и кустами. Кусты как раз по краю ямы росли, вот я тут и уселся. И вот теперь сквозь листья мне их было хорошо видно. Они были совсем недалеко на той стороне дороги. И я бы услышал, о чем они говорят, если бы в этот момент не послышался шум летящего самолета. Он летел совсем низко над лесом, я понял, что за самолет летит. Летел У-2 с Левашовского аэродрома, и самолет-то небольшой, но, когда он низко летит, он же все заглушает своим мотором. И надо же ему было пролетать вот прямо над нами! И пока я возмущался, что он летит над нами, в этот момент один из этих двух выхватил пистолет и несколько раз выстрелил в меня в упор. То есть он выстрелил по кустам. И эти выстрелы прямо мне в лицо прогремели. Потом я почувствовал, что меня что-то ударило по ноге, и я свалился назад в эту яму и остался лежать на спине, все также прижимая колени к груди. И я почувствовал, что чего-то очень теплое течет на мою рубашку, на грудь. И я понял, что то, что меня ударило по ноге, это была

пуля, которая ранила меня в ногу, и, значит, это из раны течет кровь. Но я лежал все равно, закрыв глаза, потому что понимал, что они наверняка захотят посмотреть на меня. А они, должно быть, давно уже заметили, что я за ними слежу, и искали только удобного момента, чтобы от меня избавиться. И вот они тоже поняли, что за этим шумом мотора никто не услышит выстрелов. И выстрелили в меня в упор. И потом, когда они... Я услышал, вернее, что зашелестели листья: это они глядели на меня в яму. Они, должно быть, увидали, лежит мальчишка на спине, и вся грудь залита кровью. И успокоенные они ушли. А я еще некоторое время лежал, боясь открыть глаза, потом решил: «Наверное, они уже ушли». Открыл глаза и увидел перед своим носом свою собственную коленку. Это было ужасное зрелище. Пуля распоролла все ткани до самой кости. Вот она прошла наискосок по коленке и распоролла. И все это вот так взяло и раскрылось. И вот я вижу что-то красное, что-то желтое, что-то белое, и оттуда кровь течет. И, должно быть, вид этот был такой страшный, что наступил какой-то шок. И кровь даже перестала идти. И я когда это увидел, думаю: ну все. Вот тут я испугался, но испугался не за себя, испугался за то, что с такой раненой коленкой я теперь не смогу предупредить никого и они уйдут. Вот эти двое. Теперь уже было ясно, что это были действительно шпионы. Что же делать? Я попробовал пошевелить ногою – как резануло болью, и сразу же кровь полилась.

Интервьюер: А до этого вы не чувствовали боли?

Информант: А до этого какой-то не было, да. Вот был вот удар просто и все. Но мне... Я обрадовался тому, что нога все-таки у меня пошевелилась. Значит, я могу ее сгибать. Значит, надо было как можно скорее перевязать ногу. А чем перевязывать? Только этой рубашкой. Все равно она уже окровавленная. Я ее снял, обмотал вокруг коленки, огляделся. Смотрю на дне ямы много палок, старых сучьев лежит. Вот я выбрал что-то вроде костылей и с их помощью выбрался из ямы. А вот дальше, вот это я все помню до мельчайших подробностей, а дальше вдруг наступил какой-то, как провал все равно. Там только отдельные вот такие вот воспоминания: то я иду, опираясь на костыли, то почему-то ползу на коленках. Я потом удивлялся, думаю: ну почему же я полз? Ведь на коленке ползти... На раненой коленке – ведь это ж так больно должно быть. Потом еще одно воспоминание: я вижу, по дороге скачет на лошади военный. У меня первая мысль: сказать ему, обрадоваться. А тут же следующая мысль: а вдруг он третий? Вдруг он их разыскивает? И я вместо того, чтобы ему сказать, скатился в кусты, и он мимо проскакал. А потом я уже пришел в себя во взводе прожектористов. Рассказал все командиру взвода. Он тут же при мне стал звонить по полемому телефону, подняли тревогу, подняли части, в лесу сделали облаву. Прочесали весь лес и этих поймали. Выяснилось, что они были... Ну это мне уже потом рассказали, что они были переброшены на легком самолете еще под утро с Сиверского аэродрома. И что их задачей было в Юкках выяснить, что за секретные подразделения связи находятся там. А там находился «Редут-2». Вот. Каким-то образом я его немножко прикрыл. Но это я все уже потом узнал. А после того как я рассказал все, я попал в руки фельдшера, который был во взводе. Он рассмотрел рану, говорит: «Ну тебе повезло. Кость не задета. До свадьбы заживет». И я вот тоже запомнил свое ощущение, свои мысли, когда он это сказал. У меня было страшное возмущение: это что же? Я же ведь не собирался еще жениться! Когда я женюсь... А до тех пор что, у меня нога все еще будет болеть и заживать? А он сделал повязку. Спрашивает: до дома дойдешь или тебя не машине довезти? Я, конечно, хотел, чтобы меня на машине привезли, а потом подумал: ну хорошо, привезут меня на машине, а вдруг в это время мама дома окажется, хотя она должна быть в бригаде на поле. Мама сразу же будет спрашивать, а что это у меня нога перевязана? Почему меня на машине привезли? Придется ей все рассказать. И мама, конечно, очень будет беспокоиться. А с той первой блокадной зимы мы все старались не портить нервы друг другу. Беречь нервы друг друга.

Внимательно относиться друг к другу. Э, думаю, э, нет. Нельзя. Нельзя, чтобы мама об этом узнала. Вздохнул и говорю: нет, я пешком дойду. Он мне вырезал палку, я вот, опираясь на палку, побрел домой. Иду и думаю: а ведь, действительно, мама будет беспокоиться. Тут и я понял, что мне ведь очень повезло. Я же сидел на корточках, прижав коленки к груди. Пуля попала в коленку, прошла насквозь. Она должна была дальше в грудь попасть, куда она делась? Не иначе как она просто прошла под мышкой у меня. Где-то вот так. А ведь если бы она попала в грудь, так бы уже там так и остался бы. И никто бы меня и не нашел там. И вот, когда я это все понял, мне стало еще печальнее. Пришел домой, а мамы нету дома. Я обрадовался. Это уже хорошо. Но она же все равно придет с работы, она же все равно увидит мою коленку и все равно будет спрашивать. Что же делать? И вот я решил пойти на невинную ложь. Думал, думал и придумал: разбинтовал повязку, обмотал ногу опять этой окровавленной рубашкой и похромал в медпункт, который был в деревне. Прихожу. Медсестра там спрашивает: «Чего с тобой?» Я говорю: «Вот пилил полено, а пила соскочила прямо мне на коленку». Она говорит: «Ну давай посмотрим твою коленку». Размотала, посмотрела и руками всплеснула: «Милый ты мой, – говорит, – да сколько же ты времени пилил ногу-то, что до кости допилил?» Я говорю: «Так получилось». И вот тут уже она перевязку сделала. Я пришел домой. И когда мама потом пришла с работы, она, конечно, спросила: «А что это у тебя с коленкой?» Я говорю: «Дрова пилил, а пила с полена свалилась прямо на коленку». Он говорит: «Ах ты, недотепа. Даже дрова пилить не научился до сих пор». И все. Я ужасно обрадовался: мама ни о чем не узнала, значит, она не беспокоится. Правда, после этого мне пришлось каждый день ходить на перевязки – один день я ходил к прожектористам, а другой день я ходил на медпункт. Это было неприятно, потому что они каждый раз отдирали от раны повязку. Больно было. Ну к концу августа я уже почти не хромал. Так-то больно было, но я уже почти... Во всяком случае без палки ходил. Все. И тут вот нам разрешили поехать в город на осмотр. Чтобы не повторить ошибку прошлого года, прямо с 1 сентября начать учиться. Я приезжаю в свою трехсотую школу, смотрю, в коридорчике возле медпункта очередь, и в этой очереди почему-то стоят одни девочки. Я, значит, соображаю, что, наверное, сегодня осматривают девочек, а мальчиков, наверное, будут завтра осматривать. И представляю себе: «Значит, мне надо сегодня вернуться в Дранишники, завтра опять сюда приехать». Поезда ходили только два раза в сутки – утром и вечером. Значит, надо мне ждать до вечера. Вечером ехать до станции Левашово, а от Левашово шесть километров пешком идти до Дранишников. Хромать все-таки шесть километров далеко. Но это еще не так страшно. Страшнее было другое: три километра до Осиновой рощи – там много народу идет. А вот как выйдешь за Осиновую рощу – там к дороге подступает лес. А уже августовские вечера черные, и идешь по этой дороге... Хотя и асфальтированная, но страшно. А после этой встречи мне уже страшно было леса. Думаю: «А ну как я опять с кем-нибудь встречусь?» (Смеется.) И вот, когда я это представил себе, я решил схитрить и осмотреться вместе с девочками. Встал в очередь. Все были стрижены одинаково. Девочки многие в шароварах были, джинсов же тогда еще не было. Зимой меня часто, когда я был в зимней шапке, часто называли в очереди: «Девочка». Я этим решил воспользоваться и осмотрелся. Ну осмотр какой? Простой был тогда: смотрели, в волосах нет ли вшей. Говорили: «Сними рубашку». Говорили: «Ой, и этого нужно на дополнительное питание ставить. Но не можем же мы всех поставить на дополнительное питание». Потом внимательно рассматривали швы в рубашке: нет ли там платяных вшей. И все. Весь осмотр. Вот она меня осмотрела, медсестра, и спрашивает, чтобы выписать справочку об осмотре: «Как фамилия?» Думаю: «Ну сейчас ругаться начнет, что вместе с девочками осмотрелся». И говорю не очень громко: «М-в»³¹. И

³¹ В целях конфиденциальности фамилия информанта в интервью заменена инициалами.

слышу, она пишет и повторяет: «М-ва».³² И я так обрадовался, думаю: «Ух ты, хорошо. Скажу учительнице, что она перепутала. Лишнюю букву поставила». А медсестра еще спрашивает: «Как звать?» А я еще тише говорю: «Коля». И слышу, она пишет: «Оля». Мне бы тут и смолчать, подумаешь букву «к» потом бы подставил впереди, да и все. Но мое мужское самолюбие не стерпело. Я говорю: «Не Оля, а Коля». Она говорит: «Как Коля?» Я говорю: «Так Коля». Она говорит: «Коля? Ты зачем сюда пришел?» Я говорю: «На медосмотр». Она как засмеется. Ну думаю: «Раз смеется, значит, ругать не будет». Она отсмеялась и говорит: «Я тебя спрашиваю, зачем ты в эту школу пришел?» – «Так это же моя школа». – «Нет, – говорит она, – это теперь не твоя школа». Я говорю: «Нет, моя». Она говорит: «Ты откуда такой взялся?» Я говорю: «Из Дранишников» Она говорит: «Я не знаю, где эти Дранишники, но неужели у вас там не известно, что с этого года школы стали отдельными? Их разделили на мужские и женские. Это теперь женская школа³³. Здесь только девочки могут учиться». А мы там, конечно, ничего не знали в Дранишниках. Я, значит, стою обалдевший. Она говорит: «Так что зря ты хитрил. Иди – ищи мужскую школу». Я говорю: «А в какую же мне школу идти?» Она говорит: «Я не знаю. Попробуй в 321-ю сходи. Она, кажется, мужская». Я говорю: «А где такая?» Она говорит: «Вот пойдешь по Большой Московской, потом по Правде, дойдешь до Социалистической и там, на углу, вот как раз увидишь такое двухэтажное здание с двумя куполами. Вот это они и есть». Я туда пошел. Это была, конечно, школа не моего микрорайона. Я должен был учиться на Разъезжей, вот в той самой школе, где я начинал учиться весной 42-го. Но в то время было много неразберихи. И там то же самое – не разобрались, что я не их микрорайона, и записали меня. И вот я попал в эту школу, замечательную школу. Я всю жизнь благословляю ошибку этой медсестры, что я попал в ту школу. Там меня, значит, спрашивает завуч: «Сколько тебе лет?» Я говорю: «Вот одиннадцать в августе исполнилось». – «А сколько ты классов окончил?» Я думаю: «Что сказать? Второй-то я вот два раза начинал учиться и так и не доучился».

Я говорю: «Ну я первый только до войны окончил, а второй не получилось». Она говорит: «Ой, опять переросток. Ну ничего. Пойдешь во второй класс». И вот я начал учиться во втором классе. А где-то в октябре месяце пришло письмо от командира прожектористов. Он меня просил приехать в ближайший выходной день. Ну вот, я к нему приезжаю. Когда пришел, он приказал старшине выстроить весь взвод на площадке. И, когда взвод выстроился, мы тоже с командиром вышли, и он торжественно объявил, что от имени командования Красной армии за проявленные мною мужество и стойкость при обнаружении и задержании немецких шпионов он награждает меня медалью «За оборону Ленинграда». И приколот мне к курточке медаль эту самую. А потом был обед. Он мне показался праздничным. Вообще, весь день мне казался праздничным, потому что мне опять после этого дали пострелять. А когда начало темнеть, они стали опробовать прожектор, мне даже разрешили немножко за ручки его поводить. Но, когда я отправился обратно на станцию Левашово, пришлось спрятать медаль. Мама же будет спрашивать: «Что это меня вдруг наградили медалью». Придется все рассказывать. И вот...

Интервьюер: Так она так и не узнала?

Информант: До мая 45-го года я ничего ей не говорил. А 1 мая 45-го года она одела праздничное платье, приколотла к нему свою медаль «За оборону Ленинграда». И вот помню,

³² То же.

³³ Раздельное обучение было введено в ленинградских школах в период с 1943 по 1954 год (об этом подробнее см.: Айвазова 1998: 66–99).

стоит перед зеркалом, смотрит в него... Через него на меня хитро-хитро так и спрашивает: «И долго ты еще будешь прятать свою медаль?» Я, конечно, глаза вытаращил, говорю: «А ты откуда знаешь?» Она говорит: «Я все знаю. В тот день командир прожектористов разыскал меня в бригаде, все рассказал, еще поблагодарил за такого хорошего сына. И медсестра у нас достаточно опытная, чтобы отличить порез пилою от огнестрельного ранения. Но раз ты решил меня обмануть, я тебе тоже решила подыграть. Так что, – говорит, – никогда ничего от мамы не скрывай. Мама все равно узнает». И вот проучился я первую четверть. Была у меня только одно «хорошо» – по рисованию, все остальные были «отлично». Вызывает меня эта самая завуч, которая меня записала, и сказала: «Коля, мы видим, что ты отличником закончил первую четверть, и мы хотим попробовать тебя перевести в третий класс со второй четверти». Я, конечно, испугался. Я говорю: «Как же так? Они же уже целую четверть проучились». «Ничего, – говорит она, – они в первую четверть повторяли второй класс». Я говорю: «Так я второй класс-то тоже еще не проучился». «Ничего, – говорит она, – попробуем. Если не получится, мы вернем тебя обратно, и будешь учиться во втором классе. Но я, – говорит, – почему-то верю, что ты сможешь учиться в третьем классе». И вот с начала второй четверти я прихожу в третий класс, сажусь на уроки. А учительница, как помню, объявляет, что, ребята, нам пришло письмо с канонерской лодки «Бира». И зачитывает это письмо. А я потом уже узнал, что на ладожской флотилии есть такая канонерская лодка, и, оказывается, эта канонерская лодка подшефная у нашей школы. Поэтому с ней переписываются все время, им подарки отправляют, книги им собирают. И вот интересная вещь: лет, наверное, десять назад я встречаюсь с одним ветераном Дороги жизни, причем мы с ним раньше уже много раз встречались, а тут что-то такое разговорились с ним. И он вдруг говорит о том, что он служил на канонерской лодке «Бира». Я говорю: «Как на канонерской лодке „Бира“? Ведь ваша же лодка была у нашей школы подшефная!» Он говорит: «А какая школа?» Я говорю: «Да 321-я» Он говорит: «Правильно. Мы, – говорит, – даже к вам в гости приезжали. Письма от вас зачитывали всегда всей лодкой». Я говорю: «А вы помните поздравление с Новым годом?» Он говорит: «С каким Новым годом?» Я говорю: «Да с 44-м Новым годом?» Он говорит: «Признаться, не очень помню». Я говорю: «Там были еще такие стихи:

Поздравляем с Новым годом,
Бейте немцев полным ходом,
Шлем привет мы пионерский
Славной лодке канонерской».

Он говорит: «Да, да, да. Что-то припоминаю». Я говорю: «Так вот эти стихи были мои». То есть наполовину они были мои. Первые две строчки были не мои, потому что, когда мы сочинили эти стихи... То есть сочиняли это поздравление, кто-то принес открытку, и на открытке было написано:

Поздравляем с Новым годом,
Бейте немцев полным ходом,
Шлем привет артиллерийский,
Боевой моряк балтийский.

И вот хотели это написать. Я говорю: «А причем тут артиллерийский и боевой моряк балтийский? Ведь это ж мы на ладожскую флотилию...» Я говорю: «Надо как-то изменить». И как-то мне так это вдруг в голове замечилось, что хорошо рифмуется «пионерский» и

«канонерский». И у меня вдруг получилось:

Шлем привет мы пионерский
Славной лодке канонерской.

И так вот и написали. И вот учительница прочитала это письмо, дала работу... Ребятам задала. Потом подходит ко мне и говорит: «Я хочу, чтоб ты знал, – тихо так это говорит, – что я, в общем-то, отрицательно отношусь к этому эксперименту. Что-то он мне не нравится». Как холодной водой меня облила. Думаю: «Ну и ну». Вот задала она, значит, задание: я, конечно, ничего не могу. Там что-то по арифметике было, я этих задач не знаю, ничего не сделал. Следующий урок был чтение. Ну читал я хорошо, поэтому тут я мог блеснуть. Прошли уроки, и она говорит: «Коля, останься немножко». Думаю: «Ну сейчас будет меня... Чего-нибудь тут... Или наставлять или чего-нибудь говорить». А она говорит: «Я к тебе пригляделась. Может быть, у нас и получится. Но помни, с тобой никаких специальных занятий не будет. Просто я тебе буду задавать немножко больше. Если ты хочешь остаться в третьем классе, это зависит от тебя». И, действительно, она вот так вот повела занятия со мной, что я без особого какого-то напряжения очень быстро включился вот в курс третьего класса. У меня остался дневник того класса, и вот сначала там есть и тро... И «посредственно». Двойки она мне не ставила («плохо»): понимала, что это ни к чему. Но сначала вот «посредственно», потом «хорошо», потом пошли «отлично». В общем, короче говоря, к концу второй четверти я уже совершенно освоился. И хотя там был уже и английский язык, но вот там учительница по английскому языку, там вот там уже отдельный учитель был, вот с нею я позанимался отдельно. Но она тоже очень быстро меня так это натренировала, и я быстро догнал. И, короче говоря, вторую четверть я уже... У меня были в ведомостях, в таблице только отличные отметки. И получилось так, что я третий класс закончил круглым отличником и даже получил похвальную грамоту. И так вышло, что не повезло мне со вторым классом: так я его и не окончил. (*Смеется.*) Трижды принимался за него и так и не окончил. Вот. А вот этот вот класс, третий класс, это был последний блокадный учебный год. И он был очень тяжелым, потому что это был период, вот особенно первая, вторая четверти и начало третьей четверти – очень сильные обстрелы. К этому времени уже практически не было воздушных тревог, потому что немцев не допускали до города. Если и были воздушные тревоги, то бомбежек не было. Последняя бомбежка, если я не ошибаюсь, была где-то летом³⁴. А зато немцы, поняв, что город от них ускользает, блокада прорвана, бомбежки не удаются, они решили как можно больше навредить артиллерийскими обстрелами. Вот это был период самых страшных артиллерийских обстрелов. Я тут как-то подсчитывал – оказалось, что я раз десять был на волосок от смерти. Только какой-то счастливый случай в самый последний момент спасал. Потому что вот даже снаряд как-то ночью попал в соседнюю квартиру. А соседняя квартира была за стеною. Вот он взорвался за стеною, но на мое счастье вся сила взрыва ушла в другую сторону. Меня, правда, сбросило с кровати сотрясением. Я вскочил, ничего не понимая. А когда мы сообразили с бабушкой, побежали смотреть, что там случилось. Прибежали – там стена рухнула, эта штукатурка, эта пыль, дым – и не разберешь, то ли горит, то ли не горит. Но, по счастью, там никого не было. Там. В городе много тогда было вот таких пустых не только комнат, даже квартир. Там никого не было. Вот и в этой никого не было, поэтому мы убедились, что никто не пострадал. Пожара нет. Вернулись назад и спокойно легли спать. Мы были фронтовиками, мы знали, что в одну и

³⁴ Последний раз немецкая авиация бомбила Ленинград 14 мая 1944 года.

ту же воронку второй снаряд редко попадает. И, значит, сегодняшнюю ночь точно второй снаряд в наш дом уже не попадет. Как-то снаряд разорвался почти перед моим носом на Разъез... На перекрестке как раз Разъезжей и Правды. Я возвращался со школы, и уже почти вот один дом оставался, чтобы выйти на Разъезжую, и в тот момент, когда я проходил мимо вот этих последних ворот, я вдруг увидел, что-то черное встает на перекрестке. Я даже ничего не успел сообразить, просто какая-то вот внутренняя сила меня бросила туда в подворотню. А потом услышал уже звук взрыва, осколки мимо пролетели. А когда пошел после конца обстрела и увидел там... Разъезжая, она была мощенной вот этими гранитными кубиками. И снаряд, взорвавшись, у него тоже вся сила взрыва оказалась направленной в сторону одного дома. Дом был двухэтажный, желтого цвета, в подвале у него была булочная, в которую мы ходили за хлебом. И вот, подходя к этому к этому дому, я смотрю, весь дом – снизу и до самой крыши – он весь в красных пятнах. И когда я пригляделся, то я увидел, что наверху-то это отбитая штукатурка, это кирпич разбитый, обнаженный. Потому что вот эти кубики, они вместе с осколками снаряда они тоже все туда полетели. А в нижней части, на первом этаже – там человеческая кровь. Кто-то в этот момент вот оказался на пути всего этого – от него ничего не осталось. От этого человека. И вот такое часто случалось. Однажды на Владимирской площади... Тогда трамваи ходили по Загородному проспекту с самого начала, от Владимирской площади. Сейчас они на Марата идут. Только после Марата они выходят по Звенигородской и на Загородный выходят. А тогда они прямо здесь ходили. И вот я как-то стоял на остановке, как раз возле этого самого гастронома углового, ждал трамвай. Вот я вижу, трамвай выходит с Загородного, подходит к остановке, а остановка была как раз посередине площади. И вот я хот... Сделал шаг по направлению к трамваю, и в этот момент, я даже не сообразил, в чем дело, какая-то сила меня отшвырнула назад, я упал, ударился головой о тротуар, а когда вскочил на ноги, то смотрю: на месте трамвая только огромное облако черного дыма стоит. И когда дым рассеялся – страшная была картина. Потому что от трамвая осталась только вот эта вот тележка колесная. Все остальное вот было перемешанное – обломки дерева и человеческих тел. И вот тоже интересно, какая бывает у тела, очевидно, память что ли тоже. Спустя много-много лет я увидел фотографию вот этого случая. Кто-то из фотографов оказался рядом, вот он сфотографировал вот как раз вот эту картину. И когда я увидел ее, у меня сразу же заболела голова вот в том месте, где я стукнулся тогда. Поэтому я говорю, что вот этот учебный год он был в этом отношении очень тяжелым. Занятия начинались в десять часов. Специально, чтобы экономить электричество в школе. Когда уже светло, чтобы не включать. И было в какой-то мере это даже хорошо: мне нравилось, во всяком случае не потому, что я был соней, а просто в это время утром по радио можно было послушать интересные передачи. Ну, во-первых, последние известия. Потом литературная передача шла в девять с чем-то, и в этой передаче обычно передавали какие-то военные рассказы или отрывки из новых военных повестей, а потом в девять тридцать начинался концерт по заявкам раненых воинов – это было еще лучше, потому что передавали всегда самые хорошие песни. Либо новые военные песни, либо военные марши, ну лирические песни, хотя лирических я тогда еще не любил. Больше всего мне нравились какие-нибудь такие сатирические песни. Их тоже было много, и очень они мне нравились. Была, например, такая, «Песня-душа» называлась. Там были такие слова:

Бомбою фашисту голову разбило.
Офицер немецкий подошел к нему
И сказал: «Неважно, лишь бы ноги были,
Голова фашисту вовсе ни к чему».

А следующий куплет такой:

Гитлер был укушен за ногу бульдогом,
Во дворце ужасный был переполох.
Гитлер эту ногу почесал немного,
А бульдог взбесился и тотчас же сдох.

А третий куплет такой:

Гитлер ждал ответа от Наполеона:
«Ты скажи, чем кончу я с Россией бой?»
Тот ему ответил из могилы сонно:
«Я, mon cher, подвинусь, ты ложись со мной».

И вот такую передачу слушаешь и в таком хорошем настроении бежишь в школу, и не думаешь о том, что ты можешь угодить под снаряд. А потом занятия начинаются... Ну первый урок обычно проходил спокойно. Редко когда на первом уроке были какие-нибудь неприятности обстрельные. А вот на втором, на третьем уроке вдруг где-то неподалеку раздавался знакомый звук взрыва снаряда. Мы уже очень хорошо этот звук знали. И тогда учительница нам говорила: «Мальчики, собираемся». Это же была уже мужская школа. Иногда, правда, снаряд разрывался где-то далеко, мы могли не слышать. Но в таком случае уже передавали и районный штаб МПВО оповещение по школам, и дежурные... Директор рассылал дежурных по классам, те говорили о том, что переходим в бомбоубежище. И вот учительница говорит: «Мальчики, собираемся». Мы, значит, складываем свои тетрадки, учебники. Сначала в портфели складывали, а потом заметили о том, что в противогазах... А мы всю блокаду ходили с противогазами, потому что была реальна угроза, что немцы смогут применить отравляющие снаряды или бомбы. И это была, потом как выяснилось, действительно, вполне реальная угроза. Когда немцев погнали, то были обнаружены снаряды и бомбы с отравляющими газами. Но Гитлер не решился применить, потому что по каким-то там каналам международным ему Сталин вроде бы пригрозил, что если только на Ленинград, или на Москву, или на другие советские города упадут снаряды и бомбы с отравляющими газами, то сразу же бомбы с отравляющими газами посыплются и на германские города. А в том, что наша авиация бомбила Берлин и другие города, Гитлер уже в этом убедился. И вот, может быть, по этой причине он так и не решился применить такие отравляющие вещества. И вот мы заметили, что в противогазе есть пустое место, какой-то... Для чего там это отделение, я не знаю. Но в него вполне можно запихать часть тетр... То есть все тетрадки и часть книжек. И зачем тогда таскать с собой портфель? И вот мы стали туда это запихивать. Вообще мы тренировались на уроках сидеть в противогазах, даже писали контрольные работы в противогазах. И вот я помню, что писали мы контрольную работу по арифметике, но, хитрый народ мальчишки, тут-то у нас был противогаз, а шланг-то мы от коробки отвернули, так что шланг уходил в эту самую в сумку, но от коробки-то он был отвернут. *(Смеется.)* Так что мы дышали легко. И вот мы собирались. И как только соберемся, учительница говорит: «Первая колонка, одеваемся». А вешалка с нашими пальто прямо в классе стояла. Мы оденемся. Она говорит: «Первая колонка, спускаемся. Вторая колонка, спускаемся. Третья, спускаемся вниз». Мы спускались со второго этажа – наш класс был на втором этаже – в вестибюль и ждем там. А в вестибюле у нас были мощные такие колонны, подпирали потолок. Я думаю, что, если даже бомба бы попала, она бы эти колонны все равно бы не смогла обрушить, настолько они были крепкие. И вот мы там стоим и ждем, пока

на улице не послышится разрыв снаряда. И вот как только услышим, что грохнуло, мы сразу же бегом выскакивали из школы, через улицу и в бомбоубежище. У нас в школе не было бомбоубежища. И поэтому мы использовали бомбоубежище в доме. Прибегаем туда, а там стоят столы, скамейки, эти самые доски классные, и мы продолжали там заниматься. И занимались либо до конца обстрела, либо до конца занятий. И вот у меня в дневнике даже остались записи такие. Тут написано, что... Там, где задано, когда был обстрел, я через эти уроки писал: «Обстрел», – наискосок. Тут написано: «Обстрел», – и тут же стоят отметки. Вот так вот мы занимались. Вот однажды как-то... Вот нам учительница говорит: «Мальчики, собираемся». Мы начали собираться и не успели собраться. Вдруг напротив где-то наших окон раздался страшный удар. Посыпались стекла, с потолка сорвалась штукатурка, упала на пол, стала подниматься известковая пыль. Точь-в-точь как дым. И на какой-то момент беспорядок в классе возник. Кто-то без команды бросился к двери, кто-то под парту полез. А мой сосед, он был... Мы сидели на последней парте, он вдруг вскакивает на парту, и, смотрю, бросается в окно. А окно было еще не заклеено, я решил, что он хочет выпрыгнуть со второго этажа. А у нас очень высокий второй этаж. Я его за ноги схватил, не пустил. И потом я уже его в бомбоубежище спрашиваю, говорю: «Ты чего это решил в окно выпрыгивать?» Он говорит: «Да нет. Я просто хотел посмотреть, что там бабахнуло». Как я о нем, оказывается, плохо подумал. И вот, перекрывая весь этот шум, раздался громкий, но очень спокойный голос нашей учительницы. Звали ее Раиса Соломоновна. А фамилия была Зусмановская. И вот она говорит с каким-то даже упреком: «Мальчики, тихо». И мы все сразу же успокоились. А она как всегда говорит: «Первая колонка, одеваемся. Вторая колонка...» А стоит только как-то вот так вот, развернувшись немножко к нам. Потом, когда все оделись, она говорит: «Спускайтесь без меня. Подождите, я сейчас к вам приду». Потом приходит, пальто у нее не одето, а накинуто на плечи. Вот мы пришли в бомбоубежище, и только в бомбоубежище мы увидели, что у нее вся правая рука залита кровью. Это она стояла возле окна, и осколками стекол ее ранило в руку. Так она, чтоб мы не видали, что она ранена, вот она и спрятала руку и сама одевала пальто. Ну мы ее, конечно, перевязали. Перевязки мы хорошо умели уже делать. А потом побежали смотреть, что же это там так бабахнуло. И вот оказалось, что снаряд, должно быть, очень крупного калибра, ударил в стену дома как раз напротив наших окон, над окном четвертого этажа. Пробил насквозь. Сделал вот такую вот дыру, вошел внутрь и, не взорвавшись, пошел вниз. Пробил все четыре этажа и упал прямо под арку ворот. Когда мы прибежали туда, конечно, уже снаряда не было. Его увезли, но вот эта вот сквозная дыра вот так и осталась. Это, значит вот, не от взрыва, а только вот от воздушной волны, которая пришла за ним, у нас стекла посыпались и штукатурка. Вот насколько сильные были вот эти самые взрывы снарядов.

Интервьюер : А почему вы сразу не занимались с первого урока в бомбоубежище?

Информант : Ну все-таки считали, что в классе-то лучше заниматься. Я думаю, что эта никому мысль, наверное, не приходила. Ведь в первом классе-то мы занимались в бомбоубежище... То есть в 300-й школе осенью 41-го только потому, что школу заняли под госпиталь. Поэтому мы туда перешли.

И вот так продолжалось до Нового года. Потом каникулы. А когда мы пришли с каникул, вдруг еще одно нововведение. В этом году было очень много нововведений. Другие отметки. До этого были отметки «отлично», «хорошо», «посредственно», «плохо» и «очень плохо». А с третьей четверти ввели цифровые – пятерки, четверки, тройки, двойки, единицы. Вот. А потом мы услышали... Когда началась эта операция по прорыву блокады... Вот эта канонада началась. Сначала она нас, конечно, очень беспокоила – попробуй разберись, чья... Что это за канонада,

особенно когда бьют корабли, которые стояли на Неве? Когда там крейсер «Киров»³⁵ или миноносцы начинают бить, весь город сотрясается. Но потом мы почувствовали, что вроде немножко другой звук, а потом было слышно шелест снарядов... Вот действительно шелест вот такой... Как вот не свист, а шелест снарядов был. И по радио начали передавать о том, что началась операция по снятию блокады: «Вот наступает Красная армия, занимает новые и новые все пункты населенные». А обстрелы продолжались. Немцы неистовали прямо вот эти последние дни. И, наконец, настал день, когда по радио сказали о том, что Красная армия заняла последнюю немецкую батарею, которая обстреливала город. Больше варварских обстрелов Ленинграда не будет. Мы на следующий день приходим в школу такие радостные, что не будет обстрелов. Первый урок сидим – действительно тихо, второй урок сидим – тихо. И вот, вы знаете, сначала я у себя заметил, потом на других посмотрел – у всех было непривычное состояние, что чего-то не хватает. Хотя обстрелы не каждый день были. Но все равно вот тут почему-то нам чего-то не хватало. Мы настолько привыкли к этим обстрелам, что сразу вот так вот вдруг прекратить их – это было бы, наверное, очень для нас тяжело. Хотя, конечно, мы их очень боялись. Но вот привыкаешь же к некоторым неизбежным неприятностям вроде укола под лопатку – никуда не денешься. Вот и тут что-то было не то. И, должно быть, немцы почувствовали, что тоже нам сразу тяжело без этого, потому что где-то, наверное, на третьем или, может быть, на четвертом уроке вдруг слышим знакомый звук разрыва снаряда. И опять недоумение: «Как же так? Сказали, что обстрелов больше не будет...» И наша учительница растерялась, команды нам не подает, чтоб мы одевались. Она послала кого-то узнать у директора: «Что делать?» А директор отвечает: «Я сам звоню в районный штаб ПВО». А там отвечают: «Мы разбираемся, но на всякий случай школу пока подготовьте к эвакуации». И мы, значит, все оделись. И вся школа опустилась в вестибюль в этот наш надежный. Стоим и ждем. И дождалась – у нас над головою как бабахнет. Как я оказался в бомбоубежище, я не помню. *(Смеется.)* В общем, в себя мы пришли уже в бомбоубежище. И потом больше разрывов снарядов не было. Вероятно, это был последний снаряд выпущенный. Оказалось, что где-то какая-то батарея все-таки не была занята. И вот она решила напоследок выпустить несколько снарядов. И вот этот самый последний снаряд угодил в нашу школу. Но судьба – на школе у нас было два купола – она была первая петербургская гимназия. В ней учился Левушка Пушкин, в ней преподавал словесность Кюхельбекер. И на экзаменах по словесности почетным гостем присутствовал Пушкин. Глинка там учился³⁶. В общем, у нас знаменитостей столько училось – долго перечислять. И, естественно, в гимназии была своя церковь. Церковь была на втором этаже, и вот от нее был купол и от колокольни купол. И снаряд угодил вот в этот купол колокольни. Колокольня приняла на себя. Если бы не колокольня, снаряд бы угодил прямо в школу. И, когда мы пошли смотреть уже, мы увидели: в этой колокольне глубокая такая выбоина воронкою. Кирпичи там все это обнаженные, искореженные. Но мы решили, что, наверное, снаряд был не очень большой, раз он все-таки не разрушил колокольню. И все. И на этом успокоились. Больше обстрелов не было. Ничего. А в 52-м году школу закрыли на ремонт

³⁵ В числе боевых кораблей, защищавших подступы к Ленинграду и участвовавших в операциях по прорыву и снятию блокады, были: линкоры «Марат» и «Октябрьская революция», крейсера «Максим Горький», «Киров», «Петропавловск».

³⁶ Действительно, школа № 321 – преемница Первой гимназии, образованной в 1830 году из Благородного пансиона при Петербургском университете, созданном в 1817 году. Именно в Благородном пансионе в 1817–1820 годах преподавал российскую словесность В. К. Кюхельбекер, учились М. И. Глинка (1818–1822) и Л. С. Пушкин (1817–1821). В здание на пересечении улиц Ивановской (сейчас Социалистической улицы) и Кабинетской (улица Правды) Благородный пансион переехал несколькими годами позднее – в 1827 году (см.: Соловьев 1880).

капитальный, и вот каких-то десятиклассников директор школы послал на чердак посмотреть, нет ли там мусора. Они пришли со строительными носилками туда и нашли лежащий на чердаке снаряд. Тот самый. Он, оказывается, тоже не взорвался. Это тоже от его удара вот такая выбоина образовалась. А он ударил, скользнул на крышу, пробил ее и улегся на чердаке. И пролежал восемь лет. Та часть школы во время войны не работала. Она была закрыта. И она выходила на Правду, и ее просто закрыли. Ребят было немного, и, чтобы не топить и не освещать, ее просто закрыли. Поэтому и немудрено, что никто не обнаружил его раньше, этот снаряд. Никто там на чердак не ходил. А эти десятиклассники – это наверняка были те, которые в блокаду были в эвакуации, потому что блокадники бы так не поступили. Эти, обнаружив снаряд, страшно обрадовались, положили его на носилки и принесли в кабинет директора школы. И говорят: «М. Г., смотрите, какой мы вам подарок принесли!» *(Смеется.)* А директор – он воевал всю войну и вернулся в школу, демобилизовавшись. Я представляю, что у него было на сердце, когда он это вот все увидел. Ну видно, снаряд был уже настолько неисправен, что он даже и это перенес – такое неуважительное отношение к нему. А потом наступило 27 января. Вот уж этот день точно все хорошо помнят. Это верно. Этот день невозможно забыть. Потому что, хоть мы и знали, что идет освобождение города, и все-таки сам день освобождения, он оказался неожиданным. Когда 27-го вечером вдруг стали передавать по радио приказ Говорова³⁷ – не Сталина, а Говорова – ему в виде исключения за это... За заслуги была дана... Дано право вот этот самый приказ о победе под Ленинградом составить и подписать. Передают этот приказ и вдруг в самом конце о том, что в городе будет произведен салют. Мы смотрим на часы с бабушкой – а-а, а до салюта остается всего лишь несколько минут. Явно меньше пяти минут. Куда бежать? Где его смотреть? Бабушка говорит: «Бежим на Владимирскую площадь, там большой простор, видно будет небо». И мы бегом бежим туда. И как раз прибежали, и начался салют. Вот сколько я салютов видел после этого, но я думаю, что этот салют на всю жизнь остался самым красивым. Наверное, другие были и красивее салюты. Но вот этот салют, он был самым дорогим, самым красивым. Первый ленинградский салют. Первый победный салют. Ну вот в 45-м году... Вот тоже интересно, ведь мы 8 сентября... 8 мая уже с утра знали, что этот день последний. Откуда? Как это могли знать, я не знаю. Но вот, придя в школу, мы уже все говорили, что сегодня кончится война. И...

Интервьюер : Восьмого?

Информант : Восьмого. Да. Именно восьмого. Накануне. И весь день мы это ждали. И только поздно вечером по радио действительно услышали приказ Верховного главнокомандующего о том, что подписана полная капитуляция в Берлине и что девятое число объявляется всенародным праздником – Днем Победы – нерабочим днем³⁸. Вот как это могло быть? Ведь и... Особенно учитывая то, что там, Берлин-то, все-таки время было позже, чем у нас. Вот как работает телеграф в народе. Как передается это.

Интервьюер : На два часа меньше оно должно было быть.

Информант : Да. Да. Да. Там позже. То есть, когда мы пришли в школу в 10 часов, там было еще 8 часов утра. Там еще только собирались, подготавливали все к акту торжественному. И вот все, это тоже почему-то говорят, что вот мы все знали уже. Все знали. Мы уже были

³⁷ Приказ командующего Ленинградским фронтом Л. А. Говорова об итогах двенадцатидневных наступательных боев действительно зачитывался по радио 27 января 1944 года (Кислицын 1991: 235).

³⁸ Вечером 8 мая по всем радиостанциям СССР передавались приказы Верховного главнокомандующего. Однако приказ о полной капитуляции Германии был оглашен в 2 часа 10 минут 9 мая 1945 года. 9 мая был объявлен нерабочим днем (см.: Очерки истории Ленинграда V: 475).

подготовлены.

Ну а завтрашний день, девятое число, это было вполне закономерное уже. День Победы. Да еще к тому же нерабочий день – во какая радость была. *(Смеется.)*

Интервьюер : Очень интересно вы рассказываете. Может быть, действительно, мы продолжим еще нашу беседу в другой раз?

Информант : Ну я не знаю. Вы знаете, я скоро уезжаю в лагерь. Дело в том, что с 1974 года я каждое лето провожу в пионерском лагере.

Интервьюер : В качестве?

Информант : В качестве кружководы.

Интервьюер : А чему ВЫ учите?

Информант : Я не учу. Я знакомлю со сказкой. Сказочник я в лагере. Я рассказываю сказки. Причем рассказываю сказки те, которые ребята не знают. Я ищу незнакомые сказки и рассказываю им.

Интервьюер : Здорово.

Информант : Причем я очень горжусь тем, что я разыскал сказки Великой Отечественной войны о Великой Отечественной войне. То есть сказки, которые были написаны о войне во время войны. Некоторые сказки я помнил. И мне очень хотелось знать: а вот эти сказки будут ли интересны нынешним поколениям ребят? Ведь столько времени прошло – новые взгляды, все. А эти сказки о вполне конкретном. Причем сказки, раз они были написаны в то время, значит, они действительно пахнут порохом, эти сказки. И оказалось, что, действительно, эти сказки интересны и нынешним поколениям. Вот я уже рассказываю скольким поколениям и убеждаюсь, что интересны. И даже вот сейчас ребята говорят – ну это из класса из третьего, четвертого, из пятого – они говорят, что они по этим сказкам узнают о войне больше, чем по урокам истории. И я понимаю: во-первых, интереснее. *(Смеется.)* Значит, запоминается лучше. А потом в них волей-неволей, независимо от авторов, были такие подробности, такие детали, которых сейчас уже и не придумаешь. Они уже сейчас забыты. Разыскивать их пришлось очень долго, потому что у этих сказок обидная судьба. Они в свое время печатались в детских журналах. В «Пионере»³⁹, в «Костре»⁴⁰. Ведь «Костер» выходил даже во время блокады. У него, правда, некоторые номера были сдвоенные. Он был тоньше... Тоньше, чем в обычное время, но все же он был толще, чем тот «Костер», который выходит сейчас. Вот там они печатались, эти сказки. Печатались они тоненькими книжечками. Вот, например, в тех же самых Дранишниках, не помню уже в 42-м или в 43-м году... Наверное, в 43-м году. Нам попалась вот такая книжечка.

А книжечка была – не помню ни автора, ни названия. Книжечка была к тому же еще и в стихах. Сказка в стихах. А сюжет сказки был такой: о том, что вот в какую-то часть пришла посылка, а в посылке оказались три волшебные вещи: яйцо жар-птицы, по-моему, шапка-невидимка и еще чего-то – уже не помню. И вот с этой пос... С этой посылкой на поляну командир пришел к Степану. А там главный герой – Степан его звали. И, значит, вручает ему эту посылку и отправляет его в разведку. И вот Степан идет в разведку и встречает танк. Вот. И тогда он, значит, достает из посылки яйцо жар-птицы и этим яйцом бьет танк по башне. Ударил, и из яйца появился петушок, который запел:

³⁹ Журнал «Пионер» – ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального совета Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина.

⁴⁰ Журнал «Костер» – детский ежемесячный литературно-художественный журнал. Основан в 1936 году в Ленинграде.

«Кукареку! Я фашиста допеку!» –
Пел да пел, и немец ражий
Вскоре стал золой да сажей.

Нам эта сказка ужасно понравилась, и мы решили ее разыграть и показать вот в лесу военным. Потому что мы не просто приходили к ним. Мы такие вот концерты давали. Ну это громко сказать – концерты, это была, действительно, самодеятельность такая, на ходу очень часто. А тут мы решили прямо ее разыграть, эту сказку. И нас только одно смущало, вот это слово «немец ражий». Что такое «ражий»? Никто нам не мог объяснить. Кто-то сказал: «Может быть, рыжий? Может быть, опечатка?» Ну тогда не рифмуется:

...немец рыжий
Вскоре стал золой да сажей.

Лыжей тогда. А потом до кого-то дошло: «Может быть, одна буква пропущена? Может быть, не «ражий», а «вражий»?» Ну мы так и читали: «И немец вражий». *(Смеется.)* Это потом я уже только узнал, что есть, действительно, есть слово такое – «ражий» – когда хотят кого-то не очень лестно охарактеризовать, вот так говорят. Ну вот этой сказки я так и не нашел. Сколько не искал, не нашел ее. А больше всего мне запомнилась сказка, которую вот передавали осенью 43-го года, вот как раз в том сентябре, где было много обстрелов. Сказка про невидимку. Про то, как в одном городе... Ну даже тогда мы поняли о том, что речь идет, очевидно, о Тихвине, хоть он и не назывался, – город, который был недолго захвачен немцами, а потом освобожден Красной армией. Вот там живет один мальчик. Этот мальчик живет вместе со своим дядей, а у дяди – химическая лаборатория. И в этой лаборатории дядя занимается созданием самолета-невидимки. Вот когда немцы подходят к городу, все эвакуируются: дядя, мама мальчика и мальчик. Но случается так, что они в самый последний момент забыли дома пакет с едой на дорогу. Вот они посылают его с вокзала, этого мальчика, за пакетом, а когда он входит в дом, то он обнаруживает в доме часовщика Кнохе. Этот часовщик немец был, он жил в их городе, ну всем был известен как хороший часовщик. А почему-то этот часовщик оказался вот у них в доме. А часовщик этот был немецким шпионом, засланным в свое время, а вот он тоже интересовался дядиной лабораторией. Решив, что все уехали, он решил ознакомиться с лабораторией. И вдруг помешал мальчик этот самый. Он хватает мальчика и запирает его в дядиной лаборатории. И мальчик никак не может выбраться. Знает, что его ждут, что поезд сейчас уйдет. Он даже услышал дядин голос. Дядя подошел к дому, звал его и ушел. И вот мальчик пытается сам выбраться и случайно задевает какую-то бутылку, которая стояла на полке. Эта бутылка падает на пол, натыкается на другую бутылку, разбивается. Поднимается какое-то зеленоватое облако, это облако окутывает мальчика, и он становится невидимым, сначала еще не зная, что он стал невидимым. Этот часовщик, который был в соседней комнате, услышав шум, приходит, открывает дверь, смотрит и не видит мальчика. И вот потом, значит, начинаются приключения этого мальчика-невидимки в захваченном немцами городе. Сначала мальчик пытается освоиться, потом начинает даже немцам мстить, устраивает всякие каверзы. Партизанить в одиночку начинает. Пока вот этот самый часовщик Кнохе не сообщает коменданту города о том, что, по-видимому, вот этот невидимка, как уже немцы окрестили партизана-невидимку, есть никто иной, как вот этот мальчик. В общем, большая сказка. Ее передавали целую неделю. И мы мчались со школы, старались сделать все тимуровские дела как можно быстрее, чтобы только не опоздать к началу этой сказки. А она была в пять с чем-то

часов вечера, вот начиналась до шести часов. Сиделись возле этих тарелок и слушали. И очень часто бывало, что начинался обстрел. Радио отключалось, и мы пропускали то ли кусок сказки, то ли вообще всю сказку этого дня. Но, поскольку обстрел-то был в районе, сказку не повторяли. В других частях города она шла. А в нашем районе... И поэтому несколько вот таких кусков пропало. И мы так и не знали. Говорили: самые интересные эпизоды пропали! И вот эту сказку-то я первую вспомнил, ну и решил разыскать ее. Вот стал ее искать. Но тяжело искать, когда не знаешь авторов. Название я помнил, что то ли одно слово «Невидимка», то ли «Мальчик-невидимка», то ли «Партизан-невидимка». Но что-то точно связанное с невидимкой. Вот стал ее искать. Сначала в детских библиотеках – ничего. Потом в большие взрослые библиотеки – ничего. Пошел к одному очень известному библиофилу, он мне говорит: «Да что ты? Какие сказки во время блокады? До сказок ли тогда было?» Я говорю: «Да, до сказок. Были сказки». И потом стал искать в фондах Публички. Решил, что, может быть, действительно, стоит начать с журналов. Начал с журнала «Красноармеец». Почему-то решил, что, может быть, она во взрослом журнале. Нет, там не нашел. Потом взял журнал... Шарахнулся в другую сторону. Взял журнал «Мурзилка» – для самых маленьких. Тоже не было. Потом взял журнал «Пионер». И вот в журнале «Пионер» нашел сказку, которой я не знал. Очень хорошую сказку тоже. Сказка называлась: «Чудесные варежки». А написана она была писателем Бениамином Ивантером⁴¹. Вообще, бывают очень интересные судьбы у людей... Вот как... Насколько похожие. Этот Бениамин Ивантер был сверстником Гайдара. Аркадия. И точно так же убежал на Гражданскую войну, чтобы с оружием в руках защищать светлое царство социализма. И так же, как Гайдар, был наказан войной. Гайдар был контужен, а этот очень тяжело проболел сыпняком. Так что, после того как выздоровел, его сразу же демобилизовали. И так же, как Гайдар, он решил заняться детской литературой. Пришел... Приехал в Москву и стал одним из организаторов журнала «Пионер». И когда Аркадий Гайдар принес в редакцию «Пионера» свою рукопись первую, то принимал эту рукопись у Гайдара секретарь редакции Бениамин Ивантер. И когда началась Великая Отечественная война, он тоже был непригодным к воинской службе, как и Гайдар, но он тоже добился, чтобы его отправили военным корреспондентом на фронт. И Гайдар погиб в 41-м у партизан, а Ивантер погиб в июле 42-го, поднимая в атаку залегшую роту. Так сказано было о нем. И в его полевой сумке нашли рукопись сказки. Ее переслали в «Пионер» и «Пионер» напечатал эту сказку. Ну я подозреваю, что это была начальная... Начальный вариант, еще недоработанный, потому что там были некоторые такие несоответствия, неувязки в разных частях. Но журнал решил не изменять. Так и опубликовал. И вот так я искал, искал, искал, искал, и вот свою собственную сказку – с чего начал поиск – я нашел в самую последнюю очередь. Нашел ее в журнале «Костер», потому что она была в «Костре» напечатана. Но даже там, в Публичке... Она была напечатана в трех номерах. Но даже там не хватало номеров. Самой интересной части не было. Этого номера не было. Ну начало есть, конец есть, середины нет. Как так? И вот мне пришлось обратиться еще к одному библиофилу. Ну тут-то мне повезло, потому что я этого библиофила очень хорошо знал: мы с ним учились в одной школе. Просто он был классом старше меня, Ю. В. М.⁴² – он еще с блокады увлекся сбором всех блокадных изданий. Всех книжек, которые выходили в блокаду в Ленинграде. Потом он всю жизнь собирал эти издания. У него самая большая коллекция этих блокадных изданий. Ну я и решил у него спросить, нет ли у него журнала «Костер». Он сказал,

⁴¹ Ивантер Бениамин Абрамович (1904–1942) – детский писатель. Автор многих произведений, в том числе повестей «Выстрел», «Четыре товарища», сказки «Чудесные варежки» и других.

⁴² Имена упоминаемых в интервью людей заменены инициалами.

что есть. Вот так-то я наконец смог собрать воедино эту сказку и выяснить, что же там было в середине этой сказки. (*Смеется.*) Но некоторые сказки я так и не нашел. В памяти они у меня были, а текста я так и не нашел. Поэтому мне пришлось некоторые сказки записать по памяти. Так я их и рассказываю, записанные по памяти. Старался как можно ближе к тому, что в памяти сохранилось. Вот я этим занимаюсь в пионерских лагерях. До сих пор – первого числа, наверное, уезжаю тоже в пионерский лагерь во Всеволожске.

Интервьюер : А до первого мы с вами никак не сможем встретиться? **Информант:** Я не знаю. До первого что-то очень много дела. **Интервьюер:** Было бы, конечно, очень обидно, если бы вы не договорили.

Информант : Ну я вам почти все рассказал. Главное, так сказать. **Интервьюер:** Спасибо вам большое.

Информант : Пожалуйста.

Интервьюер : А можно еще вопрос?

Информант : Ну пожалуйста. Конечно.

Интервьюер : А вы когда начали писать стихи?

Информант : Ну, видите, это тоже история странная. В блокаду я начал писать стихи. Пытался, вернее сказать так, писать стихи. У меня даже два стихотворения сохранились. Но... Чересчур детские стихи. Но вот почему-то в 43-м году... Я забыл сказать, что с 43-го года, когда мне исполнилось 11 лет, я таки добился разрешения, чтобы мне разрешили тоже дежурить в группе самозащиты. Может быть, уже потому, что реже налеты были. Не знаю. Но факт остается фактом. Меня зачислили, и я уже по сигналу воздушной тревоги бежал не в бомбоубежище, а бежал на свой пост на лестнице. И даже мог подниматься на чердак. Все. И я был страшно горд этим и решил от избытка чувств написать песню бойцов МПВО. И я шибко не мудрил. Нашел музыку... Взял музыку Богословского из песни «Любимый город». И написал:

Последний луч заката догорает,
Аэростаты в воздухе висят.
Любимый город в мраке ночи тает –
Наш боевой, непокоренный Ленинград.
Пушай свистят снаряды над Невою,
Пусть зажигалки сыплются дождем,
Любимый город может спать спокойно –
Мы в этот час его на крышах бережем.
Когда ж победы наш народ добьется,
Проклятый враг покатится назад,
Любимый город всем нам улыбнется –
Наш боевой, непокоренный Ленинград.

Вот такая песня получилась. И я про нее совершенно забыл что-то потом и нашел спустя много-много лет. Вот так же, как я случайно нашел вот этот дневник последнего блокадного учебного года свой школьный. Обычно же мы выкидывали дневники всегда. А тут он мне за книжки завалился, и я как-то его оттуда вытягиваю – ай, как я обрадовался ему. (*Смеется.*) А когда начал листать, то многое вспомнилось, то что было забыто. И вот эти записи. Я совсем забыл, что я вот писал, где обстрел был. И то, что вот отметки разные были. Все вот... Когда я

посмотрел, все это начало вспоминаться. Вот также неожиданно, и вот это, наткнулся вдруг на эту свою песню и тоже вот начал вспоминать. А так... Ну, видите, у меня судьба-то в жизнь другая была. Я окончил школу 321-ю с золотой медалью, потом окончил Гидрометеорологический институт по специальности «океанология», чтобы изучать моря. Но организация, в которую я попал, изучением морей занималась только в прибрежной части. Эта организация называлась «Ленинградский трест инженерно-строительных изысканий». Это были комплексные изыскания под строительство. И, в частности, занимались изысканиями для строительства судостроительных... Военных судостроительных заводов. Они всегда на берегу моря строятся. Или для строительства, или для расширения и реконструкции их. Вот такие были мои поначалу морские работы. Это были работы на озере Иссык-Куль, потом под Феодосией. Места-то все такие интересные. Правда, потом попал в Заполярье. Потом потихонечку объекты стали меняться, и в круг наших интересов попали озера поменьше, чем Иссык-Куль. Другие... Ну, правда, и Ладожское озеро попадало. Реки стали попадать. В общем, короче говоря, я тридцать восемь лет проработал в этой организации. Пришел туда старшим техником, а ушел оттуда главным специалистом-гидрологом этой организации. И, пока я рос, я все ездил по экспедициям. Ездил по экспедициям я, наверное, лет двадцать. Но когда стал руководителем камеральной группы, естественно, меня уже не отпускали в экспедиции. И вот возвращение в Ленинград из любой экспедиции – это такое наслаждение было всегда. Экспедиции длинные, не меньше года. Иногда по несколько лет. Вот в Феодосию как попали, так там я был с 59-го по 62-й год. Правда, приезжал в отпуск, но все равно это ненадолго. А тут приезжаешь в Ленинград – такая радость возвращения в Ленинград. Но стихов я не писал. Хотя говорят, что некоторые вот туристы, изыскатели пишут стихи. А я что-то не писал. И даже наоборот вот как раз эта экспедиционная деятельность, это я обязан тем, что я стал сказочником. Потому что в одной экспедиции в 66-м году – это было в Архангельской области в Котласском районе – мы работали возле одного детского санатория туберкулезного. Так он назывался. Но оказалось, что никакой он не туберкулезный, что там лежали дети с последствиями полиомиелита. Тогда еще он не лечился в то время, и было много парализованных ребят. У одних было осложнение на ноги, у других – на руки. Лежали они там по несколько месяцев, а иногда и даже лет. И вот когда я их увидел, конечно, очень тяжело. Я поговорил с главным врачом. Говорю: «Ну вот они у вас так долго лежат». – «Мы их учим». Я говорю: «Ну учите. Это хорошо. Ну а развлечения-то какие-нибудь у них есть?» Он говорит: «Ну что? Артисты к нам не приезжают, кино редко бывает». А телевидение тогда еще только-только входило. И вот я тогда предложил, говорю: «А давайте, я буду рассказывать им сказки». И вот мы разделили ребят на три возрастных группы, и каждый день после работы изыскательской на реке Северная Двина я рассказывал сказки. Вот тут пришлось вспоминать все сказки, которые я когда-либо знал в своей жизни. И вот тогда-то я и вспомнил как раз вот военные сказки. Вот оттуда-то был первый толчок к тому, чтобы искать военные сказки. Вот. А потом в 74-м году вот я начал работать в пионерском лагере. В летний период, во время отпуска. Я попал в пионерский лагерь, который находился на Ладожском озере, рядом с Дорогой жизни. И когда я в первый раз туда приехал, меня повели, показали лагерь, все. А потом вывели на пляж. Там великолепный пляж. Самый лучший пляж на Ладожском озере. И говорят: «Вот смотрите. Видите волны забуруниваются – это там отмели. Первая отмель, вторая отмель, третья. Так вот там, где третья отмель, там как раз проходили машины Ледовой трассы. Вот здесь они поворачивали в сторону островов Зеленцы». И вот я как-то... Я и до этого на Ладоге был, она как-то на меня не очень действовала. А тут, когда я увидел вот эту самую Дорогу жизни, которая нас спасла, вот тут что-то такое внутри зашевелилось. А к тому же еще потом рядом с территорией лагеря я увидел какие-то сооружения. Железобетонные подземные

сооружения. Я спрашиваю: «Что здесь такое?» – «А, – говорит, – здесь зенитная батарея стояла». Я посмотрел – нет. Это не зенитная батарея, это что-то другое. Батарея-то батарея, только не зенитная, а, судя по тому, что вот такие железобетонные сооружения, значит, она была построена не в войну. В войну не для такого... До такого строительства было. Там и башни высокие железобетонные наблюдательные, и казематы, и блиндажи железобетонные. Потрясающе. И фундаменты для... Где пушки стояли большие. Ну я так сообразил, что это должно быть что-то довоенное. Ну потом кто-то из деревни Коккореево подтвердил. Да, говорит, здесь, говорит, стояла до войны батарея. Даже, говорит, «форт» назывался. И все. И на этом больше ничего. А я решил разыскать концы, что же это такое было. И вот сначала пошел в архив военно-морской, который у нас на улице Халтурина был. На Миллионной теперь⁴³. Замечательный архив. Там со времен Петра там все документы. Но разобраться с этой батареей было очень тяжело, потому что она за время своего существования несколько раз меняла название. Она была и «Шлиссбургской», что значит шлиссельбургская, была тогда мода вот так сокращать. И «Сосновецкая батарея» и батарея № 101. В общем, полно. И приходилось выяснять, что это одно и то же, когда начинаешь проверять фамилии командиров или еще фамилии кого-то там, убеждаешься: «Ага, это одно и то же». И вот я выяснил, что эта батарея была построена в начале 30-х годов. Ведь тогда Ладожское озеро было пограничным. И финны вели себя очень некрасиво на нем. Они все время устраивали провокации. Подходили близко на судах, на катерах. И была опасность, что они могут либо заминировать фарватеры невские, либо даже могут ворваться в Неву и устроить какую-нибудь провокацию. Вреда городу, конечно, не нанесут, но провокацию могут устроить. И вот тогда было решено поставить батарею, чтобы защитить вход в Неву. Вот поставили вот эту батарею. Вот она с начала 30-х годов здесь стояла, караулила. Шлиссельбург караулила. Караулила Шереметевские пороховые заводы. А в 40-м году, когда был подписан мир с Финляндией, эту батарею можно было бы расформировать как ненужную. Озеро стало нашим полностью – зачем она здесь нужна? Но я много раз убеждался в том, что военно-морские власти, у нас командование военно-морское было гораздо умнее и дальновиднее, чем сухопутное. Они ее законсервировали, оставили 18 человек вместе со старшиною и весь боекомплект, не вывозя. По 350 снарядов на каждое орудие. А прошел год, и пришлось ее срочно вводить в строй. В июле 41-го года на нее прислали командира с заданием срочно ее ввести... Расконсервировать, укомплектовать по всем нормативам военного времени и подготовить к бою. А 8 сентября, еще не укомплектованная до конца, она вступила в бой. Вот 8 сентября она сберегла для Ленинграда выход к Ладожскому озеру. Если бы не эта батарея, мы могли бы не иметь Дороги жизни. Это была бы катастрофа для Ленинграда. Потому что в этот день немцы взяли Шлиссельбург, взяли его без боя, потому что наши отступили практически без боя. Там только был оставлен небольшой заслон. И немцы сразу же стали готовиться к переправе на правый берег Невы. На наш берег. А на нашем берегу не было ни единой пушки, ни единого миномета. Были только остатки вот тех, кто защищал Шлиссельбург, а у них даже и патронов было мало. Они не могли бы оказать сопротивления сильного. А, если бы немцы переправились, они бы вдоль берега Ладожского озера пошли бы навстречу с финнами, ударили бы в тыл нашим, которые стояли против финнов и отрезали бы город от Ладоги. Это было бы страшно. И вот получилось так, что в этот день вот эта батарея – она 101-я – ее официальное название, она оказалась единственной батареей на всем участке от бухты Морье, это значит Ладожском озере, и до

⁴³ Имеется в виду Российский государственный архив Военно-морского флота, находящийся в Санкт-Петербурге по адресу Миллионная ул., д. 36.

самой, как говорят, до Невской Дубровки. Больше здесь ни единой батареи не было. И командир, узнав о том, что немцы готовятся переправляться, приказал открыть огонь. Там от батареи до Невы было 15 километров. Батарея могла стрелять на 18 километров. Ее дальноточность была. И вот два дня они вели яростный огонь по Шлиссельбургу. Не столько по Шлиссельбургу, сколько по Неве, создавая видимость того, что этот берег укреплен наш, что вот огневой заслон. И немцы поверили в это. И отказались от переправы. А за эти два дня пришли на берег на наш, на правый уже, настоящие фронтовые сухопутные и железнодорожные батареи⁴⁴. И берег действительно был укреплен. Но интересно то, что решили, что по Неве и по Шлиссельбургу в тот... В те дни били несколько батарей – даже наши в штабе запутались. И вообще-то, про эту батарею забыли. Это была целиком инициатива командира. А наши – только потом уже я нашел в штабных документах – они писали о том, что «наши батареи из района Сосновец вели огонь по Неве и Шлиссельбургу». А там была только одна батарея. Потом она всю блокаду защищала Дорогу жизни и участвовала во всех операциях по прорыву блокады. Вот это тоже я все раскапывал. Вот так сложно было все это найти. Потом мы нашли даже командира батареи. Ездили к нему в Севастополь. Он тоже нам рассказал и подтвердил, что это действительно так все и было. И вот, когда я попал вот в эту обстановку, я как бы вернулся снова в Дорогу жизни, вернулся снова в блокаду – это был вот какой-то такой толчок. И я почувствовал необходимость писать стихи. Но это был новый взгляд на блокаду, не тот. Не мальчика-блокадника. Вернее, он какой-то был такой тройной взгляд. С одной стороны, память мальчика-блокадника, с другой стороны, взгляд на блокаду уже спустя много-много лет и взрослого человека. А с третьей стороны, это был взгляд на блокаду уже основанный на документах, проверенный. Еще... Что вся память, она была проверена и дополнена документами. И вот первое стихотворение, которое я написал, оно было написано в 76-м году. Это было стихотворение, конечно, о Дороге жизни. И потом как-то так пошло. И в основном я писал о Дороге жизни и о ленинградских женщинах, о ленинградских матерях – это вот две темы были такие святые. Я к ним без конца возвращаюсь. Все время. Ну и, конечно, поскольку я был сам школьником, много о школе, о школьниках. Много о том районе, в котором я жил. А сейчас еще много стихов о том... О той несправедливости по отношению к блокадникам и вообще о несправедливости в оценке блокады, в освещении блокады. О неправде. Обо всем этом. Вот был какой-то период тут несколько лет назад, когда вдруг, с чьей-то подачи, конечно, вдруг усиленно заговорили о блокадном людоедстве. Ну прямо ужас какой-то был. Отовсюду только и слышно – с телевизора, с радио, с газет – все людоеды, людоеды, людоеды. Я тогда написал даже такое большое стихотворение, которое так и назвал – «Людоеды», отвечал о том, что... Что людоедство-то было, но оно было нетипичным. Что это было исключением, что надо смотреть на то, что было правилом в блокадной жизни и благодаря чему выстоял город. Вот так.

Интервьюер : Здорово. Спасибо большое. А вот скажите, пожалуйста, еще один вопрос возник.

Информант : Пожалуйста.

Интервьюер : Вот вы говорите о том, что три взгляда у вас, уже на блокаду у вас существует. Вот первые два взгляда, они чем отличаются? Взгляд мальчика и взгляд уже через годы?

Информант : А понимаете, все-таки некоторые вещи переоцениваешь. Вот то, что

⁴⁴ 101-я батарея действительно некоторое время дислоцировалась в районе Ладожского озера. О ее дальнейшем передвижении во время войны см.: Боевое расписание 1999: 43, 56, 144.

воспринимал так, воспринимаешь иначе. Ну скажем вот... Тот же самый взгляд на свою собственную маму. Я же сейчас совсем иначе это оцениваю – уже с позиций, что я сам родитель и даже дедушка теперь. Я это иначе все оцениваю. Я понимаю, что это такое. И потом, вот тот случай... Я рассказывал... И говорили люди такие опытные, что говорят: действительно, что она уже была в состоянии клинической смерти и что вот резкий раздражитель, когда ты закричал, это, значит, где-то все-таки какие-то еще органы восприятия у нее не умерли. И вот эти органы восприятия действительно заставили жизнь вернуться. Так что вот видите, вот это вот действительно по-разному, но... Все-таки многое хотелось бы забыть. Не забывается. Есть вещи тяжелые, страшные, которые не хотелось бы... Я о них и не пишу ни стихов, ничего. Потому что ведь важно не то, что нам пришлось пережить, а важно то, как мы смогли это пережить. Ведь это вот удивительно.

Интервьюер : А скажите, пожалуйста, вы не пробовали писать дневник или воспоминания?

Информант : Нет, вы знаете, я воспоминания как раз много раз писал. Меня... Первый раз меня попросили в школе... В нашей же школе. Я в школу... Школа, между прочим, одна из немногих школ, хоть и гимназии сейчас... Многие гимназии, они как-то вывернулись наизнанку. Но наша школа не называет себя гимназией. По-прежнему школой себя называет, хотя могла бы назвать гимназией себя. Но вот она, как-то у нее сохраняется преемственность вот в отношении... Отношения к своему прошлому. Вот, скажем, к блокадному прошлому. И традиция уже давно-давно существует: три раза в год, в блокадные дни, это вот 8 сентября, 28 января и около Дня Победы, в школу приходят те, кто учился в ней в блокаде. Проводят уроки мужества. Это такая уже традиция. Вот они как раз и попросили меня написать. Говорят: мы собираемся вот создавать музей и выпустить воспоминания. Для музея тоже это нужно.

Ну я написал

Ну я написал о том, как мы учились. Ну и потом несколько таких... Не так, вот как сегодня я рассказываю, такие отрывочные просто-напросто, вроде бы как бы новеллы отдельные, об отдельных случаях.

Интервьюер : Там же?

Информант : Например, о том, как в 41-м году встречали Новый год.

Интервьюер : 42-й год?

Информант : Да, 42-й год как встречали. Елки, конечно, никакой не было. Не до этого было у нас. Но дедушка мой, он еще тогда был жив, он был большой выдумщик. И вот он у меня попросил акварельные краски, забрался на стол, приставив его к стене, и прямо на обоях нарисовал елку. Акварельными красками. Бабушка на него стала ворчать. Говорит, что: «Ты же испортил обои». Он ей говорит: «Молчи, Алексеевна. Эти обои после войны в музей возьмут. Мы же все равно ремонт собирались делать». Потом достали елочные игрушки. Он вбил в кончики ветвей гвоздики, и вот мы на эти нарисованные ветви, на эти гвоздики стали вешать игрушки елочные. И вот эту нарисованную елку (*нрзб* .), как живую. И хотя коптилка всего на столе была, но вот это она так начала тускло отсвечивать, все интересно. А потом, когда мы все разобрали, и в игрушках мы там нашли клад – оставшиеся от прошлого года орехи в золотой скорлупе грецкие и конфеты, прямо вот которые висели на елке на ниточках. Вот так они туда их положили. И какие конфеты: «Мишка на севере», «Раковая шейка», ой, это было вообще потрясающе. И вот около 12 часов сели к елке, а ведь конфеты все разделили, каждому досталось вот по ореху, не помню уже, по сколько, по две что ли «Раковых шейки», по «Мишке на севере» – роскошь такая была. Правда, бабушка взяла одну конфету в рот, потом схватилась, говорит: «Ой, чуть зуб не сломала. Старая конфета. Колюша, лучше ты ее скушай». И подвинула мне свои конфеты. А дедушка, тот просто молча взял в темноте, подвинул свои

конфеты мне. *(Смеется.)* Во какая была елка у нас.

Интервьюер : Праздник.

Информант : Ну я написал тоже вот об этом такую маленькую новеллу. Там так и называется «Нарисованная елка». Но самое интересное, как иногда переплетается. Ну я своим ребятам устраиваю елки, и вот однажды, когда мы украшали елку, я взял вот это и рассказал.

Интервьюер : Дома?

Информант : Дома, да. Всю вот эту историю рассказал. Ну а потом, когда стали разбирать елку, я смотрю, моя дочка, она тогда еще, ей было года четыре или пять... Ну лет пять, наверное. Смотрю, она в коробку конфеты прячет. Я говорю: «А зачем ты конфеты убираешь? Ведь больше блокады не будет». Она говорит: «Все равно, это я в память о том мальчике». Я говорю: «О каком мальчике?» «Ну ты же рассказывал про дедушку и про мальчика». Я говорю: «Да я не про мальчика рассказывал». Я говорю: «Я про самого себя рассказывал». Она говорит: «Нет, ты же тогда был мальчиком». И вот я понял, что вот после моего рассказа я как бы у нее разделился: я, который сейчас, и я, который тот. И вот она в память о том мальчике, о том дедушке, значит, вот решила убрать в память. И подумал, что я тогда, что, наверное, вот дедушке 15 апреля, моему дедушке, было бы, наверное, легче умирать, если бы он знал, что вот память о нем хранит даже неведомая ему внучка. Вот так вот и должна передаваться из поколения в поколение память. А если не передается, то это плохо тогда. Забывать нельзя. А тем более такое забывать. Ведь этим можно только гордиться. Нужно гордиться тем, что такое город сотворил. Сейчас это трудно представить: никакое кино, никакая самая лучшая книга, никакой самый хороший рассказ... Вот полного представления дать это все равно не может. Все равно неполное будет. Потому что, не испытавши этого, не представишь. Невозможно это все себе представить.

Интервьюер : А вы не пытались публиковаться?

Информант : Нет, вы знаете, я публикуюсь иногда в «Вестнике ветеранов»⁴⁵. Потому что... Ну я сказки тоже иногда пишу. Раз уж сказки рассказываешь, невольно и сам писать начинаешь сказки. Ну вот две моих сказки, они были напечатаны. Одна сказка напечатана когда-то в журнале «Искорка»⁴⁶, когда еще там Вольт Суслов⁴⁷ был. А вторая сказка была напечатана в «Костре». Вот, но я... Это были не военные сказки, а вот тут я ему принес военную сказку, причем я говорю: «Ведь вы смотрите, это связано же с вашей собственной историей. Вы же можете вот сейчас рассказать, как „Костер“ в блокаду работал. Ребят поддерживал».

Интервьюер : Не взяли?

Информант : Нет.

Интервьюер : А почему?

Информант : Я не знаю, почему.

Интервьюер : Не объяснили, почему?

Информант : Обещали: «Мы К 22 июня, вот в июньский номер поместим». И ничего не поместили. Потом сказали: «Мы к сентябрю – это все равно тоже блокадная тема». И тоже

⁴⁵ «Вестник ветерана» – ежемесячная газета, печатный орган совета ветеранов Красносельского района Санкт-Петербурга. Выходит с 1990 года.

⁴⁶ «Искорка» – детский ежемесячный журнал, первый номер вышел в Ленинграде в 1957 году.

⁴⁷ Вольт Николаевич Суслов (1926–1998) – поэт, детский писатель. В 1954–1975 годах работал в редакции газеты «Ленинские искры», был редактором-составителем детского журнала «Искорка».

ничего. Я уже больше и звонить не стал.

Интервьюер : Ну да. Видимо, по их мнению, тема не та.

Информант : Нет. Это неправильно, потому что... Тем более что вот ну гордиться тоже «Костер» должен – вот какой. И тем более, что, я им когда это рассказал, они говорят: «А вы знаете, мы об этом не знали.

У нас не сохранились блокадные архивы. У нас у самих нету этих номеров». Я говорю: «Ну так тем более. Вы же можете гордиться тем, что „Костер“ тогда делал». Это все равно, что вот театр Музкомедии... Когда был его юбилей, встал вопрос: «Каким орденом его наградить?» Им, значит, предложили на выбор: или орденом... Вот затрудняюсь, уже не помню... Или орденом «Отечественной войны», кажется, или орденом «Трудового Красного знамени». И вот, вы знаете, молодые артисты оказались горластее и сказали: «Зачем нам «Отечественной войны»? Пусть будет лучше «Трудового Красного знамени». Ну а сейчас вообще у них никакого ордена нет⁴⁸... Нет даже на этом самом... На фронте никакого ордена нет. А то, какую роль сыграл театр, конечно, он заслуживал орден «Отечественной войны».

Интервьюер : Спасибо вам большое. Очень интересно. Очень жаль, что мы не сможем с вами еще встретиться. *(Конец записи .)*

Интервью с Ириной Григорьевной

Интервьюер : Давайте, может быть, начнем вот с начала, еще с предвоенного времени. Расскажите, пожалуйста, вот о вашей семье, как вы жили перед войной...

Информант : Перед войной мама с моим отцом разбежались, еще когда я⁴⁹ совсем маленькая была. Поэтому мы жили здесь, в Ленинграде, с бабушкой, с бабушкой и мама. Мама работала во Всесоюзном институте растениеводства, летом она уезжала на всякие сортоучастки и меня, девчонку, начиная с пяти лет вот, каждый год брала с собой. Поэтому я ездила очень хорошо еще в детстве. Ну потом была школа, потом... у меня очень дедушка был хороший, очень хороший, и бабушка тоже, дедушка... то есть была семья. Вот сейчас очень как-то знаете, у нас семьи распадаются, дети стараются жить отдельно и все это, а это была, в общем, семья. Если в шесть часов дедушка приходил с работы, все дома садились за стол. В шесть часов ставили самовар. *(Улыбается .)* Вот. Потом была школа. Очень хорошо, дружные мы были, потом началась война. Финскую войну я помню, никогда не забуду, была очень тоже холодная зима, и объявлено было, что не будет занятий, потому что морозы, и всех нас отпустили, мы на радостях весь день бегали по улице, несмотря на мороз. *(Смеется.)* Занятий нет, мы веселились. Ну, когда началась война, вот наш класс, который выше нас, значит, мы в девятый перешли, когда началась война, а они в десятый класс, он весь ушел в ополчение. И ни один человек не вернулся. Всех мы их знали, в общем, никого их не стало. У нас здесь... Ну что мы... мы в школу собирались все время, что-нибудь если надо, чего не надо, и потом через райком комсомола нам всякие задания давали. Началось с того, что нас отправляли на всякие земляные работы. Мы рыли танковые рвы под Ораниенбаумом. И один был очень такой даже

⁴⁸ 1 октября 1979 года Ленинградский государственный театр Музыкальной комедии Указом Президиума Верховного Совета СССР был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

⁴⁹ Информантка родилась в 1925 году, находилась в Ленинграде все время блокады, работала в госпитале. Имеет высшее филологическое образование. Интервью проходило в квартире информантки в январе 2003 года. Общая продолжительность аудиозаписи интервью – 78 минут. Интервьюировала В. Календарова. Архив Центра устной истории ЕУ СПб. Интервью № 0102004. Имя и отчество информантки изменены.

немножечко комичный – рассказать? – случай.

Интервьюер : Угу.

Информант : Тихо было. Как-то ни самолетов, ничего не было, и вдруг в один прекрасный день прилетает немецкий самолет. Видимо, разведчик. Низко так летит, видно, свастика видна, человека видно, там сидит. Мы, конечно, из этой ямы все наверх, кто ему кулаком грозит, кто фигу показывает, значит, все это, реагируем. И вдруг из этого, из... лесок такой небольшой стоял, оттуда, там как раз часть была, та, военная, для которой мы окопы-то и рыли, бежит офицер, расстегивает этот, кобуру, вытаскивает этот револьвер, кроет нас шестиэтажными всякими словами (*смеется*), грозит этим самым: шас же, говорит, вниз, трах-тибедох! Мы, конечно, все вниз попрыгали, с удивлением на него смотрим: что такое, почему вы нас так ругаете? Вы, говорит, такие-сякие, опять нас покрывает как следует. Неужели вы не соображаете, говорит. А если бы он вас полоснул, говорит, из автомата, вы бы, говорит, все бы, говорит, здесь лежали! А мы бы все в трибунал, говорит, пошли бы. Вот такой случай был у нас. (*Смеется.*) Вот. Ну потом началась здесь блокада, когда тоже вот на крышах сидели эти самые, зажигалки ловили. В общем, дружный у нас был такой класс, дружный. Мы и сейчас – правда, мало нас очень осталось, – но двадцать седьмого числа мы всегда собирались. Вот день снятия блокады, мы всегда собирались. И приезжали: кто в Москве – из Москвы приезжал, вот в Эстонию одна у нас попала, в Силамяэ она работала, – оттуда она приезжала, из... Кто в Америку уехал – звонили нам всегда. Ну в последние годы уже ни из Москвы, ни из Эстонии, уже никто не приезжал уже. Уже тяжело. И в этом году срывается наш сбор, потому что два человека больны: ну просто в такой холодрыге они, у одной не топится квартира – она заболела, а вторая, на улице что-то где-то такое долго ходила, она простудилась. Ну вот, мы... осталось... было нас много, а осталось нас всего пять человек. Вот из нашего класса, вот из нашей такой компании. Вот так.

Интервьюер : А школа это какая, в каком районе была?

Информант : Это Петроградский район. Я вообще из Петроградского района, жила на улице Красного курсанта, наш дом разбомбили, и нас переселили в другую квартиру, тут же, угол Красного курсанта и Большого проспекта. Вы Петроградскую представляете, знаете, нет?

Интервьюер : Да, я сама там выросла.

Информант : О! Эту... пожарную часть знаете там?

Интервьюер : Угу, да, да.

Информант : Это самое, угол Съезжинской и этой, вот против этой пожарной части как раз вот была наша комната, мы уже в коммунальной квартире, там-то у нас была отдельная, в том доме, который разбомбили, а здесь была коммунальная квартира. Здесь вот мы как раз, вот здесь жили. Ну вот. А потом сначала я несколько месяцев работала на заводе, но завод встал, уже там ничего не было, я, значит, оттуда ушла, в школу вернулась, вроде занятия у нас начались. Но потом они, конечно, кончились, и мама моя, она агроном, но и вот до войны она работала в немецком колхозе, который располагался между Малой Охтой и Володарским мостом, вот это все было, это был колхоз. Сейчас там все застроено, там уже, значит, эти новые дома и прочее.

Интервьюер : А почему немецкий?

Информант : Немецкий, там вот был еще при Екатерине... Они там...

Интервьюер : А, там была немецкая колония?

Информант : Да, да, да, там был немецкий колхоз, причем очень хороший колхоз, замечательный, просто прямо прелесть, и их, значит, им предложили уехать, конечно, отсюда, и последними эшелонами они, значит, уезжали. Но им поставили условие, что ничего из съедобного они с собой не берут. Ни семян, ничего. Там вам все дадут, все должно остаться

здесь. И это вот нас с мамой спасло, у нас был мешок овса. Ни какой-то там крупы, а овса, и вот мы этот овес (не знаю, наверное, вам не приходилось видеть кофейные мельницы, такие вот большие, вот деревянные вот такие, вот так вот они крутились), и вот мы на этой мельнице, этот самый, его не чистили, ничего, просто вот так вот терли и потом из них лепешки делали и на буржуйке вот на крае, не на сковородке, а по краям вот эти самые, пекли эти лепешки. Так что вот это было наше подспорье в блокаду. Это нас всех, и меня, и маму, и вот эту Лидочку-врача, с которой мы сдружились, вот нас всех это выручило. Нас выручило, и потом, этот, Кировский, в районе там же бомбило же очень, и оттуда же переселяли, и нам в квартиру вселили женщину с двумя детьми. Три года мальчонка был, и девчущечка еще, совсем маленькая грудная девчущечка. И вот этого мальчонку тоже, я вот начинаю печь эти штучки, он придет в комнату, смотрит. «Пёти, пёти» – лепешку так называет, и вот я ему эти лепешки, лепешки и этого мальчонку тоже подкармливала. Просто я прямо не могла, все тут сжималось... Ну вот. Потом, я не знаю, как мама попала в этот госпиталь, вернее, знала, но я уже сейчас много чего забыла и все это, и меня потом туда перетащила. Так как там медицинского персонала никакого не было, я там была медсестрой. Значит, вот в семнадцать-восемнадцать лет я там отработала медсестрой. Все это на ходу, все... Ну тяжелое, конечно... Понимаете ли, конечно, страшное было время и страшно тяжелое было время. Много было ужасов, всего. Все это, все это правда. Все это было... Но понимаете ли, это была наша юность. Понимаете, семнадцать-восемнадцать лет. Если о своей юности нечего вспомнить такого, хорошего для души, то я считаю, значит, этой юности не было. Так не бывает. И потом, кроме страха, и ужаса, и жестокости, была еще и доброта. Доброта и человеческое отношение друг к другу. Это тоже было. И если кто-то говорит, что этого не было, это неправда. Было это. И когда вот иногда говорят, что вот люди падали и, мол, никто к ним не подходил, – понимаете, не подходили никто не потому, что вот человек упал и никто не хотел ему помочь. А вот я иду, человек упал, и я понимаю, что если я начну этого человека подымать, то я тоже упаду и тоже не встану. И я уйду и этому человеку не помогу. Очень часто именно так объяснялось. Понимаете ли, было, и добро было, и человеческое отношение друг к другу было. Все это было. Понимаете, все это было. Так что нельзя только одни кошмары вспоминать. Так вообще жить нельзя, если вспоминать только ужасы, понимаете ли. А госпиталь наш располагался на Каменном острове. Вот там, где были вот эти, дома отдыха. Причем вот эти сейчас элитные дома, где сейчас встречают всяких гостей и все это (*усмехается*), вот там люди умирали в этих домах. Та же десятка, та же двойка, вот так они тогда назывались. Как они сейчас, я не знаю, называются...

Интервьюер : Это номера домов? Десятка, двойка...

Информант : Это номера павильонов, понимаете, этих номера. Там же эти, были санатории и дома отдыха, и вот номера этих домов отдыха, двойка там, десятка, самые шикарные вот эти два дома, которые сейчас правительственные, там сейчас гостей принимают. Когда все вот иногда там показывают и по телевизору, как туда везут и все это, там и этих, и всяких высоких гостей принимают, когда в Ленинград приходят. А тогда там это был наш вот госпиталь. Понимаете ли (*пауза, вздыхает*) умирали, умирали люди. Мы их возили на Серафимовское кладбище. Там, на Пискаревское, вы знаете этот мемориал, вот точно такой же есть на Серафимовском, только поменьше он. Если, может быть, приходилось вам бывать на Серафимовском кладбище...

Интервьюер : Угу.

Информант : Вы видели, ну вот, и вот туда свозили. И там в общей могиле просто вот хоронили. По бокам там имена. Понимаете ли. И зачастую просто вот к нам, к госпиталю вот просто привозили вот трупы – ночью привезут, оставят и убегает. Потому что никуда везти

уже сил нету – привозили к нам. А как-то вот, я никогда этого не забуду, на грузовике привезли ребят, ремесленников из ремесленного училищ. Значит, их собирали по городу. Такой, крытый...

Интервьюер : Угу.

Информант: Грузовик. Часть, значит, вот мы перетащили в свой павильон, часть уже мертвые были в этом грузовике, а часть разбежалась. Вот те, кого мы принесли, – кто они, откуда они, мы знали. А они друг друга не знали, их с разных мест собирали – кто убежал, кто умер – так неясно и осталось.

Интервьюер : Угу. А почему они убежали?

Информант : Ну не хотели в госпитале, силы еще у них были, понимаете ли, не хотели они. Считали, что в больницу вместе с умирающими – так это и сам помрешь. Не верили, что там как-то могут поддержать. А там ведь, понимаете, там, конечно, дополнительного, никакой еды не было. Но что вот было и что людей поддерживало – ведь как выкупали хлеб на карточках – покупали, получали карточки и сразу на два дня покупали. И сразу съедали. Потом день вообще без еды и потом на день вперед, значит, эти сто двадцать пять грамм и сразу утром съел и все. А там, понимаете ли, не давали сразу утром все есть. Все-таки утром был горячий, ну чай – это так, относительно он назывался, но все-таки там одна чайночка, допустим, плавала. Горячий чай с этим хлебом. Днем – ну тоже, может быть, нельзя назвать супом, но все-таки там, я не знаю, крупинка крупинку догоняла, но все-таки горячее с солью, вот эта крупинка плавала, и, наверное, какой-то листочек там плавал, понимаете. И то, что понимаете, вот человека, три раза в день он имел что-то горячее, и этот хлеб мы делили, мы не давали сразу 125 грамм, допустим, или потом, когда 250 стало, тоже сразу. Значит, часть утром дадим, часть днем дадим. На вечер не оставляли, это точно, потому что невозможно было, они смотрели на нас такими глазами, что сказать, что вечером дадим, это все... Днем давали вот что-то, что-то такое. Ну а летом мы свой огород там развели, капусту насадили, и, знаете, что интересно, уж я не знаю, я понятия не имею, откуда семена и эта капуста была в Ленинграде в тот год, но кочны не завязались нигде. Вот где бы эту капусту ни сажали, одна вот эта, хряпа она называлась, зеленые такие вот листья, большущие, правда, их много было. Но в кочан капуста нигде не завязалась в городе, где бы ее не сажали. И вот эту, значит, вот эту хряпу, так называемую, значит, рубили с солью, ну тоже, как зеленую, как эту, кислую капусту делали. Ну вот это тоже пошло. Потом там рядом воинская часть стояла, они иногда помогали. Но они старались, понимаете, подсунуть работникам. Там у нас одна девочка была тоже медсестрой, очень она, она все, что она тут получала иногда, она все старалась унести домой к матери. Понимаете. Я-то с мамой тут была, и больше никого не было. Поэтому все, что мы имели, то мы для себя и имели. А она вот... И вот они ей иногда подсовывали, понимаете. Так что я говорю, что добра тоже много было в то время. Тоже было много добра, нельзя сказать, что только было все это... Ну что я еще могу вспомнить – театр.

Интервьюер : Вы ходили в театр?

Информант : Ходили в театр. Представляете, с Каменного острова в Александринку⁵⁰ мы ходили пешком. И ведь когда электростанции все были взяты, и не было света в городе, и как только их вернули и дали свет, ведь в первую очередь дали заводам, военным и все это, дали в Александринку, в театр. И вот мы ходили. И, вообще, представляете вот такую картину –

⁵⁰ После попадания бомбы в здание Ленинградского театра музыкальной комедии его спектакли с 25 декабря 1941 года шли на сцене Ленинградского академического театра драмы им. А. С. Пушкина (в 1832–1920 годах – Александринский театр; в настоящее время – Российский государственный театр драмы им. А. С. Пушкина – Александринский театр), труппа которого находилась в эвакуации.

вот сидит полный зал: в шубах, в меховых шапках, в валенках, в это самое, и все равно вот им холодно, а на сцену выходят Брилли и Колесникова⁵¹ в декольте, с голыми руками... Ну, вообще, представляете себе это? И вот они пели, вот все эти годы они пели. Так они уже после войны уже очень быстро сошли. Потому что все голоса, конечно, были сорваны, понимаете ли, абсолютно. Вот сейчас, между прочим, вчера вот это был, «Рио-Рита», по... по российской программе, они, значит, иногда ну старые... старых всяких вспоминают артистов, и вот он вспомнил про Музкомедию, которая в блокаду работала, но, правда, он назвал только Виноградову. Виноградова уже позже была, понимаете ли⁵². А вот тех, кто были в блокаду, вот я даже не знаю, их судьбу я не знаю. Вот, например, кордебалет когда выходил, значит, танцевал, а там вдоль сцены были поставлены такие, деревянные палки были сделаны, они танцевали, потом шли к этим палкам и стояли, держась за них, потому что, видимо, так вот, ну стоять в позе, как вот обычно кордебалет стоит, оттанцевав свои номера, и он принимает какую-то позу красивую и стоит, они не могли. Они стояли уже, держась вот за эти палки. Нет, это... это великое дело. Это наша Музкомедия это... И вот мы... с Каменного острова мы тащились туда. Вот. А во вторую зиму, когда уже все-таки так было и вот это вот, представляете себе, вот, значит, мы протопим эту буржуйку и эту самую хряпу перемешаем с постным маслом, с солью, суем в эту горячую буржуйку и уходим в театр. И вот сидим в театре, что-нибудь смотрим-смотрим, потом вдруг кто-нибудь из нас вспоминает: «Ой, а у нас же там хряпа теплая стоит!» *(Смеется.)* «Придем, кушать будем!»

Интервьюер : А это вы в госпиталь возвращались то есть?

Информант : Да, да.

Интервьюер : То есть вы там ночевали, да? Домой вы не ходили?

Информант : Да-да-да, это было казарменное положение, это уже третий год – уже все, она уже кончилась, мы уже домой ходили. Это уже был, был уже не госпиталь. Там уже не дистрофики были, там уже просто был дом отдыха, там ремесленников направляли отдыхать, просто людей из производства, там отдыхали. Тоже было... это уже было совсем другое. А это вот, тяжеленные вот эти две зимы, конечно. И лето, это было жутко... Да... Вот, а вы знаете вот, что когда снята была блокада, не прорвана, а снята, вот 27-го⁵³ как раз мы были в театре. Уж я не помню, что там шло – «Сильва» или чего другое. И вот третий акт не начинается и не начинается. Все: «Что такое, в чем...» И вдруг выходит Янет⁵⁴, это, значит, он тогда руководил театром, и говорит, что только что сейчас по радио передали, что немцев отогнали, блокада снята. Ой, представляете, что было в зале – он взорвался! И вот он сказал, сейчас, говорит, будет салют, и, если вы хотите, вы можете выйти, посмотреть салют, потом вернетесь, и мы продолжим. Ну все, конечно, высыпали на улицу. Ой, это был салют, вы знаете, я такого больше не видела! *(Смеется.)* Правда, это неправда, но для меня это был самый лучший салют в моей жизни. Ну а потом вернулись, и уже артисты в тот вечер пели ну просто бесподобно! *(Смеется.)* Вот такие всякие вещи. Вот, а когда, еще до госпиталя, еще когда вот мы так в

⁵¹ Имеются в виду Е. Ф. Брилли и Л. А. Колесникова, актрисы Ленинградского театра музыкальной комедии в годы блокады.

⁵² Зоя Акимовна Виноградова, народная артистка России (1978), действительно начала работать в Ленинградском государственном театре музыкальной комедии уже после блокады, в 1949 году.

⁵³ То есть 27 января 1944 года – день снятия блокады Ленинграда.

⁵⁴ Н. Я. Янет – художественный руководитель Ленинградского театра музыкальной комедии в годы блокады.

районе, вот мы приходили в райком с утра, и вот нам какие-нибудь там задания давали. Тогда, значит, детей отправляли в эвакуацию. Мы ходили по квартирам, составляли списки этих детей, на вокзал их отводили, на поезд их сажали, потом было несколько эшелонов, они через Тихвин шли, значит, они дошли до Тихвина, и немцы перекрыли дорогу и Тихвин. И вот надо было срочно этих ребятишек обратно возвращать, там машины брали, вот этих ребят мы привозили сюда, ночью – ну как, из школы же никуда с ними не пойдешь. И вот мы поймали несколько патрулей, которые ходили по городу, и уговорили их: «Вот помогите нам, давайте, ведь вы же можете ходить по городу, давайте разведем ребятишек по домам, чтобы их вернуть». Вот. Потом нас посылали по квартирам собирать ребят. Представляете, вот квартира холодная, ледяная, лежит мертвая женщина, и у нее в руках вот прижатое к себе, закутанное, еще живой ребенок. И вот надо было эти руки разжать, они же зачленели уже, вот этого ребенка вытащить, а он уже даже не плакал, так, какие-то пiski издавал. И был пункт, куда мы этих ребят приносили, сдавали, там их кормили, обмывали и потом по Ладоге, значит, отправляли. Вот, видите сколько всего...

Интервьюер : А почему вот вы с мамой все-таки не уехали в эвакуацию. Вы говорили, что предлагали с колхозом?

Информант : Не хотели. Нет, нет, не хотели. Я даже не знаю, предлагали ли с колхозом ехать или не предлагали, этого я не знаю, а вот у меня дядя, он на авиационном заводе работал, он, значит, уезжал с женой. И вот он все время старался, чтоб мы с мамой уехали. Ну ни в какую, ну не хотели. Вы знаете что, ведь из Ленинграда иногда просто силком увозили. И, наконец, он все-таки нас вытащил к пристани, значит, по Ладоге еще по воде перевозили, значит, на ночь, с утра должны были поехать, а подошли совсем немцы, и из пригородов в город хлынул народ весь. Ну и было дано распоряжение в первую очередь увезти этих вот, которые из пригородов, те, которые в городе, хотя бы тут им есть где жить, а этих куда девать? Ну, и мы с мамой забрали свои шмотки и скорее-скорее домой убежали. *(Смеется.)* Дядюшка потом пришел, ругал нас... Ну не знаю, ну понимаете, во-первых, конечно, никто не представлял, что это будет. И потом, я вам честно скажу, что я ни разу не пожалела о том, что я не уехала. Но, правда, вот все благополучно кончилось, были я и мама, никого... Дедушка и бабушка, и уж потом мы говорили, какое счастье: они умерли за год до войны. Они не попали, они бы не пережили бы блокаду, понимаете. Но намучились бы ужасно, мучительной была бы смерть. А так нормально умерли, вот тут на Серафимовском тоже похоронены. Так что вот, не хотели, ну многие не хотели, не уезжали. Понимаете, что ведь и даже понимали, что надо как можно больше вывезти народу, потому что легче будет и кормить, и вообще все, но вот не хотели уезжать из родного города. *(Смеется.)* Не знаю, я ни разу, но, правда, вот я все-таки не умерла, я и не умирала, но не жалела, и то все, что я видела, все, что я пережила, и все, что мне пришлось здесь делать, и все это... все это я считала так и... раз надо – значит надо, тут никаких разговоров быть не могло. Вот. А эта вот врач, о котором я вам говорила, это вообще, как говорится, врач от бога был. Вот не каждый получивший, окончивший там медицинский институт и ставший врачом, вот может быть хорошим врачом, а Лидия Александровна вот эта, это была удивительная... Она вообще потом по сердцу, она кардиологом была, и там уже потом был этот санаторий, она там работала в санатории, я тоже с ней там же работала. И вы знаете что, я не знаю случая, чтобы Лидочка ошиблась в диагнозе. Вот привезут с каким-то диагнозом, ей совсем немного надо посмотреть человека: нет, это не то, вы, говорит, ошиблись, говорит врачу. Больной: ой-ой-ой, что такое, как это мог... Вот так. Начинают делать анализы, начинают осмотр, и действительно получается, она прямо, знаете, как-то вот на лету сразу. Это не каждому врачу дано, это, я говорю, врач от бога. Она и это имела, «заслуженный врач республики», или чего это было, вот это звание, все это. Медали мы все пополучали. А один

наш друг, поэт, Андрюшка, он младше был, он даже, у него даже есть такое одно стихотворение:

Нам в сорок третьем выдал медали
И только в сорок пятом паспорта⁵⁵.

(Смеется.) Но его уже нет, к сожалению, в живых. А так, в общем, вот... Потом убрали город. Но там, правда, на Каменном острове особенных таких завалов не было... Все-таки как-то больше было порядка. Но вот дороги приводили в порядок. Мусору, все это вывозили, вывозили, убрали, и даже уже больные, которые уже могли ходить, они: и мы, говорят, тоже будем. Мы говорим: «Нет, нет, нет, уходите, это не ваше дело» «Как это не наше дело!» (Смеется.) – «Вы тут нас вытащили, мы должны вам помочь!» Вот, такая вот взаимосвязь, и все это. А я никогда не забуду одного паренька. Привезли его, он стоять не мог, его внесли. И он у нас несколько месяцев, вот мы его вытаскивали, выковыривали, буквально вот с того света. И потом, когда, значит, а он тоже ремесленник был, он даже не ленинградец, он приехал сюда учиться в ремесленное училище и вот попал. И когда он уходил, мы его нарядили, одели, одежды-то много всякой оставалось, все это перестирали, одели, и Виктор от нас ушел – ну просто ж я не знаю, принц какой-то. (Смеется.) Вот он так вот у меня перед глазами вот и стоит. А еще такой грустный случай у меня пред глазами. Привезли тоже... мать привела, причем внешне даже не такой уж он был, знаете, истощенный, и палаты все были забиты, положили его в коридоре. Но она ушла, я, говорит, завтра утром приду. Ну вечером тут накормили его, чего-то там, какой-то укол ему чего-то сделали или что, но он не дожил, он умер, все равно он ночью умер. Пришла, значит, мать – вот, нету его. Он так, говорит, и умер в коридоре? Я говорю: «Нет, нет, нет». Я уж неправду ей сказала, но надо было как-то, понимаете, чтоб матери легче было от нас уйти. Я говорю: «В палату положили, он в палате лежал, в палате умер». И отдали ей все вещи, ну вот, все это. Вот, всяко. А потом еще тоже, из интересных таких – кошка у нас там была. Мы эту кошку с собой забрали в этот госпиталь. Она, конечно, в кухне притулилась, потому что понимала, что ей там будет лучше. Но иногда она поднималась и ходила по палатам. Так вы знаете, когда кошка входила в палату, так даже самые вот, которые не двигаясь, поднимались и вот смотрели – кошка, живая кошка! В блокадном Ленинграде живая кошка! А она так гордо ходила, задрав голову, точно вот понимала, что вот на нее смотрят. Мне эта врач говорила: слушай, ты вот знаешь, что лучше всяких лекарств, вот ты, говорит, Дымку приноси, пусть она, говорит, ходит по палатам. Она лучше всех, говорит, вылечивает, говорит, наших дистрофиков. (Смеется.) Вот такие всякие вещи были. Да...

Интервьюер : А День Победы помните?

Информант : День Победы... (пауза) День Победы я встретила в Гатчине. Мы как раз вот с этой врачом, с Лидочкой, – уже, значит, их обратно... Она эстонка по национальности, и когда... Ну, эстонцы тоже жили здесь со времен Екатерины.

Интервьюер : Угу.

Информант : И когда, значит, немцы пришли, то они всех эстонцев убрали в Эстонию. Они там тоже хватили лиха. Потому что они там, эстонского они никто не знал, ничего они не знали, не умели, одна только вот их... их было три сестры, и одна очень хорошо шила. Так вот

⁵⁵ Информантка цитирует строки стихотворения Юрия Воронова (1929–1993) «В блокадных днях мы так и не узнали...» из книги стихов «Блокада» (1973).

она всех... они выползли только за счет того, что она шила. Ну потом их всех обратно вернули. И вот когда, значит, уже можно было ездить без пропусков, мы, значит, с Лидочкой поехали туда, познакомиться с ее сестрой, с ее матерью, с тетушками ее. И вот как раз День Победы мы были там. Вдруг, значит, к поселку мчатся дети и кричат: «Победа! Победа!» Мы, значит, все сорвались. Все пошли в клуб, там, значит, радио включено, там все эти выступления, все, гармошка, пляски, скачки, водку откуда-то, конечно, принесли, тут же все за победу выпили, понимаете ли... Ну на следующий день уже сюда вернулись. Ну это я уже не работала уже в госпитале. Я уже... А я... я тут... был такой период, когда я... Понимаете, был такой период, когда кончилась блокада, то стали возвращаться, и медсестры появились. И нас, медсестер без всяких этих, документов, значит, стали убирать, а этих они должны были брать. Мы говорим: «Да как же вам не стыдно, мы же тут всю блокаду работали, мы лучше их знаем, чего надо людям!» (*Смеется.*) Все, говорят, мы обязаны, значит, взять на работу. А я в вечерней школе. Я, значит, два последних класса, 43-й и 44-й год, я в вечерней школе училась. И уже готовилась поступать в университет, поэтому я уже не работала, в этот День Победы. Мы уже дома праздновали, мы жили в коммунальной квартире, тоже праздник такой устроили. У нас хорошая была коммунальная квартира, ничего не могу сказать. Весело все это там было. А потом я уже в университет поступала. Вот так.

Интервьюер : Это в 45-м году, да?

Информант : Это в 45-м году. Да.

Интервьюер : Уже после окончания войны...

Информант : Да, это в 45-м году, уже когда университет вернулся.

Интервьюер : Угу.

Информант : Он в 44-м вернулся, в 44-м я кончала вечернюю школу⁵⁶. Вот она, наша школы была, вот если тоже знаете, по Введенской туда к Каменноостровскому, значит, вот угловой дом. Потом такой, в общем, не знаю, был там дом или не был, но только, в общем, пустое место, и только наша школа стояла. Вот эта школа, ее я кончала. Так что вот. Ну что еще вам вспомнить... (*Пауза.*)

Интервьюер: Ну расскажите немножко, может быть, про послевоенную еще жизнь, как вот жилось после войны.

Информант: Тяжело, конечно, жилось, понимаете ли... Карточки, разрушено все... но, надо сказать, вот когда даже бомбили еще даже вот, в блокаду-то вот эти все вот, особенно вот в центре, разрушенные дома, они так не стояли, их не то что их ремонтировали, но их... как бы заплатки ставили, понимаете ли. Из фанеры, рисовали на них окна и все эти дыры вот закрывали. Так что вот если внешний вид, если сфотографировать, все вроде нормально, улица стоит. Ну потом началось, конечно, стали восстанавливать все. Университет вернулся, университет тоже, ну мы принимали участие просто в чистке университета. Потому что там тоже были госпитали, и военные, и такие, и просто его надо было, в порядок его приводить. Ректор тогда был очень сильный, он, надо сказать, ему, он потом, когда было «ленинградское дело», он погорел во время этого, но это был очень умный, очень сильный человек, и очень энергичный, Даниил Вознесенский⁵⁷. Он очень много для университета сделал, огромное ему

⁵⁶ Ленинградский государственный университет был эвакуирован в Саратов в марте 1942 года, где продолжал свою научную и учебную деятельность. В июне 1944 года

⁵⁷ Имеется в виду, очевидно, Александр Алексеевич Вознесенский (1898–1950), ректор ЛГУ с июля 1941 года. С февраля 1948 года по июль 1949 года – министр просвещения РСФСР. Был арестован в ходе «Ленинградского дела» и расстрелян в 1950 году.

спасибо, конечно, за то, что он сделал для университета, чего он добился для университета. А мы, значит, вот наша группа, например, была – блокадники, вернувшиеся из армии, ну один, правда, был, Леня М<...>⁵⁸, он был инвалид от рождения, у него что-то было с ногой, он ходил с костылем, все это, так что он не воевал, ничего, но он в блокаду здесь был. В блокаду здесь был и пережил блокаду. Вот. Вообще, было очень такое приподнятое настроение, и, надо сказать... не знаю... но мы молодые были. Понимаете ли, конечно, были и семьи, где люди погибли на фронте или на войне. Но вот у нас вот не было такого. Были я и мама, больше никого не было. Понимаете. Поэтому наша семья не разрушилась. Поэтому вот этого горя и несчастья у нас не было. А ведь не было же практически семьи, где бы кто-то не погиб, либо на фронте, либо в блокаду. Конечно, это ужасно и страшно. Но они поднимались. Понимаете, жизнь ведь берет в любое время. Она берет свое. Надо было работать, надо было учиться, надо было восстанавливать город. Вот это все как-то вот и вовлекало людей, отвлекало от всяких отчаянных мыслей, и от ужасов, и от всяких-всяких таких вещей. Конечно.

Интервьюер : Но вы вспоминали блокаду вот в вашей группе, вот когда в университете учились?

Информант : Вы знаете что, честно вам скажу, не очень. Как-то вот прошло и прошло. Ведь и даже потом же уже появлялись люди, которые в город после блокады приехали. Они как-то, я даже не скажу, что они очень как-то так интересовались или расспрашивали. И мы тоже. Вы знаете, что, видимо, это была какая-то вот такая, ну форма защиты, что ли вот. Понимаете ли.

Интервьюер : Угу.

Информант : Потому что, если все время об этом думать, и вспоминать, и заново все это переживать, это, может быть, даже будет более тяжело вот душевно, чем в то время. Потому что в то время, когда это было действительно и голодно, и страшно, и холодно, душа, она как-то была на последнем месте, физические страдания, понимаете, занимали. А тут, когда физически ты здоров и сыт и все у тебя нормально, и, если ты будешь все время об этом думать и будешь это перемалывать, так душевно ты совершенно... Вот я смотрю, вы знаете что – у нас вся вот лестница, этот дом, был заселен как-то вот блокадниками. И вот есть некоторые, которые вот только, только и разговоров о том, как вот сейчас. Вот как сейчас, как в блокаду, вот мы сейчас к блокаде приближаемся. Вот сейчас, знаете, ведь все эти аварии, многие вот... Вот у меня есть приятельница, тоже вот мы учились вместе до войны в школе и после школы продолжаем держать связь, у нас и в блокаду она тоже была. И вот у нее сейчас ни воды холодной нету, у нее вода не горячая, а эти... колонка газовая – раз воды нету, значит, и горячей воды нету, и батареи у нее холодные. И каждый вечер с девяти часов свет отключается. Вы представляете себе?

Интервьюер : Угу.

Информант : И вот. И вот в таком состоянии дом, и куда НИ ЗВОНЯТ, куда ни говорят – один раз пришли, посмотрели. Ну и все. И больше нет, так что понимаете что, не очень много. Ну были, конечно, разговоры, но во всяком случае единственное, что я могу сказать, что истерик и вот таких что: «Ай, было вот так вот, кошмар». Вот таких разговоров не было. Как-то вот, ну как вот сейчас, разговаривая с вами, мне все-таки вспоминаются добрые моменты этого, так и тут...

Интервьюер : Угу.

Информант : У каждого что-то, понимаете ли, было. Одна была, она работала шофером,

⁵⁸ В интервью упомянута фамилия.

значит, и даже по Ладоге машины водила. У нее все погибли, она одна осталась. Понимаете ли. Ну ничего, Ирка держала себя прекрасно. Мы дружили, все было хорошо. Так что понимаете что, как-то я считаю, что в человеческом, не знаю, организме, в душе, в уме, есть что-то, что вот ну как бы защищает человека от какого-то отчаяния, от ужаса. Если этого нету, то это ужасная, конечно, жизнь, я себе не представляю, как бы вот можно было бы жить, все время думая... Я тоже, вот понимаете, я сейчас почти ничего не вижу. У меня этот глаз совсем не видит, у меня катаракта. Меня должны были оперировать, и уже было, пришло, приглашена я была. Но я начала падать, поломала, значит, у меня нога сломана, у меня рука сломана, о какой операции могла идти речь. И сейчас тоже я ничего, надо анализы собирать, надо врачей обходить, а я вон, на улицу сейчас не могу выйти. Один глаз совсем не видит. Второй еле-еле видит, но понимаете что, я ведь даже читать не могу. Но если я начну вспоминать только одни кошмары, эти самые, все эти рассказы и все то, что я сама видела там, все эти ужасы, ну так я... Через месяц меня вообще уже не будет. Я сама себя загоню. Вот такая я. *(Смеется.)* Уж хорошо это или плохо, не знаю.

Интервьюер : А вот в блокадный музей в Соляном, пока еще не закрылся, все-таки ходили? После войны...

Информант : Да. Да-да.

Интервьюер : Помните его?

Информант : Да. Да, а как же. Я ж туда снесла, у меня были программки вот этого, Музкомедии, ну фотографии это были довоенные этих всех артистов, а программки были эти, я им туда отнесла эти программки.

Интервьюер : Еще тогда, сразу после войны?

Информант : Да, да-да-да-да-да, сразу, как только он открылся, мы ходили туда смотреть, и, значит, я им принесла эти программки, отдала эти программки.

Интервьюер : А закрытие музея помните?

Информант : *(Вздыхает.)* Ну я не присутствовала при сем, я знаю, что это, конечно... И сейчас то, что его переносить собираются... Не знаю, чем сейчас дело кончилось, оставили на старом месте или собираются его переносить.

Интервьюер : Ну вроде пока на старом.

Информант : Пока на старом, да? Я считаю, что его не надо, конечно, переносить. Во-первых, само помещение, где он, это уже сама память, понимаете. Это уже сама память. Ну сейчас я, так не собралась вот сейчас, ну а сейчас уже я, мне это исключено совершенно, для меня, к сожалению. А музей был, конечно, хороший. Они хорошо его сделали, очень хорошо. И ну, к сожалению, очень много потом пропало таких, причем именно понимаете, таких мелочей. Но без этих мелочей нет представления о том, что это было. Вот эти вот фитюлечки там все-таки. У меня ведь очень долго хранился вот это самое, этот радио-то это, штука-то эта самая. Потом уж при переездах, нас же мотало по городу, уж я не знаю как, сколько, это четвертый переезд, понимаете ли, уже. Все, конечно, по дороге, вот только эта штука осталась *(Информантка показывает на осколок снаряда, упавший в блокаду рядом с ней и потом сохраненный ею, смеется.)* Ой... Вот. Потом я еще здесь была в снайперской школе, на Большой Охте – вот сейчас здесь милиция есть, до милиции, вот в этом помещении был, это самое, школа младших командиров. И при ней были, значит, курсы – не курсы, я не знаю, как они называются, этих, пулеметчиков и снайперские. Вот я была на снайперских. И вот лето все, значит, это... 42-й... лето 43-го года вот мы там, нас, изучали снайперскую винтовку, собирались, разбирали – собирали, значит, по часам все это было, и нас возили на Малую Охту, там есть такая речка, Оккревиль, и там, значит, есть такие совершенно пустые места. Мы там, нас туда возили, значит, вот мы там из этих снайперских винтовок самых стреляли. И по

окончании снайперской школы четыре наших девочки, значит, ну мы все пришли в военкомат, нас через военкомат туда посылали, значит, обратно пришли в военкомат. Те, значит, мы все, значит, конечно, в военкомате заявили, что мы все хотим на фронт и так далее. Две были отправлены, из Центрального района. А из нашего района были две, нам сказали, так посмотрели на нас, такие девчонки, ладно, говорит, но на случай, если бы был штурм города, у меня была точка. Около Кировского завода, значит, там эти дома такие, Средняя Рогатка, меня туда возили, мне показывали, я пристраивала винтовку, как бы вот все это, что вот это мое место, и по радио должен был дать, дан сигнал, ну мы должны были собраться у военкоматов, нас бы на эти места всунули и вот. Так что у меня было место снайперское. Но девчонок решили таких не брать. *(Смеется.)*

Интервьюер : А стреляли хорошо?

Информант : Да, вот это самое, если интересуетесь, я могу вам показать.

Интервьюер : Угу. *(Пауза. Информантка достаёт документы.)*

Информант : Так, это что у меня тут такое... Все уже... *(Информантка достаёт удостоверение об окончании снайперской школы.)*

Интервьюер : Удостоверение... Угу. Ой, все оценки «отлично».

Информант : Ну. *(Пауза. Информантка и Интервьюер рассматривают документы.)*

Интервьюер : Вам еще не было восемнадцати лет, да, когда вы закончили эту школу? Наверное, поэтому и не взяли на фронт?

Информант : *(Смеется.)* Сейчас, 43-й год... Я... у меня первого... Нет, наверное, было уже, у меня же 1 января день рождения. Вот. Вот, это всякие все штучки. Ой... так что вот видите, у меня богатая биография в блокаду была. *(Смеется.)*

Интервьюер : Да.

Информант : Ой...

Интервьюер : А потом от, уже после войны, вы читали книги какие-нибудь о блокаде? Что-нибудь можете сказать... Что близко вам?

Информант : Да вот, вот, пожалуйста, тут эта самая... *(Подходит к книжному шкафу, показывает на книги.)* «Блокада» – Чаковский⁵⁹, о блокаде, ой, как ее, на букву «К»-то писательница...

Интервьюер : Кетлинская, да?

Информант : Кетлинская⁶⁰. Да, Кетлинская, Панова⁶¹, Чаковский. Эта... потом замечательная, конечно, книжка этого... ой, напомните...

Интервьюер : Не Знаю...

Информант : Знаете, знаете. *(Смех.)* Заставлено за всякими этими... Германа, Юрия Германа⁶².

⁵⁹ Имеется в виду роман русского советского писателя Александра Борисовича Чаковского (1913–1994) «Блокада» (Кн. 1–5, 1968–1975; Ленинская премия, 1978).

⁶⁰ Вера Казимировна Кетлинская, (1906–1976), русская советская писательница, автор многочисленных повестей и романов, среди которых роман «В осаде» (1947 год; Государственная премия СССР, 1948 год), посвященный блокаде Ленинграда.

⁶¹ Вера Федоровна Панова (1905–1973), русская советская писательница, автор многочисленных романов, повестей и рассказов, многие из которых посвящены Великой Отечественной войне. Наиболее известное произведение В. Ф. Пановой о войне – повесть «Спутники» (1946; Государственная премия СССР).

⁶² Юрий Павлович Герман (1910–1967), русский советский писатель, сценарист. Автор многочисленных повестей и романов, в том числе посвященных Великой Отечественной войне.

Интервьюер : Угу.

Информант : Уже потом... Но у меня, правда, его первая книжка. А вторая, когда они ее переписывали, с... и что-то там дополняли и что-то меняли, вот этой книжки у меня нет⁶³, у меня в совете ветеранов обещали, что дадут, но, в общем, что-то такое у них не получилось. Я очень благодарна университету, понимаете ли, они меня не забывают. И совет, большой совет ветеранов, там возглавляет Катя Алексеева⁶⁴, она звонит мне, и материально они мне помогают. И на факультете тоже, я после окончания университета я очень долго не работала, по целому ряду причин, по которым в то время люди не работали (смеется), из-за родителей моих и мужа, моего отца и родителей мужа. Вот, а потом, когда все друзья пришли, значит, вот в университете к этим, стали всякими там начальниками...

Интервьюер : Угу.

Информант : Мне сказали, давай, пока, говорят, мы у власти, давай, поступай, а то опять не возьмут. И вот я все время проработала на факультете методистом вечернего и заочного обучения. Через мои руки куча народу прошло. Понимаете ли, очень много. Ну и тоже, я в совете ветеранов факультета была, тоже они меня не забывают, и звонят, и материально иногда помогают. Понимаете ли, я очень им благодарна, конечно, даже не столько вот там деньги, а то, что вот они помнят. Что они помнят, не забывают меня. И книжку вот университет издал книжки. *(Информантка идет за книгой, пауза.)* Вот такие вот книжки издал об университете и работники, значит, эти самые, и преподаватели, и лаборанты, кто в лабораториях, в деканатах работали, вот мне эту книжку тоже дали⁶⁵. Значит, внук ездил, значит, взял там у них. Так что я очень им благодарна, понимаете ли. Как-то у меня очень доброе отношение вообще, вообще к людям. У меня нет...

Интервьюер : А в аспирантуре вы не учились после университета?

Информант : Не училась, нет, в аспирантуре. Понимаете ли, у меня отец был репрессирован. Родители мужа тоже репрессированы.

Интервьюер : Уже после войны?

Информант : До войны.

Интервьюер : До войны?

Информант : До войны, задолго до войны, задолго до войны. Поэтому вот муж был распределен в аспирантуру, но Москва его зарубила. А меня вообще была такая формулировка: «в распоряжение ректора». Вот мы смеялись, что мы пойдем в кабинет ректора, сядем там на табуреточке и будем сидеть, пока он не распорядится. *(Смеется.)* Вот, и никуда работать я не попала, не могла, и потом вот я говорю, что я работала методистом вечернего и заочного обучения. Это, в общем, должность, это, собственно, то, на что вешают всех собак. Это все. Это начиная от составления расписания, это, значит вот, распределение, кафедра дает преподавателей, значит, вот я присутствую, когда они, кого мне нужно, я, значит, выуживаю с

⁶³ Очевидно информантка имеет в виду уже не книгу Ю. П. Германа, а одну из трех книг «Они сражались за Родину», где описывался боевой путь ученых, работавших в ЛГУ. См. примеч. 16.

⁶⁴ Екатерина Георгиевна Алексеева, на момент записи интервью – заместитель председателя Совета ветеранов Санкт-Петербургского государственного университета и ответственный секретарь Совета по социальной защите ветеранов.

⁶⁵ Возможно, речь идет о книге В. Ф. Барабанова и А. Ф. Бережного (1995). Эта книга вручалась ветеранам на торжественных собраниях в Ленинградском (Санкт-Петербургском) государственном университете, посвященных памятным датам Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда.

кафедры, (*нрзб.*) таких преподавателей (*смеется*), это посещаемость студентов. Это вся документация, это справки на отпуск, это все это, это прием. То же самое я принимаю участие в этом приеме, эти, все эти карточки. Все это. Потом выпускные приказы, дипломы, все, то есть это, в общем, все. Это все. Это если на дневном отделении там декан, там куча замдеканов, там секретари, то у нас вот методист и секретарь, все. На все про все. <...>⁶⁶ Ну вот, все это... Ну и все это, всех их знала. Со всеми приходилось... Ведь тоже, понимаете, работать и учиться, это тоже очень сложно, причем это не то, что какие-нибудь взрослые тети и дяди, это те же девчонки-мальчишки, которые не поступили на дневное, они поступили на вечернее. Они ж молодые. Ведь, кроме того, что учиться, им еще и дружить хочется. И любить друг друга хочется, и гулять хочется, и потанцевать. Им же все это, никуда это все не денешь. У меня вот была одна такая девочка, Марина, ну, ну просто был у нее приятель. Так она пропускала, вовремя ничего не сдавала, уже по всем параметрам ее отчислять давно пора. Ругаешь ее, ругаешь... Потом наконец они поженились. Поженились, Маринка ребенка родила, академический отпуск мы ей дали, за этот отпуск она подобрала все свои хвосты, и потом – на все занятия ходит. Я говорю: слушай, Марина, я говорю. У тебя ребенка не было, с кем ты ребенка оставляешь? А, знаете что, у меня, говорит, окно выходит – внизу, говорит, какой-то сарайчик и там, говорит, крыша. Я, говорит, положу его в коляску, значит, привяжу, коляску выставлю на эту крышу, привяжу коляску, а сама в университет. Я говорю: «Ты с ума сошла!» Я говорю: «Ты сошла с ума! Ну, мало ли что случится – дождь пойдет, отвяжется твоя веревка. Кошка какая-нибудь туда заберется... (*Смеется.*) А ты здесь весь вечер сидишь, а ребенок у тебя там на этой крыше». Я говорю: «Ну ты совсем ненормальная!» (*Смеется.*) Я говорю: «У тебя ребенка не было, ты не ходила на занятия, у тебя ребенок – ты ходишь на занятия!» Вот такие вот студентки, понимаете ли. И кончали. Вот так вот, вот такие случаи всякие тоже были. (*Смеется.*) Вот вспоминаешь их всех. И потом у нас была одна девочка из Армении. Значит, она там с... у нее тоже какой-то друг был и родители – не нравился им. И они ее отправили сюда, к дяде. У нее тут дядя был, она у нас училась на заочном. Ну и все. Все вроде, все равно они потом поженились, значит, пошли у них дети, и она отстала, все, значит, осталось, значит только диплом защитить. И вот что-то мы говорим: Господи, чего это, говорю, этой Марины-то все нету, ведь уже дипломы и защита. Уже защита дипломов идет. Вдруг звонок, звонок из Армении, муж ее. А я их знала, мы как-то с мужем были в Армении, и я их там нашла, они приходили к нам, я и мужем ее познакомилась, и все это. Он говорит: «Вы знаете, ведь вот Марина должна диплом защищать». Я говорю: «Конечно, говорю, она уже здесь давно должна быть, что, где она, что она?» «Понимаете, в чем дело, вот ей говорит рожать надо». (*Смеется.*) Господи, боже мой! «Вот, я хочу посоветоваться с вами, так что же нам делать?» (*Смеется.*) Я говорю: «Что делать, рожать теперь, уж поздно, – говорю, – советовать!» (*Смеется.*) Надо было раньше советовать. Теперь уж надо рожать». Я говорю: «Ну, в общем, вот что, дорогие мои, – я говорю. – Я с преподавателем договарюсь, она в течение трех лет эту тему никому не отдаст, тема будет за ней. Так что вот самый лучший вариант – на будущий год приехать и все». Она приехала, на следующий год приехала, эта преподавательница ее забрала к себе туда, и, когда посадила, значит, и причем, когда она уходила, она закрывала эту Маринку на ключ и матери говорила: «Ни в коем случае не выпускай», а эта все рвалась позвонить туда, что там, не дай бог, что там, и уехать. Никуда, говорит, ее не выпускай! (*Смеется.*) И вот она защищалась уже все. Уже все защитили. Уже она последняя, уже мы дипломы несем на подпись, вот

⁶⁶ При публикации пропущено одно предложение, позволяющее идентифицировать личность информантки.

принесли дипломы. Да, и я, значит, говорю проректору: «Слушай, В<...>⁶⁷, – я говорю. – У нас еще будет один диплом». Сегодня защита. И я говорю: «Мы принесем тебе позже этот диплом». Хорошо. Потом через некоторое время еще защита идет, вдруг, значит, Ф<...>⁶⁸ входит в наш деканат, говорит: «Ну как?» – говорит. Я говорю: «Так как раз идет защита». «Вы уверены, что она защитит?» Я говорю: «Конечно, уверена, преподавательница дала тему из своего, из своей диссертации, уж как-нибудь, – я говорю, – защитит». «Ну где диплом?» Вот он подписал нам диплом. Подписал приказ, потому что: я, говорит, сейчас уезжаю, меня вызывают куда-то, – уж я не помню, – и говорит, вернусь нескоро. Вот она еще защищает, а мы уже ей диплом подписали. *(Смеется.)* Вот, вот такая вот работа. *(Смеется.)* Вот такая вот работа. Нет, потом когда вот они защитят и ой... Смотришь на них – такие радостные, приходят за дипломами. Веселые такие, полный деканат цветов, с коробками конфет, мы их всех усаживаем – садитесь, сейчас будем все чай пить, эти конфеты тут же все съедаются. *(Смеется.)* Цветы все тут же стоят, ни одного цветочка мы домой не унесли. Все у нас в деканате цветочки стояли. Нет. А расписание тоже составлять, понимаете что, одни и те же преподаватели, и на дневном, и на вечернем у них занятия, ну у заочников нет занятий, а на вечернем и на дневном. Причем одни преподаватели предпочитают, чтобы в один день были и дневные, и вечерние занятия, а другие, наоборот, что, если днем, так уж вечером чтоб не было занятий. Ну и вот, ой, вот мы сидим, и мы вместе с дневным отделением, значит, которая составляла расписание, мы вместе с ней делали, и еще к нам подключался диспетчер. Пожилая уже такая женщина, очень красивая, очень умная. Прекрасный работник она, дека... очень долго работала диспетчером, и вот она на эти, ее брали месяц зимой, месяц весной, вот, значит, составлять расписание, мы у нее дома составляли расписание, вот на всех вот нам на все, некоторые заочники тоже занимались, и вот мы составляли расписание. Потому что надо было этих преподавателей распределить, чтобы и им было хорошо, и студентам чтоб было хорошо. Вот так вот все и крутились, так вот все и крутились. *(Смеется.)*

А вы знаете, вот еще, к этой блокаде возвращаясь, к своей вечерней школе, у нас, значит, эта вечерняя школа и директор, это, в общем, обыкновенная дневная школа, и в ней, значит, вот, вечерняя была, и вот та же директриса, значит, была, и к вечерникам тоже относилась. И вот она иногда вечером придет: ну как, говорит, тут ходят? Ходят, ходят. Это, я же в школу с Каменного пешком ходила, сюда, до Каменноостровского, и, значит, вот обратно. Ой, тоже... И у нас в классе одни девчонки, один парень только был, остальные все девчонки. Кончили, и потом, значит, вот на Кировском, что там сейчас, я не знаю, был такой ресторанчик, «Белая ночь», и вот там у нас был, значит, вот...

Интервьюер : Выпускной?

Информант : Да, выпускной. Значит, за столом сидели, стихи читали, разговаривали, говорили и прочее, прочее, прочее, преподавателей благодарили. Так что вот так вот все. Ой...

Интервьюер : А вот вы говорите, вы в совете ветеранов были, а в общество жителей блокадного Ленинграда вы вступили?

Информант : Нет, а это же другое, понимаете. Жители блокадного Ленинграда, хотя они сейчас, по-моему, слились, я как-то не очень хорошо знаю. Понимаете, ведь это делится, те, имеющие эти медали, ветераны, и жители, и дети блокадного Ленинграда, это иначе. И вот

⁶⁷ В интервью упомянуто имя.

⁶⁸ В интервью упомянута фамилия.

жители блокадного Ленинграда, это была отдельно, а мы туда не входили и к ним, в общем⁶⁹... Ну при работе мы соприкасались, и у нас в разных местах – у нас вот в тут, в одном доме было, наша комната, а у жителей в такой, в другом, довольно даже далеко. Ну мы вместе бывало что, особенно эти самые, возглавляющие эти советы, вместе чего-то надо было делать, так, в общем, делали. А так это разные совершенно.

Интервьюер : Угу. То есть вы считаетесь участниками войны...

Информант : Да, да.

Интервьюер : А они просто жители...

Информант : Да, да, да. Нас же даже приравнивали уже, официально приравнивали и пенсию увеличили, в общем, приравнивали нас к участникам войны. У нас вот такие вот эти самые, штуки... *(Пауза. Информантка ищет удостоверение.)* Так что мы с С<...> К<...>⁷⁰ в разных организациях состоим. *(Смеется.)* Ой. Все бумажки уже. Нет, это не то... Ну вы, наверное, видели эти...

Интервьюер : Угу.

Информант : Вот у меня и мамы такой. Вот. И у мамы эти, у нас были бледно-бледно зелененькие, а потом нам тоже поменяли, чтобы такого же цвета как у ветеранов...

Интервьюер : Угу.

Информант : И поменяли «Ветераны труда», тоже поменяли, были такие красненькая книжечка, и там Сталин был, поменяли вот, значит, на такие, а я, когда, значит, меняли, давали мне, я там в беседе: а что, эти красненькие чего, говорю, выбросить можно? Вы знаете что, на всякий случай пусть полежит, не выбрасывайте! *(Смеется.)* Чего на свете не бывает, пусть, говорит, полежит. Ой...

Интервьюер : А скажите, вот вы своим родным рассказывали о блокаде? Своим внукам, может быть?

Информант : Эээ... Рассказывала, да. Но понимаете что, им, их еще это мало волнует. Но, вот я помню, Антон, это, значит вот, внук, ну сейчас ему уже двадцать два года, я не помню, какой это был класс, когда он как-то пришел и сказал: «Бабушка, вот наша воспитательница, она, значит вот, спросила, у кого есть, значит, вот, блокада, я сказал, что у меня бабушка была в блокаде, вот она просила прийти, значит вот, и рассказать». И вот я пришла к ним в класс – сидели как мышки. Это был... это еще там было, да, значит, был что-нибудь, пятый класс, или вот так что-нибудь. Вот, и что, вы знаете, что меня как-то так тронуло и поразило, эта воспитательница вот, ну я, значит, стояла перед ними и рассказывала, она тоже все время, что я вот говорила, она стояла. А не села, она стоя слушала меня. Ну вот, я, значит, молча все слушали, причем очень внимательно слушали, потом разговор у нас зашел. Какой-то мальчонка: «А у меня, – говорит, – тоже бабушка была в блокаде» Я говорю: «Ну так вот она тебе рассказывает что-нибудь?» «Не знаю». Я говорю: «Так ты спроси, что же, бабушка сама придет к тебе и скажет: «Давай я расскажу». Ты ее спроси, попроси бабушку рассказать. Как она жила в блокаду? Надо спрашивать, так-то ведь тоже не получится». Ну вот, а потом внучка,

⁶⁹ Согласно закону «О ветеранах» от 12 января 1995 года и Положению Ленгорисполкома от 23 января 1989 года «Об учреждении знака „Жителю блокадного Ленинграда“», жители блокадного Ленинграда были поделены на две категории: к первой относятся люди, работавшие на предприятиях и в учреждениях Ленинграда с 8 сентября 1941 года по 27 января 1944 года, награжденные медалью «За оборону Ленинграда» (их статус приравнен к статусу участников Великой Отечественной войны), ко второй – люди, прожившие в осажденном городе не менее четырех месяцев, награжденные знаком «Житель блокадного Ленинграда». Подробнее о статусе разных категорий блокадников см. в статье Т. Ворониной и И. Утехина в наст. книге.

⁷⁰ В интервью упомянуто имя и отчество подруги информантки, интервью с которой было проведено ранее.

значит, Надюха. Тоже как-то пришла, говорит: «Бабушка, вы не придете к нам рассказать что-то о блокаде?» Я говорю: «Ради бога, давай приду». А потом через некоторое время говорю: «Надежда, – я говорю, – как на счет, – я говорю, – посещения-то?» Она так засмущалась: «Бабушка, вы знаете что, я встретилась, говорит, с завучем и сказала, что вот вы придете к нам рассказывать про блокаду, может быть, несколько человек несколько классов собрать». «Ну и что?» – говорю. – «Она сказала: „Тебе надо, ты и собирай“». *(Смеется.)* Так что это не получилось абсолютно. Пятидесятилетие блокады, то, значит, тоже, эта Надежда говорит: «Бабушка, нам надо писать сочинение, значит вот, о блокаде. Вы что-нибудь можете мне?» Я говорю: Надюша, знаешь, что у меня, говорю, есть очерк о том, как вот мы эти... Действительно, я как-то так под настроение написала, мы на крыше дежурили, ловили эти самые, зажигалки, и как раз был... была та ночь, когда разбомбили американские горы⁷¹. Они так пылали. Костром прямо. Ужас до чего. И вот наши эти прожектора поймали немецкий самолет и вот вели их, вели-вели-вели, свели их в одну точку и расстреляли его, и это получилось прямо, как будто вот над американскими горами. А с нами была девчущечка, лет, наверное, так десяти или даже меньше еще, она стала прыгать, ой, говорит, это, говорит, американские горы, говорит, его убили, американские горы говорит, его убили, так, так, так! Мы говорит, выстроим заново эти американские горы. Ну горы выстроили, а девочка эта не пережила блокаду, эта девчущечка, она умерла. И вот я Надюхе дала вот этот очерк. Я говорю: «На вот, посмотри». Я говорю, только вот когда будешь писать, то ты там, говорю, от первого лица, а ты, значит, вот не от первого лица. Но вот она написала. Я говорю: «Ну, Надя, как судьба твоего очерка?» Она говорит, в школе, говорит, это самое, потом, говорит, в район он ушел, потом в город ушел. Я говорю: «А дальше?» А дальше, говорит, я не знаю. *(Смеется.)* Ну вот, и потом мне, значит, позвонила мать жены старшего мужа⁷², у нее еще тоже был младший сын: «Слушай, Андрей говорит, что ему надо, в то же время это было, сочинение о блокаде писать. Я ему сказала, чтоб он тебе позвонил, ты что-нибудь ему Расскажи». Я говорю: «Хорошо». Этот Андрюшка позвонил, ну я ему так, ну какие-то, в общем, моменты из блокады там вот рассказала, как детей мы эвакуировали, как вот пятое-десятое, все это, ну и что-то тоже он написал. Но судьба его сочинения – я не знаю. *(Смеется.)* Так что вот, немножко так. У нас, понимаете, как-то не очень сейчас это школьников интересует. Я, в общем, их понимаю. Сейчас, знаете что, вот многие как-то болеют из-за этого, говорят, что это плохо и все это, а меня это не очень пугает. Я вот помню нас. Мы в школе, младшие классы, нам говорили: «Вот сейчас к вам придут ветераны Гражданской войны, вот они вам расскажут о Гражданской войне». Мы смотрели, как бы нам куда-нибудь смыться! *(Смеется.)* Ну чего нам с этими стариками разговаривать, ну что такое... И вот тоже: «Ну как же так вот, вас не интересует?! Как же вы Родину будете защищать?!» – Ничего, защищали. Я говорю: старший класс ушел весь, и ни один не вернулся. А от Гражданской войны бегали. Понимаете что – меня это не очень пугает.

Интервьюер : Угу.

Информант : Не очень пугает. Я думаю, что где-то в душе это все равно входит, только что вот... Вот плохо, что вот семьи сейчас у нас такие не очень крепкие, не очень дружные, потому что это все все-таки в семье больше входит. Понимаете, ну когда-то пионерская организация этим делом занималась, комсомол. Сейчас... сейчас я говорю, для меня вот, я не

⁷¹ Американские горы, находившиеся в саду Госнардома на Петроградской стороне (сейчас территория Александровского парка), сгорели во время бомбежки 16 октября 1941 года.

⁷² По-видимому, оговорка информантки: имеется в виду мать жены старшего сына.

знаю, как это – говорить, не говорить... мы это... Понимаете, что меня сейчас больше всего пугает и как-то страшит, понимаете, вот мы немецких фашистов не пустили в город. Вообще из страны выгнали немецких фашистов. А вот своих фашистов мы кохаем. Не обращаете на это внимание? Ведь вы посмотрите, все эти надписи... Ведь мне сейчас наше время напоминает 33-й год в Германии. Тогда ведь тоже, когда нацисты лавки эти, еврейские, громили, били там кого-то чего-то – ах, вот хулиганы. У нас ведь тоже, ведь кладбище когда разгромили – хулиганы. А почему хулиганы именно армянские сбивали, именно еврейские, почему? Почему? Это хулиганство направлено вот так вот националистически. Вот это вот мне очень не нравится, понимаете. Потому что как-то вот молодежь никем не прихвачена, и ее не оставят в покое, ее подберет кто-нибудь. Вот как в Германии фашисты подобрали немецкую молодежь. Так и у нас подберут ее. Вот это меня пугает.

Интервьюер : Ну я думаю, что все-таки не будет такого.

Информант : Ну вот вы смотрите, вот помните эту историю в Москве, когда матч смотрели и какой погром⁷³, чего это был?

Интервьюер : Да.

Информант : Не случайно же, понимаете, ну не бывают такие вещи случайно. Я понимаю, что это стихия пошла, но эту стихию надо поджечь. Чем-то ее надо поджечь, не футболом. Но стоит только ее поджечь – она пойдет-пойдет-пойдет-пойдет! Понимаете ли. Почему, это самое, на стенках. На очень многих стенках фашистские знаки? И так и есть, и все проходят мимо. А кто не проходит мимо...тот, то тот взрывается (*Усмехается* .) Вот тут женщина одна не выдержала, пошла снимать – и как раз, в большинстве случаев это ложные эти самые – то, что там, бомбы, – а вот когда она пошла, это оказалась не ложная, она и попалась⁷⁴. Вот. Вот это мне очень не нравится. Это мне не нравится (*Пауза.*) Ну чего еще вас интересует?

Интервьюер : Спасибо вам большое. Очень интересно вы рассказывали.

Информант : Ну довольны вы разговором со мной, или так, поболтала я? (*Смеется.*)

Интервьюер : Нет, очень интересно.

Информант : Да, ну прекрасно. Если вы довольны, то очень хорошо.

Интервьюер : Спасибо большое. Я тогда выключу пока.

(*Запись возобновлена чуть позже, во время чаепития.*)

Информант : Такая большая эта самая, на которую записывается?

Интервьюер : Да, там можно много часов писать.

(*Продолжение рассказа об эвакуации ленинградских детей.*)

Информант : Значит, отправили детей, они доехали до Тихвина и встали там. Значит, немцы стали подходить к Тихвину и все. Бабах. И тут все заволновались, и родители, и все, ничего детей нету и нет. И вот нас несколько человек собралось из райкома, и мы, значит,

⁷³ Очевидно, информантка имеет в виду массовые беспорядки, произошедшие в Москве после просмотра футбольного матча между сборными Японии и России во время чемпионата мира по футболу в Японии и Корее летом 2002 года. Матч транслировался на больших экранах, установленных на улицах города; после проигрыша сборной России группы зрителей устроили погромы на центральных улицах Москвы и драки на станциях метро; по официальным сообщениям, во время беспорядков пострадало более 100 человек.

⁷⁴ Очевидно, информантка имеет в виду случай, произошедший 27 мая 2002 года на 32-м км Киевского шоссе, когда москвичка Татьяна Сапунова, которая попыталась убрать плакат с антисемитским лозунгом, пострадала в результате взрыва, получив серьезные ранения. Впоследствии Татьяна Сапунова была награждена Орденом мужества.

махнули туда в Тихвин. Махнули туда в Тихвин, вести не на чем, ничего, подходят немцы, тут, значит, эшелон детей и вот это наш район, Петроградский. Мы, значит, в какую-то воинскую часть. Там, значит, машины такие, грузовые, но крытые, значит. Значит, стали говорить, что поедемте пару машин кто-нибудь, с нами, вот надо детей увезти. Вы что, говорят, с ума сошли, мы же тут воинская часть, мы же, говорят, в любой момент можем получить приказ о наступлении, а мы, говорят, бах-бах, уехали куда-то. Потом, значит, мы уговорили несколько человек: пойдемте, пойдемте с нами и посмотрите на этих детей. А дети зареванные, заплаканные, записанные, потому что ничего, голодные – ну, водой еще там как-то – ведь выезжали – один преподаватель на вагон.

Интервьюер : Угу.

Информант : Представляешь, совершенно... Вот они как посмотрели на этих детей: «Ладно, – говорят, – пошли!» Пошли, запихали этих детей в эти самые машины и рванули к городу. Как эти дети живы остались – я до сих пор не понимаю. Они мчались с такой скоростью, да по таким дорогам, в общем, вот так вот там прямо (*смеется*) тряска такая была. Приехали, ворвались в школу, значит, всех этих детей высадили и рванули обратно, даже мы сказали «спасибо», они махнули рукой и даже не попрощавшись с нами, не дай бог, говорят, там какой-нибудь приказ, мы, говорят, все, говорят, вылетели. Ну и вот тут я уже это говорила, что мы поймали этих...

Интервьюер : Патрули?

Информант : Патрулей и с ними, вот они помогли развести детей. Значит, ночью, зво... стучимся в дверь и родители... А родители тоже все вот так, что там с детьми, ничего не знают, и вдруг детей преподносят. Вот так. (*Смеется.*) Вот такая тоже история была у нас в блокаду. Ой... (*Вздыхает.*) Вот тоже же, пошли к нам навстречу. Действительно, они же, в общем-то, не имели права это сделать без какого-то разрешения, которое надо получать, там не знаю, сколько времени. И им бы не разрешили никогда, потому что в любой момент части могло быть дано...

Интервьюер : Да.

Информант : Выступать куда-нибудь. А их нет, детей повезли. (*Смеется.*) Да. Нет, все-таки хороших людей больше на свете, чем плохих. Гораздо больше. Только они вот не светятся. Они сделали свое доброе дело и все. А плохие люди вот мельтешат. И видны всем. (*Смеется.*) И всем видны. Да. (*Пауза.*)

Интервьюер : А праздники какие-нибудь отмечали в блокаду? Вот Новый год, например?

Информант : Да, да, отмечали. Ну, конечно...

Интервьюер : А как отмечали?

Информант : Ну спать не ложились. Сэкономливали сахарочку, чтоб чаечку можно было попить. Ну хотя уже... Ну этот первый Новый год, это я еще не работала, это мы с мамой дома были, а вот уже второй с два... с 42-го на 43-й, это мы там уже, в госпитале, это мы уже там. Чаечку попить... Вот не помню, наверное, и в рюмочке что-нибудь было, а определенно. Просто только я к этому, не то что равнодушно, а более спокойно к этому отношусь. Но думаю, что было что-нибудь (*смеется*) в рюмочки налить, не без этого, не без этого.

Интервьюер : А не видели пленных немцев в городе? После войны...

Информант : Нет.

Интервьюер : Нет, не встречали?

Информант : Нет, нет. Не встречали, не встречали пленных немцев. А у нас – значит, одно время я там в лаборатории работала – тоже брали кровь на анализ и все это, а рядом было, ну, ну, это здание какого-то, в общем, какое-то историческое здание, не знаю, так что это и какое оно – там моряки. После госпиталя там был что-то вроде дома отдыха такого, вот они там

были.

Интервьюер : Угу.

Информант : И мы им тоже брали кровь на анализы и все это. И вот, Вика, интересно, молодые парни. После ранения, то есть и тяжелых ранений, и все это они перенесли, и ничего с ними не было, они об этом рассказывают, прямо все. Вот кровь из пальца – весь зеленеет. Вот-вот, вот это на него действовало. Вот что такое? Вот мы с Лидией Александровной тоже говорили, что вот – что? Почему? Ведь у него еще не совсем рана зажила, когда его перевязывают. Тоже кровь – так ему хоть бы что, он смотрит. А вот кровь из пальца берешь у него в этот, в пипетку, – и, пожалуйста, он прямо... Прямо весь белый совершенно вот такой вот. Вот интересно как-то, действительно, психика человеческая. Это ж странная такая вещь. А потом у нас уже когда дом отдыха уже был к нам приехали... Ой. Как это... Электростанции-то у нас под Ленинградом. Которые нас светом снабжают...

Интервьюер : Сосновый Бор? Или как-то... Нет, что-то еще было...

Информант : Да-да-да-да, вот какой-то...

Интервьюер : Лодейное поле... Нет?

Информант : Вот что-то...потом немцы взяли эти станции, и потом немцев выбили и дали городу свет⁷⁵. И вот там два... кто вот заведовал этими станциями, вот два директора там, ну пусть назову их директорами, их еще в блокаду... уже была прорвана, но еще она существовала, еще война все это была. Вот их прислали к нам в дом отдыха. Это были такие усталые и измученные люди, молодые военные, вот они приехали, и они нам сказали: «Вы знаете, что, самое главное, мы хотим спать. Вот мы будем спать, и вы нас не трогайте». Мы их утром будили, заставляли поесть, днем будили, заставляли поесть, вечером уже их не трогали. И вот они около недели просто вот спали. Понимаете, ну там они вставали, куда сходить им надо, что еще, но они отсыпались. Потом, когда они отоспались, они такими приятными мужиками оказались, веселыми. Песни пели с отдыхающими, танцевали с отдыхающими. Но, правда, недолго, после того как они, они начали заниматься делами своей станции, и ездили по городу по начальству, и все что-то улаживали (*Смеется.*) Но вот я вот их так запомнила, что вот они вот отсыпались, им надо было отоспаться. Они, видимо, дни и ночи вот, чтоб вот город имел элек... все равно их бомбили, и надо было тут же на ходу все ремонтировать, отгонять этих немцев, вот два таких мужика потом были. И потом у нас еще отдыхали партизаны. Когда, значит, вот, партизаны вошли в город, то они вот тоже, их, значит вот, главари тоже у нас вот отдыхали, тоже усталые вот, измученные. Ну меньше, чем эти, они очень так бодренько себя чувствовали. Очень веселые были, и тоже вот, когда мы их расспрашивали, то они в основном рассказывали какие-нибудь смешные истории, какие-нибудь хорошие истории, какие-нибудь хорошие поступки, а об ужасах они тоже не любили говорить. Они сказали: это пройдет и забудется, не надо. Надо, говорит, помнить о том, даже в самое тяжелое время помнить о том, что было в это время хорошего. Может быть, это неправда, то есть неправильно, наверное, надо помнить какое-то зло, что-то плохое, что было в нашей стране, вот причинили для того, чтобы

⁷⁵ До блокады Ленинград в основном снабжался энергией, поставляемой от четырех гидроэлектростанций, находившихся за городом: Волховской, Свирской, Дубровской и Раухиалской ГЭС. Однако осенью 1941 года они оказались за кольцом блокады и прекратили поставки электроэнергии. Городские теплоэлектростанции значительно уступали им по мощности и испытывали острый недостаток топлива (большинство из них работало на угле, и только часть – на торфе). Энергии городских электростанций хватало только военным объектам, радиоцентру и хлебопекарням. Восстановление поставок электроэнергии с Волховской ГЭС произошло после прокладки летом 1942 года через Ладожское озеро нового кабеля. 23 сентября 1942 года Ленинград получил от электростанции первый ток. Это позволило в декабре-январе подать свет в 3 тысячах жилых домов (подробнее об этом см.: Кислицын 1991:168; Непокоренный Ленинград 1970:136).

вот это не повторять еще, но в то же время, конечно, не надо забывать и то, что хорошее было. Во все это даже самое тяжелое время. Это я глубоко в этом убеждена. Без этого нельзя. Без этого мы вот так вот застрянем, как в болоте. Вот сейчас по телевизору, по всем каналам только и передают, где кого убили, где кого чего, где кого что, но можно подумать, как будто вообще ничего... На меня очень большое впечатление произвело. Как-то раз по телевизору выступал какой-то... ой... Ну где у нас сейчас это... террористы-то в основном? *(Смеется.)*

Интервьюер : В Чечне?

Информант : В Чечне, да. Не Кадыров⁷⁶, а кто-то из правительства тоже. И вот он, и он с такой обидой говорил, ведь по телевизору ведь только и говорят, где у нас что взорвали, где у нас кого убили, где у нас какая прошла зачистка. А почему не говорят, что мы в этом году собрали урожай, который ни разу в советской жизни не собирали? Почему не говорят, что у нас восстановлены виноградники? Почему не говорят, что мы выпускаем наше знаменитое вино? Почему не говорят, сколько школ у нас работает, сколько больниц у нас работает? А почему говорят только о том, что разрушено, кто убит и кто что? И у него такая обида в голосе, что действительно ему было обидно, что, почему ничего хорошего о Чечне не скажут. И я его понимаю, действительно, можно обидеться. *(Смеется.)* Так что, в общем, все это... Все это очень интересно... *(Конец записи.)*

Интервью с Татьяной Антоновой

Информант : Так... Ну и... ну можно рассказывать?

Интервьюер : Да, расскажите, пожалуйста, где вы родились, когда, кто были ваши родители, для начала просто...

Информант : Да. Я⁷⁷ родилась 13 апреля 1932 года в Ленинграде, у меня была только одна мама. Папа от меня отказался еще почти до моего рождения. И маме, конечно, тяжело было меня воспитывать, очень тяжело. Она из деревни свою маму пригласила, и вот бабушка со мной сидела. Ну что, ходила я в детский садик, здесь тоже вот на четырнадцатой линии, я помню. Мама работала на заводе Котлякова⁷⁸, потом бабушка пошла работать на завод Котлякова, а потом, когда я стала взрослая, я тоже работала на заводе Котлякова. Вот. И я так помню себя... что нам от завода... *(голос: «можно я послушаю?», шум)*⁷⁹ от завода дали комнату маме. Так, когда я родилась, она... жила у моей второй бабушки, то есть у ее тети. Вот ее... вот моя бабушка и та были родные сестры, а та бабушка... Вот у нее было очень интересно, она уехала... ну она постарше была, она уехала из деревни – ну видно, это было

⁷⁶ Кадыров Ахмат Абдулхамидович (1951–2004) – с 11 июня 2000 года глава Администрации Чеченской Республики, впоследствии президент Чеченской Республики. 9 мая 2004 года погиб во время террористического акта в Грозном.

⁷⁷ Информантка родилась в 1932 году, находилась в Ленинграде все время блокады. Имеет среднее специальное образование. Интервью проходило в квартире информантки в июне 2003 года. Общая продолжительность аудиозаписи интервью – 78 минут. Интервьюировала В. Календарова. Архив Центра устной истории ЕУ СПб. Интервью № 0102015. Имя и отчество информантки изменены.

⁷⁸ Завод существует с 1878 года, до марта 1919-го военно-подковный завод Э. Л. Посселя; с февраля 1929 года – «Красный металлист»; с октября 1959 года – Машиностроительный завод имени И. Е. Котлякова; с 1980 года – ПО «Эскалатор», с 1992 года – АО «РЕДЭС Лтд». Расположен на 17-й линии Васильевского острова.

⁷⁹ В этот момент в комнату вошел мальчик, правнук информантки, слушал рассказ около пяти минут, затем снова вышел из комнаты.

очень давно – и работала служанкой или гувернанткой у статского советника. Это где потом в блокаду мы жили, это канал Грибоедова, дом <...> квартира <...>⁸⁰, это я очень хорошо помню. И вот. И, в общем-то, мы в этой квартире и провели всю страшную блокаду. Вот. И вот так как они, две бабушки, меня как бы говоря нарасхват: то у одной, то у другой, так я и росла. Вот закончила первый класс, тогда брали с восьми лет, в школу поступали, я закончила первый класс, и вот началась война. Мы как обычно ездили в деревню под Ленинградом. Ленинградская область, Ефимовский район⁸¹, вот я это помню. Вот. И тут вот, значит, конечно, точно дату я не помню, мне было восемь лет, но я знаю, что нас вернули с вокзала. Вот мы с вещами приехали... или там в поезд не пропускали в вагон, или что, я не знаю, но мы вернулись. Вернулись, вот началась война. И что-то, по моему, еще было... вот война, значит... ну наверное, к осени нас стали эвакуировать. То ли со школы, то ли дети района, я не могу сказать. Нас эвакуировали, собрали вот тут на Малом⁸², это я очень хорошо помню, на Малом, и детей было много, и нас эвакуировали тоже – Ленинградская область... поселок Хирово... поселок Хирово. И вот там, значит, мы прожили совсем мало, даже не знаю, что-то месяца два, может быть, а то и полтора – я не знаю, ну в общем, очень мало. Жили мы в школе, целый зал, там кровати были все, и вот, значит, начались уже бомбежки. И приехала ко мне вот та бабушка, которая жила, вот бывшая-то гувернантка-то. Вот она за мной приехала, бабушка Дуня, и мы, значит, все, в общем, как беженцы уже, один за другим, мы шли в Ленинград. Ну как шли... мы вот, значит, на подводе ехали, была... все на лошадях, то на машинах, то на чем... Мы ехали вот на лошади, потом мы ехали в поезде. И вот я очень хорошо помню, нас сопровождали с одной стороны фашистские самолеты, с другой – наши. Это было так страшно... и я помню, я спряталась даже под лавку. Потому что и бомбежки были, и... а мы ехали в поезде. Народу было очень много. И очень было, и очень было страшно. Ну, в общем, мы приехали в Ленинград, и вот тут я увидела, что уже разбитые стекла, и уже вот, видно, бомбили город. Ну вот, а потом началась, конечно, очень страшная вот эта зима. Вот. И голод начался, и мама... вот мы жили там на канале Грибоедова, и мама уже к нам переехала. А мы жили на девятнадцатой линии, вот на Большом здесь. И вот вторая бабушка, вот бабушка Лина – это мамина мама, она уже заболела дистрофией, то есть она уже не ходила, и ее в больницу Ленина здесь у нас положили, на Большом проспекте. И вот я помню, что я еще ходила к ней. И она еще... она такая неграмотная все говорила: «Нам дают каклеты... каклеты дают...» И такая была жизнерадостная. Ну вот. А потом, значит вот, мама однажды ее навестила, уже там мы жили... навестила ее, и пришла вся в слезах, и говорит, что я была... Это было зимой. Это было зимой. Мама тоже уже об этом свидетельствует ее реплика «вот тут» – информантка на момент записи плохо ходила... пришла такая и говорит, что я была у мамы и мама померла... Баба Дуня спрашивает: «Как?» Она говорит: я пришла в больницу Ленина и смотрю, значит, что грузовики стоят с трупами, я, говорит, спрашиваю, как мне пройти в то отделение – там, где вот баба Лина лежала. А говорят, что то отделение замерзло, лопнули все трубы. И в отделении уже никого нет. Все, кто там лежали больные, они все замерзли, и вот они погружены в эти грузовики. «Ну, если сможете, поищите, а вдруг да увидите...» А там они штабелями лежали

⁸⁰ Информантка называет точный адрес.

⁸¹ Район существовал до 1964 года.

⁸² Скорее всего, имеется в виду Малый проспект Васильевского острова (в 1939–1944 годах проспект носил имя Железнякова), интервью проживает на Васильевском острове. Однако в Санкт-Петербурге существует также Малый проспект Петроградской стороны (в 1941–1991 годах носил имя Щорса).

уже друг на друге, все. Ну, мама стала искать. И увидала. Нам она не сказала, что она там видала, она говорит: «Но бабу Лину я видала». Она лежала на гру... на грузовике. Вот. И вот сестра ее, баба Дуня, очень плакала. Это я как сейчас помню. Естественно, и я плакала. Все мы плакали. А куда их повезли, мы не знаем и не узнавали. И где она похоронена, я не знаю. Да и что-то, я не знаю, и желания даже не было, чтоб найти ее, потому что это очень-очень тяжело. И во всей моей жизни и мама не искала, не наводила справок. Но, естественно, наверное, на Смоленском кладбище, в общих могилах. Ну вот, и ну уж заодно за это, я так скажу, что однажды мы с мамой поехали на Пискаревское кладбище. И было плохо ей, и было плохо мне, и мы никогда не стали ездить на Пискаревское кладбище. Больше я никогда там в жизни не была. И не могу, иначе я там скончаюсь. А мы навещали и, как говорится, ну поминали всех вот на площади Победы. Памятник когда открыли. И 9 мая мы там с ней всегда возлагали цветы... И все равно потом стало нам все тяжелей, тяжелей. Видно, нервы не те. Годы... И тоже перестали ездить. Память осталась только в душе... Вот. Ну, там, значит, там, значит, мы жили, там квартира коммунальная была, как и здесь тоже, ну здесь три семьи жило, а там пять семей. Вот. Там мы остались. Все выехали. Помню, там была Лидочка Б<...>⁸³, мы с ней более-менее были дружны. У нее был Вовочка, ему было три года, и она уехала, эвакуировали ее, и больше мы так связи с ней не имеем. Ну, наверное, может быть, Вовочка и жив, может быть... Но она-то, наверное, уже померла, она старше меня. Вот. Ну а Вовочка Б<...>⁸⁴, может быть, теперь такой... он был младше, я старше, он был младше, может быть, и сейчас живет. Вот. Потом там все тоже разъехались. Была там еще такая Фаина Викторовна, фамилии я ее не помню. Она была акушерка. И вот во время войны и в самую голодовку, я-то была маленькая, я не знала, в чем дело, а к ней приходили женщины, приходили с большими сумками. Там были продукты. Так мои мама с бабушкой дога...что-то так догадывались, а потом, как оказалось, она делала аборт. Приходили женщины, а чем расплачиваться – только продуктами. И вот моя бабушка Дуня дружила с бабушкой, которая была на первом этаже. И вот эта Фаина Викторовна, так как ей, видно, страшно – мы-то вот втроем, а квартира почти пустая, и она стала ночевать спускаться вниз к этой бабушке Шуре. И я знаю, почему знаю, даже не помню. У нее вот такой маленький чемоданчик, такой небольшой (*показывает*), и там у нее лежало золото. И она с этим чемо... а может быть, потому что они разговаривали, может быть, я это слышала. Вот. И она, как ночевать, она брала этот маленький чемоданчик и к бабушке Шуре спускалась. И вот однажды бабушка Шура пришла, и мы с бабой Дуней спали, она и говорит: «Евдокия Павловна, эта Фаина Викторовна умерла». Баба Дуня спрашивает: «Как умерла?» – «Да вот, наверное, я нечаянно закрыла, наверное, раньше трубу, и она угорела». И говорит... (*Небольшая пауза.*) Куда-то она ее звала, я не знаю, может быть, вот взять это золото или что, а баба Дуня говорит: «Нет, нет, я никуда не пойду!» Надо же, она стала говорить, что вот у нее ключи от ее комнаты. «Давай сходим, говорит, туда, – говорит. – Наверное, там у нее всего много». А баба Дуня говорит: «Нет! Мы не так сделаем. Давай мы пойдем в домоуправление и позовем домоуправшу!» А я точно знаю, что в то время была домоуправшей невысокого ростика еврейка. И вот, значит, эта пришла, домоуправша, и они вскрыли комнату, туда вошли. Потом стали, значит, там... что-то ходили, там все. Потом баба Дуня пришла, и мама тут была, и говорит, что: «Ольга! Там у нее столько, оказывается, продуктов, там целый склад!» И вот, говорит, сейчас домоуправша своих сыновей позвала, они будут приходить, что-нибудь, мол, и

⁸³ Информантка называет фамилию.

⁸⁴ Информантка называет фамилию.

нам перепадет. И вот такие сыновья, такие здоровые, я даже не знаю, лет по двадцать, наверное, такие большие, здоровые парни... забегали, забегали. А что там у нее – там был и керосин, и бензин, и денатурат! В общем, все, что горело, все, что нужно – у нас ведь были пикалки такие маленькие. Видно, это тоже ей нужно было. И там было много продуктов. Там были яйца, там был у нее наварен был целый... целая кастрюля горохового супа на свинине, и что... чего там только не было, там был сахар, конфеты, в общем, склад! И даже вот потом бабушка сказала: стали отвинчивать стол, так в каждой ножке у нее были по банке консервов спрятано. И вот, помню, баба Дуня принесла эту банку... то есть кастрюлю с горохом, и говорит: «Ольга, это нам, значит, дала эта домоуправша». Потом, значит, пришла эта домоуправша и мне говорит: «Деточка, вот такая целая банка варенья, вот по баночкам – ты одну ложечку сюда, одну ложечку сюда – раздели пополам». А я схитрила (смеется): сюда ложечку, сюда нам две! (Смех.) Вот. И, в общем, всего они нанесли. И нам была... это такое было подспорье! Вот. Но это, я не знаю, ну это было вот... Пожалуй, это было после самого тяжелого периода. Это скорее было, наверное, к весне. Может быть, это был февраль, может быть, январь, вот так как-то вот. А вот потом когда вот, сначала-то начался голод, моя мама слегла, лежала. И пришел мой отчим. У меня был отчим, мы с ним мало прожили, очень мало, но он пошел добровольцем на войну. И сказал что: «Леля, я пойду добровольцем, потому что все равно заберут. А добровольцем я пойду – тебе будут платить какие-то деньги, какие-то льготы будут». Ну он ушел. И потом вот он пришел... Ну, наверное, это было... декабрь, январь, вот так что-то. Его ранило, и он лежал в Бологое. Не знаю, это далеко ли, где-то Бологое?

Интервьюер : Ну это далеко, это примерно на середине к Москве...

Информант : И вот с Бологое его сюда прислали, как-то так. И, в общем, я даже не знаю, как, но, в общем, здесь вот он был в госпитале. И вот он пришел, конечно, я его не узнала. Валенки у него были ра... обрезаны, потому что у него были очень опухшие ноги. Ну видно, тоже голодовка была. Может, он тут воевал, не знаю. Вот этого я не знаю. Лицо было страшно опухшее. Ну он увидел, что мама лежит, и стал с этого госпиталя носить ей вот кусочек сахару маленький, пиленый кусочек сахару и бутылочка из-под одеколona, такая небольшая. Туда он наливал кисель и стал приносить маме. И вот помню... Оба они были коммунисты. И вот он ей говорит: «Леля, ты же коммунистка! Как ты лежишь? Нельзя, ведь ты будешь лежать, куда Таня денется? Ведь Таня тоже умрет! Кто за ней будет ухаживать? Ты обязана встать! Ты обязана! Только мы, коммунисты, должны все это вот... как-то бороться! Мы, мы, мы обязаны, мы должны друг другу помогать, мы должны поднимать...» В общем, какие-то у него все вот речи такие были вот: «Коммунисты, коммунисты! Мы обязаны! Мы обязаны!» И мама моя встала. Может быть, встала, потому что он ее вот все это как-то, ее поднимал духовно, вот этот паек приносил, он прямо вливал ей в рот. Потом, значит, им давали папиросы. Он ходил на рынок, менял папиросы на дуранду. А дуранда – это жмыхи. Такие жмыхи для скота. И вот это жмыхи, вот он так вот расколет, и давал мне, и говорит, что: «А ты соси!» А сосать – почему я жевать не могла, что уже цинга. У меня тоже ноги были опухшие, синие все. Зубы все шатались, вообще все, кровь текла с десен. И, конечно, я не могла даже это, наступить никак. И вот эту дуранду я сосала. Но все-таки начала сосать... Ну вот. Потом... потом... не знаю, откуда, но приехала одна семья Г<...>⁸⁵. Жили они там в одной комнате. Маленькая комната. Там жили вот бывшие хозяева моей бабушки, вот который статский советник. Значит, вот Зоя Владиславовна эвакуировалась, и Алла... и Алла, ее дочка тоже, они уехали. И вот в эту

⁸⁵ Информантка называет фамилию.

комнату заселили этих Г<...>⁸⁶, их было шесть человек. И вот мама, пока это еще ходила, ходила, она им приносила воду. А воду как мы: мы спускались вниз, набирали в чайник этого... снега, растаивал на буржуйке. И вот растает, и вот носила туда. И вот они все умерли, я всех помню хорошо. Первая у... исчезла Валя, старшая дочка, ей, наверное, лет восемнадцать было. Она взяла карточки, пошла покупать, что там – ну продукты по карточкам. И исчезла. То ли ее убили, то ли она умерла – не знаю. И вскоре они стали все умирать: ну ничего нет!... Пришел их сын – забыла, как его зовут. Ему лет пятнадцать было, наверное. Пришел и уже тоже еле ходил: «Тетя Дуня, нет ли у вас кусочка сахара?» Ну чего там по пайку еще давали, и бабушка вот такой кусочек дала – с ноготь. Дала ему. Он говорит: «Ой, большое вам спасибо!» Пошел, взял этот сахар кусочек, пошел, и все, и ночью он умер. Так баба Дуня говорит: «Как хорошо, что я ему не отказала!» Вот это я помню, и как-то мы все тоже думали: «Как хорошо, что мы не отказали!» – а сами уже и не двигались, как говорится. Ну вот. А Фаина Викторовна ни-ко-му ни-че-го не дала. И вот придет, бывало, вот вся такая полная, цветущая: «Ой, как я устала! Как я устала!» Это она от жира уставала! А чтобы нам что-нибудь... И вот баба Дуня, видно, догадывалась, что женщины к ней приходят с полными сумками, и как-то баба Дуня у нее что-то попросила. Она сказала: «Что ты, что ты, Дуняша, у меня ничего нет! У меня ничего нет!» И потом она пошла к себе, а баба Дуня говорит: «Не надо больше у нее ничего просить, она ничего не даст!» Ну и все. Не даст и не даст. Потом, значит, умерла девочка Ирочка. Ей, наверное, лет пятнадцать было, я помню, у нее такая ручка ссохшая была, вот так вот она ходила (*показывает*). Я ее уже увидела там в прихожей на сундуке, она лежала уже мертвая. На сундуке. Это вот эта Ира умерла. Потом у них был ребенок маленький, я его и не видела, и не знала, а оказывается, он умер и был между окошками. Некуда положить, чтоб не портился – между окошками. Потом умерла его жена, и он, вот Павел, он лежал уже с этой женой. Сколько лежал, я не знаю. Но долго лежал. И вот мама туда приходила и говорит, что: „Тетя Дуня, жена-то у него умерла, так он лежит с ней». А у него пикалка, и вот мама следила, чтобы огонек был, чтоб он лежал-то, и вот этот растаянный снег ему носила, а то вот кипятко... кипяточек, не так, она кипяточек разогревала и горячий ему носила. И потом однажды идет по коридору: «Тетя Дуня, тетя Дуня, Павел-то умер!» (*Отчаянно.*) И вот рассказывает: глаза у него вытаращены, вот вытаращены, видно, жить-то хотелось. И говорит, вот эта пикалка, и, говорит, глаза, и жена мертвая, все. Вот последний он и скончался. Вот эта семья. Вот они были откуда-то, то ли они тоже беженцы были. И вот... Вот эта семья вся умерла, шесть человек умерли. Ну вот. А потом, значит, вот... вот тут, значит, вот с Фаиной Викторовной так получилось. Вот. А у нас еще там был Дмитрий Варламович... Тоже бабушка, ну бабушка со всеми хорошо была в квартире, когда они эвакуировались, и вот... он оставил ей ключ и сказал: «Евдокия Павловна, пускай ключ будет у вас, в сохранности». А он был капитаном дальнего плавания. А в то время они жили богато, как вот я-то теперь говорю... считаю... считается. Ну вот, и когда нам уже нечего было есть, уже все, и баба Дуня говорит: «Оля, пойдем в ту комнату, к В<...>м⁸⁷. Посмотрим, может быть, что-нибудь мы продадим у них». И вот мы вошли в ту комнату. По нашим меркам, они жили богато. Что, допустим, там были лайковые перчатки, вот мама продала лайковые перчатки за рюмочку подсолнечного масла. Потому что это я была с ней. Мама предложила. Ну это она предложила потом, когда мы переехали оттуда на Васильевский остров. Это вот я вот эти перчатки, помню, мама взяла, видно, с собой. А так

⁸⁶ Информантка называет фамилию.

⁸⁷ Информантка называет фамилию.

были отрезаны. И вот баба Дуня говорила, вот там отрез, вот материал, снеси, и мама меняла на хлеб, что вот... Как она меняла – я не знаю, может быть, к магазину подходила, и, в общем, мы у них все украли. Считается, это воровство... Мы у них все-все взяли. И мы все у них проели. И потом, когда уже после войны Дмитрий Варламович привез свою семью и приехал к маме – вот на Васильевский остров, где мы жили дом <...>, квартира <...>⁸⁸. И говорит: «Леля, как это понять?» Что там у них были галоши, обувь, посуда, чашки с блюдцами. Ну все такое было красивое, хорошее. Ну вот, и говорит: «Как это понять?» А мама говорит, вот у меня бьет нерв, она говорит: «Ну как понять, Дмитрий Варламыч, мы у вас все съели. Мы съели. Подавайте на меня в суд. И вот я работаю, мы с Таточкой вдвоем остались». У меня отчим тоже от нас ушел, потом расскажу. «Вот, – говорит, – мы вдвоем. Я не отказываюсь. И пускай высчитывают с меня с каждой... с каждой зарплаты. Я не отказываюсь». Он посмотрел, посмотрел, а мы и живем бедно. У нас четырнадцать метров комната, у нас одна кровать, стол, стулья, оттоманка. Все. У нас даже шкафа с ней не было. Он посмотрел и говорит: «Ну, Леля, Бог вам судья, – говорит, – а что остались живы – и хорошо. Я рад, что вы живы остались». И уехал. Ну мы больше его и не видели. Ну вот, может быть, даже это еще помогло, что мы хоть, что вот меняли, меняли, и, может быть, мы действительно так вот выжили. А потом вот Фаина Викторовна скончалась. Тут еще все-таки, как ни говорите, тут, откуда ни возмись, продукты. А вот мама рассказывала даже такой случай, что она шла по мосту лейтенанта Шмидта, и откуда ни возмись – горошинка. Она говорит: и мужчина со мной тоже шел, и, говорит, мы с ним вдвоем, ветер, горошинка катится, а мы, говорит, с ним бежим, говорит, ну как бежим... как бежим, вот казалось, что мы бежим, друг друга толкаем, и сама пришла, и потом смеялась. Кто взял эту горошинку – не знаю. Потом был случай, она рассказывала, что, говорит, тогда через Неву шла, замерзшая была Нева. Вот шла на завод Котлякова – это у Смоленского кладбища-то завод. И вот она шла, и трупы валялись, а один, говорит, мужчина живой, говорит, еще был, что: «Женщина!» Или как там раньше: «Дамочка!» – не знаю, обратился к ней. – «Дай мне руку, я же тут замерзну!» А она и наклонилась к нему и говорит: «Ты прости меня. У меня дочка. Я не могу тебе дать руки. Я очень слабая. Я сама еле-еле иду. Мне сейчас надо на завод. Потом обратно. У меня ж не хватит сил. Ты меня потянешь, и я упаду. Прости меня». Повернулась и пошла. И руки не подала. Пришла и дома рассказывала, и плачет. Грех? – Грех. А что делать? И она бы лежала: «А что ж, и я бы там осталась!» Ну вот. Потом, значит, вот бомбежки были, мы спускались в бомбоубежище в нашем же доме. Страшно было, естественно, как это, однажды в канал Грибоедова через наш дом так бабушка выключала выключатель, так ее аж в этот... в коридор волной! И вот страшно, конечно, было, вот мы спускались вниз. А потом не было сил... там и жили, ночевали, верней, а потом не было сил. А туда, значит, все жильцы спускались. С семьями, с детьми. Все просто вот голая кровать, брошены какие-нибудь там шубы, одеяла, подушки, и мы все одетые. Проспим, потом к себе поднимаемся. Вот. А потом стало как-то тупеть сознание. Стало постепенно не страшны нам и бомбежки. И голод был настолько сильный, что не было сил двигаться. Еще как-то заставляли себя вот... я ходила... я помню вот еще, какой-то у нас был медный чайник... вот спускалась за снегом, а потом с этим чайником уже еле-еле поднималась. А еще люди... этот, не работали туалеты, у нас были такие, была такая большая банка жестяная. Правда, она сама по себе легкая, и вот проволочка была сделана, туда вот мы ходили в туалет. И вот надо было это вылить, так, видно кто, грохнется кто, эта банка разольется, по ступенькам уже было невозможно, уже держишься, тут скользко было, и чего только не было. Ну вот. И я уже еле-еле поднималась с этим

⁸⁸ Информантка называет точный адрес.

чайником с этим... со снегом. А потом, может быть, и бабушка носила... Я уже никуда не ходила. Я уже сидела за печкой, вся одетая была, и чулки, и рейтузы, и по несколько пар чулок, и в платке незнамо в каком, и все как раз вот в этот момент отчим-то пришел. Ну вот, а вечерами... И заедали еще вши нас. Вот не знаю, нигде об этом не говорится, ну может, и нельзя об этом говорить?

Интервьюер : Можно, люди рассказывают.

Информант : Рассказывают, да? Вши заедали! Белые, здоровые вши. И вот мы перед сном, потому что иначе и даже и глаз не сомкнуть, вот эта пикалка маленькая. Мы около стола раздеваемся, и холодно, и все равно это, бьем. И гниды, гниды, даже знаю, что такое гнида, маленькая такая, щелкнет. И вшей вот все это, набьем, набьем, потом одеваемся. Одеваемся, закутываемся и ложимся. А иначе – вот почесуха! Вот... Вот была у нас там еще, жила у бабы Дуни вот с этой деревни, куда мы ездили, ну видно, может, дальняя родственница, может, знакомая такая. Саня, ее звали. И эта Саня, она работала, по-моему, какая-то слюдовая фабрика какая-то была, что она говорила, со слюдой работаю. Вот. И вот это... ее, видно, потому что она еще вроде была посильней, поздоровей, ее взяли, я не знаю, как это, МПВО называется или как? В общем, убрали трупы. Я не знаю, как эти бригады назывались, и вот она говорила, что они брали этот багор, и как-то зацепляли, и волокли, потому что сами тоже еле-еле и, в общем... А куда они волокли, не знаю, видно, в какой-то пункт, и вот я только помню, что она приходила, и она плакала, и она не только плакала – она голосила, по-деревенски. И говорит, что: «Тетя Дуня, я не могу больше работать! Я пойду, как-нибудь, но пойду в деревню! Иначе я с ума сойду. Не могу». Вот она голосила-голосила, и все-таки она пошла. Как она доехала, я не знаю. Но потом, я помню, я уже не помню, это уже я, видно, взрослая была, и как-то я спросила у кого-то из знакомых... А-а-а, у нас в Тосно была мамина двоюродная сестра тоже с этого, с Сомино. Деревня Сомино или поселок Сомино. И вот эта бабушка Шура рассказала, что эта Санька-то, говорит, приехала туда в деревню, и все-таки она с ума сошла, и умерла. Вот все, помешательство у нее было, и она так умерла. На нее так подействовало. Вот. А потом, значит, что потом, вот потом, вот говорю, что приехал мой отчим. Потом его отправили на фронт. Мама стала уже ходить. Потом, значит, вот... Да, вот интересно вот еще что: что когда у нас были пайки, я даже не помню, кто ходил за хлебом, я-то уже не ходила. Последнее давали по сто двадцать пять грамм хлеба. И вот у нас у каждого своя паечка – садимся завтракать, обедать, ужинать. И все только один хлеб. Хлеб и вот эта водичка горячая. И вот этот хлебушка – вот он был... Вот сейчас скажу, вот как вот один кусочек (*показывает*). Вот такой, обычный кусочек. И вот на три раза мы его делили. А он, говорят, я-то раньше не знала, а говорят, что туда только не – и обойную муку и еще там чего-то, и он был поэтому тяжелый. Сейчас-то он, может быть, и легче, этот кусочек, может быть, и 50 грамм, а тогда я знаю, что один кусочек давали. И вот разделю на три – это вот обед, завтрак, ужин. И у нас был комод у бабушки Дуни, старинный комод, и вот у нас было, значит, одному один... одно место, маме одно место, бабе Дуне другое место. А чего там класть – кусочек. Садимся. Садимся, и плачу. Плачу, потому что, что, я сейчас съем. Вот начинаются уже слезы. Вот баба Дуня мне тихонечко дает кусочек. Плачет уже мама: «Баба Дуня, зачем ты ей даешь? Ты же помрешь!» Она... (*плачет*): «Ольга, ничего не даю, молчи!» Сидим и все трое плачем. А мне, протяни мне все, я все съем. И не знаю... мне... не знаю, мне чего-то не было и жаль никого. Вот я говорю, все, все притуплялись вот эти чувства. Не знаю: бомбежки – не было страшно. Уже голода не было страшно. Уже было все равно! Все равно. Умру и умру. Мне хотелось только есть, мне больше ничего не хотелось. И вот я помню, это, отчиму-то я и говорю: «Папа, а почему так все сразу – и бомбят, и голод, вот все сразу?» А он говорит: «Ну что ж, Таточка, так вот и бывает! И вот надо, говорит, как-то выжить в это время». А вот он, он все только говорил только о жизни, о жизни, о жизни.

Вот. А в конце войны-то он пришел к нам. Наверное, в апреле 45-го го_ да, и сказал маме, что: «Оля, меня спасла с поля боя медсестра, я обязан ей жизнью. И у нее будет от меня ребенок». – Ну они же все коммунисты, все честные. – «И я должен вер... значит, к ней... с ней жить». Мама говорит: «Ну что ж, конечно, правильно. Там будет твой собственный ребенок, Таня тебе не родная. Спасибо тебе за то, что ты нам помогал, мы за тебя получали... вот...», – что она там, деньги за него получала или что. Давали потом нам всякие подарки, давали какие-то талоны. Вот я помню, ватник мне дали по этому талону, так как он доброволец, мы семья вот добровольца. Много так чего вот так в первую очередь давали вот именно... И вот она говорит: «Спасибо тебе за то, что вот мы... нам помогали за тебя. Конечно, иди, иди туда!» Ну вот. Потом вот он жил-то с той женщиной, так получилось, что тоже в Тосно, где мамина сестра двоюродная была, и потом жизнь у него не сложилась, и он приезжал к нам, он просил прощения, и мама его не пустила. Сказала: «Все, отрезанный ломоть». Потом он приезжал, уже мы уехали, в Купчино⁸⁹ жили, я уже замужем была, и вот говорили, что... Позвонили маме, что приезжал Василий Иванович и сказал, что: «Не знаете ли, где адрес Ольге Константиновне, я должен попросить прощения, мне осталось немного жить». И соседи ему не дали адрес. Потому что мама сказала не давать. И так вот он и умер. И так... не простила мама – это тоже плохо. Мама не простила. Вот. Ну а потом, значит, что потом вот в марте слегла баба Дуня. Слегла и уже не вставала. Тогда вот, помню, нам чего-то давали уже, давали по карточкам селедку. Вот она говорит: «Ольга, я хочу селедку!» Мама говорит: «Тебе нельзя». Она говорит: «Дай мне кусочек. Я умру. Я умираю. Не откажи мне в этом». И вот тоже плакали. Мама дала ей селедки. Бабушка ела, а мы плакали. А у меня мысли были: «Ой, ты умрешь, а у тебя же там пайки хлеба», – она уже не ела. А я думала только о хле... Ой... *(Плачет.)* Простить не могу всю жизнь! А я сразу думаю: «О, она умрет, а там у нее хлеб лежит» *(Плачет.)* И потом вот она поела, и утром, значит, у нее начались судороги, и вот, помню, мама стала перед ней на колени, говорит: тетя Дуня, не умирай! Ты ж у меня, говорит, вторая мама! А смотрю, у нее вот так руки начали, и мама говорит: «Иди, Таточка, иди, иди отсюда!». И я пошла на кухню. И вот... и вот на кухне я уже расплакалась. Я поняла, что баба Дуня действительно умирает, и очень-очень плакала. А потом мама говорит: «Иди, все уже». И первым делом, конечно, она сказала: «Иди, ешь хлеб». *(Плачет.)* И вот мы стали вот поминать ее, хлеб ели. И вот бабу Дуню мама завернула в простынь, зашила. Поставила три табуреточки, я не знаю, как она там вынесла, кто вынес, – не знаю, не помню. Баба Дуня у нас на этих табуретках лежала несколько дней, что мама не могла ее никуда подевать. А потом мама пошла к дворнику, сказала дворничихе, и дворничиха ее... тоже вот, наверное, этим багром, наверное, и вынесли. Я не знаю, я не видала. Мама ей дала такую... такая деревенская шуба, там меховая такая. Она вот, помню: «На, – говорит, – тебе за это шубу». И тоже, где похоронена, не знаем. И вот я уже была замужем... вот однажды, мы шли тоже по каналу Грибоедова, так я проезжаю, я никогда туда не хожу. Мы проезжаем... а вот тут, не помню, с мужем как-то мы пошли летом. Я говорю, давай зайдем, я тебе покажу, где я жила. Мы недалеко были. Встречали белые ночи. И вот, значит, я пришла, и вот, говорю, вот это окошко, все. И опять со мной... мне было очень, очень плохо. А потом мне приснился сон. И такой интересный сон, что я смотрю вот, у нее на четвертом этаже последние были окошки. Гляжу, что душа болит, вот болит, что там мы жили, там бабушка. И смотрю, ее окна нет. Небо, вот все, и вот так вот отходит – и небо! Вот и увидела я это небо, и больше мне не стало мне ничего сниться. А до этого я еще... да вот, я там еще тоже побывала! Я училась... я работала на заводе, училась в техникуме, и уже было двое

⁸⁹ Район Ленинграда.

детей, но, видимо, как сказать, слишком много, мне было очень тяжело, большая нагрузка на меня, и вот одно время начала мне вот эта сниться квартира, квартира. Думаю, надо мне съездить. И вот я поехала туда, и открыли мне дверь. И вот приехала эта с эвакуации, была жива вот эта Алла Ива... Алла... даже не знаю, как ее, Алла Ивановна... Алла Павловна! Вот дочка этого статского советника, где моя бабушка гувернанткой работала. Там, значит, у нее была Алла и старший сын Марк. И бабушка вот их поднимала. И вот Алла Павловна, значит, увидела меня, узнала меня, и вот она по всей квартире меня... Я сказала: «Алла Пална, мне снится эта квартира!» Она провела и провела к этим В<...>м⁹⁰. В<...>вы⁹¹ уже жили в комнате, где была Фаина Викторовна, а там была маленькая у них комната. Конечно, Лидия Ивановна меня встретила очень плохо. Она не разговаривала, она от меня отвернулась: ну мы же съели, все вещи у нее. Это... я все понимаю, я виновата, чего ж говорить. Вот. И провела меня в эту комнату, где, значит, там уже жила одна женщина, и тоже я, как на подоконник легла, и так чуть живая оттуда вышла. Ой, что-то еще хотела сказать... интересное... (*Небольшая пауза.*) Да... Ну ладно, может быть, потом вспомню. Надо же... Забыла, что-то очень интересное хотела сказать. Ну вот, вот я тут побывала и потом приехала к маме, сказала – ну вот на Васильевский остров – говорю: «Мама, вот я была у бабы Дуни». – «Зачем?! Зачем ты туда едешь?» Нам, говорит, уже назад никогда нельзя возвращаться, тем более в такое горе. Она даже меня и поругала. Ну вот. Ну, может быть, действительно, что больше некуда было. А вот я хотела рассказать про эту Аллу Павловну. А до войны-то вот меня-то одна бабушка возила, то сюда, то на Васильевский, то на канал Грибоедова. И вот эта Алла Павловна была... я даже не знаю, она очень странный была человек. Она игнорировала всех мужчин. У нее никого... она, замуж она не вышла. Она курила сигареты длинные, вечно у нее был маникюр, такие длинные; стоял рояль, очень большой рояль, и белая шкура белого медведя, вот, это ее комната была. И была изразцовая печка, и вот очень хорошо помню, была такая игрушка, маленькая собачка и... такая, как это... ну как спиралька, и на спиральке муха была, и эта муха вечно эта тряслась. Вот это я помню. И вот я должна была каждое утро к ней прийти. Она всю ночь почему-то не спала, и засыпала она часа в четыре, там я не знаю, может, в полчетвертого она засыпала. И вот баба Дуня мне всегда говорила: «Ну ладно, – она работала в аптеке, баба Дуня моя. – Пойдешь утром, разбуди Аллу Павловну!» Сейчас я уже не помню – в девять, десять, не знаю, когда, но я приходила ее будить. Прихожу: «Можно, Алла Павловна?» Она: «Татка, заходи!» Я зайду. Вставала у ее... вот около этой изразцовой печки и начинала ей рассказывать стихотворение. И вот помню, у этой Лидочки, что был Вовочка Б<...>⁹², у нее была пластинка – выступала... ну, наверное, тогда еще не было Рины Зеленой⁹³, но кто-то детским голосом говорил. И я изучала эту пластинку, и я изучила до того, что я приходила к Алле Палне и имитировала тот... я говорила детским голосом и говорю до сих пор, могу говорить. Вот, вот, допустим (*говорит детским голосом*): «Знают нашего соседа все ребята со

⁹⁰ Информантка называет фамилию.

⁹¹ Информантка называет фамилию.

⁹² Информантка называет фамилию.

⁹³ Рина (Екатерина) Васильевна Зеленая (1902–1991) – актриса театра, кино и эстрады, сценарист. Народная артистка РСФСР (1970). По всей вероятности, воспоминания информантки о детском голосе на радио действительно относятся к Рине Зеленой, постоянно работавшей на радио с 1920 года. Выступления Р. Зеленой на радио с рассказами о детях, с имитацией детского голоса, о котором вспоминает информантка, относятся к 1930-м годам.

двора...» Вот. Начинала говорить, и вот сама слышала, и вот начинала будить Аллу Павловну. И вот она: «Татка! Расскажи мне „Снегиря“! Татка! Расскажи мне вот это!» И я рассказываю, и она пробуждается (*Смех*). Барыня. Вот тогда-то они были, барыни. Ну еще бы! Статский советник там, они же, действительно, жили очень хорошо. Вот. И я ее вот так вот будила. И вот, подойдет ко мне, ущипнет: «Мяу! Ну иди домой!» Это вот она такая избалованная была. И я, значит, шла к себе, уже к бабушке в комнату. И вот эта вот Алла Павловна-то, вот она меня тогда и встретила: «Татка, это ты?! Расскажи, как ты живешь?» Я говорю: «Вот я замужем». – «Дети есть?» Я говорю: «Да». – «Сколько?» Я говорю: «Двое». – «С ума сошла!» (*Смех.*) – «Зачем тебе это надо?! Дети! Двое! Ты работаешь?» – «Да. На заводе Котлякова». Она: «На заводе! – ой, это все она уже, все. – И, значит, на заводе, двое детей! И еще и в техникуме учишься?! Ой, ой!» В общем, все. «Идем, Татка, я тебя проведу, проведу», – вот и водила по всем комнатам, и сама уже прямо как ошалела от того, что я из какого-то мира пришла. И работаю, и училась, у меня двое детей, да, в общем... «Заходи, заходи к нам! Заходи ко мне! Я тебя люблю, я тебя помню!» Но, естественно, больше я туда никогда не пришла. Думаю, хватит мне, что чуть не умерла. Но душа просила. Душа просила... дать дань. Вот, может быть, это и бабушка просила, может, это вот, все вот это вот, тяжелое, просило, чтобы я вернулась. Не знаю. Но, видно, Господь тянул, что, сходи, поклонись, поплачь, может быть, так надо. Люди ходят ведь на могилки каждый год, а то и сколько, отдают дань умершим, а у нас никого не было. Ну хоть в квартиру сходила. Ну вот, а потом, значит вот, после бабушкиной смерти, так как мама была прописана вот на Васильевском острове, 19-я линия, говорит: «Таня, поехали домой!» Поехали. Вот на санках мы с ней стали перевозить – вот, швейная машинка от бабушки осталась, комод мы тогда там взяли, ее старый комод, теперь уже его и нет, и была перина – вот все, что мы взяли. Там вот потом нам писали письма. Вот там была такая старенькая Наталья Александровна, старая женщина, все говорила, что, Леля, тут, значит, остался в коридоре Евдокии Павловны шкаф, что заberi. Ну а шкаф такой здоровый, большой-большой шкаф, широкий, большой. А у нас комната на Васильевском острове была маленькая, 14 метров, нам его и некуда и поставить. И мама почему-то, я не знаю, почему, но мама не отвечала. Она прислала ей несколько открыток, мама не отвечала. Не знаю, почему. То ли она не хотела вообще уже знаться с этой квартирой... Но так мы больше не писали, не ездили и ничего. Ну вот, все мое богатство осталось вот это. И напоминает войну, и люблю я эту машинку, и шью до сих пор. Вот. А потом, значит вот, прорвали блокаду, тоже очень интересно. Это мы... Да! Вот еще что! Мы приехали, значит, мы приехали домой в 42-м году. Значит вот, после смерти бабушки. И мама меня записала в школу, вот 14-й линии была, забыла номер-то школы. Четырнадцатая? Ой, забыла... Вторая! Номер вторая на 14-й линии. И вот у нас там было такое... как мы целый день там были. Вот утром идем, там завтракаем, обедаем, там тихий час у нас был, помню, мама покрывало давала на кровать, и вечером домой можно было. И я не знаю, каким образом, то ли это, может, выходной день, или как – я не знаю. Нам ведь выдавали сначала стандартные карточки, выписывали. Это просто такая маленькая карточка выписывается. Эту карточку мы сдавали в ЖАКТ, по-моему, и нам сдавали уже продуктовые карточки, как бы обмен такой был – продуктовые карточки. И прыгала-бегала, и я эти карточки потеряла, мамину, и мою... И вот я пришла в школу, и ребятам помертвевшим голосом говорю... Я не знаю, вот, учительнице сказала, я помню, была Уткина, а как зовут даже... Тамара... Тамара Ивановна Уткина...

Я говорю: «Я потеряла стандартные карточки». Это все. Все равно, что продуктовые, что стандартные, они не выдавались. Вот даже по фильму, тут блокаду показывали, что не выдавались. Уми... можно умирать, все! Вот, а ребята... Вот помню, это не Тамара Иванна, а ребята все сказали: «Мы тебе будем давать по полкуса хлеба! Все. И вы не умрете». И тут же,

вот тут же, они мне дали целую горку. И вот я помню, я была в платье. И вот несла, как у меня ничего не было, ни пакетика, тогда же ничего не было, подняла платье и вот с этими кусками пришла домой, а мама была уже дома, а я вот пришла. И, значит, вот такая орава всех ребят, я, вся зареванная. И пришла, а они мне и говорить ничего не дали: «Тетя Оля! – я даже не знаю, почему, мы всех знали родителей, всех друг друга мы все... – Тетя Оля! Тетя Оля! Вы Таню не ругайте, Таня потеряла стандартные карточки, мы вам будем каждый день давать по полкуса хлеба! Для нас это ничего не стоит, а вот вы выживете, вы не беспокойтесь!» Маму – как холодной водой! Она даже говорить сначала не могла. Потом говорит: «Не надо больше этого делать. Так нельзя. Мы просто не имеем права. Может быть, какой-нибудь выход я найду. Нельзя». И на другой день она пошла в райком партии. Это она мне уже рассказывала. Потом. Вот она пришла в райком партии, и потом она мне сказала, что сидела там инспектор, Орлова Валентина... Не знаю, какая-то... Орлова Валентина. Вот пришла и сказала, что у меня дочка потеряла стандартные карточки. «Я не знаю, как нам жить. Никого у меня больше нет. Ни родных, ни знакомых. Нас никто не поддержит». Та, значит, так растерялась: «Да... Не знаю...» Но, видимо, тоже спросила: «Ты коммунист, да, член партии?» – может быть, я не знаю, как. Она: «Ну, подожди, Г<...>ва⁹⁴, подожди, что-нибудь мы придумаем!» А мама плакала! Ну слов нет, что говорить, – верная смерть. Вроде бы как немножко и полегче живется, а верная смерть, умрем. И вот мама говорит, что я вот, как легла вот так на стол, лежу, и, говорит, не успокоиться! Ну какое тут успокоиться. А она оставила свою сумочку приоткрытую. И там у нее карточки, деньги, все. И она маму проверила. Это потом, потом это все, а вот вначале было так. Сама пошла, приоткрыла дверь и смотрит: что будет эта женщина делать? Мама как плакала, так плачет, и, видимо, я не знаю, какой там период, сколько там было времени, я не знаю. Ну вот. А потом пришла так сзади и тихонечко говорит: «Успокойся. Будут тебе карточки, Г<...>ва⁹⁵, успокойся. Успокойся, мы тебе выдадим карточки». И маме выдали продуктовые карточки на меня и на нее. Вот это был такой вот случай. А то бы я и не знаю, что. Вот. А потом, значит, прорвали блокаду. А у нас радио было тарелкой, и вот, я не помню, в какое время. Разве я помню? Тоже вдруг соседи... а у нас было девять комнат, в коммуналке. И вот кто-то из соседей кричит: «Блокаду прорвали! Блокаду прорвали!» И вдруг слушаем... слышим – грохот! Да, темно было. Темно. Очень темно было. Ну вот. И такие залпы! Так... А вроде уже в последнее время вроде как потише было, такие залпы, что ой, все, стекла дребезжат! И вот я не ждала ни маму, ничего, это было зимой, и что-то накинула на себя, и вот выскочила, а у нас недалеко вот Большой проспект и набережная, чего там, за пять минут добежишь. И вот бежала. А все бежали вот так (*показывает*) руки вперед, потому что ничего не было видно. Потом так – осветит, осветит, значит, стреляют, осветит, и вот все друг друга видим, бежим, руки вот так кверху, это... вперед вот так! Кто как одет! Кто как одет. Я прибежала на набережную. Я очень, конечно, хорошо помню, дедушка стоял. Я как посмотрела на него: одна галошина, один валенок. На нем платок, и вот платок вот так завязанный! И вот я бросилась к нему – он меня целует! Все не то что плакали – выли! Кричали! Так выли, стонали... (*Плачет.*) Друг друга поздравляли, целовали! Все. Ой, это такие залпы были, я даже не знаю, ну, наверное, что могло стрелять – все стреляло. В общем, радости было – нет сил, и стонали, и плакали, поздравляли друг друга. Вот. Да, и еще помню – но это, видно, может быть, уже и после блокады. Да, после блокады. Да. И вот с классом нас стали отправлять в

⁹⁴ Информантка называет фамилию матери.

⁹⁵ Информантка называет фамилию матери.

санобработку. Все же во вшах... Стали нас мыть. Вот. А мылись мы все вместе – и дети, и взрослые, и старики, и женщины. Все вместе. Никто ни на кого не обращал никакого внимания. Подойдет дедушка: «Деточка, потри спину!» – «Ой, да с удовольствием! Дедушка, и ты мне!» И вот все мылись. И помню: тепленькая водичка – вдруг нету. Холодно. Сидим, дрожим. Потом говорят: воду дали. Опять моемся дальше. И вот эта санобработка... а пока в санобработке, шпарят нашу одежду. Ну вот, когда уже одевали, так тепленькая одежда была. У каждого как было, так и есть. Вот. И видно стали этих травить-то, этих вшей-то, гнид, все. И вот так это все постепенно так это все ушло. Вот тоже – спасибо людям, как вот люди стали беспокоиться о нас. Вот это все прошло. Ну а потом вот стало все легче и легче, стали прибавлять и хлебушка, стали и продукты завозить. Вот. А еще у нас вот до бабушкиной смерти горели Бадаевские склады. Это было в самом, по-моему, начале еще, когда была уже эта вот бомбежка, не знаю, ну, в общем, видно зарево было издалека. Горело так, что было видно. И вот все ринулись туда вот на эти Бадаевские склады. И бабушка ездила с большой такой, с большой бутылкой, как-то приспособила на ремнях, и на этой... носила как рюкзак вот. Шла, значит, сладкая вода. Видно, сахар. И вот потом она привозила эту воду – грязную, черную, с землей, процеживала, через несколько раз, через несколько марлечек, и мы пили эту сладкую воду. Чего ж, хоть воды сладкой попить, и то хорошо было. Вот. Ну а потом что ж, потом вот пошла уже в 43-м году уже в третью школу, вот на Большой проспект. Там, значит, нам давали какие-то пайки в школе, и к праздникам. В общем, там уже легче стало. И в 43-м году я поступила в клуб Орджоникидзе. С 42-го на 43-й осенью поступила в клуб Орджоникидзе, и там, я ходила туда пять лет. И мы выступали, в клуб самодеятельности поступила, и мы выступали и в Лисьем Носу, нас возили к летчикам, и вот на этот... кораблестроительный завод-то, как он? Не Путиловский, а как он?.. Завод-то сейчас... Господи, кораблестроительный! Ну на набережной⁹⁶...

Интервьюер: Не Знаю...

Информант: Господи, из ума вышло. И, в общем, на заводы, потом в ремесленные училища нас возили, даже нас возили в госпитали, здесь были госпитали, даже к каким-то к нервнобольным людям, которые вот так сидели – тоже выступали. Вот. По Ленинграду, и даже вот в Лисий Нос, помню, ездили. И вот тоже рассказывала там «Снегиря» по-детскому, вот детским голосом. И хор у нас был, и балет у нас такой был, что и танцевали полечку. Потом вот мы ставили здесь, Ваню Солнцева играла даже, в этом, Полевого... Господи...

Интервьюер/Информант: (Одновременно): «Сын полка»⁹⁷.

Информант: «Сын полка». Ну вот. И, в общем, вот пять лет я была еще и в самодеятельности. Нас хотели... нам хотели дать медали «За оборону Ленинграда». Но Москва не пропустила, что мы были маленькие. Ну и бог с ними. Ничего страшного. Ну еще что, дело в том, что у меня подруги, мои подруги с 42-го года знакомые. Вот как мы тогда учились... пришли учиться, она жива. Я с ней дружу до сих пор. С 43-го года... с 43-го года – все

⁹⁶ Сложно сказать, какой именно завод имеет в виду информантка. Скорее всего, речь может идти или о судостроительном заводе «Северная верфь», действительно расположенном рядом с Кировским (Путиловским) заводом, или же о Балтийском заводе, выходящем на набережную Большой Невы. Наконец, это могли быть «Адмиралтейские верфи», расположенные на противоположном берегу Большой Невы, в самом устье реки.

⁹⁷ Борис Николаевич Полевой (настоящая фамилия Кампов; 1908–1980) – русский советский писатель, автор многочисленных романов, повестей, очерков и рассказов, в том числе посвященных Великой Отечественной войне. Однако повесть «Сын полка» (1945; Государственная премия СССР, 1946), о которой вспоминает информантка, принадлежит другому знаменитому советскому писателю, Валентину Петровичу Катаеву (1897–1986).

остальные мои подружки. И у меня есть фотографии – мы встречаемся каждый год в январе. Отмечаем День блокады. И до сих пор. Вот, у меня есть фотографии. (Пауза.)

Интервьюер: А встречаться стали, вот отмечать этот день сразу после войны или уже позже?

Информант: Нет. Когда мы... в общем, случайно я увидела Раю Э<...>⁹⁸, случайно, вот когда... Жизнь так повернулась, что мы... Вышла замуж, мы и в Германию ездили, служили с ним, но... В Германию я со страшным чувством ехала. И все-таки там, в Германии, вот мы там... он прослужил четыре года, я приехала с базедовой болезнью – на нервной почве. Меня это... все равно, я не могла на немцев глядеть спокойно. Я очень плакала и заболела на нервной почве. Но нам надо было, потому что он служил тогда в Особом отделе КГБ, ему надо было обязательно за границей отслужить. Он два раза отказывался, а на третий раз уже сказали – нельзя. Закончишь, он тоже вечером, он работал, вечером заканчивал Университет имени Жданова, юридический факультет. Я за... пока я училась, еще сказали: «Ну ладно, пускай жена защитит диплом, а вот ты защищаешь – и справляйся» все, и мы поехали. Я говорю, там я очень переживала, плакала, я не могу видеть немецкую форму, никак не могла, мне было очень страшно. Этот страх остался у меня вообще на всю жизнь. Вообще на всю жизнь остался. Вот. И все-таки я приехала с базедовой болезнью, мне делали опе... я сильно, сильно болела, мне сделали операцию. Ну ничего. Ну вот, а потом так случилось, что я сильно заболела и вырезали правую почку, и желчный пузырь, и я теперь инвалид второй группы. И мой муж тоже был инвалидом второй группы. Но он имел медаль «За оборону Ленинграда», потому что он... ему было тогда тринадцать лет, но он участвовал в оборонных работах, ездил со старшими школьниками, там как-то ДЗОТы или что, там они копали, какую-то оборону там делали... ну вот, с классом. Вот у него есть медаль «За оборону Ленинграда». Ну это не столь важно. Он в феврале месяце умер, а так мы тоже были два блокадника с ним. Вот. Ну что ж. Ну вот. А потом, когда конец войны, тоже: мы давно уже отвыкли от бомбежек, от всего, и вдруг, значит, тоже залпы, залпы. Мы с мамой ничего не поняли. А я как пила чай, и с блюдечком, с чаем побежала, между дверями встала, трясусь вся, ничего не понимаю! Потом слышим, по лестнице кричат: «Конец войны! Конец войны!» О-ой! Тут уже все! Все друг с другом и целовались, и обнимались, и, помню, сосед выскочил в белых кальсонах – тогда еще кальсоны носили. (Смеется.) И никого не стеснясь, и все целовались опять, все плакали, все. Ну вот. Вот. Вот все, что я... Даты всякие я не помню. Вот. А с девочками с моими... многих девочек мы похоронили уже... Вот все вместе. Похоронили уже многих. Тоже вот, и говорим, что будем встречаться до последнего. До последнего. Сейчас нас осталось восемь человек. Но так с некоторыми по телефону общаемся, что приехать не может – болит коленка. Ну, в общем, вот так вот. Встречаемся, уже и знаем друг друга, знаем детей, знаем внуков. Помним.

Интервьюер: Это ваши школьные подружки, да?

Информант: С третьей школы, да, третья школа на Большом проспекте. Это вот с 43-го года, в голодовку. Когда нам выдавали пайки, мы все это помним. Даже вот у моей... вот с 42-го года которая – девочку знаю, она сейчас, ну врач-терапевт, тоже на пенсии. У нее два сына, у нее внуки есть. У нее сохранились даже продуктовые карточки. Вот она приехала на встречу – у нее даже фантики, фантики есть. Я даже помню эти конфеты: не помню, как, но она угостила нас, у нее даже эти фантики есть. Вот, ну она такая более щепетильная. Она у нас была отличница. Такая. Так вот у нее все по полочкам такая, все, и вот я к ней... она сейчас верующая. Она православная. Я не православная. Я верующая, но я... евангельские

⁹⁸ Информантка называет фамилию.

христиане-баптисты. Хожу в Озерки, у нас вот церковь своя. И вот евангельские христиане-баптисты почему, что у нас во взрослом состоянии принимают креще... водное крещение. Полностью погружаются в воду, признают Господа сво..., что он есть живой, и мы живем по Евангелию. Что мы должны жить честно, помогать друг другу и в основном, конечно, за все благодарить Бога. Вот Господь дал жизнь, мы ее так проживаем жизнь, как он сказал. Но мы должны еще делать добро и помощь, с помощью Господа друг другу. Приобщаю детей моих. Но я считаю, что они тоже добрые. Я считаю, что они добрые, мои дети. У меня... вот теперь у меня... у нас... теперь вот не у нас, теперь вот у меня остались трое детей. Вот старшая Аля, ей... с 51-го года... 52 года. Сын... вот у нее двое детей. У нее двое внуков. Потом, значит, вот сын Петр. Ему 48 лет. У него... трое детей и один внук. Младшая дочка, которая родилась в Германии в 64-м году. У нее одна дочка, вот Вероника, она сейчас уже взрослая. Она в университете на первом курсе. Так что вот сколько у нас. У нас есть такая фотография, вот я вам покажу, что, действительно, я бы сказала, что может быть, действительно, это в наше время это редко есть такие фотографии. Вот тринадцать человек: только дети, внуки и правнуки, и мы с бабушкой. У нас там тринадцать человек. Не считая невесток, там, зятьев. Но они, как бы говоря, не родные. Вот так. Вот Господь дал еще вот – видите, в голод выжила, мама и я. И вот столько веточек. В общем, конечно, за все я благодарна Господу. Что Он дал и жизнь, и дал всякие испытания. В общем, за все – слава тебе, Господи! Если помогла чем, так...

Интервьюер : Да, вы очень интересно рассказали, замечательно. А вы не вступали в общество блокадников?

Информант : Есть.

Интервьюер : Да?

Информант : У меня «900 дней, 900 ночей» и в общество районное⁹⁹. Да. Я не жду никаких подарков, я рада, что я деньги туда отдаю. Может быть, действительно, эти деньги, действительно, более тем... кто живет одиноко. Я не одиноко живу. Вот у меня муж умер, но вот мы все вместе тут. Не дают мне ни скучать, ни плакать – ничего. В обществе я и там, и там.

Интервьюер : А на собрания какие-нибудь ходите или на мероприятия какие-нибудь этого общества?

Информант : Нет, они приглашают... Они приглашают вот участвовать вот на Пискаревке все – это я не могу... Потом ко мне неоднократно обращались, что выступить в школе, ну я не знаю, что я могу говорить школьникам? Вот взрослым я рассказала, а что я буду рассказывать школьникам? Я своим детям рассказывала, так вот тут у меня сын, это... Петя... я то же самое все им рассказывала, Петя у меня даже плакал: «Мам, не надо больше говорить, мам, не надо больше вспоминать!» Потому что воспоминания эти очень тяжелые. Так что... А дети все все знают у меня, как мы жили, как что. Дети у меня хорошие, внимательные, любящие. А так теперь вот то к одним еду, то к другим. И внуки, и правнуки – все меня любят. И сейчас вон, это... это у меня вот это уже Родион, это он у меня правнук. Вот этот Родион, ему десять лет. А маленькой правнучке полтора годика, в Северодвинске. Но я еще ее не видела ни разу. Так что всякие вот – и большие, и маленькие, всякие есть.

Интервьюер : А вы очень молодо выглядите...

Информант : Да ну, какое там молодо... Ну и слава богу, что молодо, хорошо. Я вот... мне скучать не дают. Вот такие дела. Слава тебе, Господи. А теперь я говорю, молимся за весь

⁹⁹ Информантка имеет в виду общественную организацию «Ленинградский союз „Дети блокады“ – 900», объединяющую детей, переживших в Ленинграде весь период блокады, и районное отделение Международной ассоциации «Жители блокадного Ленинграда».

наш народ, за все наше начальство, за всех, за всех молимся... И за бомжей молимся, вот у нас такая церковь. Чтобы Господь и поднял Россию, чтобы как можно было больше верующих, ведь верующие люди живут честно, по-честному. Чем вот всякие новые русские. И убивают вон и все это. Так нельзя жить, так нельзя... Ну когда война – это совсем другое. А когда сами по себе жи... люди живут с грехом – нельзя.

Интервьюер : А когда вы пришли в церковь – уже после войны?

Информант : Да. Вот в 90-м году я приняла водное крещение. А сын мой, я через него, как бы говоря. Вот. У него тоже очень интересная судьба. <...>¹⁰⁰. Много церквей прошел, а потом вот приехал в Озерки, евангельские христиане-баптисты. И нашел себя. Сказал: «Вот здесь я...» Потом приехал и говорит: «Мама, я нашел церковь. Идем и ты со мной». Я говорю: «Пойдем!» А в православную я тоже ходила, надо было куда-то ходить. Я приду – то мне... батюшка, чего-то смеюсь над ним, то иконы какие-то, вот все не то чего-то было, не то. И, помню, девчонок тоже брала, я говорю: «Пойдемте сходим!» Но как на экскурсию. Чувствую, что все не то, не то! А вот приехала туда, и, ой как, и сразу захотелось молиться, и сразу захотелось плакать, и каяться, вот все тут у меня разрывается, вот, вся моя жизнь тут, тут, вот тут всего много! И как раз была Пасха. И говорят, мол: «Кто хочет покаяться?» Меня как ветром, вот как ветром сдуло! Вот не собиралась ничего, как ветром, встала на колени и стала просить: «Господи, прости меня за всю мою жизнь неправильную, за всех моих детей, за моего мужа, что неправильно жили, тоже и выпивали, и гуляли все, и все, Господи, прости, только прости меня! Вот прости – больше у меня не было слов – только прости меня за всех». А потом, когда села к сыну в машину, я не знаю, чувство мне это не передать. Едем, я говорю: «Петя, я не знаю, что со мной!» Я как будто выше, я как будто в облаках. Я не чувствую воздуха, как будто я в другом... в другом воздухе! Я не знаю, что со мной. А он мне сказал: «Мама, просто Святой Дух в тебе! Это никто не может передать. Это Святой Дух в тебе». Но по-настоящему почему-то я веру, вот именно свою веру в Бога, я почувствовала года через два. Это все очень медленно. Вот, действительно, поистине человек приходит медленно к Богу. Ну вот. А теперь... А теперь я без Бога жить не могу. Теперь я все знаю. Это все по господней милости. Это все по господней... и шла я этим путем только... вот и война, и мои дети, и мама, муж, там все – это я шла господним путем, и вот я пришла к Богу. И за все я благодарна, и за мою жизнь благодарна, и за мою мамочку, за то, что Господь мне дал долгие годы с моей мамой, она со мной прожила и умерла, 84 с половиной года! И я ей так была благодарна, она умирала, я ей только сказала: «Мама, ты самая лучшая моя мамочка на свете! И я тебя так благодарю». Что мама была со мной, мама воспитывала всех моих детей, она была неотступна, она всю мою жизнь отдала мне. Это Господь ей так начертал, ее судьбу. Вот так. И за все, за все я благодарна Богу. Вот, а во время войны, может быть, действительно, было какое-то дуновение коммунистическое, что люди шли за партию, за Сталина, вот тогда была эта вера. И я верю, что ради того мы и победили. Ради, что вот коммунисты были, что вера, но потом мы зато стали жить плохо. А может, испытания тоже были большие, что мы Бога не знали, что закрыли. Ну, а теперь, слава богу, все все люди поняли. Все все люди поняли. И наши ошибки, и нашу радость. И я благодарю... Так что вот такие дела.

Интервьюер: Спасибо большое!

Информант: Я желаю тоже всем счастья, господнего благословения, чтобы Господь всех вас увидел и услышал и чтобы вы все тоже открыли сердца для Бога. И жить по честному

¹⁰⁰ Небольшой фрагмент интервью, содержащий информацию личного характера, касающуюся членов семьи информантки, не публикуется по этическим соображениям.

намного легче. Как один тоже мужчина говорит: «Ну а что толку, ну ладно, ну я не буду курить, не буду гулять, не буду там жене изменять, буду все деньги приносить домой, ну и что? Ну и как, что вот?» А вот ему ответили: «Ну, как...» Да, а, мол: «Я приду, а там не будет жизни никакой?» «Ну и хорошо. Не будешь ты изменять, будешь ты жить честно, все, разве это плохо жить? Это же хорошо! Помогай людям другим, все. Вот ты и проживешь спокойно, для себя жизнь. И все правильно». Вот. И вам желаю счастья!

Интервьюер: Спасибо!

Интервью с Вероникой Никандровной

Интервьюер : «Блокада в коллективной и индивидуальной памяти жителей города», 2003 год, 14 июля. Я в гостях у Вероники Никандровны, и мы начинаем. Вот, Вероника Никандровна, мне бы очень хотелось, чтобы вы рассказали о вашей жизни, о том, что в ней было самым важным, на ваш взгляд. Сначала я не буду вас перебивать, то есть я выслушаю все, только иногда буду делать заметки...

Информант : Угу. Направлять куда-то, нет?

Интервьюер : Все, все, что вы считаете нужным.

Информант : Ну я¹⁰¹ могу начать тогда с начала войны?

Интервьюер : Ну откуда, откуда вы считаете нужным. Мне хотелось бы, чтобы вы рассказали о своей жизни.

Информант : Угу. Ну вот. Ну родилась я в Ленинграде, в 32-м году десятого июля. Сейчас мне уже семьдесят один год, семьдесят второй. Ну вот. В общем-то, жизнь даже... Во время рождения там тоже было очень сложно. Было голодное время, можно сказать, 32-й год – это время тяжелое. А отец служил в армии, потом это вот... началась когда финская война, он ушел на финскую, потом пришел – в 39-м году, по-моему, это было вот, – и в 41-м началась Отечественная война. В общем, ему было тридцать три года, это Никандр Петрович¹⁰², и он, в первые же дни он записался в добровольцы и ушел на войну. Остались мы, значит, с мамой. Я, брат старший, 29-го года, и я. Ну и вот. В общем, застала нас война летом на... в Поповке, потому что на лето все... никто не думал, что что-то произойдет такое. Все были там. И такое настроение было... ну началась, как-то нас ошеломило все это, но думали, что все быстро закончится. Вот. А когда начали уже немецкие самолеты летать там и бомбить железную дорогу, мы как раз жили там около железной дороги, то... в общем, пришлось, конечно, прятаться, бежать туда вглубь куда-то, к соседям – думали переждать, но потом поняли, что это все, в общем, очень серьезно, и мы быстренько-быстренько уехали оттуда вот... сюда. И поначалу мы жили в Володарском районе, где сейчас это Невский район, у маминой сестры. Там у нее был частный домик на Софийской улице, ну, в общем, теперь, я думаю, Купчино там, все объединилось как-то, но на границе с Рыбацким. Вот. И жили у нее. И вот в сентябре, когда кольцо замкнулось, ну вот... конечно, было очень трудно. В магазинах сразу как-то все пропало так, продукты. Но так как у них еще было огородик какой-то, тогда это от завода Ленина, там

¹⁰¹ Информантка родилась в 1932 году, во время блокады жила с братом и матерью на окраине Ленинграда в Невском районе, затем у сестры матери в Центральном районе. Информантка награждена знаком «Житель блокадного города». Принимает участие в работе общества блокадников. Интервью проходило в квартире информантки 14 июля 2003 года. Общая продолжительность аудиозаписи интервью – 153 минуты. Интервьюировала Т. Воронина. Архив Центра устной истории ЕУ СПб. Интервью № 0102024. Имя и отчество информантки изменены.

¹⁰² В интервью названы полные фамилия, имя, отчество. Имя отца изменено.

недалеко, но, в общем-то, домики частные были и у всех огородики какие-то, овощи там были. Ну вот. Пока держались. И главное тепло. Потому что, в общем-то, во время блокады многие погибали, ну и, естественно, от голода, истощения, но и от холода, потому что замерзали просто в своих квартирах. Потому что отопления не было там. Ну вот. У нас еще там мама и сестра жили на улице Восстания. Вот потом мы к ней перебрались... Вот. В общем. Там, в начале 41-го года ну вот я пошла во второй класс. Ходила там в школу на Троицком поле, была такая школа. Потом ее закрыли, и госпиталь там был. А нас, вообще, мы уже не учились, потому что... ну были случаи, потому что уже начался голод страшный, и дети стали пропадать там и все, в общем, жили дома. Потом мы перебрались, потому что наш дом разбомбили, все сгорело у нас, и вот мы как-то с чемоданчиками там, в общем, со всем таким необходимым мы, значит, были там, на Восстания. Напротив Знаменской церкви¹⁰³. Еще Знаменская церковь там была не разрушена, потом да... Да. На месте метро Площадь Восстания. Ну в общем, жили мы тоже... Там отопления в то время парового не было, дровами на кухне эти плиты топились. Дров не было, воды... ну, в смысле, вода была плохо. Потом и вода прекратилась, ездили. А когда мы жили еще, значит, у маминой сестры К.Е., Е.И.¹⁰⁴, мы, значит, ездили с братом на Неву. Нам на саночки такой большой металлический бак ставили. Ну я не знаю, литров двадцать, наверное, такой. И вот мы ездили на Неву, туда забирались. Река была замерзшая, там прорубь была, все черпали ковшичками и наливали кто чайничком, кто что тащил. А нас, в общем, это наша обязанность была с ним, нас, значит, вот эти тетя Катя заставляла вот возить эту воду с братом. И мы, значит, там по ступенечкам в *(смеется)* ледяной... во льду, в общем, ступеньки были, а мы, значит, спускались, потом поднимались, иногда и покатишься обратно. Потом опять как-то вдвоем. Ну ему было, значит мне было девять лет, ему было одиннадцать лет. Вот так вот. В общем... это наша работа была. Ну вот. А мама у нас болела, и она часто на том берегу лежала, там где вот был монастырь, там был госпиталь, и она лежала там... Она еще до войны болела, у нее туберкулез был. И там лежала. Вот. Брат к ней ездил или ходил через реку или, когда там весна или осень была, он... там переправа какая-то была, лодки какие-то, там рыбаки переправляли, там она его немножечко подкармливала. Потому что... там умирали многие, оставалось что-то. Вот. Детишек, кто там приходил, успевал, он постарше был, его там немножечко поддерживала. А я ходила, значит, вот за хлебом. Давали нам 125 грамм хлеба. Это, по-моему, до декабря¹⁰⁵. Это вот на детские карточки, на иждивенческие карточки, и в месяц, вот такие вот маленькие фунтики из газетки, вот такие *(показывает)* кулечки. Там было грамм десять крупы на месяц... карточки, а грамм десять песочку, ну все. Больше ничего не было. А хлеба, значит, каждый день должны были очереди стоять. Вот мы ходили. Он посылал меня, потому что говорил: «Верушка, я все съем. Я, значит, выкуплю, я не донесу. Я все съем. Иди ты». Вот, я ходила. Стояла тоже, и в мороз мы там стояли, грелись где-то, бегали по этим... по парадным. Ну вот. Ну потом... я помню, что я слегла. И вот я лежала, настолько, видимо, ослабла, ну дистрофия была, мы все были дистрофики, потому что... наверное, со

¹⁰³ Знаменская церковь на Знаменской площади (сейчас площадь Восстания) была возведена по проекту архитектора Ф. И. Демерцова в 1794–1804 годах на месте деревянной. Была снесена в 1940 году в связи с намечавшимся строительством станции метро.

¹⁰⁴ Имеется в виду один человек: в первом случае названы фамилия и имя, во втором – имя и отчество.

¹⁰⁵ 125 граммов – самая малая за всю блокаду норма хлеба. Выдавалась по карточкам служащим, детям и иждивенцам с 20 ноября по 25 декабря 1941 года. См.: Постановление военного совета ленинградского фронта о снижении норм хлеба от 24 ноября 1941 года и Решение горисполкома об увеличении норм отпуска хлеба от 24 декабря 1941 года (Ленинград в осаде 1995:194,209).

стороны было смотреть, конечно, так как все были такие, то ничего, и закутанные там, и все, но это зрелище было не... для слабонервных, в общем-то, страшное, потому что, когда я дышала, у меня вот такое сохранилось в памяти чувство, больно было дышать просто. Вот каждый вздох, и, кажется, вот у тебя это все к спине. Боль ужасная. И я легла и сказала: «Вот я не встану, пока не прибавят хлеба». *(Смеется.)* Ну вот, и на... в этот же день, вот Левитан¹⁰⁶ по этому, по радиолу нас было все время включенная эта тарелка черная, объявил, что прибавляется, 50 грамм прибавили, стали мы получать 175 грамм. Вот. Ну вот, уже стало повеселее. Потом нам... у маминой сестры муж, он служил под Ленинградом в этих... в ВВС был механиком. И он собрал нам посылочку, такую от своего пайка там, сухим пайком им давали иногда. А и прислал кто-то из их части и ехал сюда на машине по каким-то делам. Ну, видимо, это не за линией фронта, а это же где-то здесь вот в пригороде, где немцы еще не было. На границе. Вот. И прислал нам посылочку, потому что, это, мама как раз в это время была дома, не там, не в госпитале. Прибегает человек и говорит: «Вот вам посылка от И.И.Т.¹⁰⁷». Ну вот. Распишитесь. Ну мама расписалась, и он убежал. Я, говорит, тороплюсь очень, у меня времени нет. А в посылочке там, значит, было, наверное, килограмма полтора гречки, потом что-то еще было... а, сухари были засушены, хлеб. Вот. Немножко песку тоже сахарного. Ну и все. А когда мама прочла там записку его, то он писал, что я посылаю, значит, вот с этим человеком и полкило масла сливочного. Масла не было. «Но ты обязательно напиши мне, что получила». Ну мама и написала, что получила, а этого нет. Он потом нам написал, что, в общем, он его стыдил, и ну, естественно, он, значит, своим... Ну мы... Ну, говорит, я с него все, значит, вытянул. *(Смеется.)* Вот. Это нас, конечно, очень поддержало. Потому что мы какое-то время варили там суп, крупой заправляли, уж не каша там, а, естественно, так. Вот осенью мы с братом ходили на поля и весной потом 42-го года, когда растаяло все, там Славянка, такая за Обухово станция, это была как бы Обухово, а там Славянка. Но мы ходили пешком через железную дорогу, и на полях... там вот были такие провололочные заграждения, видимо, там было все заминировано, потому что на этих... висели вот такие красные тряпочки. Ну это было, в общем-то, заминировано, но так как мы были легкие, то мы, значит, пролезали, ходили. Глина прилипала там это. Иногда мне ноги не вытащить, я кричу: «Борька¹⁰⁸, у меня ноги завязли, мне не пройти». *(Смеется.)* Он подходил ко мне, меня вытаскивал, шли дальше с корзинкой. Увидим, там выглядывает кусочек там... капустки, мы, значит, капустку, если морковочка какая-то неубранная, вот что не успели там собрать, вот приносили домой. Все промывалось это, эти листики все, и я, значит, крошила там варила, и вот немножко там это... И, в общем, супчик варила, и ели. Потому что и готовила я тоже. Потому что мамы часто не было, вот. Или она лежала, в общем, в плохом состоянии. В общем-то, я занималась хозяйством. Вот. Ну вот, а весной, когда появилась там, крапивка появилась, лебеда появилась. Значит, листики лебеды, крапива, потом однажды он меня куда-то... говорит: «Верушка, поедem мы с тобой за камышами». За камышами, это потому что там корни камышей... вот отрежь, они такие мучнистые, варила кашу я. Вот. Она напоминала или пшенную, или манную какую-то крупинками, даже так разваривались там это мелко. Но у нас были дрова там... и тепло было. Потому что зима там очень суровая, очень холодная, 40 градусов, даже, может, больше бывало

¹⁰⁶ Левитан Юрий Борисович (1914–1983), диктор Всесоюзного радио (с 1931 года), народный артист СССР (1980). Во время Великой Отечественной войны зачитывал важнейшие официальные сообщения.

¹⁰⁷ Имя, отчество и фамилия мужа сестры информантки.

¹⁰⁸ Имя брата информантки.

иногда. Мороз такой. И так как мы были в тепле, то мы, в общем, держались... Вот. Потом, значит, у нас так получилось. Это уже к лету 42-го года. Сестра оттуда пешком, транспорт-то не ходил, вот с Восстания она пришла к нам пешком. Ну вот, и сказала, что пойдем к нам, будем жить у нас вместе как-то. Она, у нее сын был, ну возраст такой же, как у брата, 29-го года, нет, он 30-го, только в январе... Вот. И за ним и приглядеть-то некому. А она... она как бы была раньше, Осоавиахим был – вот это организация такая против воздушной обороны, все. И вот во время блокады, войны ее там, в общем, как бы... мобилизовали, но ночевать она приходила ночевать домой, но там вот она работала. И их там кормили что-то, супчик давали, где-то столовая у них там была, она немножко ела. Вот. А Женька был, значит, один. И вот мы переехали туда. Тем более, вещей-то у нас мало было, и мы налегке (*смеется*), пришли, вернее, пешком. Дошли. Еще силы были. Вот мы, значит, жили там у нее. Это дом три, там гостиница, и сейчас там гостиница, и вот это во дворе. Но были, флигель такой там был, жили. Потом, когда потом мы в бомбоубежище однажды сидели, мы почти все время в бомбоубежище там были, потому что часто и бомбежки, обстрелы были. Все время тревоги, так что мы даже какое-то время и не уходили, потому что только отбой этой воздушной тревоги, поднимемся туда, только думаем: сейчас мы немножко отдохнем, поспим, опять тревога, и тогда уже там и сидели... там, в общем, жили. Вот. Ну хлеб свой получали по карточкам там. Вот. По новому адресу уже. Потом да, маме сказали, что надо обязательно эвакуироваться, потому что иначе не выживет и все. А значит, тетю Лелю¹⁰⁹ не отпускали, тогда значит вот ходатайство было такое из госпиталя, что для сопровождения нужен человек, иначе они не доедут. Вот. А эвакуация это уже во второй половине 42-го года, это было... август месяц, в конце августа. Ну собрали вещички, вот... У тети Лели была раньше-то квартира большая, у нее потом, значит, там... две еще соседки там, значит, поселились. У нее было две комнаты, рояль там концертный был, все. Этот рояль за пол литра водки, значит, договорилась она с кем-то продать, чтобы потом эту водку обменять на хлеб. Вот так вот. Такая операция была. (*Смеется.*) Ну вот. Ну, в общем, собрались, и сначала на Московском вокзале мы сидели. Думали, что подадут, вот окружная дорога вот эта через это... Ржевку, не знаю, в общем, окружная дорога такая. На Ладогу туда. И дней, наверное, или четыре или пять мы там сидели. Потому что поезда некоторые отправляли, а нас все еще сказали, значит, нам еще ждать надо. Надо ждать, надо ждать. Вот. Но нас там, в общем-то, кормили уже, уже что-то давали такое. Потому что помню, мама с тетей Лелей, они ходили, и в маленьких там котелочках что-то они приносили. А так на этих, на чемоданах и сидели. На перроне прямо. Потом нас все-таки отправили, и мы поехали до Ладоги, и там нас погрузили на... это катера такие, не пароход, а катера, которые возили... эти... ну продукты даже. Вот. И все туда в трюм забрались вот, и, значит, вот поплыли. Так быстро, быстро, быстро. А так как это... может быть, волнение было, может быть, курс меняли, в общем... за нами стал охотиться этот немецкий самолет. И... а меня там стало тошнить. Я, значит... меня на палубу. И матрос со мной там стоял. Вот. Тошнить нечем, а вот тошнит и все. Нехорошо мне. А этот гоняется, а катер, значит, так: вот он идет не прямо, прямо, прямо, а он то вот так, то вот так, то остановится, то опять куда-то... а эти гоняются прямо за нами, и бомбы кругом падают. Вот это вот я помню очень хорошо. Бомбы кончились, он начал за ними гоняться... из пулемета прямо по палубе так это... Думаю, видит, что ребенок там стоит, да? С человеком, с матросом с этим... И гонялся, гонялся за нами. Ему было, наверное, очень интересно. Ну вот. Ну в конце концов все благополучно, мы добрались.

¹⁰⁹ Сестра матери информантки.

Еще помню, нам попался навстречу, мы туда, в К обо ну¹¹⁰ ехали... (*Звонит телефон.*) Так. Пусть звонит, ладно. Ну вот. А навстречу попался оттуда тоже катер уже с продуктами, и там матрос стоял, и нам что-то такое помахал там, покричал что-то, ну вот, и, в общем, приехали мы в Кобону, нас высадили. Накормили чем-то таким горячим, что-то такое похлебку какую-то дали. А потом там уже стоял состав, теплушки товарные. И вот такие вот нары там, значит, внизу, и еще ярус наверху. И вот по две семьи на каждые нары, и поехали мы. Вот нас повезли. Повезли, причем, у нас... в этом, в листке – эвакуационный лист был – не было пункта назначения, потому что где кто захочет, там высадится. (*Смеется.*) Вот так вот. А у мамы еще была, в общем, у нас все родственники в Ленинграде были, и во время войны-то это уже одна сестра... постарше, она была в Тобольске, у них... она работала в научно-исследовательском институте речного и озерного хозяйства, это ВНИИОРХ назывался он тогда, всесоюзный научно-исследовательский институт, и у них был филиал, вот в Тобольске, там в разных городах. И она там была в экспедиции с детьми. Вот. И мама решила: поедem к тете Шуре. Ну ладно, поедem. И вот мы, значит, доехали до Тюмени, высадились. Там на пристани... нас потом какое-то время мы там даже... нет, прямо на пароход нас, вот такие еще лопастные пароходики колесные ходили, вот идет и шлепает по воде. (*Смеется.*) Ну там Иртыш, Обь, в общем, вот эти реки-то полноводные, большие такие. И вот эти... шлепанцы. И вот помню, мы едем, нас там тоже... в трюме много человек, именно эвакуированных там, ну, может быть, и другие пассажиры, но я-то помню только вот ребятишек много было, и вот этот... нас покормят лапшой, значит там, а что еще было как, я не знаю, только лапша. Я помню... суп из лапши. Этот кок, мы соберemся у двери этого камбуза, мы только, значит... накормили нас. И говорит, ну все, они теперь хоть немножечко успокоятся. А мы уже там все стоим и глазастые все смотрим. Он нервно так эту лапшу (*смеется*) режет, режет и на нас смотрит, когда же их накормит. Ну вот. Ну вот так вот мы ехали, ехали, ехали, до Тобольска доехали, доплыли, вернее. Оказалось, что она в командировке в Локсово, это еще туда... вниз по Оби. Надо было по Иртыш, вот в Тобольск на Иртыше, наверно, стоит, а Обь-то дальше там слияние уже Обь, Иртыш. Ну, мама говорит, ну что же мы как? Мы не знаем, без нее. Мы поедem к ней. Туда поплыли и туда еще. Они тихоходные такие еще, то есть мы туда приплыли, наверное, где-то уже... к сентябрю, к концу. В общем, долгая дорога у нас была, путешествие такое, да. Ну пока все благополучно. Доплыли до Локсово, вот, вышли там. Нашли ее там. Там рыбозавод, они же там... у них тоже станция своя... там научно-исследовательская и при рыбозаводе, а там такие... Обь-то широкая в том месте, и там берега не видно, оно как море уже, потому что это уже в низовьях. Очень широкая река. Ну вот. Приплыли в это Локсово, в общем, к ней там пришли. У нее комнатка маленькая, она там с двумя сыновьями. Вот. И мы там устроились. Печка русская. Тут же. (*Смеется.*) Вот. Ох уж мы там отъедались! Там же рыба! Вот. Сначала нас... да, к ней приехали. А потом нас поселили в самой деревне. Там это у них поселок был от рыбозавода там, а потом там деревня была – вот это Локсово. И там нам дали на горе, потому что вот сама Обь, она внизу, потом крутой-крутой берег высокий очень и там уже вот эта деревня. Тайга. И тайга уже тут. Такая глухая. Медведи заходили там иногда, да. Вот, в общем, дали нам такой дом пустой, ну там вот половицы все ходят, там и, в общем... но все равно обрадовались. Как же! Перетащились туда, наши стали сразу узнавать: там грибы есть? А грибов, говорят, много, но вы не уходите, иначе вы не вернетесь. Там тайга, заблудитесь. И вот только, говорит, ходите так, чтобы видно было все время дома, вдоль. Но столько грибов! Они грибы не собирали и не ели вообще, это не еда же. Вот рыба, утки там, вот они настреляют,

¹¹⁰ Деревня Кобона расположена на восточном берегу Ладожского озера, конечный пункт Дороги жизни.

уток наловят или пойдут там в тайгу зверюгу какую-нибудь убьют, ели. В общем, мы там сначала стали, значит, на грибах, потом... это, ягод насобирали, потом зима стала, нам, конечно, стало там очень холодно, потому что там щели. Полы вот так вот... Нас поселили к одной женщине там. У нее муж был на фронте, тетя Стеша, и ребятишек человек пять там было, ну вот, и нам дали самую большую комнату. Там называлось это залом. Значит, три окна так, три окна так. И вот мы с тетей Лелей, тетя Леля, Женька и мы, значит, трое... пять человек мы там жили. Ну замечательно. И, в общем, мама потом устроилась на работу бухгалтером там... вот. И, в общем, понемножку... у них там карточек не было, но были, значит, тоже нормы какие-то, которые выдавались просто по спискам. Вот у каждого продавца там лавочка была такая, хлеб давали, хлеб там... крупу иногда, наверное, давали, но то что... там грибы, ягоды... И потом мы – как вот они все время, они запасались на всю зиму кедровыми орехами. Ходили в тайгу, значит, вот там сшибали эти вот шишки, потом шелушили дома их, потом вот в бочку, нам дали такой бочонок. В русской печке на противне вот эти орехи очищенные, там они нажаренные уже такие. В бочку, в бочку – в общем, мы нашелушили целый бочонок. А там же какие жиры! Это же такое питание. Потому что маме сказали, что: не знаем, как дети, потому что нас сначала все боялись, а мы же дистрофики были, страшные такие, ну скелетики, старички маленькие. Ну вот. А маме сказали... врач там была, говорит, что вам зиму здесь не перезимовать. Ну вот. Ну мы почему-то перезимовали не только зиму, мы так, в общем-то, все поправились, там все нормально, и, в общем, мы там прожили... я там пошла во второй класс и третий, как-то так вот получилось, значит, я там... У тети Шуры там кончилось... потом, наверное, в 44-м году... в общем, конец 42-го, 43-й год мы там были. Потом где-то мы в следующую навигацию... в начале 42-го началась навигация, и мы поехали в Тобольск, и тетя Шура туда, значит, возвратилась уже с экспедиции, и мы. Вот. И... в общем-то, получилось, конечно, так: приехали к тете Шуре, а у нее комната, наверное, меньше нашей вот этой, вот моей этой. Комнатка, уж я не знаю, сколько моя, десять с половиной метров, но она кажется мне большая. *(Смеется.)* Ну вот. А там была... может, метров восемь. В общем, они с мамой вдвоем-то спали там, а ребетня вся на полу. Значит, вот мы... расстелет нам, и спали так. И там я в четвертом классе училась. Закончила я там четвертый класс. И в 45-м... тетя Шура даже раньше уехала, потому что, значит, там уже в 45-м, когда война кончилась... дядя Ваня он, значит, приехал. У них был дом, Иоановский монастырь на Карповке, тут вот, у них... там где сквер рядом с этим, у них рядом дом стоял. Вот. И там, значит, его разбомбило подчистую, и, он когда вернулся, их... они были еще в экспедиции здесь, в Тобольске, вернее, то он выхлопотал комнату на улице Грота. И значит, когда она вернулась уже с ребятами, то... уже там у них было куда приехать и все. И потом нужен был... – она-то с экспедиции, мама, правда, тоже работала, считалось, что она там в институте этом работает, но институт-то филиал там, он так и остался. Вот. А нам нужен был вызов. Ну вот, мама написала тете Кате письмо, что, значит, как бы без вызова, тем более, у нас дома не было, все у нас подчистую, у нас ни имущества, ничего, нас разбомбили, сгорел. Все. Нет ничего. Значит, к ней, что она согласна к себе пустить. И прописать. На таких условиях можно было вернуться. Ну она вот прислала нам. Вот. В общем, мы приехали к ней. Высадили нас на Сортировочной. Ну также пароходом этим *(смеется)* плыли до Тюмени. Потом надо было ждать поезда, и потом... мы вообще решали – там многие, даже институтские многие возвращались, потому что с экспедицией те, кто там работал постоянно, они там, естественно, оставались и работали, а те кто из Ленинграда приехал в экспедиции там не... в одно Локсово, там много было этих... ну и, в общем, так вот мы... и в разное время и добирались. В Тюмени-то, я помню, что мы даже где-то сняли квар... какую-то комнату тоже, в Тюмени самой, и жили: вещи были все на пристани как бы там, ну кто-то там охранял, а мы, значит, вот жили с ребятами, чтобы не ночевать под открытым небом

в комнате. Мы жили. Потом вот поезд. Сказали, что вот нам билеты все – это как-то было гарантировано государством, что мы вот и туда ехали бесплатно, и кормили нас и обратно также. Вот. Что это было, в общем-то, достаточно хорошо организовано. Погрузились и поехали. Опять не в пассажирских, опять в этих теплушках с нарами там ехали, но уже радостные, потому что возвращались, возвращались. Так было, в общем, хорошо, конечно, настроение у всех было такое хорошее. А когда туда ехали, многие умирали. Не доезжали, снимали с поезда, значит, там где-то... В общем, там все было, конечно. Вот. А когда мы вернулись, значит, высадили нас на Сортировочной, до Обухова надо было еще идти там пешком, ну потихоньку, брат-то уже посильнее был, значит, это был 45-й год... Вот. Уже где-то... тоже август, наверное, в августе возвращались. В общем, уже считай так: 42-й, 43-й, 44-й, 45-й – три года мы в эвакуации пробыли. Вот. Ну и вот когда мы, значит, приехали там... ну вот комнатку они давали там, маленькую комнатку там мы... в комнатке этой устроились. Вот. Мама работать... пока не работала, в общем, это надо было найти. Она в институте работала-то она. Приехала, но уже из филиала, она могла сюда... а этот институт, значит, располагался он напротив Смольного собора... нет, рядом со Смольным собором, где там смольнинский, там институт иностранных языков тогда был. Я не знаю, как сейчас там что. Но тогда... и там же помещался вот этот институт, научно-исследовательский институт озерного и речного хозяйства. Многие даже приехали и даже там жили. Но так у нас вот мамина сестра разрешила там, но ей надо было каждый день из Обухово добираться вот туда. Но тогда уже трамваи ходили. На трамваях добиралась. С пересадками все и обратно. Иногда она даже ночевала там. Но, говорит, было страшно, потому что на столе она ночевала в бухгалтерии, а там крысы бегали. Вот. В общем, так вот. Потом стали хлопотать, чтобы, в общем, дали... эту комнатенку, ну это, в общем, получили на Чехова¹¹¹. Там жили. Комната такая была, как бы считалось, две комнаты, последний этаж там во дворе флигель, четыре этажа, а лестница вот такая была (*показывает*), жуткая. Мне потом, там брат жил, я ходила там... так он до смерти там и жил, и очень тяжело подниматься было, потому что... я не знаю, сколько там... Это даже не... не 45 градусов, очень... что-то лестница... На последнем этаже. Одна комната была у нас, нормальная, двенадцать метров, вторая комната, там... с лестницы каким-то образом дырка была в этой комнате, заставлена просто из фанеры ящиком, вот так вот забита как бы. Ну холодно, конечно, там все это. Ну, в общем, было так. Коммунальная квартира там была еще. Еще три комнаты. Плита была у нас, конечно, ни газа, ни парового не было. Печное отопление. Была печка. Топили дровами. Отец вернулся в декабре. Вот покупали дрова: куда-то заказывали, они ездили, где склад был дровяной. Привозили дрова. В подвале у нас были у каждого, на каждую квартиру и на каждого даже жильца клетушечки такие отгороженные, где можно было хранить. Вот дрова все хранились, а потом когда стали уже... там 46-й, 47-й год сажать где-то давали участки в пригороде, сажали там картошку. Привозили там картошку хранили. Вот так вот. А как выходные дни, значит, отец с братом, они пилили дрова. Кололи, и мы, значит... вот, в кухнюходишь с лестницы, и сразу кухня была. Плита была, причем такая, которой топить тоже дровами, тут комфорочки. Вот. Раковина тут, там туалет все. В общем, никаких таких удобств-то не было. Вода, естественно, только холодная. Но это было счастье. Это было такое счастье. Крыша своя над головой. Потому что... когда вот нет своего жилья – это позавидуешь всему. Ходили вот по улицам. Вот так смотришь: в подвалах жили люди. Думаешь, какие они счастливые, у них есть жилье. Но когда вот эту комнату получили с трудом, правда, там со всякими препятствиями все, но через институт как-то получилось так, и,

¹¹¹ В целях конфиденциальности из текста исключен полный адрес: улица, дом, квартира.

значит, мы уже были счастливые. И отец уже вернулся сюда. Ну он устроился в трест Ленлес, что на Конюшенной площади, до сих пор, по-моему, там он и есть. Вот. Инспектор-механик. В общем, так в командировки в леспромхозы ездил. У него высшего образования не было, но у него была голова хорошая, он очень соображал хорошо там и все какие-то рационализаторские предложения придумывал, какие-то там приспособления, механизмы, там что-то... В общем, он даже ушел не пенсию, больной уже был и все равно что-то придумывал. *(Смеется.)* Вот такой. Ну вот. В общем, так мы жили, а мама работала во ВНИИОРХе вот бухгалтером. Я ходила в школу на Мойке. Дом какой? То ли... недалеко от Пушкинского дома, по этой же стороне. От Невского это было недалеко, сейчас там какое-то было училище, а сейчас вообще, не знаю что. Была 208 школа у нас, девчоночья. Тогда же это были женские и мужские школы¹¹². Ну, в общем, вот так вот учились. Конечно, три года в эвакуации и среди вот деревенских – там как бы все это так... в общем это, конечно так, я чувствовала себя в начале не очень как-то, неловко. Потому что я чувствовала, что они немножечко по-другому воспринимают там все это... Хотя я училась там, вот у меня этот четвертый класс окончила на четверки, пятерки, у меня даже больше пятерок было, чем четверок. Но когда мама пришла меня устраивать туда, завуч ей сказал, причем он ей сказал, действительно, так и надо было сделать, что так как вы приехали, пусть она в Тобольске там училась, все это, но разница есть. И ей будет трудно. Поэтому давайте ее снова в четвертый класс. А мама, как же она... А лучше бы она так сделала, потому что мне было бы проще. Там уже с пятого класса иностранный язык, там все уже другое. Ну вот. В общем, там мне было трудновато, но, в общем-то, я училась... родители не касались, я училась так ничего. Более или менее, ну и четверки там, и пятерки, и тройки, все было. Вот. А когда жили в Тобольске, вот учились в школе, у нас же там, в Тобольске был детский дом эвакуированных детей из Ленинграда, детский дом. Нас ведь тоже с братом хотели в детский дом отдать, потому что мама лежала почти все время в этом госпитале, а сестра ее, она хотела именно в детский дом, потому что она боялась ответственности: «Вот Мария умрет, и куда мы с двумя детьми?» Мы не сможем, значит, вот. А сами значит вот так... И даже был момент, когда приходила женщина оттуда, от детского дома, и как бы хотела документы там или что-то, но мама согласия не дала, сказала, вот пока я жива – нет. Но она как там была, они решили, мы с Борькой поняли, что они втихаря нас туда в детский дом отдать. Тот сказал, говорит: «Верушка, пошли». А я говорю: «А куда пойдем?» Пойдем. Мы пойдем куда-то... как все мальчишки мечтали на фронт, здесь батареи стояли тут всякие военные... Пойдем. Что я в узелочек взяла, я не знаю, потому что соображать в девять лет... какие-то документы там что-то брать, я даже не знаю, но я помню, что у меня в руке был узелочек. И мы пошли. Он взял меня за руку, и мы вышли уже за калитку, смотрим, значит, дядя Леня за нами бежит: «Ребята, ребята, никуда не уходите». *(Смеется.)* Они испугались просто. Ну, в общем, нас вернули, ни в какой детский дом мы не попали, а там вот, в Тобольске, там дети учились вот с нами вместе... и там, конечно, они были истощены, потому что питание в детском доме было, конечно, намного хуже, чем здесь. Потому что здесь какие-то последние... вот у меня даже были игрушки. Вот, допустим, мне наши знакомые подарили свои игрушки. Мы с ними после войны встречались, в Ленинграде, да. Они остались, нас сфотографировали на вокзале, отдали проявлять пленки, и им не вернули. Я понимаю, почему. Потому что это было ужасное зрелище. *(Смеется.)* Дистрофиков. Ну вот. А, значит, вот куклу... вот теперь вот старинную куклу показывают с фарфоровой головой, с натуральными волосами, косы у нее были, целое

¹¹² Раздельное обучение было введено в ленинградских школах в период с сентября 1943 по 1954 год (об этом подробнее см.: Айвазова 1998: 66–99).

приданое у нее было одежды: пальтишки, платьица, шапочки разные зимние, летние, там, чулочки, лифчики. Чулочки на резиночках. То есть это, вообще, это было такое чудо. Ну вот. И там и фарфоровый сервиз... еще там на сколько-то персон: вот такие маленькие чашечки, там эти супницы, там, в общем, ну все. И мама, вот выезжать надо было из Тобольска, нам денег нет. Надо было что-то платить там, видимо, за билет, может быть, что-то, часть вносить. Или на питание там. В общем, не помню. Она пошла на рынок в Тобольске, продала эту куклу. Там, говорит, сбежался весь рынок смотреть на эти игрушки. *(Смеется.)* А мне, конечно, было жалко ужасно. Но раз надо, она сказала, значит надо. Все. Вот так вот. Главное, что мы переехали, и вот получилась и комната в начале, там, вот в начале на Чехова мы жили. Вот. А с Чехова мы уехали, у нас, сейчас скажу, в каком же там году, в конце 50-х, наверное... 56-й, 57-й, может быть, год. Капитальный ремонт. Поставили наш дом на капитальный ремонт. И это... нас выселили, переселили напротив цирка, где вот этот магазин, а там вход со двора, с Фонтанки, там флигель был. Уж не знаю сколько, шесть там этажей было или сколько, мансарды под самый этой кровлей и большущий коридор, я не знаю, какой он шел такой зигзагой, там все квартиры как бы, квартиры. У нас была отдельная квартира. С этими трубами со всякими по полу там, а одна комнатка темненькая, но у нас была кухонка, и была газовая плита стояла, и раковина с водой. Чего в других не было. То есть мы кухней общей не пользовались, и рядом с нами один туалет, наверное, на двенадцать вот этих квартир как бы, если не больше. Вот. Очередь выстраивалась с утра. *(Смеется.)* Самые первые мы успевали, потому что были рядом, вот, а уже помыться там все, значит, мылись. А второе окошечко, вот через трубы там перешагнешь, вторая комнатка, маленькая комнатка. Одна-то темная и там вот такая вот крыша, а там было такое вот окошечко маленькое, но все-таки свет был. Вот мы там жили, пока не кончился этот ремонт. Ну больше года мы жили там. Потом, значит, переезжали опять. И тогда мы туда не стали переезжать, потому что отцу от треста Ленлес дали комнату на улице Бронницкой, напротив Технологки¹¹³, угол Загородного и это, Бронницкая, в общем¹¹⁴, комната 25 метров. Шикарных два окна, светлая, солнечная, для нас казалась это вообще сказочное что-то. А брат к тому времени женился, он с женой поехал туда, вот в эту комнату, потому что от лестницы, там была над лестницей – эту комнату убрали, там значит, все это, осталась вот эта двенадцатиметровая комната, ему досталась. Вот. А мы туда переехали и жили вот пока, значит, там... А потом еще капремонт был у нас еще один. Там уже. Нас переселили на Измайловский¹¹⁵, над стрелой нас переселили, на втором этаже мы жили. А потом мы уже поменялись. Вот у меня двоюродный брат, вот этот тети Шурин сын младший Виталик, который в Тобольске-то тоже жил, это вот художник Т.В.¹¹⁶ Знаете его? Нет? Ну он довольно такой известный, ну он считается народным. Ну он умер в 57-м году. То есть в 57-м – в 97-м году. В 97-м году он умер. Закончил Академию художеств, потом преподавал одно время там даже, ну вот. Мастерская у него на Вяземском переулке была там. Все это... И он мне сказал, Верушка, – у нас был отец парализованный, лежал болел – и вот мы без ванны, без горячей воды, мыть его надо было в корыте, мы его с мамой мыли – в общем, было так трудно! Очень было трудно. Я просила дать хоть где-то, чтобы какие-то удобства были, в общем – нет,

¹¹³ Имеется в виду Технологический институт.

¹¹⁴ Из текста исключен точный адрес информантки: улица, дом, этаж.

¹¹⁵ Имеется в виду Измайловский проспект.

¹¹⁶ Т.В. – фамилия и имя двоюродного брата информантки.

отказали. И когда вот был капремонт, вот я тогда ходила, что где-то вот... сказали, что вы вернетесь в свою. Но нам удалось как-то... потом у меня был в то время уже ребенок, дочка, и жить с маленьким ребенком вот так вот и... Короче говоря, устроили его в интернат. Так он был. А брат, он сказал: «Ты вставай на очередь в кооператив, я тебе, значит, деньги, вот когда дойдет, я тебе дам». Чтобы поменяться как-то, получить это... И когда мы... да, и я встала вот на городскую на Антоненко¹¹⁷, это там вот в ЖСК на очередь, на проспекте Большевиков там дом строился. Вот. И, значит, когда мы уже... надо было... нет, еще не въехали сюда, обратно, с этого, с Измайловского, там был уже построен дом. Значит, он дал мне по тем временам две тысячи. Это было в 80-м году. Это были очень большие деньги тогда. Я внесла взнос первый, две с половиной тысячи, значит там две. Пятьсот рублей мы с мамой как-то сэкономили там все и внесли, и, значит, вот построен был взнос, то есть это дом, а тридцать три по проспекту Большевиков, где огромный, огромный магазин мебельный, у нас там, значит, была однокомнатная квартирка в кирпичном доме, с паркетом, с лоджией огромной, все. Мы там ее вылизали, все это привели в порядок и потом, значит, вот... жили мы – на Бронницкую вернулись обратно и стали менять. Менять. И поменяли мы вот на эту квартиру. И так вот мы переехали сюда и живем здесь. Меня здесь это... просто поразило вот обилие зелени, да, ну тогда это было – двадцать один год в этом году будет, как мы здесь живем. Но это было все равно так прекрасно. Вот я ездила по всему... потому что у нас там была коммунальная, у нас была комната, и еще подселили к нам других жильцов, семью. Значит, они оба закончили Финансово-экономический институт, там он преподавал, она работала где-то на заводе, на Васильевском. Вот. И нас уговорили меняться. Меняли-то однокомнатную и комнату. Вот в начале. Ну как-то вот все не устраивало: то место какое-то рядом с железной дорогой, то в Купчино где-то, в общем, все это. А потом, значит, вот мы с ними. Они развешивали везде объявления, сидели целыми вечерами до поздней ночи на телефонах. В течение года мы все-таки поменялись. Вот. Поменялись, а, значит, наша однокомнатная и эту как бы там трехкомнатная, ну у них было две смежные изолированные комнатки небольшие, а у нас была вот эта вот большая. Ну вот. Ну многие из-за лестницы отказывались, потому что лестница очень тяжелая. Потолки-то три тридцать, очень тяжело было, если пожилые люди, они не могли, конечно... Но, в общем, поменялись молодые, все разъехались вот. В общем, до сих пор живем так. Дети. И то радуемся, у нас это... такие закаты здесь у нас на запад как раз. Вот, в общем, довольны. Вот так вот. Родители умерли. Отец в 74-м, мама в 2000-м, 22 января, остались мы вот с дочкой, и вот она с мужем. Вот так вот втроем живем. Все, кажется, позади, и все помнится. Все помнится. Вот обычно как-то к старости... помнится, обычно, забываешь то, что было вчера, и помнишь то, что было 40–50 лет тому назад. Ну, в общем, я пока такая помню и то, что было вчера было, и то, конечно, очень помню. Очень, очень. Особенно даже вот первые дни войны, когда немцы же стали очень быстро продвигаться, просто неожиданно. И когда они стали летать уже над домами ночью, я помню, мама будит, что вот только не пугайтесь, не бойтесь, надо вот из дома выйти. Мы вышли из дома – потому что он бомбил железную дорогу, и тут же мог и в дом попасть, потому что это где-то тут рядом было. И под деревьями мы там прятались. Вот эта Поповка до войны была то, что сейчас вот курорт... как бы вот по Выборгской дороге¹¹⁸, но там именно не деревня была, а туда... там дачи были

¹¹⁷ Вероятно, речь идет о постановке на городскую очередь в Управлении жилищно-строительных кооперативов, располагавшемся в переулке Антоненко, д. 6.

¹¹⁸ В данном случае имеется в виду станция Поповка, находившаяся под Колпино, в южном направлении от Ленинграда, которую информантка сравнивает с курортными местами Выборгского направления.

правительственные, там дома были красивейшие, хоть и деревянные были, каменные были, церковь там была – потом там кинотеатр устроили. Вот уже когда закрыли все эти церкви. Больница, врачи там прекрасные были. То есть... у меня впечатление такое, что парк, там пихты в основном были, липы там, дубы даже были, росли. Деревья такие благородные. И у нас даже около дома эти пихты, пихты, потом это боярышник там. В общем, очень хорошо. Лес был прекрасный, туда ездили, и купаться было где, то есть так все это. А после войны приехали мы туда, почему-то, конечно, время 45-й, 46-й, наверное, в 46-м мы стали ездить да, уже туда, в лес как бы за ягодами, за грибами. Но мы когда приехали, вышли на этой станции. Там, конечно, ни вокзала, ни перрона ничего нет, на землю прыгнули. Там домов не было, несколько кирпичных труб торчало. Все. Больше ничего не было. Лес был намного, на несколько километров вообще срезан был, как будто бритвой, а потом стояли... уже дальше, стояли стволы одни. Без веток, безо всего там, так вот, но время было голодное, есть надо было, карточки были. Вот и решили вот с соседями тоже вот, как вот знали раньше места, потому что было как-то принято так вот за грибами, за ягодами ходить. Поехали вот мама, там еще соседи поехали. И мы поехали, то есть пошли мы по шпалам в этот лес, дошли до леса с корзинками, потом свернули. Трава высоченная там же... и пошли мы, видимо, немецкая оборона там же была, немцы же стояли в Поповке. Потому что это место высокое. Колпино, а потом идет в гору все это... На сто метров примерно это поднималось, все это так вот было. Они же оттуда и обстреливали, мы даже потом видели вот эти пушки типа «Берты», «Большой Берты», как вот на Пулковских стояла, и там такие же стояли. Они... город просматривается еще так вот. Все видно. Исаакий¹¹⁹, там все как на ладошке, потому что это все внизу, в болоте. И вот мы пошли по этим... такие немцы аккуратисты, у них были из таких стволиков мелких сделаны дорожки такие по этим... Уже и война кончилась, уже все это... Все это было цело. И трава вот такая, ну вот. Кругом, конечно, там блиндажи, окопы, все развороченное и трупы такие вот уже... каски, снаряды, пули и... то мы идем, идем, идем уткнемся склад какой-то боеприпасов. Вернемся, пойдем по другой дорожке. И вот эти красненькие тоже... Или написано по-немецки. Заминировано все было. Как они эти не подумали, что...? В общем, мы там блуждали, потом пошли. Они заблудились, пошли по траве просто. Трава вот так. Мама говорит: «Я пойду первая, потом, значит, за ней вы». Ребята, мы шли последние. Вот. Уже не до корзинок, ни до этого, выбраться бы куда-нибудь. Короче говоря, когда мы выбрались на шоссе вот это Московское там, сели на обочину, и вот тогда они побледнели. *(Смеется.)* Даже не думали, что выберемся все живые. После этого мы, конечно, туда перестали ездить, потому что там, даже когда мы туда ходили – мы слышали взрывы, потому что многие так – подкормиться чем-то, грибами там, ягодами. Правда, грибы мы уже не смотрели, а брусника вот такая была, как клюква. Вот. В общем, вот так вот. Потом-то мы ездили туда еще, когда уже разминировали. Вот. Там все равно пусто, пусто, пусто – ничего не узнаете. Даже откосы эти все скрыты, все маленькие, низкие – как это раньше казалось все, это высоко там. Все другое. Вот так вот. А вот удивительно, конечно, память человеческая, вот сколько времени ни пройдет, да? А все равно это как будто сейчас. Вчера вот это там все это было. Ну было очень, конечно, страшно. В этот мы даже вот... когда жили у тети Лели здесь, на Восстания, там на Пушкинской потом стали работать бани вот эти. Баня. Пушкинские бани. И мы ходили туда мыться и погреться заодно, там и помыться, потому что мы как это... спали одетые. Чтобы – бежать-то некогда, там нам раздеться и все – так, одетые. Приляжем, потом все, даже и соседи спали на кухне все. На плите там кто где устроится, на столе там кто-то, на полу. Вместе,

¹¹⁹ Имеется в виду Исаакиевский собор.

вместе потеплее все-таки. Ну вот. А там, значит, вот однажды мы мылись в бане, и тревога. А мылись – причем, ну это же был 42-й год, все истощенные, дистрофики – и мылись и мужчины, и женщины все. Потому что класс один работал, в который могли там подать воду, это горячую там и все, и не разобрать, потому что все дистрофики. Дистрофия такая, что... и никто не обращал просто и внимания. Все, все счастливы были, что вот воды набрал и моешься. Вот и когда была эта тревога, кто-то побежал одеваться, а многие и мы остались, куда мы побежим? Будем мыться. *(Смеется.)* Ну вот вымылись, намыли так хорошо. Ну вот один раз я почему-то это помню. Больше я не помню, чтобы мы ходили туда. Вот. Потом как-то весной мама с тетей Лелей, они поехали опять решили куда-то вот поехать в пригород, вот, может быть, в ту же Славянку где-то что-то поискать. В общем, они приехали и привезли хряпу какую-то, зеленые листья, вот тоже оставшиеся от... когда вот капусту снимают, а эти листья... там или кочерыжки. Вот тогда они просто вот эту хряпу насолостили там, что-то там нарезали, и потом мы щи варили. *(Смеется.)* Из этой хряпы. Ну самое интересное, Танечка, вот что не было чувство обреченности такой, вот даже я просто про себя говорю, не было такого – что вот немцы возьмут город, не было этого. Была какая-то уверенность, что все это должно кончиться, пройдет, что немцев прогонят. Вот. И у взрослых так же. Паники не было. Хотя было жутко, конечно, ну как это 125 грамм хлеба и больше ничего, да? Ну летом ты траву какую-то там поешь, что-то делаешь, а зимой-то ничего. Конечно, один раз мы кошку дохлую съели. Это еще в начале было. Потом у маминой сестры были шкуры оленьи, ну такие... Ну, значит, мы делали что? Палили, значит, эти шкуры, потом их скребли там, отмывали горячей водой, а потом варили, варили. Ну что же получилось-то всего, это как ремень все равно – нарежь и ешь. Вот какие-то маленькие кусочки, что-то хотелось, чтобы проглотить и чтобы желудок наполнился. Потому что – чтобы не было этого ужасного состояния, когда больно дышать даже. Потом однажды мама ездила... какая-то немецкая колония была на том берегу, немцев выселили тогда всех, куда-то их увезли тоже в Сибирь, может быть, куда-то, и там у них какие-то жмыхи остались. Муки-то уже не было, не знаю, а мама привезла вот эти жмыхи, это как бы очистки от ржи, пшеницы там вот такое от этого, когда обрабатывают, муку делают, это. И она из этих жмых колобки что-то жарили. Но это было жутко больно, потому что они же потом, когда глотаешь, желудок-то... такой он уже не привык к грубой пище, вообще ни к какой пище, только вода да там это хлеба немного. И было ужасно больно, помню. Вот. Ну, в общем, один раз брату повезло, в Обухово – когда, значит, у тети Кати жили – там... военные везли что-то там продукты, хлеб везли, у них упала лошадь. Пала лошадь, тут же что-то началось невообразимое. Борька как раз оказался там. Они побежали, говорит – нам приехать, чтобы что-то подрубить, себе тоже сварить. Оставили его караулить. Еще кого-то. А там не видно, что хлеб – там просто все закрыто, упаковано так. А все набросились, увидели – кто там шел или что – прямо руками стали разрывать эту лошадь и... подохшую, и кто что тащил к себе. Борька что-то тоже притащил. Потом вырвал, я не знаю, какие-то внутренности, что он там. Ну, в общем, мама потом все промыла, про... через мясорубку и какие-то котлеты делала, варила, мы и не... – и это мясо было. Ну вот. А за то, что он там караулил, ему дали буханку хлеба. Он притащил домой. Замороженная, она сначала таяла там это, потому что это зимой было, вот. И, в общем, мы хлеб... Потом дуранду где-то он доставал. Вот военные давали. Они кормили лошадей – тогда же бензина не было, наверное, все на лошадях, и это, кормили лошадей, вот, дурандой. Вот этой. И я помню вкус этой дуранды, мне даже после войны это хотелось, потому что это было так вкусно. Мы в стакан с водой кусочек этой дуранды, она размокала и потом мы могли грызть ее как-то там это. Очень вкусно было. *(Смеется.)* Вот. А когда вот во время блокады, все говорили так вот: вот война кончится, и ничего нам не надо, никакие супы, там, ничего, ничего – только хлеба вдоволь чтобы было, сколько вот я смогу съесть, вот все время

был хлеб. Вот это. Потому что тот хлеб был, конечно, был с опилками, с картофельной там, не знаю, с чем он был там намешан, он был черный – вот если пойти в этот, в Музей блокады¹²⁰, там есть этот засохший кусочек хлеба, – но он был тяжелый и 125 грамм это было такой толщины примерно и вот такой вот кусочек (*показывает*). Значит, когда... я приносила домой два таких кусочка, один брату, один себе, и я делила на три части. Борька съедал сразу все. Он не мог. Вот мужчины, они тяжелее переносят голод. Они не могут так. А я ведь, в общем-то, ребенок, но как-то я понимала, что это надо, а он это... Он должен был сразу все съесть. И вот я думаю, он выжил только потому, что он ездил туда к маме, а там же умирали люди, после них оставались вот булка, им давали булку там даже – то, что нам вообще не давали никому, – и ну вот мама его подкармливала там. Потому что мальчикам, конечно, тяжелее, ну девочки живучее. Женщины вообще, я считаю, что женщины сильнее мужчин, в общем-то даже мы слабее, вроде, физически, у нас силы столько нет, но мы выносливее, вот мужчины, все-таки слабее. Слабый пол мужчины – не женщины. (*Смеется.*) Вот. Да. Вот сейчас уже, конечно, и не знаю, кто там. Раньше мы как-то встречались еще. Вот кто-то там наши вот. Эти девочки, которые они до войны успели окончить девять, тогда до войны не было десятилетки, тогда девять классов было, перед войной-то вот. Они школу закончили, вот. Правда, их на окопы там посылали, потом они пошли вот в железнодорожный, значит, институт они кончили, ЛИИЖТ¹²¹, и работали. После войны мы встречались как-то, так хотелось им, потому что... ну вот. А потом уже старшее поколение ушло, а мы, уже там у всех семьи, дети, и как-то еще с детьми они приходили к нам, мы как-то встречались, даже помню, когда мы жили вот напротив цирка, вот у нас был капремонт на Чехова, приходили Оля со своими двумя ребятишками, вот так. Потом все как-то, постепенно, постепенно отошло, отошло, отошло. И живы ли кто из них, я не знаю. Наверяд ли. Ну дети-то те, детишки живы. Вот. Старенькие все. Я говорю, вот если, допустим, мне было – началась война – восемь, ну девять исполнилось через три недели, вот сейчас мне уже семьдесят второй год, да? То кто постарше был, кому было по пятнадцать лет, по четырнадцать, тех, конечно, на завод, работали. Тех. Вот. Те работали дети. На заводах там, везде. А девочки в госпитале там, вот так вот. Брату-то тогда вообще было мало, ему. И вернулись, ну все равно, вернулись – его в ремесленное училище взяли, тоже как бы уже, мальчишки должны, так вот. А я в школу пошла, вот. Так. Бегала оттуда с Мойки и на Чехова. Вот так что так. Но тогда я семь классов кончила, пошла в техникум, на Думской училась в строительно-коммунальном техникуме. Кончила в 52-м году и по распределению пошла в институт проектный на Староневском, на Полтавской. Гидрокоммунводоканал – там очистные сооружения всякие, все, вот это вот работала. Потом я оттуда ушла и Промстройпроекте работала. В общем, я всю жизнь проработала в проектной институте, а потом уже вот из Промстройпроекта, ну, в общем, я такой бегунок, да, я потом еще Ленгипрогаз, там проработала, пока еще жила на это, на Бронницкой. А потом, у нас потому что часть получается так – вот тот, кто уйдет, и начинает перетягивать. И, значит, вот и так вот ниточка. А потом я ушла в Промстрой, в этот в Ленгипрострой – это угол Литейного и Пестеля, там рядом с Домом офицеров. И там я уже до пенсии проработала, почти двадцать два года, там уже осела, бегать уже не захотелось никуда. Вот. Так и проработала. И ушла. Так что. А пришла на пенсию когда я, мне... Маша-то она училась еще, она сказала: «Мама, ты больше работать не будешь».

¹²⁰ Имеется в виду Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда в Соляном переулке, д. 9.

¹²¹ Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта имени академика В. Н. Образцова, ныне – Петербургский государственный университет путей и сообщений; находится по адресу: Московский пр., д. 9.

Потому что я думала подрабатывать, но потом у меня мама заболела. Вот. Онкология у нее была там. Все. И как раз я даже двух месяцев не смогла проработать. Она на Песочной лежала¹²², я к ней все время ездила, потом взяла ее сюда, и с ней туда ездили. И, в общем, как-то так вот. После я и не работала. А брат, у них дача в Горском была, это купил еще отец дачу там, вот. Это за Выборгом, еще за Выборгом, под Кузнечным, там на таком паровозике ехать надо до...как же эта станция? Зайцево, а там еще пешком три километра. И сейчас вот осталась вот жена, потом второй брат там ездит, но уже старенькие все и тяжело, конечно пешком ходить. Ну вот. Машина есть, допустим, но машину уже водить трудно. Больной уже все. Вот. А младший был брат, Виталик, вот его, кстати, картина одна. *(Показывает картину.)* Ну это самая маленькая там, а вот его акварели пошли – Танечка, ничего, а? Тогда придется прерваться. Ну ладно, мы потом посмотрим акварели, там три акварели, потому что это... у него очень хорошие акварели. Вообще-то, его стихи – это, конечно, он очень, он такой вот романтик и поэзию любил, и у него все это, в общем – выставки когда были, так все вот его акварелями восхищались. А потом начался вот этот период перестройки, и все вот этот вот на него повлияло очень тяжело, очень. У него уже картины такие мрачными были какие-то. Все это. Ну много, все равно таких. Природы много. Вот. Интересно. Ну сейчас вот жена его часть картин его, конечно, в музей там, часть в музей... Но они тоже музеи безденежные все в основном, ну часто дарила там, часть у нее купили. А так вот. Продавать очень сложно. У него специфические такие, много картин и большие тоже по формату. Вот. Домой покупают, конечно, камерное что-то такое. Вот. А так... Ну ничего, живет. Она работает в... сидит там летом, правда, уезжает на лето, а с поздней осени, зиму, она работает как же это там... галерея... не «Борей», а... В общем, в картинной галерее, она там сидит просто вот так, как бабушки там в музеях сидят там вот. Все-таки чтоб не отчаиваться, она тяжело очень все переживает это до сих пор, и на людях вот ей легче. Вот. У нее два сына уже взрослые. Работают. Мальчики. Вот, в общем, так вот и живем, доживаем. Но мне хорошо. А я... я очень довольна. Самое главное, наверное, – это состояние души у человека. Он может очень много пережить, перенести, самое главное, как к этому относиться. Вот. Конечно, в самых трудных моментах... вот все равно, я вспоминаю, вот если я, со стороны посмотреть, это кажется: ой! ужасно было! А у нас и радости были. Мы же после войны: носить нечего, есть нечего, в основном как бы так. Но мы были такие веселые! Я смотрю, сейчас все такие, молодежь, ну, конечно, другая молодежь, всегда другая, и молодежь, в общем-то, хорошая, но у нас, конечно, мы *(смеется)* много не понимаем сейчас. Почему девочки в школе ругаются, почему пьют, там – это все понятно, но это не все же такие, я понимаю, но это оттого, что им, видимо, в свое время, в самом раннем детстве, они не получили, может быть, то, что мы получали. А при всяких недостатках мы получали любовь родительскую, у нас как-то вообще было доброты много. Вот среди окружения все это. И к нам очень как-то так хорошо относились люди. И поэтому мы выросли, в общем, в этом. В доброте людской. И нам силы это давало и дает до сих пор. Наверное. Стараешься отдавать это другим. *(Смеется.)* Ну вот. Ну вот, я... я, конечно, когда и девчонкой была, у нас была очень такая одна женщина... Тогда как-то были такие ну, кружок, не кружок, а такие знакомые собирались по инте... ну, близкие друг другу по духу. И выезжали мы, пикники были какие-то. Вот я помню, мы в Шуваловский парк ездили, когда еще новостроек-то здесь не было, это считалось, что мы за город ездили. Вот. И так как-то сидели без выпивки, без всего, просто сидели. Возьмешь с собой там покушать, ну что-то попить

¹²² Имеется в виду клиника НИИ онкологии им. проф. Н. Н. Петрова, расположенная в поселке Песочный под Петербургом.

водички, там, чаю, и было очень интересно, потому что среди таких людей были вот люди, которые работали в Доме офицеров. Вот когда там был театр еще, Зельдин¹²³ там был молодой и вот этот, а театр Красной армии считался Советской армии, я все спектакли смотрела, ходила, потому что он там работал, вот этот человек. И он нам, значит, давал вот возможность молодым там, значит, ходить на эти спектакли. Вот. И «Укрощение строптивой» там и, в общем, много, много, много чего мы смотрели. И концерты очень хорошие были. А потом, когда уже это, стала работать, и мы сами старались, вот стояли в очереди в Кировский театр этот – Мариинку, Пушкинский, Горьковский мы очень любили театр, вот Товстоногова он теперь называется за билетами¹²⁴. Могли вечер и ночь стоять там и потом ходили, мы все спектакли смотрели. Потом в Кировском – все оперы, всю классику. Балеты и оперы – все, все, все. Ну вот. В филармонию ходили – то есть у нас вот такие вот интересы были, мы как-то, времени у нас – ну никак не было такого вот свободного, чтобы вот... ну все время, или за город ехали, или куда-то в театр ходили. Часто. На выставки. Даже вот в каком? В 60-м, в 61-м году я надумала, ну меня это Виталька, он учился в Академии художеств тогда, он кончил школу там при Академии вот эту, а потом сразу, вот в первый же год поступил на живописный в Академию. Ну вот. И там он уже заканчивал, все. А я ходила на все выставки тогда и на академические, и вообще так, очень любила. Особенно любила ходить на выставки студенческие, потому что они были вот очень интересные, а... не дипломные даже, дипломные были менее интересные, потому что эта тематика уже заданная была, а вот когда они после лета, у них были весенние, осенние выставки. Так замечательно просто. Вот чувствовалось так все это... вот ощущения такие хорошие были. Ходила я даже в университет потихоньку, ну как-то без студенческого тогда проходила, и очень интересовалась я античной литературой. Ходила на лекции, выписывала просто расписание, аудиторию и, когда, значит вот, могла, время было – это я уже работала, – и вот ходила на эти вот. Собиралась поступать на искусствоведческий еще вот потом, но как-то не удалось, готовилась тоже. Ходила, сидела, потом у меня родился ребенок. Вот. Дочка Машенька. И тогда это у меня, значит, все на первый план она, все остальное уже... вот так вот. А она архитектор у меня. Муж ее тоже архитектор. Вот. У него, он работает, у него мастерская как бы своя там, ну в какой-то фирме, ну, в общем, вот так вот, в строительной. Работу сам себе ищет и, значит, так работает. Маша ему помогает. Вот. Так вот и живем. Живем дружно, хорошо, не ругаемся, не ссоримся. Ну вот так в общем, все это. В основном.

Интервьюер : Вероника Никандровна, может быть, несколько вопросов еще?

Информант : Пожалуйста. С удовольствием.

Интервьюер : Вот, Вероника Никандровна, не могли бы вы побольше рассказать о своих родителях. Вот кто они? Чем они занимались?

Информант : Могу. Как же. Ну у нас вообще, так вот а получается, что мы – у меня бабушка и прабабушка – они все жили здесь еще до революции. Значит вот, родители тоже родились до революции, естественно. У меня мама, значит, 1908 года рождения, отец 1907, но он родился – станция Вилейка, где-то там, какая-то губерния, вот к Украине, там, к Польше

¹²³ Имеется в виду актер Владимир Михайлович Зельдин (1915 г. р.), народный артист, лауреат Государственной премии СССР за театральную работу. С 1945 года – актер Центрального театра Советской Армии.

¹²⁴ Имеются в виду Государственный академический Мариинский театр (в то время Академический театр оперы и балета им. С. М. Кирова), Российский государственный академический театр драмы им. А. С. Пушкина (Александринский театр) и Академический большой драматический театр (БДТ) им. М. Горького. В наши дни БДТ носит имя выдающегося театрального режиссера Георгия Александровича Товстоногова (1915–1989), возглавлявшего театр с 1956 года.

ближе, там вот это, Вилейка, и до сих пор эта есть станция¹²⁵. Вот. Родители, значит, у мамы, значит, бабушка не работала. У нее было очень много детишек. В живых у нее было, наверное, человек восемь, а вообще, одиннадцать. Она занималась детьми, а дедушка работал на... вот как там не Октябрьская железная дорога-то называлась, а называлась она... как же она называлась? Московская. На товарной станции он весовщиком работал. Ну здесь тоже жили они у Московского вокзала то ли на Тележной улице, то ли где-то. В общем, где-то там. Вот. А потом, значит, ему посоветовали вот дом построить, чтобы где-то выезжать там с детьми и все это на лето. Вот там, в Поповке дом построил сам. Там вот. Ну вот. А отец, значит, у отца родители... мать тоже не работала, отец работал, но о том дедушке... они все во время... после революции их сослали, у него потому что... вот дедушка-то, он умер еще до революции, вот мамин, вот бабушка потом детей... где-то в детский дом кого-то там постарше, младших, они с ней были, и когда началась гражданская война, и голод опять вот был в Петрограде-то, она взяла детей и тоже куда глаза глядят поехала. То ли в Курской она была, в какой-то губернии она заехала в деревню, и там, значит, вот с детишками она где-то устроилась работать. Ну полевые работы, там помогать. Тогда же были еще эти частные же там поля и все. Но эта деревня переходила то к белым, то к красным, вот так вот. И бабушка потом поехала обратно в Петроград добираться, детей-то старших, значит, как тут они, оставила младших. Там собрался сход крестьянский, на котором решали куда, значит, там сколько же... мама была, дядя Юра, дядя Ваня, трое, по-моему, ребятишек было, она оставила там маленьких самых младших, и вот куда их, значит, пристроить надо. Нельзя же так вот. И там разобрали по семействам. Мама научилась там лапти плести, потом, значит, что-то делать там. Мальчики работали в поле. Ну, в общем, занимались вот так делом. Хотя лет-то им мало, конечно, было, не знаю, там по десять. Нет, не по десять, лет по одиннадцать, по двенадцать, наверное, так вот. Вот, в общем. Вот. А про папиных дедушку с бабушкой я не знаю ничего, потому что мы пытались разузнать. Их сослали туда на Дальний Восток на золотые прииски, и после этого мы о них ничего не знаем. Вот. Так что они там, скорее всего, умерли. Может быть, не доехали даже. Может быть, доехали. Как-то не знаю. Но они были люди-то... дедушка такой образованный человек там все вот.

Интервьюер : А какая была профессия, чем занимались родители?

Информант: Мама была, она закончила бухгалтерские курсы, а работала на мельнице Ленина – комбинат Ленина, это где вот по Староневскому, там эти склады и там, от завода Ломоносова где-то недалеко, комбинат имени Ле... мукомольный. Наверное, вот там был. Так я понимаю. Там она работала не бухгалтером даже, а работала так... в бухгалтерии, но счетоводом, вот. Наверное, так тогда были такие счетоводы. Она начинала только, счетоводом работала. Получала что-то очень мало. Вот. А отец, так как у него родители были, значит, работал на железной дороге машинистом работал. Машинистом. Так, до войны-то, в общем, работал машинистом. А потом, после войны, он пришел – так устроился он сразу в трест Ленлес. Почему именно туда, я даже и не знаю. В общем, как-то у него как-то, до пенсии так и проработал. Вот. Если вот в 45-м он вернулся, в декабре 46-го года до пенсии своей он так это там и проработал. Вот. А мама работала, значит, вот потом как устроилась в Тобольске в этот институт, бухгалтером уже, вот, потом приехала сюда в этот... здесь это уже у них этот центральный институт, там филиалы были, тоже так бухгалтером так до пенсии и проработала, даже главным бухгалтером она там была одно время. Вот. Ну и после войны, то есть после пенсии, она еще так подрабатывала там, ездила в командировки там по этим филиалам. Ой,

¹²⁵ Минская область, Республика Беларусь.

ничего что я тронула-то там?

Интервьюер: Ничего.

Информант: Вот. В общем, так вот. Мама, в общем, по счетной, отец механик. Вот. Инженер-механик он считался там, инженер механик, хоть у него высшего образования не было. Что-то у него было, вот удостоверение, что-то он там кончал какие-то... но как после революции, какие там были эти курсы не курсы, что-то. Но его тянуло к этому. Вот.

Интервьюер: Вероника Никандровна, а вот такой вопрос. А вас не пытались эвакуировать в сентябре или в августе 41-го года? Как, не было разговоров?

Информант: Ну у нас такого в начале... да. Но не хотели, мы отказались вроде бы, мама отказалась. Вот. А потом я еще думаю: почему нас вот эвакуировали: потому что город готовился к наступлению. Лишние вот такие иждивенцы, как бы люди, они как бы уже хотели как-то вывезти и сконцентрировать уже запасы продовольствия, может быть, и вообще, силы вот для того, чтобы все это как-то. Для этого, для прорыва, для фронта. Вот тут это. Поэтому и тетю Лелю отпустили еще с нами. Потому что они хотели вот, конечно, эвакуироваться. А вот детишек-то эвакуировали многих: ведь тогда многие погибли дети, потому что не доезжали даже до станции. Вот поезда бомбили, и многие погибли, кто-то остался жив, если поезда эти, кто-то взял, может быть, из деревень тут вот, увидели вот это – то есть вот так рассеялись люди. Вот. А собраться потом, конечно, сложно, когда маленькие были.

Ведь вывозили же совсем маленьких. Могли быть и трех лет, и четырех. Что они там помнили? Потому что когда вот зима-то самая лютая, самая страшная голодная, холодная зима, и весной, зимой же многие умирали. В квартиры оставались открытыми, потому что... ну люди ходили вот, молодые сандружинницы и специальный отряды были такие, и они ходили по квартирам и выявляли, остался ли кто. Допустим, лежит мертвая мама, ребенок тут жив еще. Они забирали ребенка. Документы, естественно, если они искали, находили, то были при ребенке документы, а бывало так, что и нет. Значит, вот куда? В детский дом. Вот. Там самые разные дети и были, и маленькие, и побольше, и все. И их, конечно, старались вывезти. Когда можно было. Потом, когда нельзя было, правда, вывозили и по льду – тоже ведь было это вот. И там проваливались, потом весной вот под лед уходило сколько машин с людьми. Вот. В общем, погибло народу, конечно, очень много. И у нас, например, тоже погибли люди там, у родственников, где мы жили, у тети Кати-то в Обухово, у нее же там сестра умерла. И сестра умерла у нее от голода, от истощения, в общем. А была она учительница, преподавала раньше там все это. И тоже, они еще до войны ее взяли к себе, потому что она ослепла. Ослепла, и они взяли ее сюда. Решили полечить. А потом началась война, и началось вот это все, и не до чего, а когда умерла она, он, в общем, конечно, им не в укор, они ее на чердак, а эту карточку... пользовались. Хлеб покупали себе тоже. В общем, вот так. И я не осуждаю их за это, потому что... что делать, тогда вообще время страшное было. А потом ее похоронили, хоронили ее на кладбище девятого января. Вот в Обухово-то, там есть это, везли на саночках, вот. Просто завернули в простынь, на саночки и там... Всех уже как братские могилы. Пискаревка далеко была, в общем, а мы, конечно, чудом остались живы. Но вот это вот я помню, как это я забастовала-то и сказала, что я не встану, пока не прибавят хлеба. *(Смеется.)* Именно, по-моему, в декабре это было. Прибавили хлеб. Какой день, не помню. Но вот помню, что это...

Интервьюер: А вы переехали осенью 41-го из Обухова ну на площадь Восстания?

Информант: Нет. Мы переехали туда весной уже, к лету ближе. Да, мы там всю зиму, мы там были. Может быть, это нас спасло. Потому что дрова. Разбирали заборы, потом деревянные дома были, которые там вот разрушенные. Доски ходили, собирали там все это и так топили печку. Нам тепло было. Вот. И этим я считаю, что мы этим спаслись. Потому что при этом голоде, да если бы еще холод был ужасный, в квартирах-то замерзали, вода замерзшая была в

краях, там же не было воды. Кто на Невский ходил куда-то там, где-то вода была. Добывал. Троллейбусы стояли, все кругом было обледенелое, лед где-то, снег топили. Вот. Так вот. А мы на Неву ездили, именно там вот. В Обухово-то. Это на границе где-то с Рыбацким, где-то там дачи еще, чья там дача-то? Я не знаю, не Долгорукого дача-то?¹²⁶ Вот. Чья-то дача там была. Из этих князей там все это... Туда ходили тоже, думали, там что-нибудь растет такое, как там съедобное летом. Весной, осенью. Везде мы с братом так вот. Он молодец. Он такой вот. Потом мы... ездили мы с ним весной, куда мы ездили, на какой-то пруд, он меня... то есть не ездили, ходили, притащил за камышами. Он вытаскивал камыши, обрезал там вот эти все корни беленькие в корзинку. Притащили мы домой, я их почистила, в кастрюльку, значит, порезала мелко, мелко, мелко, и получилась какая-то каша. Вот что-то ели мы. Все время что-то соображали. Ели. Вот. То есть если кто оставался дома и лежал, не вставал, то он уже все. А когда человек двигался, что-то делал, да, куда-то ходил, листочки какие-то, лебеду вот собирал, вот, крапивку, я даже не знаю, как-то это само собой получалось-то вот это. Видимо, инстинкт выживания работал. Вот. Никто же не учил этому, что вот иди туда-то, там что-то. Мы сами что-то все делали. Но это пригород был, в то время считалось, как бы это и город, потому что это Володарский район города, а дальше Рыбацкое за нами уже шло, вот. И все равно, это трава же была, зелень. У многих огородики, то кустики там. Ягодки какие-то были. Вот. Так что. Что-то такое. В общем, нам, конечно, помогли очень вот тетя Катя с дядей Лешей, потому что мы вот были в тепле, и поначалу, что был какой-то там вот, а потом уже когда это... ничего. Значит, так суждено было. Кто-то выжил, кто-то не выжил.

Интервьюер: А получали ли вы письма от отца?

Информант: Очень редко. К сожалению, к сожалению, не знаю, почему мама не хранила, и открытки получали. Редко, редко. Он же, вот когда началось наступление, он сначала – вот взяли его, когда он, значит, пошел добровольцем, он попал в Кронштадт и был в Кронштадте. У меня даже фотография где-то его это есть, такая маленькая, он прислал это в тельняшке там, в этой матроске, такой вот худущий из Кронштадта, в 42-м году. Проектористом его взяли, и он там. Они на кораблях там были. Потом. Когда пошло уже наступление, их всех в морскую пехоту. И он даже – где-то вот синявинские болота – там участвовал в наступлении¹²⁷. Потом вот под Ораниенбаумом этот ораниенбаумский пятачок-то¹²⁸, там он был. Потом они пошли, пошли вот так вот. Он там уже был связистом. То есть связисты они тоже впереди идут, там вот

¹²⁶ «Долгорукова дача» – под таким названием в Петербурге известны два памятника архитектуры: 1) Набережная Малой Невки, д. 1 (архитекторы П. Л. Швецов и А. И. Штакеншнейдер, построен в 1728–1729 годах), редкий образец деревянного зодчества эпохи классицизма; и проспект Косыгина, д. 5. (архитектор неизвестен, построен в 1787–1788 годах), памятник раннего классицизма, давший на звание окружавшей местности – долине излучины реки Охта на границе местностей Охта и Ржевка; 2) Железнодорожная станция, находившаяся там, также имела название «Долгорукова дача» (с 2004 года – Ладужский вокзал). Ни первый, ни второй вариант по расположению не могут соответствовать местности, о которой рассказывается в интервью. Возможно, информантка имела в виду «Куракину дачу», парк в районе Володарского моста, бывшая усадьба А. Б. Куракина.

¹²⁷ Поселок Синявино – несколько километров к юго-востоку от города Петрокрепость. Именно в этом районе была прорвана блокада в январе 1943 года, и установилась новая линия фронта, на несколько километров южнее берега Ладужского озера. Сражение под Синявино продолжалось почти непрерывно с 1941-го по 1943 год и стоило огромных людских потерь. По некоторым данным, безвозвратные потери Советской Армии оцениваются в 240 тысяч человек, немецких войск – в 150 тысяч.

¹²⁸ Ораниенбаумский плацдарм был полностью окружен немецкими войсками 2 ноября 1941 года. Взять его немецким войскам так и не удалось, поскольку он прикрывался огнем кораблей Балтийского флота, стоявших в Ораниенбауме и Кронштадте. Блокированным он оставался до операции по снятию блокады Ленинграда, то есть до середины января 1944 года, когда с территории Ораниенбаумского плацдарма пошли в наступление войска Второй ударной армии и Балтийского флота (см.: Ковальчук 2001: 469–470).

эта... связь тянут. И им, конечно, давали все время водку, спирт. Наверное, спирт там и водка, не знаю, что им давали. В общем, они все время пили. Он до войны вообще не пил, красное вино если пил немножко и только вот по каким-то праздникам, там, торжествам. Он не пил, не курил. Вот. С войны он вернулся, он уже... психика была не та, и пил. Вот. И на учете в психдиспансере даже стоял поэтому, потому что вот. Да все тогда были вот эти. Я же помню после войны вот это жуткое время, о котором не принято и говорить, и вспоминать, когда вот эти инвалиды на этих тележках, самодельных колясочках, без ног вот катались. Они же работать не могли. Они прошли всю войну, вот такие. Их никуда не брали, и они на рынке... Вот мы жили на Чехова, и они все, смотришь, идешь, они там все на этих каталках своих туда... Или кто просит там... их, подавали им. А кто-то что-то там дадут поесть им. Потом их всех убрали, отправили кого там, кого куда. Избавились то есть. Портят город. Некрасиво это. А то, что люди отдали здоровье, жизнь там, все это – это... Вот. Исчезли. То есть в одно... в одно мгновение их не стало просто. Они исчезли и все.

Интервьюер: А когда вы оказались в эвакуации, вы помните, как к вам относилось местное население?

Информант: К нам относилось... мы когда вот приехали в эту глушь-то Локсово, это уже где-то за Сургутом уже, дальше Сургута, сто километров еще вниз по Оби. К нам-то хорошо относились, но они ничего, конечно, там про блокаду там ничего не знали. И вот. И у них радио там не было, ничего не было. И когда рассказывала там, спрашивали, я говорила: «Там дома такие многоэтажные». – «А как ты это ехала-то?» Я говорю: «Да сначала на поезде, там». – «Какой это поезд? Что это за поезд?» – Я говорю: «Вот паровоз впереди, потом вагоны». – «Да такого не бывает, это врешь все, – говорят. – И домов таких не бывает. Ты все придумываешь». (Смеется.) Вот так вот. Ну, в общем, они по-доброму относились. Вот там были переселенцы молдаване и немцы, которых, вот, выселили тогда, к ним очень плохо относились. Не знаю, почему. Может быть, внушили так. То есть они приехали... Молдаване они же в теплых там жили краях, а там суровые, 40 градусов морозы. Их поселили в домах, правда. Но дома были досчатые. То есть не зимние. Не бревенчатые избы как там должны быть, теплые. В общем, там многие, конечно, умирали, и с питанием плохо было, и на работу... Ну вот. Потом ребяташки учились, но их почему-то ребята дразнили. Ну они необычные на вид, наверное, были. Они такие... вот у них вот эти шапки такие высокие, одеты немножко как-то так вот. И мне их было жалко. У них был специально даже между вот тем... рыбозавод там был, поселок и деревня вот эта Локосово. А там было расстояние примерно три километра, у них был выстроен вот этот поселок такой вот. Почему-то даже местные боялись ходить через этот поселок. Может, какие-то себе басни придумывали про них, ну вот. Вот так.

Интервьюер: А немцы жили там же?

Информант: И немцы там переселенцы да вот эти жили. Некоторые даже жили... ну обрусевшие же немцы-то, они не из Германии немцы, обрусевшие, которые уже не одно поколение, тоже жили. Вот здесь же было на... этом... На правом берегу Невы колония немецкая, считалась. Жили. Их же вот выселили. То есть все оставили. Взяли с собой, что могли унести. Все осталось. Некоторые кинулись там их грабить, все. У кого что на уме. Вот. А там их поселили – их как раз поселили не как молдаван, их поселили среди местных. Ну вот какие-то маленькие тоже такие избушечки, такие вот вросшие в землю там были, вот они там жили. Вот. Тоже не очень по-доброму к ним относились люди. Ну, в общем, люди-то, конечно, не злые люди, добрые, но, видимо, это что-то шло через начальство, через что-то вот... Само слово, что переселенцы или как бы там... мы то были эвакуированные как бы вот, такие

пострадавшие от немцев. А тут вот немцы. Вот, видимо, тут что-то переплеталось такое, что влияло на людей. Потому что они же не знали, если они даже (*смеется*) не знали, что такое паровоз, поезда и дома могут быть каменные, многоэтажные, то, у них представления свои были какие-то о людях. Значит, их за что-то, значит... они нехорошие, значит, они плохие. Что-то вот было в этом такое. А, в общем, их жалко. Ну я хочу сказать, что... Там никого не травили, никого там это не били, ничего. Просто настороженность такая была. Вот просто в людях к ним настороженность. А так ничего. Так вот это.

Интервьюер: А праздники вот в то время, когда вы жили в Ленинграде, когда уехали в эвакуацию отмечались какие-то?

Информант: Там, в эвакуации?

Интервьюер: И в Ленинграде, и в эвакуации.

Информант: В Ленинграде праздников, я думаю, что нет. Город был, вот пока мы знаем, блокада началась, все было как бы затемнение вот это, занавешивалось. Окна заклеивались бумагами. Занавешивались так, чтобы свет даже от коптилок, даже электричества потом не было. Коптилки там какие-то, чтоб никакой лучик, потому что так ходили вот эти, патруль там какой-то ходил. Если из окошечка какой-то там, светилось что-то, щель какая-то, они приходили в эту квартиру звонили и говорили: «Закройте». Вот так вот было. А потом здания такие, они тоже закрывались сетками, потому что как Исакий, там вот такие. Все это закрашивалось, там, маскировалось. Маскировка была. Потом вот эти были, как эти аэростаты, что это было там, колбасами их называли, девчонки и мальчишки все: «Колбаса, колбаса». Потом потащили колбасу. (*Смеется.*) Тащат ее, куда-то вешают там. Вот. Вот так вот. Праздников я не помню. Первый праздник, это я помню, ой, после, значит, войны, когда мы приехали, наверное, в 46-м году, праздновался вот этот День победы. Ой, Танечка, этого вообще не забыть, конечно. И в 47-м, последние вот, наверное, 46-й, 47-й – вот эти вот годы первый послевоенные – это было такое ликование! Это такая радость была! Всеобщая. Это просто... вот не знаю, даже вот по Невскому трамваи там ходили, все ехали на Дворцовую площадь, на набережные. Потому что там салют был. Потому что там концерты были там. Но народу было столько, что транспорт весь останавливался, естественно, люди шли сплошной толпой. Все. От и до, от стенки до стенки. Вот. И когда попадали... Мы как-то с мамой пошли и Борькой, конечно, он сам везде там бегал, а мы с ней. Мы вот так вот сцепились вот так, и нас уже толпа несла. Вот под арку Главного штаба мы туда, нас просто... можно было ноги поднять. И самое главное, страшное было, не упасть, потому что затоптали бы. Запросто бы. Потому что люди ничего не могли поделать. Их просто несло вот сила такая вот. И вот мы когда попадали на площадь, площадь тоже была полная, но там уже можно было встать на ноги. (*Смеется.*) Стоять там, потихонечку протискиваться так, ходить. И когда этот салют начинался – это же вообще было. Чудо такое. Вот именно радость переполняла, всех радость такая. И люди готовы целоваться со всеми прямо, казались все такие родные, все такие близкие, знакомые. Ну, конечно, и шпана гуляла, там бегала... там, у кого кошельки, у кого что там воровали, но это, в общем, вот так вот радость была всеобщая. Да. И даже и в 50-е еще годы было так вот. Мы очень так это, все это сильно в людях было. Действительно. Вот эти праздники – это... А там праздники, там праздники, конечно, может, и отмечались, но какие в Локосово в деревне салюты? Какие там что? В Тобольске? В Тобольске да, я там помню, праздник там это был, наверное, ноябрьский праздник, когда мы из Локосова приехали, там праздники праздновали, там демонстрации были как-то, ходили по главной улице, куда они еще ходили, не знаю. По-моему, я туда не ходила. Потом, когда День Победы, мы там встретили, в Тобольске. И потом приходили, когда уже до демобилизации, шли уже, шли, значит, с фронта уже, там, эшелоны, где железные дороги были, а здесь пароходы эти приплывали. Все бегали на

пристань, все абсолютно. Особенно ребятня, все ждали своих. Встречать. Едут – не едут, не знаешь, но каждый с надеждой, и вот они, значит, как их встречали, Танечка, тоже. Ой! Даже не знаю. По-моему, там даже какой-то оркестр был. Ой! *(Пауза. Диктофон выключен.)*

Интервьюер: Продолжаем?

Информант: На чем мы остановились-то?

Интервьюер: А, может быть, еще вот такой вот вопрос. Мы говорили с вами об эвакуации...

Информант: О праздниках.

Интервьюер: А каким вам показался город, Ленинград, когда вы вернулись? Было ли что-то, что изменилось?

Информант: Конечно. Конечно. Во-первых, было очень много разрушенных домов. Просто стояли дома срезанные вот так вот. Там, ну на всех, везде. На Невском, на Староневском, на Жуковского даже, когда мы жили уже на Чехова, нам дали комнату, на Жуковской – там прямо дом был срезанный, и висело, допустим, зеркало, там что-то еще. Там люди жили. Срез такой вот. Вот. Потом мы ходили, потом мы даже со школой, школьников водили, мы разбирали эти дома. Вот и на этом, на Лиговском проспекте, я помню, разбирали. Тоже мы там ходили. Везде. Летом, в каникулы в основном, мы так-то учились, а в каникулы мы занимались вот такими делами. Это было очень, конечно, тягостно, но это было, Танечка, это была привычная картина. Как бы. Вот особенно даже вот когда мы еще не уехали, идешь там, там дом разрушенный, там и это воспринималось даже... страшно сказать, когда вот я на Троицком поле-то еще училась в начале 41-го года осенью, пока школу не закрыли, мы ходили... Ну сугробы не убирались, естественно, там все это. Идешь, смотришь, там человек лежит. Там лежит – ноги, и даже вот, идя за хлебом, в очереди стоят, падают. У них могли даже карточки вырвать. У некоторых. Даже у живых еще. Это все было. Это было. Потом, когда... иногда меня вот это дядя Леня провожал в школу. Потому что были случаи, детишек заманивали как бы вот. Съедали. Это было людоедство.

Интервьюер: То есть вы знали об этом?

Информант: Да. Да. Вот. Потом, когда смотришь, идешь в школу, там человек лежит. Уже и не убирали какое-то время, это уже потом стали, видимо, к весне убирать-то. Потому что идет человек, то есть лежит человек, потом он раздетый, потом лежит и у него эти мягкие места отрезаны, уже где можно срезать это все, вот это было. Это было. Вот. Но это было, это я видела, и именно вот где... вот где мы жили, в Обухово. Вот здесь, на Софийской улице. Это. Потому что там место более или менее такое далекое от центра. В центре, наверное, убирали все это. Потому что, когда мы жили на Восстания, я там такого не помню, не видела я этого. То есть люди ходили вот так вот, идут вот шаг за шагом потихонечку, согнувшись, все закутанные, там не поймешь, мужчина, женщина, кто. В платках все. У кого валенки, в валенках там. Все что можно было на себя одевать, одевали, потому что было очень холодно. Это я помню, когда за хлебом стояли, а потом вот весной, весной, это мы еще жили у тети Кати, открыли столовые для детишек. Для школьного возраста. А там у нас нам что давали? Да, нужно было не отоварить вот хлеб, карточку, 175 грамм уже было, за этот день. То есть надо было продержаться день, ничего не поесть, чтобы там тоже очередь стояла на запись в эти столовые, там горячее давали, супчик, ложечку супчика, ложечку масла в постном масле этом. Вот. И хлебца кусочек давали, но для этого надо продержаться. Мы с Борькой несколько раз такое не выдерживали, выкупали хлеб, съедали. Значит, мы не попадали, все. Уходили домой. Потом договаривались. Он говорит: «Нет, Верушка, нам надо с тобой вот выдержать». Я говорю: «Да». Хочется там поесть-то горяченького. Ну вот. И мы тогда, значит, но один день мы все-таки выдержали. Тогда нас приняли, только я не помню, где эта столовая была. Куда-то ходили, в

какое-то помещение. Может, в той же школе. И там все ели, нам давали супчика немножко горяченького, немножко каши, вот так вот.

Интервьюер: А общались в основном с мамой со своей, вот с тетей?

Информант: Да. Да. Только так.

Интервьюер: А приходили ли родственники навещать?

Информант: Нет, сил не было. Транспорта не было. Это вот один раз тетя Леля пришла сказать вот. И потом мы к ней перебрались, когда вот. Так что... а так не было.

Интервьюер: Вы сказали, что вы перебрались однажды из-за того, что дом разбомбили, да?

Информант: Ну у нас дом-то почти сразу, в первые же дни. Так вот когда вот началось это все. Мы вынуждены были жить у тети Кати. А это...к тете Леле мы перебрались уже где-то весной к лету ближе. Вот. Ну там больше в бомбоубежище сидели. Вот. Потом это в наш дом попал снаряд. Вот интересно – не разорвался. Он ниже этажом это или двумя этажами ниже, потом смотрели в эту дырку все. Все ходили смотрели. Там в квартире никого в это время не было, никто не пострадал, но у нас ничего. Он не разорвался, и продолжали там жить люди. И ниже этажом, и выше этажом. Ну вот. Вот такой.

Интервьюер: А вот вообще в семье разговаривали о блокаде? Говорили о блокаде? Вспоминали ее?

Информант: Ну вот мы из наших родственников, вот единственные, вот две сестры моя мама Марья, тетя Леля и тетя Катя пережили. Можно сказать, ну не всю, потому что мы пережили вот этот момент, самый жуткую вот – с осени, с сентября вот, как началась блокада – и до конца августа мы были. Вот. Потому что, ну говорят те, кто потом еще больше умирали в городе, видимо, даже уже когда и хлеба прибавили, там, по 300 грамм там было и все, и давали какие-то там продукты, потому что, когда блокаду прорвали, уже пошли, там уже пошло какое-то снабжение. Обозы, вот это даже продовольственное, все это пошло. Они все равно умирали, потому что уже организм настолько истощился, настолько уже доведенный до крайности, что уже не помогало даже и питание. Люди умирали очень. Это то, что мы выехали, и вот там вот мы как на усиленное питание, считай, на продукты такие вот кедровые орешки, да. Там это грибы, ягоды, и хлеб, а там, в общем-то, муку давали. Болтушку варили эту, супчик. Ой, в общем, конечно, мы за счет этого и выжили. Так бы мы не выжили.

Интервьюер : А в семье вспоминалось, когда вы вместе собирались?

Информант : Да, мы очень были дружные все. Когда все вот вернулись-то, и тетя Леля, и эта, между прочим, тетя Леля в квартиру не попала, вот где на Восстания. Когда мама еще до приезда, тетя Леля позже приехала, ее не отпускали там с работы, вот. И когда мама пошла по этому, туда, в эту квартиру, ей открыла дверь... там этот, домоуправ жил. Тогда были эти, жена открыла. Как она перепугалась! Говорит, она узнала, перепугалась. Они решили, что мы уже не приедем и не вернемся и вообще нас в живых нет. Так что они это, жили здесь, потому что те соседи умерли, и у них целая квартира осталась такая. Вот. Четырехкомнатная. В этом. И мебель там осталась, все. Все, все, все! Ну вот. Ну мама, конечно, тетя Леля могла бы по суду, потому что, когда она вернулась, она сначала с нами жила пока, и когда это она... у нее сын погиб на синявинских болотах, и она заболела. Она просто не пережила вот это. И во сне она прямо чуть ли не наяву все время видела, что он перед ней лежит в яме, зовет ее. В общем, она в Бехтерева¹²⁹ лежала там несколько раз, потом выходила там вроде ничего. Работать она не могла. И когда это самое судится – там вот хотя бы две комнаты, не квартиру, квартиру-то уж

¹²⁹ Имеется в виду клиника Психоневрологического института им. В. М. Бехтерева.

ладно, хотя бы... она же с сыном приехала. Вот. Она так на суде сказала: «Мне ничего не надо». То есть она в таком состоянии была: вот сыну только, значит, а мне ничего не надо. Короче говоря, на Пушкинской улице в коммуналке комнату предложили. «Вы согласны?» – Она говорит: «Да, я согласна». Вот. Она в таком состоянии была. Вот. И там вот они жили. Маленькая комнатенка была. Вот. Пока она... Умерла она в это, в Бехтерева. Там потому что линия три, туда ее, вот, на лечение ее, я вот ходила ее навещала там. Там она и умерла. Ей и операцию делали, и... трепанация черепа, у нее опухоль была там, оказывается, но сделали ей не с той стороны эту трепанацию-то. То есть, когда вскрыли, у нее там не было ничего, а когда... а страшные головные боли, она прямо кричала, на крик. Когда после смерти вскрыли, говорят, как виноградная гроздь была. Вот у нее вот это вот именно. Если бы ей удалось бы сделать, тогда томографии не было, ничего же этого не было, если бы была томография, тогда смогли бы определить это. А тогда ничего не было. Вот. Вот так.

Интервьюер: А вот после того как вы вернулись уже, после войны, когда уже казалось, что начиналась мирная жизнь, не было ощущения, что готовится новая война? Как вот... у вас по ощущениям?

Информант: Нет. Люди просто приходили... у всех была такая надежда вот, что что-то вообще в жизни так изменится, что как было – даже вот этот страх, который был, аресты, там вот до войны же это все было, вот, 37-й год, 38-й.

Интервьюер: И у вас было?

Информант: И у нас было, да. Двух... маминого брата забрали и тети Лелиного мужа. И они вернулись уже как бы с амнистией, уже из Сибири, там, с Дальнего Востока, где-то... Один был, дядя Юра, он же ЛИИЖТ кончал, и он строил дороги там. Главным инженером он там работал. Вот. И жена его, тетя Таня, туда ездила, жила там с ним какое-то время. Вот. А второй был хозяйственный работник где-то в парторганизации здесь, ну, в общем, такой. И кто-то сказал, что вроде он анекдот какой-то рассказали. В компании. Ну там достаточно было словесного доноса и все. И их забрали. И бабушка от этого умерла, потому что она ходила как бы к ним на свидание, не разрешали свидание там все это, в общем. Она заболела и умерла тоже, перед войной как раз они... и умерла, наверное, в 39-м году. Вот. Хоронили ее. А они так вот вернулись уже в 50-х годах где-то, когда вот была вот эта снята, все, все это, в общем. Требовали от них признаний всяких. Они ничего не подписывали, вот. И так...

Интервьюер: Когда после войны или во время войны, открываться, стали открываться первые выставки о блокаде, музей в Соляном переулке?

Информант: В блокаду нет. Это же... музей блокадный открылся после, после войны же все это было.

Интервьюер: Экспозиция в 44-м году, первая экспозиция. Потом здесь, в Соляном переулке в 45-м году

Информант: А, это уже да, нет, мы туда еще не ходили. Не ходили, не ходили. Хотя ведь я говорю, много было и вещей, таких вот.

Интервьюер: А ВЫ Сохраняли ИХ, ЧТО ЛИ?

Информант: Было, да. А потом вот уже переезды все эти. То один там капитальный ремонт, переехали, то в другое место переехали, то еще куда-то. Много, в общем, терялось в процессе этого. Ой, Танечка, я интересно расскажу, когда мы жили напротив цирка, в этом вот, мансардах-то там, там же было как. Ну вот кто, значит, с капитального ремонта переезжал туда, переезжали, а там жили студенты. Вместо общежития, не было для всех и там очень много было комнат, наверное, комнаты четыре или пять, и там жили студенты. Ребята такие хорошие. И вот они же жили на стипендию, естественно, тоже кушать хотелось и все, а у нас квартир там как бы много было, у них когда кончались деньги, они открывали, значит, комнату, садились на

пороге, играли на гитаре и пели. И мы им все что-то несли покушать. Вот это вот я помню. Вот. То есть вот жили мы дружно, несмотря на все эти самые, не было никаких подлостей, ничего вот в своей жизни я ничего этого не помню, не знаю, потому что все очень как-то старались помогать друг другу. Вот даже и все тяжело жили – и все равно. Все равно все помогали. Даже праздники у нас после войны, вот мы жили когда на Чехова, все справляли на кухне этой. Всей квартирой. Пекли. Кто что делал. Ну вот так как-то. Все дружно. И эта традиция сохранялась очень долго. И вообще, даже потом вот многие на пенсию уходили, пенсии были очень маленькие, там сто с чем-то... то есть, ну я не знаю даже, да, 130 рублей как-то там, 150 рублей. Очень маленькие. Заплати за квартиру там за все, оставалась... то есть люди жили впроголодь и на пенсии. Ну и мы старались тоже как-то помогать друг другу. Знаете, такого человека навещали, привозили там ему картошечки, селедочки, там еще чего-нибудь. Человек так вот, ну, в общем, я говорю, была такая взаимовыручка все-таки. И все время наши, вот оставшиеся в живых родственники, всегда помогали друг другу. Всегда. И были очень дружные мы, ребята, все вот. Я одна сестра была, все были братья. Вот. И обязательно, любой день рождения, все собирались. Все взрослые и дети. Ну вот. И потом уже взрослые как-то уже там старенькие стали, дети все собирались. Ну потом переженились, уже все как-то так вот все. Это уже немножечко стали ходить... но все равно собрались. Собрались. И вот этот Виталик, вот младший, художник¹³⁰, вот. Ну о нем, его многие знают. Вот особенно, он даже, вот эта выставка на Охте была, семерых, что ли¹³¹... Семь художников там было таких, там, значит, Ватенин был, Егосин, Крестовский, (...) ¹³²еще женщина. В общем, театральный художник был, короче говоря. Вот эту выставку там ругали, ругали и ругали, и вот с этой выставки все началось. Вот там его акварели были, конечно, замечательные акварели у него. Потом посмотрите. И это... в общем, мы ходили вот, мы жили этим. Выставки, театр, в кино ходили. Тогда, чтобы попасть в кино, надо было попасть в «Октябрь» на Невском, или в «Колизей», или в «Аврору» вот. То есть надо было... или в «Титан», надо было отстоять такую очередь и зимой. Стояли люди. Вот. Так вот до Литейного по Невскому, потом по Литейному вот очередь была почти до Куйбышевской больницы. В несколько рядов. Все стояли, ничего. А билет покупали – все такие счастливые. Идешь, на следующий день могли даже купить билет. Потому что на этот-то, конечно, уже не было, кончались. Продавали на следующий. Вот. И когда идешь уже домой, к тебе: «Лишнего билетика нет? Лишнего билетика нет?» И в театр точно так же. То есть люди вот жили этим. Как там. Собирались. Покушать там соберешь что-то, а дети особенно, в школу я бегала после войны в этих – были такие туфельки парусиновые черненькие, лодочки. Вот, мы их называли прюнелевые или плюнелевые, что-то я уже не помню, ну в общем. И зимой, и в школу бегали так. Ничего. А потом как-то мне... Давали потому что ордера очень редко. Там, на обувь, на что-то. Один дадут на семью. А кто, что. Мне как-то достались от брата, ему не подошли это, ботинки мальчишеские. Я ходила в школу в мальчишеских ботинках и очень была счастлива. *(Смеется.) (Нрзб.)* Ну, в общем, я – ботинки.

Интервьюер : А вот заговорили о кино, а вы помните, много ли было фильмов о блокаде и смотрели ли вы эти фильмы? Как вы на них реагировали?

¹³⁰ Вырезана фамилия брата.

¹³¹ Исключено имя и фамилия брата информанта.

¹³² Информантка имеет в виду состоявшуюся в 1972 году выставку группы ленинградских художников «Одиннадцать», в которую входили живописцы Е. Антипова, З. Аршакуни, В. Ватенин, Г. Егосин, Я. Крестовский, В. Рахина, В. Тетерин, Л. Ткаченко, В. Тюленев, Б. Шаманов и скульптор К. Симун.

Информант : Тогда было... Тогда было очень много фильмов, но про войну не очень много было фильмов. Не очень. Это все пошло уже позже. Уже в 50-е там где-то годы, вот. Даже «Жила-была девочка»¹³³ в конце 40-х, наверное, это был фильм. Потому что в то время люди уже некоторые, некоторые уже жили же хорошо, уже многие оставались, что греха таить, в городе. Квартиры открытые все. Некоторые так ходили, некоторые... Ведь меняли хлеб на что-то, на вещи, на золото, на какие-то драгоценности. А вот если мы уж уезжали, рояль... мебель никому не нужна была как бы, а рояль вот за пол-литра вот этого спирта или водки, а потом поменяли на хлеб. Как-то вот так вот. А другие этим пользовались. Вот. *(Звонит телефон.)* Вот. В общем, вот так вот все. Очень было трудно. Были фильмы у нас, очень много было фильмов трофейных. Вот трофейных. И тогда люди соскучились во время войны, ничего же не было, ни кино и театры... Хотя, я помню, в блокаду как-то под Новый год, по-моему, была елка в театре Музкомедии¹³⁴. Вот. На Итальянской теперь. И там давали что-то нам, ребятишкам, какие-то гостинцы, какие-то, что-то вкусненькое давали. Вот это я запомнила, один раз было. Вот такой, как бы подарочки. А так не было. И после войны люди, конечно, потянулись, хотелось что-то вот такого приятного, посмотреть вот трофейные фильмы эти, все мы фильмы смотрели. И наши фильмы потом были, цветных еще не было фильмов. Цветные появились позже. Ну вот. Но мы, конечно, переживали, плакали всегда, когда вот смотрели вот эти... ревели. Я же до сих пор, когда по телевизору иногда передают вот эти, я не могу, у меня слезы катятся, не могу смотреть. Потому что когда это пережил, то воспринимаешь это через все пережитое, а не просто когда со стороны. Потому что я помню, когда я второй раз смотрела «Жила-была девочка» фильм, сидели мы с мамой, мы с ней рыдали, мы не могли с ней сдержаться. Мы сдерживались, но... А сзади кто-то смеялся. Кому-то это было весело, смешно. Хотя нам это было непонятно. Но мы не озлоблялись, ничего, *(нрзб .)* просто. А так, все по-разному, конечно, реагируют. Кто-то, может, и неплохо жил. Было и такое.

Интервьюер : А все фильмы о блокаде казались вам отражающими реальность?

Информант : Ну не все. Вот «Жила-была девочка». Фильм «Блокада»¹³⁵, он тоже, но там... там это вот «Жила-была девочка» я воспринимала это... это как вот жизнь. Как жизнь. Потом фильмы были, представлялось, что это уже было как бы это произведение литературное, как бы это художественный фильм, хотя там, конечно, моментами-то было все натуральное, все это так. Ну вот этот фильм вот «Жила-была девочка», это да. Вот это я воспринимала, это просто вот как отрывок из жизни, вот как будто мы опять попали туда. Вот. Настоящих фильмов про войну... тогда ведь было трудно, наверное, снять правдивый фильм. Потому что цензура была, потом что можно, что нельзя – вырезалось же многое. Может быть, человек и хотел что-то сделать такое, а не позволялось. Вот. Тогда как-то считалось, что это неправильно, нельзя. Нельзя опять травмировать людей, нельзя там что вот, как было тяжело и все. Было так. А людям нужна была правда. А потом, когда люди поняли, что ничего в жизни не меняется, все приуныли и запили. Вот тогда и начался запой. До войны не было вот этого пьянства, не было

¹³³ «Жила-была девочка» – художественный фильм. Союздетфильм. 1944 год. Реж. Виктор Эйсымонт.

¹³⁴ В канун нового, 1942 года городскими властями были организованы детские елки, на которых побывало более 49 тысяч блокадных детей. Коллектив Театра музыкальной комедии, работавший в то время в помещениях Академического театра драмы им. А. С. Пушкина, устроил общегородскую новогоднюю елку 6 января 1942 года (см.: Селиванов 2002: 62).

¹³⁵ Имеется в виду художественный фильм режиссера М. Ершова «Блокада», снятый по роману А. Чаковского «Блокада» (часть 1, «Лужский рубеж» и «Пулковский меридиан», Ленфильм, 1974; часть 2, «Операция «Искра»», Ленфильм, 1978).

этого. И даже после войны пришли люди с фронта, конечно, они срывались, там, были нервные, все это. Но держались как-то. Еще какая-то надежда была. А когда надежда эта пропала, мужчины, я говорю про них в основном, они не выдержали, и вот все вот пошло вот это. И не от того, что, как преподносится теперь, что, мол, русские на Руси, вообще все это, только вот это и существует – и все. Ничего подобного! Вот. Не было этого! Это от безысходности. Отчего это? Даже люди, вот самые страшные пьяницы, конечно, вот и перестройка, и все это – опять людям как бы перекрывают дыхание, да? И человек, он должен как-то освободиться от этого состояния, и они вот там через этого и освобождаются. А потом уже йот этого не освободиться. Вот. Так что даже я и не виню, хотя и противно, всегда это ненавидела, вот это пьянство, мат, я вот до сих... прожила семьдесят один год, я не могу матом выругаться. (*Смеется.*) Я удивлялась, как это девочки (*смеется*) там стоят и ругаются вовсю. И как бы это, бравировать этим. Идут там, или пьют там, или вообще – у меня это в голове не укладывалось, я обходила это все. Не слышать и не видеть, чтобы эти... Вот. Конечно, эти жестче стали вот, и дети жестче стали. Ну вот. Потому что у них... как раз они попали в такой период вот страшный такой для них. У них... не заложено, наверное, нравственность, такое, нравственный корень какой-то, стрелец, на котором человек может держаться и не сломаться. Вот. То, что было у нас. Потому что в нас это было... Это чувствовалось во всех, даже вот как-то, не знаю, чем объяснить. Но, видимо, мы в своем раннем детстве – ведь недаром говорят, что ребенок вот, что вложено в него лет до пяти, до семи, допустим, он этим и живет всю жизнь. Если что-то в нем заложено такое, его не сломать, он может держаться. А если нет, то такой... неплохой, но он и ломается. Вот. А потом, конечно, родители вот в таком положении оказались и пьющие. Родается ребенок, в такой обстановке растет, вот. Правда, и в таких, у таких родителей дети бывали и непьющие, и вообще выбивались в люди, и старались, у них цель какая-то в жизни: не быть похожими. Это тоже редко. В общем, конечно.

Интервьюер: А книги о блокаде вы покупали, как-то интересовались?

Информант: Да.

Интервьюер: Вот что вам запомнилось, может быть?

Информант: Ну вот «Блокада» Чаковского, Чаковского. (*Смеется.*) Ну вот. Потом, вообще, такие вот, Симонов, там. Вообще, эти военные писатели читать, читать мы... люди очень много читали тогда, наше поколение.

Интервьюер: А обсуждались эти книги?

Информант: Между собой, на кухне, естественно.

Интервьюер: А не смущало, что там не до конца или не все говорили?

Информант: Так мы понимали, почему это. Понимали. Все равно вот это нам даже не мешало радоваться. Вот. И дружить и как-то, вот до сих пор, я говорю, у меня есть такие вот школьные... еще подружка осталась одна, правда, уже умерли там многие, с кем встречались. С пятого класса мы с ней. Сидели на одной парте. До сих пор так встречаемся, общаемся. Вот. Потому что, может быть, даже не все, а по жизни так сложилось, там, не одинаково, конечно, у всех по-разному, там, ну вот, а все равно... Одно время мы даже как-то потерялись, вот здесь и не встречались какое-то время, а потом вот что-то, какой-то в сердце червячок – вот все время думаешь, знаешь, ностальгия какая-то. Как, наверное, у эмигрантов по (*смеется*) России, так у тебя вот так о детстве, о своих, вот о детских так друзьях, там все, снова стали встречаться. Да. Потому что понимаем, что это, в общем-то, главное. Наверное. Главное, не подличать, главное, друзей не терять, как-то этим держишься. Вот.

Интервьюер : А когда открывались блокадные мемориалы, вы бывали на них? Вас приглашали? Или сами?

Информант : Да нет. Сами так вот ездили. И причем, да, и в это, на площадь Победы и на

Пискаревку, это, сам приедешь, и я люблю приезжать одна. Ни когда вот это официоз, вот этот, все, потому что я посмотрю по телевизору, нареюсь здесь. *(Смеется.)* Думаю, сама поеду. Вот так как-то.

Интервьюер : Вы стараетесь в тот же день съездить, ну или там...?

Информант : Ну и не всегда даже в тот получается. Все равно помнишь. Конечно, все это помнишь. Вспоминаешь. Все это в памяти. Вот.

Интервьюер : А вы помните то время, когда вас стали называть блокадницей?

Информант : Блокадницей? Мы... у нас сначала были как бы блокадники те, кто – сейчас скажу, это не выдавали еще ни удостоверений, ни значков, ничего – те, кто работал на оборонных работах, рыли, вот, окопы. Ну, примерно, кому было там лет по шестнадцать, по семнадцать, вот так вот. Кто работали, вот. И вот так эти были. Считалось, они блокадники. Родители, во всяком случае, или старшее поколение, постарше нас. Вот. А потом, когда уже заговорили вот об удостоверении, а у них уже были удостоверения, нас вот эти, именно, как бы они приравнивались вот как бы не к военным служащим еще, не к воевавшим, но уже вот блокадники. А потом, когда зашла речь... что их становилось все меньше и меньше, потому что я удостоверение получила в 90-м году. Вот это, блокадное. Жителя блокадного Ленинграда. Потому что дети... вот нас тогда... документы надо было, что ты вот жил здесь, ну вот. Причем, когда жили у тети Кати, у нее домовая книга была, это же частный дом, да? Частный сектор, они сразу сказали, у них ничего в архиве нет, не сохранилось. Там сгорело, там где там что, вообще. Вот. Нет. Вот. И потому что я-то пошла в этот архив центральный наш, на Исаакиевской там¹³⁶. Там сказали: нет, у нас таких нет. Бабушкины документы, то, что бабушка у нас венчалась с дедушкой в Знаменской церкви, это есть, это я могла. Мама получала, значит, а о том, что вот... И дети там крестились, все это было. А нас – то, что мы жили там, – этого не было. Причем дети вообще не учитывались. Учитывались в основном работающие, тем, кому выдавались работающие карточки. Там учет велся. Четко был совершенно. Так как мама не работала, отец-то был на фронте был, значит, это, вот. То нас как бы и вообще не существовало. Единственно, что когда вот в эвакуации-то мы поехали, оказывается, документы в этом, в райисполкоме Володарского района, то есть Невского района, у них сохранялся архив этот. И вот там тогда я могла это... Мне вот тогда и сказали, что: где вы жили, там вот, когда вы эвакуировались? Я говорю: ну мы, в общем-то, почти год прожили. Мы в блокаде – потому что мы в конце августа, мы уже уехали, вот, через Ладогу. И, значит, говорит: там должны быть документы. Вот я поехала и действительно получила документы¹³⁷. И мама тогда, значит, получила, и брат получил эти удостоверения, мы все получили. Вот. Значки, удостоверения. Вот. А так...

Интервьюер : Вас приглашали в какое-то общество?

Информант : Да. Я в обществе «Жители блокадного Ленинграда». Вот. Так, ну, когда поздравляют, когда вот, значит, прорыв блокады, снятие блокады. Ну вот. Ну вот будет в это... в следующем году-то снятие блокады, наверное. Да. У нас еще у кого вот нам, кто здесь жил в блокаду, в 53-м году было 250-летие, значит, городу, дата такая. И нам, я уже работала, нам

¹³⁶ Очевидно, имеются в виду Архивное управление администрации Санкт-Петербурга и Ленинградской области и Российский государственный исторический архив, расположенные по Английской набережной, д. 4, и площади Декабристов, д. 1–3, соответственно.

¹³⁷ Справку, подтверждающую проживание информантки и ее семьи в Ленинграде во время блокады, по-видимому, выдал Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, расположенный на улице Варфоломеевской, д. 15.

выдали вот эти, значит, удостоверения и медальку. Вот этого 250-летия. А в этом году, вот когда сказали: у кого есть вот эти медальки с удостоверением, только тем, значит, – составили список, мы принесли все эти, – тем будут выдаваться медали 300-летия. Ну пока мы ничего не получали, там что-то там. Когда получим, когда не получим, не знаю. Но вот только у кого эти... Ой. Да. Самое главное, вот я говорю, что мы выжили. Живы остались и вот это... Нам такую, да. А ведь кто рядом, мы ехали в поезде когда в теплушках, и рядом люди умирали. Я помню, в этой теплушке ехали, на нижних нарах, и наверху ехала семья: тоже девочка там, ну, может, на год постарше меня: там это, если было девять лет, то... Нет, мне уже было десять лет, одиннадцатый, а ей лет двенадцать, наверное, тринадцать. Истошенная такая была. Ну я себя-то не видела, естественно. Ну вот она пела все, все пела. У нее голос такой, голосок хороший был. Такой прямо ангельский голосок, она пела. А потом она не доехала, она умерла. Сняли ее. И где похоронили? Где-то там, значит, где вот сняли – там и похоронили этих. В общем, все это история. Конечно. Вот.

Интервьюер: А вас не приглашали в школы? Ну вот как-то рассказывать?

Информант: Ой, каждый год приглашают на чаепития, у нас тут рядом школа, но я не хожу, потому что я боюсь, что я не выдержу и я разревусь, начну... Потому что надо там вспоминать, рассказывать все это. Вот. А это очень тяжело. Думаю, ну и что ребят смущать там, думаю, пусть кто покрепче пойдет, а у меня там, у меня много... Ребятишки знакомые со школы, со многими, вот с собакой-то хожу, ходим, гуляем там, общаемся, там. Денис есть: «В.Н., почему вы не приходите? – значит. – Мы там пирожные купили, там все это, вот чаек будем пить. А ну вот. Общаться». Я говорю: я с вами лучше так пообщаюсь. Я говорю: я там буду так общаться, что я обязательно еще расплачусь там. Потом не остановиться будет. Я говорю: нет. А так каждый год приглашают, приглашают там в школу.

Интервьюер: А вашей дочери вы рассказывали?

Информант: Конечно. Конечно, она все знает, все знает. Ей даже сны одно время снились про войну, военные. Как будто она в бомбоубежище, я говорю, ты еще (*нрзб. сквозь смех*). Передается, видимо, вот как-то на генном уровне, это я не знаю каком, но, в общем, конечно. Вот это поколение, которое с нами, вот мы вырастили, да, они будут помнить и нас помнить, и про войну помнить, и то, что мы рассказывали вот, и довоенную жизнь, и послевоенную. В них это все есть. Если они сумеют это передать детям, там вот, все это, конечно, это что-то останется в памяти, потому что преемственность должна быть какая-то поколений, потому что иначе, если не помнить ничего – у нас же старались вытравить все это в нас, вот. Чтоб ничего мы не знали, не помнили, и жили, вот, будущим. Построим коммунизм! Вот. Прежде всего, я говорю, надо не коммунизм строить, конечно, но я не знаю. Вас, наверное, смущает^ меня вот тут... (*Показывает на иконы.*)

Интервьюер: Нет. Нисколько.

Информант: Я в церковь хожу, и покрестилась я, Танечка, в 91-м году. В 59 лет. Вот. И я так пришла к тому, что я вообще стараюсь не пропускать службу, там помогаю, там все это. Что прежде всего человек, конечно, чем раньше, тем лучше должен в душе своей строить храм вот этот. Ну, можно сказать, царствие божье, небесное, но храм. Такой, который тебя держит, и который и другим будет помогать, и все. Вот это. Это самое главное. Не озлобляться, ничего. Потому что я помню, даже после войны вот я как-то со школы шла с Мойки вот на Чехова, шла по Жуковского, навстречу мне шел пленный немец, но он свободно ходил, так некоторым разрешали, которым – неопасный там как бы там, разные там были. Ну в своей форме он, в этом кепи зеленом таком, в зеленой форме мышинной там шел. И я шла, посмотрела на него, у меня в глазах потемнело от ненависти. Вот это было во мне. Я уж потом каялась батюшке, что ненависть во мне вот была, жила. В ребенке даже. Вот эта ненависть. Вот. Даже неосознанная,

просто потемнела. И когда я увидела, он уже подошел ко мне, я увидела, что он идет вот так вот, голову. Вот это было ужасно. Нельзя ненавидеть никого. Нельзя.

Интервьюер: Вероника Никандровна, большое вам спасибо за разговор, за рассказ. Вот я надеюсь, что если у меня будут еще вопросы, то я вам позвоню.

Информант: Да конечно, всегда пожалуйста. Я всегда жду.

Интервью с Ольгой

Интервьюер : Есть сорок семь вопросов, которые в принципе мне надо тебе задать. Это какие-то конкретные сюжеты, которыми я могу, ну, интересоваться. Вопросы самого разного порядка. Вообще, вот первый вопрос, да: где и когда ты родилась и вот кто в семье жил в блокаду?

Информант : Ну, соответственно, на первый вопрос отвечаю. Родилась в 65-м году в Питере, в самом центре. Двадцать лет после войны, на улице еще был булыжник. Послевоенные люди еще что-то иногда говорили, ну... Кто из блокадников? Значит, дед и бабка, родители матери. Ну поскольку бабушка вместе со второй бабушкой жила вместе с мамой и с отцом, как-то в воздухе все это носилось. Дед, материн отец, погиб в блокаду здесь, бабушка проработала большую часть блокады, работала она в порту и занималась отправкой детей, эшелонов через линию фронта, соответственно, несколько раз переходила кольцо блокады.

Интервьюер : То есть практически все старшее поколение?

Информант : В общем, да. Ну и плюс все или большая часть родителей, дедушек и бабушек моих знакомых, одноклассников, всяких друзей, причем моих одноклассников, у которых сохранялись дедушки, было практически две-три штуки, я им ужасно завидовала. Видимо, они сами себе завидовали, потому что дедушка в наше время – это была безумная ценность. Ни у кого не было. И, что такое дедушка, мы все представляли примерно по Деду Морозу. Вот или по сохранившимся в школе педагогам, типа нашего историка, который... правда, он на войне был, частично был контужен, такой вот он, значит, был всем дедушка, но дедушка был очень мрачный и свирепый... (*Смеемся.*) То есть мужиков вот этого, старшего поколения, вот на ровесников наших отсутствующих дедушек мы смотрели, как на какое-то вот сокровище. Ну и соответственно, женщины того поколения и наши матери тоже вот трепетно относились к таким персонажам, даже если это были чужие люди. Даже в очереди с ними как-то исключительно бережно обращались. Вот. Ну это, по крайней мере, вот самый близкий круг из тех, среди которых я¹³⁸ выросла. Ну вот. А мать отца, она тоже как-то вот в блокаду здесь болталась, но об этом я знаю гораздо меньше. Вот. Это на первый вопрос.

Интервьюер: А вот такой вопрос: а можешь ли ты вспомнить время, когда... хотя бы приблизительно, когда появились, когда ты узнала о блокаде? Был ли это школьный возраст или это было значительно раньше?

Информант: Ну так отчетливо назвать, что вот в такой-то день я об этом узнала, конечно, я вряд ли могу. В какой-то момент я представила себе, что я как будто всегда об этом знала. Что вот оно было. Ну, соответственно, потому что у нас где-то с класса третьего, наверное, нам что-нибудь рассказывали, где-то к классу пятому, когда нас это все достало – мы поняли, что вот уже все уши прожужжали! А следующий такой этап был, когда я осознала вот какие-то из

¹³⁸ Информантка родилась в 1965 году в Ленинграде. В блокаду в городе оставалась семья ее матери. Интервью проходило в Центре устной истории ЕУ СПб 25 апреля 2003 года. Общая продолжительность аудиозаписи интервью – 87 минут. Интервьюировала Т. Воронина. Архив Центра устной истории ЕУ СПб. Интервью № 0202009. Имя информантки изменено.

рассказов отца и бабушки и поняла, что... а вот она действительно была. Вот что-то такое.

Интервьюер: Удивительно, потому что вот чаще всего вот мне говорили именно о том, что вот какие-то школьные знания оказывались вторичными по сравнению с теми знаниями, которые люди ну, узнавали в кругу семьи, а потом уже как-то. Поэтому это очень интересно.

Информант: Ну вот школьные знания они просачивались так незаметно, а когда на вот таком вот общем примерном представлении о том, что да, вот была блокада, появлялись рассказы уже вот моих семейных, они были остро конфликтны и очень конкретны по деталям. И они смотрелись как что-то живое по отношению к чему-то такому, что вот в принципе есть. То есть знание абстрактное и чувство конкретное.

Интервьюер: Да. Ну вот а были ли... были ли вообще разговоры вот в семье о блокаде? И в каком контексте они возникали?

Информант: Ну иногда вот за вечерним чаем, когда все собирались, иногда внезапно вот разговор переходил «а вот ты помнишь» и что-нибудь такое. Или «а вот в то время говорил, что»... и опять вот какие-то были детали. Это ну, самое частое было.

Интервьюер: А как родственники на эту тему реагировали?

Информант: Ну по-разному опять таки. Потому что вот иногда, когда бабушка сама начинала вспоминать с подачи мамы, да, допустим, или с подачи второй бабушки, я ее тоже бабушкой называю просто, потому что она, собственно, никто, даже не родственница, она просто всегда с нами жила. Она вырастила и маму, и меня. Вот. Ну и вот они как-то вдвоем начинали там что-то вспоминать. Или второй вариант, когда я своими вопросами или действиями провоцировала какие-то высказывания на эту тему, но чаще всего отец меня пытался воспитывать, на его что-нибудь вдруг наезжало, вот, и он или в качестве морального примера приводил какие-то детали, или в качестве комментария к тому, допустим, почему у нас до сих пор режется на сухари квадратиками маленькими. Когда ребенок за столом капризничает и кричит: «А я вот не хочу вот такие вот сухарики, квадратненькие». – «А ты знаешь откуда? А вот оттуда!» Ну примерно вот так. А дальше уже одно за другим там тянулось, а потом: «Папа, расскажи еще!» и... Вот такие вот вещи больше всего запоминались, а реакция самая, пожалуй...скорее всего, разговоры утихали, когда блокада связывалась с темой политики. Потому что когда начинались разговоры, допустим, о Бадаевских складах, а понятно, что там 60-е, 70-е годы эти разговоры по инерции люди сами пресекали, как-то произносятся две-три фразы, бросаются, и тишина после этого. Пауза. И взгляд такой вот: ничего лишнего не сказал? Вот. А потом уже стали свободнее говорить о таких вещах, но дальше уже трудно было отличить их воспоминания от каких-то рассказов их сослуживцев, ну а потом, чаще всего, все-таки переходили на описание атмосферы довоенной, военной там, послевоенной.

Интервьюер: А сухарики, слушай... Вот удивительно, я просто не... Я просто не знала, не знаю об этом. А почему сухарики режут на квадратики?

Информант: Потому что...

Интервьюер: А, потому что доведки им выдавали?

Информант: Нет, когда выдавали порцию, вот кусочек хлеба, когда он приносился в семью, его резали на маленькие квадратики, примерно вот сантиметр на сантиметр или меньше и раскладывали сушить. Ну хлеб был плохой и достаточно... И когда он подсыхал, его хотя бы есть можно было. И до сих пор я знаю несколько семей, где старшее поколение вот так готовило сухари, и мы автоматически уже начали. Причем даже уже и булку так режем. Хотя у нас ведь дома только, например, это к хлебу относилось.

Интервьюер: Угу. Очень интересно, очень

Информант: Выдавали по порциям в семье. Маленький кусочек, его дольше жевать, и растягивалась порция таким образом на много времени.

Интервьюер: Я не знала. Ну как-то я никогда не соотносила такие вещи.

Информант: Я сама не знала, пока мне отец моей подруги не объяснил, когда я ему сказала: «Дядя Арсик, вы также сухари режете, как и мы, а почему?» Он говорит: «А потому, что я блокадный ребенок». – «А почему? А как это связано?» Ну вот он мне и рассказал.

Интервьюер: А о каких сюжетах чаще всего рассказывали... В каких сюжетах рассказывали о блокаде?

Информант: В каких сюжетах?

Интервьюер: Да, вот есть вообще, какие-то вот какие-то истории, которые там повторялись или, возможно, не раз упоминались? Вот о чем вспоминали?

Информант: Ну вот были сюжеты, и были проявления. Как проявления – это мания забивать холодильник. У моей матери до сих пор такое. Вот... про нас с матерью говорят, что если у моей мамы – вот у меня, в смысле, мой ребенок говорит, – у мамы холодильник пустой, значит, он действительно пустой. Там даже полка нет. А если у бабушки холодильник пустой, то, значит там, на двух полках стоят банки с вареньем, пакетики какого-нибудь заготовленного: сухой смеси, еще чего-то. А у бабушки это было просто катастрофически. Это забивался холодильник, забивался шкаф, все свободные места – это вот была еда. Еда и какие-то вот такие предметы первой необходимости. У отца то же самое. При первом же удобном случае он тащил домой еду, какую видел. Вот. Притом что дома мы ели довольно мало. Тоже вот бабушка, которая у нас вела дом, всем выдавала по очень маленькой порции. Не потому, что жили так уж бедно, а просто потому что, чем дальше по времени, чем она более старая делалась, тем больше возвращались вот те навыки стрессовые, которые она тогда приобрела, и тем меньше порции она нам выдавала. А сама она доедала. Вот. Тоже такое вот было. А второе проявление – это вот сюжеты, к которым возвращались. Значит, бабушкина любимая тема, вот, моей родной бабушки – это ночевка в клубе, когда у нее над головой ходили немцы. Это она возвращалась обратно в Питер через линию фронта. Заночевали они втроем в клубе, причем у них был командир с билетом в кармане. Она... маленького роста, рыжая, зеленоглазая беспартийная еврейка. Просто скандальный персонаж. И мужик какой-то, вообще непонятно какой, совершенно левый, к ним прибившийся. Они заночевали в клубе, в каком-то актовом зале. Ну холодно было, они залезли в рулон, это вот в декорации. Ну проснулись под эстрадой, к счастью, проснулись от того, что немецкая речь звучала ровно над ними. Вот. Ну сюжет очень приятный, особенно если учесть, что бабушка блестяще знала немецкий и, видимо, она там такого наслушалась. Вот... поседеть не поседела, но неврастеником стала редкостным после этого. И по-немецки говорить перестала вообще. После блокады. Вот. Она это объясняла тем, что к немецкому в Ленинграде вообще после войны стало плохое отношение, ну и, подозреваю, что причина именно в том, что она вот столкнулась вот в таких ситуациях с немецкой речью. Это вот один сюжет. Отцовский, например, чаще всего возникавший сюжет – это пустые пространства в городе, пространства под обстрелом. А учился он, как раз, вот эта двести десятая школа, где до сих пор эта доска висит, «артобстрел»¹³⁹.

Интервьюер: На Невском?

Информант: Да. Вот он говорил, как «приятно» семи – восьмилетнему мальчику идти в школу, зная, что тебе в спину рано или поздно угодит снаряд. Говорил, что чувствуешь себя маленьким в каком-то большом пространстве и ближайшие люди кажутся так далеко. Ну он 33-го года, вот, соответственно, как раз вот на такой возраст воспоминания попали. Ну вот этот

¹³⁹ Имеется в виду сохраняемая со времен блокады надпись на стене дома 14 по Невскому проспекту: «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна».

сюжет. А у мамы (она тоже 33-го года) у нее был сюжет, что, тоже странное и уличное воспоминание, что очень страшно идти по лестнице, ожидая, что ты, если дойдешь до двери, ты не сможешь позвонить, что просто не хватит сил. Вот. А у второй бабушки – ну у каждого, соответственно, по своему характеру – у нее веселое воспоминание. Уезжает она по Дороге жизни. Два чемодана с собой: в одном весь архив, документы, свидетельство о рождении, все, все, все. Вся ее вот личная биография. В другом – какое-то барахло. Она такой человек веселый. Села между этими чемоданами, задремала уже от этого, от бессилия, потом открывает глаза – чемоданов нет. Говорит, я так обрадовалась, что, господи, хоть эту тяжесть тащить с собой не надо. Вот. Ну а дальше уже вокруг этого какие-то дальше рассказы были. Вот. Кто как реагировал, кто что.

Интервьюер: Да, интересно, в разных тонах у разных людей. А было что-то, что объединяло эти рассказы и что... что каким-то образом из этих рассказов как-то, ну, нравилось или не нравилось тебе. Верила ли ты этим рассказам?

Информант: Все эти рассказы для меня были наполнены одним – тем, что время бесконечно замедлилось. И они о каждом моменте, о котором они помнили, они рассказывали так, как если бы он тянулся вот не ту ночь, которую бабушка ночевала под эстрадой, а всю жизнь. И другие рассказы, которые я слышала, они тоже... там даже глаголы, которые они употребляли, как я потом поняла, глаголы какого-то замедленного времени. Не «сделал», «побежал», «вдохнул», «выдохнул», а «дышал», допустим, вот. То есть все это как будто растянуто было. Потому что когда отец переходил Невский – перейти Невский даже блокадному ребенку там заплетающимися ногами, ну десять минут. По его рассказу, он переходил Невский часа четыре. Вот. Вот именно это ощущение, что это очень медленно и как-то вот... какое-то постоянное ощущение того, что это и есть жизнь. Что она всегда такая была и будет дальше. Ну это я и по рассказам соседки, то же ощущение вынесла. Те же глаголы. Мы не «пришли попросить каши», а мы «ходили, подбирали на доньшке» какие-то там остатки каши. Ну и там еще что-то.

Интервьюер: Очень интересное наблюдение, как-то я никогда об этом не задумывалась. Да. А вот как часто возникали эти разговоры?

Информант: Трудно сказать, по настроению, но все-таки чаще всего отец рассказывал. Иногда вот бабушки может быть собой. Ну... наверное, где-то раз в месяц точно вспыхивала эта тема. В среднем. Потому что вот раз двадцать за год примерно такие вот истории перепали. Или иногда там, если мать натыкалась на дедушкины письма, перебирая стол. Или еще какие-то. Или еще какие-то вещи начинали перебирать, там дома там уборки делать, что-нибудь такое выпадало, и начиналось. Вот. Поэтому, может быть, и чаще, чем раз в месяц. Вот так в среднем.

Интервьюер: А все с охотой шли на этот разговор? Его как-то поддерживали?

Информант: Ну вот он пресекался, только когда переходили уже на политические темы.

Интервьюер: Ну а, как правило, один разговор о блокаде выходил на обсуждение того, кто виноват?

Информант: Ну, в принципе, да. Или кто виноват или, «а вот я слышала», допустим, кто-нибудь у нас в семье начинал там мать или бабушка, а вот сейчас, значит, рассказывают вот другую версию. То есть так более или менее академически, люди с высшим образованием переводили вот на какие-то такие академические разговоры. Вот. А соседка, наоборот, она разговоры о блокаде... она обычно заканчивала тем, как было до блокады, а еще как было еще до того, как в 24-м году, а потом как было в ее детстве в деревне. То есть у нее наоборот все было более и более глубоко в прошлое уходило. Ну, во всяком случае, вот так по общим наблюдениям.

Интервьюер : А в эвакуации были твои родственники?

Информант : Да.

Интервьюер : Они что-нибудь рассказывали об эвакуации?

Информант : Мать очень много рассказывала об эвакуации. Отец ничего. У матери эвакуация, как ни странно, это чуть не лучшие воспоминания. Ну, видимо, просто контраст очень большой. Она была в Томске, по-моему, в эвакуации.

Интервьюер : А эвакуировали в смысле, уже в 42-м, да, году?

Информант : По-моему, их даже чуть ли не... Да, в 42-м, наверное. Вот.

Интервьюер : То есть уже хлебнувши блокады первого года, потому что чаще всего...

Информант : По-моему, да. Но я не помню. Поскольку я не историк, у меня даты – это просто комбинация цифр.

Интервьюер : Да, да. Просто чаще всего, когда вспоминают о блокаде, то ассоциируют с зимой, видимо, с первой блокадной зимой.

Информант : Ну, может быть, может быть, ее рассказы только и относились к первой зиме, а я как-то вот в духе того что у них это бесконечно эти... время растягивалось... может быть, я это отнесла позже.

Интервьюер : Да нет, нет, что ты. Я просто...

Информант : Если ты будешь с ней говорить, ты сама можешь у нее спросить.

Интервьюер : Спасибо. Нет, для кого-то, для кого-то, действительно, были... просто были разные волны эвакуации, в общем, это вот в плане...

Информант : Я не знаю, в какой волне ее эвакуировали, вот.

Интервьюер : Да это неважно, на самом деле.

Информант : Тут ничего не могу сказать.

Интервьюер : А были ли рассказы, которые возникали по твоей инициативе?

Информант : Да.

Интервьюер : А в каких ситуациях?

Информант : Когда я уже сама просила.

Интервьюер : Сколько тебе лет было?

Информант : Ну это уже начиная лет с десяти. Может, позже даже. Когда я стала понимать, что то, что они рассказывают, больше... если и услышишь, то только не родные рассказы. Вот. Тогда я бросила читать книжки на какое-то время и стала смотреть довольно много картинок. Среди картинок попадались какие-то и вот такие. Ну и как-то вот начала интересоваться. Просить объяснить, а что, а как.

Интервьюер : А поощрялось вообще?

Информант : Да, у нас в семье поощрялось. Любые вопросы они все очень поощрялись. Ну у нас семья такая, очень внутри себя контактная была, и с удовольствием практически всегда рассказывали, то есть никогда не говорили «отстань» там или «мы не хотим об этом вспоминать». Вот. Даже, может быть, иногда через силу, но все равно рассказывали.

Интервьюер : А отмечались ли дома каким-нибудь образом какие-то ну, блокадные даты? Блокадные праздники?

Информант : Блокадные даты нет, но минута молчания на 9 Мая всегда.

Интервьюер : А день прорыва блокады?

Информант : Нет.

Интервьюер : День снятия?

Информант : В день прорыва блокады и день начала блокады все мое семейство ходило жутко мрачное, вот вечером вот просто. Они такую вот неофициальную минуту молчания устраивали, типа давайте помолчим, они просто сидели так, все мрачно пили чай и очень

хорошо друг друга понимали. А я там хлопала крыльями: «А, что вы такое?» Ну вот как-то настроение у них падало. То есть они все были просто в своих воспоминаниях, привязывали все к этому дню, но в этот день они не открывались особенно. Просто через себя переживали.

Интервьюер : А как вообще семья тогда реагировала вот на какие-то вот уже официальные мероприятия, которые в какой-то момент стали появляться, ну когда стали каким-то образом отмечать в городе, скажем, ну публиковать в газете, ну там печатать в газете статьи, вот там передовицы...

Информант : Ну знаешь, какие-то там бурно реагировали, если понимали, что это не... это лажа. А ну какие-то совершенно так мимо ушей пропускали, потому что были люди в достаточной степени аполитичные и так... не особенно, ну то есть понимаем, что ветер лает – собака носит. Ну... ой, прости, наоборот: собака лает – ветер носит. Даже процитировать правильно не могу. Даже пословицу.

Интервьюер : Я такую пословицу не знала. Вот. А теперь давай поговорим о фильмах. Несколько раз переформулировали этот вопрос, но, в общем, вопрос такой: смотрела ли ты фильмы о блокаде? Запомнились какие-то?

Информант : Нет. Может быть, что-то и показывали, может быть, даже и в школе. Вот. Но особенно... нет.

Интервьюер : А вообще в семье смотрели? Обсуждали какие-нибудь фильмы? Ну о блокаде, в смысле.

Информант : Так я вспомнить не могу, поскольку... может быть, обсуждалось, потому что у нас обсуждали любую интересную тему, начиная там от какого-нибудь последнего концерта в филармонии до каких-то вот, видимо, телепередач или фильмов. Но...

Интервьюер : Мне просто в одном интервью...

Информант : ...не обратила внимание.

Интервьюер : Что что-то шло по большому экрану, то есть некоторые об этом вспоминают. Вот. А книги? Ну вот там школьная программа или вне школьной программы у вас вообще... ты помнишь какие-нибудь книги там о блокаде? Доводилось – не доводилось?

Информант : На самом деле, мрачные всякие сюжеты и трагические я выносила только в устном пересказе. И я помню, что вплоть до того, что мне там, как это, «Молодая гвардия» Фадеева попала. Уж на что, понятно, романтическое такое произведение, и то я после этого три дня в школу не ходила. Мне противно было на мир смотреть. Не говоря о том, что пролежала с температурой под большим впечатлением. Потому что открыла на каком-то очень неприятном месте. Где там руки-ноги отрывают. Вот. Поэтому я эти сюжеты или так пропускала, которые нам навязывались, во всяком случае, в них не влезала, или вообще отказывалась этот материал воспринимать. Только через устные разговоры с людьми. Потому что люди, когда рассказывают, они рассказывают не выстроенный материал.

Интервьюер : Конечно.

Информант : Без воздействия, без желания какое-то воздействие оказать. А когда вот идет какой-то такой мрачное воздействие – сразу нет.

Интервьюер : Это ТОЧНО.

Информант : Хотя вот единственное что, действительно, то, что я не отказалась прочесть, это было вне школьной программы, это Виктор Голявкин¹⁴⁰. Как ни странно, в общем, детская книжка, ну такая, рассчитанная на, лет на пятнадцать, наверное, на подростков. Я и схватила там читать. Мне лет десять было. И забрела... ну там были рассказы вполне понимаемые, а

¹⁴⁰ Имеется в виду повесть В. Голявкина «Полосы на окнах» (см.: Голявкин 1977).

дальше шла где-то, по-моему, маленькая повестушка от лица мальчика блокадного. Вот ту, я помню, как-то восприняла и переварила, хотя бы потому, что она нормальным языком была написана. Вот. Но все равно постаралась так подальше в памяти запихать, не надо это вспоминать, не надо. Очень болезненно. Вот. То есть, видимо, изначально была болезненная реакция на тему блокады. Поэтому все такие сюжеты проходили мимо, именно заранее в поданном виде каком-то.

Интервьюер : А не было в школе каких-нибудь заданий? Вот как вообще школьная программа, помнишь что-нибудь, дала она тебе какое-то... какое-то знание о блокаде, что ли? Какую-то картину?

Информант : Ну я помню, как притаскивали к нам каких-то этих, как называется, ветеранов. Вот. Ветераны нам пытались честно что-то рассказать, и мы точно так же честно не слушали. Я помню, просто ощущение жалости, что надо же вот... ну хочется тебе поговорить, ну пошли домой чаю попьем, да, ну поговоришь. Расскажешь. А тут-то что, при всем честном народе? Неудобно. Что-то вот такое. А какие-то задания нас, естественно, заставляли готовить, но это настолько было все привычно, официально так, рутинно, что все это выполнялось так, без вкладывания души. Вот.

Интервьюер : А в школе эти даты блокадные отмечались?

Информант : Ну, как я понимаю, вот этих ветеранов блокадных именно на такие даты и приводили. То есть ну так старались, они старались сделать вид, что они следуют за официальным календарем, потому что школа у нас была довольно левая.

Интервьюер : А Где Ты училась?

Информант : Английская¹⁴¹. Вот. То есть она тогда, по тогдашним меркам она была, в общем, не самая такая правоверная, поскольку... Школа, в которой, я не знаю, весь мой выпуск эмигрировал практически. Понятно. Блестящее знание языка оно порождает желание, в общем, этот язык применить по назначению, в чем нас поощряли. А с другой стороны, понятно, что они должны там каким-то официальным датам следовать, но это так было оформлено риторически, что было понятно, что, ну как бы вот, просто жест со стороны школы, на который мы можем не обращать внимания. Ну это где-то вот начиная с класса с пятого.

Интервьюер : То есть довольно формальное отношение?

Информант : Ну, в общем, да, они из всех сил, видимо, пытались показать, что... типа хотите – пожалуйста, не хотите – преследовать не будем.

Интервьюер : А куда-нибудь в музеи не пытались выводить? Вот в военные музеи или в блокадные музеи?

Информант : Нет, нас по музеям вообще не водили. То есть опять-таки, хотели – мы сами. Вот. Я думаю, что это упущение небольшое, потому что, когда такая толпа является куда-нибудь на «стамеску»¹⁴², хотя, по-моему, нас пытались вывести на «стамеску», пол класса свалило гулять по Средней Рогатке, поэтому... это мероприятие как-то так закончилось тихо. Ну, соответственно, все эти какие-то музейные воспоминания, они оставались на наше усмотрение. Видимо, пытались нашим родителям что-то говорить, что вы ребят водите в музеи.

Интервьюер : А с родителями ты ходила в музей?

Информант : В блокадные?

Интервьюер : Угу.

¹⁴¹ Из текста исключен номер школы.

¹⁴² Имеется в виду Памятник героическим защитникам Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, расположенный на площади Победы в Санкт-Петербурге.

Информант : Я однажды с отцом забрела на Пискаревку. Вот. На братскую могилу, не помню, по какому поводу. По-моему, он даже специально меня повел. Ну, собственно, и все.

Интервьюер : А какое на тебя впечатление оказала Пискаревка? Было ли вообще какое-то?

Информант : Ну, жуткое, естественно. Потому что сознание братской могилы, если учесть, что до этого мне попытались объяснить, что такое братская могила, вот. Ну и потом, естественно, разные блокадные воспоминания, это на кладбище у деда, где рядом вот тоже соседка их похоронена в блокаду или после блокады, по-моему, сразу, деда похоронить успела и успела сказать, что она отбила его тело от общей могилы и вот, вот где он лежит. Вот в благодарность как бы она попросила, чтобы ее рядом похоронили. Это вот был как музей. То есть семья в других музеях вот блокадных и военных не нуждалась. Ну чего себя травить? И так хватало. Вот.

Интервьюер : Вот опять еще такой немного школьный вопрос: а сочинения о блокаде или, не знаю там, на уроках рисования, в некоторых школах это практиковалось, не пытались каким-то образом заставить вас представить?

Информант : Ну пытались заставить, но это абсолютно как лом – в одно ухо влетел, в другое вылетел. Видимо, пытались, особенно если учесть, что с восьмого класса у нас была очень хорошая учительница литературы, видимо, «тартуский» человек¹⁴³, как я понимаю, и она нам вела не только классическую литературу, но и занималась современной литературой. Соответственно, возникала всякая вот какая-то и блокадная тематика, и она пыталась отдельно нас заставить подумать, просто вот о такого рода стрессовых ситуациях, именно подавая их как стрессовые: «Вот что бы вы делали?» Вот. Но, поскольку у всех моих одноклассников был разный опыт в семьях – примерно, естественно, одинаковый, но с нюансами, а понятно, в восьмом классе как раз на нюансы, на детали обращаешь внимание и понимаешь – это все разное. Вот у них одно, другое, тут третье. Мы больше как раз обращали внимание вот на саму ситуацию стресса, ужаса, там еще чего-то, а блокадность мы просто воспринимали как рамку, как frame для всего этого. Вот. Только вот таким образом это в памяти удержалось. Все эти попытки в школе более или менее честно с восьмого класса заставить нас подумать.

Интервьюер : А после школы ты... был повод как-то подумать, ну возвратиться к блокадной теме?

Информант : Ну после школы было как раз больше поводов. Во-первых, потому что после школы я гораздо более активно почему-то стала расспрашивать и бабушек, и отца, не знаю даже, почему, а во-вторых, потому что стала как-то смотреть на город своими глазами, в какой-то момент поняла, что а вот старшее поколение смотрит по-другому. Для них все эти места другие. Потом какие-то брошенные замечания, ну типа, а вот на этой улице вот бомба попала только в один дом. Уже сразу улица перед твоими глазами трансформируется. То есть все вот уже начала проходить, все вот эти их маршруты. Или шла там каким-нибудь маршрутом, а потом вспоминала вот мамин рассказ о том, что вот по этому маршруту то-то и то-то. Ой, да, я же сейчас сама вот здесь иду. Это вот такое уже собственное, второе освоение блокадной темы, да? Вот материл, который вот давали, давали щедро со всех сторон, улегся там в желудок, а потом стал подниматься обратно. Уже в голову. Как-то вот так. Это. Второе. Я

¹⁴³ По-видимому, Ольга хочет сказать, что ее учительница находилась под влиянием «московско-тартуской школы», то есть была последовательницей структурно-семиотического подхода к культуре, заявленного в работах Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского и других.

тебе рассказывала, то что у нас в Академии¹⁴⁴ было советское искусство, естественно, в курсе советского искусства некоторую часть занимали изображения блокадные и то, что меня само понесло на памятники монументального искусства, ну некоторая часть из которых тоже блокадная. Вот. Или сделанные в память блокады. Или сделанные официально или неофициально. Вот. Ну и поскольку там и со скульпторами удалось, с авторами говорить, то от них тоже чего-то такого наслушалась: почему, как, зачем этот проект сделан. Что они об этом думают. Вот. Поэтому все это переживалось так, уже даже не по второму, по третьему разу. А потом уже позже там, и после института, стала понимать, что они все старенькие, помирают-то на глазах. Значит, бабушки умирают. Надо как-то вот что-то успеть такого набраться. Ну вот, поэтому стала вот уже дальше гораздо более внимательно, естественно, слушать. Слушать, смотреть. Какие-то... даже уже вот не брезговать всякими книжными, скажем так, сочинениями по этим поводам. А может, просто более выносливая к этой вот передаче чужой боли.

Интервьюер : Вопрос опять таки... ну какой-то... скорее... В общем, пыталась ли ты представить себе блокаду? Ну вот...

Информант : Естественно

Интервьюер : Ну то что...

Информант : Естественно, конечно.

Интервьюер : Ну кроме, кроме этих ну, вещей, о которых ты уже говорила, да, когда ходила по городу, иногда глядя там на дома какие-то, на маршруты.

Информант : Понимаешь, специально, конечно, не пыталась. Но поскольку люди, когда рассказывают, они каким-то образом вот заставляют себя¹⁴⁵ увидеть то, что они видели сами. Поэтому пытаться не пыталась, но представлять все время представляла, естественно, вот начиная с первых рассказов, естественно, все это входило вот такими представлениями образными.

Интервьюер : А что за картины это были?

Информант : Ну вот... картина... в первую очередь которая несла ощущение пустотности. Пустотности, заторможенности и вот этого вот растянутого времени. Это основное ощущение. И равнодушия к неожиданностям. Ощущение того, что поменялась иерархия ценностей в этот момент у людей. Очень часто приводимый пример, когда люди не болели в это время практически. То есть грипп, простуда – это все по боку было. Ощущение какой-то вот обыденности кошмара, обыденности напряжения даже, а не кошмара. При этом в одном из воспоминаний вот не так давно – книга воспоминаний искусствоведов и художников, бывших здесь в блокаду. Хранитель... один из хранителей, по-моему, или Эрмитажа, фонда живописи, или музей истории города, у них фонд переехал в Исаакиевский собор, если не ошибаюсь. И вот она пишет... Совершенно другое воспоминание, радостное, что иногда развешанные для просушки холсты напоминали пестрые тряпки, развешанные на улице Неаполя¹⁴⁶. Я эту цитату... мне ее выудили, точнее, подарили совершенно по другому случаю, вот. Но вот с этой цитатой тоже вошел образ того, что город не монохромный, а в нем вот эти яркие пятна все равно оставались. Вот. Хотя вот до этого я себе город представляла в блокаду как абсолютно монохромный, потому что воспоминания о цвете, например, вот у тех, кто мне

¹⁴⁴ Имеется в виду Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина Академии художеств СССР.

¹⁴⁵ Оговорка, имеется в виду «тебя».

¹⁴⁶ Интервью см.: Подвиг века 1969.

рассказывал, не проскакивали никакие. А только именно вот о каких-то вот событиях и их реакцией на их события. Такое ощущение, что они деталей не видели. Или если видели, то таким крупным планом, что за этим уходило все остальное. Вот. Это вот.

Интервьюер : А были ли какие-то страшные рассказы о блокаде?

Информант : Для меня все эти рассказы страшные. Не было ни одного нестрашного. Потому что их вот сопровождало какое-то жуткое ощущение, просто вот не вербализуемое совершенно. То есть не мое жуткое ощущение, а от них все передавалось, естественно. Причем именно не паники, а ужаса природного. Хотя потом я пыталась у них спросить, а в чем этот ужас-то выражался – а вот был просто.

Интервьюер : А в каких словах чаще всего говорили о блокаде?

Информант : Описывали, как описывали, не знаю, где они вчера были и что делали. То есть самых обыденных. Без всяких каких-то высокопарных выражений. И вот, кстати, вот этой своей обыденностью, видимо, это было еще более ужасно.

Интервьюер : Да, для людей это часть жизни. Правда, какая часть?

Информант : Угу.

Интервьюер : А как часто вот для тебя тема блокады возникает? Можно ли вообще говорить о какой-то периодичности или просто вот о какой-то...

Информант : Ну для меня она, скажем так, возникает как фрагмент общей картины моей (нрзб .), общей картины какой-то... большого периода. Потому что, не знаю, когда привозишь кого-нибудь в Петергоф и показываешь, что вот тут пушки стояли. Ловишь себя на том, что ну стояли, и стараешься это как-то так не воображать в этом, именно вот в тот момент, пока кому-то рассказываешь. Такое ощущение, что ну как бы немножко права не имеешь вот это вот передавать. Вот тебе передали, а ты уже, поскольку получаешь это, ну получается, что передача из вторых рук, и ты не имеешь права вносить туда те эмоции, которые дали тебе.

Интервьюер : Ты не рассказывала о... ну вообще своим знакомым, скажем, людям, ну я не знаю, много иностранцев, да, и вообще. Ты не рассказывала вот о своей семье или вот что они пережили блокаду?

Информант : Нет, я старалась как раз говорить наиболее дистанцированно об этой теме. Ну понятно почему, это защита. Потому что, а на фига им знать? Потому что для них это любопытство, и тогда пришлось бы ученым... ну передавать весь свой опыт. Это невозможно. Потому что то, что значимо, допустим, для меня, да, и моей семьи, для них это будет какая-то... что-то очередное в списке. Просто... поэтому хочется это подать в наиболее общих словах, а дальше, если они захотят, пускай сами воображают. И я часто сталкивалась, на самом деле, ну вот... с такими ситуациями, по опыту моих знакомых, которые как только порывались иностранцам рассказать что-то более личное, наталкивались сразу, в свою очередь, на реакцию отторжения. Нет, вы нам, пожалуйста, расскажите в общем, а дальше мы сами. Не надо нам в детали, не надо нам ваших ужасов. Вот.

Интервьюер : Да, интересно.

Информант : Просто, ну все наоборот, да?

Интервьюер : Нет, нет, нет, нет. Ты просто говоришь очень интересные вещи. А как ты считаешь, из какого источника ты получала больше информации о блокаде? Из семьи, из школы, из других – ну, вот занимаясь уже, в общем, взрослым человеком вот такими сюжетами?

Информант : Отовсюду. То есть тут разделить невозможно. Потому что школа и как бы общая разлитая такая идеология, постоянная каждодневная пропаганда, одни и те же новости каждые пятнадцать минут, понятно, какие они новости к вечеру уже, да? Она воздействовала по-своему, безусловно, какой-то вот фон такой постоянный был. То, что в семье я слышала или

от каких-то достаточно близких там людей – родителей одноклассников там друзей, это были какие-то яркие картинки на общем таком тусклом этом фоне. То, что я сама зарабатывала, это уже становилось моим освоенным опытом. Это... поэтому это все к разным областям относится, и я боюсь, что невозможно сказать, откуда больше. Это просто в разной степени мое. Или я в разной степени заинтересованно к этому относилось.

Интервьюер : А не кажется ли тебе, что в последнее время ну как-то о блокаде стали больше говорить? Ну когда фильмы стали там... появились документальные фильмы, когда чаще стали там по телевизору гонять к определенным датам...

Информант : Не смотрю телевизор.

Интервьюер : Ну я тоже не смотрю, поэтому этот вопрос для тех, кто смотрит телевизор. Ну и вообще, я тут как-то... на Суворовском растянуты как их называют? Через весь Суворовский... не постеры...

Информант : Слоганы. Лозунги...

Интервьюер : Ну да...

Информант : Полотнища.

Интервьюер : Полотнища, да полотнища. Как вот на тебя это как-нибудь воздействует? Вот как если бы ты оценила сама?

Информант : Ну...

Интервьюер : То есть, грубо говоря, видя такое полотнище, вспоминаешь ли ты, что ну там да, блокада. Или это вызывает другие эмоции.

Информант : Когда я их замечаю, меня это раздражает, как раздражает любое полотнище в этом городе.

Интервьюер : (Нрзб .)

Информант : Глаз режет. Потому что... нельзя старый город начинать каким-то, современными темами, современным оформлением тем. А то, что никакой деликатности при подаче темы блокады не соблюдается, ну это ежику понятно.

Интервьюер : Да, да. А был ли... Были ли какие-то сюжеты, ну вот то, о чем рассказывали тебе твои родственники, о чем ну, кроме как от своих отца или бабушек, ты нигде не слышала? Ну то есть что-то такое, что-то такое особенное для тебя? То, что ты нигде, кроме своей семьи, об этом не знала?

Информант : Ну вот какие-то уникальные сюжеты, которые рассказывались. Они были уникальны, ну скажем так, ситуационно, потому что я не знаю, сколько тысяч людей переходило линию фронта, но я это слышала как конкретную передачу опыта. Соответственно, этим он и был уникальным, человек рассказывал то, что он сам пережил. Поэтому, я думаю, что если знать все сюжеты, которые фигурировали в блокаду, то можно сказать, что я слышала что-то уникальное такое вот, которое выбивается как-то из общей парадигмы. А здесь нет, пожалуй. Именно вот уникально за счет того, что из первых рук получалось.

Интервьюер : Это действительно уникальность. Ну о чем мы тут еще не поговорили? Вот как раз в продолжение разговора об уникальности. Следующий вопрос звучит как, а как ты сама оцениваешь, насколько много ты знаешь о блокаде, или можно ли говорить вообще, что там мало, много или нормально?

Информант : Думаю что мало, то есть информации вот той исторической о протекании, естественно, нам в школе на уроках истории учили, где, когда кто подступил к городу. Где, когда, кто отступил, как вот это все развивалось. Естественно... понятно, что, если эту информацию я хочу получить, я в учебник истории залезу. Что надо прочту. Значит... В этом смысле информации у меня очень мало, но я, по крайней мере, знаю, где ее добыть. Информация об общем состоянии, об общей атмосфере, пожалуй, присутствует, но

приблизительно. Потому что, когда пять раз рассказывают один и тот же сюжет, но каждый раз немножко смещаются акценты, понятно, что за этим нечто общее стоит, но... а кто его знает, как они себя чувствовали? Вот поэтому и пытаешься себя иногда вообразить где-то там. Кроме того, отторжение таких вот тяжелых сюжетов тоже не способствует хорошему знанию. Ну а кроме того, какая-то уверенность, что вот как в меня все было вложено там в три поколения, так, если уж понадобится, я себе, наверное, найду, не дай бог, конечно, представлю в полный рост. Примерно так. То есть, даже если я это не знаю на сознательном уровне, я все равно этим пропитана. И в какой-то момент что-то еще вспомню.

Интервьюер : А вообще вот не возникали разговоры о блокаде в связи с получением этих пенсионных свидетельств блокадников, удостоверений блокадников?

Информант : Ну у моей соседки постоянно возникали. Потому что ей поговорить больше не с кем было, она, значит, старалась общаться вообще на любую тему, все вот эти поздравления от совета ветеранов, вот от всего этого, все это приносилось в кухню и начинало комментироваться немедленно в большом количестве. Вот. А мои... ну, пожалуй, над этим похихикивали. Типа маменька: «Ой, я такая старая стала, с бабушкиным блокадным удостоверением прохожу!» Ну как-то вот все это к шуткам сводилось, потому что опять-таки семейство такое, что на официоз реагирует хихиканьем. Вот. То есть никто серьезно ничего такого не обсуждал.

Интервьюер : То есть там о статусе блока...

Информант : Потому что стеснялись. Ну если уже там нехотя тащились какой-то статус получать, то все-таки немножко стеснялись, что нельзя вот за то, что пережили, получать там какую-то корочку, а потом коробочку конфеток. Как-то это... Ну видимо, они считали, что они себя продают или вот часть своей памяти продают за коробочку и за поздравленьице – что такое...

Интервьюер : Что такое?... Ну да.

Информант : Что такое трепетное отношение, что вот это то, что не продается.

Интервьюер : А остались ли в семье какие-нибудь предметы со времен блокады, да, которые... или какие-то вещи, которые там сохранялись?

Информант : Дедушкины письма вот из блокадного города, которые он писал, вот значит, когда бабушка повезла мать в эвакуацию вот. Это сохраняется совершенно трепетно. Вообще, вот память о дедушке просто... У отца что-то оставалось. Какие-то тоже совершенно безумные предметы той поры. Ну и мамины блокадные игрушки, которые она сама делала, такой у нее зайчик, которого она сама шила, маленький, ну потому что игрушек, понятно, не было, и еще там какая-то там такая вот мулечка там из свинца отлитая. Какой-то такой типа кораблик не кораблик, совсем карманная. Вот это вот оставалось. Ну, во всяком случае, это то, что они мне откомментировали, когда я ручонку протянула с воплями: «Ой-ой, как интересно, дай поиграть!» – «Не тронь!»

Интервьюер : А дедовы письма... о чем он писал?

Информант : Вот, как ни странно, мне их дали только один раз и очень быстро отобрали. Мне... мать перебирала там стол в очередной раз, сказала: «Папины письма». По-моему, она сама предложила: «На! Подержи! Это вот то, что написал». Ну и еще раз уяснила, что то, что писалось из города. Вот то, что успела прочесть, у меня в руках было, она почти сразу у меня выхватила в какой-то момент, забрала, по-моему, я их даже больше не видела. Он писал даже не то, что он там скучает без семьи там, без жены и дочери, а там шел такой сплошной ряд воспоминаний. Причем полувоспоминания, полуобразы, полувоображения, а вот если бы вы были рядом со мной, сейчас вот... мы бы с вами там... на что-то вот такое.

Интервьюер : А он писал о трудностях?

Информант : Мне на глаза это не попало, но это чувствовалось. Он просто сидел в городе, ждал назначения и вот за это время и помер. Скорее, это все было в будущее ориентировано, а образы были вот из прошлого, которые как бы опрокидывались в его настоящее, то есть заполняли собой настоящее. Вот. Но это то что... то что мне так и не удалось внимательно так все это спокойно прочесть, понять. Очень беглая была.

Интервьюер : <...> А если бы ты снимала фильм о блокаде, то что бы это был за фильм?

Информант : Фильм был бы одновременно очень фантастический, намеренно сделанный как фантастика или полуфэнтези, ну понятно, не боевик, и очень обыденный. Вот благодаря фэнтези удалось бы передать ощущение вот этого растянутого времени. А благодаря тому, что все происходит очень обыденно, вот этот ужас, когда человек живет постоянно в таком состоянии, в каком они жили. И вот это, когда я с самого начала сказала, вот это, собственно, и есть жизнь, которую надо жить день за днем. Идти за хлебом, или, как моя соседка, тащиться там через весь город к пятикородной сестре в столовую, чтобы выскрести там остатки каши. Вот. Или еще что-нибудь. Или там дежурить с этими зажигалками, или ожидать, когда там при очередном обстреле что-то упадет, и вот когда человек привыкает к этому, когда это становится нормальным, по-моему, это ужаснее нету уже.

Интервьюер : Это точно.

Информант : Вот, наверное, этот фильм был бы такой.

Интервьюер : А как ты думаешь, надо ли вообще передавать память о блокаде?

Информант : Смотря как.

Интервьюер : И что нужно передавать о блокаде?

Информант : Дело в том, что чем дальше, тем сложнее передавать. Одно дело да вот, я почему начала с того, что на улице булыжник был. Он был и двадцать лет назад тоже. И за двадцать лет до моего рождения, и за двадцать пять, и за тридцать... Ничего не менялось. Но с какого-то момента все стало как-то резко меняться. Резко и одновременно незаметно. И люди, которые уже младше меня там лет на пять, на семь – они живут в другой среде. И в эту среду как имплантировать память о блокаде и образы блокады, если сама среда их отторгает. Если среда беспроблемная или с другими проблемами, я даже не представляю. Вот. Поэтому блокада, может, наверное, появляться как... в ходе... ну примерно так, как наша учительница литературы пыталась стресс, описание стресса, передать через мотив блокады. То есть когда что-то общее конкретизируется в этой теме, а не наоборот. А у нас как раз было наоборот. Мы шли от частного к общему. Видимо, вот для твоих ровесников частные проявления... блокада проявляется как частное проявление какого-то вот общего кошмара. А я вот вроде как на границе между старшим поколением и твоими ровесниками и дальше уже <...>.

Интервьюер : А вопрос: о чем, о чем нужно рассказывать о блокаде, если... вот какой материал, если так говорить?

Информант : Я думаю, что неизбежно, что материал должен опираться на... на тот опыт, который у людей есть здесь и сейчас. Ну ладно, вот выросли вы в другой среде. Сформировались в другой среде, но что-то же есть в обществе, что связывает людей каждые десять лет, допустим. И... вот только на основе общих каких-то черт и возможна трансляция воспоминаний. Потому что пока тебе трудно вообразить, что такое Разъезжая улица, вот опять таки любимый образ в последнее время, покрытая булыжником, да? Ну я его просто не так давно для себя восстановила картину эту в памяти. Ну просто одной детали не хватало, мне ее добавили, и вот образ времен? Не знаю, моих двух – трехлетнего возраста, образ восстановился окончательно. Улица, покрытая булыжником, невысокие дома (мне казались высокими, конечно), две машины на улице. Две. «Волга» и «Победа». Ну тебе такой город представить невозможно, мне-то сейчас его невозможно представить, потому что в таком далеком детстве

был. Но какие-то есть другие общие точки. Именно вот проживание в одной и той же среде, да?

Интервьюер : А какие сюжеты?

Информант : С ним вот как раз и должны быть связаны сюжеты. Может быть, сюжеты, связанные с какими-то константами, которые вот на протяжении, именно с рядовыми константами, средой обитания людей и семидесятилетних, и пятидесятилетних, и тридцатилетних, и дальше. С теми константами, которые остались неизменными. Внешний вид изменился, наверное, дома остались. Значит, одна – это сам город в каких-то отдельных частях. Особенно вот в тех, которые еще не реставрировались. Или тех, которые пытаются, ну... как сказать, сохраниться, консервировать. Или в старых уголках. Это вот, на мой взгляд, один сюжет. Другой – это... тема напряжения и постоянная тема войны. Это то, что связывает все поколения. Понятно, что сейчас война, да вот двухлетней, двухдневной давности, что до этого, что до этого. В ней как-то может все это проходить как-то. Да, даже войны изменились, но война – она всегда война. Может быть через это. Третья – это моя недавняя попытка, у ребенка в школе, действительно, там что-то такое блокадное мероприятие затеивали, а ей надо было какой-либо стих прочесть по этому поводу. Я не додумалась ничего умнее, как восьмилетнему ребенку прочесть какой-то стих Ахматовой. Говорю: что-нибудь поняла? – Ничего не поняла, но очень нравится. Раз нравится, значит, она это запомнит вот. Потом уже дальше начнет понимать, что за этим стоит. Вот. И четвертый круг сюжетов, наверное, связанный вот с антропологическими какими-то показателями. Ну вот вроде этого тиканья метронома, о котором мы говорили. Вот. Когда человек независимо от того, где он находится, реагирует на нервное тиканье из этих вот репродукторов, которые до сих пор где-то там висят по стенкам, в общем, у него одни и те же ассоциации, если он находится в Ленинграде. Заметь, не в Питере – в Ленинграде. То есть если в этот момент он осознает себя находящимся так. Поэтому да, переносы во времени невозможны. Это на обратный результат фактически, трансляция памяти – это успешность обратного желания во время. Представления себя в каком-то ином времени. Поэтому это должно охватывать, да, и среду, и антропологию, и сознание, вот вроде чтения Ахматовой.

Интервьюер : А есть ли какие-то вещи, которые... о которых лучше забыть или о которых лучше не говорить вот в контексте блокады?

Информант : Что значит, лучше забыть и не говорить? Конкретизируй.

Интервьюер: Просто в некоторых интервью встречается... даже не то что в интервью встречается, я иногда сталкиваюсь с определенной позицией, когда мы разговариваем. Притом что эта позиция была не только у самих блокадников, а у людей, которые родились уже после, у которых родители блокадники, эта тема все равно личная, они говорят, что вот... о каких-то... какие-то вещи я могу там услышать, но о которых я все равно никому не скажу, потому что мне кажется, вернее, кажется им, что это ну негуманно, или о том, что это... с этим соотносить блокаду было бы некорректно, скажем, по отношению к тем, к тем людям, которые там жили. Вот есть какие-то вещи, которые вот именно в этом отношении, которые... И нужно ли вообще как-то исключать эти вещи, или все-таки это, ну должна быть полная картина?

Информант : Просто многие вещи, особенно темы, которые там относятся к голоду, каннибализму, хождению по головам, то есть такие вот темы, которые граничат с «клюквой» либо мы получим доказательство, что это было, либо мы их зачисляем в мифы. А до тех пор они как бы висят в воздухе, и непонятно, что, что с ними делать. Да, они могли бы войти в общую картину блокады, но, видимо, с примечанием, что это может быть мифом. Или, а это может быть и правдой, но доказательства какие-то. Это одна сторона. То есть войти в картину может все, только с разным комментарием. Как бы. А другое какие-то вот случаи, когда люди не выдерживали или ломались, начинали там какие-то гадости делать. Естественно, это тоже

должно было войти в общую картину с оговоркой, видимо, с какой-то. Что... такие вот были условия. Вот так себя люди вели. Это, понятно, их не извиняет, но является просто показателем того что, в чем вообще вот город существовал. То есть ну просто, чтобы... внести какую-то дополнительную ясность.

Интервьюер : Рассказывали ли вы о блокаде своим детям?

Информант : Ну только сейчас рассказываю. Больше о войне. Но о войне, собственно, потому что у меня ребенок в возрасте как раз нежном с трех до четырех там с небольшим лет провел в довольно военизированной и идеологизированной стране, когда она сказала, что «возьму в руки автомат и всех врагов перестреляю!», года в четыре, я поняла, что надо рвать когти! Но было замечательно. Мы оттуда уезжали на День памяти солдат павших, который там праздновался с невероятным размахом.

Интервьюер : А где?

Информант : В Израиле.

Интервьюер : Серьезно?

Информант : А сюда мы приехали 9 мая, то есть получили то же самое ровно, только поскромнее: фейерверки, и народ не так бурно реагирует. Просто все нажрались и все. Такой в городе. Или гулять пошли на Дворцовую. То есть ну так, разница культур, в общем. Северная и южная. А поскольку понятно, что в идеологизированном государстве ребенку в три года в детском саду каждый день обязательно (причем там это делалось совершенно искренне, там люди очень искренние) рассказывали какие-то военные сюжеты, у них все этим пропитано, каждый сантиметр почвы. Даже самый нормальный человек, он рано или поздно не выдержит и начнет что-нибудь об этом говорить. Ну понятно, что темы войны возникали, но, для того чтобы сохранить все-таки какой-то культурный иммунитет некоторый и дистанцирование от местной идеологии, я ребенку пыталась вводить какие-то такие свои сюжеты. То есть ну, естественно, и война, и блокада, и тот город, в котором она родилась, чтобы она все время помнила. Потому что я не знала, останемся мы или уедем. И на тот случай, если мы там будем вынуждены остаться, чтобы она с детства помнила, что она родилась в таком городе, который вот... которому есть что вспомнить. Чтобы она была защищена от местных. От местных вот этих – военного ажиотажа. Что у нас была своя война. У нас была блокада, то-то и то-то.

Интервьюер : А ты долго жила в Израиле?

Информант : Да нет, не очень, примерно около года. Ну там просто день за три. Ну вот. Поскольку я туда попала случайно совершенно с ребенком подмышкой с сумкой на плече. Поэтому пришлось вот так ориентироваться без заранее составленного плана, понимать, где ты находишься.

Интервьюер : А по твоим наблюдениям, интересно, а вообще интересовались блокадой или возникала каким-то образом эта тема там?

Информант : Ну там так получилось, что дети там брошенные, по местным культурным условиям. Потому что в той культуре считается, что важно наплодить много детей и, значит, их накормить и временами одеть желательно, если уж совсем там холодно, плюс пятнадцать на улице, а остальное пускай они сами. Ну или государство. Если это школа, детский сад или еще чего-нибудь. А... соответственно дети хотят общаться со взрослыми. А взрослые не понимают, что дети хотят. И на весь этот микрорайон, видимо, я оказалась единственная ненормальная, которая соглашалась с ними общаться. Поэтому, понятно, что дети они всюду дети. Начинают рассказывать: а что у них в школе, а что у них в этой, вот ну как-то вот, в старшей группе детского сада, там где-то семилетние, не помню, как она уже называется...Ей же надо поделиться. А что в школе, что в детском саду – всюду военная история. И им точно так же начинала как-то пытаться это откорректировать, что их военная история, она не в одной

отдельной стране. Что у них своя, но вообще-то есть много разных. Вот например, потому что из Питера там не было ни одного ребенка в тот момент. Или были там какие-то из Москвы, были уже которые там родились, но говорили по-русски. Потом они каких-то еще негров с собой приволокли, караимов, я не знаю, кого там, толпа такая в конце была. Вот. Ну и вот в этих разговорах мне не нравится, когда что-то воспринимается как изолированное явление. Что-то, что было только у них. А вот не только у них. Что это вообще общее явление, а может оно проявляться еще и по-другому. Ну и, соответственно, я им пыталась что-то рассказать. Воспринимали они это просто на ура. То есть это был их опыт. Потому что там каждые десять лет война. Вот. И каждые два года раздают противогазы. Хронически. Поэтому дети просто в этом выросли, и им это понятно, им это знакомо вот. На что израильский ребенокотреагирует? Вот на самое ужасное. На то, что есть нечего. Потому что это люди, которые все время что-то жрут. Самое главная забота – это человека накормить обязательно, даже если не голоден. Так что, если нечего есть, это для них просто вот... это невероятно! То есть просто они это воспринимали как самое страшное. Наверное. А то что бомбы на голову сыплются, так они и так под этим живут. То есть это как раз было то общее, что нас связывало. Ну не нас, а мои воспоминания, да, или передача этих воспоминаний или образов там, или историй с их личным опытом. Ну, это как это могут воспринять дети там от шести где-то там – самые старшие там лет двенадцать и тринадцать. Вот. Это вот такие были разговоры смешные.

Интервьюер : Вообще интересный опыт.

Информант : Ну любопытный. Потому что очень... просто подача темы, официальная подача, она примерно одинаково проходила в обеих странах параллельно, вот. Но они вообще к нам очень близки по идеологии, именно вот к нам, к совку. Поэтому и форма подачи была такая же. Ну только более.... Как сказать, ответственно они к этому относились. Ну больше денег там потратили. Или исполнители более ответственны были, заинтересованы. Но тем не менее. Но, правда, вот у них темы неофициальной истории не возникало. То есть у них все, что есть, оно вот все разлито сверху донизу. У них более идеологизирована культура в этом смысле, ну и более равнодушна.

Интервьюер : А вот блокада уникальна для Ленинграда? Или в том плане, что...

Информант : В смысле для города? Или для чего?

Интервьюер : Для этого города.

Информант : Для этого города уникальна. Ну, например, вот недавно перечитывая воспоминания Бенвенуто Челлини «Моя жизнь», прости пожалуйста, 1560 год, он описывает осаду Рима в 529-м¹⁴⁷...

Интервьюер : Да, да, да.

Информант : Ну и чем это отличается? По сути? Ну разве что тем, что еду приносили в папский дворец десять жареных цыплят, а у нас – двух этим самым обкомовским деятелям. Наверное. Ну и что? Принцип тот же. Ну и когда народ там, когда он передает воспоминания о том, как народ охотился за кошками – такой же смысл, как женщины открыли ворота в конце концов.

Интервьюер : Да.

Информант : В этом смысле неуникальна. Во всяком случае, вот то, что я читала.

Интервьюер : Спасибо тебе большое. Вопросы у меня закончились

<...>.

¹⁴⁷ Бенвенуто Челлини (1500–1571) – итальянский скульптор, ювелир, писатель. В своих мемуарах «Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентинца, написанная им самим во Флоренции» Челлини описывает взятие Рима габсбургскими войсками в 1527 году (см. Челлини 1998).

Интервью с Владимиром

Интервьюер : Поехали. «Блокада Ленинграда в индивидуальной и коллективной памяти жителей города». 2003 год, 3 февраля, интервью с Владимиром¹⁴⁸. Ну, первый... первые несколько вопросов такого общего порядка. Да? Вот где ты родился? Когда ты родился? Расскажи о своей семье.

Информант : 20 октября 59-го года. В городе Ленинграде.

Интервьюер : А родственники? Расскажи немножко о своих родственниках. Да, и кто из них был во время блокады, жил здесь?

Инф .: Ну из ближайших мама, бабушка, тетя, дедушка покойный. Из ближайших родственников.

Интервьюер : То есть кругом... Большинство родственников блокадники?

Информант : Нет, ну были еще родственники, которые не были. Двоюродный дядя был здесь.

Интервьюер : Угу. Володя, а можешь ли ты вспомнить, когда ты, ну... время хотя бы приблизительно, когда ты впервые услышал о блокаде?

Информант : Ну, вообще, как бы устные предания от бабушки все доходили до меня, потому что она... Она была хороший рассказчик, и, когда я ее просил: бабушка, расскажи о чем-либо...

Интервьюер : То есть в детстве?

Информант : ...интересном, – то... Для нее самое интересное... ну она много о чем могла говорить, но, в частности, об этом.

Интервьюер : То есть еще до того, как ты пошел в школу, да?

Информант : Ну, пожалуй... пожалуй, нет, все-таки. Потому что... пожалуй, уже в школьном возрасте. Потому – что маленьким рассказывать? – они ничего не понимают.

Интервьюер : А это ты просил, чтобы тебе рассказали о блокаде, или это просто бабушка начинала об этом говорить?

Информант : Ну бабушка была такой... такой замечательный рассказчик, увлекающийся рассказчик, причем очень скромный. Она: «Ну что тебе рассказывать? – Нечего. Сиди, играй в свои игрушки там». Вот. Но если она сама вспоминала что-то ее интересующее, то можно было с открытым ртом слушать. Это был очень искусный... искусный художественный рассказ вот и... Этот рассказ, кстати, вот мне... Поэтому для меня понятно, что такое народная культура. И народное слово. То есть рассказ. Настолько он был высокохудожествен по-своему. Рассказ... о чем бы она ни рассказывала. Потому что я, например, рассказчик на порядок менее интересный.

Интервьюер : А ты помнишь то, о чем тебе рассказывали? Вот какие сюжеты?

Информант : Ну я помню, конечно. Я бы не хотел буквально все воспроизводить. Конечно, помню.

Интервьюер : А хотя бы некоторые сюжеты? О чем это были рассказы?

Информант : Ну вот самый короткий: воду рубишь топором, чтобы положить ее в кастрюльку, да? Ну и тому подобное.

Интервьюер : То есть о каких-то бытовых таких зарисовках?

¹⁴⁸ Информант родился в 1959 году в Ленинграде. В блокаду в Ленинграде жили его мать, сестра матери, бабушка и дед. Интервью проходило в ЕУ СПб 3 февраля 2003 года. Интервьюировала Т. Воронина.

Общая продолжительность интервью – 44 минуты. Архив Центра устной истории ЕУ СПб. Интервью № 0202006. Имя информанта изменено.

Информант : Ну о бытовых, конечно, знаю. Женщина, обременена семейством. Что она может? Абстракции, что ли?

Интервьюер : А как часто возникали эти разговоры?

Информант : Ну не знаю, наравне с другими. Потому что бабушка, например, у нее... Она работала на заводе, ее... например... Ведь известно, что в советско-финской кампании продолжала существовать линия Маннергейма¹⁴⁹. Да? Она была прорвана, частично брошена, продолжала существовать. Вот. И ее посылали на расчистку этой линии, что требовало больших сил. Это было очень интересно: линия Маннергейма, она рассказывала. Она там работала месяца два, просто рабочим прислали туда. Такие рассказы, не менее интересные. Она, вот видишь тут, могла рассказать о коллективизации. Ну о чем угодно. О дореволюционном житье-бытье. Очень было интересно, потому что его было трудно представить и вообразить, как же жили до революции, при «проклятом царизме», да?

Интервьюер : А вот сугубо рассказы о блокаде какое место... ну как часто о них заходил разговор?

Информант : Часто? Я думаю, это не самая любимая была тема для воспоминаний. Гораздо большее удовольствие доставляло рассказывать о старом житье до революции. О Волге, самое... о баржах, о магазинах, о Москве. О поездках там в уездный город, в губернский город. О женихах, о посиделках. О прядках, там песнях всяких разных. Ну о житье-бытье, которое, судя по всему, было очень, очень такое... как бы не затененное ничем. Никакими, так сказать, потрясениями. Цельное, не затененное, плюс молодость человека. То что я, скорее, идеализирую дореволюционную Россию. Даже, в общем, кажется, что... несмотря на то, что я историк, знаю какие-то факты реальные, мне кажется, что дореволюционная Россия это... очень хорошая пора.

Интервьюер : Ну да. А ты не помнишь, были ли какие-то школьные задания ну там...

Информант : Школьные задания?

Интервьюер : Ну посвященные... вопросам блокады?

Информант : Я думаю, что не было школьных заданий, были какие-то походы в Музей – в который я не ходил – блокады. И никогда, кстати, не был в этом музее.

Интервьюер : А почему?

Информант : А не довелось просто.

Интервьюер : То есть ты в принципе доверял тем рассказам, которые ты слышал?

Информант : Ну да, я доверял тем рассказам. Там эти картинки из журналов, где там маленький мальчик, вот ему холодно, он в ушанке, он таскает болванки снарядные, собирает автоматы снарядные и так далее. Очереди за хлебом. Все традиционные картинки нам все были показаны. Документальные, художественные фильмы все были увидены.

Интервьюер : А когда ты смотрел фильмы о блокаде... вообще-то, эти фильмы обсуждались в семье?

Информант : Ну дело в том, что семья – это не коллоквиум какой-то, где что-то обсуждается. Вот. (Пауза.)

Интервьюер : Ты говорил, что в семье несколько родственников, а кроме бабушки... несколько родственников, переживших блокаду, а кроме бабушки кто-нибудь еще рассказывал о блокаде?

¹⁴⁹ Линия Маннергейма – система финляндских укреплений на Карельском перешейке вдоль границы с СССР. Сооружена в 1927–1939 годах; ширина по фронту – 135 км, глубина – до 90 км. Названа в честь финляндского маршала Г. Маннергейма. Советские войска дважды прорывали «линию Маннергейма»: в советско-финляндскую войну (1939–1940) и в Великую Отечественную войну (1944), после чего все укрепления были разрушены.

Информант : Ну, пожалуй что... кроме нее, пожалуй что, никто не рассказывал, потому что мать была очень слабый рассказчик, вообще. И... она ни в какое сравнение не шла (*нрзб.*). (*Пауза.*)

Интервьюер : Кроме бабушки никто?

Информант : А?

Интервьюер : Кроме бабушки никто не говорил?

Информант : Да нет, в общем-то, не могу сказать, что меня это как-то очень интересовало особо. У меня это особо не подпитывало интерес к этим рассказам о блокаде, но, в частности, о блокаде тоже.

Интервьюер : А какие книги вот... Какие книги ты знаешь о блокаде? Какие ты читал?

Информант : Я могу сказать, что, как любой ленинградец, эта тема с детства нам знакома настолько, что какие-то дополнительные книги мне читать не хотелось. Отнюдь. Потому что отголоски всего этого, они... На каждом шагу можно было получать какую-то информацию, чуть не с молоком матери, если в этом городе живешь, да? Те же вывески там «сторона опасна», разговор, что этот умер в блокаду, тот не дожил там... Пискаревское кладбище там и так далее. Серафимовское. Все это известно, поэтому... как бы... Специального интереса у меня не было к этому.

Интервьюер : А говорили ли о блокаде в школе?

Информант : В школе, конечно, говорили. Вот. Но что говорили и как, я не очень помню. Потому что это тоже как-то... Пожалуй, помимо, так сказать... телевизор давал все-таки. Телевизор и кино давали, мне кажется, много информации. В школе ничего нового не говорили об этом. В школе просто... отмечались какие-то даты: снятия блокады – опять двадцать пять! – там соединились вокруг там Волховского и Ленинградского фронтов, вот они бегут по снегу, известные кадры. Обнимаются, да? С автоматами. Зима, да там. Это же известно всем. Эти кадры, призывы вспомнить, не забывать...

Интервьюер : А было ли что-то, о чем ты узнал только в школе? Ну, вот не из рассказов?

Информант : Не было. Не было.

Интервьюер : А не было такой практики написания сочинений на тему блокады?

Информант : Нет, такой практики не было.

Интервьюер : Не приходилось?

Информант : Нет.

Интервьюер : А как... Вот школьные мероприятия, помнишь, как они проходили? Там кто организовывал эти школьные мероприятия, посвященные блокаде?

Информант : Я думаю, что мероприятий специальных не было. Просто в рамках каких-то дежурных политинформаций все это давалось.

Интервьюер : А вот ты говорил, что со школой бывал во многих музеях, да? Ходил в музеи?

Информант : Мы? Со школой... я не знаю, ходил мой класс в этот музей или нет, но я точно там не был, в этом музее. И да, один раз я попал в этот музей уже взрослым человеком. Нужно было снять для буклета фасад этого музея. То есть я в него так и не попал. Там две пушечки у фасада стоят. Их нужно было снять для буклета о питерских музеях, фасад. Вот.

Интервьюер : А на Пискаревском мемориале, вот именно там, у... напротив памятников...

Информант : Ну памятники там очень такие простые. Ну я там бывал, да, как-то.

Интервьюер : Специально?

Информант : Специально я туда не ходил. Вот. Но специально туда ходил мой отчим покойный, которого там похоронены – неизвестно, где, но известно, что там – папа и мама. Он

туда ходил с цветами. В определенный день, в какой, я не помню. В какой он день туда ходил, но ходил регулярно как на могилу родителям.

Интервьюер : А ты не помнишь, в школу не приглашались блокадники, когда ты был еще учеником?

Информант : В школу... Была такая практика приглашать интересных людей. Из числа родителей, скажем. Но... вот у нас, например, блокадников не приглашали. Я помню, приглашали человека, довольно такой пожилой человек – особо поздний ребенок наш одноклассник – он воевал и брал Берлин. Участвовал во взятии Берлина. Человек был серьезный. Начал рассказ с того, что сказал такую вещь, которая была для нас совершенно неизвестна, что перед началом берлинской операции был приказ по армиям пленных не брать! Их не брали. Их расстреливали сразу, на месте. Потому что их некуда девать было. В уличных боях. С этого начался его рассказ. *(Смеется.)*

Интервьюер : Хорошее начало хорошей беседы.

Информант : Да. Интересный факт такой.

Интервьюер : Ну да.

Информант : То есть излишним гуманизмом не отличались наши войска.

Интервьюер : А вот какие-то мероприятия, связанные с отмечанием дат, то, о чем ты говорил, в школе... А ты не помнишь, каково было отношение в классе к этому?

Информант : Я тебе скажу вот что, что даты отмечались эти в организованном порядке. То есть вот... в день снятия блокады шли определенные фильмы с утра до вечера. Вот. Показывали ветеранов блокады. Фрагменты воспоминаний, все это наполняло целый день, телевизионный день. Поэтому никуда не деться было. Плюс передовицы газет, там «Ленинградская правда» там. У нас в семье выписывалась «Ленинградская правда», не знаю, почему. Вся «Ленинградская правда» была забита этим делом. Поскольку это были казенные мероприятия, мне никакого интереса не вызывалось к ним. Вот. Фильм «Блокада» там был такой. Чуть не трехсерийный, двух или четырехсерийный.

Интервьюер : Чаковского.

Информант : Еще там какие-то фильмы демонстрировались. К круглым датам это усугублялось... тянулось уже не на день, а там на неделю все это. Муссировалось.

Интервьюер : А в семье эти даты никак не....

Информант : Ну а как их отмечать? Никак не отмечали. Что человеку отмечать? Что такое отмечать дату?

Интервьюер : А как часто тема блокады... вспоминается, вот сейчас, в повседневной жизни?

Информант : Сейчас?

Интервьюер : Ну да.

Информант : Мне кажется, это стало фактом в истории все же. То есть... фактом истории, поскольку... для... и вообще, переживших блокаду осталось очень мало, вот и этот факт он по масштабу, допустим, ничуть не перевешивает какие-то другие факты. Вот. Которые были до и после. Например, смерть Сталина – факт примечательный. Все помнят, когда он... *(нрзб.)* Многие помнят 37-й год там. Ну и так далее, и так далее. Блокада. Сталинград. Так? Еще что-нибудь там. Встреча на Эльбе. Фактов много всяких примечательных. Вот.

Интервьюер : А о чем говорили дома, то, что нельзя было услышать в школе? То, что ты знал, но о чем...

Информант : Ну, во-первых, понятно, что в советское время все факты были очень причесаны. То есть речь шла о героизме и мужестве советского народа или ленинградцев, да? Вот. И какие-то негативные явления, которые сопутствуют всегда катастрофическим, таким

ситуациям, конечно, они, естественно, никак не подавались, да?

Интервьюер : Ты имеешь в виду каннибализм, мародерство, воровство?

Информант : Каннибализм, мародерство, воровство, да, спекуляция, произвол человека с ружьем, человека с пистолетом, да.

Интервьюер : А об этом тебе как-то специально рассказывала бабушка, или ты просто...

Информант : Об этом мне рассказывала тетя, которая... Она... она служила на аэродроме, служила ефрейтором или что-то подобное в службе аэродрома. С 42-го года, кажется, она пошла служить. Это давало ей, естественно, какое-то провиантское довольствие улучшенное. Вот. Тогда много служило женщин. Была просто гражданская служба, а была... она была в погонах. То есть она была военнообязанная. Точнее... она даже ветеран войны в связи с этим, что она погоны носила во время войны. И со своим аэродромом в дальнейшем, прошла там до Прибалтики и куда-то там дальше. Аэродром бомбардировщиков, кажется, он перемещался. Вот. И она рассказывала факт, который меня в свое время так немножко потряс. Вот, допустим, столовая летчиков-бомбардировщиков. Столовая. Самообслуживания в то время не было. Самообслуживание придумали при Хрущеве. Вот. А всегда в столовых подавали, накрывали официантки. Вот. Столовая летчиков, там в блокаду были официантки и подавали более-менее какую-то жаренку такую калорийную, потребную для летчиков, чтобы им поддерживать свои силы. Вот. Летчики эти летали бомбить Хельсинки, помимо военных объектов, там каких-то немецких, они регулярно... *(нрзб.)* Хельсинки, чтоб неповадно было. Вот. Это во-первых, а потом были аэродромы в блокадном городе, которые самые близкие были... до Хельсинки близко было лететь. Естественно, их сбивали в большом количестве. Вот и больше нескольких месяцев там ни один летчик не задерживался, он просто погибал. Пригоняли новых летчиков, так? Новые погибали. Еще новых. Самолеты, летчиков. Вот. Поэтому эти летчики... была страшная вольница. Они знали, что они рано или поздно погибнут – скорее рано, чем поздно. И вот например летчик в столовой. Подходит к нему официантка, накрывает. Он заявляет: «Сегодня ты будешь спать со мной». Она начинает что-то возмущенно там... говорит: «Что ты? Как же так?» – Достает ТТ и тут же ее пристреливает. Тут же при всех в столовой. Его не забирают никуда, этого летчика. Его не забирают в штрафбат, его не забирают никуда. К нему подходят: «Эй, ты что, совсем уже? Нервы шалят, что ли?» – то есть несколько строгих слов. Просто несколько строгих слов, и эту официантку уносят, а он доедает свое и идет дальше, завтра он улетает. Такая жизнь интересная. Вот он в силу того, что он летчик, он... хуже ничего не придумаешь. Вот. У этих летчиков была такая традиция. Так как наверху холодно там, в стратосфере, где они летят в своих бомбардировщиках, да? На высоте восемь там или десять тысяч километров, не досягаемо для зениток, да, при полете к Хельсинки? Вот. Их одевали в унты, в овечьи перчатки, в тулупы, в кожаные... В кожаные на овчине шлемофоны. Вот. Это довольно дорого стоило, видимо, но необходимо было людей обеспечить. У них была такая традиция. Значит, когда экипаж не возвращается из полета, то все, что осталось от экипажа, делят товарищи по общежитию. Поэтому эти унты, перчатки и прочее приходилось завозить помногу. И в один прекрасный день решили наладить учет и пресечь эту традицию. Вот. И так моя мама оказалась там. Начала девятнадцатого, или сколько ей там было лет, пошла туда работать учетчицей на этот аэродром и учитывать эти унты, давать их под расписку. И требовать отчетности. Но она была как бы гражданская служба, называли. Ну вот. Вот такие факты, конечно, они... их было не узнать из официальных там каких-то фильмов, нет.

Интервьюер : А еще что-то, что ты знал, но чем ты не мог поделиться в классе, или знал, что об этом не расскажут на уроке в контексте рассказа о блокаде?

Информант : Ну я не думаю, что я... Нет, такого не было, но я, вообще, ни с кем не

стремился чем-то делиться. Обязательно с кем-то делиться? Не знаю...

Интервьюер : А как ты думаешь, В., знаешь ли ты о блокаде достаточно или там мало, или много?

Информант : Я думаю, что я знаю мало, на самом деле. Ну достаточно, может быть. Вот интересный факт уже во время перестройки. Оказывается, немецких офицеров, которые были задержаны, которые отдавали приказы о бомбарди... об обстреле мирного города, по сути, да, они были задержаны, некоторые из них. Их судили, приговорили к повешению. Это повешение состоялось на площади у... около этого, кино «Гигант», «Гигантхолл»¹⁵⁰. И вот в 90-е годы показали кадры хроники. Площадь выглядела очень скромно, деревянные дома, то есть этих сталинских, которые сейчас там стоят, ампириных, еще не было. И как вешают. Показали эту виселицу. Четверо, по-моему, их было. Поставили на борт грузовика открытого. Вот. Толпа народу огромная. Грузовик отъехал, они повисли. Вот такие кадры... такого не показывали в советское время. Вот. Ну это так, немножко. Предполагалось, что вешают только нехорошие люди, оккупанты там ну это уже 46-й год там, или что.

Интервьюер : А как ты считаешь, стал ли ты знать больше о блокаде в последние годы, когда об этом стали, ну, больше говорить? То есть узнаешь ли ты что-то новое?

Информант : Что-то узнается, может быть... новое. Ну как всегда бывает. Сейчас так устроено телевидение, что стараются рассказать о чем-то таком, что не знали раньше. Вот. Ну вот тебе факты, вот недавно в передачах, что город был заминирован, я этого не знал, что он был заминирован. Ну...

Интервьюер : А вообще, ты смотришь вот специально? Включаешь телевизор или берешь программу и видишь, что там что-то вот о блокаде?

Информант : Ну, если тема интересная, скажем, о минировании города или... и вот этот фильм был очень, довольно интересный о... об НКВД был фильм. Вот. Фильм был посвящен НКВД во время блокады. И отмечалось, что НКВД питерское работало очень достойно, ни одна диверсионная группа немецкая, в общем, не достигла ни одного результата. Все они были... или обезврежены, или просто в таком положении находились, что ничто не могли сделать. Все усилия немцев... заслуга НКВД, оказывается. С чем это НКВД сталкивалось. В частности, каннибализмом и так далее, и так далее. Ну думаю, что очень многие бумаги в архивах... Ведь архивы, насколько я знаю, многие архивные бумаги, они ведь под грифом «секретно» были. Связаны, казалось бы, с чем? Вот, допустим, я работал в архиве, такой есть архив, сейчас он называется... раньше он назывался архив Октябрьской революции и социалистического строительства.

Интервьюер : На Варфоломеевской, да?

Информант : Да, а сейчас он называется архив...

Интервьюер : ЦГА СПб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга.

Информант : Вот. И там есть... был очень большой фонд, который там хранился, фонд партизанского движения. По Ленобласти. Что в этом может быть такого? Он был засекречен. Потому что там были факты, которые отнюдь... отнюдь не стоило их выносить как мусор из избы. Такие факты. Там были, видимо, заседания судов там и протоколы расстрелов, и показания там всякие разные, которые уже... волосы могут зашевелиться на голове. То есть партизанское движение – это вещь такая темная. И его всегда приглаживают, всегда приглаживали, причесывали вот и... Но сейчас вот рассекретили архивы тогда, когда это стало

¹⁵⁰ Письменных источников о казни в Ленинграде немецких офицеров нам, к сожалению, найти не удалось. Однако об этом событии неоднократно вспоминали опрошенные нами блокадники.

не шибко интересно. Если бы это было тридцать лет назад... пожалуйста, сейчас можно там работать, узнавать что-то, но кто это будет читать? Так?

Интервьюер : Сложно сказать. Блокадой-то сейчас многие интересуются.

Информант : Да не очень-то. Многие интересуются блокадой? Нет, не думаю, что многие интересуются блокадой. Если блокада, например... Блокада, в отличие от партизанского движения она даже более известна.

Интервьюер : А благодаря чему?

Информант : Ну благодаря чему? Ну а что благодаря чему? Благодаря всему. Потому что в блокаде было меньше темных сторон, все-таки, которых нужно было скрывать. Они были вот, но было меньше. Вот.

Интервьюер : Володя, а как ты считаешь, а кого... кого можно называть блокадником, а кого нельзя называть блокадником? Такой провокационный вопрос.

Информант : Ну я думаю, что всех, кто здесь жил, называть блокадниками можно. Кому повезло больше, кому меньше. Вот. Все, кто выжил, они и есть блокадники. Вот. Говорят, что верхушка города питалась очень неплохо в эти годы. Даже выбрасывали булку недоеденную в мусор. Булку, да, не хлеб, а булку.

Интервьюер : Это свидетельство от каких-то твоих...

Информант : Это академик Лихачев покойный рассказывал, когда его послали в Смольный по какому-то делу, а он работал в институте литературы, да? И он поплелся в Смольный. Дело было какое-то серьезное там, что-то связанное там... ну то есть рукописи, ну какое-то такое, можно сказать, государственное дело там. Какие-то документы он понес туда в блокаду. Поплелся туда зимой голодный и холодный. Когда он проделал эти... все эти допуски и вошел в то здание, и стал по зданию искать то, что ему нужно, он почувствовал носом голодного человека запах пищи, которую... Он туда пошел и увидел, там столовая, и там едят макароны по-флотски. И он обезумел просто, когда это увидел, когда вошел, он, естественно, что он мог сделать? И когда он вошел в кабинет, там его встретили вот так, только что пообедав, посмотрели на этого доходягу, ему никто не предложил даже столовую ложку этих макарон. Отправили обратно на улицу. И он вышел с такой обидой... такого (*нрзб.*), такого, он сказал, гадкого чувство по отношению к этим, власть предержащим, никогда не испытывал. То есть... на всю жизнь запомнил это дело, запах этих макарон по-флотски.

Интервьюер : Володя, а как ты думаешь, а каково вообще значение блокады для Ленинграда?

Информант : Для Ленинграда значение блокады? Ну... двойное значение. Во-первых, конечно, город стал после войны другим, потому что он пополнился из приезжих, тех коренных, так называемых, хотя это выражение не очень корректное, «коренные ленинградцы», кто коренные? Кто приехал сюда в восемнадцать лет? В пять лет? Или родители его приехали? Что такое «коренные»? Или несколько поколений? Или с XVIII века живут? Что такое «коренные»? Вот. Но... традиции столичного города, эта традиция – вещь такая, интересная. Например, бабушка рассказывала, что в Москве до революции, допустим, в нормальные годы, мирные, дореволюционные, простые люди, допустим, идут по Тверской, и никто не ест ни пирожок, ни яблоко. Есть на людях, что-то грызть, есть на людях, считалось неприличным. Сейчас это абсолютно привычно и прилично считается. Сменяются нравы. Нравы другие были. Да? Так вот носители этих нравов столичного города, высококультурного города, конечно, их осталось меньше. Так? Город был заселен, может быть, людьми, можно сказать, менее культурными в массе, в целом. Вот. Ну это общеизвестно. Вот. Интеллигенция понесла урон большой. Вот. То есть это негативное такое влияние. Ну как еще, если миллионы человек погибли, да? А позитивное влияние – то что все таки вот это... смерть, которая окружала, она, в

общем, подействовала на людей, наверное, благотворно в целом.

Интервьюер : А что ты имеешь в виду?

Информант : Ну то что люди стали более серьезны в своих поступках и вообще в своем подходе. Интересно, когда человек переживает что-то подобное клинической смерти, допустим, да, или ему ставят диагноз – рак, а он не подтверждается, жизнь некоторых людей меняется на 180 градусов. Переосмысливают свою жизнь. Верно? Об этом сняты фильмы, написаны романы, повести, так же было и здесь. Человек попадает в ситуацию, когда шагает через трупы, да, голодает, он умирает с голоду, если умирают его близкие, то это... вот. Человек знает цену смерти и страданий. Это накладывает отпечаток на его жизнь. Уже не столь легкомысленен. Вот. Хотя есть такие люди, которых ничем не прошибешь. Как известно.

Интервьюер : Это точно.

Информант : Вот.

Интервьюер : Володя, а как ты считаешь, а нужно ли передавать память о блокаде?

Информант : Нужно передавать. Вообще, человечество передает память о страданиях собственных. То есть это отдельная... Есть много памяти там о разных предметах вообще в памяти человечества. Но память о пережитых страданиях... злодействах, страданиях – это особая память такая. Вот. И она всегда очень назидательно действует, благотворно, потому что человек, как бы он ни был в данном... в данную эпоху, данный день и час, как бы он... ни складывалась удачно у него судьба, он должен помнить о смерти. И о бедствиях вот. На этом основано религиозное воспитание, как известно. Помни о смерти и знай, что твой смертный час может быть следующим часом в твоей жизни. Страдания Христа. То есть это все... То есть, в принципе, память блокады, она в известном смысле заменила ту религию, которую стерли. Частично стерли. То есть... то, что называется Страсти. Вот. Страсти. Когда все сопереживают мукам Христа и мукам человечества вместе с Христом, Пасху. Все эти религиозные идеи, которые были так или... исключены из обихода, или так хорошенько постерты, блокада ведь их компенсировала, эти идеи. Вот. И человек может быть религиозным, не зная, что такое Бог, не пользуясь этим понятием. Вот. Но когда люди видели эти... по телевидению эти фильмы, вспоминали и плакали там, сострадав погибшим там, ну это чисто религиозно-человеческое. Так же они убивались о Христе, который положил за них свою жизнь. Так же он... так сказать, еще раз напоминал им о том, что они живут благодаря тем, кто погибли. Вот.

Интервьюер : Володя, а как ты считаешь, а как и что следует передавать о блокаде?

Информант : О блокаде следует передавать... ну все то, что передается, то и следует передавать. Не знаю.

Интервьюер : Но о блокаде говорят по-разному?

Информант : Ну мне кажется... То, что передается, ведь это все интуитивно и правильно передается.

Интервьюер : А кто этим должен заниматься?

Информант : Ну, к великому сожалению, когда... одно дело, когда ты имеешь... когда ты смотришь кадры кинохроники, уже исторической, черно-белой хроники, другое дело, когда... ты слушаешь, может быть, чьи-то рассказы живого человека. Рассказы, когда роют могилы (нрзб .) летом, да? Ну что-нибудь такое, да? При этом плачет сам, потому что не может больше об этом рассказывать. То есть эмоциональный контакт... я не знаю. Вообще, все это правильно. Все это... Должны, должны об этом рассказывать и еще больше, чем сейчас рассказывают. Только заставить никого нельзя рассказать, потому что телевидение – коммерческая организация. Коммерческая структура. Вот.

Интервьюер : А как ты думаешь... а как ты относишься вот ну к официальным празднованиям блокадных дат: 8 сентября, или день прорыва, или день снятия?

Информант : Ну официальные? Ну как... они уже не столь официальные, как они раньше бывали. Ну как? Хорошо отношусь, нормально. Было бы странно, чтоб не вспоминали эти даты. Вот. Но когда-нибудь их перестанут вспоминать, как перестали вспоминать 5 января¹⁵¹, да, расстрел на...? Перестали вспоминать. По понятным причинам – потому что все было не совсем так, как нам докладывали. Вот. Известно, что... что это было стечение обстоятельств неблагоприятных, что были выданы очень щедрые компенсации семьям, потерявшим... (Пауза.)

Интервьюер : Ну понятно...

Информант : Вот, кстати, вот еще что интересно, мне кажутся рассказы о всеобщей бедности населения. Они тоже могут иметь смысл. Допустим, известно, что какие-то товары народного употребления вообще так стали доступны только при Хрущеве. Вплоть до 50-х годов купить сковородку или кастрюльку невозможно было. Была страшная ценность. Пальто перелицовывались, детская одежда шилась вручную, так? И люди жили, ничего, не умирали.

Интервьюер : А ты рассказываешь своим детям о блокаде?

Информант : Ну я никому не навязываю ничего этого. Вообще, если возникает у кого-то интерес, то мне это... вообще, к чему-то... Возникает у моей дочки старшей интерес, то я этим пользуюсь, тогда стараюсь что-то рассказать. Если к чему-то интерес возникает. В частности, может, и об этом, я уже не помню.

Интервьюер : Ну а твои дети знают, да, о том, что там твоя бабушка... была блокадница?

Информант : Знают, да. Да. Не знаю, дело в том, что, наверное, детское воображение-то более способно так... заинтриговать и... Потому что оно, детское воображение, оно такое... чувствительное. А у взрослого человека уже там... надо быть великим романистом, еще в добавок. Или великим рассказчиком. Таким, как классики нашей литературы. У нас, слава богу... О блокаде у нас, кстати, не было написано гениального романа, были хорошие повести там, но гениального не было. Вот. То есть я... такие, наиболее путные писатели русские, они вот не пережили блокаду. Распутин там, Астафьев, Белов там. Они не пережили блокаду, поэтому они написали хорошо о войне. Конечно. Но не о блокаде, нет. Вот в этом, кстати, есть момент такой... затронула эту тему, что... Наверное, такой роман не будет написан, даже уже. Потому что не будет, с одной стороны, великого писателя, одновременно очевидца, а то что написано, мне кажется, все это второй руки авторы, не первой.

Интервьюер : А «Блокадная книга» Гранина и Адамовича, основанная на воспоминаниях?

Информант : Я не читал, я не думаю, что это хорошая книга. Почему-то. Ну так как, например, рассказы... «Севастопольские рассказы» Толстого, да? Что еще можно прочитать, чтобы понять севастопольскую... да? Оборону Севастополя. Нужно, чтобы что-то подобное было написано о блокаде таким же гением. Ну чего, конец интервью?

Интервьюер : Да. (Конец записи.)

II

Человек и блокада

Виктория Календарова
«Расскажите мне о своей жизни»

¹⁵¹ Оговорка, информант имел в виду 9 января 1905 года.

Сбор коллекции биографических интервью со свидетелями блокады и проблема вербального выражения травматического опыта

В первой части статьи будут рассмотрены вопросы, касающиеся методики, использованной группой исследователей Европейского университета в Санкт-Петербурге в ходе работы над проектами «Блоkada в судьбах и памяти ленинградцев» и «Блоkada Ленинграда в индивидуальной и коллективной памяти жителей города». Я остановлюсь на основных принципах отбора информантов и выборе методики интервьюирования (связанном с целями и задачами проводимого исследования), на тех изменениях, которые мы внесли в поставленные перед нами задачи в ходе работы над проектами. Кроме того, будут описаны ситуации и сценарии проведения интервью, принципы транскрибирования (письменной расшифровки полученных аудиозаписей) и хранения коллекции устных воспоминаний в архиве Центра устной истории ЕУ СПб.

Вторая часть статьи будет посвящена анализу особенностей передачи травматического опыта в биографическом интервью, которые будут рассмотрены на примере двух рассказов-воспоминаний свидетелей блокады. В первом интервью трагический опыт последовательно исключается респондентом из биографической конструкции¹. Другое интервью представляет собой характерный пример реализованной возможности вербальной передачи опыта, связанного со смещением этических норм в предельно экстремальных условиях, в рассказе, близком к исповедальному.

Цели и задачи проекта, принципы отбора информантов

Исследовательский проект Центра устной истории, носивший название «Блоkada в судьбах и памяти ленинградцев» (2001–2002), в ходе работы над которым было положено начало коллекции устных воспоминаний свидетелей блокады, изначально ставил одной из основных целей проследить, как пережившие блокаду ленинградцы вписывают опыт военных лет в свои автобиографии. Иными словами, какое место они уделяют блокадным воспоминаниям, рассказывая свою «историю жизни». Другой целью проекта был анализ конструирования непосредственно самого рассказа о блокаде в контексте биографического интервью. В этой связи для нас были особенно важны присутствовавшие в рассказах сюжеты, символы, референции, коннотации, отсылающие, с одной стороны, к официальному дискурсу, с другой – к личному опыту наших собеседников. Начиная работу над проектом, мы ставили перед собой задачу собрать как можно более отличающиеся друг от друга рассказы о блокадном прошлом. При этом мы ожидали, что на одном полюсе окажутся воспоминания, приближенные к официальному дискурсу (которые мы предполагали услышать в интервью с руководителями и активистами различных организаций и объединений людей, переживших блокаду). Одновременно мы хотели зафиксировать и воспоминания, апеллирующие преимущественно или исключительно к личному опыту (гипотетически такие рассказы мы ожидали услышать в интервью с представителями маргинальных для советской эпохи сообществ, которые могли, как мы предполагали, оказаться носителями «альтернативной памяти»²). Таким образом, мы стремились обеспечить принцип «предельного насыщения», зафиксировав и проанализировав самые различные способы конструирования воспоминаний о прошлом свидетелями блокады.

Поставленная задача обусловила выбор путей поиска информантов. На первом этапе работы мы использовали институциональный путь – сотрудничество с несколькими

общественными организациями и объединениями блокадников. Три из них имеют непосредственное отношение к блокадной тематике: нами были проинтервьюированы члены правлений и активисты общества «Юные участники обороны Ленинграда» (девять человек), Новгородского отделения Международной ассоциации жителей блокадного Ленинграда (восемь человек), секции блокадников Санкт-Петербургского Дома ученых (шесть человек). Таким образом, активисты блокадных обществ составили *первую группу* интервьюируемых.

В качестве *второй группы* информантов – представителей маргинального сообщества – мы интервьюировали членов общины евангельских христиан-баптистов. Проведение большинства интервью с представителями этой общины взяла себя сотрудничавшая с проектом выпускница ЕУ СПб., директор архива церкви евангельских христиан-баптистов Т. К. Никольская.

В *третьей группе* мы объединили информантов, для поиска которых нами был использован метод «снежного кома»: мы интервьюировали родственников и знакомых участников проекта, сотрудников и аспирантов ЕУ СПб. Постепенно круг информантов рос благодаря рекомендациям наших первых собеседников. Эта группа выделяется нами исключительно по формальному признаку – способу поиска информантов; при этом их воспоминания могли оказаться совершенно различными – от официозных до маргинальных. В основном эту группу составили люди, не состоящие в объединениях блокадников, или те, чье членство в них является лишь формальным. Формальность членства в данном случае понималась нами как неучастие в организационной деятельности и выработке коллективных стратегий этих обществ. Информанты, отнесенные нами к данной категории, как очевидно из содержания интервью с ними, ограничивали свою включенность в деятельность блокадных обществ присутствием на праздничных концертах и торжественных мероприятиях, организуемых этими обществами, и (или) уплатой членских взносов. Некоторые из информантов, отнесенных нами к этой группе по формальному признаку, оказались заняты активной деятельностью в различных политических или религиозных организациях, не связанных непосредственно с темой блокады, что, несомненно, оказывало определяющее влияние на биографический рассказ.

Принцип «предельного насыщения» мы пытались обеспечить также и тем, что среди интервьюируемых внутри каждой из трех групп были люди разного возраста (младшему из информантов на момент начала блокады исполнилось 3 года, старшему – 33 года), разного уровня образования, различных профессий, социального происхождения, политических и религиозных убеждений, разного пола; находившиеся все время блокады и эвакуированные в различные периоды. Те, кто пережил блокаду непосредственно в самом городе, и те, кто служил на Ленинградском фронте и лишь иногда приезжал в блокированный Ленинград. Несколько интервью были взяты у людей, уехавших в эвакуацию еще до начала блокады и поддерживавших переписку с родственниками, оставшимися в городе.

В то же время мы не стремились к обязательному обеспечению статистической репрезентативности выборки, разделяя убеждение сторонников «биографического подхода» в социологических исследованиях, считающих оправданным для достижения определенных задач даже обращение к одной биографии: «Обращение к тексту единичной биографии может показаться или оказаться попыткой иллюстрации отдельных типовых примеров адаптации в новом социальном времени. Но биография как феномен способна дать и пространство поиска происхождения типа поведения. Причем, чем менее распространен тот или иной тип, тем он интереснее, поскольку это симптом социального изменения» (Мещеркина 2002: 87). В теоретическом контексте биографического метода, широко используемого социологами и представителями ряда других социальных наук, исследователи в некоторых случаях могут

особенно интересовать маргинальные свидетельства, расширяющие спектр всех допустимых в рассказе о блокаде сюжетов, практик, стратегий, символов и трактовок. В других же случаях, например при изучении феномена коллективной памяти, не меньший интерес представляют интервью с представителями общественных организаций блокадников, которые, конструируя автобиографическое повествование, максимально используют официальный дискурс³. Поэтому мы предполагали, что на стадии анализа выбор используемого текста или текстов интервью в каждом конкретном случае как для нас, так и для других исследователей, обращающихся к собранной нами коллекции, будет зависеть от постановки исследовательских задач.

Всего за два года работы проекта было записано 78 интервью со свидетелями блокады.

Большинство блокадников, которым было предложено участвовать в интервью, охотно выражали свое согласие. Мы получили всего около пятнадцати отказов, часть из которых были даны сразу, часть – после некоторого раздумья несостоявшихся информантов. В ряде случаев отказ мотивировался нежеланием возвращаться к тяжелым воспоминаниям, иногда блокадники никак не мотивировали свой отказ от участия в интервьюировании.

В рамках проекта мы провели также серию интервью с теми, кто не были непосредственными свидетелями блокады, но чьи родители пережили блокадные события в Ленинграде. Эти информанты, условно названные нами «вторым поколением», составили *четвертую группу* опрошенных. Всего было записано одиннадцать таких интервью, в которых нас интересовали в первую очередь каналы передачи «блокадной памяти» внутри и вне ленинградской семьи, а также способы трансляции памяти, используемые носителями блокадного опыта.

Методика интервьюирования и корректировка целей исследования

В начале работы над проектом нами был разработан путеводитель, по которому было проведено несколько пилотных полуструктурированных⁴ биографических интервью. Однако постепенно мы пришли к выводу, что целям нашего исследования наиболее соответствует методика «нарративного интервью», подробно разработанная немецкими социологами Фрицем Шютце и Габриэль Розенталь (Schütze 1983; Schütze 1977; Rosenthal 1995; Розенталь 2003). Один из основных принципов этой методики заключается в том, что в первой фазе интервью, так называемом «основном повествовании», интервьюер не задает респонденту никаких вопросов. Респондента лишь просят рассказать историю своей жизни: «Задавая первый вводный вопрос, мы просили рассказчиков автобиографий – так называемых биографов – экспромтом дать полное описание событий и пережитого опыта собственной жизни» (Розенталь 2003: 323). В ходе этой фазы интервью, следуя методике Г. Розенталь и Ф. Шютце, мы обычно старались избегать даже последовательных вопросов⁵, используя для стимулирования рассказа только невербальные и паралингвистические способы выражения интереса и внимания.

Убедившись на собственном опыте в том, что любое прерывание ломает структуру «авторского» рассказа (будь то даже просьба уточнить имя, название, местонахождение чего-либо, о чем идет речь в данный момент), мы пришли к выводу, что обмен коммуникативными ролями в ходе интервью предпочтительно должен происходить или после паузы, или после вербализованного сигнала информанта об окончании рассказа. Например: «Ну вот, собственно, и все». При этом необходимо стараться отличать паузу, действительно свидетельствующую об окончании рассказа, от перерывов в повествовании, часто необходимых информанту, например, для припоминания деталей или обдумывания наилучшего способа выражения мысли. Хотя мы отдаем себе отчет в интерактивной природе любой ситуации интервью: «Совершенно свободного непринужденного общения не существует вообще, всякий

раз говорящий учитывает социальный контроль со стороны участников взаимодействия и, соответственно, приспосабливает свою речь к условиям конкретной ситуации общения. Реакция на исследователя с магнитофоном – лишь частный случай такой адаптации» (Макаров 2003: 104), – все-таки, отказываясь от прямого вмешательства в рассказ информанта на первом этапе, мы пытались свести до возможного минимума влияние интервьюера на конструирование биографического повествования, анализ которого и являлся непосредственной целью исследования. Вслед за «основным повествованием», также согласно методике Ф. Шютце и Г. Розенталь, обычно следовала фаза «нарративных вопросов»⁶; в конце интервью обычно задавались вопросы оценочного характера и дополнительные вопросы из путеводаителя.

Однако, как показала практика работы, собираемый материал лишь в редких случаях позволял достичь первую цель исследования из заявленных (проследить, как блокадный опыт вписывается в автобиографическую конструкцию информанта) – даже при использовании метода «нарративного интервью». Основная трудность состояла в том, что наши собеседники еще до начала интервью знали: интерес исследователей к истории их жизни обусловлен наличием в их опыте именно блокадного прошлого. Поэтому чаще всего в ходе рассказа актуализированным для них оказывался почти исключительно блокадный опыт. Сконцентрировавшись на рассказе о блокадном прошлом, информанты очень часто опускали рассказ о семье и детстве. Во многих случаях фаза «основного повествования» обрывалась с окончанием блокады или войны, что, как нам представляется, объяснялось желанием информантов соответствовать предполагаемым ожиданиям исследователей. Подобное интервью можно было расценивать скорее не как «полную историю жизни» (life-story), а лишь как «тематическую историю», рассказ о блокадной жизни. Стимулировать дальнейшее повествование в таком случае могли только вопросы интервьюеров. Подобная схема обычно «работала» даже при условии изначальной декларации интереса исследователя ко всему жизненному пути информанта. Однако у информанта все равно сохранялось убеждение, что основной мотив обращения исследователя к его биографии – блокадное прошлое. Поэтому мы можем делать вывод о том, что именно опыт блокады занимает центральное место в его автобиографической конструкции. Такое объяснение часто напрашивается, когда мы обращаемся к анализу структуры рассказа. Можно сказать, что значительная часть записанных интервью все же не являются нарративными биографическими интервью в точном смысле этого понятия, более соответствуя категории полуструктурированных биографических интервью. Иначе говоря, нарративными эти интервью являются только в части, касающейся блокадного опыта.

Поэтому новый проект Центра устной истории ЕУ СПб (2002–2003), предусматривавший работы по собиранию коллекции интервью с блокадниками, получил несколько иное название – «Блокада Ленинграда в индивидуальной и коллективной памяти жителей города». В этом проекте, учитывая полученный в ходе предыдущей работы опыт, мы перенесли акцент исследования с места блокадного опыта в биографических рассказах блокадников на те способы, с помощью которых люди, пережившие блокаду, репрезентируют свое блокадное прошлое. При этом мы сохранили в качестве одного из исследовательских вопросов проблему влияния официального дискурса и личного опыта на биографическую конструкцию свидетелей блокады.

Нужно отметить также, что в некоторых случаях информанты отказывались самостоятельно вести повествование без вопросов интервьюера. В такой ситуации мы проводили полуструктурированное биографическое интервью с использованием путеводаителя (см. Приложение 2). Объяснить отказ от свободного повествования иногда можно было стеснительностью информанта в необычной ситуации – в этом случае обычно информант

постепенно привыкал к включенному диктофону и говорил более свободно. В других случаях информант сознательно выбирал коммуникативную стратегию. Тогда вопросы интервьюера служили для него своеобразной «точкой отталкивания», моментом, с которого он начинал высказывать свои возражения, оспаривая подчас не столько конкретный вопрос интервьюера, сколько тот дискурс, всю ту совокупность взглядов, мнений и соответствующих им образов и риторических стратегий, которые, с его точки зрения, заключал в себе данный вопрос. Использование такой стратегии оказалось наиболее характерным для информантов, обладающих «альтернативной памятью». В интервью со «вторым поколением» – детьми блокадников – использовалась методика лейтмотивного (тематического) интервью по разработанному путеводителю (см. Приложение 2).

Ситуация интервью

Обычно мы предлагали будущим информантам самим сделать выбор места, где будет проводиться интервью: оно могло проходить как у них дома, так и в офисе Центра устной истории ЕУ СПб. Чаще всего мы делали акцент на первом варианте, предполагая, что таким образом мы доставим нашим собеседникам как можно меньше хлопот, что они будут более уверенно чувствовать себя в знакомой обстановке, а также в случае необходимости смогут свободно воспользоваться документальными материалами, хранящимися в их домашнем архиве. Большинство информантов выбрали местом проведения интервью свой дом, тем более что некоторые из них не имели возможности выходить из дома по состоянию здоровья. Однако в ряде случаев информанты выбрали вариант проведения интервью в офисе Центра устной истории. Иногда этот выбор мотивировался отсутствием дома подходящих условий для спокойной записи интервью, иногда трудностью добраться до информанта, живущего в пригороде. Весьма вероятно, что некоторым из наших собеседников казалось более интересным дать интервью в «официальном» месте, расширив тем самым свое представление об организации, заинтересованной в сотрудничестве с ними. В подобных случаях мы не возражали против желания информанта самому приехать в наш офис. В нескольких исключительных случаях, когда мы имели дело с блокадниками, занятыми активной профессиональной или общественной деятельностью, испытывавшими трудности с выбором свободного времени для записи интервью, беседа проводилась по месту работы информантов.

Сценарий проведения интервью также варьировался: чаще всего это была многочасовая беседа, продолжавшаяся и после выключения диктофона за чашкой чая⁷, состоявшая порой из нескольких встреч. Иногда сотрудничество ограничивалось единственным разговором за столом в офисе Центра устной истории. Перед началом интервью мы предлагали информантам ознакомиться с текстом договора, который подтверждал согласие информантов передать на хранение в архив Центра устной истории аудиозаписи интервью с последующим использованием его в научных и учебных целях. Подписание договора происходило обычно сразу после завершения аудиозаписи (образец договора см. в Приложении 2). Договор предусматривал возможность ввести те или иные ограничения по использованию интервью. Случаев отказа от подписания договора в ходе работы проекта не было, в качестве ограничений иногда указывалось анонимное хранение (один случай), исключение отдельных эпизодов рассказа при публикации или цитировании и тому подобное. В подавляющем большинстве договоров информанты не заполнили графу ограничений.

Условия записи, архивирования и транскрибирования интервью

Запись интервью производилась на цифровой мини-дисковый рекордер. Аудиозаписи интервью, перенесенные на CD-R, в настоящее время хранятся в архиве Центра устной истории ЕУ СПб, там же хранятся расшифровки аудиозаписей интервью в электронном и распечатанном виде.

Современные исследователи используют множество способов транскрибирования текстов интервью. Насколько подробно при этом фиксируются различные вербальные и невербальные компоненты взаимодействия информанта и интервьюера, зависит от целей исследования и соответственно от избранных единиц анализа⁸. Для целей нашего исследования было достаточно использования дословной транскрипции (с фиксацией оговорок, вводных слов, незаконченных фраз и слов). Мы фиксировали также вокализованные и невокализованные паузы (длительность паузы указывалась приблизительно: многоточие для короткой паузы, «пауза» или «продолжительная пауза» для более долгих). Фиксировались также некоторые невербальные компоненты взаимодействия («смеется», «усмехается», «плачет», «достаёт фотоальбом», «указывает руками размеры стола» и так далее).

Продолжительность записи, а также место проведения и внешние обстоятельства, сопровождавшие интервью, отражены в аннотациях, сопровождающих расшифрованную копию каждого интервью, хранящуюся в архиве Центра устной истории ЕУ СПб. В ряде случаев по просьбе информантов им была предоставлена возможность ознакомиться с расшифровкой интервью, внести в нее стилистическую правку (редактирование оговорок и правильности речи) или исключить нежелательные эпизоды⁹. Обычно на чтении и самостоятельной стилистической и/или содержательной правке транскрипции своего интервью настаивали информанты с высшим филологическим образованием. Только в одном случае после прочтения интервью автор воспоминаний захотел переписать текст заново целиком, а впоследствии вообще отказался от хранения аудиозаписи и расшифровки своего интервью в архиве.

Передача травматического опыта в контексте биографического интервью: проблемы вербализации пережитого

В большинстве случаев интервьюерам удавалось установить хороший контакт с информантами. Об этом свидетельствовало то, что очень часто общение не заканчивалось с завершением записи интервью. Участники проекта звонили своим бывшим собеседникам, приезжали к ним в гости. Иногда продолжение общения было связано с желанием информанта прочитать и отредактировать расшифрованный текст интервью, и/или общение продолжалось просто как дружеское. Однако ситуация взаимного расположения отнюдь не устраняла все сложности, связанные с попыткой вербально выразить пережитый опыт. Между рассказом о войне (в данном случае рассказом о блокаде) и описываемыми в нем событиями пролегла большая временная дистанция; неизбежно сказывалась и разница в возрасте между интервьюерами и информантами, а также разница в пережитом опыте.

И все-таки основная трудность состояла в том, что в интервью, посвященном блокаде, перед информантом вставала проблема вербализации травматического, экстремального опыта. Учитывая значение, которое придавалось в проекте изучению роли личных воспоминаний и коллективных представлений в конструировании рассказа о блокаде, мы считали необходимым обратить особое внимание на факторы, оказывавшие непосредственное влияние на выбор рассказчиков в пользу передачи личных воспоминаний или использования обобщенных рассуждений. С нашей точки зрения, сложность, а иногда даже полная невозможность «проговорить» этот травматический опыт является одним из ограничительных моментов метода интервью. А в рамках этого исследования именно в связи с испытываемыми респондентом

затруднениями в рассказе его личный опыт мог вытесняться из биографического повествования публичным дискурсом.

В данной статье я рассмотрю два полярных случая, иллюстрирующих границы возможностей вербальной передачи подобного опыта в ходе исследовательского интервью. Первый случай представляет собой ситуацию, в которой блокадное прошлое оказалось исключенным из общей биографической конструкции информанта. В ходе работы над проектом нам пришлось столкнуться с ситуациями, когда рассказ о той части своего жизненного пути, который был связан с событиями блокады, практически не получался. При этом рассказчик тем или иным способом давал нам понять, что с этим отрезком жизни у него связаны тяжелые воспоминания, но рассказать об этом он не мог или не хотел. В данной статье я подробно анализирую одно из таких интервью.

Второй случай – интервью с верующей информанткой из общины евангельских христиан-баптистов – иллюстрирует возможность проговорить трагический опыт, связанный с нарушением этических норм, в рассказе, жанр которого приближается к исповеди.

Интервью с Марией Михайловной¹⁰

Интервью было записано мной в июне 2002 года, беседа происходила дома у Марии Михайловны, которой я была представлена заочно общей знакомой. Предварительная договоренность о записи интервью произошла в ходе телефонного разговора накануне. «Основное повествование», то есть рассказ Марии Михайловны до того момента, когда я начала задавать вопросы, в том числе рассказ о блокадном опыте, занял 26 минут, исключая паузы: двукратное выключение диктофона пришлось сделать в моменты, когда Мария Михайловна не могла справиться с сильными эмоциональными переживаниями и выходила на время из комнаты¹¹. Впоследствии еще 48 минут заняли рассказы информантки, инициированные совместным просмотром семейного альбома и моими нарративными вопросами об отдельных событиях жизни Марии Михайловны.

Биографические данные (реконструируются на основе сведений, сообщенных информантом в ходе интервью). Мария Михайловна родилась в Ленинграде в 1927 году. До войны она жила с отцом, матерью и бабушкой, отец работал на строительстве («не то снабженцем, не то десятником»). После смерти матери в 1935 году отец Марии Михайловны женился вновь, в последние предвоенные годы и во время войны она жила с отцом, мачехой и дочерью мачехи. Брат, родившийся у отца до войны от второго брака, умер в младенчестве, после войны родилась сестра.

Во время блокады Мария Михайловна работала в госпитале. В 1944–1946 годах училась в Ленинграде в школе медсестер, после ее окончания два года по распределению проработала в Калининградской области. Вернулась в Ленинград, работала в больнице. В 1952 году (в другом месте рассказа – 1954 году) в составе группы ленинградских комсомольцев поехала на целину, где также работала в больнице; была депутатом поселкового совета. После возвращения с целины (1956 год) в Ленинград 14 лет была заведующей детскими яслями, затем, после выхода на пенсию, работала в школьном медицинском кабинете и в поликлинике. Была замужем, родила дочь. На момент интервью Мария Михайловна живет в Санкт-Петербурге с дочерью и внуком.

Информант : Мне больше запомнился довоенный период...

Интервьюер : Да, это тоже интересно очень.

Информант : Потому довоенный, потому что я родилась 15 ян... этого, октября 27-го года, Мойка 22, это рядом с Капеллой. И окна у нас выходили на Дворцовую площадь.

Можно предположить, что такое начало рассказа служит своего рода извинением Марии Михайловны, знающей, что, несмотря на прозвучавшую просьбу описать историю жизни, интерес исследователя к ее биографии инициирован именно наличием в этой истории блокадного опыта. Долгое повествование о другом периоде жизни может быть расценено ею как нарушение ожиданий интервьюера. Таким образом, имплицитно в этой фразе присутствует блокада: Мария Михайловна хочет сказать, что довоенное время помнится ей больше, чем блокадное. Лучшую сохранность в памяти довоенных воспоминаний сама Мария Михайловна аргументирует их нестандартностью: живя на набережной реки Мойки, в квартире с окнами, выходящими на Дворцовую площадь, она с детства могла наблюдать события, недоступные взору большинства, и участвовать в них. Возможно, Мария Михайловна заранее чувствует, что много говорить о блокаде окажется для нее сложным.

Можно также предположить, что акцентированная таким образом самой Марией Михайловной точка отсчета рассказа о жизни, лежащая в довоенном времени, маркирует значимость этого опыта в ее биографической конструкции. Возможно, довоенное время является для Марии Михайловны более важным периодом в конструировании ее сегодняшней, обращенной в будущее биографии, чем блокадный, и об этом она сразу хочет сказать. Доказать или опровергнуть эту гипотезу мы сможем, обратившись к дальнейшему анализу текста интервью.

Еще до того, как перейти к описанию декларируемого вначале нестандартного опыта, Мария Михайловна сообщает о том, что ее довоенные воспоминания существенно разделены некоторым поворотным моментом на историю «до» и «после» неназванного сразу события:

Информант : И у нас на нашем вот этом мосту-то останавливалась машина, к которой всегда мы подбегали, ребята, мы: тогда еще не было, не закрывали нас, как потом стали там закрывать и сидеть у нас в комнате милиционеры, и не могли мы ни подойти ни к окошку, ничего, и окна открыть, жарко или холодно, ничего. И, значит, мы подбегали, приезжал дядя Киров.

Ее дальнейший рассказ повествователен: она рассказывает о событиях, приводит описания ситуаций, не прерывая нарратив ни рассуждениями, ни оценками¹²: Мария Михайловна рассказывает о том, как приезжала на Дворцовую площадь машина Кирова, как ребяташки имели возможность погудеть сиреной его автомобиля, как все соседи по ее большой коммунальной квартире смотрели из своих окон на праздничные демонстрации. В ее описаниях присутствуют как светлые, радостные моменты (описания идущих и поющих на празднике людей), так и тяжелые (история о том, как она видела раздавленных в толпе во время одной из демонстраций). И все-таки общее ощущение, возникающее от рассказа Марии Михайловны о ее довоенных впечатлениях, – речь идет о ярких и скорее счастливых детских воспоминаниях. Далее повествование прерывается:

Информант : А потом уже... *(Пауза.)* Ну потом вообще страшные годы стали. Очень страшные стали годы. *(Плачет.)* Простите, пожалуйста.

Дав сразу общую оценку времени («страшные годы»), Мария Михайловна не может

перейти к рассказу о событиях этого периода и плачет. Запись интервью приходится на время остановить. Вернувшись через несколько минут, она продолжает свой рассказ все еще без вопросов интервьюера и возобновляет его описанием эпизода прощания с телом убитого Кирова, происходившего в одном из залов Таврического дворца. Видимо, этот момент можно считать тем самым ранее не названным поворотным моментом, маркирующим переход от жизни «до» к жизни «после» – «страшным годам». «Выходом» рассказа в современность прямо подчеркивается значимость этого воспоминания в *нынешней* жизни Марии Михайловны:

Информант : ...22-я квартира и 23-я на четвертом этаже, и она нас собрала и повела в Таврический¹³. Ну тут я, вот очень долго не была в Таврическом, а потом уже, в какие-то тут годы последние, была там елка, и я дочке сказала: «Купи мне с внуком билет, я хочу вспомнить этот, тот зал был или нет». (*Плачет.*) И когда мы вошли туда, в зал уже, я увидела вот эти колонны, и я вспомнила, что вот как вот, ну где он там стоял и где нас обводили. Мы, конечно, не плакали, мы так были всей этой обстановкой зажаты... Ну вот, а после смерти Кирова все началось такое.

Здесь Мария Михайловна вновь вводит оценку состояния людей, участвовавших в этом эпизоде: присутствовавшие на прощании с телом были «зажаты обстановкой». Можно по-разному истолковать смысл этой «зажатости», которой сама информантка не дает никаких объяснений. За ней могло скрываться и горе, вызванное смертью человека, которого пришедшим часто доводилось видеть и который, очевидно, воспринимался ими как близкий, и знания или догадки относительно обстоятельств, связанных с этой смертью.

Далее Мария Михайловна подробно описывает появившуюся после смерти Кирова практику, когда в дни праздничных демонстраций милиционеры целый день дежурили в комнатах квартир, окна которых выходили на Дворцовую площадь, не разрешая жителям подходить к окнам и свободно передвигаться по квартире. Описание этих событий завершается их резюмирующей оценкой:

Информант : В общем, началось вот такая вот...

Интервьюер : Угу.

Информант : Вакханалия.

Сразу же после оценки ситуации как «вакханалии» Мария Михайловна вновь рассказывает о детском игровом опыте, относящемся к тому же времени (дети накануне праздничных демонстраций помогают украшать автомобили):

Информант : Ну здесь были тоже свои, ребячьи наши дела. Ну вот, и мы туда подбегали. Лоскуточки там нам давали красные, обивали от этого, цветочки. А иногда там говорят, что: «У бабушки машинка есть?» – «Есть». «Иди, сбегай, чтоб вот тут к этому пристрочила». И вот так бежишь, поднимаешься на четвертый этаж: «Бабушка!» Попробуй отказаться – бабушка уже бросала и вот, садится вот это там или сшивает или большой и маленький, какой там это. В общем, украшали эту машину, и как-то мы так, при деле были.

В рассказ об энтузиазме, который вызывала у детей возможность принять участие в подготовке праздника, вкраплено рассуждение о возможных последствиях отказа взрослого помочь в этом деле («попробуй отказаться») – рассуждение, несомненно, несущее отрицательную коннотацию. При этом остается непонятным, осознавали ли в то время, когда

происходили описываемые события, сама рассказчица и ее товарищи ту опасность, которую таил отказ помочь в подготовке к демонстрации. Поскольку это рассуждение повествовательно не проиллюстрировано, можно допустить, что это понимание пришло к Марии Михайловне много позже. В пользу этого предположения свидетельствует и диссонанс между рассказом о детском энтузиазме и рассуждением о последствиях возможного отказа от сотрудничества с властью.

Завершая тему «демонстраций», Мария Михайловна описывает, как жителей, не прописанных по данному адресу, перестали пускать в праздничные дни в квартиры с окнами, выходящими на Дворцовую площадь. Вспоминая об этом, информантка рассказывает две истории, подтверждающие существование этой практики: о том, как ее, переехавшую с новой семьей отца на другую квартиру, с трудом пустили в один из таких дней к бабушке и как не удалось однажды пройти туда отцу. После этого следует вербальная фиксация конца рассказа о детстве и резкий переход к блокадным воспоминаниям.

Информант : Галочки же отмечали. Его уже не пустили. Потому что он уже здесь не... выписан. Вот это такое, ну детство самое такое. Ну а потом, что сказать о блокаде... *(Плачет.)*

Таким образом, весь рассказ Марии Михайловны о детстве и о «больше запомнившемся» довоенном времени остается единственным ограниченным сюжетным блоком (!) – воспоминаниями о том, как она и другие дети наблюдали за подготовкой и прохождением праздничных демонстраций на Дворцовой площади. Эти воспоминания оказываются вписанными в контекст темы отношений населения и власти в 30-е годы. Мария Михайловна почти ничего не рассказывает о своей семье. Даже о смерти мамы и о самой маме Мария Михайловна в этой части интервью упоминает только вскользь и тоже в контексте темы «демонстраций», когда сообщает о том, что в 35-м году, после смерти мамы, семья переехала на другую квартиру, после чего они с отцом уже с трудом могли приходить на Мойку к бабушке в праздничные дни¹⁴. Почему именно этим воспоминаниям Мария Михайловна придает такое большое значение, на данном этапе анализа нам еще не известно, однако очевидно, что выбор именно этой темы (назовем ее темой «отношений населения и власти») в качестве основного тематического поля¹⁵ автобиографического рассказа должен быть связан с общей смысловой структурой ее биографии.

2.Блокадный опыт . Тема блокады начинается с повествовательного рассказа о дне начала войны – 22 июня 1941 года:

Информант : 22 июня на Моховой... папа у нас работал на стройке, каким-то там, не знаю, не то снабженцем, не то десятником, как-то называлось это. Короче говоря, он ушел утром на работу. Я, моя мачеха и ее дочка, мы спали. Не спали, так, болтались, не вставали. И вдруг это самое, ну радио у нас всегда было. Вот оно у меня и сейчас все время говорит. И мы, вдруг говорит: «Тихо, тихо!», и, значит, это, Молотов говорил. Мы подскочили, а до этого мы знали финскую.

Мария Михайловна повествует о том, что члены ее семьи делали в этот день, рассказывает о закупке продуктов на все имевшиеся дома деньги, аргументируя это поведение семейным опытом пережитой в недавнем прошлом финской войны:

Информант : И поэтому мы уже знали, что такое война, и первое, что мы знали, что будут

сейчас очереди за маслом, за сахаром, все.

Затем повествование Марии Михайловны сразу переходит к сентябрю 1941 года, когда стало мало продуктов. Этим информантка аргументирует необходимость устройства на работу для получения рабочей карточки вместо иждивенческой:

Информант : Короче говоря, это самое, подошло вот, ну, тут все как-то мы чего-то делали, не знаю, чего, тут уже это я даже не помню, но когда вот в сентябре месяце подходило, когда уже с продуктами, с каждым днем все хуже, хуже и хуже, и стал вопрос, куда нам идти работать. Потому что на иждивенческих карточках уже не проживешь.

Сначала опыт работы в госпитале и вся повседневность блокадной жизни в рассказе Марии Михайловны присутствуют исключительно в форме повествования и редко в форме короткого описания; фактически отсутствует аргументация и общие оценки – до того момента, пока она не начинает говорить о смерти раненых в госпитале:

Информант : Умирали, конечно, очень много... Так умирали, молодые умирали... Потому что никто ничего не мог сделать... *(Плачет.)* Врачи там – лучше не бывает. И такие они, знаете, какие-то... времени не считали, силы не считали. Нет там санитаря, что-нибудь сами возьмут, сами вынесут, сами подотрут. Ну, в общем, очень хорошие люди были. Не знаю, или мне попадались такие, во всяком случае, вот так... *(Плачет.)*

Прерывание нарратива общими оценками («врачи были – лучше не бывает», «никто ничего не мог сделать», «очень хорошие люди были») свидетельствует о невозможности для Марии Михайловны продолжать далее повествовательный рассказ. Мария Михайловна моментально сворачивает рассказ о прожитой ею жизни. Весь последующий опыт военных лет уместается у нее в двух абзацах, содержащих исключительно скупой пересказ фактов, после чего вербально фиксируется окончание блокадной темы и даже всей биографии:

Информант : Ну вот, а потом уже нас перевели как бы санитарки. Там были уже, и карточки нам уже перестали там давать и нам стали числить нас за Военно-медицинской академией. На клиническую нас сначала, потом на пропедевтику, ну, в общем, там, когда где кого нет, туда. Кого на фронт отправят, кто постарше, – мы-то маленькие были. Ну вот, и так мы там и были. А в 44-м году ну мне там врачи все говорили: «Иди учиться, иди учиться». *(Плачет.)* И в 44-м, в январе, значит, блокаду сняли, а в октябре открылась школа на Кировной, ну на Салтыкова-Щедрина. Интервьюер: Угу.

Информант : И там школа медсестер. И вот я там училась два года. Ну на свою клинику я, конечно, приходила, рассказывала, спрашивала там чего-нибудь. А потом вот, по окончании, меня направили вот в Пилау – это Балтийск Калининградской области, вот мы сейчас туда и ездили *(Плачет.)* Еще с одной, там была одна подружка, вот мы с ней сейчас туда и ездили. Вспоминали, ну вот два года мы были там, отработать нам надо было, потом приехали в Ленинград и уже все. Вот и все. Вот что вам надо, то и пишите. *(Плачет, пауза в записи.)*

Таким образом, начатый как хронологически последовательный, повествовательный рассказ о личном блокадном опыте оказался прерванным, что нельзя объяснить какими-либо словами или действиями интервьюера, не вмешивавшегося в ход повествования. Можно предложить два возможных объяснения несостоявшемуся рассказу:

Мария Михайловна не в силах справиться с эмоциональными переживаниями, вызванными травматическими блокадными воспоминаниями. Об этом свидетельствуют насыщенность рассказа изложением фактической стороны событий и попытка избежать описаний и переживаний, связанных с этим временем. Какое-то время информантке удается вести рассказ в достаточно отстраненной фактологической форме. Но, дойдя до определенного момента (многочисленные смерти, свидетельницей которых она была), Мария Михайловна оказывается не в силах вести отстраненный рассказ: ее переживания становятся слишком сильны, однако не менее трудно для нее рассказать нам о них. Поэтому ее рассказ обрывается – Мария Михайловна пытается дать общие оценки и привести аргументы в пользу того, что никто (в том числе и она) не был в силах помочь умирающим, хотя старались сделать все возможное.

Мария Михайловна по каким-то причинам не может рассказать о своем блокадном опыте, например, ее воспоминания могут не укладываться в общую структуру автобиографической конструкции или в чем-то значительно отличаться от привычного и допустимого блокадного дискурса. В этом случае блокада остается для нее тяжелым, но нерелексируемым воспоминанием.

3. Прошлое и настоящее в структуре биографии. Через непродолжительное время Мария Михайловна все-таки оказывается в состоянии, все еще без вопросов интервьюера, продолжить свой рассказ, вернувшись к теме взаимоотношений общества и власти, перенесенной в современный период. Мария Михайловна возобновляет рассказ описанием своего участия в политических событиях периода перестройки и отношения к ним:

Информант : Болею за все, и за Путина, и за все. Жалко мне его. И жалко, что имя треплют ленинградцев. Очень хорошо относилась к Собчаку. Я болела тогда, в 91-м году, в августе, ангина у меня была, не знаю, почему я, я в школе вот в этой работала, когда сюда переехали, в медкабинете, и получилось там, не знаю, сквозняки ли... Ну летом школа же не работала, поэтому я работала в поликлинике, то ли сквозняки, то ли что. Короче говоря, я очень закашляла, температура поднялась, вызвали врача, как раз в понедельник. И он сказал, что это самое, воспаление легких. А на второй день Анатолий Александрович призывал на эту самую, на площадь. Тогда вот митинг этот был. Ну вот. Дочка сказала: «Мама, не ходи!» Я говорю: «Нет, нет, не пойду». И вот, значит, она ушла на работу, зять ушел на работу, они в ГИПХе16 работали, там на Петроградской. Но их оттуда вывели тоже на площадь. А я пошла. Доехала только до Московской, дальше было не проехать, и пришла, и стояла под аркой.

Упоминание об арке Главного штаба на Дворцовой площади в связи с политическим митингом вызывает новый всплеск воспоминаний о детстве:

Информант : Да, еще одно хотела вам сказать. В 37-м году Сталин разрешил елки17. И вот это тоже очень красивое зрелище, и сейчас не упоминают. На этой самой, на Дворцовой, вот так вот, по всей площади, стояли елки, а между ними стояли, ну не знаю, помните вы или нет, было тогда в саду отдыха такой тоже новогодний базар, ну были такие ларечки, и там продавали все это самое. Ну и, конечно, ребята все подходили, ну уже был 37-й, все знали, что это такое, поэтому... Вот такие мы все были как пришибленные. Не дай бог такого никогда *(Плачет.)*

Рассказ, начинающийся радостными детскими впечатлениями («очень красивое зрелище», «ребята подходили»), созвучен воспоминаниям Марии Михайловны из первой части интервью о праздниках и наблюдаемых демонстрациях. Но, начав описание елок и сладостей, Мария Михайловна понимает, что хронологически эти светлые воспоминания соотносятся с тем самым периодом, который, согласно внутренней хронологии ее рассказа, наступает после смерти Кирова. В этот момент радостный тон ее повествования начинает противоречить ранее данной оценке («страшное время»). Поэтому Мария Михайловна вновь переходит от рассказа о светлых детских впечатлениях к общей оценке настроения людей в описываемый период – «все были как пришибленные» – и подкрепляет эту оценку доказательствами:

Информант : Вот мы ребята, да, и то мы это все знали, все чувствовали, того пропал, этот пропал, что у нас по лестнице даже вот на Мойке и это, Л<...> забрали, и этих самых, Б<...> забрали, и Б<...>18 забрали. *(Плачет.)* В нашей квартире только в одной. А там М<...> жили, военный он был, это ужас, что было. *(Плачет.)* Ужас. У нас папу не забрали. А, это самое, брата его старшего, в Москве был, так где-то в Магадане там, так и не знаем ничего. Ой... *(Плачет.)*

Сообщения о репрессиях, которым подверглись знакомые люди, звучат в форме перечисления фамилий. В рассказе Марии Михайловны по-прежнему никак не описано тогдашнее отношение окружающих к происходившему. Поэтому тезис о том, что все были «как пришибленные», доказательств на данном этапе не получает и также оставляет возможность отнести интерпретацию настроения людей, даваемую Марией Михайловной, не к знаниям, относящимся ко времени описываемых событий, а к более позднему периоду. Следующие слова Марии Михайловны подтверждают это предположение:

Информант : Не дай бог, никому не пожелаешь, никакому народу, самому плохому народу не пожелаешь того, что нам пришлось... Это надо было... А так же верила, так верила, Ленин, папа, мама, Ленин, Сталин. На этом же росли, это прямо, прямо не знаю... *(Пауза, плачет.)* Я хотела вам показать фотографии мои. *(Уходит из комнаты за фотографиями, пауза в записи.)*

Таким образом, в рассказе Марии Михайловны проявляется внутреннее противоречие: с одной стороны, в нем присутствуют радостные, светлые воспоминания о детстве, но эти счастливые воспоминания диссонируют с ее сегодняшним знанием о том времени, как о периоде репрессий. Поэтому Мария Михайловна, говоря о фактических событиях, присутствовавших в ее опыте и прямо или косвенно связанных с репрессиями (смерть Кирова, ужесточение контроля над проведением демонстраций, аресты соседей), считает необходимым упомянуть также о том, что люди (даже дети) уже тогда чувствовали трагизм происходящего. В конце рассказа Мария Михайловна все-таки признает, что до определенного момента она вместе с другими искренне верила в Сталина («на этом же росли»). Можно предположить, что помимо противоречия между светлыми детскими впечатлениями и ее нынешними знаниями о «страшном времени» (что, возможно, чувствует и сама Мария Михайловна) в ее биографии есть какое-то дополнительное обстоятельство, мешающее ей однозначно отнести собственные знания и даже догадки о репрессивной сущности режима к довоенному периоду. На этом фаза основного повествования заканчивается, Мария Михайловна вновь не может сдержать слезы и уходит из комнаты за фотоальбомом.

4. *«Поднятая целина» и политическое прозрение.* Упоминание информанткой участия в освоении целины и попыток поехать на похороны Сталина во время нашего совместного просмотра ее семейных фотографий позволило предположить, что, возможно, это и есть те самые обстоятельства биографии, которые не дают ей возможности отнести свое знание о репрессиях довоенного времени к тому же периоду. В форме нарративных вопросов я попросила ее рассказать подробнее об этих событиях. Ни разу не прерванное повествование о поездке на целину заняло у Марии Михайловны 30 минут.

Первое объяснение принятого решения уехать на целину Мария Михайловна дала еще до начала рассказа об этом сюжете, во время просмотра семейного альбома, в котором оказались фотографии этого времени:

Информант : Это я на целине. Ну я же патриотка была, мне надо было на целину ехать.

Начало рассказа о поездке на целину – еще одна общая оценка этого поступка с точки зрения сегодняшнего дня:

Информант : Ой, наверное, я одна была из дур.

Сочетание оценок «патриотка»/«дура» – яркое доказательство того, что патриотические мотивы, послужившие побудительной причиной к принятию решения о поездке, в настоящее время Мария Михайловна расценивает негативно и, возможно, с иронией. Но в то же время эти оценки – признание собственной искренней веры в идеологические установки советского времени. Пытаясь приуменьшить роль патриотического порыва, она все-таки добавляет к этому, что и «материальный аргумент» сыграл определенную роль в принятии решения:

Информант : Я прихожу с работы – а мы сутками работали, мне не поспать, ничего. Я в рентгене спала. Но, в общем, короче говоря, это такая, не очень страшная история, но противная. И, и поэтому мы решили, что к чертовой матери – мы поедем на стройку. Там, это самое, все как люди, будем чего-нибудь, свое место, а тут ни то, ни се место. По рентгенам ходи и спи после суток.

В рассказе о «целинном опыте» Мария Михайловна критически описывает неорганизованность и непродуманность хода освоения целины, с которыми ей пришлось столкнуться на собственном опыте. Завершая рассказ, Мария Михайловна признает, что ее «прозрение» и окончательное разочарование в советской политической системе относится именно ко времени пребывания на целине:

Информант : Вообще, это наша система вся. Ну вот, я уже с тех пор начала вот так, понимала, что это все уже не туда. До этого голову так, прямую, все. «Партия велела – комсомол ответил: „Есть!“». Вот такая жизнь.

Еще одно доказательство абсолютной веры Марии Михайловны в советскую идеологию до определенного момента – ее рассказ о попытке поехать на похороны Сталина¹⁹:

Информант : Это так: «Я Сталина не видела, но я его люблю». И когда это самое, сказа... в общем, умер он, ой, плакали, ну так плакали, это мы по самому близкому так это. «Ой, да как

же теперь быть, да как же мы теперь жить-то будем, ой, да нет, конец света, это вообще, это что-то такое». Ну и у нас это, девчонки там знакомые: «Мы его живого не видели, поехали».

Таким образом, при обращении к фактам биографии Марии Михайловны становится очевидно, что ее собственное политическое «прозрение» наступает не ранее середины 50-х годов.

С точки зрения подхода, разработанного Габриэль Розенталь и Вольфрам Фишером-Розенталь, «рассказ о жизни отражает то, как биограф в целом конструирует свое прошлое и предполагаемое будущее, при этом важный для биографии жизненный опыт объединяется и выстраивается в определенную временную и тематическую схему. Именно эта общая биографическая модель, или конструкция, и определяет в конечном счете то, каким образом биограф воссоздает свое прошлое и каким образом он принимает решения относительно того, какой пережитый опыт он будет считать существенным и включать в свой рассказ» (Розенталь 2003:326). Тематическая схема биографического рассказа Марии Михайловны была выбрана ею самой – это ее «гражданская» биография, история политического прозрения, развиваемая в тематическом поле отношений власти и общества. Актуальность современной гражданской позиции делает для нее существенным поиск истоков своих нынешних политических убеждений в опыте прошлого, в том числе и в детских воспоминаниях. Поэтому в изначальный текст биографической конструкции она вводит «страшное время», когда все, даже дети, были «зажаты», «знали» и «чувствовали» происходящее. Мария Михайловна, учитывая ее нынешнюю демократическую политическую ориентацию, не может говорить об этом времени иначе, хотя исходит она из полученных ею позднее знаний о репрессиях того времени. Для информантки актуальным оказывается именно тот детский опыт, который свидетельствует о ее знакомстве с темной стороной сталинского режима и о том, что она, при искренней до определенного момента вере в Сталина, все же отчасти «чувствовала» происходящее – это помогает ей сейчас быть убежденной сторонницей демократических политических сил.

5.Блокада в контексте политической истории. И все же открытыми остаются вопросы о том, почему Мария Михайловна не рассказывает о блокаде в рамках выбранного ей самой тематического поля биографии (отношения общества и власти, «гражданская» биография) и можем ли мы принять гипотезу, согласно которой блокада в силу каких-то причин не вписывается в его рамки. Однако вновь расспрашивать Марию Михайловну о блокаде было для меня трудной этической проблемой, учитывая ее эмоциональные переживания во время «основного повествования». Вопросы могли так и остаться открытыми, если бы она сама не вернулась к теме блокады после всех описанных выше сюжетов. Возвращение к теме блокады произошло через обращение к политическим сюжетам военного времени:

Информант : И уже тогда как-то так все, ну вопросов много не задавали, мы ничего не знали. Мы глупые были, глупые, нас специально оболванивали. И только вот знали о том, что из-за Ворошилова сдали мы Лугу – Лужский этот рубеж должен был остановить. А там только уложили людей и все. И вот тогда по всему Ленинграду так.

Интервьюер : Это говорили, что это из-за Ворошилова?

Информант : Да, да, да, все говорили так. Что он привык там, на коне шашкой размахивать. Ну, конечно, это говорили не в открытую, а так, между собой вот. Я слышала, когда, например, наши обсуждали, почему Юрка20 погиб. Вот это самое, вот так вот, так еще кто-то где. Вот так, ухом, что... что это было из-за этого. И если б не прислали тогда Жукова,

то Ленинград бы сдали. Почему вот получилось, что ленинградцы, вот «жэбээлы» – наверное, слышали, есть такие «жители блокадного города», да?

Интервьюер : Угу.

Информант : И есть ленин... эти, ну участники обороны.

Интервьюер : Угу.

Информант : Так вот «жэбээлы», почему они получились, – потому что до... город, это и Селиванов, депутат-то, это он даже подтвердил уже теперь, город готовили к сдаче²¹.

Далее еще раз:

Информант : Так что вот, что готовили к сдаче, это тогда говорили, да это чувствовалось. Потому что когда Бадаевские сгорели, это же ой, какой кошмар был. Сколько дней они горели, горели, как народ весь ходил... Да, вообще, да... За что это Ленинграду? Ну а потом 49-й нам год.

Таким образом, Мария Михайловна еще раз проговаривает основную схему своей концепции биографии советского человека в сталинскую эпоху: хотя вера в идеологию существовала (с точки зрения сегодняшнего дня «всех оболванивали»), но что-то все-таки они «знали», «чувствовали» и даже иногда «говорили». Со ссылкой на депутата Законодательного собрания Санкт-Петербурга Мария Михайловна черпает из сегодняшнего политического дискурса одну из существующих ныне версий событий, происходивших на Ленинградском фронте в 1941 году, о том, что город готовили к сдаче.

Можно сделать вывод, что блокада осмысливается Марией Михайловной в рамках ее «гражданской» биографии и оказывается вполне вписанной в смысловую структуру этой биографии как истории «политического прозрения». Возвращение к блокадному периоду (без вопроса интервьюера) происходит в виде рассуждений и общих оценок, касающихся политической истории блокады. То есть блокада, как событие на уровне истории города и страны, в тематическом поле взаимоотношений отношений общества и власти вполне может быть включена в ее рассказ. Рассказ о блокаде на уровне ее личного опыта и личных переживаний был начат, но не смог состояться. Таким образом, наша гипотеза, обозначенная номером один, получает подтверждение. Скорее всего, блокадный опыт Марии Михайловны до сих пор остается для нее настолько травматичным, что сильные эмоциональные переживания не дают рассказу состояться.

Мария Михайловна, начав рассказ о блокаде, сменила изначально избранное тематическое поле, говоря о блокаде исключительно в форме повествования о событиях, происходивших внутри ее семьи. Возможно, это говорит о том, что в этот момент она хотела рассказать о травматическом опыте. Однако сделать это Мария Михайловна не смогла, вернувшись в то поле, где она могла чувствовать себя более уверенно. Травматический опыт остался обозначенным, но невысказанным.

Интервью с Анной Никитичной²²

Попытку передать смещение этических норм в блокадное время можно почувствовать в интервью с верующими информантами. Эти интервью дает возможность рассказать о нарушении этических границ в привычной для информанта форме исповеди – покаяния перед Богом и людьми. Помещая блокаду в тематическое поле жизненного пути как череды испытаний и следующей за ними награды, которая может быть дана как после смерти, так и при

жизни, верующие информанты рассказывают о том, что было для них самым трудным, включая таким образом блокаду в общую структуру своей биографии. «Жанр» исповеди не только допускает, но и предполагает рассказ о том, что не укладывается в границы этических и моральных норм, предписанных верующим. Далее я проанализирую одно интервью, записанное в общине евангельских христиан-баптистов, обращая внимание на те сюжеты, в которых информантка касается нарушения этических границ, неоднократно возвращаясь к этой теме по ходу интервью²³.

Анна Никитична родилась в баптистской семье в 1932 году. Отец был репрессирован в 1937 году, в блокаду Анна Никитична жила с матерью, братом и четырьмя сестрами. Интервью записано в июне 2002 года Т. К. Никольской. Информантка получила благословение пресвитера общины на запись интервью. Данное интервью не было в полном смысле нарративным. Поскольку интервьюер не являлась членом основной исследовательской группы проекта и никогда ранее не использовала в работе метод нарративного интервью, то, несмотря на предварительный инструктаж, она в силу своего недостаточного опыта не следовала предложенной методике интервьюирования. В ходе интервью информанту многократно задавались вопросы, направляющие сюжетное развитие рассказа.

Процедуре анализа по методике, предложенной Г. Розенталь и Ф. Шютце, обычно могут быть подвергнуты лишь те воспоминания, которые были строго выдержаны в нарративном ключе. То есть чаще всего отступления от методики, подобные допущенным в описываемом случае, не дают возможности впоследствии проанализировать общую смысловую структуру автобиографии (тематическое поле «авторского» рассказа). Однако в случае интервью с верующими эта ошибка часто не является фатальной. Даже корректировка интервьюером сюжетных линий рассказа не меняет того «тематического поля», в которое информант помещает отдельные события своей жизни. Обычно это связано с наличием четко выраженного «тематического поля» – в случае верующих информантов это, как уже отмечалось выше, история жизненного пути как череды даваемых Богом испытаний, за которыми следует вознаграждение.

Выделяя в тексте интервью отдельные секвенции, или фрагменты, (повествование, описание, рассуждение и общая оценка²⁴), мы можем, согласно методике Г. Розенталь и Ф. Шютце, «хронометрировать» полученный текст. Повествовательные и описательные секвенции будут говорить нам скорее о том, что рассказываемое отсылает нас к личному опыту информанта, связанному непосредственно с тем временем, о котором ведется рассказ. Появление в тексте теоретизирования или общих оценок свидетельствует о значимости данных моментов для информанта сегодня, то есть говорит нам о их важной роли в общей смысловой структуре биографии. Соответственно именно эти элементы текста позволяют нам выявить избранное автобиографом «тематическое поле».

Испытания блокадной поры, о которых говорит в своем рассказе Анна Никитична в повествовательных и описательных фрагментах ее воспоминаний, отсылают исключительно к личному опыту, непосредственно связанному с нарушением этических норм, в соответствии с жанром исповедального рассказа. В данном случае эти этические нормы основаны не только на общегуманистической этике, но и на тех правилах, которых должен придерживаться верующий человек в силу своего воспитания.

В ходе интервью Анна Никитична рассказывает о событиях, связанных с исчезновением в блокаду ее младшей сестры:

Информант : Паек все лежит и лежит, ее все нет и нет. А я грешным делом сижу, и Верочка тут. Верочка мне шепчет: «А хоть бы Любка не пришла, мы бы съели бы этот хлеб». Я

говору: «И правда, пусть бы не пришла. Мы бы этот хлеб...».

Анна Никитична не только рассказывает об этом событии и переживаниях, с ним связанных, но и продолжает рассказ рассуждением о том, что происходило с ней, осуждая свое поведение с позиций «нормальной» для нее этики:

Информант: И вот я часто думаю над этими словами. Ведь посмотрите, что делает голод. Вот мы все родные, мы все очень любим друг друга и воспитаны были в Господе, а вот видя этот хлеб, у нас уже силы не хватало с кем-то делиться или...

Анна Никитична, вероятно, имеет в виду «желать смерти сестры», но сказать эти слова напрямую все-таки не решается. И все-таки сразу же приводит еще один рассказ, также напрямую связанный с нарушением этических норм:

Информант : Был такой случай, что на мою карточку не получили хлеба. Как-то она вот, чего-то такое случилось. И Сережа, уже лежа, умирая, отрезал мне кусочек, чтобы я проглотила со всеми вместе, чтоб все... а на второй день я должна была ему отдать. *(Плачет.)* Я взмолилась, я говорю: «Мама, отрежь ты, я не могу ему отдать хлеб, на вон мой паек отрежь, мамочка, ты сколько...» Я сначала отрезала, но так мало. Вся семья возмутилась: «Почему ты мало отрезала». Я тогда отдала, я говорю, я не могу больше дать. У меня нет, мама отрежь сама. «Нет, доченька, ты сама отрежь. Ты сама отрежь». – «Я не могу отрезать больше». Вот это я помню, какое было это испытание. Мне было девять лет, мне так было трудно отрезать хлеба, никто не может этого понять. А потом я еще отрезала Сереже, почему-то сказал: «Ну ладно, хватит». Потому что он уже все равно умирал. Может быть, он это и почувствовал, может быть, Господь ему сказал, а может быть, не знаю, что. Я отрезала еще столько же, но этого было очень мало, он мне гораздо больше дал вчера. А я сегодня его обделила. *(Плачет.)* А теперь мы уже как бы отупели, сидим с сестрой. Верочка трехлетняя мне шепчет: «Лучше бы Любка не пришла, мы бы съели ее паек».

После этого Анна Никитична еще раз возвращается к попытке дать общую оценку тому, что происходило в такой момент с ней и второй сестрой Верой:

Информант : И я сейчас думаю, что отрезать я не могла, рада была чей-то паек съесть. Господи, да кто же мы были? Мы же были доведенные уже до сумасшествия. Это же ненормально все. И как это было тяжело, я помню это. Потому и сейчас, когда я наливаю себе супу, я сначала поплачу. Я наливаю себе молока или что-то обедать. Я сначала горькими слезами наплачусь. Ведь это еда.

Внимание, уделяемое этому опыту, можно объяснить, с одной стороны, тем, что выбранный информанткой «жанр» предполагает покаяние за мысли и поступки, которые оцениваются как «греховные» с точки зрения этики верующего или же как «ненормальные» с точки зрения общегуманистической этики мирного времени. С другой стороны, прямой выход повествования в сегодняшний день в сочетании с тем, что в повествование в данном случае включаются общие оценки ситуации, подчеркивает значимость данного опыта в биографической конструкции истории жизни и избранного тематического поля. Помещая блокаду в тематическое поле жизненного пути как череды испытаний и следующей за ними награды свыше, которая может быть дана как после смерти, так и при жизни, Анна Никитична рассказывает о том, что было для нее наиболее трудными испытаниями на этом пути, включая блокаду в общую структуру своей биографии.

Рассуждая далее о пережитом опыте, Анна Никитична очень четко подводит итог своему жизненному пути в рамках тематического поля «жизни как преодоления испытаний»:

Информант : Я помню те времена, я вспоминаю, как мы страдали и всегда: Господи, говорю, зачем Ты оставил меня? Зачем ты нас, сестер, оставил, ведь мы столько еще мучились? А Господь отвечает: А кого же мне оставить, если не вас. Я вас приготовил. Я вас лишал, но я вас всех наградил и награжу еще... Здесь отрезок времени семьдесят и при большей крепости восемьдесят лет и все. А вечность? А где будете вечность проводить? Вот что Господь говорит каждый раз, вот что Господь хочет от нас... И теперь, когда настали благословенные мои дни, я вижу своих детей у ног Иисуса Христа. У меня пропала моя Любочка во время войны, ушла и не пришла, но когда я родила девочку, я сразу же назвала ее Люба. А моя Люба вышла замуж за Сережу²⁵.

Кроме дополнительных возможностей вербальной передачи опыта, связанного с нарушением этических норм, при анализе которых, однако, всегда следует учитывать и жанровую заданность подобных сюжетов, воспоминания верующих блокадников имеют и ряд других особенностей.

Биографический рассказ верующих евангельских христиан-баптистов чаще всего лишен героической составляющей официального дискурса (темы борьбы с врагом). Вместо этого в рассказе присутствует борьба с собой как прохождение данного Богом испытания. В этом смысле рассказы верующих о блокаде – это один из примеров «альтернативной памяти». Анна Никитична говорит о практически полном отсутствии у себя интереса к ходу военных событий в дни блокады, сознавая, что в этом она заметно отличалась от окружающих. Эту «политическую апатию», как и вышеупомянутые эпизоды с пропавшей сестрой и куском хлеба для умирающего брата, информантка одинаково объясняет состоянием голода. Но та же апатия в отношении интереса к фронтовым делам, являющаяся нарушением ожидаемой «нормальной» реакции «советского человека», не вызывает у нее чувства вины, подобного тому, которое она испытывает за нарушение этических норм, принятых для девочки, «воспитанной в Господе»:

Информант : И я всегда стояла, слушала. Что я слушала? Во-первых, наши занимали города или отступали – мне это было безразлично. Безразли... Я не понимала: во-первых, географию не знала – я знала, что это города, я знала, что война, и отступатели... как-то... Я ждала после этого последнего известия – прибавляют хлеба или убавляют, на сколько? Вот я ждала. И у меня, я... было время понаблюдать, как они радовались, взрослые, но я понимала, что немцы отступили и какой-то город осво... Мне тоже это было приятно, но не настолько, как взрослым. Я это понимала: надо же, ну сейчас отступили, сейчас возьмут опять. Какое-то такое, знаете, голодное безразличие. А вот только единственное, что хлеб были или нет.

Относительная невключенность в официальный дискурс²⁶, которая может быть выражена как через равнодушие к нему (см. настоящее интервью), так и через его критику, позволяет верующему информанту более свободно и безоценочно, чем многим другим, рассказывать не только о том, что происходило и с ним лично, и о ситуации в городе.

Информант : Мама показала, говорит: «Вот, уже три дня девочки нет, ушла и не пришла».

Интервьюер : Это в милиции где-нибудь, в НКВД?

Информант : Это там, там НКВД. Там же было центр. Маме сказали, что вот, вы будете

здесь записаны. В следующий раз пр... вот пройдите, говорит, верстак такой вер... полка такая большая... Пройдите и просмотрите. Если найдете свое белье, девочки, мы вам скажем, где ее убили. И съели. Мама так и села.

Интервьюер : Кошмар...27

Информант : Мама взяла этот беретик, пришла домой, собрала нас. Мы все как упали на колени, колени болят: «Господи, что же нам делать? Как же теперь быть, куда же делась Любочка? Что же теперь...» Потом мама второй раз сходила. Не нашла одежды, не нашла одежды. Говорит, знаете что, поступит одежда, вот еще какого-то числа поступит одежда, и вы найдете, потому что это Петроградская сторона, здесь большое людоедство.

Два описанных случая, рассмотренные с точки зрения нереализованной и реализованной возможности рассказа о травматических переживаниях в рамках биографического интервью, демонстрируют возможности и ограничения, связанные с трансляцией подобного опыта.

Интервью с Марией Михайловной показывает, как сложно оказывается информанту найти вербальные формы, с помощью которых могут быть выражены травматические переживания в ситуации интервью. Возможность проведения таких интервью ставит серьезные этические проблемы перед исследователем, вторжение которого во внутренний мир респондента инициирует актуализацию травматических воспоминаний, что может иметь непредсказуемые последствия. Для Анны Никитичны рассказ об опыте, связанном со смещением этических границ, допустим в рамках привычного исповедального жанра и легко проговаривается. Однако, анализируя подобные рассказы, мы также должны иметь в виду задаваемое жанром исповеди «тематическое поле» испытаний-преодолений-наград, диктующее отбор описываемых сюжетов.

фактическое повествование	описание	рассуждение (теоретизирование)	общая оценка
Паек все лежит и лежит, ее все нет и нет. А я грешным делом ²⁸ сижу, и Верочка тут. Верочка мне шепчет: «А хоть бы Любка не пришла, мы бы съели бы этот хлеб». Я говорю: «И правда, пусть бы не пришла. Мы бы этот хлеб...»	И когда папа готовился к проповеди, то на этот сундук сажал нас троих дошколают, чтобы мы ему не мешали. Это было трудновато — высидеть, но мы наблюдали за папой, что он делал. Он сидел за столом, чего-то писал, потом становился на колени, и, когда он плакал, на полу была маленькая лужица слез	И вот я часто думаю над этими словами. Ведь посмотрите, что делает голод. Вот мы все родные, мы все очень любим друг друга и воспитаны были в Господе, а вот видя этот хлеб, у нас уже силы не хватало с кем-то делиться или...	Мы же были доведенные уже до сумасшествия. Это же ненормально все. И как это было тяжело, я помню это

Примечания

1 Понятие «биографическая конструкция» здесь и далее в статье понимается в соответствии с методикой анализа биографических интервью, разработанной немецкими социологами В. Фишером-Розенталем, Ф. Шютце, Г. Розенталь и другими на основании метода структурной герменевтики Ульриха Эверманна. Эта методика рассматривает устный биографический рассказ как единую конструкцию, в рамках которой рассказывающий связывает свое прошлое, настоящее и будущее в единую смысловую и хронологическую последовательность, отбирая в ходе рассказа сюжеты, выстраивая их последовательность, давая

объяснения и оценки событиям и действиям (см.: Oevermann et al. 1979; Oevermann 1980; Schütze 1983; Fischer 1982; Rosenthal 1995). Об этой методике на русском языке см.: Розенталь 2003; а также: Мещеркина 2001; Томпсон 2003а: 280–281.

2 «В течение XX века, особенно в послевоенное время, в Советском Союзе и Восточной Европе была выработана особая культура „альтернативной памяти“ (контрпамяти, по определению Милана Кун деры), которая представляла собой внутреннюю критику официальных мифов. Ее приемы включали коллекционирование неофициальных документов и личных сувениров, использование эзопового языка, иронии, искусства анекдотов, остранение идеологии» (Бойм 2002: 268).

3 В данном случае под официальным дискурсом я понимаю весь комплекс допустимых тем, сюжетов, образов и трактовок, которыми было принято оперировать, говоря о блокаде в публичной сфере.

4 Имеется в виду интервью, в котором путеводитель (примерный список вопросов для интервью, разработанный на начальной стадии деятельности проекта) используется интервьюером лишь в качестве приблизительного руководства: вопросы могут задаваться не строго последовательно, а в разном порядке, в зависимости от хода беседы. При этом некоторые вопросы из путеводителя могут быть опущены, другие, возникающие в ходе беседы, напротив, задаются спонтанно в процессе интервью.

5 Имеются в виду уточняющие вопросы или вопросы, спонтанно возникающие у интервьюера по ходу беседы, развивающие какую-либо из затронутых в ходе интервью тем.

6 Под нарративными вопросами Г. Розенталь понимает просьбу рассказать о каких-то эпизодах, сформулированную таким образом, чтобы ответом собеседника стало повествование, а не аргументация, общая оценка, оправдание и так далее (Розенталь 2003: 324).

7 Иногда в этом случае рассказ информанта спонтанно продолжался, обычно интервьюеры с разрешения собеседника снова включали диктофон.

8 Подробно о различных системах транскрипции устного дискурса см. в работе М. Макарова (2003:106–118).

9 Наличие подобной правки всегда зафиксировано на титульном листе расшифрованного интервью, хранящегося в архиве Центра устной истории.

10 Архив Центра устной истории ЕУ СПб. Интервью № 0101016. Имя и отчество информантки изменены.

11 Такая продолжительность первой фазы нарративного интервью оказалась самой короткой из всех записей, сделанных в ходе работы над проектом. Обычная продолжительность фазы «основного повествования» в записанных нами интервью составляет 60–90 минут.

12 Здесь и в дальнейшем тексте понятия «рассказ», «описание», «рассуждение» или «аргументация» и «общая оценка» используются в том значении, в котором предлагают их использовать Г. Розенталь и Ф. Шютце (Розенталь 2003: 334).

13 Запись интервью возобновлена после паузы, первая часть фразы – начало рассказа о смерти Кирова – в записи отсутствует.

14 О рано умершей маме Мария Михайловна рассказывает подробно впоследствии, во время совместного просмотра семейного альбома, после окончания фазы «основного повествования» в интервью. Из дальнейшей беседы очевидно, что мама является для нее значимым членом семьи, о котором она мало помнит, но всю жизнь стремится узнать больше. Но в выбранном изначально «тематическом поле» – отношений населения и власти в довоенное время – ее семья играет только вспомогательную роль.

15 Понятие «тематическое поле» биографического рассказа здесь и далее в статье также применяется в соответствии с подходом, впервые предложенным Аароном Гурвичем и

впоследствии развитым Ф. Шютце и Г. Розенталь и другими: «Тематическое поле определяется как совокупность событий или ситуаций, которые в рассказе образуют тот задний план или горизонт, на фоне которого раскрывается определенная тема, находящаяся в центре всего повествования» (Розенталь 2003:328).

16 Государственный институт прикладной химии.

17 С новогодними елками, как с пережитками «религиозных суеверий», стали вести борьбу на рубеже 1920-1930-х годов. Была прекращена государственная торговля елками, новогодние елки было запрещено устраивать в детских садах и школах. Информантка ошибочно датирует «реабилитацию» елки 1937 годом. На самом деле это произошло в декабре 1935 года, когда газета «Правда» высказалась в поддержку новогодних елок (см.: Лебина 1999:140). Заметим, однако, что появление этой публикации в самом конце декабря означало, что в тот год вряд ли успели развернуть торговлю елками и нарядить их в семьях и на улицах города. Скорее всего, «разрешенная Сталиным» новогодняя елка действительно вернулась в жизнь ленинградцев в канун 1937 года. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить М.В. Лоскутову за консультацию по этому вопросу.

18 В интервью информантка называет фамилии репрессированных соседей.

19 Мария Михайловна подробно рассказывает об этом по просьбе интервьюера.

20 Речь идет о родственнике информантки.

21 Нам не удалось установить, действительно ли В. Н. Селиванов, председатель профильной комиссии по делам ветеранов и блокадников Законодательного собрания Санкт-Петербурга первого и второго созывов (1994–2002), говорил об этом и что именно было им сказано. Но в данном случае при анализе интервью для нашего исследования важно то, что информантка отсылает нас к современному дискурсу и к «официальному» источнику своих знаний.

22 Архив Центраустной истории ЕУ СПб. Интервью № 0101042. Имя и отчество информантки изменены.

23 Данное интервью не является нарративным, поэтому в данном случае я анализирую избранные фрагменты текста интервью, не приводя полного анализа.

24 Примеры четырех типов секвенций см. в таблице в конце статьи.

25 Сергеем звали также брата информантки, умершего от голода в дни блокады.

26 О совершенной невключенности в официальный дискурс человека, хотя и находившегося всю жизнь в маргинальной общественной позиции (верующая, дочь репрессированного пресвитера), но родившегося, выросшего и жившего в Советском Союзе, закончившего советскую школу, конечно, говорить невозможно.

27 Эту реплику интервьюера, содержащую оценку рассказываемого, в рамках методики нарративного интервью можно расценивать как коммуникативную ошибку. Однако респондент внешне не реагирует на эту реплику, продолжая фактический рассказ и не давая никакой собственной оценки описываемой практики.

28 Фразу «грешным делом» можно в данном случае расценивать как элемент общей оценки в рамках повествовательного рассказа.

Татьяна Воронина, Илья Утехин

Реконструкция смысла в анализе интервью: тематические доминанты и скрытая полемика

Предварительные замечания

В этой статье мы попытаемся сформулировать некоторые соображения о технике анализа устноисторического интервью и проиллюстрировать эти соображения конкретным примером. Предполагается, что результатом анализа должно быть некое новое знание по сравнению с тем, что уже высказано информантом в интервью. Соответственно пересказ того, что сказал информант (или несколько информантов), хотя бы с элементами обобщения и даже с использованием научной терминологии, не может быть признан сам по себе результатом анализа – по крайней мере, того типа анализа, который имеется в виду ниже. Разумеется, рассказы, повествующие о личном опыте рассказчика, в принципе могут рассматриваться как источник информации самого разного рода – специалисты в разных областях знаний (историки, психологи, социологи, лингвисты) увидят здесь разный объект.

Историки, обращающиеся к устноисторическим материалам, будут заинтересованы прежде всего вопросом о достоверности излагаемых фактов, а также особенностями исторической памяти и ее типическими проявлениями. Очевидно, что внимание к фактологической стороне дела требует учета целого ряда обстоятельств, к которым сводится в конечном счете критика устноисторического источника. Детали и обстоятельства излагаемых событий, отраженные в рассказе, появляются там как результат многоступенчатого отбора и интерпретации. Очевидец событий видел своими глазами лишь некоторые их аспекты, при этом заметив и восприняв то, что бросилось ему в глаза. Увиденное было осмыслено и запомнено в уже интерпретированном виде, причем память тоже произвела свой отбор. В частности, из-за того, что в дальнейшем под влиянием внешних обстоятельств и накопленного жизненного опыта человек мог переинтерпретировать событие в целом или значение его отдельных деталей. И наконец, интервью представляет собой результат взаимодействия с интервьюером, в ходе которого рассказ обретает свою форму – вот еще один «фильтр». Проследить действие каждого из этих этапов отбора и интерпретации по отдельности едва ли возможно на основании текста интервью, но их следует, как нам представляется, иметь в виду при интерпретации высказываний информанта о событиях, которые так или иначе уже известны исследователю из других источников.

Средством, при помощи которого рассказчик интерпретирует события в повествовании, является речь. Тут мы сошлемся на восходящее к Соссюру противопоставление языка и речи: если язык представляет собой систему, код, то речь является реализацией этой системы, сообщением. Правила языка (включая значение слов) определяют строительный материал, из которого формируется высказывание, в том числе и повествование, но строение речи (текста; в нашем случае повествования) определяется закономерностями более высокого уровня, нежели собственно лингвистический. Эти закономерности применительно к письменному повествованию исследуют такие дисциплины, как лингвистика текста, нарратология и в последние годы так называемый критический анализ дискурса; повествование в спонтанной устной речи стало предметом изучения в социолингвистике. Мы в значительной мере следуем этой традиции, задаваясь вопросами о целях, которые ставит перед собой рассказчик, и средствах, при помощи которых он этих целей достигает. С нашей точки зрения, оправдано внимание не только к тому, что рассказано, но и к тому, как, в каком контексте и почему именно так рассказано; все это тоже может оказаться для исследователя ценным источником.

Итак, предметом анализа является текст интервью, транскрибированный с аудиозаписи. В данном случае информант знал заранее, какая тема интересует исследователя, и, более того, ему было известно, что интересы исследователя сформулированы в специальном вопроснике. Однако в ходе интервью список вопросов непосредственно не использовался ни информантом,

ни интервьюером, и информант не был ознакомлен с содержанием вопросника. В соответствии с принятой при проведении интервью методикой¹ предполагается, что интервьюер дает информанту возможность самостоятельно выбирать темы и сюжеты, выстраивать свой рассказ. Активность интервьюера проявляется лишь в завершающей части интервью, когда, после того как информант рассказал все, что мог или хотел сказать, задаются уточняющие вопросы.

Текст такого рассказа чаще всего не является связным повествовательным текстом с единым сюжетом. Он представляет собой цепочку смысловых блоков, так или иначе связанных друг с другом. Внутри этих блоков мы находим высказывания разного рода: повествовательные, описательные, обобщающие, оценочные и другие, причем сами эти блоки могут обладать сложной внутренней структурой. Цепочка смысловых блоков чаще всего обрамлена вводными и заключающими высказываниями, образующими своеобразные рамочные элементы по отношению к тому, что изложено в основной части.

При анализе интервью мы предполагаем, что:

С 19) появление в рассказе того или иного смыслового блока, а внутри блока – тех или иных подробностей не случайно;

С 19) не случайны место в рассказе и последовательность появления смысловых блоков, а переход рассказчика от одного блока к другому отражает ассоциации и намерения рассказчика;

С 19) упоминание именно этих, а не иных реалий, лиц и обстоятельств, высказывание именно этих, а не иных оценок либо же неупоминание определенных событий тоже может быть информативно сразу в нескольких отношениях.

Исследователь может использовать наблюдения над структурой и формой рассказа для своих выводов о системе представлений рассказчика; о навыках и приемах рассказывания, которыми владеет информант («нарративная компетенция»); о способах, к которым прибегает рассказчик, чтобы придать связность данному развертывающемуся тексту; об «образе» описываемого события, сохранившемся в памяти рассказчика; о стремлении создать у слушателя посредством рассказа определенный образ события; о стремлении создать у слушателя посредством рассказа определенный образ себя; о том, какие источники тех или иных формулировок и оценок («голоса») можно проследить в тексте рассказа.

Мы исходим из того, что каждый шаг монолога информанта является действием, оправданным в свете того, как рассказчик понимает общие цели рассказа, ожидания слушающего и уместность тех или иных речевых действий в данный момент. Существенно, что монолог рассказчика в таком понимании оказывается свернутым диалогом, предусматривающим на каждом своем шаге учет интересов и ожиданий собеседника, ответ на его воображаемые вопросы. Как ни странно, этот тезис остается верным даже применительно к монологичным и воспроизводимым в который раз текстам: тут весь текст в целом оказывается ходом в воображаемой полемике, ответом на набор воображаемых вопросов и аргументов.

Даже в тех случаях, когда рассказчик порождает связный текст самостоятельно, найдя в интервьюере, хотя бы самоустранившемся от направляющих вопросов, благодарного и внимательного слушателя, диалогическая сущность процесса тем не менее не исчезает. Когда интервьюер задает вопросы, рассказчик действует сообразно тому, как он понимает на основании этих вопросов, что от него хотят услышать. Когда же интервьюер воздерживается от вопросов, рассказчик вынужден сам строить гипотезы по поводу того, что от него хотят услышать и о чем следовало бы сказать на очередном шаге рассказа. Для некоторых информантов, в чей репертуар не входит речевой жанр связного рассказа, эта процедура связана с напряженными поисками слов и смысла собственных действий. Однако в соответствии с методикой интервьюер пытается по возможности меньше вторгаться в осмысление излагаемого информантом жизненного опыта. Интервью же, построенное в форме ответов на задаваемые

исследователем вопросы, с неизбежностью предполагает такое вторжение, поскольку исследователь фактически диктует, о чем требуется говорить дальше.

В отличие от художественного текста, где неслучайность элементов и цельность текста обусловлены замыслом автора, интервью, как текст более или менее спонтанный, не всегда обладает цельностью такого рода. Однако в рассказе мы можем проследить несколько доминирующих тем, с которыми помимо здравого смысла и более специфических систем убеждений² соотносятся излагаемые события и высказываемые оценки. Эти доминирующие темы показывают, какое осмысление содержания своего рассказа предлагает автор слушателю.

При этом в реальности осмысление, предлагаемое автором, и осмысление, осуществляемое слушателем, могут отличаться друг от друга. Происходит это из-за того, что связность и осмысленность текста определяются целым рядом факторов, внешних и внутренних по отношению к тексту, и основываются не только на владении языком. Так, скажем, для того чтобы слушающий распознал, что в разных частях рассказа содержатся отсылки к единому полю референтов, к «одному и тому же», хотя бы и выраженные разными словами, зачастую требуется не только понимание значения употребляемых слов, но и общность фоновых знаний говорящего и слушающего³.

Исследователь в ходе анализа должен оказаться больше чем просто компетентным слушателем. Он устанавливает не только то, что намеревался сообщить информант своим рассказом, но и то, о чем он не сообщал ненамеренно и что можно установить средствами аналитических процедур – в том числе и тех, которые обращаются к внутреннему устройству рассказа, к его форме.

Наряду с отмеченным выше скрытым диалогизмом, заключенным в построении рассказа, в оценках и аргументации информанта, во многих случаях полезно различать в рассказе «голоса», соответствующие источникам тех или иных формальных или содержательных аспектов. Частные случаи таких «голосов» рассматриваются исследователями, когда они говорят, например, о влиянии официального и публицистического дискурса на рассказ информанта. Однако разными «голосами» окажутся, скажем, свидетельства из собственного опыта и изложение сведений, почерпнутых из рассказов других очевидцев.

Работая с массивом интервью на одну и ту же тему, исследователь невольно сталкивается со стереотипами рассказов и одновременно получает обширный материал для выстраивания парадигм, отвечающих на вопросы «а как еще это бывало?», «а как еще об этом рассказывают?». На фоне комплекса общеизвестных сведений об истории события, а также стереотипных представлений о том, как следует про это событие рассказывать, исследователь видит особенности данного рассказа не только в специфичных персонажах и обстоятельствах, но в подразумеваемой полемике с теми или иными стереотипами и в месте, которое отводится обычным для рассказа о таком событии темам.

2

О схематическом представлении рассказа: анализ тематической иерархии

Уместно сделать несколько замечаний об условных обозначениях в схеме рассказа, на которую мы будем ссылаться. Собственно, с самого начала размышлений над текстом транскрипции встал вопрос, каким образом ссылаться в тексте статьи на фрагменты рассказа информанта. Чтобы сделать возможными ссылки, для начала следовало бы представить рассказ в виде последовательности некоторых единиц. Самым простым способом было бы пронумеровать, как иногда делают, строки распечатки рассказа и ссылаться на номера строк. Однако членение на строки не является частью транскрипции, поскольку оно привнесено

искусственно и не имеет отношения к структуре рассказа. Если бы мы распечатали тот же самый рассказ, отформатировав текст иначе, наше членение на строки изменилось бы. Между тем, как нам кажется, вполне возможно опереться и на присутствующую в тексте естественную сегментацию, которая отражает внутреннее устройство рассказа и ход процесса его порождения. Более того, как было указано выше, мы исходим из того, что построение рассказа является осмысленной деятельностью, и поэтому естественное членение текста интервью само по себе оказывается для нас информативно.

Прежде всего, очевидно, что в тексте интервью мы имеем дело с целостными блоками, служившими для рассказчика единицами развертывания рассказа. Между этими блоками рассказчик задумывался о том, что и как сказать дальше исходя из общей цели и логики рассказа, из возникающих по ходу ассоциаций и представлений о том, что от него ожидают и что уместно сказать дальше. Границы между такими блоками зачастую отмечены не только паузами, но и специальными маркерами. В рассматриваемом нами интервью в качестве таких маркеров – мы называем их «прокладками» – чаще всего выступает слово «вот», но эта роль может принадлежать и другим словам или высказываниям, или же жесту (все это может сочетаться с паузой, а не замещать ее). Для обозначения таких единиц-блоков мы будем ниже употреблять термин «тематические блоки», отдавая себе отчет в том, что на самом деле определение «тематический» (то есть вводящий и исчерпывающий некую новую тему) применимо отнюдь не ко всем блокам. Заметим, что в письменных текстах тематическим блокам обычно соответствует абзац.

Кроме того, внутри блоков – в тех случаях, когда они обладают расчлененной внутренней структурой – бывает возможно выделить более или менее самостоятельные смысловые сегменты. Сегменты являются отрезками речи, равными по величине одному или нескольким предложениям, либо части сложного предложения. Конец сегмента иногда (в общем случае, вероятно, реже, чем граница тематического блока) может быть отмечен специальными маркерами («вот», «понимаете?», «да?»), в том числе совпадающими с маркерами границ блоков; существуют маркеры и для начала сегментов («ну»). Будучи объединены в единую тематическую конструкцию блока, они могут находиться между собой в различных смысловых отношениях, которые возможно истолковать в том числе как отношения иерархии.

Как только встает вопрос об отношениях единиц (блоков, сегментов) между собой в пределах более крупных, мы сталкиваемся с необходимостью рассматривать функции единиц, приписывать им определенные свойства и классифицировать их на основании этих свойств. Констатируем тривиальный факт: рассказ содержит высказывания разного функционального типа, размеры которых варьируют (от одного слова до сегмента и тематического блока). Это анонсы темы, сообщения сведений, описания, сюжетные повествования (нарративы), комментарии, ссылки на источники сведений, разного рода оценки и мнения, обобщения, метафоры, теоретизирование, пословицы, а также служебные компоненты, например, рамочные: вводные и заключительные высказывания; «прокладки», отмечающие границы сегментов. Нарративы представлены и одним предложением, и более крупными последовательностями вплоть до последовательности тематических блоков, а «прокладки» – чаще всего одним словом. Дать строгое определение функциональным типам высказываний в рассказе, предложить их обоснованную типологию и надежные методы вычленения, описать их роль в структуре тематического блока и в рассказе в целом – все это непростые проблемы, далеко выходящие за рамки сугубо прикладных задач, стоящих перед нами в данный момент.

В идеально удобном для анализа случае перечисленные выше функции выполняются отдельными высказываниями или более крупными единицами, отграниченными друг от друга грамматически и коммуникативно. Однако в реальности большинство этих функций могут

выполняться и отдельными словами, и выражениями, встроенными в более крупные высказывания (скажем, придаточными предложениями). Более того, в зависимости от своего места в тексте одно и то же высказывание могло бы в принципе выполнять разные функции. Так, например, высказывание «он меня обманул» может анонсировать тему дальнейшего нарратива (о том, как «он» обманул рассказчика), может замещать собой развернутое повествование (если этим повествование и исчерпывается, возможно, рассказчик по каким-либо причинам не желает подробно останавливаться на этом эпизоде) или же может служить обобщением, резюмирующим предыдущее повествование.

По сути дела, конечным итогом сегментации могла бы быть последовательность монофункциональных (со всеми оговорками) сегментов⁴. Реально же мы имеем дело с укрупненными единицами, которые могут содержать несколько элементарных сегментов; тем не менее мы сохраняем название «сегмент» и за этими неэлементарными единицами.

В предложенном схематическом представлении рассказа приняты некоторые конвенции, требующие пояснения. Схема представляет собой структурированную последовательность заголовков, отражающих содержание сегментов интервью, выделяемых в тексте. В том случае, когда на схеме приводится сегмент целиком, а не его заголовок, соответствующая строка берется в кавычки. Чтобы не повторять однотипных сегментов, имеющих служебные функции в организации речи и повествования, в частности прокладок (они рассматриваются нами как отдельные сегменты, не являющиеся частями тематических блоков; в данном рассказе чаще всего это слово «вот»), мы оставляем эту позицию пустой, помечая ее номером.

Заголовки сегментов расположены на отдельных пронумерованных строках, причем нумерация и взаимное расположение строк отражают иерархическое строение тематической и коммуникативной организации текста. Начало тематически самостоятельного нового блока отмечено, во-первых, тем, что строка начинается с прописной буквы и, во-вторых, крайне левым, без отступа расположением строки. Блок может состоять из одного или нескольких сегментов; в последнем случае схема стремится отразить связь этих сегментов в блоке, для чего используется сдвиг следующей строки. Связи между сегментами разнообразны формально и семантически. Они могут быть внешне никак не выражены, кроме соположения сегментов, либо же быть выражены союзами, союзными словами, лексическими повторами и так далее. Мы предполагаем, однако, ограничиться лишь весьма огрубленным рассмотрением связей между сегментами, сводя их к отношениям иерархии и преимущественно к ближнему порядку (отношение сегмента к предыдущему сегменту).

Приведем пример фрагмента интервью, которое будет обсуждаться ниже (в тексте фрагмента цифровыми индексами отмечены номера сегментов).

Информант : (5.0) О том, как началась война, помню. Почему-то вот это вызвало большую... большее такое беспокойство. Вот. (5.0.1) Может быть, это вот связано вот с чем. В то лето... вот то лето 41-го года, мы жили на даче в Дибунах. Это близ бывшей финской границы. Вот. (5.0.1.1) И чуть ли не в первую же ночь какой-то самолет пытался прорваться на Ленинград. (5.0.2) А у нас близ того места, где мы сняли дачу, установили зенитную батарею. (5.0.2.1) И вот началось это самое представление. Вдруг среди ночи бабах, бабах, бабах эта самая зенитка. Начала стрелять. (5.0.2.1.1) И потом жуткий взрыв раздался. Вот. Я хорошо помню, что у меня от страха начало двоиться в глазах. Это было первый и последний случай в моей жизни, что мне потом не приходилось переживать, такого не было. Ну вот это я зафиксировал, что я смотрю и все как бы сдвоенное вижу. Реальный предмет и его же чуть, значит там, левее или правее смещенный. Вот. (5.0.3.0) Ну в ближайшие, следующие дни полетов больше таких не было финских. Рассказывали потом, что этим зенитчикам таки удалось сбить этот самолет и вот этот страшный взрыв, он как раз и произошел вследствие того,

что самолет этот рухнул, и у него был какой-то боезапас и бомбы, и вот это и произошло. Ну и, видимо, финны засекли как-то эту зенитку и... во всяком случае, над ней, в районе ее достижения, они больше не летали. Вот. (5.0.4) А отцы, мой и моего приятеля, с которым мы там же жили, они обследовали погреб, который имелся рядом с дачей тут вот, и при появлении каких-то самолетов, еще не зная наш, не наш вот, они нас всех загоняли в этот самый погреб, где мы и сидели. Вот. (5.1) Но каких-то я... повторяю, каких-то эпизодов вот таких военных, связанных с потрясением, больше не было. (5.2) Я уже не помню, вскоре, ну, очевидно, вскоре, мы уже вернулись в Ленинград, и началась наша жизнь здесь, в Ленинграде.

Схематическое представление имеет следующий вид:

5.0 [как началась война, помню; беспокойство]

5.0.1 жили на даче в Дибунах

5.0.1.1 вражеский самолет

5.0.2 зенитная батарея поблизости

5.0.2.1 первый авианалет

5.0.2.1.1 [взрыв; двоилось в глазах от страха]

5.0.3.0 [слух: бомбивший самолет сбили]

5.0.4 погреб как бомбоубежище

5.1 не помню других подобных эпизодов

5.2 вернулись в Ленинград

Сдвиг вправо означает введение подтемы, которая носит вспомогательный характер (например, иллюстрации) или развивает предыдущую или анонсированную тему. Отсутствие сдвига показывает, что в иерархической организации тематического блока соответствующий сегмент вводит новую тему и занимает равное с предыдущим сегментом положение (такая ситуация характерна, например, для перечисления, каждый пункт которого может быть развернут в виде отдельного описания или сюжета – пункты перечисления иерархически равны). Сдвиг влево по отношению к предыдущей строке означает, что соответствующий сегмент

С 19) либо возвращает нас к продолжению темы, введенной выше – в том сегменте, заголовок которого имеет такой же отступ (ср. 5.0.1.1, 5.0.2.1, 5.0.3.0);

б) либо вводит новую тему, соотносящуюся с предшествующей темой, введенной сегментом с аналогичным отступом (ср. 5.0.1, 5.0.2, 5.0.4);

С 19) либо является таким оценочным суждением, которое в отличие от других сегментов нарратива не связано жестко со своей позицией и могло бы быть в принципе переставлено в другое место внутри данного тематического блока (в нашем примере таков сегмент 5.1)5.

Фактически это означает, что применительно к случаям а) и б) сегменты, непосредственно вышестоящие по отношению к данному и расположенные на схеме правее, соответствуют вставным темам и гипотетически могли бы быть вырезаны без потери связности рассказа.

Сегменты могут быть невелики по размеру (соответствовать одному предложению или даже части сложного предложения), а могут быть весьма протяженными – например, отражать законченный эпизод. В том случае, когда сегмент достаточно велик и мог бы быть, в принципе, расписан более подробно, но нас в данном случае интересует как целое (то есть мы пренебрегаем его внутренней структурой и считаем, что он изофункционален другим, меньшего размера), соответствующая строка берется в квадратные скобки. Строго говоря, большинство наших сегментов на схеме должны были бы стоять в квадратных скобках, если бы мы последовательно стремились к членению текста на минимальные законченные сегменты.

Однако, поскольку мы идем в членении текста сверху вниз и нас в данном случае интересует не структура текста сама по себе, а то, как рассказчик использует конструкцию текста для осмысления рассказываемых событий, мы допускаем не вполне строгое членение смысловых блоков, и, вполне вероятно, отдельные решения, предложенные на схеме, отражают нашу интерпретацию и не являются единственно возможными.

Предлагаемый метод – предварительно его можно назвать «анализ тематической иерархии» – в окончательном виде призван дать исследователю инструмент для представления как макроструктуры рассказа (развертывания его тематической структуры в целом), так и микроструктуры (внутренней структуры тематических блоков). В этой статье вопросы, касающиеся формального представления макроструктуры, не затрагиваются; между тем они весьма важны среди прочего и для оценки применимости предлагаемого способа транскрипции. В данном случае мы ссылаемся в качестве примера на интервью, содержащее высокоструктурированный текст, порожденный человеком с высокой культурой речи и привычкой к построению письменных текстов. Однако целый ряд интервью дает нам образцы рассказов, выстроенных иначе. Нельзя не заметить, что уже сама транскрипция текста представляет собой весьма трудоемкую процедуру, откуда следует, что едва ли возможно применять этот метод к сколько-нибудь значительному массиву интервью.

Подчеркнем, что процесс кодирования транскрипции интервью в виде схемы предлагаемого типа уже является интерпретацией. Дело здесь не только в том, что, по сути, выделяются неэлементарные сегменты (то есть могут использоваться квадратные скобки) и такое укрупнение опирается на осмысление текста исследователем. Получается, что каждому сегменту, если только он не обозначен на схеме прямой цитатой, его исчерпывающей, соответствует заголовок, выделяющий некоторую часть высказывания, его фокус, в качестве надводной части айсберга для обозначения всего айсберга. Это, безусловно, момент истолкования. Возможно, анализируя оставшиеся части текста, мы обнаружим, что в фокусе какого-либо высказывания окажется ниточка, которая тянется к подводной части айсберга, уже выделенного ранее. В таком случае придется переименовать ранее выделенный сегмент, эксплицируя эту ниточку, «поднимая» кое-что из «подводной» части. Поэтому установление заголовка сегмента не может опираться лишь на локальную выделенность и допускает переинтерпретацию в свете того, что мы увидим в нижележащих тематических блоках. Таким образом, процесс кодирования транскрипции рекурсивен: установление внутритекстовых ниточек связности («изотопий»⁷) в принципе требует обращения одновременно к разным местам текста. Мы полагаем, что такая процедура позволяет обратиться к смыслам, не выраженным в тексте в явном виде, а зашифрованным в самой его структуре – безразлично, являются ли эти смыслы продуктом сознательных или неосознаваемых процессов построения рассказа.

Поскольку ни описание аппарата представления структуры рассказа, ни его обоснование не является задачей этой статьи, мы опускаем подробности, касающиеся нумерации строк. Пытливый читатель способен вывести принципы нумерации самостоятельно, а мы в дальнейших публикациях намереваемся рассмотреть методы сегментации, представления структуры рассказа в целом и типов связей сегментов внутри тематических блоков.

3

Сведения об информанте и обстоятельствах проведения интервью

Текст анализируемого в статье интервью мы взяли из исследовательского проекта «Блокада в судьбе и памяти ленинградцев». Интервью было проведено Т. Ворониной в январе

2003 года. Запись происходила на рабочем месте информанта. Во время записи интервью дважды прерывалось на 2–3 минуты в связи с неотложными делами информанта.

Интервью предшествовал разговор, из которого информант узнал об исследовательских целях проекта, поэтому его рассказ о блокадном опыте занял один час от всего времени интервью, длившегося в целом 70 минут.

Прежде чем приступить к анализу тематических доминант, следует вкратце изложить биографические данные об информанте, почерпнутые нами из интервью. Информант – мужчина, родившийся в 1929 году в Ленинграде. Его отец, до революции закончивший восточное отделение Санкт-Петербургского университета и работавший в российском дипломатическом корпусе, в советское время был вынужден переквалифицироваться и работал счетоводом на одном из предприятий Ленинграда. В декабре 1941 года отец информанта умер. Мать информанта была инвалидом и до войны не работала. Анатолий Николаевич⁸ был единственным ребенком в семье. Семья информанта до и во время блокады проживала в коммунальной квартире на Петроградской стороне. К началу войны ему исполнилось 12 лет, он посещал общеобразовательную и музыкальную школы. Накануне блокады к семье информанта присоединилась сестра матери, оставшаяся до конца войны в Ленинграде.

Во время блокады, весной 1941 года, Анатолий Николаевич продолжил занятия в музыкальной школе. В конце 1942 года он был отдан в детский дом. В составе детских музыкальных коллективов Анатолий Николаевич выступал с концертами перед военнослужащими. С начала войны до лета 1942 года информант вел записи в дневнике.

Из описанных информантом послевоенных событий упоминается лишь то, что после войны он закончил ленинградскую консерваторию и что блокадная тема была и продолжает оставаться одной из магистральных тем его научной работы. В частности, Анатолий Николаевич написал несколько книг, посвященных деятельности музыкальных заведений Ленинграда в годы блокады. Следует указать также, что информант принимает участие в работе одного из городских обществ блокадников.

4

Тематические доминанты и их связь с образом рассказчика

В наших замечаниях мы будем ссылаться на схему, при помощи которой представлена сегментированная последовательность высказываний, составляющих основную (монологическую) часть интервью. Поскольку нас интересуют связи между сегментами, в том числе и «дальние» связи, то есть ассоциации, возникающие между сегментами, расположенными в разных частях интервью, мы приведем схему целиком; в каком-то смысле она представляет собой дистилляцию содержания, конспект интервью. В ходе интерпретации упоминаемые фрагменты будут приводиться в виде текста⁹.

Интервьюер : «Блокада в судьбах и памяти ленинградцев». Данные информанта. Начнем с вашего предвоенного опыта. Кто ваши родители, когда вы родились.

1 Петроградская сторона

1.1 Школа и музыкальная школа

1.1.1 Самая обычная жизнь

Интервьюер : Чем занимались родители?

2.0 Мать – домохозяйка, в блокаду работала

2.1 Отец, его работа до революции и при советской власти

3 Финская война не отразилась на жизни

3.1 [слухи о финской войне]

4 «Вот примерно, вот так. Насколько я сейчас так помню. Вот это все, что касается предвоенного периода»

5.0 [как началась война, помню; беспокойство]

5.0.1 жили на даче в Дибунах

5.0.1.1 вражеский самолет

5.0.2 зенитная батарея поблизости

5.0.2.1 первый авианалет

5.0.2.1.1 [взрыв; двоилось в глазах от страха]

5.0.3.0 [слух: бомбивший самолет сбили]

5.0.4 погреб как бомбоубежище

5.3 не помню других таких потрясений начала войны

5.4 вернулись в Ленинград

6 [Отец на занятиях по штыковому бою]

7 «В общем, это вот было так. Вот»

8 «Теперь уже начинается блокада. Вот. Блокада... Блокада у нас протекала таким образом»

9 Жильцы квартиры

9.1 мужчины умерли, женщины выжили

9.1.1 «Отец мой умер...» 10 Отец умер в начале зимы

10.1 три месяца – концентрат блокады

10.2 неправильно распространять это на всю блокаду

10.2.1 люди жили

10.2.1.1 зеленый росток сквозь асфальт

10.3 начинают писать преимущественно о нечеловеческом

10.3.1 знаю, что было людоедство

10.3.1.1 семья одноклассника отравилась трупным ядом

Интервьюер : У вас не было возможности эвакуироваться?

11.0 Отец не мог

11.1 хотели эвакуировать меня и.1.1 неудачная эвакуация

11.1.1.1 решили, будь что будет

11.2 пожилая мама-инвалид; не решились уезжать

12

13 Мама – движущая сила

13.1 забота мамы об учебе и музыкальных занятиях

13.1.1 музыкальные занятия у преподавателя на дому – путешествие с отцом

13.1.1.2 «это уже в блокаду, после 8 сентября, при бомбежке»

13.1.2 занятия на дому; урок музыки на дому за два дня до смерти отца

13.1.2.1 дневничок

14

15 [Поездка отца за жмыхами на Охту]

15.1 [соседка видит, как он падал у двери; (плачет)]

15.2 [болезнь и смерть отца]

- 16
- 17 Бомбоубежище
- 18
- 19.0 Обстрел вскоре после смерти отца
- 19.0.1 квартира переселилась на кухню
- 19.1 эстетическое чувство
- 19.1.1 [тело отца в комнате после обстрела, лунный свет]
- 19.2 парадоксальность эстетических моментов
- 20
- 21 Конец школьных занятий
- 22 Первые месяцы: изматывающие тревоги, «мы еще совсем необстрелянные»
- 22.1 тревоги, походы в убежище
- 22.2 «враг изматывал»– должно относиться к первым месяцам
- 22.2.1 позже люди ходили в кино и театр
- 22.3 блокада разнородна
- 23
- 24 «Не могу сказать, чтобы я помнил о муках голода»
- 24.1 холод
- 24.1.1 проблема топлива
- 24.1.1.1 [мебель; дубовый стол]
- 24.1.1.2 ужасно топить книгами
- 24.1.1.2.1 (смеется)
- 24.1.1.2.1.1 сосед сжег «Капитал» Маркса
- 25
- 26 «Насчет голода»
- 26.1 [чечевичная каша, собранная с полу и съеденная]
- 26.1.1 [звук ложки по дну кастрюли]
- 27
- 28 Взрослые переживали больше детей
- 29
- 30.0 Мама проявляла себя героически– поиск продуктов
- 30.1 карточки – у кого какие
- 30.1.1 гордость отца по поводу рабочей карточки
- 30.1.1.1 запись в дневнике о карточке отца, которого клали в больницу («Мы его отпускаем, хотя его карточку у нас заберут»)
- 30.1.1.2 продолжали пользоваться карточкой отца после его смерти
- 30.1.1.2.1 «это было, так сказать, нам... это он как бы это оставил, вот»
- 31.0 Ситуация в декабре-январе; три дня не было хлеба в городе
- 31.1 дорога через Ладогу и люди с продуктами; они продавали и меняли
- 31.2.0 мама – общительный человек; ее знакомства, способствовавшие выживанию
- 31.2.0.1 помощь профессора
- 31.2.0.1.1 кастрюлька каши от профессора
- 31.2.0.2 еще одно помогавшее семейство
- 31.2.0.2.1 обед из трех блюд в гостях, обморок
- 31.2.0.2.1.1 ссылка на дневник
- 32 [Обмен-покупка]
- 33 [люди из пригорода ценили одежду]

33-1 [молочница привозила овощи]

33.2 [мясо убитого бизона из зоопарка]

34.0 «на хрусталь...»

34.0.1 [новые соседи]

34.1 [отдали хрусталь за столярный клей]

34.1.1 «Ну вы, наверное, уже слышали...»; столярный клей как продукт питания

34.1.1.1 сделан из костей (смеется)

34.1.2 студень

34.1.2.1 не через силу, а, казалось, что очень вкусно 35 [неожиданное поступление продуктов]

36.0 Помощь работы отца в заделывании выбитых окон

36.0.1 «вот я говорю, это было декабрь, еще один из первых месяцев»

36.1 работа обеспечила гроб и похороны

36.1.1 «я немножко сейчас как бы возвращаюсь назад, но все-таки это важно сказать»

36.2 похороны в Шувалове

36.2.1

36.2.1 могила существует в отличие от многих захоронений того времени

36.2.1.1 сосед завернут в портьеру и похоронен в траншее

37 «Вот. А на чем я? От чего я начал отклоняться сюда, я, может быть, и не вспомню.

Почему-то я вспомнил э... вот эту комнату [...] А вот, вспомнил»

38 Находка сахара в сахарнице в покинутой соседями комнате

38.1 радовались вместе с соседом и его родственницей

39 Бывали неожиданные удачи

39.1 иногда записывал в дневник, что ели три раза в день

39.2 сидели на столярном клее; цинга

39.2.1 весной суп из крапивы

40

41 Весной возобновились музыкальные занятия

41.1 письма матери своей приятельнице

41.1.1 настойчивость матери в требовании продолжать занятия музыкой

41.2 из писем матери – забота о будущем сына

41.3 детский дом при Дворце пионеров

41.3.1 [опасность обстрелов в зоне Московского вокзала]

41.4 он и мать ездили друг к другу

41.5 вместе с матерью на спектакле «Евгений Онегин»

41.5.1 где шли спектакли, расхождение с энциклопедическим словарем

41.6 ноты в подарок от матери

42

43 «Так что... у нас не было случаев, когда кто-то рвал кусок изо рта»

43.1 блокадные дневники: «кошмарные случаи описывают люди»

43.2 «конфликты были...» [умирающий сосед, конфликт с его родственницей]

43.3 страшных вещей не было

44 предлагает сделать перерыв (после перерыва)

45 [Выступления на радио и в воинских частях]

45.1 чувствовал себя человеком: «такова жизнь артиста»

46

47 Училище при консерватории

- 48 «Ну обстрелы, да, были»
- 48.1 бомбежки в 41-м и обстрелы в 43-м
- 48.1.1 скорострельные батареи немцев
- 48.1.2 [предчувствие матери: не пустила в школу]
- 48.2 «В наш дом попал снаряд»
- 48.2.1 отсиживались в ванной
- 48.2.1.1 читали стихи Пушкина
- 48.2.1.1.1 в доме было много книг
- 49 Не только жгли книги, но и читали
- 50 Дневничок кончился летом 42-го
- 50.1 [новая жизнь стала обычной]
- «Ну, наверное, я исчерпался в течение часа»

Здесь мы встречаемся с несколькими сквозными темами, которые придают рассказу целостность и диктуют осмысление излагаемых событий в определенном ключе. Основная тема может быть сформулирована так: «люди жили и оставались людьми». Рассказчик вступает в заочную дискуссию с мнениями, отраженными в печатных публикациях, о том, что невыносимо тяжелые условия блокады приводили к потере человеческого облика. Наш информант сторонится подробных описаний шокирующих обстоятельств и предлагает другой взгляд. Хотя его собственный опыт и включает знакомство с выходящими за пределы общепринятых моральных норм поведения поступками людей, поставленных на грань выживания (он упоминает людоедство), информант осмысляет свой опыт прежде всего как свидетельство парадоксальной жажды человека к жизни, к проявлениям духа и человечности, а не к животному выживанию. Эта тематическая доминанта вводится при помощи метафоры зеленого ростка, прорастающего сквозь асфальт, ср. 10.2.1-10.3.1:

Информант : (10.2.1) Понимаете, в блокаду люди... В блокаду люди жили. В особых условиях, но при каждой возможности они все же вспоминали, что они люди. (10.2.1.1) Так же, как, скажем, какой-то зеленый росток мы видим на заасфальтированной дороге. Возникла какая-то трещинка, вот этот зеленый росток вылезает, вот так вот при какой-то малейшей возможности в человек тоже что-то... жизнь как-то пробуждалась что ли. Понимаете? (10.3) Поэтому я не согласен с тем, когда сейчас начинают вот о блокаде писать только вот так, в ракурсе этих трех (самых страшных. – *Авт.*) месяцев. Понимаете, там вплоть до людоедства. (10.3.1) Это было, это было, я знаю.

В двух местах рассказчик прямо опровергает образ блокады как кошмара, как единого целого, указывая на неоднородность периода блокады. Наряду с 10.2, это также и 22.2.1: когда самый страшный период был позади, люди ходили в кино и в театр, 41.5 – рассказчик вместе с матерью на спектакле «Евгений Онегин». Книги не только жгли в печке, но и читали их (49). Это упоминание о сожжении книг в конце интервью отсылает нас к более раннему эпизоду, где повествуется о сожжении соседом «Капитала» К. Маркса (24.1.1.2-24.1.1.2.1.1). Этот эпизод возникает в контексте разговора о холоде и недостатке дров (тематический блок 24), предваряющем рассказы о голоде (несколько эпизодов, начиная с тематического блока 26). Описывая в блоке 49 обстрелы, во время которых немногочисленные жильцы квартиры укрывались в не имевшей окон ванной комнате, чтобы избежать возможного попадания осколков, рассказчик указывает, что «в самую тяжкую пору» (а это определение может быть отнесено и к моментам обстрелов, и к выделяемым им отдельным периодам блокады) они

читали, ср.:

Информант : (48.2.1.1) В самую тяжкую пору читали. Чем-то занять все-таки нужно себя. Читали так, коллективно. Был такой толстый том Пушкина, вот Пушкина стихи. (48.2.1.1.1) Вообще, дома книг много было. (49) Так что читать в эту пору все-таки продолжали, не только жечь, но и читать.

Этот отрывок заканчивается как обобщение, утверждение о ленинградцах вообще. Упоминание о том, что дома у рассказчика было много книг, оказывается тут мотивированным, только если учесть, что для рассказчика духовные (в особенности эстетические и прежде всего музыкальные) запросы и интересы – важнейший компонент собственного образа.

Самые трагические и наиболее тяжело переживаемые до сих пор события (гибель отца) совместились с поразившей воображение мальчика картиной, которая видится сегодняшнему рассказчику как свидетельство того, что художественный взгляд на жизнь не утрачивался даже в такие минуты:

Информант : (19.i) Понимаете, в такой момент, в таких условиях, какое-то чувство эстетическое все-таки сохранялось, потому что тело отца, он был уже подготовлен для похорон, я не помню, в гробу он стоял или нет, похоронили мы его еще в гробу, удалось, это было все-таки самое начало массовых смертей, так вот, (19.1.1) все его тело было покрыто такой стекольной пылью. И... луна яркая, окна-то были затемнены, а от взрыва все это сорвалось, все эти самые шторы, все тряпки, которые там были, все это сорвало, луна светила вовсю и это... Помню, как... как красиво было в лунном свете, эта пыль играла всеми цветами, всеми... переливалась вот такими огоньками, понимаете? Вот. (19.2) Так что вот какие-то такие эстетические моменты и даже вот в такие... минуты существовали.

Музыкальные занятия мальчика неоднократно упоминаются в разных частях интервью, несколько блоков посвящены этой теме (13.1 – забота мамы об учебе и музыкальных занятиях; о том же в блоке 41; блок 47 – музучилище при консерватории). Рассказчик чувствовал себя «человеком, а не ребенком», участвуя в концертах на радио и в воинских частях (45–45.1). В значительной мере упорство в продолжении, несмотря ни на что, занятий в музыкальной школе и в училище при консерватории оказывается в рассказе знаком преодоления тяжелых обстоятельств блокадных жизни. Ведущая роль в этом отводится матери: заботясь о будущем сына, она настаивает на продолжении занятий (13.1, 41.1.1), отдает его в детский дом при доме пионеров (41.2), дарит ему ноты, надписывая их «Благодарю тебя за то, что ты помогаешь пережить трудную годину» (41.6). Таким образом, мать делает все возможное, чтобы ее сын выжил и состоялся, получил специальность (41.2; ср. 30.0: «она, конечно, проявляла себя, видимо, героически»).

Значительную часть рассказа составляют события, которые явно или имплицитно истолковываются рассказчиком как счастливые случаи, удачные стечения обстоятельств. Таковы 31.2.0 – помощь знакомых, с которыми мама подружилась в бомбоубежище, 32–34 – удачные обмены и покупки, что обобщается так: «бывали неожиданные поступления продуктов» (35); в этот же ряд встает помощь работы отца в организации его похорон (36). Уделив много внимания рассказу о похоронах отца, информант временно упускает нить повествования (37): «Вот. А на чем я? От чего я начал отклоняться сюда, я, может быть, и не вспомню. Почему-то я вспомнил э... вот эту комнату <...> А вот, вспомнил». Как оказывается, дальше следует повествование о неожиданной находке сахара в покинутой соседями комнате.

Этот переход мотивирован контекстом перечисления удачных случаев, которое завершается обобщением: бывали неожиданные удачи (39).

Отсюда и обмен вещей на продукты выглядит удачей, а деятельность людей, осуществлявших этот свободный рыночный обмен, оценивается в целом позитивно. Их интерес к приобретению у голодающих одежды и мануфактуры, который нередко, в том числе и в других интервью, истолковывается как спекуляция и стремление нажиться на чужой беде, здесь представлен как само собой разумеющееся и приписывается низкому социальному происхождению лиц, осуществляющих такую торговлю. Приведем целиком соответствующий отрывок:

Информант : (32) А так обмен-покупка. (33) В ту пору среди э... людей таких, социально не самых высоко стоящих что ли, мануфактура и вообще одежда всякая очень ценилась. Очень ценилась. За какую-нибудь вязаную кофту, за какой-нибудь, это самое, платье, за какой-нибудь отрез на костюм можно было хорошо получить и хлеб там и какие-нибудь овощи. Из пригорода приезжали. Знаете, те, кто имел там какое-нибудь свое хозяйство. (33.1) Перед войной к нам на дом, к нам и в несколько квартир соседних еще обслуживала молочница. Она приезжала, привозила молоко, творог, сметану. Вот. Она появлялась у нас уже и в блокаду. Правда, не с творогом, сметаной и молоком, а появлялась проведать и вот какие-нибудь овощи могла привезти. Вот этот самый обмен тут начинался. (33.2) Когда в зоопарке бомбой убило какого-то бизона, какое-то это самое существо, такое крупное, мясистое, то вот его мясо стали распродавать. Кто-то привел нам человека, за какую-то сумму вот кусок этого мяса нам продали, но сказали, что это гарантия, что мясо бизонье, а не какое-нибудь другое. Вот. Помню, что оно очень долго варилось.

Очень долго. (34.0) На хрусталь... (34.0.1) Из разбомбленного дома по нашей лестнице переселились директор деревообрабатывающего завода. Вот. Его жена познакомилась... по одной лестнице, так сказать, в общем, как-то это получилось тоже. (34.1) Мама привела ее домой. Открыла, такой у нас шкаф стоял. Значит, там хрусталь был старинный. Она взяла то, что ей понравилось, там бокалы какие-то, графин. Вот. И дала за это столярный клей. (34.1.1) Ну вы, наверное, уже слышали, что столярный клей тоже был не совсем на последнем месте среди продуктов питания. (34.1.1.1) Потому что столярный клей в те времена он варился на костях говяжьих (*смеется*), может быть, там еще и остатки мяса были вот. (34.1.2) Так что из этого столярного клея делали студень. Студень. Там мочить надо было несколько дней, потом как-то варить, (34.1.2.1) во всяком случае, был уксус у нас, и очень вкусно было. У меня такое ощущение, что даже я бы с удовольствием и сейчас бы вот поел такого студня. Так что это было не то, что через силу в себя приходилось впихивать. Нет, это казалось как раз очень вкусно. (35) Иногда неожиданно поступали какие-то продукты.

схема рассказа	функция сегментов
32 [обмен-покупка]	анонс темы блоков 33–35
33 [люди из пригорода ценили одежду]	сообщение, оценка
33.1 [молочница привозила овощи]	сообщение
33.2 [мясо убитого бизона из зоопарка]	повествование
34.0 «на хрусталь...»	анонс темы блока 34
34.0.1 [новые соседи]	ориентировка ¹⁰
34.1 [отдали хрусталь за столярный клей]	повествование
34.1.1 столярный клей как продукт	сообщение
34.1.1.1 сделан из костей (смеется)	описание
34.1.2 студень	описание
34.1.2.1 казалось, что очень вкусно	оценка
35 [неожиданное поступление продуктов]	обобщение сказанного в блоках 33–34

Вообще говоря, тема обмена впервые вводится в сегменте 31.1, где говорится о появлении в городе в самый тяжелый период блокады людей с продуктами после открытия Дороги жизни. Но иллюстрации обмена следуют после рассказа о помощи знакомых матери, которые (в силу своего социального положения) были несколько лучше обеспечены и иногда подкармливали мальчика. Не только детали позитивных оценок, но и упрощенное схематическое представление приведенного выше фрагмента показывает, что, во-первых, сегменты 33.1, 33.2 и 34.1 выстраиваются в ряд примеров, а во-вторых, этот ряд осмысливается как пример неожиданного удачного получения продуктов (35). Тем самым он встраивается в более крупную единицу – ряд, итог которому подводит сегмент 39 о неожиданных удачах (сюда же и 39.1–39.2.1 о еде три раза за день и супе из крапивы).

И в начале, и в конце интервью мы встречаем эпизоды, включенные в эту же линию повествования об удачах и счастливых случайностях, но рассказывающие о том, как удалось избежать смертельной опасности во время бомбежки или обстрела. Первая бомбежка, пережитая еще до начала блокады на даче летом 1941 года, осталась самым страшным воспоминанием:

Информант : (5.0.2.1) <...> Вдруг, среди ночи, бабах, бабах, бабах эта самая зенитка. Начала стрелять. (5.0.2.1.1) И потом жуткий взрыв раздался. Вот. Я хорошо помню, что у меня от страха начало двоиться в глазах. Это было первый и последний случай в моей жизни, что мне потом не приходилось переживать, такого не было. Ну вот это я зафиксировал, что я смотрю, и все как бы сдвоенное вижу. Реальный предмет и его же чуть, значит там, левее или правее смещенный.

В конце интервью описывается эпизод, когда мать, предчувствуя опасность, не пустила мальчика в школу. Именно в тот день он мог стать жертвой обстрела, который причинил разрушения по соседству со школой (48.1.2).

Как бы полемизируя с содержанием публикаций о блокаде, стремящихся шокировать читателей, и, вероятно, предполагая, что эпизоды антисоциального поведения жителей блокадного Ленинграда могут быть известны исследователю из других интервью, рассказчик говорит о том, что ему также известны многочисленные эпизоды такого рода из блокадных дневников, изучением которых он занимался специально многие годы. Однако в его семье и в его кругу ничего подобного не было, хотя случались конфликты (43–43.2.1). Фрагмент, повествующий о примере такого конфликта, наименее внятен во всем рассказе. Но все-таки

можно понять, что речь идет о том, как облегчить участь умирающего от голода человека, дав ему однажды кашу вместо обычного жидкого супа:

Информант : (43.2) <...> Ну вот этот умирающий сосед, ему хотелось, если что-то можно сделать, чтоб это было, так сказать, не вода с одной крупинкой, а хоть немножко чтоб такое осязаемое. Вот. Понимаете. А вот родственница его, которая, значит, здесь жила, иногда на казарменном положении, вот здесь же она была сторонником вот того, что пусть это будет как можно больше. Вот были конфликты на этой почве, там и мама как бы защищала и его, говорила, что ну ты же знаешь, он уже не жилец на этом свете, ну сделай вот... (43.3) В общем, на такой почве были какие-то конфликты, знаете. Вот. Но это чисто такие, которые могли быть и, естественно, в обычной какой-то жизни. Понимаете, так что, в общем... Вот. А каких-то таких страшных вещей не было.

Обобщение смысла этого фрагмента, данное в сегменте 43-3> призвано укрепить линию рассуждений о сохранении человечности в условиях блокады. Между тем случаев потери человеческого лица не было «у нас», в среде знакомых интеллигентов. Даже конфликты у нас касались большей или меньшей степени милосердия, в любом случае не выходящей за пределы порядочности. Некоторые подробности рассказа позволяют нам считать, что одну из своих задач рассказчик видит в том, чтобы представить слушателю именно интеллигентский взгляд на события.

В качестве подтверждения описываемых событий информант многократно ссылается на свой дневник (13.1.2.1,30.1.1.1,31.2.0.2.1.1,39.1, 39.2, 50–50.1), который он начал вести в специальном блокноте с началом войны. Его записи стали регулярными с наступлением блокады и прекратились летом 1942 года, когда закончился блокнот. Размышляя теперь о своем дневнике, рассказчик объясняет, почему дневник кончился летом 1942-го: не только потому, что кончился блокнот, но и потому еще, что жизнь в тех условиях вошла в привычку, стала «подростковой обычной жизнью» (50.1). Другие ссылки относятся к письмам матери к своей приятельнице, которые стали известны рассказчику через много лет после войны (41.1,41.2).

Эти ссылки и многочисленные замечания, касающиеся характера собственных воспоминаний, свидетельствуют о дистанции, которую выдерживает информант в своем рассказе по отношению к собственному опыту, ныне осмысляемому с позиции человека, прожившего долгую жизнь. Он видел блокаду глазами мальчика, и о переживаниях взрослых он может только предполагать: «(28)...конечно, взрослые переживали много больше, наверно, и для них это было во много раз тяжелее», ср. также в самом начале интервью:

Информант : (3) Финскую войну я помню только как сам факт. Некоторое такое беспокойство, потому что вот война, но и только. Потому что на жизни она как-то не отразилась абсолютно. Вот. Во всяком случае, на моей детской жизни. На счет родителей сказать не могу. Тоже так не ощущалось, что они как-то особенно этим озабочены. У нас в этой войне никто не участвовал.

Подспудно сопоставляя свои воспоминания со стереотипными представлениями о блокаде и общими местами рассказов о ней, он тем самым выделяет свой рассказ как предельно достоверный, содержащий только те подробности, которые остались в памяти мальчика (или для которых есть документальные свидетельства из семейного архива):

Информант : (24) Не могу сказать, чтобы я помнил о муках голода. Я помню себя

сидящим, свернувшись калачиком, в каком-то ватнике, и, конечно, там валенки, шапка и все прочее, на кресле около буржуйки, в которой хоть какой-то огонек есть вот. Но вот так чтобы «есть, есть, есть, есть», такого я не помню.

5

Скрытая полемика в рассказах о блокаде: разное понимание героизма

В анализируемом нами интервью информант явно и неявно отталкивается от стереотипов, бытующих как в современной постсоветской публицистике, так и обязанных своему происхождению советскому дискурсу. В значительной мере противопоставляя свой рассказ этим представлениям и рисуя собственную картину блокады и блокадного опыта, информант тем не менее использует стереотипы в качестве опоры для построения рассказа. В высказываемых оценках рассказчик только один раз говорит о «героическом» поведении, то есть опирается на категорию, принадлежащую официальному дискурсу¹¹: «(30.0) Ну вот опять-таки мама. Она, конечно... она, конечно, проявляла себя, видимо, героически. В частности, благодаря ней были какие-то продукты».

На наш взгляд, это высказывание является одной из ключевых точек интервью, выражающей мысль, очень важную для информанта и соответственно для интерпретации его рассказа. Тем более интересно рассмотреть подробнее представления о героизме в контексте блокадных интервью и обратить внимание на то, как эти представления проявляются и каковы их возможные источники. Как указывалось выше, в первом разделе, выстраивание парадигм, то есть сравнительных рядов, отвечающих на вопрос «а как вообще об этом говорят?», представляет собой одну из форм анализа массивов интервью.

Советский публицистический дискурс в целом был склонен к оценке поведения советского человека в экстремальных обстоятельствах в терминах героизма, даже если речь шла о повседневности (ср. появившееся, по-видимому, в 1960-е годы выражение «героика будней»), не говоря уже о подвигах военного времени. Ветераны войны, которых судьба сделала причастными к героической эпохе в истории страны, рассматривались в этой перспективе как проводники знаний и моделей поведения, образцовых для подрастающего поколения и потому незаменимых для патриотического воспитания. Восприятие блокады Ленинграда как «героической страницы истории Второй мировой войны» является, пожалуй, наиболее распространенной интерпретацией событий 1941–1944 годов. Эта интерпретация запечатлена в публицистической и художественной литературе, овеществлена в монументах и памятных знаках. В позднесоветское время социальная политика государства строилась с учетом того, был ли человек защитником Ленинграда, а сегодня особый статус имеют и те, кто находился в период блокады в осажденном городе. Таким образом, гражданское население блокированного Ленинграда официально трактуется как проявившее мужество и героизм, а потому достойное воздаяния – символического и материального.

Однако у признания права на такое воздаяние – своя история. Заметим, что, как свидетельствуют многочисленные письма во властные инстанции в послевоенные годы, вопрос о признании символического статуса всегда был актуален, как и вопрос о льготах и дополнительных правах. Так, например, выдвигались предложения последовательно разграничивать награды, даваемые за боевые заслуги, и награды военного времени, но полученные в тылу, или даже предлагалось ввести дополнительный знак фронтовика, чтобы сразу было понятно, что полученные человеком награды он заслужил на передовой. Что же касается материальных аспектов воздаяния, то моральное право на материальную компенсацию за принесенные жертвы участники войны и просто жители блокадного Ленинграда,

вынужденные обращаться за подаванием к тому государству, за которое «отдавали жизнь», чувствовали задолго до того, как были официально оформлены права на льготы для гражданского населения блокированного города. Так, в обращениях в Ленгорисполком по жилищному вопросу в 1950-1960-е годы постоянно встречаются ссылки на жертвы и лишения блокадного времени, а в начале 1950-х часть жалоб написана в поисках справедливости, которыми безуспешно занимаются ленинградцы, чье жилье было во время блокады разрушено или разобрано на дрова¹².

Вопрос о статусе блокадников неожиданно оказывается весьма острым и сегодня, в начале XXI века, и вызывает дискуссии. Инициаторами и участниками дискуссий, как правило, выступают сами «блокадники», принадлежащие к различным общественным объединениям («обществам блокадников») как Санкт-Петербурга, так и в целом России. Разные принципы, положенные в основу образования обществ, отразили разногласия в вопросе о том, кого считать «блокадником». При приеме в одни общества блокадников учитывается возраст человека и род занятий во время блокады, в другие – наличие медали «За оборону Ленинграда», в третьи – время пребывания в блокированном городе и тому подобное. Несмотря на эти различия, руководители всех обществ в число задач включают контроль за сохранением героической памяти о ленинградской блокаде, что, в частности, выражается в посещении членами обществ блокадников школьных «уроков мужества». Жанр школьного урока подразумевает не столько рассказ о жизни в блокаду, сколько повествование о прошлом в контексте героической обороны Ленинграда. Личная история блокадника служит в данном случае воспитательным целям.

Героизм блокадников подчеркивается и в законодательных актах. Так, Постановление Правительства РФ, принятое 26 декабря 2003 года, о единовременной выплате денежных пособий блокадникам по случаю 60-й годовщины снятия блокады начинается, например, следующими словами: «В связи с 60-й годовщиной снятия блокады г. Ленинграда, отмечая беспримерное мужество и героизм защитников и жителей блокадного Ленинграда, Правительство Российской Федерации постановляет...» (постановление Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2003 года № 786 «О единовременной денежной выплате лицам, награжденным медалью „За оборону Ленинграда“ либо знаком „Жителю блокадного Ленинграда“, вдовам погибших (умерших) лиц, награжденных медалью „За оборону Ленинграда“», см.: Собрание 2004:37).

В годы войны понятие героизма применялось почти исключительно по отношению к защитникам Ленинграда, то есть к участникам военных действий. Показательно, что медалью «За оборону Ленинграда», утвержденной Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 декабря 1942 года, награждались в первую очередь военнослужащие и вольнонаемный состав Красной Армии, войск НКВД. Представители гражданского населения получали медаль на основании документов, удостоверяющих фактическое участие в обороне Ленинграда, выдаваемых начальниками военно-медицинских заведений и Ленинградским городским и областными Советами депутатов трудящихся (Володин, Мерлай 1997). В результате в 1943 году медаль была вручена людям, принимавшим участие в работах по укреплению линии обороны города, дружинницам МПВО, взрослым и детям, работавшим на оборонных предприятиях и в госпиталях Ленинграда, и другим.

Таким образом, первыми «гражданскими» героями блокады в советском официальном дискурсе признавались люди, которые помогали фронту, работали на заводах Ленинграда. Героизм в данном случае интерпретировался как выполнение долга человека перед государством.

Ситуация изменилась в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Снятие цензурных ограничений способствовало тому, что в СМИ стала появляться информация о таких фактах

блокадного прошлого, которые могли поколебать основы прежней, героической интерпретации блокады. Кроме того, большинство взрослых очевидцев тех событий, которые по формальным признакам попадали под категорию героев-блокадников, к тому времени ушли из жизни. А людям, пережившим блокаду в детском возрасте, сложно интерпретировать свое прошлое через призму героического поведения в прежнем его понимании: многие из них не работали на ленинградских предприятиях, они не могли помогать фронту и тому подобное. Все это способствовало некоторому переосмыслению понятия «героического».

В этот период вопрос о героизме гражданского населения Ленинграда во время блокады оказался актуальным: сначала муниципальные, а затем федеральные органы власти обсуждали возможность оказания социальной помощи людям, пережившим блокаду. Именно в это время была поднята проблема определения статуса блокадника, на основании которого принималось решение о размерах социальной помощи.

Как указано выше, долгое время статус блокадника определялся работой на предприятиях Ленинграда в период 1941–1944 годов или наличием медали «За оборону Ленинграда». На льготы могли претендовать только люди, принадлежавшие к этим категориям. Однако за пределами этой группы оставались многие, кто прожил в городе на всем протяжении блокады, но не работал в это время, и те, кто был эвакуирован в 1942 году. Показательно, что тогда же появилось общество блокадников «900 дней»: стать членом этого общества мог лишь тот блокадник, который находился в Ленинграде всю блокаду. Такого рода ограничением члены общества отделяли себя от тех блокадников, которые жили в блокадном городе, но впоследствии были эвакуированы. В попытках примирить «блокадную общественность» в 1989 году был введен значок «Житель блокадного города», который вручался всем тем, кто прожил в Ленинграде не менее 4 месяцев в период с 8 сентября 1941 года до 27 января 1944 года. С этого времени льготы распространялись и на эти группы людей.

Критерии, существующие для определения статуса блокадника в настоящее время, оговорены законом «О ветеранах», принятым 12 января 1995 года, и Положением Ленгорисполкома от 23 января 1989 года «Об учреждении знака „Жителю блокадного Ленинграда“». В соответствии с ними образовались две категории «блокадников»: к первой относятся люди, работавшие на предприятиях и в учреждениях Ленинграда с 8 сентября 1941-го по 27 января 1944 года, награжденные медалью «За оборону Ленинграда», статус которых приравнен к статусу участников Великой Отечественной войны. Ко второй – награжденные знаком «Житель блокадного Ленинграда», то есть прожившие в осажденном городе не менее определенного периода. Однако открытым остался вопрос о тех людях, которые находились в городе, но не были его жителями. В 2001 году на рассмотрение в Законодательном собрании Санкт-Петербурга поступил проект закона «О вручении знака „Жителю блокадного Ленинграда“», в соответствии с которым льготы «жителей» распространились бы на всех очевидцев без уточнения срока их проживания в городе во время войны. Законопроект был отклонен прежним губернатором Санкт-Петербурга В.А. Яковлевым (см.: Никонова 1997; Подписал ли губернатор 2001; Дума 2004 и др.).

Несмотря на зависимость официального статуса блокадников от героизма, появление в 1989 году «жителей блокадного города» внесло новое в дискуссию о подвиге ленинградцев. Официально оформленный статус «жителя блокадного Ленинграда» отличался от статуса «блокадника» (награжденного медалью «За оборону Ленинграда»), но конституировал причастность этой категории к «героическому прошлому Ленинграда» и соответственно давал право на некоторые льготы. Таким образом, с начала 1990-х годов героическое поведение людей, оказавшихся в блокаде, в официальном дискурсе определяется не только трудовой деятельностью, но и самим фактом жизни в экстремальных условиях блокированного города.

Проблема оценки блокадного прошлого стоит не только перед законодателями, определяющими его значимость для государственной идеологии, но и перед большинством людей, переживших блокаду. Далеко не все очевидцы блокады склонны ее героизировать: налицо свидетельства о кражах карточек в очередях, о мародерстве и случаях канибализма, то есть вещах, плохо соотносимых с идеей о массовом подвиге гражданского населения. Однако представление о в целом героическом, несмотря на отдельные неподобающие факты, прошлом Ленинграда присутствует в большинстве собранных интервью, пусть и не находит прямого выражения в эксплицитных формулировках. Вероятно, это представление сохраняется в рассказах блокадников отчасти потому, что жанр биографического интервью подразумевает в первую очередь рассказ о собственной жизни и тесно связан с самопрезентацией информанта. Даже если человек причисляет себя к категории героев блокады, он не говорит об этом прямо. Его позиция отражается как в деталях и оценках, так и в особенностях строения рассказа в целом. Чаще всего тема героизма присутствует или в общих рассуждениях о блокаде, или в контексте рассказа о поведении знакомых и близких. Помимо этого отношение к блокадному прошлому прослеживалось в ответах на вопросы интервьюера о том, кто такой блокадник и нужно ли и какую именно следует сохранять память о событиях в Ленинграде.

В ряде интервью с людьми, пережившими блокаду, о героизме не упоминается вовсе. Информанты не расценивали свое поведение и поведение близких как героическое. Они не говорили о статусе, затруднялись ответить на вопросы о формах сохранения памяти о блокаде. Характерно, что такие интервью объединяют людей, которые, как правило, не посещают мероприятия обществ блокадников и отстраняются от обсуждения «степени героичности» тех или иных групп современного «блокадного сообщества». По-видимому, это связано с тем, что у этих людей есть свой, альтернативный, взгляд на блокадное прошлое, который обусловлен либо принадлежностью к маргинальным группам (яркий пример – воспоминания христиан-баптистов), либо тем фактом, что статус блокадника не является для информанта значимым. И наоборот, в интервью с участниками обществ блокады мы находим обилие суждений, касающихся оценки блокадного прошлого.

Показательно, что общие размышления на эту тему характерны не столько для старшего поколения блокадников, которые по формальным признакам уже причислены к категории героев, сколько для поколения переживших блокаду в детском возрасте. Для кого-то из «детей блокады» признание героической интерпретации прошлого является своего рода оправданием их нынешнего почетного статуса.

И старшее поколение блокадников, и «блокадные дети» связывают героизм в первую очередь с риском для жизни на фронте или на оборонных работах в тылу, с работой в тяжелых условиях осажденного города. Именно труд, а не сама по себе жизнь под угрозой смерти от обстрелов и голода соответствует героическому поведению:

Интервьюер : А помните ли вы время, когда вас стали называть блокадницей? <...>
Информант: Я думаю, что вот понятие блокадность было уже после. Потому что вот меня наградили медалью «За оборону Ленинграда» в феврале 44 года. Вот, между прочим, вот так подряд всех не награждали. В начале. В начале это как бы была награда. Это не просто знак, кто жил, тот и получил, а в начале нет. Кто как-то хорошо работал или долго работал. <...> Понимаете, город-фронт Ленинград, город-фронт. Когда обстреливали, я вам скажу, это действительно фронт. Ты уходишь, и ты не знаешь, дойдешь ты до того угла или не дойдешь. Но вот чем ближе к фронту, тем все-таки обстановка другая. Вот быть на передовой – это одно, быть, я не знаю, быть за десять километров от передовой – это другое. А у нас город, все-таки... я спала в своей постели, понимаете? Я могла пролететь вниз через разбомбленный дом, все что

хочешь, но, тем не менее, все-таки это не передовая (Архив Центра устной истории ЕУ СПб. Интервью № 0102026; далее указывается только номер).

Осознание собственного поведения как трудового подвига, как осмысленной жертвы во имя победы значительно реже встречается в интервью. Одна из наших собеседниц замечает, что, работая прачкой во время блокады, она не задумывалась о том, что впоследствии будет причислена к героям:

Информант : Мы жили и никто не думал о героизме. В первую очередь жили, работа... даже вот то, что в армию пошла, что я думала о том, что я, ах, какая я буду или кто-то обо мне будет говорить или что? Ни в коем случае, в первую очередь, в первую очередь, это был кусок хлеба. <...> Это даже больше, чем рабочая карточка. У тех, которые работали у станков в городе. Тоже правильно, но... когда я работала^ знала, для чего я это делаю. И это было нужно делать. <...> Не потому, что меня накормят, а потому что это надо делать. И тут... и то, и другое абсолютно одинаково. И то что это идет, что... что ты будешь сыт, и, с другой стороны, от тебя отдача должна быть за эту сытость такая, чтобы она была равносильна, а может быть даже и больше (№ 0101027).

Другая информантка разделяет осознанный героизм и «героизм поневоле»:

Информант: Хорошо, что они (представители молодого поколения. – *Авт.*) понимают, что это был подвиг какой-то. Причем мама моя говорила – вот еще не умерла – что это подвиг поневоле у нас был. Другое дело, когда я пошла там работать, это уже там таскать раненых, а когда мы переживали, это было поневоле. Это не потому, что мы были героями, мы влипли в это дело (№ 0102001).

Таким образом, осознанный героизм ассоциируется у нее с трудовой деятельностью, «героизм поневоле» – с жизнью в условиях блокады.

Понимание героизма как «героизма поневоле» близко людям, пережившими блокаду детьми. В их интервью можно выделить несколько способов рассказа о героизме (или о негероизме). Первая – рассказы о посильной помощи взрослым:

Информант : Конечно, я ничего героического совершить не могла в шесть, семь, восемь лет. Единственное только что, ну вот так же в литературе нас, блокадных детей, называют старичками, маленькими старичками. Ну потому что мы были серьезными. Может быть, мало улыбались, я не помню, чтобы я плакала, кривлялась, там, просила чего-то у взрослых. Потому что я понимала, что, если бы что-то было, мне бы обязательно дали. И вот, может быть, вот таким своим поведением как-то облегчала жизнь взрослых. Потом мы умели радоваться. Понимаете, по-настоящему, искренне. Всему хорошему, что происходило в жизни» (№ 0102017).

Ср. также следующее суждение:

Интервьюер : Ну ведь есть же какая-то разница: «блокадник» и «житель блокадного города»?

Информант : Есть! Конечно, есть. Ну настоящим блокадником была моя мама вот. И моя свекровь. Это настоящие... эти люди, которые работали, которые получили медаль «За оборону Ленинграда». Это настоящие блокадники. Тут уже даже нечего... Ну нас иногда называют даже, как говорится, «горшечниками».

Интервьюер : Что это значит?

Информант : Значит, сидели на горшках мы. На ночных вазах. Или там даже и «нахлебниками». Конечно, большой пользы, пользы уж такой для города, мы, конечно, не принесли. Ну вот, кроме того, что. Ну вот чем богаты, тем и рады. Вот рисуночек рисовали. Одному послали, другому, третьему, сидели, рисовали. Вот для раненых, концерт, ходили мы, ездили мы. Ходили, выступали. Все же какую-то радость им приносили. Ну а что мы еще могли? Учиться должны были хорошо. Вот и все! Но учились вначале не очень хорошо. Когда, знаете, кушать хочется, я не думаю, что очень хорошо все шло (№ 0101007).

Иная стратегия рассказа о героическом включает отрицание собственного подвига и признание его за всем городом. Таким образом, информанты, одобряя в целом официальную трактовку событий блокады, тем не менее уходили от необходимости «доказывать» или пояснять собеседнику собственный героизм, сославшись на общепризнанность и легитимность статуса Ленинграда как города-героя.

Так, отвечая на вопрос интервьюера, о чем информантка рассказывала в школе на уроках мужества, она ответила:

Информант : Вот мы учились, вот как мы учились, вот это рассказывала, понимаете. Ну что тут героического? Ничего тут героического нет, но каждый делал свое дело. А когда... а если люди перестают делать свое дело делать, то город теряет, ну все теряет, потому что появляется почва уже и для паники, и для всего самого ужасного, что только может быть во время войны. А каждый был занят, и каждый, каждый почему-то ждал хорошего, надеялся на победу. <...> Со старшими (школьниками. – *Авт.*) говоришь – уже более серьезно ставишь. Уже говоришь о том, в частности, я всегда начинаю с того, что я не героиня, что мне всю блокаду было страшно. Что несмотря на то, что награда такая же, как у солдат и у генералов, но я все равно, я не считаю себя героиней. А героиней... герой был весь город. Вот героизм было всего города в том, что не было паники, не было неорганизованности никакой, а каждый сделал... Каждый делал свое дело. Вот это чудо нашего города. Это чудо нашего города. И при этом, если постарше ребята, то расскажешь о том, что, например, сестры-то мои работали, они бросили учебу, а их подруга, Кира Окунева, она не бросила учебу. Она продолжала учиться в университете (№ 0101014).

Городом-героем Ленинград впервые был назван, наряду со Сталинградом, Севастополем и Одессой, в приказе Верховного Главнокомандующего СССР от 1 мая 1945 года (Сталин 1945). 26 января 1945 года город был награжден орденом Ленина – наградой, которая вручалась только героям СССР. В постановлении, в частности, было написано, что он выдавался «за мужество и героизм, дисциплину и стойкость, проявленные его жителями в борьбе с фашистскими захватчиками в трудных условиях вражеской блокады» (Бурков 1997). 8 мая 1965 года Ленинград награжден медалью «Золотая звезда» и получил официальный статус города-героя наряду с и другими городами СССР. Таким образом, в советском официальном дискурсе героизм защитников Ленинграда приравнивался к героизму защитников других советских городов.

В одном из интервью информант размышляет на эту тему следующим образом:

Информант : А так был? вот смотрите, был в начале было пять го... пять городов-героев. <...> А потом их появилось очень много. <...> Как-то и Ленинград на фоне этого как-то сразу осел. Сначала он действительно город-герой был, а потом появилось их очень много, да. Чуть

не... Я понимаю, вот мне кажется, что Севастополь, Сталинград и Ленинград – вот это три города, которые достойны. Москва так, по инерции ее дали, потому что она не испытала совершенно никаких, абсолютно никаких невзгод, ни осады ничего не было в Москве... На счет Одессы... Там просто были немцы же. У меня, кстати, сестра двоюродная, она жила в Одессе. Как они выжили? Но они выжили. И тетя там жила, в Одессе они жили. Ну я не могу судить, конечно, может? вот что-то и было героического. Киев? Ну Киев переходил из рук в руки, причем дважды. В этом его героизм? Вот Севастополь и Ленинград и Сталинград – вот я признаю (№ 0102018).

Героизация поведения взрослых, и в частности родителей, – еще одна стратегия рассказа о героическом. Она встречается в интервью «блокадных детей». Так об этом рассказывает одна из информанток:

Информант : В общем, короче говоря, значит, бабушка и мама, и я считаю, что это, так сказать, хранители нашей жизни, и если бы не они, то мы, конечно, не выжили бы (№ 0102021).

В другом интервью встречаем следующее рассуждение:

Информант : В семье главной была мама. Мы как бы ее дети, подчинялись ее авторитету, если так можно сказать. Она твердо, можно сказать, волевой человек, очень большой воли. Вот даже то, что она долго работала, изучала языки, если она их не знала, то есть она ставит цель и ее достигает. Человек большой воли. И в нашей жизни она имела, вот то, что мы пережили, выжили, это ее большая заслуга (№ 0102018).

О героизме матери рассуждал и наш информант, Анатолий Николаевич. В его представлении героизм матери связывался с ее способностью находить в блокаду продукты питания, что позволило им выжить. Такая интерпретация разительно отличается от официального представления о героизме. Это сознает и наш информант, который использует для смягчения сказанного наречие «видимо», допускающее сомнение в его понимании: «Она проявляла себя, видимо, героически».

Размышление информанта о настойчивости матери, которая, несмотря на уговоры знакомых, продолжала поощрять сына в занятиях музыкой, наделяет ее важным качеством героического блокадного человека – инициативой, которую Анатолий Николаевич противопоставляет апатии.

Информант : (41) Значит, весной возобновились музыкальные занятия. Понимаете? (41.1) Как потом я понял и не только понял, уже через много лет после войны мамина приятельница, которая жила в казарме, и мама с ней регулярно переписывалась, она мне отдала письма, которые она из блокады писала ей туда. И там я нашел ответ, в частности, на вопрос, почему мама так настойчиво требовала, чтоб я занимался музыкой. И ее многие осуждали: «Посмотри, на кого он похож? Ну вот кончится война, вот тогда, пожалуйста, пусть твоей музыкой и занимается». Вот. (41.2) Мама все-таки настойчиво... И вот она там пишет о своей сестре: «Леля еле ходит». Вот об этом умирающем человек: «Иосиф Александрович лежит, и врач сказал, что он уже не поправится». О себе: «И лишь я одна держусь изо всех сил, понимая, что, если я слягу, погибнет мой мальчик». Это значит, я. Вот. А в другом письме она пишет: «Толя занимается музыкой, и я на этом очень настаиваю, потому что если со мной что случится, то все-таки у него уже будет что-то в руках». Какая-то специальность. Вот зачем это надо. (41.3)

Именно из этих соображений она отдала меня в детский дом.

Рассказ о пребывании в детском доме начинается с рассуждения о том, что решение об этом не было легким для матери информанта. Подчеркивалось, что, отдавая туда сына, она исходила не из собственных интересов, а из интересов сына, которого, по ее мнению, там будут лучше кормить, а занятия музыкой станут более эффективными.

Последовавшее за перерывом в записи повествование о блокаде связано с описанием блокадных будней и с выступлениями информанта с концертами по радио и в воинских частях:

Информант : (45) Да, занимался вот в музыкальной школе. Затем вот во дворце пионеров. Приходилось ездить выступать. От музыкальной школы Петроградского района нас несколько раз возили выступать по радио, так что... Были такие концерты. Потом я уже выяснил, что, действительно, радио вело очень такую активную, такую музыкальную работу. Вот. (45.1) Ездили выступать в воинские части. Это всегда было так приятно, потому что уже чувствовал себя как бы... человеком, а не ребенком. Вот. И я помню, куда-то нас возили и привезли поздно, и я домой еще позже вернулся, пока там добрался до дому. Мама очень волновалась и: «Что так поздно?» И я так, подняв нос, гордо говорил: «Такова жизнь артиста». И вот какие-то такие фразы. Понимаете вот.

Выступая в концертах, Анатолий Николаевич знал, что эта деятельность признается полезной и достойной, и чувствовал себя если не героем, то, во всяком случае, настоящим «артистом». Примечательно, что в этом разговоре он иронизирует над самим собой – подростком. Заметим, что с позиции «блокадной идеологии» его деятельность (помощь мальчика фронту) выглядит в большей степени подвигом, чем поведение его матери (иждивенки, героизм которой заключался в заботе о сыне). Именно это стало предметом иронии нашего информанта, уверенного в том, что заслуги матери намного значительнее, чем его собственные.

Итак, героический образ блокады в воспоминаниях очевидцев отнюдь не ограничивается рамками официальных представлений о героизме. Многие из наших информантов, «герои поневоле», склонны оценивать блокаду в большей степени как трагедию, нежели как подвиг жителей города. Но и в этом случае информанты обращаются к официальному блокадному дискурсу, оспаривая его или, наоборот, соглашаясь с ним. Этому способствуют и вопросы, задаваемые исследователем в конце интервью – вопросы о статусе блокадника, о героизме, о сохранении памяти. Как правило, эти вопросы провоцируют и развернутые оценочные суждения, и яркие примеры, которые не вошли в основную, спонтанную часть рассказа.

Мы рассмотрели, по сути дела, два разных способа обнаружения неявных смыслов в интервью: анализ внутренней структуры рассказа и сравнение с другими рассказами на ту же тему. Построение рассказа есть слепок диалогических процессов конструирования смысла – неважно, осознаются эти процессы говорящим или протекают неосознанно. Рассказчик, хотя бы и в монологическом фрагменте интервью, выступает как участник воображаемого свернутого диалога. В ходе анализа мы частично реконструируем этот диалог. Обращение же к материалам разных интервью, принадлежащих одному корпусу, и – шире – прочтение одного интервью в свете других текстов разных жанров позволяют высветить разные составляющие, взаимодействующие внутри текста интервью, разные «голоса», выступающие источниками оценок и отбора фактов. Можно сказать, что рассказчик – хотя бы и в монологическом фрагменте – вынужденно говорит хором.

Примечания

1 О методике сбора интервью подробнее в этой книге см. статью В. Календаровой «„Расскажите мне о своей жизни“: сбор коллекции биографических интервью со свидетелями ленинградской блокады и проблема вербального выражения травматического опыта» в настоящей книге. См. также: Розенталь 2003: 322–356.

2 Подробно о здравом смысле и других системах представлений, диктующих осмысление рассказов и обеспечивающих их связность, см.: Linde 1993:163–191.

3 Механизм устройства текста, обеспечивающий связанные друг с другом отсылки к «одному и тому же», в терминологии Х. Сакса именуется *membership categorization device* (Sacks 1992).

4 В этом случае сегменты будут соответствовать «элементарной мысли» (термин П.П. Севбо, см.: Севбо 1969) или «элементарной составляющей» (Жлобинская, Штерн 1990: 57–64). См. также классическую статью о сегментации и структурной организации нарратива, впервые опубликованную в 1967 году: Labov, Waletzky 1997.

5 Это соответствует положению, введенному Лабовым и Валецки, о том, что каркас нарратива составляют высказывания, последовательность которых не может быть изменена без разрушения смысла.

6 Универсальные черты построения нарратива, выделенные Лабовым, применимы к самым разным повествованиям; вопрос в том, насколько эффективным оказывается в разных случаях метод тематической иерархии.

7 Термин французской структурной семантики и нарратологии, предложенный А.Ж. Греймасом (Greimas 1966) для обозначения повторения семантических элементов, обеспечивающего связное прочтение текста. Выделение в процессе анализа ниточек смысла, сшивающих текст и придающих ему связность, позволяет предложить интерпретации, произвольность которых ограничивается самой структурой рассказа.

8 Архив Центра устной истории ЕУ СПб. Интервью № 0101016. Имя и отчество информанта изменены.

9 Полный текст интервью доступен на сайте Центра устной истории Европейского университета в Санкт-Петербурге по адресу: <http://www.eu.spb.ru/oralhist/krjukov.htm>

10 То есть сообщение вспомогательных по отношению к повествованию, необходимых для его интерпретации сведений.

11 Вообще говоря, было бы насилием над материалом искусственно подразделять выражения и отраженные в текстах представления на принадлежащие разным дискурсам – официальному, публицистическому и тому подобное – и противопоставлять им некое собственное (простонародное, интеллигентское и так далее) видение событий респондентом. В значительной мере это пересекающиеся сферы.

12 Отдельные замечания о стилистике таких обращений см. в работе И. Утехина (2004: 274–305)-

Влада Баранова

Память о блокаде в семейных рассказах

Коллекция, собранная Центром устной истории ЕУ СПб. в рамках проекта «Блокада в судьбах и памяти ленинградцев», содержит интервью не только с жителями блокадного города, но и с их детьми. Всего было собрано 11 интервью (средняя продолжительность записи одного

интервью составляет около часа) людей 1949–1969 годов рождения, чьи родители жили в блокадном Ленинграде. Все респонденты – жители Санкт-Петербурга, имеют высшее образование.

Интервью со «вторым поколением» проводились с целью представить, какие образы блокады актуальны для современных горожан, каковы механизмы трансляции памяти об этом событии, какое место в формировании образа блокады занимают рассказы родственников и «общегородские» символы и какие именно воспоминания о блокаде закрепляются в семейном тексте. Рассказы современной русской семьи как устойчивые повествовательные тексты были подробно рассмотрены И.А. Разумовой (Разумова 2001). Воспоминания, циркулирующие внутри семьи, содержат взгляд группы на «большую» историю, соотносят внутренние семейные происшествия с макрособытиями. Рассказ о прошлом семейной группы каким-то образом структурирует это прошлое, ранжирует события как значимые или незначимые. В семье есть, как правило, собственный набор наиболее устойчивых, часто повторяемых воспоминаний о блокадном опыте: как правило, это сюжеты, связанные с одномоментным кризисом и его ликвидацией (спасении от смерти, неожиданной помощи извне). Рассказы людей, чьи родители пережили блокаду, содержат как спонтанные тексты, размышления, вызванные вопросами интервьюера, так и устойчивые семейные сюжеты. Интервью различаются главным образом большей или меньшей подробностью в пересказе «семейных» блокадных сюжетов. Вероятно, большая «разработанность» нарративов связана с особенностями семьи респондента (устойчивостью внутрисемейных связей, близостью интервьюируемого к тем или иным родственникам). Не претендуя на подробный анализ рассказов детей блокадников (в первую очередь в силу ограниченности материала), хотелось бы отметить некоторые общие закономерности в отношении респондентов к блокадному опыту семьи.

Интервью были посвящены одной теме – блокадному опыту родителей и разговорам о блокаде в семье (*single-issue testimony*, по классификации британских специалистов по устной истории; см.: Slim et al. 1998:114–125, особенно с. 117), однако часть вопросов касалась биографии интервьюируемого и членов его семьи. Как правило, респондент сам стремился воссоздать (авто)биографический контекст. Интервью проводились по возможности в свободной форме, монолог респондента не прерывался. Если рассказчик сам выбирал тему, то интервьюер задавал лишь уточняющие вопросы. Анкета-путеводитель¹ содержала приблизительные формулировки вопросов, позволяющие раскрыть несколько интересовавших интервьюера тем: основные источники информации о блокаде (семья, школа, музеи, книги и так далее), их значимость для респондента в разные периоды его жизни; способы трансляции памяти; место воспоминаний о блокаде в семейном тексте; отношение к блокаде респондента и членов его семьи.

Один из вопросов анкеты касался того, возникали ли в семье разговоры о блокаде по инициативе респондента, интересовался ли он специально блокадой и военным опытом своих родственников. Достаточно часто этот вопрос вызывает у интервьюируемого дискомфорт, желание как-то оправдать недостаточный, по его мнению, интерес к блокаде и истории своей семьи. Стандартные объяснения указывают на невнимание к рассказам родителей или бабушек и дедушек:

Информант :...Бабушка рассказывала. Пыталась как можно больше рассказать, а я, по глупости детской, конечно, слушал невнимательно. Она часто повторяла одно и то же. Мне казалось это скучным. Бывало, к сожалению (Архив Центра устной истории ЕУ СПб. Интервью № 0202004; далее указывается только номер; м., 1960 г. р.).

Информант :...Вы же знаете, когда были детьми, мы не очень к этому прислушивались. Потом с годами-то люди уходят (№ 0202007; ж., 1949 г. р.).

Подобные сетования носят в современной культуре почти обязательный характер, когда речь идет об уже умерших родственниках и их культурном и историческом опыте. Свое знание о блокаде почти все респонденты характеризуют как недостаточное:

Информант : Ну, я считаю, что это совсем мало. Недостаточно. Наверное, надо, действительно, посмотреть что-то... Я серьезно.

Интервьюер : Нет, я совсем не хочу как-то провоцировать.

Информант : Нет, ну не потому что... а как-то действительно. Вот так вот сейчас рассказываю, и думаешь, что это вообще стыдно, на самом деле (№ 0202010; ж., 1953 г. р.).

Респонденты высказывают сожаления как по поводу незнания о блокаде (как значимом периоде в истории города), так и по поводу утраты семейной памяти. «Сетования на незнание родословной – неотъемлемый компонент рассуждений на эту тему и типовое начало семейного хрониката, независимо от реальных знаний информанта» (Разумова 2001: 220). Для рассказов о блокаде и войне чрезвычайно типичны рассуждения о необходимости расспрашивать старшее поколение, представители которого еще «могут что-то рассказать». Надо отметить, что свидетельства очевидцев, в принципе, имеют для наших респондентов высокий статус. Почти все интервьюируемые считают, что трансляция памяти о блокаде должна основываться на воспоминаниях людей, переживших блокаду. Другие источники информации о блокаде (официальные исторические сведения, публикации в газетах, архивные данные) оцениваются как «неистинные» или «обобщенные», не вызывающие эмоционального отклика. Интервьюируемые полагают, что не только семейная, но и коллективная память о блокаде должна базироваться на индивидуальном опыте очевидцев. На вопрос: «О чем бы вы сняли фильм о блокаде, каким бы он был?» – респонденты отвечали, что основу фильма составили бы воспоминания блокадников, персональный опыт индивидуума или одной семьи.

Как правило, в поле зрения рассказчика находится несколько человек, переживших блокаду (родственники, соседи по коммунальной квартире, друзья семьи). Респонденты иногда отмечают, что рассказы о блокаде разных родственников образуют общий фон семейного знания о блокаде, однако, как правило, достаточно четко связывают определенные сюжеты, темы с одним рассказчиком. Например, один из информантов², рассказывая о быте семьи в блокаду, ориентируется на воспоминания бабушки (уточняя, что именно бабушки, а не мамы, потому что мать была «плохим рассказчиком»), но, рассуждая о неэтичном поведении людей в блокаду («произвол человека с ружьем»), пересказывает рассказы тети. Обычно в интервью преобладает точка зрения одного из членов семьи (чаще всего кого-то из родителей). Рассказчик может последовательно переключаться на точку зрения родственников по разным линиям (отца или матери, если браки были заключены уже после войны и эти семьи не общались между собой во время блокады) или противопоставлять семейные разговоры о блокаде воспоминаниям соседки.

Рассказ о жизни родителей в блокаду содержит экскурс в область семейной хроники в целом. В некоторых случаях для респондентов более значимым оказывается не блокадный опыт, а репрессии 1930-х годов, которым подвергалась семья. Негативный опыт семейной группы интерпретируется рассказчиком как идеологическая основа, мотивирующая отношение родственников к блокаде. Если для интервьюируемого репрессии или раскулачивание семьи

представляются более значительными событиями, занимают более высокое место в «иерархии» главных исторических событий, то респондент склонен, реконструируя эмоциональную жизнь родителей и мотивы их поступков, объяснять почти все действия и высказывания родителей страхом новых репрессий или противостоянием официальной идеологии. В первую очередь это проявляется в выборе объяснения ситуации, для которой существует несколько стереотипных мотивировок: например, почему родственники-блокадники неохотно рассказывали о тяжелых моментах или не обсуждали фильмы и книги о блокаде (например: «тяжело было вспоминать» или «боялись» или «это невозможно передать»). Так на вопрос интервьюера: «Обсуждала ли бабушка фильмы о блокаде?» – респондент отвечает:

Информант : Бабушка, как дочь расстрелянного в 37-м году человека, не расстрелянного, умершего в тюрьме, она не высказывала никаких пессимистических³ мнений относительно официальной точки зрения. Ничего никогда (№ 0202004; м., 1960 г. р.).

Почти все информанты указывают семью в качестве основного источника информации о блокаде. Часто респонденты затрудняются ответить, что же именно они узнали из школы или из фильмов, книг о блокаде. В обсуждении фильмов о блокаде респонденты иногда упоминают запомнившиеся зрительные образы (в основном кадры кинохроники), но не «пересказывают», что говорили о блокаде в школе. Интервьюируемый указывает общий характер рассказов о блокаде в школе («официальная идеология», или «героизм», или «статистика»), но не вспоминает сюжеты. Сюжеты, значимые подробности жизни в блокаду сами респонденты связывают с семейными рассказами:

Информант : Ну вот школьные знания, они просачивались так незаметно, а когда на вот таком вот общем примерном представлении о том, что да, вот была блокада, появлялись рассказы уже вот моих семейных, они были остро конфликтны и очень конкретны по деталям. И они смотрелись как что-то живое по отношению к чему-то такому, что вот, в принципе, есть. То есть знание абстрактное и чувство конкретное (№ 0202009; Ж., 1965 г. р.).

Однако информация о блокаде, полученная не из семьи, во многом формирует и рассказ о жизни родителей в блокаду. События внутренней, семейной истории подчиняются логике того, что известно рассказчику о блокаде в целом (из разных источников). Респондент использует общепринятые блокадные символы (известные интервьюируемому, как правило, из разных источников) для соотнесения семейных текстов с историей блокады в целом:

Информант : Она работала, тяжело работала, по-моему, на каких-то складах, я уже не помню, по-моему, Бадаевские, говорили, склады, пока не сгорели там (№ 0202007; ж., 1949 г. р.).

Создается впечатление, что Бадаевские склады возникают в тексте не из воспоминаний бабушки, а из фоновых знаний респондента о том, что в начале блокады сгорели Бадаевские склады с продовольствием. В рассказах детей блокадников все детали становятся неслучайными, а сюжеты приобретают необходимую завершенность, четкость причинно-следственных отношений, которая не всегда присутствует в воспоминаниях самих блокадников.

Респонденты говорят, что не могут вспомнить, когда они впервые узнали о блокаде; большинство интервьюируемых подчеркивают тесную связь знания о блокаде с другой

информацией о семье и городе:

Информант : Ну мне кажется, что я знала об этом всегда. Я знала об этом всегда, сколько себя помню. Мне трудно ответить на этот вопрос. Конечно, когда я была совсем маленькой крошечкой, это не звучало, но у меня такое впечатление, что, как только я начала соображать и узнавать об истории города, в котором я живу, я узнала и об этом тоже. Конечно, как о... наиболее трагических и героических временах для города. Вот так. Как об истории моей семьи (№ 0202003; Ж., 1951 г. р.).

Связь блокадных воспоминаний семьи с историей и пространством города – значимая тема для многих интервью. Материалы интервью показывают, что респонденты склонны воспринимать городское пространство через блокадные символы, и наоборот, блокаду – через определенные значимые точки этого пространства, через те пути, по которым один или много раз пришлось пройти их близким в те годы:

Интервьюер : А после школы ты... был повод как-то подумать, ну возвратиться к блокадной теме?

Информант : Ну после школы было как раз больше поводов. Во-первых, потому что после школы я гораздо более активно почему-то стала расспрашивать и бабушек, и отца, не знаю даже почему, а во-вторых, потому что стала как-то смотреть на город своими глазами, в какой-то момент поняла, что, а вот старшее поколение смотрит по-другому. Для них все эти места другие. Потом какие-то брошенные замечания, ну, типа, а вот на этой улице вот бомба попала только в один дом. Уже сразу улица перед твоими глазами трансформируется. То есть все вот уже начала проходить все вот эти их маршруты. Или шла там каким-нибудь маршрутом, а потом вспоминала вот мамин рассказ о том, что вот по этому маршруту то-то и то-то. Ой, да я же сейчас сама вот здесь иду. Это вот такое уже собственное, второе освоение блокадной темы, да? (№ 0202009; Ж., 1965 г. р.)

Блокадный опыт семьи позволяет респонденту почувствовать и утвердить свою «укорененность», право на исторический опыт и причастность к пространству города. Пребывание кого-то из родственников в блокадном городе интерпретируется как принадлежность семьи к сообществу «коренных ленинградцев», противопоставленному приезжим, «некоренным» или «деревенским». Подобное противопоставление крайне важно, поскольку значение блокады для города респонденты видят в изменении социального состава населения и облика города после войны. Трагический блокадный опыт семьи воспринимается как личный опыт следующего поколения⁴. Блокадные семейные рассказы формируют одну из идентичностей респондента, позволяющую ему соотносить себя с определенными группами и противопоставлять другим:

Информант : Так что, конечно, для тех, кто... для людей моего поколения, которые много общались с людьми старшего поколения, перенимали от них какой-то опыт, разумеется, тема эта возникала и возникает до сих пор. Вот. Как только, как только встречаются какие-то вот знакомые, предки кого были здесь, как только узнается, что человек коренной ленинградец, вот тогда обязательно как визитная карточки, как визитная карточка вот передается какое-то самое... самое... как символ (№ 0202003; Ж., 1951 г. р.)

Респонденты упоминают признаки, по которым происходит опознание «своих» – людей,

чьи родители также пережили блокаду Ленинграда: привычка не выбрасывать «зачерствевший хлеб» (там же) или резать хлеб на сухари характерной формы:

Информант : Я сама не знала, пока мне отец моей подруги не объяснил, когда я ему сказала: «Дядя Арсик, вы также сухари режете, как и мы, а почему?», он говорит, а потому, что я блокадный ребенок. А почему? А как это связано? Ну, вот он мне и рассказал (№ 0202009; Ж., 1965 г. р.)

Почти все респонденты указывают, где жили родственники в блокаду, иногда даже подробно описывают квартиру (в которой семья уже не живет):

Информант : А семья, в общем-то, и предки матери, и отца, они жили в Петербурге, тогда в Ленинграде, в Невском районе. И в блокаду здесь была практически вся семья моей мамы. <...> Значит, мать моей матери и все ее семейство, они жили в Невском районе, а родственники отца моей мамы, то есть деда по материнской линии, они жили на Лиговке (№ 0202002; м., 1969 г. р.).

Отмечается также, где похоронены умершие во время войны родственники. Для семейных рассказов характерно противопоставление «общих», официальных блокадных мемориалов (Пискаревское кладбище и другие) и могил родственников, которые выступают как «семейное место памяти», «личный» блокадный мемориал:

Информант: Там нет памятного знака, что вот неизвестная женщина времен блокады, но все мои родственники знают, абсолютно все, что вот там похоронена неизвестная женщина. Вот это, наверное, наша блокада что ли. Не только наше горе. Так сказать, просто бабушка и рядом вот кто-то еще. Вот. Вот, наверное, такая память у нас в семье останется в первую очередь (Там же).

Или:

Информант : Это вот был как музей. То есть семья в других музеях вот блокадных и военных не нуждалась (№ 0202009; Ж., 1965 г. р.)

Блокадный опыт родителей оказывается значимой для окружающих характеристикой семьи респондента, когда он приезжает в другой город или страну:

Информант : А я когда тут была в Москве в прошлый раз, у хозяйки жила, она меня вдруг спросила, что вот, а вообще, ваша семья вот ленинградская, вот у вас в блокаду кто-то был? Я гордо сказала: «Да». Вот... Ну так я знаю (№ 0202001; ж., 1968 г. р.).

Интервьюируемым задавались вопросы, касавшиеся традиций семьи, контекста бытования семейных нарративов: отмечались ли даты снятия и прорыва блокады, в каких ситуациях возникали разговоры о жизни в блокаду, когда и что рассказывали детям. Хотя нормы коммуникации, принятые в семье, различаются в зависимости от отношений родственников, социального положения и прочее, существуют общие представления, актуальные для большинства современных горожан. Респонденты отмечают, что ребенку рассказывают о блокаде, когда он уже ходит в школу: «Потому что маленьким рассказывать, они ничего не понимают» (мужчина 1959 года рождения; интервью № 0202006). Внутри блокадной темы тоже существует градация «закрытости» информации: респонденты

указывают, как правило, что наиболее травматические или интимные воспоминания родителей о блокаде они узнавали уже во взрослом возрасте:

Информант : Когда... когда я подросла, рассказы стали касаться и таких тем, которые ранее были запретными. Ну, например, например, иногда, когда разговоры шли о чистоте, о банях, о выживаемости и о приспособляемости, иногда всплывал разговор о насекомых, о вшах. <...> О том, как в банях мылись вместе мужчины и женщины. И было не до стеснений. Люди были настолько истощены, что было не до стыда, не до каких-то... каких-то посторонних мыслей. Ну и... вот история о тех, которые не верили пропаганде о том, что пропитания хватит, и запасали продукты, как только могли (№ 0202003; Ж., 1951 г. р.)

Подобных стратегий «распределения» знания о блокаде придерживаются респонденты, по их словам, и в разговорах со своими детьми и внуками:

Информант : Я думаю, на примере родственников. Чтоб для них это было понятнее. И потом совсем маленьким-то что говорить. Ну да, жили там твои бабушки-прабабушки так. *Ну с возрастом уже можно что-то и рассказывать, как на самом деле было* (курсив мой. – В.Б.). Постарше – не как сейчас Юра (восьмилетний внук информантки. – В.Б.) (№ 0202007, ж., 1949 г. р.).

Респонденты отмечают, что родители использовали блокадные образы и воспоминания в педагогических целях, акцентируя внимание ребенка на этических нормах или семейных традициях, идущих из блокадного времени. Вот, например, ответ одной из наших респонденток на вопрос о том, когда в ее семье заходили разговоры о блокаде:

Информант : Когда я своими вопросами или действиями провоцировала какие-то высказывания на эту тему, но чаще всего отец меня пытался воспитывать, на него что-нибудь вдруг наезжало, вот и он или в качестве морального примера приводил какие-то детали, или в качестве комментария к тому, допустим, почему у нас до сих пор режется на сухари квадратиками маленькими. Когда ребенок за столом капризничает и кричит: «А я вот не хочу вот такие вот сухарики, квадратненькие». «А ты знаешь откуда? А вот оттуда». Ну примерно вот так (№ 0202009; Ж., 1965 г. р.)

Такая семейная педагогика оказывалась, по-видимому, довольно действенной. Респонденты упоминают случаи «внутреннего» проживания блокадного и военного опыта ребенком в виде игры:

Информант : Была одна ситуация. Но она скорее комическая. Вот то есть... У меня была проблема в детстве: я плохо ела. Мама со мной дико боролась по этому поводу. И в конце концов мне это надоело, и я решила себе что-то такое себе придумать, какую-то игру некую, чтобы вот как бы... чтоб мама была довольна. И я себе придумала. То есть я воображала себе то, как я просто вот где-то на войне, либо во время блокады и это мои последние крохи. С тех пор я ем как бешеная (№ 0202005; Ж., 1965 г. р.).

«Педагогический потенциал» блокадного опыта (стереотип блокады/войны как эталонного времени подвига, на котором могут быть основаны воспитание терпения, мужества и других положительных качеств) использовался и официальной риторикой (один из респондентов вспоминает вопросы в школьном комитете комсомола: «выдержал ли бы, как бы

ты поступил» и так далее).

Именно блокада и война часто выступают основой для реконструкции «страшных» ситуаций ребенком. Страх войны или блокады, попытка представить себя на месте родителей – распространенный случай психологического проживания рассказов о блокаде, интериоризации подобного опыта:

Информант :...я в детстве очень боялась войны. Ну просто катастрофически боялась. Уснуть не могла. Вот. И поэтому для меня все темы вот именно той войны, как бы это и блокада в том числе, ну то есть они для меня не то чтобы болезненны, но я вот как-то их чувствую (Там же).

Респонденты описывают блокаду как стрессовую ситуацию, пограничное состояние между жизнью и смертью. Именно индивидуальный опыт существования в невыносимых условиях наиболее актуален для образов блокады, конструируемых «вторым поколением». Через образы блокады могут восприниматься кризисные ситуации в жизни самого респондента:

Информант : Вообще, на самом деле, особенно остро вот я задумался о том, что было в блокаду, когда я в свое время на войне довелось побывать, когда я попал в окружение. Мне пришлось несколько дней посидеть без еды в одиночестве и еще и в окружении. Вот тогда, я не знаю, то ли... раненый был, то ли в шутку, то ли всерьез, как-то я вот сейчас не могу сказать, тогда мне казалось, что вот это моя блокада началась. <...> Ну знаю, после этого, наверное, я всегда с трепетом относился к этой теме блокады и очень уважаю людей, которые, так сказать, жили в этой блокаде и выжили или не выжили, но мне кажется, что мое уважение только возросло после того, как я на себе немножко испытал какое-то жалкое подобие того, что они пережили (№ 0202002; м., 1969 г. р.).

Сравнение интервью с блокадниками и интервью с их детьми позволяет выявить некоторые трансформации тех образов блокады, которые конструирует следующее поколение. В воспоминаниях блокадников описывается лишь фактическая сторона негативных поступков жителей города (таких, как мародерство, каннибализм), и, как правило, подобные рассказы не содержат этических оценок. В интервью с детьми блокадников они получают моральную оценку. Для многих респондентов подобные эпизоды в рассказе служат поводом для рассуждения на тему невыносимых условий, меняющих людей, человеческой природы, тонкой грани между нормой и безумием и так далее. Другое значимое отличие образов блокады, конструируемых следующим поколением: в рассказах детей блокадников почти отсутствует пафос победы, противостояния, героизма. Подобные мотивы характерны даже для рассказов блокадников, скорее негативно воспринимающих официальную советскую идеологию и созданные ею рамки восприятия военных событий. В интервью с детьми блокадников практически не встречается такая интерпретация событий: упор делается не на подвиг, а на страдание, не на героизм, а на трагическое положение, в котором оказались родственники и все жители города. Иногда респонденты прямо отмечают разницу между своей и родительской оценкой блокадных событий:

Информант : То есть у них не было никаких таких мыслей, что зачем, допустим, город таким испытаниям подвергли? Что не лучше ли было как-то цивилизованно как-то к этому подойти, чтобы люди не жили в условиях, как при каменном веке, в мороз и без электричества, без всего. То есть даже мыслей... То есть они все жили победой, вот это все. То есть совершенно другое сознание было, не такое как у нас. Главное – вот это светлое будущее, а вот

мы такие тут должны все это переносить стойко, что это все... нехорошо, но, по крайней мере, так надо. Совершенно патриотические люди, в общем-то... (№ 0202010; ж., 1953 г. р.).

Для рассказов детей блокадников значима тема ответственности государства, конфликта советской власти и простых граждан, почти не звучащая у родителей. В интервью с блокадниками были включены вопросы о том, кто несет ответственность за тяжелое положение Ленинграда во время блокады, все ли, по мнению респондента, было сделано для того, чтобы облегчить жизнь горожан. Почти все интервьюируемые блокадники единственными виновниками блокады называли немцев; некоторые информанты частично возлагали вину за тяжелое положение жителей города на конкретные структуры, работавшие недостаточно эффективно или во вред ленинградцам. Напротив, интервью с детьми блокадников показывают, что для них образы блокады во многом служат для проблематизации таких тем, как «отношения человека и государства, советской власти». События жизни родителей, их блокадный опыт служит следующим поколениям основой для конструирования собственных образов блокады и оценки исторической эпохи.

Примечания

1 См. «Путеводитель» в Приложении 2.

2 № 0202006; м., 1959 г. р.

3 То же, что *пейоративный* – содержащий отрицательную оценку.

4 О восприятии семейной традиции как личных биографических обстоятельств см. статью П. Томпсона (Томпсон 2003б: 110–145, особенно с. т).

5 Значимым контекстом таких страхов служила нагнетаемая официальным дискурсом времен холодной войны угроза нового военного столкновения. Ожидание и страх новой войны оказывались актуальным психологическим фоном для школьника.

III

Блокада и идеология советского общества

Виктория Календарова

Формируя память

Блокада в ленинградских газетах и документальном кино в послевоенные десятилетия

Начиная с январских дней 1944 года, дней снятия блокады Ленинграда, она оставалась в памяти, не будучи забытой ни на минуту. О блокаде говорили, писали, снимали фильмы; возводили памятники и монументальные комплексы, посвященные ее событиям и людям, погибшим в блокаду и пережившим ее. Благодаря непрерывности этой традиции – традиции вспоминать и напоминать – о блокаде помнят и сегодня. Помнят не только ее свидетели, носители «живой памяти», но и последующие поколения. Но каждый раз, когда мы вспоминаем эту страницу прошлого, мы видим его из сегодняшнего дня, с сегодняшней позиции, выбирая сюжеты и давая им интерпретации, «забывая» или «возрождая в памяти» детали. Возможно, в большей степени это касается индивидуальных воспоминаний, однако почти идентичные

механизмы работают и в той сфере, которую историки и социологи называют «коллективной памятью». Как писал американский историк Патрик Хаттон, «традиции всегда касаются настоящего, хотя считается, что они вызывают в памяти прошлое» (Хаттон 2003:359).

Изменяющаяся с течением лет память о блокаде, таким образом, тоже имеет свою историю – отличную от истории самой блокады, – и потому мы вправе рассматривать ее как самостоятельный объект исследования. Все, что призвано было напомнить о блокаде – будь то статья, фильм или памятник, – не только напоминает о прошлом, но и открывает нам современный своему созданию дискурс. Обратившись в данной статье к изучению истории памяти о ленинградской блокаде, я остановлю свое внимание на складывании и изменении традиции вспоминать блокаду в публичной, официальной сфере. Иными словами, исследование будет посвящено официальному блокадному дискурсу. Это понятие в данном случае подразумевает весь комплекс допустимых тем, сюжетов, образов и трактовок, которыми можно и нужно было оперировать, говоря о блокаде в газетах, документальном и художественном кино, книгах, публикуемых мемуарах. За границами рассмотрения, таким образом, останутся частные разговоры, воспоминания о блокаде, несомненно, звучавшие в ленинградских семьях, рассказы, передававшиеся из поколения в поколение в кругу родственников и знакомых, или воспоминания, писавшиеся в «стол». И все же следует сразу подчеркнуть, что совершенно отделить в данном случае частную сферу от публичной, несомненно, нельзя. Очевидно, что любые публичные репрезентации блокады основывались на индивидуальном опыте. Не менее очевидно и обратное влияние – любой индивидуальный рассказ, безусловно, соотносился с тем, что слышали, видели или читали свидетели блокады уже после ее окончания. Еще более сужая заявленную в качестве предмета исследования тему, в данной статье я ограничусь анализом того, как репрезентировалась блокада в газетах и документальном кино на протяжении послевоенных лет. Такой выбор фокуса исследования основан на предположении, что эти сферы, в советскую эпоху практически всецело принадлежащие полю политики, являлись орудием идеологии. То есть они служили идеологическим, воспитательным целям и, следовательно, были максимально ориентированы на сознательное формирование и формулирование официального дискурса исходя из политических задач, стоявших перед властью в тот или иной период.

«Каким образом люди вспоминают о прошлом, зависит от того, какой властью обладает та группа, которая формирует эту память. Традиция служит подспорьем современной политики, она – один из видов оружия в арсенале политических тактик», – писал Патрик Хаттон, опираясь на концепцию «политики памяти» французского социолога Мориса Хальбвакса (Хаттон 2003). Полностью соглашаясь с таким подходом в отношении традиции памяти о блокаде, можно сказать, что, формируя доступными ей средствами определенную традицию вспоминать ленинградскую блокаду и видоизменяя эту традицию на протяжении долгих послевоенных десятилетий, советская власть руководствовалась в первую очередь политическими потребностями настоящего момента. Иными словами, вопрос о том, как помнить блокаду, и связанный с ним следующий вопрос, что нужно помнить о ней, решались в тесной связи с политическими задачами власти: зачем сегодня нужно помнить блокаду?

В данной статье я не буду касаться механизмов политической игры, происходившей в кругах высшего партийного руководства страны, которая сопровождала изменения памяти о блокаде (об этом см.: Дзенискевич 1998а). Мое внимание будет сосредоточено на анализе риторики газетных и киноматериалов, то есть на исследовании самого процесса трансформации официальных, публичных форм памяти о блокаде, связанного с изменением идеологических задач, стоящих перед властью на разных этапах.

Статья основана на анализе материалов ленинградских газет: за 1946–1991 годы –

«Ленинградская правда», «Смена» и «Вечерний Ленинград»; за 1991–2003 годы – «Смена», «Санкт-Петербургские ведомости» и «Невское время». Были использованы выпуски этих газет, вышедшие в памятные блокадные даты, 18 и 27 января (то есть дни прорыва и снятия блокады), а также в дни, ближайšie к этим числам. Кроме того, использован ряд документальных фильмов, посвященных ленинградской блокаде.

Город, «затмивший славу Трои», и пафос восстановления: блокадные даты в ленинградских газетах 1946–1949 годов

Первые четыре послевоенных года составляют особый период конструирования памяти о блокаде в городской прессе. Эти годы предшествовали печально известному политическому процессу сталинской эпохи, в результате которого все высшее руководство ленинградской партийной и советской организации, а также ряд ленинградских коммунистов были репрессированы (так называемое «ленинградское дело»). Блокадную память, нашедшую отражение в местных газетах этого времени, условно можно назвать памятью о «ленинградской военной славе». На страницах этих изданий за 1946–1949 годы, вышедших в дни празднования памятных блокадных дат (18 и 27 января), постепенно получает все большее развитие тема уникального подвига города, не только не сдавшегося осаждавшему его врагу, но и самостоятельно вырвавшегося из осады. В ленинградских газетах много говорится не только о прошлом города, но и о его настоящем и будущем – отчетливо выражен пафос современного и предстоящего героического труда по восстановлению и возрождению Ленинграда. Таким образом, память о героическом прошлом не предстает в материалах этих газет ценной сама по себе. Славные военные традиции Ленинграда и подвиг ленинградцев, совершенный ими в годы войны и блокады, используются для того, чтобы создать фундамент, внутреннюю моральную опору для предстоящего тяжелого труда по восстановлению города. Конечно, и пафос восстановления, и опора на героический подвиг советского народа в годы войны в конструировании послевоенного общественного сознания – характерная черта всей послевоенной советской пропаганды. Но ленинградская «блокадная память» этих лет имела и свои специфические особенности.

Заметную роль в прославлении подвига Ленинграда сыграла известная речь А.А. Кузнецова, только что назначенного секретарем ЦК, произнесенная 16 января 1946 года на предвыборном совещании в Ленинграде. Исследователи «ленинградского дела» В.И. Демидов и В.А. Кутузов считают, что речь Кузнецова была похожа скорее на гимн городу, чем на обычный для выступлений такого рода гимн Сталину (Ленинградское дело 1990:36). Демидов и Кутузов называют эту речь «крамольной», учитывая то, что при чтении обвинений, выдвинутых против руководителей города в 1949 году в ходе «ленинградского дела», они «никак не могли отделаться от впечатления, что фабула этого страшного документа списана с выступления А.А. Кузнецова» (Там же, 40).

Действительно, в речи секретаря ЦК говорилось и о самых тяжелых испытаниях, выпавших на долю Ленинграда в военные годы, и о том, что захват Ленинграда был основной целью плана «Барбаросса» в первый период войны, и о неценимом вкладе ленинградцев в дело защиты Родины. О Ленинграде говорилось как о городе, «первым остановившем врага и разгромившем гитлеровские полчища под своими стенами», «выдержавшем двадцать девять месяцев осады» и «затмившем славу Трои» (Смена. 1946.20 января). В.И. Демидов и В.А. Кутузов пишут о том, что ошибки, допущенные в «крамольно-восторженной» речи Кузнецова, в первую очередь недостаточное по тем временам восхищение Сталиным, были замечены как ленинградскими руководителями, так и их московскими политическими соперниками. После

этого ленинградское руководство стало гораздо более осторожным в формулировках своих выступлений (Ленинградское дело 1990:40). Однако в ленинградских газетах, как можно заключить из анализа их публикаций в памятные блокадные даты, «крамольное» воспевание военной славы Ленинграда продолжилось и в 1946–1949 годы. И хотя формулировка о помощи страны и лично товарища Сталина заняла свое место практически во всех официальных статьях и опубликованных в газетах докладах, посвященных обороне Ленинграда, восхищение прессы великим подвигом города год от года нарастает и скорее приближается к мыслям, выраженным в речи Кузнецова, чем идет на убыль.

Основополагающие, или, как говорили в то время, «установочные», цитаты из выступлений партийных и государственных руководителей в советский период были неизменным атрибутом публикаций прессы на самые разные темы. Не был исключением в этом отношении и послевоенный Ленинград. Однако для создания фундамента ленинградской военной и послевоенной славы прессой были выбраны три высказывания, обладавшие более высоким статусом, чем мысли из «крамольной речи»: использовались цитаты, взятые из слов не ленинградского, а центрального руководства. Можно выделить три таких цитаты, наиболее часто встречаемые как в заголовках, так и в текстах газетных публикаций 1946–1949 годов. Первыми были слова Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина, назвавшего в приказе от 23 февраля 1944 года освобождение города от блокады «Великой победой под Ленинградом». Вторая цитата была взята из речи М.И. Калинина, произнесенной им в 1945 году при вручении Ленинграду ордена Ленина: «Пройдут века, но дело, которое сделали ленинградцы – мужчины и женщины, старики и дети этого города, – это великое дело, дело Ленина и Сталина – никогда не изгладится из памяти самых отдаленных поколений». Третьей многократно повторяемой цитатой стала формулировка, прозвучавшая в тексте Четвертого пятилетнего плана, в котором перед Ленинградом ставилась задача восстановления города «как крупнейшего индустриального и культурного центра страны».

Эти цитаты и стали теми краеугольными камнями, на которых советские идеологи пытались выстроить ленинградскую идентичность послевоенного времени, сформировать отношение ленинградцев к своему военному прошлому и трудовому настоящему. Эти цитаты, конечно, не исчерпывают всего говорившегося и писавшегося, и все-таки они являлись своеобразным фундаментом, на котором авторы речей и статей возводили здание военной и послевоенной ленинградской славы. Три цитаты полностью отражали и суть этой славы – гордость победой войск под Ленинградом, гордость подвигом, совершенным не сломленными блокадой жителями города и, наконец, гордость самим городом. И в то же время все три цитаты указывали в первую очередь путь в будущее. Победы воинов и мужество тружеников тыла представлялись теми славными традициями города, которые призывали продолжать их новыми подвигами на трудовом фронте послевоенного восстановления страны. Гордость великим городом также должна была побуждать ленинградцев к необходимости его быстрее восстановления.

В день годовщины прорыва блокады, 18 января (иногда 17-го или 19-го, если праздничная дата выпадала на выходной день издания), во всех трех основных ленинградских газетах обычно помещалось, во-первых, по одной большой статье, посвященной годовщине победной наступательной операции советских войск в 1943 году. Обычно эта статья была подписана кем-то из представителей высшего или среднего командного состава Советской Армии (чаще всего, командирами, принимавшими непосредственное участие в боях за освобождение города от блокады, или представителями высшего командного состава в послевоенное время). Содержание этих статей в «Ленинградской правде», «Смене» и «Вечернем Ленинграде» не слишком отличалось друг от друга и выстраивалось по общей схеме.

Чаще всего рассказ начинался с описания процветающего довоенного города, затем следовали слова об огромном стратегическом значении, которое придавалось захвату Ленинграда в немецких военных планах начала войны, и о том, как планы молниеносного захвата города были сорваны защитниками Ленинграда. Далее приводилась общая схема хода обороны города, битвы за Ленинград. Подробно говорилось о подготовке войск к операции по прорыву блокады, об учениях, предшествовавших началу операции, о ее успешной реализации и огромном политическом, военном и хозяйственном значении. Чаще всего приводился рассказ о подвиге одного или нескольких комсомольцев и коммунистов в ходе победного наступления (см. например: Меркурьев 1947). В обязательном порядке упоминались факторы, позволившие городу выстоять и победить. В большинстве случаев среди таких «победных факторов» назывались: стойкость и мужество ленинградцев, забота Сталина, поддержка страны, умелое руководство Ленинградской партийной организации (см. например: Симоняк 1946; Одинцов 1947). Завершал статью обязательный абзац об идущем в городе восстановлении хозяйства, успешном залечивании военных ран, досрочном выполнении планов и финальный призыв к тому, чтобы подвиги защитников города «вдохновляли нас на новые успехи в труде» (Одинцов 1947).

Абсолютно аналогичные статьи, посвященные военной операции по полному освобождению города от блокады, помещались в ленинградских газетах 27 января. Они сопровождались обычно целым комплексом материалов, посвященных празднованию годовщины освобождения Ленинграда от блокады. Обычно передовицы «Ленинградской правды» и «Смены» 27 января содержали лишь общие слова о героической обороне Ленинграда, основной же акцент делался на восстановлении города – на том, что уже сделано в этом направлении и что еще предстоит. Таким образом, передовые статьи основных ленинградских изданий прямо говорили об основных целях, которым должно было служить воспоминание о военном прошлом. В них чаще всего использовались в разной форме три упомянутые выше «установочные» цитаты. Передовица «Смены» 27 января 1946 года приводит сразу все три высказывания: слова «Великая победа» вынесены в заголовок, в тексте приведена цитата из речи М.И. Калинина, заканчивается статья традиционным обращением к нынешним трудовым будням: «Мы не только вспоминаем суровую пору войны, но и радуемся возрождению нашего города как крупнейшего индустриального и культурного центра страны» (Великая победа 1946).

Цитаты из газетных материалов этих лет, в которых трудовые подвиги рассматриваются как продолжение славных военных традиций, можно приводить до бесконечности. В передовице «Ленинградской правды» от 27 января 1948 года эта тема по-прежнему остается главной: «Трудящиеся города с гордостью оглядываются на пройденный путь. Вспоминая о пережитом, они отдают дань всенародной любви и уважения участникам исторической битвы. Перелистывая героические страницы священной летописи Великой Отечественной войны, они видят наглядные примеры выдающейся самоотверженности в труде и в бою, умножающие сейчас наши силы в борьбе за расцвет родного города, за послевоенную сталинскую пятилетку» (Ленинградская правда. 1948.27 января).

Каждый год 27 января в Ленинграде, в помещении Театра оперы и балета имени Кирова, проходило торжественное заседание, посвященное дню полного освобождения города от блокады. В собрании принимали участие депутаты Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся, представители партийных и общественных организаций города, члены командования Ленинградского военного округа и частей ВМФ, герои обороны Ленинграда. На заседании выступал с докладом представитель руководства городской партийной организации или командного состава Ленинградского военного округа, завершалось собрание большим

концертом. Репортаж об этом праздничном мероприятии на следующий день публиковался в ленинградских газетах, часто о торжественном собрании в Театре оперы и балета имени С.М. Кирова кратко рассказывала также и «Правда». В репортажах и в приводившихся в них цитатах из выступлений ленинградского руководства подчеркивалась традиционность обращения в этот день не только к героической военной славе прошлого, но и к послевоенным трудовым подвигам: «Это стало уже традицией: торжественно отмечая ежегодно славную дату, воскрешая в памяти волнующие события тех дней, славя героев, громивших врага, труженики нашего города оглядывают пройденный с тех пор путь, подводят итоги своих созидательных дел, являющихся закономерным продолжением военного подвига» (Пятилетие 1949)-

Огромное число различных по жанру праздничных материалов ленинградских газет 1946–1949 годов объединено одной общей темой – город возрождающийся, «город – трудовой фронт». И здесь настоящее и будущее города и его жителей оказывалось тесно связанным с их героическим прошлым. В статьях, очерках, рассказах, репортажах, заметках, письмах и воспоминаниях подробно описывалось не только материальное воплощение успехов восстановления, но и успешное возвращение вчерашних воинов и тружеников города-фронта блокадных лет к мирной жизни, к мирному труду и учебе. Рассказы о героических подвигах ленинградских комсомольцев в годы войны и блокады на фронте, в отрядах МПВО, в бытовых отрядах, на производстве всегда завершались описанием нынешних стахановских подвигов комсомольцев (см. например: Воронин 1946; Викторов, Филатов 1947; В наступлении 1949 и т. д.). Во всех этих материалах, посвященных успешному переходу от войны к миру, всегда воспроизводилась одна и та же схема состоявшегося возвращения от ратного труда к мирному. Это касалось как отдельных ленинградцев, продолжающих традицию подвига ударной работой на производстве или успехами в учебе (см. например: Головань 1946; Сергей Орлов 1946; Вересов 1946; Старков, Кан 1947; Садовский 1947; Бойцы 1949 и др.), так и трудовых коллективов заводов или фабрик (На орденоносном заводе 1946; Шагинян 1947; Торжествующая жизнь 1948 и т. д.), колхозов и совхозов области (Жестов 1946; Ингинен 1947; На Дороге Жизни 1949) или даже целых городских и пригородных районов (Там, где шли бои 1946; По местам боев 1947; На возрожденной земле 1949).

Поскольку воспоминания о блокаде использовались для того, чтобы напомнить о необходимости продолжать героические военные традиции, кажется вполне закономерным то, что блокада представлена в официальном дискурсе этих лет исключительно как героическая эпопея. При этом героика фронтовая в газетных публикациях, безусловно, преобладает.

Статья ленинградской писательницы Веры Кетлинской «Мост в будущее» (Кетлинская 1946) – практически единственная публикация ленинградских газет послевоенного пятилетия, в которой присутствуют воспоминания о тяжести блокадной жизни¹. Хотя здесь и говорится о высоком моральном духе и стойкости ленинградцев, все же в статье есть строки о голоде и холоде ленинградской блокадной зимы. Основная тема статьи – воспоминания о том, как запомнилось ленинградцам начало победного наступления 1944 года. Статья Ильи Эренбурга «Наша гордость» – один из редких материалов, посвященных героизму простых жителей города в годы блокады: «Каждый ленинградец, переживший годы блокады, это воин, ветеран обороны, подлинный герой» (Эренбург 1949)– «Встречая в толпе незнакомого, – пишет автор, – я порой думаю: этот перенес блокаду... Таких узнаешь по глазам: в них не только память о горе, в них закал большой воли. Ленинград велик не только тем, что вынес, он велик и тем, как он вынес то, чего другие не вынесли бы» (Там же). Центральное место в статье занимает рассказ о попавшем в руки автора блокадном дневнике ленинградской девочки, в котором записаны названия книг, которые она читала блокадными ночами («Анна Каренина», «Овод» и другие). Уже после войны автор выяснил, что в дневнике записаны названия книг, не которые

девочка читала (из-за темноты), а которые вспоминала, и это помогало ей выжить. Окончание статьи снова направлено в будущее: «И павшие за Ленинград могут требовать от живых высоких чувств и высоких дел. У нас есть идеал, достойный подражания – жить так благородно, как жили герои Ленинграда, работать так самоотверженно, как они сражались» (Там же). И это практически все, что можно было прочесть в газетах послевоенных лет о том, что пришлось пережить ленинградцам в годы блокады.

«Визуальный ряд» газетных выпусков этих лет ограничивался фотографиями праздничного салюта 1944 года, снимками разрушенных в блокаду и восстановленных впоследствии зданий (обычно они помещались рядом), и фотографиями, сделанными на Ленинградском фронте.

На героическом аспекте жизни блокированного города делался акцент и документальных фильмах о Ленинграде военных лет, снимавшихся в эти годы. Характерный пример представляет собой фильм «Великая победа под Ленинградом» (1947, Центральная студия документальных фильмов, режиссер Н. Комаревцев). Фильм начинается с показа картин мирной жизни довоенного города, прерванной нападением фашистов, затем рассказывается о превращении Ленинграда в город-фронт, о продолжающейся в блокадное время работе в цехах ленинградских заводов. Некоторые кадры, по которым можно составить представление о том, какой была жизнь блокированного города, в фильм все-таки попали: показаны вставшие, занесенные снегом троллейбусы; жители, берущие воду из ручья на улице. Но главной неизменно остается тема героизма ленинградцев и завершающий призыв к трудовым победам в мирное время. Титры в финале фильма призывают: «С именем Сталина мы победили в войне, с именем Сталина мы добьемся новых успехов, вперед, ленинградцы, за Родину нашу, за счастье советских людей!»

Таким образом, общий пафос официального дискурса этого времени заключался в провозглашении послевоенного города «трудовым фронтом». В этой связи понятны многочисленные упреки, выражаемые исследователями ленинградскому, да и центральному послевоенному руководству, заключающиеся в том, что «за кадром» всегда оставались человеческие потери, понесенные городом, да и вся трагическая сторона блокадной эпопеи, ставшей на страницах газет и книг, на экранах кинотеатров, неотделимой от эпитета «героическая». По мнению В.И. Демидова и В.А. Кутузова, основная причина «табу» на упоминания о жертвах и потерях, о трагической стороне военных событий заключается в «жесткой установке показывать людям только светлые стороны бытия» (Ленинградское дело 1990: 38). По их мнению, эту установку можно считать оправданной во время войны, но не в послевоенный период. Нужно, однако, учитывать, что память о блокаде, которую пытались формировать партийные идеологи и руководители, была связана не только с военным прошлым, но и с задачами текущего момента – нужно было создать ленинградцам моральную опору для предстоящего им тяжелого труда по восстановлению города. Жители Ленинграда должны были работать в очень жестком режиме, в суровых послевоенных материальных условиях – с тем же упорством, с которым они трудились для фронта в годы войны (не зря появляется метафора «город – трудовой фронт»). Поэтому прежняя установка сохраняла в глазах власти свою актуальность.

Безусловно, мы вправе и поставить вопрос об отклике населения города на эту установку. Может быть, сразу после войны, когда время еще не залечило раны, большинство ленинградцев и не было внутренне готово вспоминать о жертвах и потерях? Или, напротив, большое количество свидетелей блокады оказалось в состоянии тяжелого внутреннего дискомфорта в связи с невозможностью соотнести собственные трагические воспоминания с героическим пафосом официального дискурса? В настоящее время, читая эти многочисленные публикации,

рапортующие о бесппроблемной адаптации к мирной жизни вчерашних фронтовиков и блокадников, нам очень трудно найти ответы на эти вопросы. Лишь с помощью глубоких интервью со свидетелями блокады, возможно, еще есть шанс приблизиться к пониманию внутренних переживаний ленинградцев второй половины 1940-х годов. Но, к сожалению, сейчас мы уже не можем услышать голоса большинства тех, кто мог бы ответить нам на эти вопросы.

От 1948-го к 1950-му: изменение концепции «Великой победы»

К 1948 году в ленинградских газетах все более активно развивается тема уникальности подвига города в годы войны. Однако эта уникальность представлена лишь в его военной составляющей. Статья, помещенная в праздничном номере «Вечернего Ленинграда» 26 января 1948 года («Великая победа»), начинается со вполне «легитимного» упоминания ведущей роли Сталина в планировании всех военных операций: «в ходе Ленинградской битвы были успешно решены задачи, поставленные Сталиным по разгрому северо-восточного крыла немецких армий» (Гвоздиков 1948). Об операции под Ленинградом говорится как о первом из десяти сталинских ударов, позволившем развить успех в Прибалтике. Однако в этой статье появляется и идея уникальности снятия ленинградской блокады ударом изнутри, из осажденного города, то есть самостоятельного снятия городом вражеской осады. Развивается эта мысль и в статье «Смены» от 27 января 1949 года: «Впервые создан план, по которому город сам снял осаду» (Семенов 1949).

В том же, 1949 году статью, посвященную пятилетнему юбилею снятия блокады, помещает «Правда»². Отличие концепции победы под Ленинградом, представленной в центральной газете, от «местной» версии не может не броситься в глаза. Статья, подписанная маршалом Советского Союза Л.А. Говоровым³ («Разгром немцев под Ленинградом – победа сталинского военного руководства»), начинается с рассказа о «десяти сталинских ударах», первый из которых был нанесен не просто под Ленинградом, но «под Ленинградом и *Новгородом*» (курсив мой. – В.К.). Казалось бы, «Правда» подтверждает идею о самостоятельном снятии осады городом изнутри: обеим операциям (1943 и 1944 годов) «была присуща ведущая идея удара из осажденного города», и в этом проявилось «полководческое предвидение сталинского военного руководства» (Говоров 1949). Но в отличие от ленинградских публикаций, рассматривавших победы под Ленинградом 1943–1944 годов чаще всего вне контекста общего хода военных действий, в статье Л.А. Говорова это событие оценивается с двух сторон. С одной стороны, операция 1943 года по прорыву ленинградской блокады проводилась, когда силы фашистских войск были сосредоточены под Сталинградом, то есть были оттянуты на себя защитниками Сталинграда. В то же время сама победа под Ленинградом оказала влияние на успехи на других фронтах. Это характерно и для «первого сталинского удара» – операции по снятию блокады Ленинграда и освобождению Новгорода в 1944 году: в это время силы немцев были оттянуты на Курск и Украину, а успех этого первого удара создал благоприятные условия для ударов в Белоруссии, Карелии, Прибалтике. В конце рассказа о снятии ленинградской блокады подчеркивается личная роль Сталина в победе: «Победа была одержана благодаря полководческому гению и мудрому повседневному руководству тов. Сталина – основоположника советской военной науки, творца всех стратегических планов в Великой Отечественной войне» (Там же).

Вследствие «ленинградского дела» – политического процесса, начавшегося в 1949 году, в ходе которого репрессиям было подвергнуто высшее руководство ленинградской партийной и советской организации и многие ленинградские коммунисты, – оказывается

«репрессированной» и память о блокаде. Закрывается создававшийся в течение нескольких лет Музей обороны Ленинграда в Соляном городке, новая версия победы под Ленинградом с этого времени озвучена в прессе.

В 1950 году в ленинградских газетах идея самостоятельного снятия осады изнутри блокированного города заменяется мыслью о «комбинированном наступлении изнутри и снаружи» – гениальном полководческом замысле И.В. Сталина. Условием успешности этого первого сталинского удара, нанесенного под Ленинградом и Новгородом, согласно газетным статьям тех лет, стали победы, уже одержанные советскими войсками к январю 1944 года под Сталинградом и на Курской дуге, а в самом начале обороны Ленинграда городу помогла выстоять победа советских войск под Москвой (см.: Быков, Хренов 1950; Торжество 1950; Кугурушев 1950). Та же версия военных успехов 1944 года под Ленинградом представлена в праздничных статьях ленинградских газет в 1951–1953 годах. Огромное место в них также занимает восхваление полководческого гения Сталина и его роли в планировании и проведении наступательных операций, в последующем послевоенном восстановлении Ленинграда (см., например: Товарищ Сталин 1951; Князев 1952; Прохвятилов 1950 и др.).

Возрождение памяти: «никто не забыт и ничто не забыто»?

Не сразу после реабилитации в 1954 году руководителей города, репрессированных по «ленинградскому делу», происходит возвращение «блокадной памяти» в официальный дискурс. В 1954–1957 годах о блокаде в ленинградских газетах или не говорится ничего, или очень мало. Активное возрождение «блокадной темы» начинается в конце 50-х – начале 60-х годов, когда взрослыми становятся те, кто родился уже после снятия блокады.

В это время среди жителей Ленинграда незнакомыми с блокадой на личном опыте оказываются уже не только приезжие, которых было много в городе и сразу после войны: восстановление города требовало большого количества рабочих рук, и многие люди приехали в Ленинград для участия в строительных и иных работах. К концу же 50-х годов уже выросло новое поколение не видевших войны потомственных ленинградцев. Можно предположить, что в это время формируется самосознание «блокадников» как группы, объединенной общим прошлым, и, следовательно, у этой группы появляется желание сохранить и передать свою память потомкам. Желание оказывается подхваченным «сверху» или же инициатива «сверху» активизирует это желание? Безусловно, обе тенденции дополняют друг друга – иначе попытка воскресить память о блокаде в публичном дискурсе оказалась бы неудачной. С одной стороны, память о прошлом – это то, что объединяет старшее поколение ленинградцев, и старшее поколение хочет передать эту память потомкам, чтобы связь поколений не была разорвана. С другой стороны, память о блокаде оказывается в это время востребованной властью. В этом смысле показательна история появления первой официальной организации ленинградских блокадников, общества «Юные защитники Ленинграда». Так рассказывает об этом один из членов Правления этого общества Владимир Алексеевич Смирнов: «Из достаточно крупных организаций, мы одна из старейших, то есть мы с 68-го года официально, а вообще мы несколько раньше родились, а родились мы по инициативе обкома комсомола. Сейчас есть депутат Селиванов в Законодательном собрании, Валерий Николаевич, может, не он один, но я помню его, может быть, это и его инициатива, может быть, я не знаю, он тогда работал в обкоме комсомола, и было принято такое решение, организовать операцию „Поиск“. Она заключалась в том, что в нашей ленинградской газете „Ленинские искры“, „Пионерская правда“ это была центральная газета, а „Ленинские искры“ это была ленинградская газета, было объявление, обращение было к пионерам и школьникам, которые читают эту газету, так

скажем, образно – найти своих родителей. То есть знают ли они, кто их родители были в блокаду и так далее. И меня сын нашел (*смеется*)» (Архив Центра устной истории ЕУ СПб. Интервью № 0101018).

Тема связи поколений или необходимости сохранения и передачи памяти о войне и блокаде отчетливо прочитывается в юбилейных номерах ленинградских газет в 1960-е годы. В номере «Ленинградской правды» от 18 января 1963 года эту тему ярко озвучили два знаменитых ленинградских поэта – Николай Тихонов: «Молодое поколение» должно помнить, какими «потоками крови, какими героическими усилиями» досталась победа над врагом (Тихонов 1963) – и Михаил Дудин, предложивший поставить памятник героям обороны Ленинграда на средства, собранные горожанами. «Мы высечем на камне самые сердечные слова признательности... Пусть эти слова для всех времен будут как клятва и вселяют в души потомков мужество и великое чувство нерасторжимой связи героических поколений, идущих в светлое завтра» (цит. по: Ключевская, Курбатов 1963). В юбилейном, 1964-м году, когда исполняется 20 лет со дня снятия блокады, «Ленинградская правда» снова и снова возвращается к теме связи поколений. 18 января газета пишет: «Выросло новое поколение, родившееся после войны. Те, кому сегодня за двадцать, не видели ее ужасов, но они должны знать, ценой каких огромных жертв завоевано их сегодняшнее счастье... Знать, чтобы еще больше ценить и любить нашу советскую Родину, прекрасный город, в котором они живут». Редакция газеты солидаризируется с этими словами героя труда А.Н. Мясникова, предлагая приложить все силы для сохранения памяти о героическом прошлом: «Надо собрать все до крупинки». 26 января та же «Ленинградская правда» публикует обращение героев обороны Ленинграда к «тем, кому сегодня двадцать», напоминая о том, что жертвами блокады стали 700 тысяч человек: «Светлая память о них – это тоже ваше наследие.... Не растратыте свою жизнь на пустяки. Храните и приумножайте духовное наследие, завещанное вам старшими поколениями».

В 1965 году газета снова адресует свой призыв молодому поколению ленинградцев: тема связи поколений уже прочно вошла в блокадный дискурс. «Что такое двадцать один год? – рассуждает автор статьи. – Много или мало это для истории?» И отвечает: «Сегодня в твои вузы, на твои заводы, Ленинград, приходят ленинградцы, взрослые люди, ни одного дня не прожившие в осажденном городе, но унаследовавшие героические традиции старших поколений» (Черта 1965).

Можно предположить, что все говорящееся в это время в публичном дискурсе о блокаде в большей степени обращено именно к молодому поколению, к молодежи как к «целевой аудитории». Власть гораздо меньше интересовала те, кто мог бы быть «идеальными читателями» или «идеальными зрителями» образа блокады, вынесенного в газеты и документальное кино. То есть те ленинградцы, которые могли бы с возможно большей точностью узнавать в прочитанном или увиденном то, что когда-то им пришлось пережить. «Целевая аудитория» газетных публикаций меняется по сравнению с первыми послевоенными годами. Изменившаяся аудитория приводит и к изменению описательной стратегии. Прежний официальный дискурс, апеллировавший к военным подвигам ленинградцев с целью призыва продолжить их в мирное время, не стремился к подробному описанию того, что недавно пережили жители города. Теперь такое описание стало актуальным. Вторая часть лозунга, выдвинутого в это время – «Никто не забыт, и ничто не забыто», – призывала именно усилить внимание к деталям и подробностям, о которых молодое поколение могло не знать.

И снова вопрос о том, как помнить блокаду, был тесно связан с ответом на вопрос, первичный для идеологии: для чего нужна эта память? Для чего нужна связь между довоенным и послевоенным поколением, какие задачи они будут решать вместе? Первый ответ казался очевидным: все поколения советских граждан вместе строят светлое социалистическое

будущее. Этот ответ вполне соответствует тем прямым интенциям, которые звучали в официальном дискурсе первых послевоенных лет: героическое прошлое должно вдохновлять на героические подвиги в настоящем.

Однако конец 50-х – начало 60-х – время, когда политическая ситуация в мире сильно изменилась; холодная война уже давно набрала обороты. В условиях угрозы новой войны, которую в то время начинает сопровождать развернувшаяся в Советском Союзе кампания «борьбы за мир», появилась дополнительная мотивация вспоминать о военном прошлом: необходимо помнить войну, чтобы не допустить ее повторения. И в этом случае вместе с героической составляющей «блокадной памяти», зовущей на подвиги социалистического строительства, появилась и другая, трагическая – становится возможным изображение войны как великой трагедии. Ситуация угрозы новой войны в условиях провозглашенной необходимости борьбы за мир позволяла сказать о войне как о большой трагедии, в том числе и трагедии мирного населения. Трагические воспоминания, хранившиеся в памяти свидетелей блокады, но практически не имевшие ранее выхода в официальном дискурсе, получают возможность прозвучать громко и открыто.

«Отмечая сегодня славную годовщину, люди думают прежде всего о мире, вкладывая в это слово все свои думы и надежды», – пишет «Ленинградская правда» (Подвига славная годовщина 1960). Говоря о блокаде, ленинградские газеты напоминают о том, что немецкие генералы, виновные в военных преступлениях, живут сейчас в ФРГ, получают пенсии или даже состоят на действующей службе и «тянут руку к пусковой кнопке ракетно-ядерной войны. Нельзя забывать, что это рука убийц» (Яблочкин 1966). Эпоха советской «борьбы за мир» продолжается и в 1980-е годы: о том же по-прежнему говорит передовая статья «Ленинградской правды» в 1984 году: «Новые поколения ленинградцев выросли после войны. Изначально, от рождения, они получили многие блага, которые в суровой борьбе с врагом отстояли их деды и отцы», и именно поэтому они «должны знать, какой ценой оплачено то, что мы имеем сегодня, знать, что несет людям война и какое это великое счастье – мир, которой с такой последовательной настойчивостью отстаивает на международной арене наша партия, советское государство». По мнению газеты, «один из уроков войны – это „напоминание заокеанским стратегам, бряцающим оружием“, что „советские люди умеют за себя постоять“».

Появляющаяся с конца 1950-х годов в ленинградских газетах трагическая составляющая не разрывает прежний, героический блокадный дискурс, а лишь дополняет его. И все-таки это дискурс, в котором не только живут и сражаются, но и умирают, в котором есть не только герои, но и герои-жертвы войны и блокады.

Как уже говорилось выше, впервые после «Ленинградского дела» городская пресса по-настоящему возвращается к событиям блокады в 1958-м – в год пятидесятилетия ее прорыва. С одной стороны, блокада предстает и в привычном, героическом облике: юбилейный номер открывается статьей, рассказывающей о ходе победного наступления (Привалов 1958). В то же время впервые читателям газеты предстала и другая блокада, увиденная глазами жителя осажденного города. 18 января 1958 года «Ленинградская правда» публикует большую подборку материалов блокадного радиожурналиста Лазаря Маграчева. Картины жизни блокированного города Лазарь Маграчев рисует, описывая сохранившиеся фонозаписи сделанных им в блокадные дни репортажей. Так рассказывает он о блокированном городе конца декабря 1941 года: «Это самый тяжелый месяц. Невыносимая стужа. Очень голодно. Совсем темно. Дома почернели от дыма пожаров. Окна без стекол, заткнуты тряпьем, забиты фанерой. Раннее утро, а всюду уже видны силуэты очередей, ослабевшие женщины у магазинов» (Маграчев 1958). Автор рассказывает о состоявшейся в тот самый тяжелейший месяц встрече с жителями одной из ленинградских квартир, где один из жильцов,

водопроводчик, наладил работу водопровода в доме: «Только ленинградцы, пережившие блокадные зимы, могут понять, что такое был в то время действующий водопровод. Воду брали в Неве, с бидонами, с чайниками спускались к прорубям» (Там же). В статье Лазаря Маграчева трагедия и героизм блокированного города неразрывно связаны: «Вторая блокадная зима. Опять город занесен снегом. Сугробы достигают вторых этажей. Редкие пешеходы медленно плетутся по темным узким улицам. Обледенелый, застывший, пустынный город... Но город живет, трудится и воюет» (Там же).

В документальном кино возвращение к блокадной памяти происходит немного раньше. Большой документальный фильм о Ленинграде «Город на Неве»⁴ был снят в 1957 году к 250-летию юбилею город. Туда вошли кадры, посвященные блокаде. В фильме также можно увидеть людей, набирающих воду из невской проруби, и кадры, где взвешивают блокадный хлеб. Текст, сопровождающий эти кадры, рассказывает: «Улицы, кажется, оцепенели, и с таким трудом достается капля студеной невской воды. И предельно скуден хлебный паек – 125 граммов. Но жил и боролся город-фронт, жил и боролся во имя победы!»

«Официальное признание» масштабов трагедии в ленинградских газетах приходит еще позже, когда становится возможным не только соединение героизма и трагедии, но говорить о масштабе голода и о том, что судьбой огромного количества горожан стала голодная смерть. В 1962 году «Ленинградская правда» обращается к блокадным дневникам ленинградцев. В газете приводится цитата из дневника рабочего Кировского завода Н. Балясникова, «умиравшего от голода»: «Не возьмут нас немцы, не сломят ни голодом, ни холодом, ни обстрелами» (Пароль 1962). Статья З. Федоровой написана на основе дневника секретаря партбюро ремонтного цеха Кировского завода Ивана Яковлевича Сорокина. Дневник писался «в те дни, точно солдаты в бою, люди погибали от вражеских снарядов, от бомб, от голода на своих постах – у станков», когда «каждый день осажденного города был подвигом, но он приносил и новые жертвы». В статье называются перечисленные в дневнике имена погибших рабочих-кировцев, приводятся численные потери за первый год блокады на территории завода: убиты в результате бомбежек и артобстрелов 108 человек, тяжело ранены 203, средне и легко ранены 412, умерли от голода 837. Процитированные в статье страницы дневника свидетельствуют о состоянии ленинградцев. Автор дневника описывает, как по заданию партийной организации обследовал больных членов партии и обратно «еле-еле доплелся до завода» (Федорова 1962). Из записей того же дневника складываются картины жизни блокированного города: «Всюду у колонок очереди за водой. Несут в ведрах, кувшинах, бидонах, везут в бочках, кадках, тазах. Водопровод не работает. Нет топлива. Нет энергии. Много домов горит. Люди ходят медленно, многие с палочками» (Там же).

Описание героического освобождения города от блокады остается почти таким же, как и в прошлые годы, за исключением только лишь упоминаний о роли Сталина в разработке победной стратегии. По-прежнему появляются статьи о ходе операции, в которых говорится, как и раньше, о начале блокады, о построенных фашистами укреплениях вокруг блокированного города, о победном наступлении советских войск, о поддержке, оказываемой городу всей страной и руководящей роли большевистской партии, о том, что в послевоенное время город успешно залечил раны (см., например: Антонов 1963; Ключевская, Курбатов 1963).

Но кроме славы героям стало возможно высказать и скорбь по погибшим, и, предлагая в 1963 году поставить на средства ленинградцев памятник погибшим героям, ленинградский поэт Михаил Дудин говорит о том, что это будет «памятник славы и скорби» (Ключевская, Курбатов 1963). Следующий, 1964 год был годом празднований 20-летнего юбилея освобождения Ленинграда от блокады. Лозунг «Никто не забыт, и ничто не забыто» начиная с этого времени не сходит со страниц праздничных номеров ленинградских газет, посвященным дням прорыва и

снятия блокады Ленинграда. В них публикуется огромное количество статей, очерков, рассказов, посвященных героям – защитникам города: танкистам, летчикам, морякам, партизанам. Но, прославляя героев, ленинградские газеты уже никогда не забывают и трагедии мирных жителей. В 1964 году «Ленинградская правда» помещает статью, написанную на основе беседы с английским журналистом Александром Вертом, побывавшим в блокированном Ленинграде в 1943 году. Александр Верт вспоминает, как беседовал тогда с горожанами: «Все без исключения вспоминали о страшной зиме, когда тысячи людей гибли от голода каждый день». Но «умирали люди с сознанием, что они умирают как свободные советские граждане, а не как пленники Гитлера» (Незабываемый Ленинград 1964). 22 января 1964 года в «Ленинградской правде» публикуются фрагменты из дневника учительницы А. Мироновой, члена бытового штаба. Запись от 26 декабря 1941 года: «По проспекту Победы в доме 78 взяла в квартире 14 двух девочек Верочку и Аню. Мать умерла, сидя на стуле. Верочке, старшей, девять лет. Четыре дня дети жили с мертвой матерью. Везла их на санках. Вес у обеих не более 16 килограммов». Запись, сделанная в декабре 1941 года, без даты: «По 17 линии в доме 38 в квартире 2 взят был Степанов Юра 9 лет. Юра не хотел уходить от мамы. Две ночи спал с мертвой матерью. Говорил: «Только мне от мамы холодно, принесите мне дров» (Ленинградская правда. 1964.22 января). Опубликованное письмо в редакцию газеты пенсионерки Е. Шарыпиной описывает блокадную весну 1942 года: «Зима оставила страшное наследие – почти у всех ленинградцев цинга», поэтому «ленинградцы упорно изучают ботанику», с точки зрения «вредное или невредное растение». Пенсионерка рассказывает о том, как ленинградцы принимали настойку из хвои, варили крапивные щи и ели салат из одуванчиков (Ленинградская правда. 1964.16 января).

Один из нескольких документальных фильмов, появившихся к 20-летию юбилею снятия блокады в 1964 году, «900 незабываемых дней»⁵, рисует уже несколько иной, чем прежде, образ ленинградской блокады. В фильме показано, как кладут на сани трупы умерших ленинградцев: «Это время проклятых и благословенных 125 грамм хлеба». В фильм включены кадры, показывающие умерших на улице, людей, везущих трупы на детских саночках. «Тысячи людей умирали, но живые поддерживали живых», – звучит закадровый голос, и трагические кадры сменяются блокадной хроникой, снятой в цехах ленинградских заводов, где идет сборка и ремонт танков. Трагический образ блокады визуализируется теперь не только в кино, и в ленинградских газетах появляются фотографии ленинградцев, берущих воду из трубы на Невском проспекте (Ленинградская правда. 1963.18 января), везущих трупы умерших на детских санках (см., например: Ленинградская правда. 1964.19 января; 1984. 27 января и др.).

Не случайно именно в это время стало возможным поднять вопрос о количестве жертв блокады – вопрос, не закрытый до сих пор. В 1964 году «Ленинградская правда» приводит число погибших в блокаду, превышающую на 50 тысяч цифру, названную на Нюрнбергском процессе: 700 тысяч человек. В 1966 году та же газета говорит, что число погибших не менее миллиона (Ленинградская правда. 1966.27 января).

В последующие годы ленинградские газеты продолжают описывать трагический образ блокированного города и испытаний, выпавших на долю его жителей в годы войны. «Декабрь 1941 – один из самых страшных, тяжелых месяцев борьбы ленинградцев за свой город. Ленинградцы умирали в холодных квартирах, у станков, на улицах в очередях за хлебом» (Соколов 1969). Приводятся свидетельства о состоянии горожан в первую блокадную зиму: путь обессиленного ленинградца на работу от 14 линии Васильевского острова до 4-й занимал час (Вальчук 1974), снова рассказывается о блокадном рационе: упоминаются хвойный экстракт, клей, котлеты из соевого жмыха (Там же). В 1984 году «Ленинградская правда» помещает небольшой рассказ писателя Леонида Пантелеева «Кожаные перчатки». Герои

рассказа, едущие в поезде попутчики, рассказывают друг другу самый страшный случай, произошедший когда-либо в их жизни: кто-то горел в танке, кто-то тонул на подводной лодке. Статус самого страшного получает последний случай – история о письме, полученном одним из попутчиков от десятилетнего сына из блокированного Ленинграда в 1942 году: «Папочка, ты нас прости с Анюткой. Мы вчера твои кожаные перчатки сварили и съели» (Пантелеев 1984).

Снятый в 1985 году документальный фильм «Девочка из блокадного города»⁶ посвящен дневнику ленинградской школьницы Тани Савичевой, в котором она делала записи о смерти членов своей семьи в дни ленинградской блокады. В этот фильм тоже включены кадры, на которых сняты умершие на улице ленинградцы. Но общий пафос фильма, несомненно, остается героическим, подчеркивается, что, несмотря на все трагические испытания, ленинградцы сохраняли человеческое достоинство. Кадры, на которых грузят ящики с хлебом, происходит взвешивание и получение порций хлеба в ленинградском магазине, сопровождаются словами: «В осажденном Ленинграде это выглядело так, и это было полем одного из главных сражений Великой Отечественной войны, полем сражения за человеческое достоинство, за честь и совесть, за право называться человеком».

Табуированными в официальном дискурсе «блокадной памяти» на протяжении всей советской эпохи оставалось все то, что было трагическим по сути, но не давало возможности сочетать героизм и трагедию – в первую очередь факты людоедства и мародерства в блокированном городе. Согласно идеологической концепции, формировавшей память о блокаде, негероическое поведение для советского человека было недопустимым. Д.А. Гранин рассказывает, что цензура тщательно удалила из «Блокадной книги» все косвенные упоминания об подобных вещах (прямые упоминания были исключены самоцензурой). Однако память ленинградцев-блокадников хранила эти факты, и Д.А. Гранин свидетельствует, что такие случаи были рассказаны писателям в ходе многочисленных записей устных воспоминаний ленинградцев, послуживших основой для создания «Блокадной книги». Показательно и еще одно цензурное изъятие, о котором рассказывает Даниил Александрович: «В Ленинграде во время блокады была, открылось где-то в конце января – в начале февраля, открылось несколько, две или три бани. В этих банях, потому что топлива не было, было, в каждой было одно отделение, где мылись мужчины и женщины вместе. И вот было несколько рассказов, воспоминаний о том, как они мылись вместе, и там много таких милых, смешных вещей, удивительно, каких-то чистых, целомудренных. Потому что это были уже не мужчины и не женщины, это были дистрофики, которые мыли друг друга, помогали. Для того чтобы показать, вот в этом уже, в скандальной атмосфере, насколько правильно цензура работает, они несколько выдержек показали Сулову. Сулов по поводу этой, этого отрывка сказал: „Это порнография. Это невозможно“. Так. И вот, в частности, эта сцена, эта история, была зарублена намертво, не удалось ее отстоять, долго отстаивали» (Запись встречи с Д. А. Граниным; Архив Центра устной истории ЕУ СПб.).

Люди мылись вместе в бане, не испытывая при этом стыда. Это свидетельство временной архаизации сознания, временного отступления завоеваний цивилизации в тяжелейших блокадных условиях. Официальный дискурс мог допустить архаизацию бытовых практик советских людей во время блокады (они питались травой и кореньями, растапливали снег, чтобы добыть воду), но не архаизацию сознания и потерю «цивилизованного» облика. Признание этого вступало бы в противоречие с утверждением, что ленинградцы боролись за «право оставаться человеком», и выигрывали эту борьбу.

Героизм и трагедия остались основными составляющими официального дискурса блокадной памяти и до нынешнего времени. Однако в постсоветский период появились возможности открыто говорить о том, о чем раньше приходилось умалчивать. И все-таки живая память блокадников хранила трагические воспоминания, которые теперь все больше звучат на радио, в документальных фильмах, публикуемых воспоминаниях. Полтора года назад в Музее обороны и блокады Ленинграда прошла выставка, на которой были представлены документы НКВД о судебных процессах над уличенными в каннибализме. Тема каннибализма и трупоедения присутствует и в газетных публикациях, и, поднимая ее, газеты обращаются к воспоминаниям свидетелей блокады: «Во дворе нашего дома была траншея-щель по пр. Шаумяна, 2, куда мы прятались от обстрелов. Помню, там было темно, сыро и жутковато, и все же мы прятались при сильных обстрелах. Однажды, попав туда, я села на что-то мягкое, а когда обстрел закончился и посветлело, то увидела, что мы сидим на трупе, он был завернут в одеяло. Трупы в то время были везде, даже прямо на улице около нашего дома, голые они лежали с уже вырезанными мягкими местами» (из воспоминаний Лидии Кононовой, актрисы Театра музыкальной комедии; см.: Я плакала 1999). То же касается и случаев мародерства или спекуляции: «Мы вернулись в Ленинград. Наша квартира была незаконно занята маленькой женщиной, нажившей в блокаду на мучной мельнице. Мы вошли в нашу квартиру – и ахнули! Это был просто антикварный магазин или музей: картины, хрусталь, бронза, скульптуры, мебель, даже почему-то стоял зубо врачебный кабинет с бормашиной – чего только не было!.. Мой отец спокойно и деловито стал выкидывать с помощью брата-композитора все чужое, нечестно нажитое добро на лестницу» (из воспоминаний кандидата искусствоведения Эвелины Томсинской; см.: Невыдуманные рассказы 1999).

Именно в постсоветское время наблюдается большой всплеск интереса к воспоминаниям блокадников, то есть к их живой памяти, к тому, что долгое время эта память хранила и не могла высказать. Воспоминания блокадников все чаще и чаще печатают в газетах, в сборниках. Обращение к их памяти стало наглядным свидетельством наличия разрыва между сложившимся дискурсом и памятью свидетелей. «Устная история подставляет общественности зеркало, в которое бывает страшно заглянуть. А дискурсивная потребность в таком зеркале возникает в тот момент социальной истории, когда резко возрастает необходимость выровнять баланс между искаженной версией официальной истории и коллективным или групповым опытом переживания этой истории» (Мещеркина 2003:351).

К сожалению, цель обращения к этой памяти – не всегда исключительно «терапевтическая». Память о блокаде активно используется как орудие в нынешней политической борьбе, к которой непосредственное отношение имеют и современные журналисты. Иногда память о блокаде используется ими как аргумент для критики прежнего тоталитарного режима – трагическая судьба ленинградцев в блокадные дни ставится в вину сталинской власти, не сделавшей возможного для того, чтобы этого не случилось, и эта критика доводится иногда до утверждения о сознательном желании Сталина погубить Ленинград. В таких случаях в воспоминаниях блокадников журналисты ищут чаще всего наиболее «горячие» факты. Сотрудники телекомпании НТВ-Петербург, приехавшие снимать репортаж о проекте Европейского университета «Блокада Ленинграда в индивидуальной и коллективной памяти жителей города», прежде всего захотели снять рассказ блокадницы о публичных казнях немецких военачальников, происходивших после войны в Ленинграде.

Иногда журналисты обращаются к блокадной памяти с целью критики нынешней власти – тогда в центре их внимания оказывается образ обездоленного блокадника, и акцент делается на сегодняшнем материальном положении тех, кому пришлось пережить столько трагического (см. например: Ничье старичье 2001).

В эпоху, начавшуюся приблизительно с 1962 года, когда тема трагического вошла в блокадный дискурс, интерес к живой памяти свидетелей тоже был достаточно велик. Издавались сборники воспоминаний, «Блокадная книга» была написана на основе как дневников, так и устных свидетельств, записей разговоров Д. Гранина и А. Адамовича с блокадниками. Значительная часть разрыва была преодолена еще тогда, когда власть позволила частично «выпустить пар», но напряжение еще оставалось – в какой-то мере оно не ушло и с исчезновением цензурных запретов и табуированных тем. Люди, которые получили сейчас возможность рассказать о том, что помнили, но раньше не могли описать открыто, возможно, преодолели разрыв между памятью о своем опыте и официальной версией истории блокады. Но открытым остается вопрос: есть ли сейчас в официальном дискурсе место воспоминаниям тех блокадников, чей опыт не описывается в рамках истории блокады как исключительно героической борьбы?

Примечания

1 В 1947 году вышел посвященный обороне Ленинграда роман Веры Казимировны Кетлинской «В осаде», в 1948 году он был награжден Государственной премией СССР.

2 До этого времени в «Правде» обычно помещалась лишь небольшая заметка о прошедшем в Ленинграде праздновании.

3 Леонид Александрович Говоров находился на Ленинградском фронте с апреля 1942 года. Сначала он был командующим группой войск, а с июня 1942 года – командующим фронтом; именно он руководил операциями по прорыву и снятию блокады.

4 Фильм снят на Ленинградской студии кинохроники, режиссеры фильма – В. Василенко и В. Соловцов.

5 Фильм снят на Ленинградской студии документальных фильмов.

6 Режиссер И. Гутман, сценарист В. Кузнецов, фильм третий из серии «Люди-легенды».

Николай Ломагин

Дискуссии о сталинизме и настроениях населения в период блокады Ленинграда

Историография проблемы

Всестороннее изучение настроений и системы политического контроля в советский период в течение долгого времени было запретной темой в отечественной историографии. Как отмечает Т.М. Горяева, в обществе, в котором всячески камуфлировалось наличие разветвленной системы политического контроля, любые попытки ее изучения даже в исторической ретроспективе рассматривались как вероятность возникновения нежелательных аллюзий (Горяева 2002: 23). К тому же важно учитывать и большие сложности, связанные с изучением настроений. Дело в том, что многие духовные процессы, как сознательные, так и неосознанные, не оставили после себя никаких материальных свидетельств. Как отмечал Д. Тош, «любой исторический персонаж, даже самый выдающийся и красноречивый, высказывает лишь ничтожную часть своих мыслей...; кроме того, на поведение людей зачастую больше всего влияют убеждения, принимаемые как должное и потому не находящие отражения в документах» (Там же, 155). К этому следует добавить, что одним из важнейших условий выживания в период сталинизма, как показывают интервью с бывшими советскими гражданами в рамках Гарвардского проекта¹, было выпячивание лояльности режиму. Это нашло отражение

в выступлениях на митингах, партийных собраниях, в некоторых письмах «во власть», а также жесточайшей самоцензуре. «Держи язык за зубами, не болтай, а если хочешь большего – хвали Сталина и партию», – таков был рецепт самосохранения, повторявшийся многими респондентами Гарвардского проекта (см., например: Harvard Project I/7:18; IV/30: 22; IV/41: 21). По мнению одного из них, отличительной особенностью советских людей была глубокая пропасть «между внешней и внутренней жизнью». В своем большинстве «они говорили то, чего на самом деле не думали, и не говорили того, в чем, напротив, внутренне были уверены» (Ibid III/25:48).

Отечественная историография блокады до недавнего времени развивалась в общих рамках советской литературы о Великой Отечественной войне. Используя предложенный в начале статьи метод рассмотрения историографии советского общества прежде всего как смены исследовательских парадигм, мы можем констатировать, что вся литература о блокаде Ленинграда до конца существования СССР определялась господствовавшей коммунистической идеологией и степенью относительной либеральности режима, позволявшего историкам в отдельные периоды браться за новые доселе запретные темы. Однако существенным отличием отечественных (главным образом, ленинградских) историков, работавших в советское время, было то, что им удалось в мельчайших деталях раскрыть эпическую сторону битвы за город, показать героизм и трагедию Ленинграда. Не претендуя на детальное рассмотрение всей историографии битвы за Ленинград, которое отчасти уже нашло свое выражение в работах В.М. Ковальчука, А.Р. Дзенискевича и В.П. Гриднева, выделим несколько важных, на наш взгляд, этапов изучения избранной темы.

В годы войны и во второй половине 1940-х годов история блокады Ленинграда нашла свое отражение в целом ряде официальных документов: в опубликованных материалах местных органов власти, в периодической печати, в документах Нюрнбергского трибунала и косвенно даже в документах советской делегации, участвовавшей в работе редакционного комитета по подготовке Всеобщей декларации прав человека (ВДПЧ). Однако количество жертв и то, что происходило в Ленинграде в период блокады, тщательно скрывалось от советской и международной общественности. О трагедии Ленинграда в годы войны не было сказано ни слова в нотах наркома иностранных дел В. Молотова, которые были адресованы правительствам и народам союзников с целью мобилизации общественного мнения для более активной борьбы с гитлеровской Германией (январь-апрель 1942 года)².

В СССР предпринимались все усилия для того, чтобы ни до внутреннего, ни до внешнего читателя информация о страданиях ленинградцев не доходила. В первой ноте НКВД, как известно, говорилось о зверствах нацистов по отношению к гражданскому населению в только что освобожденных в результате контрнаступления под Москвой районах. Наряду с этим упоминались также такие крупные города, как Минск, Киев, Новгород, Харьков, которые оставались в руках противника и население которых испытывало на себе тяготы оккупации. Однако о Ленинграде не было сказано ни слова. Борьба за город продолжалась, положение было критическое, и признание массовой гибели людей в Ленинграде могло крайне негативно повлиять не только на настроения защитников города, но и на настроения населения страны в целом. Характерно, что при этом советское правительство в нотах от 27 ноября 1941 года (Molotov notes: 16–20) и 27 апреля 1942 года (Ibid, 22–26) упоминало о нарушениях немцами норм международного права, в частности Гаагской конвенции 1907 года. Следует отметить, что международное право в то время формально не запрещало использования блокады и голода как средств ведения войны³. Ленинградская тематика в материалах Нюрнбергского военного трибунала занимала большое место «в общем потоке» и незначительное – как самостоятельная тема⁴.

В целом А.Р. Дзенискевич вполне справедливо отметил, что «историография обороны Ленинграда в годы войны отличалась крайней односторонностью в подборке материала и освещении событий. Упор делался на героизм, патриотизм и верность народа делу партии. И хотя в целом подвиг ленинградцев был выдвинут на первый план и оценен правильно, но он в значительной степени обесцвечивался, делался однобоким и ходульным в результате замалчивания многих трудностей, ошибок руководства, огромности потерь и других отрицательных моментов. Такой была тенденциозность в годы войны» (Дзенискевич 1998: 10).

Намного раньше схожую точку зрения относительно художественно-популярной литературы высказал автор первой крупной монографии о блокаде Ленинграда А.В. Карасев. Он отмечал, что «среди литературных произведений о трудящихся Ленинграда в дни блокады мало крупных полотен» (Карасев 1959:5). В большинстве это публицистические и мемуарные произведения советских писателей: Н. Тихонова (1943), А. Фадеева (1944), В. Инбер (1946), Вс. Вишневского.

С декабря 1941 года в Кировском и других районах Ленинграда работали специальные комиссии по сбору и обобщению материалов по истории районов в годы войны⁵. В апреле 1943 года было принято специальное постановление Ленинградского горкома и обкома ВКП(б) «О собирании материалов и составлении хроники „Ленинград и Ленинградская область в Отечественной войне против немецко-фашистских захватчиков“» (Карасев 1959: 6). Работа по собиранию материалов, хранению и составлению хроники была возложена на Ленинградский институт истории партии, который в течение 1940-1970-х годов не только подготовил и опубликовал несколько сборников документов⁶, но и собрал богатейшую коллекцию воспоминаний о жизни в блокированном Ленинграде и партизанском движении.

К военному времени также относится появление первых работ о воздействии блокады на психику населения Ленинграда. К сожалению, результаты исследований, проведенных в период блокады сотрудниками института им. В.М. Бехтерева, были использованы лишь почти 60 лет спустя после их появления (Дзенискевич 2002:90-108; в главе, посвященной деятельности института им. В.М. Бехтерева, рассматривается широкий круг проблем – взаимосвязь между алиментарной дистрофией и психическими расстройствами, а также изменениями личности, изучение канибализма). Значение подготовленной в январе 1943 года Б.Е. Максимовым рукописи «Некоторые наблюдения над течением депрессивных состояний в условиях осажденного города» состоит в том, что в ней впервые была предпринята попытка выявить основные группы факторов, которые оказывали воздействие на психику и настроения ленинградцев. К числу факторов, которые негативно влияли на настроения населения, относились: 1) окружение города противником и прекращение нормальных связей со страной; 2) близость немецких войск, что усиливало ощущение непосредственной военной опасности; 3) скорость, с которой город оказался в условиях блокады; 4) бомбежки и артобстрелы; 5) быстрый выход из строя городской инфраструктуры; 6) наличие в городе разнообразных провокационных слухов, способствовавших созданию панических настроений; и, наконец, 7) исключительные по тяжести переживания, связанные с голодом, массовой смертностью населения, незабываемые в их трагической насыщенности картины неубранных на улицах, в больницах и моргах трупов (Дзенискевич 2002:90–91). Этой группе факторов, по мнению Б.Е. Максимова, противостояло ощущение большинством горожан справедливого характера войны и их интернационализм (Там же, 91–92). Автор рукописи вел полемику с теми специалистами, кто видел в поведении ленинградцев «синдром эмоционального паралича», «апатичного расслабления» и «отупения бойцов».

В период войны и в первые послевоенные годы о политическом контроле и настроениях прежде всего писали руководители УНКВД, а также представители «идеологического» цеха

(Костин 1944; Кочаков, Левин, Предтеченский 1941). К периоду войны также относится публикация сборников документов (Ленинград в Великой Отечественной войне I; Сборник 1944). Появление воспоминаний в первые послевоенные годы было большой редкостью (Ленинградцы 1947).

После окончания войны характер историографии не менялся до 1948 года. Резкое изменение конъюнктуры произошло в 1948–1949 годах. Смерть Жданова и последовавшее затем так называемое «ленинградское дело» резко изменили обстановку – о роли города и его руководства в годы Великой Отечественной войны предпочитали не говорить вообще. «На долгих десять лет, – писал А.Р. Дзенискевич, – тема героической обороны Ленинграда практически была исключена из историографии Великой Отечественной войны» (Дзенискевич 1998: 11).

Лишь в конце 1950-х – начале 1960-х годов началась публикация научных работ, посвященных обороне Ленинграда, в которых приводились отдельные факты о политическом контроле и быте и развитии настроений в период блокады (Худакова 1958; Худакова 1960; Уродков 1958; Карасев 1959; Карасев 1956; Сирота 1960; Амосов 1964; Манакон 1967; Соболев 1965). Хотя в работах этого периода не рассматривались специально вопросы, связанные с настроениями в условиях битвы за Ленинград, они ввели в научный оборот значительное число документов и воспоминаний (В огненном кольце 1963).

Годы хрущевской «оттепели» благотворно повлияли на изучение блокады Ленинграда. В коллективной монографии «На защите Невской твердыни» (Князев и др. 1965) нашли свое отражение основные достижения историков, занимавшихся изучением блокады. К их числу относится и проблема изменения настроений под воздействием различных факторов, включая пропаганду противника. Авторам монографии удалось использовать некоторые документы и материалы из партийных и государственных архивов, правда, без соответствующих ссылок.

В 1965 году была опубликована статья В.М. Ковальчука и Г.Л. Соболева «Ленинградский реквием» (Ковальчук, Соболев 1965), в которой наиболее глубоко рассматривалась проблема потерь в Ленинграде в период войны и блокады. По сути, это была первая попытка пересмотра официальной версии численности жертв, нашедшей отражение, в частности, в материалах Нюрнбергского процесса. Очевидно, что проделанная авторами статьи работа выходила далеко за пределы данной темы. Поэтому не случайно, что уже в 1967 году вышел в свет пятый том «Очерков истории Ленинграда», который был подготовлен Ленинградским отделением Института истории АН СССР.

Характерной чертой работ этого периода (как, впрочем, и работ вплоть до периода перестройки) была схожая структура всех публикаций о блокаде. В основе всех очерков был хронологический принцип изложения, который нашел свое отражение в названиях глав: «на дальних подступах», «на защиту Ленинграда», «прифронтовой город», «штурм отбит», «начало блокады», «холодная зима», «помощь Большой земли», «вторая блокадная зима», «Ленинград в 1943»; «великая победа под Ленинградом», «восстановление города-героя» (см., например: Карасев 1959; Очерки истории Ленинграда V; Непокоренный Ленинград 1985).

Немало и полных текстологических совпадений в разных работах. Это было связано не только с тем, что круг авторов, писавших о блокаде, был весьма ограничен, но и с цензурными ограничениями. Отстояв в Главлите право на публикацию той или иной мысли, их авторы предпочитали подчас не рисковать, готовя новый сборник или коллективную монографию. Приведем лишь один пример. Известно, что в 1959 году А. Карасев опубликовал, пожалуй, первую фундаментальную работу по истории блокады. Наряду со многими другими проблемами, впервые поднятыми в монографии, ее автор косвенно затронул вопрос о неадекватной оценке ленинградским руководством складывавшейся в середине июля 1941 года

ситуации вокруг города. В частности, он обратил внимание на то, что введение нормированной продажи продуктов питания по карточкам с 18 июля 1941 года не означало того, что военно-политическое руководство последовательно стремилось к экономии продовольственных ресурсов города. Напротив, одновременная с введением карточной системы организация продажи и по коммерческим ценам, вывоз продуктов питания для эвакуированных детей в июле-августе, организация двух продовольственных баз, в которых можно было приобрести товары для подарков бойцам, – все это свидетельствовало о том, что в середине июля 1941 года «руководящие органы еще не предполагали, какая катастрофическая опасность таится в необеспеченности Ленинграда продуктами на длительный срок» (Карасев 1959: 128). Эта же мысль была полностью воспроизведена в «Очерках истории Ленинграда» (V: 179–180). Однако в новых идеологических условиях, когда «оттепель» начала 60-х годов стала сходиться на нет, это было вполне оправданным шагом с целью отстаивания исторической правды. В целом же переходившие из книги в книгу заголовки и идеи неизбежно «застревали» в сознании читателей, задавая ориентиры для формирования памяти о блокаде Ленинграда.

В «Очерках истории Ленинграда» в годы войны впервые комплексно рассмотрены проблемы здравоохранения, а также культурной и научной жизни в блокированном городе. Ленинградские историки убедительно показали, что город не только выживал, но и не прекращал оставаться «культурной столицей» в нечеловеческих условиях. Кроме того, авторы «Очерков» восстановили картину тягот и лишений, которые выпали на долю горожан в период блокады, особенно зимой 1941/42 года, и с максимально возможной в условиях жесткой цензуры объективностью рассказали о настроениях населения. В частности, авторы главы о первых месяцах блокады и голодной зиме А.В. Карасев и Г.Л. Соболев смогли очень емко выразить доминировавшее настроение ленинградцев, отметив, что «каждый день, прожитый в осажденном городе, равнялся многим месяцам обычной жизни. Страшно было видеть, как час от часу иссякают силы родных и близких. Люди чувствовали приближение собственной кончины и смерти близких людей и *не находили в эти мрачные дни почти никаких средств спасения* (курсив наш. – Н.Л.). Горе пришло в каждую семью» (Очерки истории Ленинграда V: 198). Г.Л. Соболев, являющийся автором многих глубоких исследований по социальной истории Октябрьской революции, точно подметил особенности развития настроений в условиях нового кризиса, обусловленного войной и блокадой. Они сводились к быстрой интернализации ленинградцами собственного опыта выживания в условиях блокады и стремительной переоценке ценностей. Однако всего несколькими страницами далее авторы указанной главы заключают свои рассуждения о массовых настроениях в самый сложный период ленинградской эпопеи патетически, в значительной степени дезавуировав ранее сделанный вывод. «Массовая смертность, – отмечали они, – не породила среди жителей блокированного города отчаяния и паники. Они боролись до последнего дыхания и умирали, как герои, завещая живым продолжать защиту Ленинграда» (Там же, 201). Разве фатализм и страх, о которых идет речь в первой из приведенных цитат, не предполагает возможности отчаяния? Разве неспособность помочь близким, их смерть, обреченность не означают того же отчаяния хотя бы у части населения?

Небесспорен, на наш взгляд, и тезис о «тесной связи парторганизации с массами в самые тяжелые дни блокады», точнее, его доказательство. Предложенный авторами способ определения популярности партии и власти в военные годы с использованием статистических данных о приеме новых членов в условиях относительной свободы выбора вряд ли может подвергаться сомнению. Более того, его следует использовать. Однако вне общего контекста развития ленинградской парторганизации подобные попытки будут носить несколько односторонний характер. Решающим доводом в пользу тезиса о единстве партии и народа

являются данные о приеме в члены ВКП(б) «многих сотен ленинградцев» в декабре 1941 – марте 1942 года. Однако, хотя и приведены сведения о приеме месяц за месяцем (970 человек в декабре 1941 года, 795 – в январе 1942 года, 615 – феврале, наконец, 728 – в марте), обойден вниманием вопрос о динамике приема в партию с начала войны до установления блокады. Если в первые недели войны на волне патриотического подъема в партию вступало больше новых членов, чем в мирное время, то в сентябре 1941 года прием в партию фактически приостановился, сократившись вдвое по сравнению с декабрем. Вероятно, корректнее было бы говорить либо о частичном восстановлении пошатнувшегося авторитета партии (и власти) в указанный период, либо о преодолении самим партаппаратом низового и среднего уровня кризиса, в котором он оказался в конце августа 1941 – сентябре 1941 года, когда проявилась его неспособность привлечь в партию трудящихся Ленинграда. Очевидно, что подобные рассуждения были недопустимы в условиях подготовки к празднованию 50-летия Октября, когда вышел пятый том «Очерков». Важно для нас, однако, не то, что не было сделано (и попросту не могло быть сделано) ленинградскими историками применительно к изучению настроений, а то, что сделать удалось. В данном случае речь шла о первой попытке применить некоторые методы социальной истории, апробированные на материале истории революций 1917 года для оценки ситуации в 1941–1944 годах.

В целом во второй половине 1960-х годов и в последующие полтора десятилетия был опубликован ряд крупных работ о военном Ленинграде, о деятельности Ленинградской партийной организации. В них нашли отражение некоторые аспекты настроений, витавших в городе и на фронте (900 героических дней 1966; Филатов 1965; Мерецков 1968; Оборона 1968; Очерки истории Ленинградской организации ВЛКСМ 1969; В осажденном Ленинграде 1969; Жуков I–II; Дзенискевич и др. 1974; Беляев 1975; Дзенискевич 1975; Ковальчук 1977; Соболев 1966; Бычевский 1967; Кулагин 1978; Рубашкин 1980; Гладких 1980; В годы суровых испытаний 1985; Князев и др. 1965; Шумилов 1974; Павлов 1983; Очерки истории Ленинградской организации КПСС II; Буров 1979; Очерки истории Ленинградской организации КПСС 1980). Речь прежде всего шла о проявлениях патриотизма всеми слоями населения жителей города. В названных трудах приведено множество новых фактов о жизни, труде и борьбе ленинградцев в период блокады. Окончание «оттепели» привело к тому, что вместо «обобщения материала и попыток создать крупные работы историки были вынуждены обращаться к вопросам более частным, позволявшим избежать „острых“ моментов и нежелательных сюжетов... У всех [книг] был один общий недостаток. Их авторы тщательно обходили личности и сюжеты, на которые свыше было наложено „табу“» (Дзенискевич 1998:17,19).

Большим событием в изучении и документировании истории блокады была «Блокадная книга» А. Адамовича и Д. Гранина. Впервые, пожалуй, ими были использованы методы устной истории – интервью с блокадниками, позволившие получить уникальный материал, впоследствии, правда, ограниченный цензурой (более 60 интервью не попали в книгу). «Люди-свидетели, люди-документы», по образному выражению авторов, представили подвиг и трагедию Ленинграда одновременно. Дневниковая часть книги, состоящая из свидетельств историка-архивиста Г.А. Князева, школьника-подростка Ю. Рябинкина и матери двух маленьких детей Л.Г. Охепкиной, дополняет первую часть. Эта книга, написанная «в соавторстве с народом» (Рубашкин 1996: 428), внесла огромный вклад в исследование блокады, задала ему совершенно новый ракурс – восприятия ленинградской эпопеи через судьбы отдельных людей, их переживания, поступки и настроения.

Значительным вкладом в изучение ленинградской тематики внес А.Р. Дзенискевич. Его работа о ленинградских рабочих 1938–1945 годов (Дзенискевич 1986) является одним из

лучших исследований по этому периоду, хотя и на ней сказались ограничения, связанные с господствовавшими в то время идеологическими установками.

Идеологическая работа Ленинградской парторганизации в период войны нашла свое отражение в монографии А.П. Крюковских (Крюковских 1988). В этом исследовании показана пропагандистская деятельность ВКП(б) как один из важнейших факторов, воздействовавших на настроения населения города⁷.

В целом необходимо вновь подчеркнуть, что изучение настроений в период битвы за Ленинград значительно отстает от общего уровня исследований по истории обороны Ленинграда и военного периода истории города в целом. В тех работах, где каким-либо образом затрагивалась проблема настроений, превалировал весьма односторонний подход к сложным процессам, происходившим в общественном сознании в разные периоды битвы за Ленинград. В частности, по вполне понятным причинам вне поля зрения советских историков оказались все «негативные» настроения, что не позволяет воссоздать целостную картину морально-политического климата в городе и действующей армии в ходе самой продолжительной битвы всей Второй мировой войны. Такое положение дел отражало общие черты советской историографии, которая, как отмечала Е. Зубкова, до начала 1990-х годов традиционно предпочитала историко-политологические темы. В этих работах советская история была представлена главным образом как результат изолированных действий «верхов», тогда как умонастроения и особенности восприятия рядовых граждан оставались достоянием дневниковых наблюдений, путевых записок, мемуаров (Зубкова 2000:5).

Что же касается конкретных исследований, то работ, изучающих настроения, стереотипы мышления, особенности поведения советских людей, не было. Лишь в последние годы появились интересные исследования, посвященные революции, Гражданской войне, периоду 20-х и 30-х годов (Революция 1997; Булдаков 1997; Холмс 1994; ВЧК-ОГПУ 1995; Российская повседневность 1995; Осокина 1998; Запад 1996; Шинкарук 1995 и др.). Одной из главных причин сложившейся ситуации был «ограниченный доступ к источникам, содержащим информацию историко-ментального характера. С конца 20-х до конца 50-х годов в СССР не функционировали публичные социологические службы, вся информация о настроениях была отнесена к категории секретной... Секретные материалы о настроениях населения вплоть до начала 90-х годов были совершенно недоступны» (Зубкова 2000: 5–6).

В годы перестройки и особенно в 1990-е годы историки обратились к исследованию многих ранее запретных тем, стали осваивать новые методологические подходы к изучению прошлого. Что же касается освоения новой методологии, то в самом начале последнего десятилетия среди обществоведов стала наиболее популярной модель тоталитаризма (Тоталитаризм 1989; Тоталитаризм и социализм 1990; Бакунин 1993; Кузнецов 1993; Кузнецов 1995; Данилов, Косулина 1995; Мау 1993; Трукан 1994) – Единства в интерпретации сущности и генезиса тоталитаризма российские историки, политологи и экономисты не достигли. Одни склонны ставить знак равенства между тоталитаризмом и всем периодом советской власти (А.В. Бакунин), другие ведут отсчет тоталитарной модели с «революции сверху» (А.А. Данилов, Л.Г. Косулина) (Горяева 2002: 35). Однако большинство исследований сходится в том, что важнейшей чертой тоталитаризма было стремление государства ко всеохватывающему контролю во всех сферах общественной и частной жизни. Отличие же «авторитарного» режима состоит в том, что государство не стремится к абсолютному контролю над обществом и оставляет ряд сфер, более или менее свободных от прямого вмешательства власти (экономика, наука, искусство, личная жизнь граждан) (Измозик 1995:3).

Мы считаем, что теорию тоталитаризма следует понимать как веберовский идеальный тип, учитывая при этом, что в период войны общество как социальный организм претерпевало

существенные изменения и что имела место социальная и политическая активность населения СССР (в том числе и направленная против существующего режима). Мы солидарны с Ю.И. Игрицким, который полагает, что тоталитарным было государство, а не советское общество, поскольку идеология не имела всеобъемлющего характера и не была религией для всех граждан (Игрицкий 1993: 9). Теория тоталитаризма, лишённая своего идеологического подтекста, по-прежнему объективно способствует лучшему пониманию сути того политического режима, который сложился в СССР.

Лишь во второй половине 1990-х годов появились первые публикации ранее секретных документов, характеризующих общественные настроения в советское время: информационные сводки ВЧК-ОГПУ, НКВД, партийных органов, письма во власть и так далее (Советская деревня I; Голос народа 1998; Общество и власть 1998; Письма во власть 1998 и др.). К этому же времени относятся попытки преодоления догматизма в представлении массового сознания накануне и в годы Великой Отечественной войны.

Применительно к довоенному периоду жизни Ленинграда заслуживает внимания книга Н.Б. Лебиной, в которой исследованы новые в отечественной историографии стороны городской жизни (преступность, алкоголизм, проституция, религия, отдых, частная жизнь и другие), представленные в ней не как «родимые пятна капитализма», а как результат глубокой трансформации общества, отчасти – следствие недовольства действительностью. Работа опирается в основном на архивы Санкт-Петербурга (Лебина 1999). Приведенные автором данные об этих явлениях не только указывают на многообразие и сложность отношений власти и общества в межвоенный период, но и могут быть интерпретированы как проявление пассивного протеста по отношению к режиму или фроммовское бегство от свободы. Книга Н.Б. Лебиной, бесспорно, усиливает позиции противников тоталитарной модели советской истории.

Во многом под влиянием англо-американской историографии и социологии в последние годы появились глубокие исследования «советской субъективности» (Halfin, Hellbeck 1996; Halfin 2000; Kharkhordin 1999), материальной культуры при сталинизме (Buchli 1999), разнообразных проблем распределения и потребления (Hessler 2000; Ocokina 2001; Moskoff 1990; Lovell, Ledeneva, Rogachevskii 2000; Siegelbaum 2000), жизни в коммунальных квартирах (Утехин 2001; Colton 1995), юмора (Thurston 1991), индустриализации и рабочих (Siegelbaum 1998; Hoffman 1991; Andrie 1988), доносительства (Accusatory Practices 1997; Fitzpatrick 1996; Alexopoulos 1997, а также специальный выпуск Russian History, № 1–2 за 1997 год, который был посвящён доносам и доносительству) и так далее.

Своеобразную систему координат в изучении настроений в годы войны предложил Ю.А. Поляков, который предпринял попытку «разобраться в сложном и противоречивом настроении народа, вопреки всему выигравшего тяжелейшую в его истории войну», оперируя понятиями, «которые еще недавно именовались «источниками победы», «народной войной», «истоками народной силы» и тому подобное (Поляков 1999:173)-

«Система доказательств» относительно доминанты общественных настроений, по мнению Ю.А. Полякова, должна прежде всего включать «реальное поведение людей, в котором находит проявление их массовое сознание». При этом ни социологические опросы, «ни статистические данные о росте производства и производительности труда, ни бесчисленные резолюции митингов и собраний, ни телеграммы, письма, высказывания, газетные корреспонденции и т. д. и т. п. сами по себе не могут служить убедительными свидетельствами. Равно как и многочисленные материалы негативного характера, которые получили едва ли не монополию на публикацию в девяностые годы» (Там же, 193). Вероятно, можно было бы полностью согласиться с этим утверждением, если не принимать во внимание мощный механизм репрессий, который не позволял в условиях тыла какое-либо поведение, отличное от желаемого

властью. На это обстоятельство, впрочем, указал сам автор анализируемой статьи, высказав весьма смелое суждение о том, что «довольно значительное по сравнению с другими странами число коллаборационистов на оккупированных территориях свидетельствовало о сепаратистских тенденциях среди ряда национальностей, а также о наличии социально-политической оппозиции» (Там же, 176).

Следовательно, далеко не все признавали легитимность советской власти, хотя бы на окраинах СССР. Далее Ю.А. Поляков, пожалуй, впервые среди ученых самого высокого ранга (по формальному и неформальному статусу) прямо подчеркнул, что существовало отношение к войне, отличное от патриотического. «Оно, несомненно, существовало и имело немало заметных проявлений, прежде всего антисоветского, антикоммунистического и антисемитского толка... Не требуется доказательств того, что в оккупированных республиках и областях антисоветские и пронемецкие настроения становились открытыми, означая сотрудничество с оккупантами. На всей же основной территории страны подобные взгляды не могли, естественно, высказываться открыто, они карались по законам военного времени» (Там же, 194). И наконец, отмечая, что «вопрос о коллаборационизме, его действительных причинах и масштабах требует еще дальнейших глубоких исследований», Ю.А. Поляков пишет, что «немало людей в силу националистических или политических соображений, а также из числа просто уверовавших в немецкую победу, в той или иной форме сотрудничало с германскими властями... Огромная масса, судя по множеству свидетельств... оказалась попросту запуганной. Неимоверная жестокость гитлеровцев вселяла страх и парализовала волю людей» (Там же, 195). Поставленные Ю.А. Поляковым вопросы представляются чрезвычайно важными как в общем контексте изучения Великой Отечественной войны, так и отдельных ее битв, включая ленинградскую эпопею.

Большое значение имеют работы Е. Сениявской о различных аспектах настроений в СССР в военное время (Сениявская 1995), а также Е. Зубковой и А. Ваксера, относящиеся к массовым настроениям в советском обществе в послевоенное время (Зубкова 2000; Ваксер 2001: 303–328). Как отмечает Е. Сениявская, в настоящее время «мы становимся свидетелями настоящего взрыва к „человеческому измерению войны“... Это объясняется, с одной стороны, радикальными переменами в обществе, которые повлияли и на общественные науки, отказавшиеся от догматизма и идеологических ограничений, а с другой – сильным влиянием на отечественную историографию новых тенденций в мировой исторической науке, в том числе укрепления позиций такого обращенного к исследованию человека направления, как „социальная история“» (Сениявская 2002:137). Как уже отмечалось, некоторые ранее запретные проблемы стали предметом серьезного исследования. Например, авторы четырехтомного труда о Великой Отечественной войне, справедливо подчеркивая, что в массовом сознании советских людей «преобладал государственный патриотизм», тем не менее указывают: «Неправомерно замалчивать тот факт, как это зачастую делалось ранее, что имело место и иное отношение к войне, которое выражалось по-разному». И далее, развивая свою мысль, они пишут: «Например, на оккупированной территории антисоветские и пронемецкие настроения нередко выливались в пособничество и сотрудничество с врагом. На всей остальной территории они не могли, естественно, проявляться открыто, ибо их носители карались бы по законам военного времени. Были и такие... которые открыто не выступали против участия в освободительной войне, но вместе с тем всячески стремились отсидеться в тылу, а если, вопреки своей воли, одевали военную форму, то при удобном случае дезертировали». К их числу относились националистические элементы, выходцы из господствовавших в дореволюционное время классов и социальных групп, значительная часть населения республик, вошедших в состав СССР накануне войны, многочисленные жертвы коллективизации и репрессий 1930-х годов

(Великая Отечественная война IV: 11–12).

Изучение коллаборационизма, а также деятельности органов госбезопасности на региональном уровне также является чрезвычайно важным явлением в развитии отечественной историографии сталинизма (см.: Гиляхов 2003; Окорочков 2003; Вольхин 2003). В них впервые комплексно исследованы малоизученные проблемы, в научный оборот введено значительное количество архивных материалов, по-новому раскрыты важные и до сих пор спорные вопросы (Бюллетень ВАК 2003: 10). Настроения населения в период позднего сталинизма нашли отражение в докторской диссертации Е.Ю. Зубковой (Зубкова 2003), а в годы хрущевской «оттепели» – в диссертационном исследовании Ю.В. Аксютин (Аксютин 2003). В названных работах осуществлен комплексный подход к изучению общественных настроений, рассматриваемых как одна из составляющих механизма взаимодействия общества и власти.

Одной из первых попыток комплексного рассмотрения «белых пятен» истории блокады была дискуссия историков, состоявшаяся 20–22 января 1992 года. В ней приняли участие практически все ведущие ученые, писатели и публицисты, занимающиеся военной тематикой. Стенограмма почти 200 выступлений, а также подготовленных текстов составила ядро опубликованной в 1995 году книги. Как отмечает в предисловии составитель книги В. Демидов, «читатель впервые, пожалуй, не встретит здесь былого пресного «единомыслия», всезнательства и не подлежащих сомнению истин» (Блокада рассекреченная 1995: 7).

Сборник статей «Ленинградская эпопея: Организация обороны и население города», утвержденный к печати Санкт-Петербургским филиалом Института российской истории РАН в 1995 году, во многом носил новационный характер. Его авторов, по мнению В. А. Шишкина, отличала попытка «рассматривать события исключительно с позиций научной объективности» по целому ряду важнейших вопросов. К их числу относились: стратегическое значение битвы за Ленинград; роль партийной организации в обороне города, включая допущенные ею просчеты; поддержание коммуникаций с Большой землей; культурная и научная жизнь; военно-промышленный комплекс города; настроения защитников и населения Ленинграда; религиозная жизнь в осажденном городе и другие (Ленинградская эпопея 1995).

Существенный вклад в изучение настроений рабочих и ополченцев, защищавших Ленинград в наиболее тяжелые первые месяцы войны, внес А.А. Дзенискевич. Опираясь на материалы Кировского райкома ВКП(б), а также Горкома партии и политотделов армии народного ополчения⁸, он показал, что начало войны характеризовалось не только высоким патриотическим подъемом ленинградских рабочих, но и «отрицательными явлениями» – «распространялись всевозможные слухи, выплеснулось на поверхность озлобление обиженных, притесненных, прошла волна справедливых критических высказываний в среде рабочих, возмущенных и обеспокоенных явными ошибками партии и правительства во внутренней и внешней политике» (Дзенискевич 1998б:75). Наряду с деятельностью противника по распространению слухов и листовок одной из причин нервозности населения была нераспорядительность самой власти, проводившей некоторые мероприятия без должной подготовки. Одним из них была эвакуация детей в те места Ленинградской области, которые вскоре оказались в районе боевых действий, что вызвало большое волнение среди женской части населения.

А. Р. Дзенискевич высказал предположение, что носителями недовольства среди рабочих, «как правило», были вчерашние крестьяне, которые пережили раскулачивание и коллективизацию. Что же касается потомственных рабочих, то чаще всего это были лица, пострадавшие в результате репрессивных мер, направленных на укрепление трудовой дисциплины (Там же: 77–78). К сожалению, каких-либо статистических данных в подтверждение высказанного предположения, в работе не приведено. Заканчивая

характеристику настроений рабочих Ленинграда в первые месяцы войны, А.Р. Дзенискевич обратил внимание на то, что в зафиксированных выступлениях рабочих постоянно звучали упоминания Гражданской войны и куда реже – зимней войны с Финляндией. «Относительно редко говорили рабочие о „завоеваниях социализма“ и о своем благополучии. Почти не встречается национальная тема... Чаше возникает тема традиций, мести, кровного родства, дела отцов-сыновей и так далее» (Там же, 85). В основе массового патриотического подъема большинства рабочих были разные причины, и прежде всего «исконный национальный патриотизм», «территориальный патриотизм», связанный с защитой своего города, своего предприятия, дома и своих семей и, наконец, известная идеологизированность мышления ядра ленинградского рабочего класса (Там же, 81).

Новаторский характер в изучении политического контроля в период сталинизма в Северо-Западном регионе носит монография В.А. Иванова. Одна из глав книги специально посвящена деятельности репрессивных органов в блокированном Ленинграде. Автору удалось ввести в научный оборот значительное число документов наркомата внутренних дел, раскрывающих основные направления его работы в годы войны, а также взаимодействие с военным советом Ленинградского фронта и руководством Городского комитета ВКП(б). Впервые в отечественной литературе затрагиваются вопросы деятельности негласного секретно-политического отдела, военной цензуры, прослушивания телефонных разговоров и так далее (Иванов 1997: 276–285). Одна из важнейших идей, высказанных в книге, созвучна взглядам представителей школы тоталитаризма. В.А. Иванов полагает, что в условиях войны государственный аппарат использовал страх как «мощный регулятор поведенческих навыков и умений... людей. Отсюда напрашивался только один вывод – его следовало не только постоянно генерировать, но и придавать ему черты ритуальности, эстетизировать» (Там же, 242–243).

Одновременно наращивался и ресурсный потенциал изучения блокады. Подготовленный Б. Сурисом двухтомник писем ленинградских художников периода войны существенно пополнил корпус источников личного происхождения. Далеко не все художники остались в Ленинграде – война многих разбросала по разным городам, некоторые оказались на фронте. Поэтому тема Ленинграда и блокады не была в них доминирующей. Тем не менее общим для них, по мнению составителя, был высокий уровень моральных принципов, а также их беззаветная преданность искусству (Сурис 1:13). В ряде писем приведены факты из жизни в блокадном Ленинграде, которые рисуют «иерархию потребления», существовавшую и в среде художников (Там же, 119).

В 1995 году был опубликован сборник «Ленинград в осаде», в который вошло более двухсот новых документов из архивов Санкт-Петербурга практически по всем аспектам битвы за Ленинград, включая, в частности, поддержание общественного порядка (23 документа) и настроения населения (десять документов, в том числе по военным месяцам 1941 года только три документа). Очевидно, что этого было явно недостаточно для всестороннего исследования и проблемы политического контроля, и настроений в осажденном городе. В 1996 году вышел в свет сборник документов из архива УФСБ об оценке ленинградцами важнейших событий международной жизни в годы войны. В нем были приведены 44 спецсообщения, находившиеся ранее на секретном хранении (Международное положение 1996). В 2004 году корпус опубликованных источников личного происхождения из Большого дома пополнился четырьмя дневниками военного времени, чьи авторы-ленинградцы были арестованы органами НКВД. Дневники Н.П. Горшкова, А.И. Винокурова, С.И. Кузнецова и С.Ф. Пулякова, в которых есть пометки следователей НКВД, не только проливают свет на эволюцию настроений представителей разных социальных групп – бухгалтера, учителя, рабочего и выходца из

деревни, но и показывают страхи самой власти (Блокадные дневники 2004).

Завершая обзор публикации документов по истории блокады, назовем еще одну работу, в которой представлены документы спецслужб противоборствующих сторон. Это 28 документов немецкой военной разведки 18-й армии, 19 сводок (или их фрагментов), подготовленных СД, и 40 спецсообщений УНКВД ЛО, главным образом, о продовольственном положении и настроениях населения в 1941–1943 годах (Ломагин 2001). Наконец, усилиями большого коллектива историков и архивных работников был издан сборник документов о помощи страны Ленинграду в период обороны города. В сборник вошли постановления, распоряжения, справки, стенограммы докладов, письма, телеграммы и так далее из фондов Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербургского и Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, свидетельствующие о «сплоченности народов нашей страны перед угрозой их порабощения» (Страна Ленинграду 2002: 8).

К 300-летию юбилею Санкт-Петербурга в «Историческом архиве» из 156 документов, непосредственно касавшихся Ленинграда, был опубликован 21 документ ГКО СССР, освещающий мероприятия по обеспечению жизнедеятельности Ленинграда в 1941–1945 годах. (Государственный Комитет Обороны 2003). В жанре хроники к юбилею Санкт-Петербурга в Москве появилось издание, основная ценность которого состояла во введении в научный оборот некоторых новых документов и материалов о жизни города в период с начала войны до снятия блокады (Комаров, Куманев 2004).

Ряд новых документов о жизни в блокированном Ленинграде и настроениях населения опубликован в подготовленном Институтом военной истории сборнике. В пятой части книги представлены документы о быте, напряженном труде и массовом проявлении патриотизма, который «в конечном счете и определил исход борьбы» (Блокада Ленинграда в документах 2004: 5).

Наиболее сбалансированный и объективный анализ ленинградской эпопеи представлен в главе «Великая Отечественная война: Блокада», написанной В.М. Ковальчуком для фундаментального труда Санкт-Петербургского института истории, посвященного 300-летию юбилею Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург 2003: 532–600). Однако объем главы не позволил подробно осветить все важнейшие аспекты самой продолжительной битвы Второй мировой войны. Воздействие событий на советско-финском фронте на настроения защитников и населения Ленинграда отражено в монографии Н.И. Барышникова (Барышников 2002), хотя данная проблематика не была основным объектом его исследования.

И все же до сих пор в отечественной и зарубежной литературе проблема изучения настроений не нашла пока должного внимания. Несмотря на «архивный взрыв»⁹, который произошел в постсоветской России и нашел свое отражение в издании множества документов по советской истории, включая проблемы массового сознания, по-прежнему опубликовано явно недостаточно материалов о настроениях населения в 1941–1945 годах.

Опубликованный в 2003 году в серии «Документы советской истории» сборник о советской повседневности и массовом сознании в 1939–1945 годах лишь частично заполняет существующую лакуну. Он построен по проблемному принципу компоновки документов. Авторы концентрируют внимание на таких темах, как образ власти в массовом сознании, преступность и девиантное поведение, репрессии в годы войны, потребление и качество жизни и так далее (Советская повседневность 2003:5) Однако издание не дает представления о динамике изменения настроений в каком-либо конкретном регионе страны.

На современное развитие отечественной историографии большое влияние оказывают работы западных авторов, намного раньше начавших изучение социальной истории СССР и

использовавших для этого в том числе и методы устной истории. До середины 1990-х годов двумя основными направлениями исследований советской истории являлись концепция тоталитаризма и школа, представленная ее критиками, традиционно именуемыми «ревизионистами». К ним относилось молодое поколение американских социальных историков, находящихся под влиянием возникшей более полувека назад французской школы Анналов, последователи М. Блока и Ф. Броделя. В области исследования СССР американские и британские социальные историки серьезно заявили о себе в начале 1970-х годов¹⁰.

Сегодня у теории тоталитаризма осталось мало защитников. Тем не менее работа Х. Арендт «Истоки тоталитаризма» (Arendt 1958) до сих пор сохраняет статус классической. По-прежнему часто цитируется книга К. Фридриха и З. Бжезинского «Тоталитарная диктатура и автократия» (Friedrich, Brzezinski 1956). И если популярность теории тоталитаризма пошла на убыль, то сама концепция получила новую жизнь. Многие исследователи в бывшем Советском Союзе в начале 1990-х годов полагали, что слово «тоталитаризм» наилучшим образом описывало их исторический опыт. Некоторые западные ученые, в свою очередь, до сих пор считают концепцию тоталитаризма весьма ценной (Malia 1992: 89-106). Если определение конкретного общества как тоталитарной системы считается слишком абстрактным, то понятие «тоталитарный», будучи своего рода «ключом», дает информацию о целях и практике различных правительств.

Изначально изучение сталинизма развивалось в рамках модели тоталитаризма. Этот подход характеризовался вниманием прежде всего к проблеме государственного контроля и его распространения на новые сферы жизни общества. Первым документальным исследованием о сталинизме была книга М. Фэйнсода (Fainsod 1958), в основу которой были положены материалы Смоленского партийного архива. Применительно к проблемам изучения собственно советского общества в условиях отсутствия «независимых институтов» или «самостоятельных политических сил» было неясно, что же изучать и было ли вообще общество как таковое (Kotkin 1995:2). Когда же речь заходила об изучении массовых настроений, то возникал естественный скептицизм в отношении официальных советских источников по этой теме.

Напротив, материалы, полученные после войны в ходе опросов эмигрантов и перемещенных лиц, дали много новой информации относительно истинных мыслей и чувств населения СССР. Однако и Фэйнсод, и те, кто участвовал в Гарвардском проекте (Baueg, Inkeles, Kluckhohn 1960), должны были считаться с двумя важными обстоятельствами. Во-первых, советский народ пошел на огромные жертвы в ходе войны с нацистской Германией, проявил чудеса героизма, во-вторых, свидетельств организованного выступления против сталинского режима было сравнительно мало, чтобы можно было говорить о нелегитимности режима. Объясняя это явление, сторонники тоталитарной модели обращали внимание на репрессивный характер советского государства, не уделяя, однако, должного внимания тому, что после смерти Сталина период стабильности в обществе сохранился. В целом сторонники «тоталитарной» модели практически не уделяют внимания обществу как таковому. Они его рассматривают как нечто единое, находившееся под полным контролем государства. Использование государством пропаганды и принуждения, по их мнению, приводило к тому, что «массы» были настроены конформистски или же ненавидели режим молча, опасаясь репрессий.

Крупный американский историк С. Коткин предложил на время («пока не будут доступны архивы НКВД») отложить спор о причинах террора и сконцентрировать внимание на то, каким образом международная обстановка влияла на современников, как развивались институциональные взаимоотношения партии и НКВД, уделяя особое внимание их политическому языку (терминологии). Во введении к своей фундаментальной книге о сталинизме как цивилизации, написанной на различных материалах Магнитки, Коткин

определил другие задачи своего исследования следующим образом: «Показать, как народ жил и как воспринимал свою жизнь». Поэтому, по его мнению, «необходимо дать возможность народу, наконец, говорить» (Kotkin, 1995: 23).

Одной из новаций работы Коткина было изучение проблемы протеста как *пассивного* поведения населения. Используя методологию М. Фуко, который считал сопротивление важнейшим элементом формирования личности, Коткин во главу угла поставил эмпирическое исследование сопротивления населения сталинскому режиму, распространяя его в том числе и на повседневную жизнь советских людей.

Фуко убедительно показал, что даже когда кажется, что не существует разделения государства и общества, как в СССР, где «все было частью государства», власть находится не в центральном аппарате (Dreyfus 1982; Foucault 1980; Foucault Reader 1984), а основывается на поведении народа (Kotkin 1995: 23). Сталинизм, таким образом, становится не только политической системой, но и системой ценностей, определенной социальной идентичностью, способом жизни.

К числу наиболее крупных работ представителей ревизионистской традиции об отношениях власти и народа, роли различных форм пропаганды в мобилизации общества и развитии настроений в период Великой Отечественной войны относятся коллективная монография под редакцией американского историка Р. Стайтса (Culture 1995), работы британского историка Дж. Барбера (Barber 1991; Barber, Harrison, 1991), много и плодотворно работавшего в архивах Москвы и Санкт-Петербурга, а также докторская диссертация Р. Броди (Brody 1994). Однако в этих трудах практически не затрагивались вопросы эволюции настроений в период битвы за Ленинград, а также не показано соотношение убеждения и принуждения в формировании умонастроений в период войны. Заметим также, что во второй половине 1990-х годов Дж. Барбер инициировал проведение совместного с российскими историками исследования медицинских аспектов блокады. При этом его в первую очередь интересовали последствия массового голода как в медицинском, так и в социальном аспекте. В числе прочего британский историк основывался на проведенных в Санкт-Петербурге интервью с жителями блокированного города (Жизнь и смерть 2001)11.

«Ревизионисты» представляют общество в качестве активной и автономной силы, отнюдь не подчиненной полностью государству. В споре со сторонниками «тоталитарной» модели некоторые «ревизионисты» пытаются доказать наличие социальной базы для поддержки Сталина среди различных социальных групп – выдвиженцев, членов партии и комсомола, стахановцев и других. Эту точку зрения особенно последовательно отстаивает Суни, который считает, что Сталину удалось создать себе опору в лице «среднего класса» и тем самым обеспечить стабильность режима (Suny 1997). С ним согласны некоторые авторитетные российские историки, полагающие, что именно в довоенное время возникли десятки тысяч вакансий, которые заполнились новыми людьми. «Долго не засиживаясь на одном месте, – говорится в одном из фундаментальных трудов по истории советского общества, – они быстро прыгали с одной ступеньки номенклатурной лестницы на другую... Не все сумели пробежать эту дистанцию, многие оступались и падали. Ну а те, кому удалось остаться невредимым, затем всю жизнь вспоминали о том лихолетье как о самом светлом периоде своей жизни и славили того, кто расчищал им дорогу на Олимп. Именно с этой новой элитой вождь, партия, государство вошли в новое десятилетие, прошли войну 1941–1945 годов» (Власть и оппозиция 1995:173–174).

В начале 1990-х годов в англо-американской историографии стало формироваться новое направление в исследовании сталинизма, а именно школа «сопротивления» режиму. Ее представители продолжили критику тоталитарной модели на основе укрепившегося в

литературе ревизионистского направления. В этом направлении писала Ш. Фитцпатрик, а также еще несколько американских историков (Fitzpatrick 1994; Viola 2000; *Contending with Stalinism* 2002). По мнению школы «сопротивления», граждане СССР являют собой не традиционную оппозицию (жертвы режима/сторонники режима), а силу, оказывавшую ему сопротивление в активной или, что было чаще всего, в пассивной форме. Исследуя проблему отношения народа к режиму, Л. Риммель поставила ряд вопросов, которые представляются нам ключевыми при изучении настроений в Советском Союзе в целом. Какая доля советских граждан поддерживала режим, сопротивлялась ему, боялась его или же, наконец, была безразлична к власти? Ответ на этот вопрос она дает, отталкиваясь от материалов сводок о настроениях, подготовленных ВКП(б). Риммель специально отметила, что «наиболее захватывающим при чтении сотен сводок было обилие примеров несогласия, сопротивления, героизма и простой человеческой порядочности в условиях оппортунизма и бесчеловечности» (Rimmel 1999: 221).

Одна из ярких представительниц школы «сопротивления» – англичанка С. Дэвис. Она не согласна с теми, кто пришел к выводу о лояльности большинства рабочих режиму (Davis 1997: 6; см. критику ее исследований: Thurston 1986: 213–134; Thurston 1996; Терстон 1995). Дэвис отмечает: «Недавние исследования, посвященные рабочим и крестьянам, показывают, что они на деле ощущали на себе давление государства и боролись с ним, используя различные способы пассивного сопротивления». «Очевидно, – продолжает она, – между активной поддержкой режима и активным сопротивлением ему была значительная группа гетерогенных настроений. Чистых сторонников и противников режима было мало. На самом деле настроения людей были неопределенными и подчас противоречивыми: осуждение одних действий властей или какой-либо черты режима вполне сосуществовало с поддержкой других его проявлений, что в целом весьма характерно для других авторитарных обществ» (Davis 1997: 6; см. также: Filtzer 1986).

Дэвис бросила вызов С. Коткину, который отказался от дихотомии «тоталитаризм-ревизионизм», «поддержка режима – оппозиция режиму» и уделил особое внимание «тактическому использованию языка обычных людей». Как уже отмечалось, по мнению Коткина, «для подавляющего большинства тех, кто пережил сталинизм и для большинства его противников он... тем не менее оставался прогрессивной перспективой» (Kotkin 1995: 6), более того, в то время «мало кто мог представить альтернативу режиму» (Ibid, 358). Эту точку зрения разделяет еще один американский историк П. Кенец. В частности, он утверждает, что «режим преуспел в предотвращении формирования и проявления альтернативных точек зрения. Советский народ в конце концов не столько разделял большевистское мировоззрение, сколько принял его на веру. Не осталось никого, кто бы указывал на противоречия и даже бессмысленность лозунгов режима» (Kenez 1985:353).

Дэвис ставит под сомнение верность высказанных Коткиным и Кенецем суждений, ссылаясь на «новые источники». Информация о слухах, личные письма, листовки, надписи – все это дает ей основание говорить о наличии «значительного количества» оппозиционных настроений, включая национализм, антисемитизм и популизм (о слухах см.: Bauer, Gleicher 1953: 297–310). Главная задача Дэвис состояла в том, чтобы показать «альтернативные» настроения в советском обществе в 1934–1941 годах¹². Дэвис, по-видимому, права, отмечая, что достаточно трудно говорить о гипотетической «политической культуре русского народа». Зачастую ценности, выраженные советскими людьми, противоречили друг другу, не подходили к традиционным социалистическим, анархистским, консервативным, либеральным и другим системам. Однако часто отмечались враждебность и апатия по отношению к государству. Одновременно с этим в обществе было широко распространено мнение, что государство должно заботиться о народе. Патерналистский стиль поведения руководства страны ценился

очень высоко. Другими характерными чертами были материализм и эгалитаризм, социализм с его классовым подходом, а также социальный консерватизм.

Эти взгляды Дэвис были в свою очередь подвергнуты достаточно жесткой критике со стороны Коткина. Он не считает достойными внимания историков советского общества «ревизионистские» исследования, в которых на основании примеров проявленного в очередях недовольства, а также нелояльности в связи с проводившимися в принудительном порядке займами и другими мероприятиями властей сделан вывод о неуместности понятия тотальной пассивности и тотального контроля, которые долгое время доминировали в литературе. Сами факты недовольства властью по большому счету не привносят ничего нового в знание о сталинизме, считает Коткин (Kotkin 1998: 740). То, что делает книгу С. Дэвис особенно интересной, так это утверждение о наличии в советском обществе альтернативных господствующей идеологии настроений и мнений, которые основывались на «альтернативных идеях и информации» (Davis 1997: ?). Эти настроения и мнения сосуществовали с настроениями большинства, поддерживающего режим, давая людям возможность колебаться между официальным и неофициальным полюсами. Однако ответа на вопросы о том, какой альтернативной информацией обладали люди и откуда они ее черпали, Дэвис не дает. Остался не выясненным и один из важнейших вопросов о том, обладал ли советский народ отличным от официального интеллектуальным инструментарием (информацией и категориями мышления) для выработки мировоззренческой позиции, альтернативной той, что предлагала власть? Наконец, следует иметь также в виду и то, что эти сводки о настроениях выражали не столько сами настроения, сколько бюрократические интересы ведомств, их составлявших, равно как и ментальность самих составителей, включая страхи и даже паранойю власти (Kotkin 1998:739–742). Таким образом, Дэвис затронула проблему традиции в национальной политической культуре, но не использовала ее в качестве отправной точки своего исследования, полагаясь, по словам Коткина, в основном «на рефлексии полицейских и партийных органов, схватывавших сиюминутную реакцию населения на проводимые властью мероприятия». К тому же в ряде случаев Дэвис не смогла убедительно объяснить приводимые свидетельства о недовольстве в обществе. Например, шок и смятение в связи с подписанием пакта о ненападении с нацистской Германией наилучшим образом могут быть объяснены именно тем, что подавляющее большинство населения считало СССР социалистической страной и форпостом в борьбе с фашизмом. Интерес к проблемам международных отношений также связан с тем, что государство преуспело в навязывании обществу представлений о мире как совокупности двух находящихся в антагонизме лагерей – капитализма и социализма. Наличие в последнем различных проблем воспринималось не только как явление временное, но и как меньшее зло по сравнению с экономической депрессией и милитаризмом.

Что же помимо этого выражало зафиксированное в сводках недовольство? По мнению Коткина, сам язык рабочих, который использовал официальную модель критики капитализма, был направлен на то, чтобы власти выполняли взятые на себя перед народом обязательства. Поэтому он отражал одновременно и некоторый уровень ожиданий, и, вероятно, недовольство, и подчас даже надежду.

Выводы Дэвис о сущности настроений в довоенном СССР также расходятся с заключением, сделанным еще одним американским историком – Р. Терстоном, который утверждает, что к началу войны подавляющее большинство советских людей поддерживало режим, имело возможность влиять на своих руководителей на заводах, хотя рабочие как класс были весьма слабы. «Террор и страх – ядро любого исследования, которое основано на использовании концепции тоталитаризма, – пишет Терстон. – Возможно, что значительная часть как немцев, так и русских испытывала страх перед государством. Но он не был

определяющим. Действительно, было множество ограничений свободы слова, многие возможности были закрыты для народа, степень принуждения и контроля со стороны правительства и правящей партии была значительной. *Но были и такие, кто не боялся государства, было огромное количество тех, кто поддерживал режим в Германии и в СССР. В современных исследованиях третьего рейха принуждению отводится малая роль. Добровольная поддержка была намного важнее...* (курсив мой. – Н.Л.).»

По мнению Терстона, «до сих пор мы попросту мало знаем о таких сферах советской жизни периода „зрелого сталинизма“, как возможность рабочих критиковать местные условия жизни, отношение народа к режиму и террору, настроения солдат в начальный период войны с Германией...» (Thurston 1996: XX). Итог исследования Р. Терстона – утверждение, что без лояльности народа власти «трудно объяснить готовность народа добровольно вступать в армию в 1941 году, уровень советской военной экономики, достигнутый в экстремальных условиях, саму победу в целом» (Ibid, 198).

На значимость начавшей складываться на Западе школы сопротивления в исследовании советской истории 1930-1940-х годов в ряде публикаций указал И. Хелльбек. Вместе с тем он нашел немало уязвимых мест методологического характера у представителей всех трех выше названных традиций изучения сталинизма. Хелльбек вполне обоснованно пришел к выводу, что главной научной проблемой изучения сталинизма в 1990-е годы в западной историографии стало отношение советских граждан к коммунистическому режиму. При этом самой удивительной чертой ряда исторических исследований было то, что, несмотря на разные подходы к теме и сделанные выводы, все они сходились в одном: советский народ в своем большинстве не разделял ценностей коммунизма.

Такие категории, как нонконформизм, инакомыслие, сопротивление, быстро стали ключевыми для интерпретации индивидуальных и коллективных настроений и взглядов по отношению к режиму (Hellbeck 2000: 71). Публикация в 1990-е годы прежде закрытых архивных материалов, казалось бы, также убедительно подтверждала это. Проявления массового недовольства нашли свое выражение в различных формах протеста (забастовки, «негативные» настроения в очередях, недовольство интеллигентов, проявившееся в оставленных ими дневниках). При этом нельзя не согласиться с Хелльбеком в том, что появление многочисленных сборников документов по определению несло на себе печать селективности, которая с неизбежностью ставит перед историками вопрос о тех мотивах, которыми руководствовались авторы подобных изданий. Отчасти данная тенденция была связана с естественным стремлением российских и сотрудничавших с ними зарубежных авторов пересмотреть советскую точку зрения об отношениях власти и народа, выдвигая на передний план «героические проявления сопротивления режиму», а также подчеркивая чуждость сталинизма народу, насильственный характер советского режима.

Хелльбек вполне обоснованно подметил, что в западной историографии открытие советских архивов привело к методологическому повороту – росту внимания к микроистории и к истории повседневности, в которых особое значение приобрели индивидуальные стратегии практически повседневного сопротивления режиму, хотя бы и в пассивной форме (Ibid, 72–73). Историк подытожил свои наблюдения о состоянии современных исследований сталинизма выводом о том, что перечисленные выше архивные, политические и методологические новшества не только усилили друг друга, но и придали дополнительную убедительность недавно опубликованным источникам (Ibid, 73).

Вместе с тем существуют как минимум три аспекта наметившейся интерпретации проблемы сопротивления сталинизму, которые вызывают у исследователей сомнения. Во-первых, лица, представляющие собой сопротивление, оказались странным образом

оторванными от своего социального и политического окружения. Они скорее воспринимали его не как реальную жизнь, а как своего рода театр с определенными ритуалами, костюмами и иным антуражем, которыми можно было пользоваться чуть ли не по своему выбору (см. например: Getty 1999: 49–70; Alexopoulos 1998:774–790).

Утрата ощущения исторического контекста в работах либеральных исследователей 1990-х годов и проецирование их собственных взглядов на исторических персонажей прошлого, по-видимому, являются одной из причин создавшегося положения. Во-вторых, исследования настроений в период сталинизма исходят из того, что истинными были только настроения, отражавшие высказывания и поступки, направленные против режима. Что же касается действий в поддержку власти, то они во многих случаях попросту игнорировались, фактически исключая возможность позитивной самоинтеграции в складывавшуюся политическую систему. В-третьих, остался без внимания такой важнейший вопрос функционирования советской политической системы, как механизм и динамика социальной мобилизации, изначальное вовлечение индивидов в политическую жизнь, которое не только предшествовало, но и предопределяло возможные формы протеста и цели сопротивления (Hellbeck 2000: 74).

На наш взгляд, заслугой Хелльбека является то, что он попытался ответить на фундаментальный вопрос, что же представляли собой понятия «протест» и «сопротивление» в период сталинизма. При этом он пришел к выводу о том, что выражение протеста в указанную эпоху в СССР может быть понято только в более широком контексте социалистической революции и ее «траекторий мобилизации и самоактивации». Именно революция, под влиянием которой возникает новый человек, дает ключ к постижению условий, в которых индивиды могли принять участие в политической жизни революционного государства. Революция оживила идею об исторической миссии России, для многих задала новую перспективу развития вместе со страной, обусловила параметры участия в строительстве нового мира. Основным источником для изучения этих проблем стали автобиографии и дневники, в которых отразились «подлинные мысли и настроения их авторов». Таким образом, следуя традиции М. Фуко, Хелльбек обращает основное внимание на процесс формирования новой личности в СССР, явившейся основой сталинизма. Отдавая должное исключительному значению «лингвистического поворота» в исследовании социальной истории в целом и советской истории в частности, отметим, что общий исторический контекст при проведении «качественных» исследований зачастую отсутствует, а наблюдения относятся лишь к весьма узкому сегменту общества. Тому же Хелльбеку вполне уместно задать один из вопросов, которые вызвали у него обоснованные сомнения в связи с «селективностью» в отборе материалов для сборников документов представителей школы «сопротивления». Произвольность и субъективность в выборе источников характерны и для его трудов. Например, из дневника А.Н. Манькова (Маньков 2001) Хелльбек в подтверждение своего тезиса взял лишь одно высказывание, относящееся к 1933–1934 годам (Hellbeck 2000:91), в то время как в записях о последующих шести годах содержится более десятка развернутых суждений, никак не вписывающихся в схему автора и, напротив, подтверждающих выводы Ш. Фитцпатрик. На наш взгляд, важно помнить, что как бы ни велико было значение революции, объяснить протест лишь через ее призму было бы неверно. Конечно, она (а впоследствии и Конституция 1936 года) задавала официальную норму. Но, во-первых, для всех «бывших» существовала и другая норма, связанная с жизнью при «старом» режиме. И во-вторых, в дальнейшем, в ходе Второй мировой войны, официальная норма (коммунизм, атеизм и так далее) ослабла, но добавилось мощное воздействие нацистов (особенно на оккупированной территории) и практически повсеместно ключевых стран антигитлеровской коалиции.

Современные исследования сталинизма на Западе отличаются многообразием тем, а также введением в научный оборот большого архивного материала, который стал доступным в начале 1990-х годов. Особое место занимают обобщающие работы по так называемой «истории повседневности» довоенного периода, особенно интересные для нас тем, что объектом изучения является жизнь простых советских людей во всех ее проявлениях. Формирование нового слоя городского населения из выходцев из деревни, приспособление «старых» горожан (в том числе петербуржцев – рабочих и интеллигенции) к новым условиям жизни, наконец, складывание новой системы ценностей – все эти проблемы попали в поле зрения историков.

Помимо уже упоминавшейся работы С. Коткина о сталинизме как цивилизации, написанной на материалах Магнитки, особого внимания заслуживают монографии С. Бойм о мифологии в повседневной жизни в СССР (Boym 1994), а также Л. Сигельбаума и А. Соколова, представивших значительный массив новых документов (Siegelbaum, Sokolov 2000). Новый пласт информации о жизни в довоенном СССР удалось освоить историкам, важнейшим источником для которых были интервью с современниками описываемых событий. В центре внимания исследователей оказались довоенная Москва, Татарстан, а также Ленинград (На корме времени 2000; Holmes 1997; Ransel 2000). Особый интерес для нас, естественно, представляют интервью с ленинградцами, в которых подробнейшим образом описываются условия жизни в городе, а также различные аспекты, связанные с миграцией из деревни в город.

Заслуживают внимания попытки исследования дневников, относящихся к периоду 1930-х годов, которые провели ранее упоминавший Й.Хелльбеки еще несколько западных историков (Intimacy and terror 1995; Hellbeck 1996; Tagebüch 1996). До сих пор этот тип источников применительно к периоду сталинизма еще недостаточно изучен. Упомянутые работы также опираются на весьма ограниченный массив документов. Тем не менее это направление исследований представляется весьма перспективным по двум причинам. Во-первых, очевидно, что наряду с архивными источниками (например, сводками о настроениях) именно дневники представляют собой важнейший ресурс для изучения настроений. Они в большей степени, нежели какой-либо другой источник, позволяют проследить *эволюцию* взглядов и настроений конкретных людей. Во-вторых, дневники дают возможность критики других источников, характеризующих настроения их авторов. Сравнение публичных выступлений известных писателей и поэтов с их дневниками (например, О. Берггольц) наглядно иллюстрирует то, что имел в виду С. Коткин, когда говорил о необходимости разобраться в содержании подчас ритуальных (и одинаковых) по форме и содержанию публичных выступлений людей. Говорить «по-большевистки», однако, еще не значило быть большевиком. Дневники как раз и являются тем средством, при помощи которого возможно снятие публичных наслоений.

Отмечая определенные достижения западной историографии в изучении советского общества в довоенный период, следует отметить, что ряд существенных вопросов, имеющих отношение к избранной нами теме, остался практически без внимания. К их числу, в частности, относятся более точные качественные и количественные оценки настроений горожан в предвоенные годы; изучение настроений горожан в ходе войны с Финляндией, а также ее последствия и ряд других вопросов.

Англо-американская литература о битве за Ленинград представлена весьма скупо. Появление книг и отдельных статей в 1950-1960-е годы было связано главным образом с тем, что многие из авторов либо провели значительную часть жизни в Ленинграде, либо имели возможность посетить город в годы войны. Журнальные публикации в своем большинстве опирались на весьма ограниченные личные воспоминания и немногочисленные беседы с ленинградцами, которые по-прежнему весьма интересны для изучения настроений.

Исследования западных авторов, за исключением книги одного из наиболее ярких

представителей тоталитарной модели советского общества Л. Гуре и статей работающего в ревизионистском ключе Р. Бидлака (Bidlack 1991), опираются в основном на воспоминания участников событий и страдают, по мнению большинства отечественных историков, узостью источниковой базы. Даже историки, использовавшие немецкие трофейные документы (например, Л. Гуре), не имели доступа к советским архивным материалам.

Наиболее известная на Западе книга о блокаде известного журналиста. Солсбери скорее принадлежит к числу работ ревизионистского направления. Безусловной ценностью этого труда является то, что ему удалось использовать при написании книги множество интервью с ленинградцами, включая некоторых руководителей города. В книге приведены заслуживающие внимания наблюдения о настроениях населения Ленинграда в разные периоды битвы за город, а также весьма интересные предположения относительно реальности выступления рабочих против местного руководства в военные месяцы 1941–1942 годов.

Автор наиболее фундаментальной зарубежной книги о блокаде – Л. Гуре отмечал, что лояльность ленинградцев режиму была предопределена страхом перед полицейским аппаратом советского государства, деятельность которого в годы войны носила превентивный характер (Goure 1962: 63, 80). Опираясь на обширный материал, почерпнутый из донесений немецких спецслужб, а также армейского командования, Л. Гуре исследовал вопрос относительно изменения настроений населения города в период блокады, а в заключении книги наметил основные направления развития отношений власти и народа, сложившиеся в период блокады. В частности, он указал, что дисциплина и сознание долга горожан, имевших все основания для проявлений оппозиционности, полностью превзошли ожидания властей. Гуре подчеркивал, что представители прогермански ориентированных элементов в Ленинграде никогда не были в большинстве, но количество недовольных властью было значительным. Кроме того, руководители города, по мнению Гуре, все же полагали, что многие ленинградцы не верили в возможность отстоять Ленинград или же в сохранение режима осенью 1941 года, когда немцы наступали на Москву. Часть населения задавалась вопросом о смысле жертв, если судьбы Ленинграда и страны были предопределены. Наконец, власти не знали того, сколь долго население и особенно оппозиционно настроенная его часть будет оставаться пассивным и подчиняться приказам Смольного в условиях, когда их близкие умирают от голода и бомбежек.

С другой стороны, присутствие каких-либо открытых форм протеста Гуре выявить не удалось, и он связал это с тем, что в силу географического положения города властям было легко контролировать население, которое к тому же полностью зависело от власти (продовольствие и другие ресурсы) и привыкло подчиняться ей. Отсутствие предшествующего опыта политической свободы, политических групп, лозунгов действия, а также каких-либо групповых интересов, отличных от интересов власти, 24-летнее уничтожение всяких ростков оппозиционности, атмосфера недоверия в обществе и поведение немцев, не давших населению Ленинграда идеологической альтернативы советскому режиму, – все это минимизировало возможность возникновения реальной оппозиции режиму. К тому же ленинградцы полагали, что армия настроена решительно и будет сражаться до конца, и потому сопротивление властям не только бесполезно, но и самоубийственно. До того как ленинградцы поняли, что представляют собой немцы, они ожидали, что те сами решат «проблему Ленинграда», и оставались пассивными. Затем они полагали, что либо «женщины», либо «армия» возьмут инициативу в свои руки и принудят местное руководство сдать город. Поскольку одиночные выступления против власти были бессмысленными, ленинградцы должны были делать выбор между подчинением или стремлением каким-либо образом покинуть город. Позднее власти использовали продовольственные карточки в качестве надежного инструмента контроля и добились практически полного политического конформизма. Голод, холод и физическая

слабость в конце концов привели к тому, что господствующим фактором стала апатия. Все силы были брошены на то, чтобы выжить. Усилия власти, направленные на продолжение борьбы, также имели большое значение. Коллективный труд на предприятиях и общественных работах, пропаганда, растущее сопротивление немцам на других фронтах – все это оказывало позитивное влияние на настроение людей. Кроме того, горожане проявили умение адаптироваться к сложнейшим условиям и многие проблемы решили самостоятельно (Ibid, 300–307).

А. Верт в своей книге о войне также попытался дать ответ на вопрос об изменениях настроений в Ленинграде. Во-первых, он не согласился с мнением, что ленинградцы были «вынуждены быть героями», что при возможности (как это было, например, в Москве 16 октября 1941 года) они бы просто покинули город. Не соглашаясь с Гуре, который полагал, что количество недовольных в дни блокады, «если и не составляло большинство, то, по крайней мере, было значительным» (Ibid, 304), А. Верт ссылается на интервью с ленинградцами, которые весьма редко упоминали о наличии немецкой «пятой колонны» в Ленинграде в годы войны. Вместе с тем Верт вслед за Гуре указывал на то, что патриотизм, гордость за свой город, ненависть по отношению к немцам, растущая по мере продолжения войны, а также нежелание предавать солдат, защищающих город, были определяющими в поведении ленинградцев.

Верт пришел к выводу, что в городе «не было никого, за исключением нескольких антикоммунистов, кто рассматривал возможность капитуляции немцам. В самый разгар голода лишь единицы – необязательно коллаборанты или немецкие агенты... а просто те, кто обезумел от голода, – писали властям, прося объявить Ленинград «открытым городом»; но никто из них, находясь в здравом уме, не смог бы этого сделать. В период немецкого наступления на город народ быстро понял, что представляет собой противник; сколько подростков погибло в результате вражеских бомбежек и обстрелов во время рытья окопов. А когда город оказался в блокаде, начались бомбардировки и распространение садистских листовок, наподобие тех, что были сброшены 6 ноября с целью «отметить» праздник революции: «Сегодня мы будем бомбить, завтра вы будете хоронить» (Werth 1964:356).

А. Верт считал, что «вопрос об объявлении Ленинграда „открытым городом“ никогда не мог быть поставлен так же, как, например, в Париже в 1940 году; это была война на уничтожение, и, по его словам, немцы никогда из этого не делали секрета; во-вторых, гордость за свой город была важна сама по себе – она состояла из большой любви к городу, его историческому прошлому, его исключительным литературным ассоциациям (это особенно справедливо в отношении интеллигенции), а также огромной пролетарской и революционной традиции в рядах рабочего класса; ничто не могло так объединить эти две большие любви к Ленинграду в одно целое, как угроза уничтожения города. Может быть, даже вполне сознательно здесь присутствовало старое соперничество с Москвой: если бы Москва пала в октябре 1941 года, Ленинград продержался бы дольше; и если Москва выстояла, для Ленинграда было делом чести тоже выстоять (Ibid, 356–357)–

А. Верт полагал вполне уместными те формы контроля и дисциплины, которые были установлены в Ленинграде. «Вполне естественно, – писал он, – что осажденному городу были необходимы суровая дисциплина и организация. Но это не имеет ничего общего с „укоренившейся привычкой покорности по отношению к властям“ или еще в меньшей степени со „сталинским террором“. Очевидно, что продукты питания должны были распределяться очень строго. Но сказать, что население Ленинграда работало и „не восстало“ (с какой целью?) с тем, чтобы получить продовольственные карточки... – значит полностью не понимать духа Ленинграда».

Любая попытка дифференцировать русский патриотизм, революционный заряд,

советскую организацию или задавать вопрос о том, какой из трех факторов был наиболее важен в сохранении Ленинграда, также является бесплодной – все три переплелись, по мнению Верта, в исключительном «ленинградском» пути (Ibid, 358). Однако справедливо ли говорить о сложившейся «ленинградской идентичности» применительно к тем, кто лишь в середине тридцатых годов приехал в Ленинград из деревни и так с нею до начала войны не порвал, уезжая на все лето в привычные и близкие сердцу места? А этих «новых» ленинградцев были многие тысячи. Можно ли считать вполне «советскими людьми» всех еще остававшихся в городе «бывших», для которых ни «революционный заряд», ни «советская организация», используя терминологию Верта, не были главными детерминантами их поведения?

Наконец, с локальным «ленинградским» патриотизмом было связано, по мнению А. Верта, возникновение «ленинградского дела». «Будучи в Ленинграде в 1943 году, – писал Верт, – я имел возможность наблюдать это на каждом шагу. Для ленинградцев их город со всем тем, что он сделал и перенес, был чем-то уникальным. С каким-то презрением они говорили о «московском бегстве» 1941 года, и многие, в том числе очень замечательный человек П.С. Попков, руководитель Ленсовета, чувствовали, что после всего того, что сделал Ленинград, он заслуживает какого-то особого отличия. Одна из идей того времени состояла в том, что Ленинград должен стать столицей РСФСР или России, в то время как Москва останется столицей СССР. Эта ленинградская исключительность совсем не нравилась Сталину (Ibid, 358–359)».

В конце 1990-х годов интерес к ленинградской эпопее, как, впрочем, и всей войне СССР с нацистской Германией, на Западе снова возрос. Это было связано главным образом с двумя обстоятельствами. Во-первых, возникли благоприятные условия для работы в ранее закрытых архивах. Те, кто интересовался политической историей, с жадностью обратились к материалам органов власти и управления, а исследователи социальных проблем наконец-то получили доступ к богатым фондам дневников и воспоминаний в архивах и рукописных отделах Москвы и Санкт-Петербурга. Во-вторых, стремление понять природу перемен в СССР во второй половине 1980-х – 1990-е годы побуждало проводить исследование важнейших «болевых точек» советской истории, когда на уровне личного опыта и семейной традиции обычных людей происходило накопление памяти, альтернативной официальной, все более и более отвергавший коммунистическую систему ценностей и саму власть. Практически одновременно появилось несколько книг и статей, посвященных в том числе и настроениям ленинградцев. Исследовательницы из США С. Симмонс и Н. Перлина опубликовали сборник фрагментов дневников, писем и воспоминаний ленинградских женщин периода блокады, показывая их исключительную роль в победе. Эти материалы авторам удалось собрать в 1995–1996 годах в Российской национальной библиотеке (РНБ), а также в Музее обороны Ленинграда. Работа С. Симмонс и Н. Перлиной носит скорее популярный, нежели научный, характер и адресована широкой англоязычной публике. Например, из нескольких толстых тетрадей А. Остроумовой-Лебедевой, находящихся на хранении в РНБ, в сборник вошли всего несколько ее пометок, уместившихся на нескольких страницах. Естественно, ни о какой полноте источника и говорить не приходится. Тем не менее значение книги состоит как в обращении к новой теме – «женщины на войне», так и в использовании источников из российских хранилищ (Simmons, Perlina 2002). Такой же научно-популярный характер носит книга Д. Гланца о военной стороне блокады Ленинграда (Glantz 2001).

Чрезвычайно сильное эмоциональное воздействие на читателей производит роман «Блокада» известной английской писательницы Х. Данмор (Danmore 2001), собравшей при работе над ним множество материалов и интервью с ленинградцами, которые пережили блокаду. Блокада в романе представлена через судьбы одной ленинградской семьи Левиных и

близких к ней людей. История этой семьи и главной героини романа 22-летней Анны Левиной показана в контексте советской политической истории, но главное внимание в романе уделено жизни обычных людей в необычное и крайне тяжелое время, когда при всей трагедии сохранялось место любви, жизни и надежде на лучшее будущее. Эта книга, по мнению многочисленных британских критиков, обладает не только несомненными художественными достоинствами, но и важна тонким психологическим анализом жизни в условиях блокады, вновь «открытой» англоязычной публике.

В несколько иных условиях, нежели англо-американская, развивалась западногерманская историография битвы за Ленинград¹³. Несмотря на наличие самого широкого круга архивных источников, включая обилие советских трофейных документов, специальных работ по целому ряду вопросов, касавшихся «внутреннего фронта» битвы за город на Неве, а также оккупационной политики вермахта на территории Ленинградской области в ФРГ за более чем шестьдесят лет написано не было. Во многом невостребованными оказались специальные донесения службы безопасности СД и военной разведки о положении в блокированном Ленинграде, на фронте, а также на оккупированной территории, которыми, как уже отмечалось, пользовались некоторые американские историки, в том числе упоминавшийся нами Л. Гуре.

Сквозными темами работ немецких авторов были, во-первых, выяснение причин неудач Гитлера и военного командования, а также их отношения к планам ведения войны против СССР, особенно в ее начальный период, во-вторых, боевой путь дивизий, входивших в группу армий «Север», и самой группы. В целом, хотя в количественном отношении немецкая литература о блокаде Ленинграда весьма обширна¹⁴, по сравнению с опубликованными монографиями и сборниками, посвященными другим сражениям на советско-германском фронте – битвам за Москву, Сталинград и Берлин, публикации о боях за Ленинград занимают весьма скромное место.

Первые работы немецких авторов появились еще в ходе Второй мировой войны. Уже во время ведения боевых действий командованием группы армий «Север», 16-й и 18-й армий, а также других соединений, находившихся в то время под Ленинградом, были подготовлены документы, военные аналитические записки, обзоры, планы операций с картами на отдельные годы ведения войны, фотографии, хроники боевых действий. Как отмечает Г. Хасс, в большинстве своем они хранятся в военном архиве во Фрайбурге (*Der Feldzug 1941–1943; Kampf um Leningrad 1943*). Еще во время войны на их основе появились первые публикации¹⁵.

В послевоенное время на развитие немецкой историографии в решающей степени повлияла утрата суверенитета, вынудившая прежде всего оказавшихся в плену у оккупационных властей США немецких военных объяснять причины «утраченных побед» на восточном фронте, включая ленинградскую эпопею.

Таким образом, второй этап изучения войны с СССР был связан с попытками аналитиков исследовать операции вермахта сразу же после окончания войны. Уже летом 1945 года были собраны военнопленные генералы вермахта для работы по изучению военной истории. Очевидно, что изначально доминировал военно-исторический интерес к только что завоеванной победе. Между тем начавшаяся между державами-победительницами холодная война его заслонила, и на передний план выступило желание учесть опыт вермахта для будущих конфликтов.

Третий большой период в немецкой историографии был связан с холодной войной, в условиях которой многие проблемы агрессии нацистской Германии против СССР не затрагивались вообще. Прежде всего, речь идет о преступных целях нацистов и о последствиях проводившейся ими политики как в отношении мирного населения Ленинграда и оккупированных районов Ленинградской области, так и советских военнопленных.

Наиболее существенным явлением в немецкой историографии битвы за Ленинград является монография Вернера Хаупта «Ленинград: 900-дневная битва: 1941–1944» (Haupt 1980)¹⁶. Бывший офицер группы армий «Север» предпринял попытку «всестороннего анализа битвы за Ленинград, а именно ее стратегического, тактического, политического, экономического и социально-политического аспектов». С первых же страниц книги В.Хаупт проводит мысль о значительном превосходстве Красной Армии в живой силе и технике над 18-й армией вермахта, представляя последнюю в качестве в высшей степени эффективного в военном отношении объединения, сумевшего в течение столь продолжительно времени блокировать Ленинград. В контексте проводимого нами исследования примечательны рассуждения В. Хаупта о настроениях ленинградцев, сумевших преодолеть свои страхи и, несмотря на голод и угрозу смерти, сохранивших боевой дух, «который позднее продемонстрировало население Берлина в период блокады 1948 года» (Ibid, 6)¹⁷.

Монография Х. Польшмана «Волхов: Бои за Ленинград» (Pohlman 1962)¹⁸ интересна тем, что в ней нашел отражение традиционный для немецких военных историков подход к ключевым проблемам битвы за Ленинград. Во-первых, вновь подчеркивается «удивительное» решение Гитлера перебросить танковые части на московское направление в сентябре 1941 года, то есть тогда, когда «Ленинград был уже совсем рядом и передовые вермахта находились в пригородах Ленинграда». В книге названы также несколько других факторов, которые предопределили затяжной и чрезвычайно тяжелый для немецких войск характер боев за Ленинград. Речь шла не только об отчаянном сопротивлении бойцов Красной Армии, а также крайне неблагоприятных климатических условиях и бездорожье (Ibid, 6,18), которые, по мнению автора, бывшего командира полка в составе 96-й пехотной дивизии, привели к наступлению периода, очень напоминавшего битву на Марне (Ibid, 5), но и стратегических просчетах немецкого командования. В книге Польшмана вопросы об изменении настроений гражданского населения и защитников города специально не рассматриваются. Вместе с тем в ней приведены общие сведения об участии населения Ленинграда в работе по строительству оборонительных сооружений на подступах к городу, в формировании дивизий народного ополчения, создании партизанских отрядов для борьбы в тылу немецких войск, работе военных предприятий, а также об исключительной роли коммунистов и комсомольцев в поддержании стойкости войск (Ibid, 24–25).

Одним из наиболее плодотворных современных немецких авторов, занимающихся историей битвы за Ленинград, является Хассо Стахов, который в возрасте 18 лет стал солдатом штурмового батальона. Он воевал под Пушкиным, в районе Погостье, и несколько раз был тяжело ранен. После войны Х. Стахов работал журналистом и книгоиздателем. Первая книга «Маленький Кваст», рассказывающая о трагической судьбе молодого немецкого солдата под Ленинградом, стала в Германии в 1979 году бестселлером. Монография «Трагедия на Неве» подводит итог раздумьям ветерана войны, приехавшего в Ленинград через 50 лет. В книге собран богатый фактографический материал из военного архива во Фрайбурге. Основная идея книги состоит в том, что битва за Ленинград, как, впрочем, и война Германии против СССР в целом, была столкновением двух диктатур, каждая из которых по-своему готовилась к уничтожению Ленинграда¹⁹. Бескомпромиссность обеих сторон привела к трагедии (Stachow 2001:309). Как и Хаупт, Стахов основное внимание уделил солдатам вермахта, которые «ценой больших потерь удерживали превосходившие их силы противника в блокадном кольце».

В монографии и приложениях приведены факты и новые документы, отражающие «окопную правду» битвы за Ленинград через совокупность боев местного значения – под Лугой, на Невском пятачке, за Тихвин, Демянск и Волхов. При этом немецкий историк обращает внимание не столько на стратегические цели противоборствовавших сторон, сколько

на детали, воссоздающие яркую картину бескомпромиссной борьбы (Ibid, 44–45)²⁰. Что же касается настроений красноармейцев, то, по данным руководства верховного командования вермахта, признаков «грядущего поражения [у противника] выявить не удалось»²¹.

Особое значение, на наш взгляд, имеет впервые представленный документ – бланк удостоверения личности жителям города на случай его падения, подготовленный штабом 18-й армии. Сам факт того, что такой документ был утвержден военными, показывает, по мнению Стахова, что командование 18-й армии не разделяло идеи Гитлера о необходимости полного уничтожения «колыбели революции»²². Однако обнаруженный немецким историком документ не имеет даты и поэтому не позволяет однозначно говорить о том, насколько глубокими были противоречия между Гитлером и военным командованием группы армий «Север» относительно судьбы Ленинграда.

Особую категорию литературы о битве за Ленинград представляют работы по истории немецких дивизий, принимавших участие в битве за Ленинград и оккупации районов Ленинградской области. В них в наиболее яркой форме представлена героизация вермахта. Большая часть этих работ была написана в 1950-1960-е годы. Не будет преувеличением сказать, что немецкими историками воссоздан боевой путь практически всех дивизий, которые принимали участие в битве за Ленинград, причем о некоторых дивизиях существует несколько книг. Подготовка этих публикаций в большинстве случаев являлась инициативой ветеранов вермахта.

В ряде случаев дана характеристика настроений противостоящих частей Красной Армии, а также приобретенных в боях трофеев. О трагичности положения советских войск, оборонявших рубежи, свидетельствовали перехваченные немцами открытые обращения о помощи по радиосвязи, а также записи в дневнике одного из советских офицеров 180-й дивизии за период с 19 по 26 августа 1941 года о боях в районе Старой Руссы, который с горечью отмечал господство противника в воздухе, нехватку боеприпасов, растущие потери, неорганизованность и тому подобное (290. Infanterie-Division 1960:116–117).

Значительный интерес в изучении вопроса о настроениях защитников Ленинграда, а также жителей оккупированных районов Ленинградской области представляют воспоминания, написанные бывшими солдатами вермахта. Из выявленных нами немецких источников личного происхождения обращают на себя внимание воспоминания солдата 12-й танковой дивизии Вернера Флика, рисунки и комментарии, сделанные профессиональным художником Юргеном Бертельсманом, который в составе саперного взвода находился под Ленинградом вплоть до мая 1942 года (Bertelsmann 1990), воспоминания бывшего солдата 291-й пехотной дивизии Георга Феллеринга. Он отметил свой 21-й день рождения 22 сентября 1941 года в деревне Левдуши под Петергофом, а затем зимой находился под Ораниенбаумом и в районе Волхова. И наконец, письма из района боевых действий у Синявинских высот унтер-офицера Вольфганга Буффа, воевавшего в составе 227-й пехотной дивизии. Письма Буффа охватывают период с 29 сентября 1941 года, когда дивизия начала «восточный поход», вплоть до его гибели 1 сентября 1942 года, когда он был убит при попытке оказания первой медицинской помощи раненому советскому солдату (Buff 2000:116).

Выражая, вероятно, мнение всех тех, кто пришел покорять СССР, Буфф отмечал, что нигде на Западе – ни в Голландии, ни в Бельгии, ни во Франции – не было такого ощущения «заграницы», как здесь, в России. «Это заграница в самом полном смысле этого слова, – писал Буфф 17 декабря 1941 года, – и мне трудно представить, что где-нибудь еще нет железных и обычных дорог, как в этой бесконечной, безграничной России» (Ibid, 40). Эту же мысль выразил и Г.Феллеринг, отметивший также, что одним из наиболее ярких впечатлений от пребывания в Ленинградской области была исключительная бедность русских крестьян²³. Еще

одним откровением для солдат оккупационных войск была религиозность населения и особое патриархальное отношение к Сталину как носителю власти. Например, проживавший в одном из домов в Тайцах, Ю. Бертельсман достаточно подробно описал быт, привычки и настроения населения. В частности, он обратил внимание на то, что в русских деревнях в каждом доме висела икона и в случае необходимости переезда хозяева в первую очередь брали с собой икону. Говоря об отношении к Сталину и советской власти, художник подметил, что, хотя в народе Сталина и называли «красным царем», им восхищались и одновременно боялись его (Bertelsmann 1990:2,8,19)²⁴. Наконец, сохранились свидетельства того, что некоторая часть населения оккупированных районов разделяла антисемитские взгляды нацистов (Flick, рукопись: 66–67)²⁵.

В 1990-е годы в Германии, как и на Западе в целом, существенно возрос интерес к истории Второй мировой войны. Хотя ленинградская проблематика в количественном отношении занимает в многочисленной литературе весьма скромное место, тем не менее следует обратить внимание на две публикации, отражающие одно из направлений исследований немецких историков. В фундаментальном сборнике документов о преступлениях вермахта в период Второй мировой войны, в разделе о голоде как инструменте политики нацистов, специальный параграф посвящен Ленинграду (Verbrechen der Wehrmacht 2002:308–327). В нем приведены многочисленные факсимиле документов немецкого командования всех уровней о том, как планировалось и осуществлялось умерщвление голодом сотен тысяч ленинградцев. Выдержки из приказов ОКВ, группы армий «Север», а также 18-й армии, армейских корпусов и немецких спецслужб убедительно показывают, что военные были не только участниками массового убийства гражданского населения, но и в деталях знали о тех страданиях, которые выпали на долю ленинградцев. Таким образом, авторы и составители сборника дезавуировали попытки тех немецких историков, которые пытались снять ответственность с вермахта за преступления в период Второй мировой войны.

Проблема жизни в блокированном Ленинграде и настроений населения нашла отражение в подготовленной берлинским музеем Карлхорст выставке, посвященной блокаде. Проект, задуманный директором этого музея П. Яном, был реализован в сотрудничестве с российскими историками и организациями. На выставке весной 2004 года были представлены фото и письменные документы из крупнейших музеев и архивов Санкт-Петербурга, а также из Федерального архива Германии. В приуроченном к выставке сборнике документов (Блокада Ленинграда 2004), изданном на немецком и русском языках, были впервые опубликованы фотографии быта в период блокады Н.И. Хандогина, приведены рисунки художника А.Ф. Пахомова, сделанные им в одном из моргов Ленинграда, представлены дневник и рисунки графика Я.О. Рубанчика, а также выдержки из дневника историка-искусствоведа и критика Н.Н. Лунина. Особое внимание вопросу о настроениях в Ленинграде в период блокады уделено в вводных статьях (см.: Петер 2004: 7-18; Ломагин 2004:19–31).

Проведенный нами анализ зарубежной и отечественной историографии настроений в довоенный период и в годы блокады позволяет сделать некоторые предварительные выводы. С 1990-х годов вследствие произошедших в России перемен, связанных со сменой политического режима, начинается постепенное формирование общего научно-методологического пространства в изучении советской истории, включая сталинизм. Вполне естественно, что на начальном этапе наиболее востребованными в методологическом отношении стали работы представителей школы тоталитаризма, которые наиболее резко критиковали сталинский период советского общества. Однако уже с середины 1990-х годов все большее внимание обращается на ревизионистскую традицию, а также работы представителей школы «сопротивления». В настоящее время наряду с традиционными для советской историографии трудами они остаются

доминирующими. Следует также отметить, что еще одно естественное направление преодоления догматизма в подходах к изучению Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда – опора на лучшие достижения отечественной историографии, когда методы изучения одних периодов (в нашем случае – исследование эволюции настроений в годы Первой мировой войны) используются для анализа других (Великой Отечественной войны). Кроме того, в условиях открытости общества во многом под воздействием зарубежной исторической науки²⁶ российские историки начали осваивать новые темы, вводить в научный оборот новые архивные материалы. Существенно возросла степень интенсивности участия российских ученых в международных исследовательских проектах, включая совместное с ведущими зарубежными специалистами издание научных трудов²⁷. Однако до сих пор, на наш взгляд, этот процесс применительно к периоду советской истории еще далек от завершения. Период длительной изоляции российского исторического сообщества, занимающегося советским периодом отечественной истории, был настолько разрушительным, что потребует немало времени, чтобы полностью преодолеть его последствия.

Примечания

1 Весной 1950 года центр по изучению России Гарвардского университета подписал контракт с одним из институтов ВВС США, находившимся в Алабаме, о проведении крупномасштабного проекта по изучению социальной системы в СССР на основании интервью с советскими эмигрантами, оказавшимися в США, Западной Германии и Австрии после окончания Второй мировой войны. В архиве Гарвардского университета хранятся более тридцати томов интервью общего характера, отражающих жизнь советских людей до войны, а также интервью специального характера по восьми разделам с лицами, которые располагали специальными знаниями и опытом. Речь шла о советской экономике, семейных отношениях, национальном вопросе, органах власти и управления, жизни в условиях немецкой оккупации, партизанском движении, профессиональной деятельности и социальной стратификации. Интервью общего характера были проведены с 327 респондентами, специальные и особенно подробные интервью – почти с 500 выходцами из СССР. Кроме того, на письменные вопросы американских исследователей ответили 2718 человек. Наконец, 48 невозвращенцев и перебежчиков оставили свои воспоминания в виде рукописей, которые также подверглись анализу. На основании проведенной работы, которая завершилась в 1954 году, появилось около полусотни статей в ведущих американских научных журналах, а также несколько монографий руководителей проекта К. Клайкхона, А. Инкелиса и Р. Бауэра.

2 Посольством СССР в Лондоне были распространены ноты от 6 января, 27 ноября и 27 апреля 1942 года соответственно (Molotov notes 1942).

3 Немецкий историк Г. Хасс отметил, что данная проблема рассматривалась еще в ходе суда над главными военными преступниками в Нюрнберге, а также американским военным трибуналом в ходе процесса над командованием вермахта. На них главнокомандующие группы армий «Север» фон Лееб и фон Кюхлер были признаны невиновными по общим обвинениям в организации блокады Ленинграда, однако были осуждены за отдельные приказы и их последствия. Например, к их числу относилось убийство душевнобольных в лечебнице Макарьевская под Сиверской. В приговоре военного трибунала США против Лееба говорится: «В ходе войны военачальник имел законное право начинать осаду населенного пункта, который контролировался противником, и мог предпринимать попытку добиться его передачи при помощи осады. Правомочность попытки снизить волю к сопротивлению при помощи голода является бесспорной» (Fall 12 1960:143–144). В приговоре американского судьи в связи с этим

сказано буквально следующее: «Даже если бы мы хотели того, чтобы правовое регулирование было иным, мы должны применять те нормы права, которые существовали в то время» (Хасс 2004).

4 Существует документ под титулом «СССР-85», подготовленный Ленинградской городской комиссией по расследованию злодеяний и представленный СССР в Нюрнберге.

5 Например, 26 ноября 1941 года на совещании аппарата Кировского РК ВКП(б) г. Ленинграда первый секретарь РК ВКП(б) Ефремов следующим образом обосновал необходимость сбора материалов по истории войны: «Мы живем в такое время, когда события меняются с чрезвычайной быстротой, живем в эпоху, которую будут в свое время изучать историки, на основе которой будут свои ошибки исправлять, какие были, перестраивать работу и т. д. и т. д... Вполне естественно, что историки будут искать всякий материал для того, чтобы понять этот момент, понять, как это можно было в Ленинграде в такой тяжелый период своими ресурсами обороняться в течение такого долгого времени, и обороняться успешно, – понять из какого теста были сделаны люди, которые здесь находились, понять, как это в четырех километрах от противника можно было работать, производить материальные ценности, изобретать и т. д. и т. д., и проводить сегодня совещание и думать об истории. Однако если мы посмотрим на те документы, которые остаются..., то таковых документов, – конкретно о нашем районе буду говорить, – кроме официального документа и некоторого подобия такого документа, сравнительно интересного, кроме информации, у нас ничего не имеется.

У нас возникла мысль... о том, что нужно создать какой-то такой документ, который бы каждодневно обрисовывал те события, которые происходят у нас в районе. Я не говорю о таких событиях, которые происходят у нас в общежитии инструкторов, когда люди доходят до истерики, а вот о таких, как обстрел, убийство детей, интересное письмо пришло с фронта, интересный отзыв, анекдоты, которые мы часто сейчас видим, поговорки появляются, пословицы, песни, шутки, события, бомбежки, отношение к этому людей, героическая работа и т. д. и т. д... Мы предлагаем завести дневник района. Каждый наш работник райкома ежедневно все, что он находит нужным заносить в этот дневник, все, что он наблюдает интересного, – заносит в дневник... Вот такой дневник, если бы мы вели с самого начала военных действий, то можно увидеть и изменение психологии людей, как к этому относилось население. Сейчас те, которые не хотели уезжать из Ленинграда, приходят и говорят: «А почему вы нас не арестовывали за то, что мы не уезжали?..» (Центральный государственный архив историко-политических документов. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 776. Л. 1–3).

6 Еще в 1944–1947 годах был издан первый сборник документов, который состоял из

12 разделов и охватывал период от начала войны до снятия блокады и освобождения оккупированных районов Ленинградской области. Основу сборника составили выдержки из статей, опубликованных в центральных и ленинградских периодических изданиях (Ленинград в Великой Отечественной войне I–II).

7 Впоследствии А.П. Крюковских переосмыслил некоторые аспекты деятельности Ленинградской парторганизации (например, гигантоманию партаппарата при формировании армии народного ополчения), а также опубликовал несколько глубоких статей о военной стороне первых месяцев битвы за Ленинград. (Крюковских 1998:147–163; Крюковских 2000:123–137).

8 Обращает на себя внимание то, что А.Р. Дзенискевич при изучении настроений обратился к такому важному источнику, как сводки о настроениях партийных организаций, включавшие в себя наряду с другой информацией списки вопросов, которые задавались во время собраний, выступлений, лекций и тому подобное (см. параграф «Общественно-политическая обстановка и социальная психология ополченцев» в кн.:

Дзенискевич 1998:75–86).

9 См. прежде всего серию «Россия, XX век: Документы», издаваемую Международным фондом «Демократия», а также «Архив новейшей истории России».

10 О том, что разделяет социальных историков и так называемую тоталитарную школу, см: Andrle 1992.

11 Проект фонда Wellcome и научный вклад Дж. Барбера получили оценку в статье: Cookson 2001.

12 Работа Сары Дэвис в основном написана на материалах Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГА ИПД СПб – бывшего Ленинградского партийного архива) и поэтому особенно интересна для изучения настроений в военный период.

13 Единственной специальной статьей на эту тему является работа Г. Хасса, которая, на наш взгляд, лишь отчасти восполнила лакуну в изучении немецкой историографии ленинградской эпопеи (О Блокаде 2004).

14 Нам удалось ознакомиться с более чем 40 книгами, включая монографии, сборники документов, дневники и воспоминания о битве за Ленинград, которые были изданы в ФРГ. Значительная часть этой литературы находится в личной коллекции Ю.М. Лебедева, любезно предоставившего нам возможность работы с ней.

15 Г. Хасс ссылается на следующие публикации: *Durch die innere Befestigungslinie 1941*: 353–358; *Schlacht am Wolchow 1942*; *Südlich des Ladogasees 1943*; *Sachs 1943*; *Heysing 1944*.

16 Следует отметить, что еще в 1966 году В. Хаупт опубликовал основательную монографию о боевом пути группы армий «Север», снабдив свою книгу подробными приложениями о командовании, структуре группы армий и входивших в ее состав соединений, а также противостоявших вермахту соединениях Красной Армии и Краснознаменного Балтийского Флота. В монографии также были приведены данные о потерях немецких войск в период битвы за Ленинград в 1941–1944 годах (Haupt 1966:165).

17 Оставим это сравнение на совести автора, вероятно не вполне представлявшего себе тех страданий, которые выпали на долю населения блокированного Ленинграда.

18 На русском языке книга в переводе М.И. Беккера была издана в Москве в 2000 году издателем Захаровым тиражом в юоо экземпляров (см.: Польшман 2000).

19 Например, описывая ситуацию в Ленинграде в начале сентября 1941 года, Стахов упоминал о том, что военные готовились к отражению немецкого наступления, а специальные подразделения НКВД жгли архивы и производили минирование важнейших объектов. «Не только Гитлер, – пишет Стахов, – но и Сталин имел намерение уничтожить Ленинград.

В этот момент Ленинград не имел ни малейшего шанса. Казалось, его судьба была решена. Однако в какой-то момент Гитлер решил, что Москва и Украина более значимы, чем Ленинград, и город был спасен» (Stach0W2001: 39).

20 Например, в битве за плацдарм на Дубровке в октябре 1941 года на фронте протяженностью всего четыре километра друг другу противостояли 1-я пехотная дивизия вермахта и части 8-й советской армии. Передовые позиции сторон находилась всего в 20–25 метрах друг от друга. По данным офицера штаба дивизии подполковника Вернера Рихтера, ежедневно немецкие солдаты использовали около 8000 ручных гранат. За шесть недель боев советские войска предприняли 79 попыток прорыва, 60 атак силами одной или двух рот, 50 – силами батальона и выше (Ibid, 44).

21 В первом издании этой книги, выпущенной в 1997 году, Стахов отмечал, что никаких признаков снижения боеспособности частей Красной Армии в октябре-ноябре 1941 года на Ленинградском фронте материалы Верховного командования вермахта не давали. Напротив, в

них шла речь о «все новых и новых попытках прорыва противника», об «отражении контратак русских», о «мощной артиллерийской подготовке» и так далее. Стахов пишет, что за сухими словами записей в дневнике трудно разглядеть страдания и смерть, которые выпали на долю русских и немцев. «Циничная формула „На Западном фронте без перемен“, – подытоживает свои наблюдения немецкий историк, – имела множество вариантов» (Stachow 1997:38).

22 Удостоверение, которое скреплялось подписью должностного лица и печатью, имело номер. В нем указывались: профессия, фамилия и имя, гражданство, национальность, место проживания, дата и место рождения, рост, цвет волос, характеристика глаз и телосложение, форма лица, а также особые приметы. Внизу следовала запись, что «обладатель настоящего удостоверения имеет право свободно передвигаться внутри Петербурга» (Ibid,315).

23 «Казалось, – писал Феллеринг, – что все население ходит только в сером, коричневом или черном... Дети носили очень большую одежду... В России, вероятно, не было носков. Все ходили в портянках...» (Völlering 1989: 40).

24 По свидетельству Буффа, сделанному

20 ноября 1941 года, он нечасто бывал в домах местных жителей, но все же там, где ему довелось побывать, обращали на себя внимание иконы, перед которыми в большинстве случаев горела лампада (Buff 2000: 32).

25 Воспоминания В. Флика были переданы его другом Фрицем Шютцем в 2003 году директору Центра примирения Ю.М. Лебедеву, который в свою очередь предоставил мне возможность познакомиться с более чем 100-страничной рукописью.

26 На русском языке издано несколько важных монографических исследований по истории советского общества, в том числе работы Ш. Фитцпатрик, М. Малия, А. Рабиновича, С. Коткина, Н. Верга и др.

27 В 2003 году с участием западных и российских специалистов по истории сталинизма, включая Х. Куромия, Г. Риттерспорна, Т. Виховайнена, Н. Барона, С. Дэвис, Дж. Смита, Д. Шляпентоха, С. Журавлева, Н. Ломагина и др., был опубликован сборник «Советская власть – народная власть? Очерки истории народного восприятия советской власти в СССР» (Советская власть 2003).

Ольга Русинова **Долговечнее камня и бронзы**

Образы блокады в монументальных ансамблях Ленинграда

Моей семье

Все дальше отодвигаются от нас 900 дней блокады Ленинграда. По мере течения обыденной жизни происходит переосмысление событий блокады, меняется само знание об этих событиях. В память о ленинградской блокаде в советское время возводили масштабные сооружения – архитектурно-скульптурные комплексы. Их продолжают устанавливать и сейчас, хотя современные условия диктуют несколько иные подходы к произведениям монументального искусства.

Сооружение мемориального комплекса в жизни города всегда было заметным событием. Такие комплексы единичны и выделяются на фоне куда более многочисленных памятников, посвященных отдельным событиям и героям блокады. Эти скульптурные композиции, статуи, бюсты, памятные доски имеют меньший масштаб и камерную форму. Иногда к произведениям

пластического искусства приравнялись сады, парки, некрополи, памятные знаки, отвечавшие сходным мемориальным целям. Однако не они, но крупные памятные комплексы, посвященные блокаде Ленинграда, являются первостепенным предметом нашего интереса.

От отдельных памятников, равно как и от мемориальных парков, их отличает главным образом принцип взаимодействия со зрителем. В таком ансамбле человек вовлекается в особое, художественно-значимое пространство, организованное средствами скульптуры и архитектуры. Сакрализованное пространство продуцирует образы памяти, или, используя выражение П. Нора, «погружает их в священное». Ансамбль более не подлежит исключительно эстетической оценке, кроме тех случаев, когда зритель придерживается принципиально иной системы художественных и этических ценностей. Поэтому, особенно если принимать в расчет величие темы, мемориальные ансамбли, посвященные ленинградской блокаде, можно назвать самодостаточным явлением – в том смысле, что они не только не требуют, но принципиально не допускают интерпретаций или комментариев в свой адрес, по крайней мере, в процессе их восприятия. Они есть и уже фактом своего существования должны оказывать воздействие на зрителя.

Этим мемориал уподобляется неким природным феноменам – величественным утесам, например, океану или закату небу (Schama 1996). Логика искусственного создания отчасти воспроизводит здесь логику природы. Источник, формирующий образную систему этих рукотворных мест памяти¹, питается из самых архаических пластов сознания, из предельно обобщенного мышления. На этом уровне объект, наполовину «природный», наполовину «искусственный», воспринимается в простых соотношениях как камень/воздух, небо/земля, тяжесть/легкость, темное/светлое и так далее. Аналогично воздействуют и простые формы (особенно, если они намеренно подчеркиваются создателями мемориала): назовем, например, обелиск, стелу, сферу, куб, плиту, за которыми следует длинный список их производных. Исследователи отмечали, что использование этих форм в конструировании мемориального художественного образа в период Нового времени означает присутствие метафизического «иночного мира» – он понимается как тайный (= забытый) источник истинных значений (Ревзин 1994:50–51). Однако если архаические, как бы нерукотворные, образные пласты представляют «устройство памяти» в чистом виде, то конкретизирующие его формы (сюжеты) указывают, что именно и каким образом следует вспоминать. Здесь открываются перспективы, исследованию которых посвящена предлагаемая статья.

Концепция мемориального архитектурно-скульптурного ансамбля как масштабного художественного целого развивалась с конца 1950-х по начало 1980-х годов. В Ленинграде в отличие от многих других городов такие ансамбли посвящались только сравнительно недавним событиям защиты города во время войны. Ни революция, ни образы вождей не могли соперничать с этой темой, если сравнивать пространственный масштаб соответствующих произведений. Тем самым военная (блокадная) история города мыслилась как основополагающая для образа Ленинграда, хотя рамки этого понятия не всегда были жестко очерчены. Так, тема блокады в мемориальных ансамблях могла сливаться с представлением войны в целом или же с революционными темами.

Здесь в первую очередь нужно обратиться к ключевым образам ансамблей, то есть к тому, что их создатели считали нужным кадрировать, вычленив из непрерывного потока воспоминаний о блокаде. Это позволяет рассматривать ансамбль как осуществленный объемно-пластический спектакль со своей драматургией и мизансценами. Отбор сюжетов позволяет также поставить вопрос о механизме формирования художественного образа/образов блокады, равно как и вопрос об их смысловой эволюции.

Последнее относится скорее к области историко-социологических штудий. Следуя

теоретическим исследованиям М. Хальбвакса и П. Нора, примем, что память по своей природе социальна и что на основе закрепленных в памяти сюжетов формируется идентичность социальных групп (Halbwachs 1992; Франция-Память 1999). Утверждая определенный набор сюжетов, памятник соответственно является устройством установления этой идентичности. И однако наши ансамблевые композиции сильно отличаются друг от друга, даже в рамках общепринятой в 1960-1980-е годы концепции соцреализма. Значит ли это, что они адресованы к различным группам или что меняются официальные требования к набору сюжетов? Возможно, и то и другое. Но нас интересуют не социальные механизмы формирования идентичности, а художественные системы ансамблей. Соответственно, если на смену одной системе достаточно быстро приходит другая, можно сделать вывод о сдвиге идентичности: о том, что прежними образами «неудобно» пользоваться для новых целей, задач и в конце концов для новых ритуалов.

На образную систему того или иного памятника, в свою очередь, накладывало отпечаток неизбежно изменяющееся отношение общества к Великой Отечественной войне и блокаде Ленинграда. Переосмысление прошлого привело к тому, что сначала мемориальный ансамбль перестал восприниматься как единственно возможная форма увековечения памяти о войне и блокаде. Затем, в середине 1980-х годов, возникли сомнения в необходимости таких ансамблей вообще. Однако уже в наши дни концепция блокадного мемориала вернулась в обновленном виде, что свидетельствует о значимости этой темы для города.

Для нашего исследования мы ограничили круг рассматриваемых памятников. Перечислим их в той последовательности, в которой они создавались: Пискаревский мемориал (Пискаревское мемориальное кладбище-музей), «Разорванное кольцо», Монумент в честь героической обороны Ленинграда и Памятник женщинам – бойцам МПВО². Каждый из них представляет свою версию образа блокады и соответственно рассчитан на определенного зрителя.

Последовательность и смена версий, воплощающих какой-либо аспект ленинградского самосознания, безусловно, значимы для текста данной статьи. Однако еще более существенным оказывается вопрос о том, насколько вообще возможно реализовать тему блокады монументальными художественными средствами. Архитектурно-скульптурные комплексы, которые мы описываем, в этом смысле следует рассматривать как узлы единой смысловой ткани или как повторяющееся и возобновляющееся усилие уяснения возможностей искусства.

1

Мотив жертвы и гражданского подвига: 1961, Пискаревское мемориальное кладбище

«В целях увековечения памяти ленинградцев и воинов Ленинградского фронта, погибших в дни героической обороны 1941–1944 годов, считать Пискаревское мемориальное кладбище основным памятником героям, отдавшим свою жизнь за счастье, свободу и независимость нашей родины», – обозначено в Постановлении Ленинградского горкома КПСС от 5 апреля 1961 года. Образ блокады, воплощенный в Пискаревском мемориале, очевидно, рассматривался тогда в рамках официального дискурса как наиболее актуальный.

Пискаревское городское кладбище, впоследствии ставшее некрополем, было расположено на севере Ленинграда. Зимой 1941/42 года кладбище, как сравнительно новое, располагающее значительным земельным участком, явилось основным местом массового захоронения³. Еще в начале декабря 1941 года работники треста «Похоронное дело» предлагали начать захоронения в братских могилах, полагая, что «необходимо окружить эти места вниманием и почетом... Считаем, что это бытовое дело переросло сейчас в политическое»⁴. Обычное кладбище,

«естественная» основа некрополя, окончательно перестало функционировать в 1945 году, войдя в состав кладбища мемориального. Преобладающий состав похороненных – жертвы блокады, те, кого можно отнести к погибшим, то есть безвременно ушедшим из жизни.

Здесь следует пояснить, что концепция гибели и жертвы окончательно сформировалась к концу 1950-х годов. Высшей ценностью обладало добровольное принесение себя в жертву во имя идеалов государства, гибель трактовалась как гражданский подвиг, в награду обещалась вечная жизнь «в памяти потомков»⁵. В свою очередь, следующее поколение воспитывалось на примерах, в которых акцентировался именно аспект жертвенности, причем авторитетность концепции жертвы была реализована и на общесоциальном («единый советский народ»), и на родовом уровне («родители – дети»), Те, кто остались в живых, или поколение, родившееся в послевоенные годы, в благодарность должны были обеспечивать умершим как можно более долгую память, «проживая жизнь за/вместо» них и устанавливая им долговечные памятники⁶.

Гарантом осуществления преемственности в будущем должна была служить уже осуществившаяся преемственность в прошлом. Представление о гражданском подвиге углубляется от Пискаревского мемориала в ретроспективу – к мемориалу Марсова поля. В поэтических текстах-эпитафиях, расположенных на стенах Пропилеев и на стелах Пискаревского скульптурно-архитектурного комплекса, лейтмотивом проходит упоминание революционного прошлого Ленинграда в стилистике, близкой к эпитафиям А.В. Луначарского на Марсовом поле («...Всею жизнью своею / Они защищали тебя, Ленинград, / Колыбель революции...»). Гражданский подвиг в блокаду тем самым приравняется к гражданскому подвигу в годы революции. И то и другое представляется как добровольная жертва в борьбе (войне) за социализм.

Не углубляясь в детальное описание приемов, призванных увековечить память о погибших, в ансамбле Пискаревского кладбища и его ближайшем прообразе – ансамбле Марсова поля, отметим очевидное пластическое и образное родство обоих комплексов. Родственные черты проявляются, например, в архитектурном решении внутреннего пространства, в смысловой и стилистической близости текстов-эпитафий, а также в том, что только в этих композициях существенная роль отводилась Вечному огню⁷.

Ансамбль Марсова поля был открыт в 1919 году, но лишь к 40-й годовщине Революции (1957) внутри ансамбля по проекту архитектора С.Г. Майофиса была сооружена площадка с наземным газовым светильником. 9 мая 1960 года от него был зажжен Вечный огонь на верхней площадке Пискаревского мемориала (Калинин, Юревич 1979:179), благодаря чему между двумя кладбищами-памятниками окончательно сформировались прочные семантические связи.

Память блокады в Пискаревском мемориале в таком случае оказывается вдвойне субститутивной (замещающей). На одном уровне образы людей военного времени заменяются образами революционеров. На другом, не менее явном уровне образы живых замещены их подобиями в камне.

В образах погибших в блокаду воспроизводятся образы павших за революцию и череда их предшественников. Заметим, что Луначарский в одной из эпитафий Марсова поля точно называл, кто имеется в виду: «...Ушедших из жизни / Во имя жизни рассвета / Героев восстаний / Разных времен / К толпам якобинцев / Борцов 48 / К толпам коммунаров / Ныне примкнули сыны Петербурга».

Изображения, посвященные жертвам блокады, наглядно демонстрируют их отсутствие среди живых, то есть подтверждают их окончательный и бесповоротный *переход в Вечность* ⁸. Фигуры на рельефах Пискаревского мемориала здесь появляются в роли очевидцев свершившегося, созерцателей той точки в пространстве и во времени, от которой начинается отсчет памяти. В изображениях буквально воспроизводится свидетельство героической смерти

и причастия обещанной (хотя бы и постфактум) Вечности. Отметим, что буквальное воспроизведение основано на принципах, заимствованных из скульптуры некрополей, но также и на традиции городских монументов. Так, Пискаревский мемориал оказывается «пограничной зоной» между городом и кладбищем, четко обозначенной полосой взаимных трансформаций.

К принципам надгробных памятников отсылают горельефы с изображениями солдат и мирных жителей и рельефы с фигурами скорбящих возле опрокинутого факела – символа оборвавшейся жизни. Горельефы вместе с поэтическим текстом Ольги Берггольц, размещенные на мемориальной стене в дальнем конце главной аллеи, напротив входа, заменяют эпитафию в честь умершего и его портрет, которые обычно помещались на надгробных стелах. Обобщенные характеристики изображенных персонажей в данном случае мотивированы тем, что посвящаются *братским* могилам. Скорбящие и факелы на выступах боковых стен симметрично замыкают центральное нерасчлененное пространство аллеи и являются изобразительной рифмой к Пропилеям входа. Фигуры коленопреклоненных скорбящих отсылают к фигурам «плакальщиков», весьма распространенным в надгробиях неоклассицизма.

Не только архитектурные формы, но рельефы и горельефы тяготеют к квадратному формату. Куб и квадрат зрительно являются предельно устойчивыми формами, которые традиционно символизируют вневременность, Вечность, как бы замкнутую внутри камня и недоступную для смертных. Фигуры скорбящих проступают (выходят) изнутри каменного массива. Это впечатление продиктовано тем, что фактура рыхлого камня (задней плоскости, фона) и рисунок кладки продолжены в ритме членений и фактурной обработке поверхности тел. Иначе говоря, «скорбящие» олицетворяют движение от мертвых к живым через преодоление сопротивления каменного массива, интерпретируемого как тяжесть «толщи времени» (или вечность в абсолютном понимании, на которое этот памятник рассчитан). Скорбные позы и суровая мимика персонажей дополняют воздействие выразительного образа.

Смысловой и композиционный центр ансамбля – монументальная бронзовая фигура, олицетворяющая Родину-мать. В решении центральной фигуры жест, которым женщина возлагает гирлянду дубовых ветвей над рядами могил, оказывается ключевым для решения всего ансамбля: и сюжетно, и пластически, это жест увенчания: как воздаяние памяти от живых – погибшим.

Скульптура «Родина-мать» завершает (замыкает) ансамбль как художественное целое, дает ему предельную осмысленность и образное единство. В «городе мертвых» она представляет символ жизни, но этот мотив имеет отнюдь не прямолинейное решение. Попробуем рассмотреть некоторые его составляющие.

Во-первых, в отдельно стоящей фигуре реализована концепция не надгробного памятника, а городского монумента. Идея городского монумента, как считает Л. Рео, была сугубо французской и сложилась в период позднего Просвещения, то есть во второй половине XVIII века (Reau 1994: 302; Reau 1938:144–145). В городских монументах эпохи Старого порядка в образах правящего монарха разрабатывалась, в сущности, универсальная концепция образа государства. Первые успешные опыты способствовали тому, что композиция памятников закрепилась не только в качестве эталона изображения монарха, но использовалась и в годы Великой французской революции (вспомним слова Луначарского – «к толпам якобинцев...»), сохраняясь без существенных изменений в последующей традиции. В рамках этой универсальной концепции городской монумент воплощал не «тело», но «дух»: он был призван не замещать конкретную персону правителя, но воплощать обобщенный образ власти.

Во-вторых, памятник «Родина-мать» включается в специфическую художественную традицию, связанную с образами «священных войн» Нового и Новейшего времени (за свободу, за революцию, за права граждан и так далее). Здесь мы позволим себе небольшое отступление,

чтобы очертить источники этой традиции. Так, в 1865 году во Франции скульптором Ф.-О. Бартольди совместно с инженером Г. Эйфелем создается статуя Свободы, впоследствии подаренная правительству США. Этот образ был вдохновлен полотном Э. Делакруа «Свобода, ведущая народ на баррикады» (1830), изображающим революционную Марианну, и рельефом Ф. Рюда «Марсельеза» на триумфальной арке в Париже на Площади Звезды (1836). По мотивам статуи Свободы, обогащенной чертами античной Ники Самофракийской и конкретными портретными характеристиками актрисы МХАТа Е. А. Хованской, в 1919 году скульптор Н. Андреев выполняет статую Советской Конституции для обелиска, воздвигнутого на Тверской (Бакушинский 1939; Трифонова 1960), на месте уничтоженного в 1918 году памятника генералу Скобелеву в Москве. С 1924 по 1941 год этот монумент являлся официальным символом столицы. Его изображение вошло в герб Москвы, было вышито золотом по рисунку Дм. Осипова на знамени Московского Совета, включено в орнамент нового Большого Каменного моста через Москву-реку, изображалось на плакатах, обложках школьных тетрадей, открытках, почтовых марках СССР. В 1941 году первая статуя, посвященная революции, была демонтирована, но сам образ оказался настолько устойчивым, что оказал, по-видимому, сильное влияние на сложение изобразительной формулы плаката «Родина-мать зовет!» (И.М. Тоидзе, 1941); который, в свою очередь, получил всемирную известность. Женская фигура из уже упоминавшейся знаменитой композиции В. И. Мухиной «Рабочий и Колхозница» (1937) представляет иную версию той же темы и уже в виде замкнутой композиции включается в плакат В. Иванова «Смерть детоубийцам!» (1942). Развитие темы достигает своей кульминации в интересующей нас скульптуре «Родина-мать» (В.В. Исаева и Р.К. Таурит)«.

В-третьих, что самое важное, городской памятник в «городе мертвых» – это смысловая сущность всего ансамбля (Из бронзы и мрамора 1965: 454)> представленная в своем самом высоком метафизическом регистре. Начнем с того, что «Родина-мать» воплощает идею *жизни в настоящем* еще более очевидно, чем фигуры «скорбящих». Ее убедительная *жизненность* достигается простыми миметическими средствами – «человекоподобием» круглой скульптуры, которого рельефы, например, не имеют. Далее обратимся к тому, что «Родина-мать» принадлежит к традиции *городских* памятников, и, таким образом, в ансамбль входит измерение времени. Здесь нужно напомнить, что для «города мертвых» жизнь, время, понятия как смена состояний, в принципе не свойственны. Тем самым «Родина-мать» содержит семантику «городской жизни» в широком смысле, которая читается только на фоне «вечного безвременья».

Символизация духа власти (высшей ценности), характерная для городских памятников, реализуется здесь художественными средствами и воздействует образным, а не дискурсивно-логическим путем. Это очевидно выявляется в процессе композиционного анализа ансамбля: памятник занимает в нем центральное место не физически-пространственно, но исключительно зрительно. Он увенчивает собой главную продольную ось мемориала, что сюжетно подкрепляется жестом, которым бронзовая фигура женщины протягивает венок над братскими могилами. За памятником ансамбль заканчивается: это не только увенчание, но и последний жест, завершение художественного «высказывания». Центр ансамбля тем самым отодвинут к краю, то есть смещается *на границу*. Физически здесь действительно пролегает граница между мемориальным ансамблем и тем, что «не оформлено», не осмыслено в качестве именно этой художественной цельности, что соответствует отношению «четко структурированное, морально высокое/хаотическое, суетно обыденное». Несмотря на это, зрительно реализуется иное соотношение, подготовленное всем разворачиванием ансамбля, его структурой и смещенным центром: «мир человеческих смыслов/мир высших смыслов».

Массивная скульптура, установленная на значительной высоте, оказывается на фоне неба.

Так скульптура соотносится не только с тем, что находится внизу и перед ней, но и с тем, что находится за и выше. Ленинградское небо, которое здесь играет роль декорации заднего плана¹⁰, непостоянно и переменчиво, а контур, замкнутая, выразительно акцентированная «обводка» фигуры, остается неизменным. В зависимости от освещения внутренние формы статуи могут зрительно уплотняться, приобретая объем и «наполненность», что бывает сравнительно редко; чаще, наоборот, они «исчезают», дематериализуясь до сплошного плоского силуэта. Неизменность формы, «вырезанной» в небе, дополняется еще и тем, что скульптура стоит точно напротив входа в мемориал. В этом смысле она представляет собой символическое зеркальное отражение входа и так же, как и вход, обладает семантикой «проема-в-преграде». Реальный вход в мемориал – это одновременно и выход в город, скульптура же представляет более «высокую» версию входа/выхода, как, если угодно, некий выход в инобытие: не в город, но в Град Небесный. В данном случае небесный город – это пространство высших, метафизических ценностей, имеющих все-таки светский государственный характер («Родина помнит, Родина знает...»).

Первоначальные варианты некрополя, относящиеся к 1945 году, предполагали установку обелиска абстрактной архитектурной – но не скульптурной – формы. Сооружения такого рода преимущественно связаны с традициями захоронений – тем самым драматургия Пискаревского кладбища казалась бы недостаточно остро разрешенной, поскольку наличие обелиска усиливало «похоронную», но не «памятную» семантику. Несмотря на то что проект архитекторов А.В. Васильева и Е.А. Левинсона был практически утвержден, они привлекли к работе скульптора В.В. Исаеву, а позже в авторский коллектив вошли Р.К. Таурит и М.А. Вайнман, Б.Е. Каплянский, А.Л. Малахин, М.М. Харламова, исполнившие рельефы, а также поэты О.Ф. Берггольц и М.А. Дудин. Все они так или иначе были связаны с блокадным Ленинградом. Понятно, что идея Пискаревского мемориала первоначально была воспринята художниками, так сказать, в привычном значении надгробного памятника. Необъятное братское кладбище составляло часть реалий памятной им блокадной жизни.

К 1948 году создаются проекты ансамбля, включающие центральную скульптуру, что само по себе уже свидетельствует о появлении некоторой дистанции по отношению к блокадному прошлому. В одном из вариантов скульптура располагалась на фоне стены высотой в 15 метров, которая подчеркивала мотив защиты и непроницаемости, весьма распространенный в военных мемориалах вплоть до 1970-х годов (ср., напр., памятники-стелы, отмечающие рубежи обороны Ленинграда). Окончательный вариант предполагал сооружение стены высотой в 4 метра, тогда как высота пьедестала достигала 6 метров и высота статуи также 6 метров. Показателен отказ от принятого «золотого сечения» – принципа, согласующегося с пропорциями человеческого тела, – и взамен этого настойчивое проведение принципа горизонтальной и вертикальной симметрии, что окончательно структурировало весь ансамбль в соответствии с жесткой сеткой абсолютных («нечеловеческих») координат.

Однако уже в 1963 году возникла необходимость в памятнике, воплощавшем не столько «пассивную» идею подвига-жертвы во всем ее ретроспективизме, сколько идею активного подвига-борьбы, где учитывается настоящее и, главное, будущее. Решение о его сооружении ссылалось на инициативу «снизу»: поэт Михаил Дудин высказал пожелание ленинградцев к двадцатилетию прорыва блокады соорудить в городе-герое памятник Победы¹¹. «Никто не забыт, и ничто не забыто, – говорит Дудин. – Эти слова горят на красном граните Пискаревского кладбища, на памятнике миллионам людей, погибших в дни блокады. Но кладбище есть кладбище, у него особая память. <...> Настало время <...> в черте самого города поставить памятник героям обороны Ленинграда <...>. Мы высечем резцом на камне самые сердечные слова признательности. Пусть эти слова для всех времен будут, как клятва, и

вселяют в души потомков мужество и великое чувство нерасторжимой связи будущих поколений, идущих в светлое завтра» (Ленинградская правда. 1963.18 января).

Как отмечал А.К. Зайцев в своей монографии, к середине 1970-х годов в Ленинграде окончательно сформировалась концепция мемориального зонирования города. Северное направление представляло в основном памятные парки и зеленые массивы, включая 26 гектаров Пискаревского кладбища. При этом, как показывает исследователь, выключенное из городской обыденности мемориальное кладбище, «не обнаруживая тенденций к развитию, остается изолированной парковой зоной» (Зайцев 1985:155). Южное направление было оформлено сооружениями, несущими пафос Победы (с площадью Победы, понимаемой как Главная Площадь) (Там же, 148).

Новый архитектурно-скульптурный комплекс, впоследствии получивший название «Монумент в честь героической обороны Ленинграда», решено было установить на площади Победы. Тем самым пафос Победы, бросающий отсвет на все южную зону, заранее включался в концепцию будущего сооружения. Монумент претендовал на роль Главного Памятника города и соответственно представлял победную версию блокады. В нем должна была стереться память о жертвах, а скорбные смыслы предполагалось заменить триумфальными. Фактически это означало построить миф о блокаде, о прошлом и соответственно о настоящем.

Образы личной жертвы и гражданского подвига, личная память и официальное представление в Пискаревском мемориале неразрывны и взаимосвязаны. По мере того как нарастает зазор и размежевание между официальным дискурсом и частной жизнью, распадается и основа того пластического языка, в рамках которого только и могло быть создано сооружение, подобное Пискаревскому мемориалу. Позже официальная тема Победы будет реализована в мемориале на площади Победы, а память частного человека, хотя и отодвинутая на периферию, даже почти вытесненная из города, все же получит свое воплощение в монументе, который называется «Разорванное кольцо».

2

Память частного человека: 1966, «Разорванное кольцо»

Памятник, который отмечает начало Дороги жизни, построен в 1966 году на Вагановском спуске у Ладожского озера и называется «Разорванное кольцо». Авторы проекта – скульпторы К.М. Симун и В.Т. Дугонец, архитектор В.Г. Филиппов, инженер И.А. Рыбин.

«Разорванное кольцо» выделяется из других произведений 200-километрового Зеленого пояса Славы, который отмечает передний край обороны Ленинграда. Выделяется несмотря на то, что так же, как прочие сооружения в этой мемориальной цепи, он увековечивает не личность, но место и событие (в данном случае то место, где сухопутная трасса Дороги жизни смыкалась с водной). Так же как и значительная часть этих памятников, он создавался в соответствии с решением Горкома КПСС и Ленгорисполкома (1965) на одном из 19 участков, на которые был поделен пояс Славы (по числу районов в территориальном делении Ленинграда) (Калинин, Юревич 1979:125–126). Так же, как и большинство из них, он расположен в естественной природной среде на небольшой площадке. На этом в основном сходство заканчивается.

«Разорванное кольцо» – самый известный памятник пояса Славы. Он не предназначен для посещения официальных делегаций, здесь бывают в основном рядовые ленинградцы – ветераны блокады и члены их семей. К нему также «привязаны» некоторые спортивные мероприятия, например марафон «Дорога жизни», официальные и неформальные велопробеги и велопутешествия и так далее. По нашим наблюдениям, он, особенно в доперестроечные

времена, ценился горожанами как альтернатива «государственным» памятникам (характерен часто прилагающийся к его описанию в личных высказываниях эпитет «человечный»),

«Разорванное кольцо», присвоенное частной (гражданской) и локальной памятью ленинградцев, обладает свойствами, которые делают смысл памятника прозрачным, а изложение его сюжета – практически невозможным. Другими словами, свойствами сугубо художественного характера.

Его особенностью является предельный лаконизм «острого» решения. Эстетика образа выстраивается пространственно: тонкая арка, расположенная параллельно берегу, вырезает фрагмент панорамы Ладоги до самого горизонта. Самим актом вычленения этому фрагменту (сегменту) природной среды задается определенный внутренний строй, он приобретает организацию и в таком качестве включается в структуру произведения.

В самом общем плане это «включение» приобретает семантику «исторической перспективы»: пейзаж понимается как часть истории, породившей сам памятник. В зависимости от времени суток меняется общее соотношение тонов и цветов, картина приобретает «графические» или «живописные» свойства, кажется приближенной или, наоборот, удаляющейся, и так далее. Однако неизменным остается присутствие зрителя, позиция которого четко установлена: зритель понимается как «другой», как тот, кто «пришел вслед» ушедшим и должен прочитать (воспринять) оставленное ему сообщение. Появление «вслед» – *наследование* – воплощается в такой выразительной детали, как глубокий отпечаток (след) протекторов грузовой автомашины, обрывающийся на краю бетонной площадки, в которую упираются концы дуги.

Присутствие зрителя пространственно не ограничено: с любой точки зрения, с любого ракурса памятник обогащается новыми смыслами. Так, движение сквозь арку приобретает самоценное значение, когда зритель должен сосредотачиваться не на результате («картине»), а на самом процессе преодоления пространства, понимаемого в данном контексте и как преодоление времени, и как пространственное перемещение.

Измерение по горизонтали (боковой абрис дуги) и измерение по глубине (к берегу) задают общий формат и направление движения, тогда как вертикальная ось устанавливает динамические акценты произведения. Арка ассиметрична, ее образуют два дуговых сегмента, не состыкованных между собой. Этот зазор – разрыв – воплощает «образ места». Он является художественной кульминацией всего сооружения, неожиданной потерей зрительного равновесия, смещением, благодаря которому пейзаж извне вливается в пейзаж, заключенный внутри рамы. Тонкая полоса неба, зажата в бетонные клещи, читается молниеносно как самая контрастная часть произведения, ослепляющая взрывной динамикой внезапного освобождения от тяжести (тяготы). Зрительное значение разрыва сообщает не литературную, но образную значительность реальному месту.

Не последнюю роль в художественном решении играют «простые» формы и соотношения. Дуга памятника выстроена как 2:1 (ширина пролета 14 метров, высота 7 метров, то есть примерно четыре человеческих роста), рядом с одной из опор – бетонный шар («прожектор»), который четко фиксирует направление низ/верх как тяжесть/легкость и является отдельной значительной формой-символом. Шар – метафорически – ставит точку своим присутствием. Простые формы, традиционно понимаемые как архаические (архаизированные), придают дополнительный смысловой оттенок ладожскому пейзажу, соответствующий духу древних мифов: пейзаж в этом контексте можно интерпретировать как «реку времени», ладожские воды отсылают к водам Леты, разделяющим мир живых и мир мертвых, со всеми дальнейшими коннотациями, присущими этому образу.

Пологие ступени, ведущие прямо с земли на бетонную площадку, и ограждение,

соответствующее по высоте классическим набережным Невы, дополнительно организуют пространство как художественное и как историческое, превращают памятник в пространственный ансамбль и связывают его с городом. Однако в памятнике основной акцент делается на мотиве «прорыва», который, например, в исторической арке Дворцовой площади присутствует только в скрытом виде.

Характерно, что сооружение поставлено так, как ставились церкви в допетровской традиции, то есть с учетом требований ландшафта¹². Здесь уместно процитировать довольно длинный отрывок из воспоминаний автора¹³.

Сначала он описывает впечатление от Ленинграда, куда он еще мальчиком вернулся из эвакуации: «Еще война шла. Я был очень раздосадован Ленинградом. Я с сожалением увидел тут деревья. Деревья мне напоминали эвакуацию. Я думал: город не должен иметь деревья. Это должны быть одни камни».

Далее следует история создания произведения:

Действительно, одна из лучших моих работ – на Дороге жизни <...>. Одна – это разорванное кольцо. <...> Эскиз я сделал в 65-м году. Это не был заказ. <...> Если был бы конкурс и все как полагается, никогда бы вы не увидели этой работы. Ведь никто никогда никому ничего не разрешал <...> Я вам скажу, почему произошла эта работа. Никто бы не сделал эту работу – человек, который бы не родился в этом городе. Это точно. Потому что в этой работе есть воздух. Вот воздух, река, Нева.

<...> Никакого заказа не было. <...> Я оказался в Калининском райисполкоме. Он сказал – Михайлов его фамилия была, – чтобы мне дали участок. Каждому давали участок. Мы сели в черную машину. Волга, абсолютно черная. И он показал везде, где что-то уже сделано или сделают. <...> И он привез на свой участок благоустройства. Это была Ладога. Довольно такая низменная хлябина. <...> Вышел из машины архитектор и сказал, что ему кажется, что тут надо что-то поставить.

Это все придумали не в Смольном. <...>

Я думал, что пространство нужно оставить свободным. Разорванное кольцо – это памятник. Это как бы молитва. Это молитва.

Автор, как видим, настаивает на неофициальности памятника (ср. в следующем разделе данной статьи комментарии по поводу «задушевности» в скульптурной сюите Аникушина) и на необходимости непосредственного (недискурсивного) восприятия. Драматургия «Разорванного кольца» строится за счет формальных отношений (выше/ниже, дальше/ближе и так далее), благодаря чему произведение в значительной степени зависит от изменений природного контекста. Подобно тому как узнаваемый пейзаж кажется в то же время новым, так и «Разорванное кольцо» каждый раз должно восприниматься заново как «непривычное».

Именно исключение из пластической программы памятника дискурсивного начала (которое связано с *узнаваемостью* привычных нехудожественных образов) делает его произведением, которое обращается к индивидуальному, единичному зрителю, произведением, которое призвано включить этого зрителя в процесс художественной организации памяти. Другими словами, «Разорванное кольцо» обращено к личным особенностям человека, к его собственному опыту и воспоминаниям¹⁴.

Ориентация на «частную память» не входила в общепринятые практики коммеморации советского времени, хотя бы потому, что такая память и ее образы не были доступны контролю

и унификации и поддавались использованию в государственных ритуалах в значительно меньшей степени – даже по сравнению с теми образами, которые репродуцировал ансамбль Пискаревского мемориала.

3

Концепция победы: 1975, монумент в честь героической обороны Ленинграда

Торжественное открытие монумента в честь героической обороны Ленинграда состоялось в 1975 году. Этим ансамблем был продолжен ряд мемориальных произведений, посвященных событиям войны и блокады, основным из которых считался Пискаревский мемориал, иногда называвшийся Памятником героическим защитникам Ленинграда, несмотря на официально существующее наименование (История советского искусства II: 243). Новый памятник унаследовал не только исключительную роль своего предшественника, но и его неофициальное название (Михайлова, Журавлева 1983). Тот факт, что архитектурно-скульптурный ансамбль на площади Победы (Средней Рогатке) и сейчас продолжают называть «Памятником героическим защитникам», метафорически оставляет именно за ним «последнее слово» в ряду мемориальных ансамблей советского периода, посвященных теме блокады.

О его предназначенности на роль Главного Памятника города можно судить не только по неофициальному названию, закрепившемуся за ним с самого начала, но и по его местоположению, по его «рангу» в символической иерархии городских районов.

Значение этой иерархии для Ленинграда трудно переоценить. Напомним, что его пространство было в высочайшей степени семиотизировано, учитывая дореволюционный столичный статус города, определивший традиции застройки. Так, центром Империи (и в широком понимании «центром мира») считалась Дворцовая площадь с Зимним дворцом, зданием Главного штаба и Александровской колонной – ансамбль, который оформился к 1834 году и завершил образ «классического Петербурга».

Однако генеральный план развития Ленинграда, принятый в начале 1930-х годов, явно создавал альтернативу историческому центру. План предусматривал интенсивное развитие южного направления – в районе современного Московского проспекта. «Сюда же, по мысли авторов генерального плана, предстояло перенести новый пролетарский, общественный и жилой центр города... Роль главной отводилась площади перед Домом Советов» (Астафьева-Другач, Сперанская 1989:115).

Специалисты по истории архитектуры отмечают, что Дом Советов являлся своеобразной «смысловой репликой» на проект Дворца Советов в Москве (Там же, 125).

В послевоенные годы проект застройки южного района приобрел официально-победные смыслы. Осевой магистрали¹⁵ присваивается имя Сталина, она реконструируется в первую очередь и оформляется как парадный въезд в город. В застройке этого участка реализовались 20 % (то есть почти пятая часть) капиталовложений, отведенных на строительство в Ленинграде (Астафьева-Другач, Сперанская 1989:117). На приоритетном направлении ведущее положение занимала архитектурная мастерская С.Б. Сперанского. В проектах начала 1950-х, созданных в этой мастерской, уже намечалось завершение проспекта в районе Средней Рогатки круглой площадью. В 1958 году концепция площади на Средней Рогатке окончательно оформилась, а в 1961 году был утвержден финальный вариант застройки. В 1962 году она получает официальное название площади Победы (Архитектура 1960:8; Архитектура 1975: 20–21; Строительство 1960:5; Строительство 1962: 22–23; наиболее полная библиография работ С. Сперанского собрана в исследовании: Астафьева-Другач, Сперанская 1989).

В 1963 году, к 20-летию юбилею прорыва блокады, решением Совета Министров СССР

была окончательно признана необходимость соорудить памятник, который позже станет известен под названием «Памятник героическим защитникам Ленинграда» (цит. по: Михайлова, Журавлева 1983:107). Два общих этапа конкурса проходили в 1963 и 1966 годах; последний, заказной, – в 1971 году.

На первом этапе из конкурса выбыли те проекты, авторы которых предлагали установить памятник в местах исторической застройки центра города и в северных зонах. В конечном счете на третьем этапе предпочтительными были признаны два района: северо-западная часть Васильевского острова, которая предлагалась в проекте, выполненном под руководством архитекторов В.А. Петрова и П.П. Фомина, и площадь Победы (где в годы блокады проходил южный рубеж обороны города), предложенная как место для памятника в проекте бывшего ученика П.П. Фомина архитектора С.Б. Сперанского¹⁶.

К моменту, когда проект монумента на площади Победы был признан лучшим, его авторский коллектив состоял из наиболее авторитетных художников, объединившихся после второго тура конкурса: архитектора С.Б. Сперанского, скульптора М.К. Аникушина, а также архитектора В.А. Каменского, проект которого завоевал первое место еще в конкурсе Союза архитекторов весной 1942 года (Архитектурные проекты 1978; также см.: Малинина 1991).

Авторы монографии, посвященной деятельности С.Б. Сперанского, считают нужным подчеркнуть, что «композиционное ядро площади – монумент, расположенный строго по оси Московского проспекта. Его основная образная и архитектурно-пространственная концепция сложилась к 1973 году – разорванное кольцо и вертикально трактованный объем, увенчанный скульптурой... В окончательном варианте обелиск представляет собой чистую, лишенную декоративных деталей, архитектурную форму, а скульптурная группа помещена у его подножия» (Астафьева-Другач, Сперанская 1989:140–141).

Одним из источников образа, как отмечают исследователи, можно считать ранний, неосуществленный проект Сперанского, занявший первое место на Всесоюзном конкурсе 1958 года (авторский коллектив: П.А. Арешев, В.С. Маслов, Ю.К. Покровский, С.Б. Сперанский; см.: Архитектура 1958:14). Уже тогда он включал Разорванное кольцо и пилон. Девиз «Прорыв» соответствовал пластическому решению: пилон, устремленный вперед и вверх, подчеркивал силу разрыва кольца. Заметим, что проект в художественной форме воплощал те представления о блокаде, согласно которым блокадное кольцо было разомкнуто изнутри города за счет внутренних ресурсов¹⁷. Пилон в этом смысле – непосредственное олицетворение поднимающейся из глубин «внутренней силы», а долговечный материал, в котором он предполагался к исполнению, имел конкретное символическое значение прочности, устойчивости и более общее – утверждал вечное существование образа. Пилон должен был поддерживать статую солдата, довольно крупную по пропорциям, играя роль своеобразного постамента. Сама идея не была новаторской (ср. распространенный мотив в проектах военного времени: Малинина 1991; Архитектурные проекты 1978), но благодаря ей в конструкции монумента акцентировалась трехчастность построения снизу вверх. Тем самым подчеркивалась принадлежность памятника к той же классической традиции построения *скульптурных* монументов, в рамках которой была выполнена, например, уже упоминавшаяся скульптура «Родина-мать» Пискаревского мемориала.

В окончательном варианте 1973 года образное решение кардинально меняется. Скульптура как бы спускается с небес на землю. Один-единственный Воин, задуманный Сперанским, превращается в выполненные М.К. Аникушиным 34 бронзовые фигуры «скульптурной сюиты», названной «Фронт и Тыл». Основной принцип композиции памятника состоит теперь не в последовательном прочтении его элементов, при котором взгляд зрителя движется снизу вверх, а в одновременном восприятии архитектуры и скульптурных групп

ансамбля, слившихся в пластическом аккорде. Архитектурное и скульптурное высказывания понимаются как разнородные, но равноправные.

Однако Воин-победитель 1958 года не растворился полностью в скульптурной композиции: от его пребывания также осталась надпись «1941–1945», выполненная в золоченых буквах и помещенная у верхнего обреза пилона. Изображение сменяется даже не Словом, но Датой, смысловая емкость которой явно понималась как наибольшая. Однако Дата относится к войне, а не к блокаде, что расширяет границы сюжета и одновременно размывает его смысл.

В мотивах и пропорциях ансамбль отсылает к образности Дворцовой площади¹⁸. Дома-«пластины», подступающие к площади, оказываются пластическим эквивалентом здания Главного штаба с его подчеркнуто плоскостным фасадом, воспринимавшимся как некая декорация. Строгий прямой пилон 48-метровой высоты в этом контексте соотносится с Александровской колонной, имеющей высоту 47,5 метра.

В качестве еще одной значимой параллели следует указать на тему военного триумфа. Александровская колонна была воздвигнута О. Монферраном в 1834 году в память о победе русской армии в Отечественной войне 1812 года. Ангел с крестом, тогда же помещенный на вершине Александровской колонны по проекту скульптора Б.И. Орловского, символизировал мир в Европе. Как отмечают исследователи, Сперанский «был недоволен принятым вариантом решения обелиска – без венчающей части... и в последующих бесконечных эскизах, уже после окончания строительства, продолжал искать возможности его художественного завершения» (Астафьева-Другач, Сперанская 1989:154). Вероятно, ассоциация с победными смыслами Главной площади бывшей Империи была ненамеренной: в конце концов образ Дворцовой площади к этому моменту по крайней мере для двух поколений *ленинградцев* служил самым существенным и самым значительным в городской художественной культуре олицетворением «досоветского прошлого».

Первоначальный наклон пилона был редуцирован до косо срезанной верхней грани, обращенной к городу. Срез и отсутствие венчающей скульптуры в вертикальной композиции немедленно встретили критическую реакцию ленинградцев (чутких к фальши и особенно к искажению классической формы), в результате чего за сооружением довольно быстро закрепилось устойчивое насмешливо-презрительное наименование «стамеска». Последнее обстоятельство, в частности, служит дополнительным доводом в пользу того, что зрители непроизвольно сопоставляли памятник на площади Победы с Александровской колонной – форма косо срезанного пилона без навершия воспринималась как «увечная», имеющая изъян, только в сравнении с ее «полным» прототипом.

Но если считать ансамбль площади Победы интерпретацией ансамбля Дворцовой площади (где одним из важных элементов является знаменитая арка, построенная К. Росси), то возникает закономерный вопрос: следует ли воспринимать отсутствие арки как значимое, как своего рода фигуру умолчания?

Триумфальная арка в действительности дважды устанавливалась на Московском проспекте. К лету 1945 года она была выполнена в качестве временного сооружения именно на Средней Рогатке по проекту архитектора А.И. Гегелло: «...здесь 8 июля 1945 года жители города встречали воинов Ленинградского фронта, возвращавшихся с победой» (Калинин, Юревич 1979:187). Позже, в 1958 году, по настоянию С. Сперанского начались работы по восстановлению демонтированных еще в 1936 году Московских триумфальных ворот, сооруженных В.П. Стасовым в 1938 году в честь побед России над Турцией и Персией. К 1961 году арка Стасова была восстановлена окончательно и находилась в перспективе Московского проспекта, по пути к площади Победы. Последнее соображение по поводу топологических

параллелей относится к самому Московскому проспекту. По мнению Сперанского, в разработке образа проспекта архитекторы должны были брать как эталон застройку Невского, включая и Дворцовую, и прилегающие площади. Так, в частности, реализовалась одна из идей Сперанского об «исторических корнях современности». Кроме того, возвращение арки обогащало ансамбль площади Победы дополнительными (после соотнесения с Дворцовой площадью) ассоциативными смыслами. Не случайно подобие арочной конструкции было включено Сперанским и в архитектуру памятника Героическим защитникам Ленинграда: арочное сооружение, опирающееся на своды подземного Памятного зала, служит опорой среднему ярусу – гранитному полированному кольцу. В результате не одной аркой, но повторением арок в масштабах города был создан некий символический «триумфальный путь» – пространственно-временная перспектива с арками в своих узловых пунктах, которая заканчивалась воплощенной Победой.

Говоря о площади Победы, Московском парке Победы и площади Триумфальных ворот, А. Зайцев отмечает, что «уже сами названия подтверждают связь героического прошлого города с героикой современного Ленинграда, а также с содержательной направленностью общего градостроительного замысла головной части Московского проспекта» (Зайцев 1985:155).

В сущности, ансамбль площади Победы претендовал на то, чтобы представлять центр города, «Новую Дворцовую площадь», откуда автоматически должно было последовать превращение собственно исторического центра в периферию (в смысле истока, источника, потерявшего свое значение). Для архитектора Сперанского, бывшего фронтовика, символом «блокадной памяти» становится весь Город, а город соответственно служит материалом для формирования этого главного символа. Иначе говоря, блокада Ленинграда, защитники Ленинграда представляют собой Город, но не «старый», а «современный» (послереволюционный).

Основной смысл памятника связан с достоверностью предъявляемого предмета как в области архитектуры, так и в скульптуре. М.К. Аникушин, описывая идею своей «скульптурной сюиты», утверждал: «Мне хотелось, чтобы здесь была показана жизнь такой, какой она тогда была» (Аникушин 1975:18–19; Михайлова, Журавлева 1983:112).

Скульптор реализовал свое намерение в жанровых рамках, которые можно обозначить как «историческая бытовая сцена», чему вполне соответствует другое его высказывание: «...я хотел поднять простое на пьедестал» (Михайлова, Журавлева 1983:112). Особо отметим, что эта концепция не имела в виду наделить произвольный, случайный и частный момент жизни внутренней (художественной) самодостаточностью и «законностью». Наоборот: фрагментарный сюжет оправдывался своей принадлежностью к общему ходу истории (понимаемой как История) и мог приобрести значимость и законность только в качестве ее – истории – иллюстрации. Отсюда следует, что сюжет акцентировал не образную (фигуративную), но повествовательную (нарративную) составляющую, поскольку соотносился исключительно с *вне-х* художественными реалиями.

«История» и «повседневность», действительно, до некоторой степени разведены в драматургии произведения. Так, группа «Блокада» и состоящая из двух фигур композиция «Непобедимые», выделенные своим изолированным положением, призваны олицетворять наиболее «вечные» понятия, реализованные в универсальных узнаваемых иконографических схемах¹⁹. Тема повседневности решается Аникушиным в боковых сюжетных композициях (сюжетные группы «Летчики», «Моряки», «Народное ополчение» и другие), однако прототипы скульптуры на самом деле следует искать даже не в эскизах и набросках, но в плакате, а также в постановочной и репортажной фотографии военных времен (ср., например, плакат «Отстоим

Москву», 1941 года, многочисленные фотографии на тему «оборонных работ» и так далее). Скульптуры выполнялись в начале 1970-х годов, когда были пересмотрены жесткие требования, предъявляемые к использованию «обязательных» типажей²⁰, и тем не менее они демонстрируют известный по изобразительным печатным материалам 1940-х годов список «общих мест».

Логично предположить, что для Аникушина главным фактом памяти оказывались не сюжеты, не сцены, но сам художественный язык того времени, которому посвящены его скульптуры²¹. Вольно или невольно он воспроизводит этот язык и его образность: «...вот девочка подбежала к снайперу, а там юноша с ружьем, а тут интеллигент таскает железо... Это все мы видели в Ленинграде» (цит. по: Михайлова, Журавлева 1983:112). Речь, казалось бы, идет о повседневности («Я хотел поднять простое на пьедестал»). Повседневность в понимании Аникушина заслуживает скульптурного воплощения только на фоне той необыденной ситуации, в которой оказался блокадный город, но именно необыденность, уникальность блокадной обстановки остается «за кадром».

В художественном решении даны лишь готовые результаты и тщательно удалена всякая мотивация того, почему указанные «бытовые» сюжеты должны пониматься как высокосмысловые: это происходит именно по требованиям языка, который восстанавливает и воспроизводит Аникушин. Поясним, что основой этого идеологизированного языка была ориентация на условленность (конвенциональность). При этом подразумевалось, что «бытовые» сцены не требуют комментариев, поскольку лучше всего узнаваемы и «всем известны»²².

В этих сюжетных композициях, так же как и в двух центральных группах, «вторичность» изображения – ориентация на художественный язык 1940-х годов – оказывается ярко выраженной, если не основной, чертой: приемом, который формирует образ²³. В сущности, этими скульптурами можно обозначить все что угодно (или почти все), связанное с войной: они имеют настолько общий смысл и «ходульную» символику, что будут поняты в зависимости от того конкретного контекста, в который должны включаться.

С точки зрения Аникушина – классика (или, точнее, академика), использующего устойчивые традиционные композиции, достаточная достоверность достигается коррекцией схемы «по натуре». Работа с натурщиками хорошо видна в деталях, например в лепке рук, лиц²⁴ и так далее. Здесь заметим, что натурные этюды, как правило, обладают той долей незаконченности, неточности, которая создает «критическую дистанцию» между этюдом и зрителем, поскольку они связаны с фиксацией натуры *inpraesentia*. Этот прием позволяет скульптору оставить образ «открытым», не окончательно сложившимся, незащищенным, что в принципе противоречит требованиям монументальной скульптуры и обычно называется «лирикой». Скульптор в этом случае как бы доверительно сообщает нечто «от собственного лица» (по аналогии с «задушевным разговором»), но не от лица государства-заказчика, что в культуре 1970-х годов вне зависимости от содержания заранее обеспечивало сообщению убедительность²⁵.

Итак, версия блокады, которую представляет Аникушин, связана более с временными измерениями, нежели с пространственной привязкой. Символы блокады для Аникушина представлены изобразительным языком самого военного времени, который переводится на соответствующий современный язык со всей присущей ему засоренностью, обыденностью. В этом смысле «поднять простое на пьедестал» означает обесмысливание (выражающееся в том числе и пластически) главной темы: «снять возвышенное с пьедестала».

Памятник Героическим защитникам Ленинграда, предназначенный, как уже указывалось, на роль Главного памятника блокаде, показывает невозможность реализации этой тематики

исключительно средствами «реалистического» искусства в соответствии с требованиями официального дискурса. Чем больше его создатели настаивают на «достоверности», тем явственнее в нем проступают риторика и иллюзорность. Так, по замыслу Сперанского, в памятнике должен был воплотиться образ настоящего города, пережившего войну. Тем не менее его город – это бесплотное белое видение, с домами-«пластинами» и эркерами-«экранами», а архитектурная образность площади Победы отсылает к образу Дворцовой площади с ее военно-победными смыслами. Версия Аникушина представлена в менее острой форме – в виде универсальных «военных» изображений. Скульптурная композиция оказывается недостаточно конкретной, чтобы быть достоверной, и недостаточно общей (дистанцированной), чтобы претендовать на монументальность. Весь ансамбль тем самым с очевидностью демонстрирует начинающийся «кризис памяти», в частности исчезновение ярких и четких *личных* воспоминаний. Кризис проявляется в сюжетном смещении, то есть в подмене темы блокады сопутствующими общеиллюстративными образами, показательно обесмысливающими и сам замысел сооружения.

4

Кризис интерпретации: 1980-е годы, военные и блокадные мемориалы в описаниях

В 1976 году было опубликовано монографическое исследование, посвященное эволюции концепции и композиции военных памятников (Азизян, Иванова 1976). Большое количество точных наблюдений и характеристик отечественных и зарубежных произведений, безусловно, выделяет это исследование на общем фоне некритической апологетики.

Процитируем следующие высказывания по поводу одного из памятников: «...он не несет непосредственной фактической информации. Переживание художником реального трагического события находит свой пластический эквивалент, превращается в изобразительные параллели, своего рода пластическую метафору» (Там же, 128). И далее: «Пластическая метафора, которой художник пользуется для того, чтобы минимальными изобразительными средствами, отказавшись от отвлекающей и замедляющей эмоции повествовательности изображений, добиться у зрителя переживания, адекватного авторскому эмоциональному отклику на духовный смысл события...» (Там же, 150). Этот довольно длинный пассаж относится к рельефу, выполненному М. Басаделла для памятника павшим в Адриатических пещерах и к мемориальным комплексам на месте бывших «лагерей смерти» в Германии, хотя и кажется, что он мог бы полностью соответствовать «Разорванному кольцу». Однако о нем авторы упоминают в ряду других памятников «Дороги жизни»: «Некоторая однозначность, обусловленная изобразительностью символических архитектурных форм памятников Дороги жизни, а также недостаточность пластической проработки обедняют образ...» (Там же, 188).

Как следует относиться к тому, что авторы монографии, и до сих пор авторитетной для исследователя, отвергают не саму поэтику пластической метафоры, но произведение, созданное ее средствами? Предложим следующее, наиболее простое, объяснение, учитывая европоцентрическую позицию, которой придерживаются авторы. Сюжет «Разорванного кольца» как образа «личной памяти» и его метафоричность могли бы быть адекватно поняты авторами монографии только в том случае, если бы сооружение создавалось зарубежным мастером, незнакомым с советской художественной традицией. Иначе говоря, образность «Разорванного кольца» не укладывалась в рамки представлений, которые существовали по поводу монументов «советского типа». Тем самым метафорические памятники (даже в наиболее авторитетных исследованиях) выпадали из рассмотрения как несущественные. Так, образ обеднялся в *восприятии*, оказываясь в зазоре между советским опытом и внесоветской

точкой отсчета ценностей. «Разорванное кольцо» оказывается не «частным» или «личным», но «очень личным» делом восприятия, сугубо локальным феноменом, поскольку критики не находят в нем ожидаемых идеологических мотивов.

Процитированная монография заставляет нас обратиться к вопросу об интерпретации и реинтерпретации образов войны и блокады, что непосредственно связано с их воплощением. Чем, собственно, подкрепляется/питается внутренняя необходимость в установке памятников?

Историки и искусствоведы посвятили «памятникам блокады» множество исследований, альбомов, монографий. Они непременно упоминаются в справочниках и путеводителях по городу. Как можно заключить из опубликованных текстов, очевидный исследовательский интерес к этим памятникам приходится на 1960-1980-е годы – тогда же, когда была широко развернута программа установки мемориальных сооружений.

Приведенные ниже цитаты показывают ситуацию с военными монументами в целом. Их восприятие начинается с идеи непосредственного воплощения памяти (как «присутствия»), «Город еще горит, и в горящем городе советский человек ставит памятник своему современнику, своему товарищу по оружию, своему брату...» (слова литовского скульптора Ю. Микенаса, цит. по: Азизян, Иванова 1976:103). В ансамбле Пискаревского мемориала (1960 год) пластические мотивы, как уже указывалось, развивают тему примирения общества с невосполнимой утратой погибших соотечественников. Представление о них не как о «гражданах советской страны», но как о людях со своими жизнями, обращенное к таким же частным людям и их опыту, является в «Разорванном кольце» 1966 года единичной и периферийной попыткой на общем фоне. Отчасти, чтобы пресечь появление образов «частной памяти», которые иначе могли получить широкое распространение, в 1966 году публикуется Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, в котором утверждается, что при установке памятников «необходимо строго руководствоваться критериями их общественной значимости» (Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 24 июня 1966 года № 481 «О порядке проектирования и сооружения памятников и монументов»). Сооружение монумента героическим защитникам Ленинграда свидетельствует уже об иллюзорности проекта увековечить память блокады в архитектурно-скульптурных ансамблях. В 1985 году Министерство культуры СССР и Научно-методический совет по охране памятников культуры, ссылаясь на постановление ЦК КПСС «О 40-летию Победы Советского народа в Великой Отечественной войне», отмечают, что «в целях наведения порядка в сооружении памятников, ЦК КПСС и Совет Министров СССР сочли необходимым ограничить масштабы проектирования и установки мемориальных объектов... Наряду с сооружением крупных, значительных в художественном отношении памятников следует шире использовать формы увековечения, искать новые» (Андерсон 1985: 10). В основном рекомендуется «внимание уделять тем объектам, которые воссоздают реальную историческую атмосферу...». Фактически это означало, что монументальная скульптура официально перестает функционировать в качестве «устройства/средства коммеморации».

С середины 1980-х блокадная тема в монументальных произведениях и в сопровождающем их искусствоведческом комментарии явно теряет актуальность: новые памятники не появляются, тема блокады получает теперь воплощение в иных формах, нежели монументальные комплексы. Следует еще раз подчеркнуть, что и исследовательский интерес к образам блокады угасает с конца 1980-х. Если бы мы прошли мимо этого факта, то отсутствие новых памятников после 1985 года можно было бы объяснить просто нехваткой средств, государственного – централизованного – финансирования новых масштабных заказов и тому подобное. Но дело, оказывается, не ограничивается очевидным. Иссякает сам «искусствоведческий дискурс», он не работает на материале произведений, посвященных

блокаде, тогда как «краеведческий» – тексты в альбомах по городу и в путеводителях – использует обороты и идиоматику, а также терминологию, разработанную еще в 1970-е годы для описания монументов. Приходится констатировать, что у современных специалистов-искусствоведов эта тема не вызывает интереса, пролекая вдалеке от мейнстрима. Значит ли это, что монументы, посвященные блокаде, становятся непрозрачными для смысла, а вместе с ними и сам образ блокады, художественно воплощенный?

В ретроспективном взгляде особенно значимым представляется и то, что приемы и методы исследования памятников блокады окончательно оформляются к тому же времени, когда сворачивается сама мемориальная программа в монументалистике – к началу 1980-х. В трудах специалистов и в различных монографиях, опубликованных в 1980–1985 годы (см. например: Воронов 1984; Азизян, Иванова 1976; Иконников 1985; Зайцев 1985; Полякова 1982 и др.), явно преобладает обобщающий подход к материалу. Обобщение и дистанцирование можно рассматривать как подведение итогов, которое непременно включает статистические данные по монументам, обзоры и анализ предшествующих публикаций, что с очевидностью свидетельствует о завершении определенного этапа, хотя вопрос о том, в какой степени это осознавалось историками искусства и художниками, остается открытым.

К середине 1980-х вообще распадается тот понятийный аппарат, в рамках которого скульптура как непосредственное воплощение памяти только и могла быть осмысленной/иметь смысл, что подтверждается уже вне специальной литературы. Характерным примером является следующий пассаж: «Память о массовом героизме советских людей, обеспечивших движение по „Дороге жизни“, увековечена в памятниках и мемориальных ансамблях, входящих в „Зеленый пояс Славы“. Одно из центральных мест среди них занимает архитектурно-скульптурная композиция „Разорванное кольцо“ на Ладожском озере (1966 год)». Цитата взята из статьи, опубликованной в 1985 году в научно-популярном журнале «Наука и жизнь» (Казанский 1985). Посвященная в основном воспоминаниям о том, как осуществлялось инженерно-техническое обеспечение ледовой военной трассы, статья тем не менее начинается отсылкой к памятнику – как будто его существование придает легитимность всему дальнейшему тексту.

Описание памятника строится на использовании штампов и стереотипов, в изобилии встречающихся и в официальных газетных текстах, и в специальных публикациях. Сравним, например: «В композиции памятников, увековечивающих героическую борьбу и подвиги советского народа, воплощены идеи величия принесенной жертвы и великого будущего, ради которого принесена эта жертва» (Зайцев 1985:16), «...Обобщенная трактовка темы массового героизма» (Воронов 1984: 182), «...Героическая 900-дневная оборона Ленинграда запечатлена в мемориальных архитектурно-скульптурных ансамблях» (Калинин, Юревич 1979: 4). В результате редукции официальных оборотов появляется риторическая формула, с успехом использованная автором цитированного отрывка: «память... увековечена в памятниках и мемориальных ансамблях...» (где в предложении из пяти слов слово «память» или его синонимы встречаются четыре раза). Несколько заостряя, сделаем заключение о том, что памятники сначала обесмысливаются в специальном, искусствоведческом дискурсе, затем исчезают для сознания в обыденном языке. И окончательно вычеркиваются из городского пейзажа правительственной программой.

5

Эпилог, театр памяти: 2000, памятник женщинам – бойцам МПВО

Казалось бы, с распадом понятийного аппарата, в рамках которого возможно обращение к

общим темам, с распадом объединяющей памяти закончилась эпоха коммеморации блокады в монументалистике. С начала 1990-х скульптура занималась в основном значимыми историческими персонажами, так или иначе связанными с Ленинградом/Петербургом (Александр Невский, Петр Великий, Анна Ахматова, Иосиф Бродский и так далее). В этом направлении развивались поиски культурного героя – покровителя города. Другое направление развития скульптуры можно назвать «популистским». Скульптура ставилась не на площадях и площадках, а на улицах, на уровне человеческого роста и существовала не в своем замкнутом пространстве, но в пространстве зрителя. Для такой скульптуры предпочитались подчеркнута бытовые или фольклорно-литературные сюжеты («Фотограф», «Василий» на Васильевском острове, «Чижик», «Зайчик», «Нос» и прочее). В скульптуре отрабатывались различные подходы, устанавливалась иерархия ценностей и переосмысливались традиции. Разнообразие тем и сюжетов достигло кульминации в 2000–2003 годах, то есть накануне празднования 300-летнего юбилея Санкт-Петербурга. Однако на фоне большого количества новых памятников и уличной скульптуры сооружение памятника «Женщинам – бойцам МПВО» не прошло незамеченным.

Публикации и обзоры в прессе показывают, что тема блокады по-прежнему воплощает позитивные ценности и не подлежит рефлексии.

Об этом свидетельствует общая картина художественной критики в области современной скульптуры – картина с отчетливо выраженной негативной установкой по преимуществу. Памятник женщинам – бойцам МПВО составляет редчайшее исключение в том отношении, что «культурная журналистика» отнеслась к нему одобрительно или, по крайней мере, нейтрально-независимо от идеологической установки или направления издания, где публикуются рецензии.

В значительной степени, правда, положительные отзывы были обусловлены не только самой темой, но и ее профессиональным решением. В рецензиях особенно подчеркивался синтетический характер памятника, где «обитаемое» пространство города связано со скульптурно-архитектурной композицией. Действительно, бронзовая фигура, помещенная на брандмауэре жилого дома на Петроградской стороне, представляет во многих отношениях предел того, что можно требовать от современной пластики: в памятнике сочетаются монументальное решение (показатель значимости темы), лаконичность высказывания, включенность в уличную жизнь. Другими словами, памятник является современным именно потому, что следует традиции и использует ее в своих целях.

Авторский коллектив, в который входили скульптор Л.Н. Сморгон, архитектор И.Д. Матвеев и главный художник города И.Г. Уралов, образовался в результате конкурса 2000–2001 годов. Уже в первоначальном конкурсном проекте, который представил Л.Н. Сморгон, в общих чертах была сформулирована идея произведения. По словам самого скульптора, «трагедия там есть... и не стойкость даже, а упорство» (здесь и далее цитируются интервью и устные сообщения Л.Н. Сморгона 2003 года).

Откуда такой образ: трагедия и упорство? И скульптор, и архитектор так или иначе имели дело с войной. Л.Н. Сморгон вернулся в Ленинград из эвакуации в 1944 году, через два месяца после того, как блокада была снята. Скульптор впоследствии вспоминал, что главным для него, тогда совсем подростка, было чувство узнавания того, что осталось. На разрушения можно было не обращать внимания. И.Д. Матвеев принадлежит уже к послевоенному поколению, но в 1984–1985 годах он руководил проектом завершения и комплексного восстановления монументов «Зеленого пояса славы»²⁶. Однако личные биографии не объясняют, почему именно «трагедия и упорство» составили основу произведения.

Если предположить, что образ рожден современным представлением о блокаде или

появился в связи с последовательным переосмыслением военных событий, объяснение окажется слишком общим, тем более что значительность произведения не позволяет рассматривать его в качестве иллюстрации к идеологическим конструкциям.

Следует, вероятно, попробовать рассмотреть памятник в контексте традиции, определяя его отличия, за счет которых рождается смысловое смещение. Первое, что заслуживает внимания, это уточнение, на котором настаивал скульптор: «не стойкость, а упорство». В уточнении-противопоставлении «стойкость» (официальная фигура речи в отношении блокады) – это «государственная» модель поведения, тогда как «упорство» – личная модель, которая зависит от темперамента и характера столько же, сколько от воспитания и нравственных принципов. Здесь кажется неслучайной и ярко выраженная «характерность» памятника, в частности самой женской фигуры. Она стоит на балке кронштейна на высоте четвертого этажа, и ее силуэт особенно выразителен в профиль. Голова втянута в плечи, но лицо обращено к небу, и ноги крепко упираются в крохотную площадку. Включение произведения в уличную жизнь также подчеркивает его характерность: скульптурно-архитектурная композиция, как уже указывалось, размещена на брандмауэре жилого дома; луч прожектора, выполненный в технике сграффито («граффити»), охватывает не только плоскость, но и частично фасад с окнами, другой луч – реального прожектора – вместе с первым непосредственно привязывает его к среде. Эта привязка усиливается за счет соотношения пропорций и места композиции и архитектуры жилого дома, когда композиция продолжает архитектурные членения этажей. И – как значимая деталь – единственное на брандмауэре окно также включается в художественное целое, задавая и отсчет масштаба, и смысл драматургии памятника.

Частность, особость и особенность не прибавляют ничего, если не понимаются как существенные. Здесь мы имеем дело с традицией «частности» (ср. «Разорванное кольцо» как образ частной памяти или «Фотографа» как частного персонажа), в рамках которой развивается пластическая тема, и благодаря ей памятник приобретает двойственность и смысловую глубину: он сам существует на грани бытия и небытия. «Я отдаю себе отчет, – замечал Л.Н. Сморгон, – что пройдет еще 50 или 60 лет, и дом разрушится...» В этом хрупком существовании, в котором любая жизнь, любое деяние понимаются как непрочные, не вечные и обреченные, все оказывается эфемерно, кроме частных воспоминаний, так что в этом смысле памятник является еще больше памятником нашему времени, нежели времени блокады. Речь, собственно, идет не о «славе», а о презрении славы (о том, что «слава недолговечна», писал еще Марк Аврелий, римский император и философ стоицизма) – не отсюда ли «стойкость» персонажа?

В процессе работы над проектом авторы пришли к необходимости отказаться от «ампирных» архитектурных деталей памятника. Вместо конструкции из перпендикулярных стене железных балок архитекторы первоначально планировали пышные капители, колоннообразные формы и прочие элементы. Однако именно колонна была традиционно одним из символов «славы», и образ блокады в памятнике в результате мог получиться приподнятым и фальшивым.

«Памятник, – говорит Л.Н. Сморгон, – вызывает чувство не гордости, а жалости...» Скульптор подчеркивает, что дело не в «женском» персонаже. Действительно, «это не санитарка и не отважный боец», но и не тот «ангел-хранитель ленинградского неба», как характеризовал ее критик М. Золотоносов²⁷. Жалость даже не в том, как решена сама фигура, с худым и курносом лицом (смерть?), похожая снизу на закорючку. (Местами ее силуэт прорезан насквозь, что не отменяет композиционной устойчивости, но придает новые смыслы.) И портрет Марины Цветаевой, положенный в основу композиции, тоже придает дополнительные

смыслы произведению, но не определяет образ жалости. Жалость скорее вызывает одиночество фигуры там, наверху, на брандмауэре над пустотой в луче прожектора.

Здесь в качестве отступления заметим, что тема одиночества обдумывалась скульпторами и раньше. Прочитаем отрывок из интервью с О. Басилашвили: «На въезде в Петербург стоит памятник Михаила Аникушина, посвященный блокаде: разорванное кольцо, по внутренней стороне которого теснятся фигуры солдат и матросов. Я знал Аникушина довольно близко. Будь я скульптором, сказал я ему однажды, то сделал бы другой памятник блокаде. Небольшая, чуть выше человеческого роста, почти без пьедестала, на углу Невского и Садовой стоит девочка. В телогрейке, в валенках, обмотанная маминым оренбургским платком, и держит перед собой сложенные ковшиком ладошки, а в них – кусочек хлеба. И все. Памятник погибшей девочке в центре города. Аникушин ответил, что подобная идея с девочкой и ему приходила в голову. Но этот вариант запретили: получился бы памятник гражданину, а не власти» (информационное Агентство «Собкор», 2 июня 2003 года, см. публикацию на сайте: http://www.sobkor.ru/lenta/print.shtml?id_news=i7°82).

Одиночество бронзового персонажа, как его реализует скульптор, – это одиночество мишени, куклы, которая приобретает стойкость отчасти по мере понимания своей обреченности.

Что касается самого брандмауэра, то в эстетике Петербурга-Ленинграда брандмауэр с начала XX столетия трактовался в качестве носителя некой городской проекции. Здесь он представляет собой одновременно и «задник» декорации, определяющий формат всей сцены, и аналог экрана, на который проецируются образы прошлого. С бокового ракурса («в профиль») поверхность брандмауэра – полоса, разделяющая/соединяющая времена и пространства. Вся стена «работает» как видимый отпечаток уже невидимой, рухнувшей конструкции.

В таком понимании оправданы «неясные ассоциации», на которых настаивает скульптор, поскольку последний из перечисленных нами образов блокады представляет, в сущности, «памятник памяти».

Конструкция образов блокады на протяжении 50 лет видоизменяется, становится размытой, неясной, расплывчатой, что связано с вытеснением блокадной темы на периферию официального дискурса. Можно сделать вывод о том, что современный образ блокады, воплощенный в памятнике женщинам – бойцам МПВО, представляет и альтернативу предшествующей концепции «гражданского подвига», и альтернативу городским постперестроечным символам (Александру Невскому или Иосифу Бродскому). Исходя из стилистики последнего памятника, можно заключить, что образ блокады постепенно «дематериализуется», приобретает призрачную природу. Именно это, как кажется, гарантирует будущие художественные воплощения блокадной темы, ибо что может быть долговечнее камня и бронзы? Только отсутствие камня и бронзы.

Примечания

1 Здесь мы используем это понятие, следуя не столько П. Нора и его единомышленникам, которые рассматривают материальные, символические и функциональные места памяти, куда схематично включают и вещи обыденного мира, и абстрактные образы, но, скорее, Ф. Йейтс, анализирующей прежде всего произведения архитектуры и изобразительного искусства как формы, которые закрепляют образы памяти и поддерживают их постоянное воспроизведение (см.: Йейтс 1997).

2 Названия монументов, установленных в советское время, даются в соответствии со справочником Б.Н.Калинина и П.П. Юревича (Калинин, Юревич 1979).

3 Из отчета городского управления предприятиями коммунального обслуживания о работе за год войны с июля 1941-го по июль 1942 года, раздел «Похоронное дело», 5 апреля 1943 года (цит. по: Ленинград в осаде 1995: 330).

4 Письмо работников треста «Похоронное дело» П.С. Попкову с предложением начать захоронения в братских могилах, 18 декабря 1941 года (цит. по: Ленинград в осаде: 280).

5 Здесь мы опираемся на результаты исследования коммеморативных практик, реализованных в мемориальных сооружениях советского времени (Адоньева 2002).

6 Об этом также см. в статье В. Календаровой «Формируя память: Блокада в ленинградских газетах и документальном кино в послевоенные десятилетия» в настоящей книге.

7 Это сходство неоднократно упоминалось и в специальной, и в общей литературе (см., например: Адоньева 2002).

8 Это совпадает с выводом С.Б. Адоньевой: «...в конечном счете оказывалось, что для того, чтобы избежать смерти (стать бессмертным), нужно погибнуть» (Адоньева 2002).

9 Здесь мы исходим из концепции заимствования символов Великой французской революции и Парижской коммуны, версию которой развивает в своем исследовании Л. Клеберг (Клеберг 1997:142, а также: История советского искусства 1965–1968; Демосфенова, Нурок, Шантыко 1962; Hobsbawm 1978:121–138; Bonneil 1997)-

10 Этот театрализованный принцип представления монументальной фигуры на фоне неба был реализован в Медном всаднике – памятнике Петру Великому работы Э.-М. Фальконе (1782). В соответствии с логикой театральности В.Н. Топоров определяет небо как «небесную кулису» (Топоров 1995: 431).

11 Для того чтобы утвердить сплоченность ленинградцев в общем порыве, М. Дудин предлагал соорудить памятник на «народные средства» – добровольные личные взносы.

12 Как указывает автор классических трудов по истории архитектуры В.И. Пилявский, «формирование ансамбля погоста начиналось, по сути дела, с выбора места в расчете на наилучшее восприятие его с основных направлений» (Пилявский, Тиц, Ушаков 1984: 71). Это утверждение разделяли другие ученые, а также специалисты предшествующего времени, например С. Я. Забелло, И. Э. Грабарь и другие.

13 Воспоминания подверглись литературной обработке в тексте К. Крикунова, но не очень сильно отличаются от той версии, которую автору этого материала пришлось впервые услышать в разговоре с К. М. Симуном в конце 1980-х годов (цит. по: Крикунов 2004).

14 Это объясняет, например, реакцию ленинградцев военного поколения, приезжавших к «Разорванному кольцу». Как правило, устроившись недалеко от памятника, они смотрели на Ладогу невидящим, погруженным в себя взглядом. Люди послевоенных поколений, в том числе и во время неофициальных посещений, также замолкали и на некоторое время выключались из обыденности. Можно сказать, что «Разорванное кольцо» провоцировало однозначную, хотя и неосознанную, реакцию.

15 Участку, который тогда назывался Международным проспектом и продолжавшим его Московским шоссе.

16 Проектирование наземной части осуществлялось в 1971–1973 годах, строительство – в 1973-1975-м. После открытия монумента 9 мая 1975 года было начато проектирование подземной части монумента (Памятного зала), ее строительство было завершено в 1978 году (сведения приводятся по: Астафьева-Длугач, Сперанская 1989; также см.: Строительство 1975-7: 6–7; Строительство 1975-11: 40–41; Строительство 1977:10–11; Строительство 1978: 2–5; Булушев, Ганшин 1977; Монумент 1980; Монументальные ансамбли 1984).

17 Подробнее см. об этом в статье В. Календаровой в «Формируя память: блокада в

ленинградских газетах и документальном кино в послевоенные десятилетия» в настоящей книге.

18 Отдельный вопрос представляет отзыв архитектурных идей Дж.-Б. Пиранези, сказавшихся как в застройке Дворцовой площади, так и в проектах оформления площади Победы.

19 Художественное решение двухфигурной группы «Непобедимые» соответствует античному прообразу – группе «Тираноубийцы» (так же, впрочем, как и скульптура В.И. Мухиной «Рабочий и колхозница», эталонное значение которой для советского искусства трудно переоценить). Группа «Блокада» оперирует классическими символами смерти и жертвенности. Здесь скульптор использует и античное наследие, и христианскую иконографию, и советский плакат как «азбучные» изображения.

20 Ср., например, отмеченный Ленинской премией в 1963 году скульптурно-архитектурный ансамбль «Мать», выполненный в Пирчюписе скульптором Г. Йокубонисом (1960). Исследователи отмечают его сравнительно более свободную образность (см.: Мать Пирчюписа 1964).

21 В 1947 году, демобилизовавшись, он защищает в Ленинградской Академии художеств дипломный проект «Воин-победитель», так что изобразительная система того времени имела для него автобиографическую ценность, она соответствовала его личному формированию и получению официального признания.

22 На этот язык ориентируется, например, документально-постановочная или «как бы репортажная» фотография того времени (см.: Неизвестная блокада 2002).

23 Вопрос о том, насколько осознанным было использование приема для самого автора и имелись ли в его распоряжении альтернативные приемы, здесь не обсуждается.

24 Одного из солдат группы «Пехотинцы» Аникушин наделяет портретными чертами своего товарища С. Проненко, служившего в морской пехоте (Михайлова, Журавлева 1983:113).

25 Список подобных явлений включает, например, появление бардовской песни, воздействие которой было основано на том же принципе «доверительности», или живопись «сурового стиля», где нарочитая грубоватость, отсутствие дистанции по отношению к зрителю служили гарантией искренности и подлинности.

26 Информация предоставлена Санкт-Петербургским отделением Союза российских архитекторов.

27 «...Все это создает образ ночной бомбежки Ленинграда и женщины, защищающей свой Дом и свой Город» (см.: Золотоносов 2002).

Приложения

Приложение 1

Краткие сведения об информантах

[№ 0101007]

Интервью с женщиной 1935 года рождения. В 1941–1945 годах находилась в Ленинграде, жила с матерью в коммунальной квартире на Петроградской стороне. С 1943 года посещала школу. Информантка имеет среднее образование, принимает активное участие в Петроградском

районном обществе блокадников. Награждена знаком «Житель блокадного Ленинграда». Интервью проходило в квартире информантки 15 февраля 2002 года. Общая продолжительность аудиозаписи интервью – 113 минут. Интервьюировала И. Гусинцева.

[№ 0101014]

Интервью с женщиной 1930 года рождения. Во время блокады проживала с матерью, сестрой отца и двумя старшими сестрами на Петроградской стороне Ленинграда. Посещала общеобразовательную и музыкальную школы. Впоследствии получила высшее образование. Была награждена медалью «За оборону Ленинграда». Долгое время возглавляла общество блокадников

Аудиозаписи интервью хранятся в Архиве Центра устной истории ЕУ СПб.
«Юные защитники Ленинграда».

В 2002 году информантка скончалась. Интервью проходило в квартире информантки и было записано в ходе трех встреч в апреле 2002 года. Общая продолжительность аудиозаписи интервью – 307 минут. Интервьюировала Т. Воронина

[№ 0101016] («Мария Михайловна») Интервью с женщиной 1927 года рождения. Информантка находилась в Ленинграде все время блокады, работала в госпитале, затем в 1944–1946 годах закончила школу медсестер. Интервью проходило в квартире информантки в мае 2002 года. Общая продолжительность аудиозаписи интервью – 74 минуты. Интервьюировала В. Календарова.

[№ 0101018]

Интервью с Владимиром Алексеевичем Смирновым, 1930 года рождения, член правления общественной организации «Юные защитники Ленинграда». Находился в Ленинграде все время блокады. Награжден медалью «За оборону

Ленинграда». Имеет высшее техническое образование. Интервью проходило в Центре устной истории ЕУ СПб. в мае 2002 года. Общая продолжительность аудиозаписи интервью – 203 минуты. Интервьюировала В. Календарова. Интервью частично опубликовано (Блокада глазами очевидцев 2003: 212–226).

№ 0101022 («Николай Викторович») Интервью с мужчиной 1932 года рождения. Все время блокады информант жил с родителями, бабушкой и дедушкой на Большой Московской улице в Ленинграде. Информант имеет высшее образование, состоит в обществе «Юные участники обороны Ленинграда». Интервью проходило в Санкт-Петербурге в Центре устной истории ЕУ СПб. 21 мая 2002 года. Общая продолжительность аудиозаписи интервью – 248 минут. Интервьюировала И. Гусинцева.

№ 0101042 («Анна Никитична») Интервью с женщиной 1932 года рождения. Информантка находилась в Ленинграде все время блокады. Окончила ремесленное училище. Является членом общины евангельских христиан-баптистов. Интервью проходило в квартире информантки в июле 2002 года. Общая продолжительность аудиозаписи интервью – 74 минуты. Интервьюировала Т. Никольская.

№ 0102001

Интервью с женщиной 1924 года рождения. Родилась в семье архитектора, репрессированного перед началом войны с Германией. Во время блокады жила сначала с мамой и няней, затем одна на Петроградской стороне Ленинграда. Училась в школе, затем по окончании работала в госпитале. Во время блокады поступила в институт, после обучения в котором уехала на север, где и работала преподавателем до пенсии. Сейчас информантка живет в Санкт-Петербурге. Образование высшее. Награждена медалью «За оборону Ленинграда». Интервью проходило в квартире информантки 24 декабря 2002 года. Общая продолжительность аудиозаписи интервью – 103 минуты. Интервьюировала Т. Воронина.

№ 0102002 («Анатолий Николаевич») Интервью с мужчиной 1929 года рождения. Родился в Ленинграде, в семье служащего. Во время блокады семья информанта жила в коммунальной квартире на Петроградской стороне. Информант посещал общеобразовательную и музыкальную школы. В конце 1942 года был отдан в детский дом.

В составе детских музыкальных коллективов выступал с концертами перед военнослужащими. После войны закончил Ленинградскую консерваторию. Автор нескольких книг, посвященных музыкальным коллективам Ленинграда в годы войны и блокады. Участвует в работе одного из городских обществ блокадников. Интервью проходило по месту работы информанта 27 января 2003 года. Общая продолжительность аудиозаписи интервью – 70 минут. Интервьюировала Т. Воронина.

№ 0102004 («Ирина Григорьевна») Интервью с женщиной 1925 года рождения. Информантка находилась в Ленинграде все время блокады, работала в госпитале. Имеет высшее филологическое образование. Интервью проходило в квартире информантки в январе 2003 года. Общая продолжительность аудиозаписи интервью – 78 минут. Интервьюировала В. Календарова.

№ 0102015 («Татьяна Антоновна») Интервью с женщиной 1932 года рождения. Информантка находилась в Ленинграде все время блокады. Имеет среднее специальное образование. Интервью проходило в квартире информантки в июне 2003 года. Общая продолжительность аудиозаписи интервью – 78 минут. Интервьюировала В. Календарова.

№ 0102017

Интервью с женщиной 1935 года рождения. Родилась в семье военного, репрессированного в 1936 году. Во время блокады жила с мамой, бабушкой, двумя тетями, двоюродной сестрой и братом в Центральном районе Ленинграда. Образование высшее. Имеет знак «Житель блокадного города». Принимает активное участие в обществе блокадников. Интервью проходило в квартире информантки 17 июня 2003 года. Общая продолжительность аудиозаписи интервью – 87 минут. Интервьюировала Т. Воронина.

№ 0102018

Интервью с мужчиной 1921 года рождения. В 1941 году он закончил школу, работал на заводе и поступил заочно в институт. Во время блокады жил с мамой, переводчицей, и старшей сестрой в Центральном районе Ленинграда. В 1942 году был эвакуирован.

Инвалид по зрению. Вернулся в Ленинград в 1945 году. Образование высшее. Имеет медаль «За оборону Ленинграда». Принимает участие в работе общества блокадников. Интервью проходило в Центре устной истории ЕУ СПб. в июне 2003 года. Общая продолжительность аудиозаписи интервью – 139 минут. Интервьюировала Т. Воронина.

№ 0102021

Интервью с женщиной 1931 года рождения. Во время блокады жила в Центральном районе Ленинграда с бабушкой, дедом, матерью и с младшими сестрой и братом. Образование высшее. Имеет знак «Житель блокадного города». Интервью проходило в Центре устной истории ЕУ СПб. 24 июня 2003 года. Общая продолжительность аудиозаписи интервью – 167 минут. Интервьюировала Т. Воронина.

№ 0102024 («Вероника Никандровна») Интервью с женщиной 1932 года рождения. Во

время блокады информантка жила с братом и матерью на окраине Ленинграда в Невском районе, затем у сестры матери в Центральном районе. Имеет знак «Житель блокадного города». Принимает участие в работе общества блокадников. Интервью проходило в квартире информантки 14 июля 2003 года. Общая продолжительность аудиозаписи интервью – 153 минуты. Интервьюировала Т. Воронина.

№ 0102026

Интервью с женщиной 1921 года рождения, находившейся в Ленинграде на всем протяжении блокады. До зимы 1941/42 года информантка училась в театральном институте. Осенью 1941 года была мобилизована на оборонные работы. После эвакуации института в 1941 году она работала медсестрой в поликлинике на Охте. Информантка имеет высшее образование. Награждена медалью «За оборону Ленинграда». Интервью было записано в Центре устной истории ЕУ СПб. в октябре 2003 года. Общая продолжительность аудиозаписи интервью – 150 минут. Интервьюировала Т. Воронина

№ 0202001

Интервью с женщиной, родившейся в 1968 году в Ленинграде. В блокаду в городе жила вся семья отца и тетя ее матери.

№ 0202002

Интервью с мужчиной, родившимся в Ленинграде в 1969 году. В блокаду в городе жила семья матери.

№ 0202003

Интервью с женщиной, родившейся в Ленинграде в 1951 году. В блокаду в городе жила мама и бабушка информантки.

№ 0202004

Интервью с мужчиной, родившимся в 1960 году в Магаданской области.

В блокаду в Ленинграде жили отец и бабушка информанта.

№ 0202005

Интервью с женщиной, родившейся в Уфе в 1965 году. В блокаду в Ленинграде жила семья отца: бабушка информанта, отец и тетя.

№ 0202006 («Владимир»)

Интервью с мужчиной, родившимся в 1959 году. Ленинграде. В блокаду в Ленинграде жила мать, сестра матери, бабушка и дед информанта.

№ 0202007

Интервью с женщиной, родившейся в 1949 году в Ленинграде. В блокаду в городе жили бабушка и мать информанта.

№ 0202009 («Ольга»)

Интервью с женщиной, родившейся в 1965 году в Ленинграде. В блокаду в городе жила семья матери.

№ 0202010

Интервью с женщиной, родившейся в 1953 году в Ленинграде. В блокаду в городе жили бабушка и мать информанта.

Расскажите о себе (год и место рождения, семья: откуда, чем занимались, образование, работа).

Приложение 2

Рабочие материалы в помощь интервьюеру, разработанные Центром устной истории Европейского университета в Санкт-Петербурге

Путеводитель для интервью с лицами, пережившими блокаду Ленинграда

Довоенный период

Помните ли вы, как началась война? Сколько вам было лет? Где в Ленинграде вы жили? Помните ли, как началась финская война? Как и от кого вы узнали, что начнется война? Готовились ли вы к войне? Как вы готовились к войне? (психологическая подготовка/практические навыки?) Были ли вы членом партии (комсомольцем)? Насколько активным – посещали ли собрания и так далее? Были ли репрессированные в вашей семье?

Блокадный опыт

Как и когда вы узнали о том, что Ленинград был окружен? Где вы жили? Чем занимались? Кто из ваших близких/знакомых остался в городе? Почему вы не уехали из Ленинграда? Была такая возможность? Уехал ли кто-нибудь из ваших родственников/знакомых? Ждали ли вы помощи? На кого вы рассчитывали? Кто помогал? Доверяли ли властям? (Следует после вопроса, от кого ждали помощи.) Читали ли вы газеты? Как относились к их сообщениям? Было ли что-то светлое в вашей жизни во время блокады – праздники, посещение театра, кино и так далее? Какой период был самым тяжелым? Когда стало легче? С чем это связано? Какие дни/события из жизни в блокадном городе вам наиболее запомнились? Есть ли у вас фотографии, сделанные во время блокады? Вели ли вы дневник? Помните ли вы день прорыва/снятия блокады? День Победы? Как вы об этом узнали? Как вы отмечали эти события?

Послевоенный опыт

Каким вам запомнился город после снятия блокады? Что и как менялось в городе?

Помните ли вы возвращение в город эвакуированных? Были ли среди них ваши родные/знакомые? Кто такой блокадник? Называли ли вас тогда блокадником? Если нет, то когда стали называть? В связи с чем? Встречались ли вы после блокады с людьми, пережившими ее вместе с вами? Вспоминали ли вы вместе блокаду? Что вспоминали? Что делали на встречах? Приходили ли на эти встречи те, кто не жил в блокадном Ленинграде?

Что было самым трудным после войны?

Когда вы почувствовали, что война закончилась?

Что напоминало о войне – нищие, демобилизованные, беспризорники, инвалиды, защитные сооружения (колючая проволока, противотанковые сооружения, военные плакаты, метроном, карточки и так далее)?

Видели ли немцев? Какими вы их увидели?

Ощущали ли вы реальность угрозы новой войны? С чем это было связано?

Готовились ли вы к этой вероятной войне? С кем такая война была возможна?

Помните ли вы открытие выставки обороны Ленинграда в Соляном переулке? Были ли вы там? Что вам запомнилось? Как вы восприняли закрытие музея (1949 год)?

Смотрели ли вы фильмы о блокаде? Эти фильмы отражали то, свидетелем чего вы были?

Помните ли вы время после окончания войны, когда о блокаде говорить стали меньше? С чем это было связано? (Ленинградское дело).

Хотелось ли вам делиться своими воспоминаниями о блокаде?

С кем? Спрашивали ли вас о вашей жизни в блокадном городе? Какие даты, связанные с войной для вас наиболее значимы? Какие даты вы отмечали/отмечаете? Как, где и с кем вы их отмечаете? Всегда ли одинаково вы отмечали эти даты?

Посещаете ли вы общественные мероприятия, связанные с «блокадными датами»?

Какие памятники, связанные с блокадой (мемориал на Пискаревском кладбище, «Разорванное кольцо» на площади Победы, памятник на площади Восстания, Охтинский храм), по вашему мнению, удачны? Почему? К каким памятникам вы приходите?

Читали ли вы что-нибудь о блокаде? Что? Почему? Было ли в прочитанном что-то, с чем вы были не согласны?

Знаете ли вы об обществах блокадников? Как вы узнали об их существовании? Являетесь ли вы членом одного из них? Почему? Что это вам дает?

Были ли случаи, когда кто-то пренебрежительно относился к вашему блокадному опыту?

Передача памяти о блокаде

Сохранились ли у вас вещи, связанные с жизнью во время блокады?

Чем лучше всего можно увековечить память о блокаде?

Как вы думаете, нужно ли рассказывать о блокаде молодым?

Почему?

Хотели ли вы узнать что-то еще о блокаде?

Эвакуация

Когда эвакуировались? Куда? Как уезжали? Что брали с собой?

Знали ли, куда уезжали?

Когда местные жители узнавали, что вы из блокадного города, как они к вам относились?

Где, как жили? Чем занимались? Намного ли легче было жить в эвакуации?

Хотели ли вернуться?

Когда вернулись в Ленинград? Как это произошло?

Где вы жили после возвращения? Остались ли какие-то связи с людьми из того города (деревни), куда вы были эвакуированы?

Каким был город, в который вы вернулись? Знали ли вы кого-то из тех, кто все время оставался в Ленинграде? Поддерживали ли вы отношения? Какими были эти люди, когда вы с ними встретились?

Путеводитель для интервью со «вторым поколением» свидетелей ленинградской блокады

Где и когда вы родились? Расскажите о вашей семье. Кто в ней жил в блокаду в городе?

Можете ли вы вспомнить, откуда вы узнали о блокаде? (семейные рассказы, книги и фильмы, знания, полученные в школе, телевизионные передачи).

Были разговоры о блокаде в вашей семье? В каких ситуациях и по чьей инициативе?

О чем вам рассказывали? (сюжеты). Как часто возникали эти разговоры? Были ли еще блокадники в семье? Если да, то различались ли рассказы о блокаде у членов семьи?

Всем ли рассказам вы верили? Задавали ли вы сами вопросы родственникам-блокадникам?

Если да, то в каком возрасте? Сами или по инициативе извне (школьные задания)?

Отмечаете ли дома «блокадные» праздники? Как это проходит? Смотрели ли вы фильмы о блокаде? Какие фильмы о блокаде вы помните (художественные, документальные)? В каком возрасте вы их смотрели?

Смотрели ли фильмы о блокаде вместе с родственниками-блокадниками? Обсуждали ли? Какова была реакция на них ваших родственников-блокадников?

Читали ли вы книги о блокаде? Помните ли вы, что это за книги?

В каком возрасте вы их читали? Обсуждались ли эти книги?

Что вы узнали о блокаде в школе? Что из того, что вы узнали, было для вас новым?

Помните ли вы, как проходили уроки истории, посвященные блокаде?

Писали ли вы сочинения на тему блокады? Если писали, то о чем?

На каких школьных мероприятиях вы узнавали о блокаде? Посещали ли вы с классом блокадные мемориалы? Если да, то какие?

Был ли в вашей школе музей, посвященный блокаде?

Ходили ли вы с классом в Музей обороны и блокады Ленинграда или другие музеи, где были экспозиции, посвященные блокаде? Отмечались ли в школе/классе блокадные даты? Если отмечались, то как (стенгазеты, «линейки», торжества)?

Приглашались ли в школу блокадники?

Какие из мероприятий, проводимых в школе в память о блокаде, вам больше всего запомнились? Почему?

Запомнились ли конкретные люди, отвечавшие за проведение этих мероприятий? Расскажите о них. Как, по-вашему, относились к этим мероприятиям организаторы? Как ваш класс относился к этим мероприятиям?

Были ли вам интересны эти мероприятия?

Пытались ли вы представить себе жизнь ваших родственников в дни блокады?

Думали ли о том, как бы вы вели себя в подобной ситуации?

Как часто вы думаете, вспоминаете о блокаде в повседневной жизни? Был ли у вас специальный интерес к блокаде?

Оценочные вопросы

Из какого источника вы получили большую часть знаний о блокаде – рассказы в семье, книги, фильмы, школа? Ваша оценка.

Различалось ли это знание?

Было ли то, о чем говорили дома, но о чем нельзя было услышать в школе?

Как вы сами оцениваете, знаете ли вы о блокаде мало/достаточно? Стали ли вы больше знать о блокаде в последние годы?

Стали ли в связи с этим больше интересоваться блокадой?

Кого, по вашему мнению, следует называть блокадником? Переживших все 900 дней, или это не имеет большого значения? Работавших в городе (взрослый), или это не имеет большого значения?

Как вы относитесь к уравниванию блокадников с ветеранами Великой Отечественной войны – справедливо ли это?

Как вы думаете, каково значение блокады для города?

Вопросы по передаче памяти

Надо ли, по-вашему, сохранять и передавать память о блокаде? Если да, почему? Как? Предоставить это школе или говорить об этом дома?

Стоит ли отмечать блокадные даты? Если да, то как?

О чем, на ваш взгляд, нужно рассказывать о блокаде? Рассказывали ли вы о блокаде своим детям?

Что именно?

Если бы вы снимали фильм о блокаде, то о чем был бы этот фильм?

Образец договора, заключаемого с информантами Центром устной истории ЕУСПб

Центр устной истории

С 19 при Европейском университете в Санкт-Петербурге

Санкт-Петербург «» 2003 г.

Соглашение о безвозмездной передаче фонозаписи

1. Центр устной истории при Европейском университете в Санкт-Петербурге с выражением особой благодарности принял от:

Ф.И.О.: _____

Адрес: _____

Телефон: _____

С 19 фонозапись интервью по теме: **«Блокада Ленинграда в индивидуальной и коллективной памяти жителей города»**

2. Я подтверждаю, что безвозмездно передал в Центр устной истории при Европейском университете в Санкт-Петербурге фонозапись интервью для использования в учебных и академических целях. Я передаю Центру устной истории при Европейском университете в Санкт-Петербурге все права на фонозапись моего интервью, за исключением следующих

ограничений по использованию (если они есть):

3. Я поставлен в известность о том, что фонозапись и транскрибированная копия будут храниться в Центре устной истории при Европейском университете в Санкт-Петербурге для академического использования другими исследователями.

4. Я поставлен в известность о том, что при наличии вопросов в отношении исследовательского проекта я могу вступать в контакт с исследователем

С 193 Центра устной истории при Европейском университете в Санкт-Петербурге, 191187, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, д. 3; тел.: (812) 275 51 41.

Подписи сторон:

Интервьюер: Интервьюируемый:

Приложение 3

Публикации воспоминаний, дневников, писем и других документов личного происхождения, связанных с блокадой и обороной Ленинграда: материалы для библиографии (1985–2004)

Антонова Л.В. и др. Дети Ленинграда на Урале: Воспоминания, дневники, письма, документы о жизни на Урале детей, эвакуированных из Ленинграда во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Пермь, 2000.

Блокадная книга гимназии № 144: Страницы славы и бессмертия. СПб., 2002. Вып. 1–2.

Бобров М.М. Хранители ангела: Записки блокадного альпиниста. СПб., 2003.

Блокадные дневники и документы. СПб., 2004.

Боль памяти блокадной: Сб. воспоминаний жителей и защитников блокадного Ленинграда. Мытищи; Казаков, 2000.

Васильев В.В. Блокада – далекая и близкая. (Воспоминания участника обороны Ленинграда). [СПб., 1993].

Вишневский В.В. Ленинград: Дневник военных лет. М., 2002. Кн. 1–2.

Выстояли, победили: Ленинград – блокада – радио: Сб. статей и воспоминаний. СПб., 1994.

Голоса из блокады: Ленинградские писатели в осажденном городе (1941–1944). СПб., 1996.

Григорьев В.Г. Ленинград: Блокада, 1941–1942: Воспоминания. СПб., 2003.

Даев В.Г. С дистанции полувека: Очерк блокадного Ленинграда. СПб., 1998.

Дети и блокада: Воспоминания, фрагменты дневников, свидетельства очевидцев, документальные материалы. СПб., 2000.

Ильина Л.Л. В дни войны и блокады. СПб., 2001.

Каргин Д.И. Великое и трагическое: Ленинград, 1941–1942. СПб., 2000.

Комаров Н.Я., Куманев Г.А. Блокада Ленинграда, 1941–1944: 900 героических дней: Исторический дневник. М., 2004.

Кутыев Н.Ш. Великая Отечественная война в жизни ленинградского школьника. СПб.,

2003.

Ленинградская блокада 8.09.1941–27.01.1944 годов: (Глазами очевидцев). Омск, 1998. Кн. 1–2.

Ленинградская городская контора Госбанка в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945: Сб. воспоминаний и документов. СПб., 2000.

Максимова Т. Воспоминания о ленинградской блокаде. СПб., 2002.

Магаева С.В. Ленинградская блокада: психосоматические аспекты. М., 2001.

Михайлов Б.М. На дне блокады и войны: [Воспоминания]. СПб., 2000.

Михеева Л.К. Город, приговоренный к смерти. М., 2000.

Несломленные духом ленинградцы. Самара, 1999.

Обердербер Д. Блокада Ленинграда глазами очевидца. (По воспоминаниям очевидца обороны Ленинграда С.П. Евдокимовой). Омск, 2000.

Она защищала Ленинград. СПб., 2003.

Память: Письма о войне и блокаде. Л., 1985. Вып. 1–2.

Петров В.П. Записки блокадника. Рязань, 2003.

Ползикова-Рубец К.В. Дневник учителя блокадной школы (1941–1946). СПб., 2000.

Радио. Блокада. Ленинград: Сб. статей и воспоминаний. СПб., 2001.

Сайкин С.В. Родники милосердия. Иваново, 2001.

Седельникова З.С. 279 дней войны: Блокадный дневник. Волгоград, 1995.

Селиванов В.Н. Стояли как солдаты: Блокада. Дети. Ленинград. СПб., 2002.

Соловьева В.В. и др. Солдатские вдовы. СПб., 2000.

Сулис Б. «...Больше, чем воспоминания»: Письма ленинградских художников. СПб., 1993. Кн. 1–2.

Университет в блокадном и осажденном Ленинграде, 1941–1944: Сб. официальных документов, писем, фотографии и другого фактического материала. СПб., 1996.

Я помню... СПб., 1995.

900 блокадных дней. Новосибирск, 2004.

Литература

Адоньева 2002 / Адоньева С.Б. Ритуальные площадки // Адоньева С.Б. Категория настоящего времени: Антропологические очерки. СПб., 2002.

Азизян, Иванова 1976 / Азизян И.А., Иванова И.В. Памятники Вечной славы: Концепция и композиция. М., 1976.

Айвазова 1998 / Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. (Очерки политической теории и истории: Документальные материалы). М., 1998.

Аксютин 2003 / Аксютин Ю.В. «Оттепель» 1953–1964 годов и общественные настроения в СССР. М., 2003.

Амосов 1964 / Амосов Н.Н. Изменение численности и состава рабочих Ленинграда в годы блокады (1941–1943) // Вестник ЛГУ. № 14: Серия истории, языка и литературы. Вып. 3. Л., 1964.

Андерсон 1985 / Андерсон М.Ф. Вопросы охраны и использования военно-исторических памятников в свете Постановления ЦК КПСС «О 40-летию Победы Советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» // Памятники Великой Отечественной войны в патриотическом воспитании трудящихся. М., 1985.

Аникушин 1975 / Аникушин М. Боль и мужество // Аврора. 1975. № 5.

- Антонов 1963 / Антонов Н. Страницы героической летописи // Ленинградская правда. 1963.18 января.
- Архитектура 1958 / Архитектура и строительство Ленинграда. 1958. № 1.
- Архитектура 1960,1975 / Архитектура СССР 1960. № 11; 1975. № 5.
- Архитектурные проекты 1978 / Архитектурные проекты 1941–1945: Из истории советской архитектуры. М., 1978.
- Астафьева-Длугач, Сперанская 1989 / Астафьева-Длугач М.И., Сперанская В.С. Сергей Сперанский. Л., 1989.
- Бакунин 1993 / Бакунин А.В. Советский тоталитаризм: Генезис, эволюция, крушение. Екатеринбург, 1993.
- Бакушинский 1939 / Бакушинский А.А.
- Н. Андреев (1873–1932). М., 1939.
- Барабанов, Бережной 1995 / Барабанов В.Ф., Бережной А.Ф. Они сражались за родину: Универсанты в годы войны и в послевоенные годы: Документальные очерки. СПб., 1995.
- Барышников 2002 / Барышников Н.И. Блокада Ленинграда и Финляндия, 1941–1944. СПб.; Хельсинки, 2002.
- Беляев 1975 / Беляев А.Н. Местная противовоздушная оборона Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. Л., 1975.
- Блокада глазами очевидцев 2001,2003 / Блокада глазами очевидцев: Интервью с жителями Ленинграда 1940-х годов // Нестор. 2001. № 2; 2003. № 6.
- Блокада Ленинграда 2004 / Блокада Ленинграда, 1941–1944: Досье / Немецко-российский музей Берлин-Карлсхорст. Берлин, 2004.
- Блокада Ленинграда в документах 2004 / Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. М., 2004.
- Блокада рассекреченная 1995 / Блокада рассекреченная. СПб., 1995.
- Блокадные дневники 2004 / Блокадные дневники и документы. СПб., 2004.
- Боевое расписание 1999 / Боевое расписание войск Ленинградского военного округа – Северного и Ленинградского фронта 01.9.1939-27.9.1945. СПб., 1999.
- Бойм 2002 / Бойм С. Общие места. М., 2002.
- Бойцы 1949 / Бойцы вспоминают// Смена. 1949– 27 января.
- Булдаков 1997 / Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.
- Буллушев, Ганшин 1977 / Булушев П.М., Ганшин В.И. Подвигу твоему Ленинград. Л., 1977.
- Бурков 1997 / Бурков В.Г. Орденоносные города как явление советской наградной системы // Исторический источник: Человек и пространство: Тезисы докладов и сообщений научной конференции, Москва, 3–5 февраля 1997 г. [РГГУ].М., 1997.
- С. 305–307 [= http://liber.rsuh.ru/Conf/Istochnik_man/burkov.htm].
- Буров 1979 / Бурое А.В. Блокада день за днем. 22 июня 1941 – 21 января 1944. Л., 1979.
- Быков, Хренов 1950 / Быков И., Хренов И. Великая победа под Ленинградом // Ленинградская правда. 1950.27 января.
- Бычевский 1967/ Бычевский Б.В. Город-фронт. Л., 1967.
- Бэрг 1976 / Бэрг М.П. Устная история в Соединенных Штатах // Новая и новейшая история. 1976. № 6.
- Бюллетень ВАК 2003 / Бюллетень ВАК Министерства образования Российской Федерации. 2003. № 4.
- В годы суровых испытаний 1985 / В годы суровых испытаний: Ленинградская партийная в

Великой Отечественной войне. Л., 1985.

В наступлении 1949 / В наступлении // Смена. 1949. 27 января.

В огненном кольце 1963 / В огненном кольце: Воспоминания участников обороны города Ленина и разгрома немецко-фашистских захватчиков под Ленинградом. М., 1963.

В осажденном Ленинграде 1969 / В осажденном Ленинграде: Воспоминания участников героической обороны о борьбе с голодом и создании в условиях блокады продовольственных ресурсов. Л., 1969.

Ваксер 2001 / *Ваксер А.З.* Настроения ленинградцев послевоенного времени, 1945_1953 годы // Нестор. 2001. № 1.

Вальчук 1974 / *Вальчук Л.* Связь обеспечивал «Север» // Ленинградская правда. 1974.24 января.

Великая Отечественная война IV / Великая Отечественная война, 1941–1945: Военно-исторические очерки. М., 1999. Кн. IV: Народ и война.

Великая победа 1946 / Великая победа под Ленинградом // Смена. 1946.

27 января.

Вересов 1946 / *Вересов А.* В январе // Ленинградская правда. 1946. 27 января.

Викторов, Филатов 1947 / *Викторов Ю., Филатов К.* Поколение смелых // Смена. 1947.27 января.

Виноградов, Рябов 1986 / *Виноградов В.М., Рябов А.В.* «Устная история» и комплектование государственных архивов. Постановка проблемы // Актуальные проблемы советского архивоведения. М., 1986. С. 6–16.

Власть и оппозиция 1995 / Власть и оппозиция: Российский политический процесс XX столетия. М., 1995.

Володин 1997 / *Володин А.Н., Мерлай Н.М.* Медали СССР. СПб., 1997.

Вольхин 2003 / *Вольхин А.И.* Деятельность органов государственной безопасности Урала и Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Дис.... д-ра ист. наук / Уральский государственный университет им. А. М. Горького, 2003.

Воронин 1946 / *Воронин И.* Комсомольская доблесть // Смена. 1946. 27 января.

Воронов 1984 / *Воронов Н.* Советская монументальная скульптура, 1960–1980. М., 1984.

ВЧК-ОГПУ 1995 / ВЧК-ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства: 1921–1927 гг.: По информационным сводкам ВЧК-ОГПУ. Сыктывкар, 1995.

Гвоздиков 1948 / *Гвоздиков А.* Великая победа под Ленинградом // Вечерний Ленинград. 1948.26 января.

Гиляхов 2003 / *Гиляхов И.А.* Коллаборационистское движение среди тюркомусульманских военнопленных и эмигрантов в годы Второй мировой войны. Дис.... д-ра ист. наук / Казанский гос. университет им.

В.И. Ульянова-Ленина, 2003.

Гладких 1980 / *Гладких П.Ф.* Здравоохранение блокированного Ленинграда (1941–1943) – Л., 1980.

Говоров 1949 / *Говоров Л.А.* Разгром немцев под Ленинградом – победа сталинского военного руководства // Правда. 1949. 27 января.

Головань 1946 / *Головань И.* Они принимали орден // Ленинградская правда. 1946. 27 января.

Голос народа 1998 / Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1998.

Голявкин 1977 / *Голявкин В.* Три повести. М.: Детская литература, 1977.

Горяева 2002 / *Горяева Т.М.* Политическая цензура в СССР: 1917–1991 гг. М., 2002.

Государственный Комитет Обороны 2003 / «Государственный Комитет Обороны постановляет...»: Директивные документы ГКО СССР по обеспечению жизнедеятельности Ленинграда: 1941–1945 гг. // Исторический архив. 2003. № 2.

Данилов, Косулина 1995 / Данилов А.А., Косулина Л.Г. История России, XX век. М., 1995.

Девятко 2003 / Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. М., 2003.

Демосфенова, Нурок, Шантыко 1962 / Демосфенова Г., Нурок А., Шантыко Н. Советский политический плакат. М., 1962.

Дзенискевич 1975 / Дзенискевич А.Р. Военная пятилетка рабочих Ленинграда: 1941–1945 гг. Л., 1975.

Дзенискевич 1986 / Дзенискевич А.Р. Рабочие ленинградской промышленности накануне и в годы Великой Отечественной войны: 1938–1945 гг. Л., 1986.

Дзенискевич 1998а / Дзенискевич А.Р. Блокада и политика: Оборона Ленинграда в политической конъюнктуре. СПб., 1998.

Дзенискевич 1998б / Дзенискевич А.Р. Фронт у заводских стен: Малоизученные проблемы обороны Ленинграда (1941–1944). СПб., 1998.

Дзенискевич 2002 / Дзенискевич А.Р. На грани жизни и смерти: Работа медиков-исследователей в осажденном Ленинграде. СПб., 2002.

Дзенискевич и др. 1974 / Дзенискевич А.Р., Ковальчук В.М., Соболев Г.Л., Цамутали А.Н., Шишкин В.А. Непокоренный Ленинград: Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны. Л., 1974.

Дума 2000 / Дума занялась статусом блокадников // Невское время. 2000. 4 апреля. № 61 (2184).

Жестов 1946 / Жестов М. Торжество жизни // Ленинградская правда. 1946. 27 января.

Жизнь и смерть 2001 / Жизнь и смерть в осажденном Ленинграде: Историкомедицинский аспект: Материалы международной научной конференции 26–27 апреля 2001 года. СПб., 2001.

Жлобинская, Штерн 1990 / Жлобинская О.Н., Штерн А.С. Элементарная составляющая как единица спонтанной речи // Деривация в речевой деятельности. Пермь, 1990. С. 57–64.

Жуков I II / Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1974. Т. 1–2.

Зайцев 1985 / Зайцев А.К. Мемориальные ансамбли в городах-героях. М., 1985.

Запад 1996 / Запад глазами советского общества: Основные тенденции формирования внешнеполитических стереотипов в 30-х годах // Отечественная история. 1996. № 1.

Золотонос 2002 / Золотонос М.Н. Модернизм выше крыши // Дело. 2002. № 6 (июнь).

Зубкова 2000 / Зубкова Е. Послевоенное советское общество: Политика и повседневность: 1945–1953. М., 2000.

Зубкова 2003 / Зубкова Е.Ю. Общественные настроения в послевоенной России, 1945–1953 гг. Дис.... д-ра ист. наук / Институт российской истории РАН, 2003.

Иванов 1997 / Иванов В.А. Миссия ордена: Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х – 40-х гг. (на материалах Северо-Запада РСФСР). СПб., 1997.

Игрицкий 1993 / Игрицкий Ю.И. Меняющаяся Россия как предмет концептуального анализа // Отечественная история. 1993. № 1.

Из бронзы и мрамора 1965 / Из бронзы и мрамора. Л., 1965.

Измозик 1995 / Измозик В.С. Глаза и уши режима. (Государственный политический контроль за населением советской России в 1918–1928 годах). СПб., 1995.

Иконников 1985 / Иконников А. Искусство, среда, время. М., 1985.

Ильина 1973 / Ильина Т. А. Устное воспоминание – исторический источник (методика отбора и записи воспоминаний) // Советские архивы. 1973. № 2. С. 27–32.

- Инбер 1946 / *Инбер В.* Почти три года. (Ленинградский дневник). Л., 1946.
- Ингинен 1947 / *Ингинен А.* Наша правда взяла // Ленинградская правда. 1947. 27 января.
- История советского искусства I II / История советского искусства. М., 1965–1968. Т. 1–2.
- Йейтс 1997 / *Йейтс Ф.* Искусство памяти. СПб., 1997.
- Казанский 1985 / *Казанский М.* Ледовые дороги жизни // Наука и жизнь. 1985. № 5.
- Калинин, Юревич 1979 / *Калинин Б.Н., Юревич П.П.* Памятники и мемориальные доски Ленинграда: Справочник / 3-е изд. Л., 1979.
- Карасев 1956 / *Карасев А.В.* Документальные материалы о трудящихся Ленинграда в годы блокады // Исторический архив. 1956. № 6.
- Карасев 1959 / *Карасев А.В.* Ленинградцы в годы блокады, 1941–1943. М., 1959.
- Квале 2003 / *Квале С.* Исследовательское интервью. М., 2003.
- Кетлинская 1946 / *Кетлинская В.* Мост в будущее // Ленинградская правда. 1946. 27 января.
- Кислицын 1991 / *Кислицын Н.* Ленинград не сдается. М., 1991.
- Клеберг 1997 / *Клеберг Л.* Язык символов революций // Лотмановский сборник. М., 1997. Вып. 2.
- Клюевская, Курбатов 1963 / *Клюевская К., Курбатов К.* Этой славе жить в веках // Ленинградская правда. 1963. 18 января.
- Князев 1952 / *Князев С.* Великая победа Советских войск под Ленинградом // Ленинградская правда. 1952. 27 января.
- Князев и др. 1965 / *Князев С.П., Стрешинский М.П., Франтишев И.М., Швердалкин П.Р., Яблочкин Ю.Н.* На защите Невской твердыни: Ленинградская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Л., 1965.
- Ковальчук 1977 / *Ковальчук В.М.* Ленинград и Большая земля. Л., 1977.
- Ковальчук 2001 / *Ковальчук В.М.* Магистрали мужества. СПб., 2001.
- Ковальчук, Соболев 1965 / *Ковальчук В.М., Соболев Г.Л.* Ленинградский реквием: О жертвах населения в Ленинграде в годы войны и блокады // Вопросы истории. 1965. № 12.
- Коляда 1990 / *Коляда В.А.* ЦГАЗ СССР и устная история // Советские архивы. 1990. № 6. С. 25–30.
- Комаров, Куманев 2004 / *Комаров Н.Я., Куманев Г. А.* Блокада Ленинграда: 900 героических дней: 1941–1944: Исторический дневник. Комментарии. М., 2004.
- Костин 1944 / *Костин А.* Печать Ленинграда в дни войны // Пропаганда и агитация. 1944. № 7–8.
- Кочаков, Левин, Предтеченский 1941 / *Кочаков Б.М., Левин Ш.М., Предтеченский А.В.* Великое народное ополчение. М.; Л., 1941.
- Крикунов 2004 / *Крикунов К.К.* Ты. СПб., 2004.
- Крюковских 2000 / *Крюковских А.П.* К истории второй попытки прорыва блокады Ленинграда осенью 1941 года // Новый часовой: Русский военно-исторический журнал. 2000. № ю. С. 123–137.
- Крюковских 1998 / *Крюковских А.П.* Оборона Ленинграда: Сентябрь сорок первого // Новый часовой. 1998. № 6/7. С. 147–163.
- Крюковских 1988 / *Крюковских А.П.* Во имя победы: Идеологическая работа Ленинградской партийной организации в годы Великой Отечественной войны. Л., 1988.

- Кугурушев 1950 / *Кугурушев А.* Победа сталинской военной науки // Вечерний Ленинград. 1950.27 января.
- Кузнецов 1993 / *Кузнецов И.С.* Генезис тоталитаризма в России: Социально-политический аспект. Новосибирск, 1993.
- Кузнецов 1995 / *Кузнецов И.С.* Советский тоталитаризм: очерк психоистории. Новосибирск, 1995.
- Кулагин 1978 / *Кулагин Г.* Дневник и память. Л., 1978.
- Лебина 1999 / *Лебина П.Б.* Повседневная жизнь советского города, 1920–1930 годы. СПб., 1999.
- Ленинград в Великой Отечественной войне I II / Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза: Сборник документов и материалов. Л., 1944–1947– Т. 1–2.
- Ленинград в осаде 1995 / Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны, 1941–1944. СПб., 1995.
- Ленинградская эпопея 1995 / Ленинградская эпопея: Организация обороны и население города. СПб., 1995.
- Ленинградское дело 1990 / «Ленинградское дело»: [Сборник / Сост. В.И. Демидов, В.А. Кутузов]. Л., 1990.
- Ленинградцы 1947 / Ленинградцы в дни блокады. Л., 1947.
- Ломагин 2001 / *Ломагин Н.А.* В тисках голода: Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб и НКВД. СПб., 2001.
- Ломагин 2004 / *Ломагин Н.* Ленинград во время блокады // Блокада Ленинграда, 1941–1944: Досье / Немецко-российский музей Берлин-Карлсхорст. Берлин, 2004. С. 19–31.
- Лоскутова 2003 / *Лоскутова М.В.* Введение // Хрестоматия по устной истории. СПб., 2003. С. 5–31.
- Маграчев 1958 / *Маграчев Л.* В грозные дни // Ленинградская правда. 1958.18 января.
- Макаров 2003 / *Макаров М.* Основы теории дискурса. М., 2003.
- Малинина 1991 / *Малинина Т.Г.* Тема памяти в архитектуре военных лет: Выставки и конкурсные проекты. М., 1991.
- Манаков 1967 / *Манаков Н.А.* Экономика Ленинграда в годы блокады // Вопросы истории. 1967. № 5.
- Маньков 2001 / *Маньков А.Г.* Дневники 30-Х ГОДОВ. СПб., 2001.
- Мать Пирчюписа 1964 / Мать Пирчюписа: Памятник жертвам фашизма. М.; Л., 1964.
- Мау 1993 / *Мау В.* Реформы и догмы, 1914–1924: Очерки истории становления хозяйственной системы советского тоталитаризма. М., 1993.
- Международное положение 1996 / Международное положение глазами ленинградцев, 1941–1945. СПб., 1996.
- Мерецков 1968 / *Мерецков К.А.* На службе народу: Страницы воспоминаний. М., 1968.
- Меркурьев 1947 / *Меркурьев В.* Битва на Неве // Смена. 1947.18 января.
- Мещеркина 2001 / *Мещеркина Е.Ю.* Качественные методы в гендерной социологии // Гендерный калейдоскоп. М., 2001.
- Мещеркина 2002 / *Мещеркина Е.* Как стать баронессой // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2002. № 1.
- Мещеркина 2003 / *Мещеркина Е.Ю.* Послесловие: Продолжение устной истории // Томпсон П. Голос прошлого: Устная история. М., 2003.
- Михайлова, Журавлева 1983 / *Михайлова Р.Ф., Журавлева А.А.* Величие и подвигу человека. Л., 1983.
- Монумент 1980 / Монумент героическим защитникам Ленинграда в годы Великой

Отечественной войны 1941–1945 гг. Л., 1980.

Монументальные ансамбли 1984 / Монументальные ансамбли Ленинграда. Л., 1984.

На возрожденной земле 1949 / На возрожденной земле // Ленинградская правда. 1949. 27 января.

На дороге Жизни 1949 / На дороге Жизни // Смена. 1949. 27 января.

На корме времени 2000 / На корме времени: Интервью с ленинградцами 1930-Х ГОДОВ. СПб., 2000.

На орденоносном заводе 1946 / На орденоносном заводе // Ленинградская правда. 1946. 27 января.

Невыдуманные рассказы 1999 / Невыдуманные рассказы // Невское время. 1999. 27 января.

Незабываемый Ленинград 1964 / Незабываемый Ленинград // Ленинградская правда. 1964. 23 января.

Неизвестная блокада 2002 / Неизвестная блокада: Ленинград, 1941–1944: Фотоальбом. СПб., 2002.

Непокоренный Ленинград 1970 / Непокоренный Ленинград: Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны.

Л., 1970.

Непокоренный Ленинград 1985 / Непокоренный Ленинград: Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны. Л., 1985.

Никитина 1990 / *Никитина Д.* Проблемы устной истории: На VII Международной конференции // История СССР. 1990. № 6. С. 210–216.

Никонова 1997 / *Никонова О.* Общество жителей блокадного Ленинграда закрыто на переучет? // Невское время. 1997. № 174 (1577). 25 сентября.

Ничье старичье 2001 / Ничье старичье // Смена. 2001. 27 января.

О Блокаде 2004 / О Блокаде Ленинграда в России и за рубежом: Сб. статей и документов. СПб., 2004.

Оборона 1968/ Оборона Ленинграда:

1941–1944: Воспоминания и дневники участников. Л., 1968.

Общество и власть 1998 / Общество и власть: 1930-е годы: Повествование в документах. М., 1998.

Одинцов 1947 / *Одинцов Г.* Прорыв блокады // Ленинградская правда. 1947.

17 января.

Окроков 2003 / *Окроков А.В.* Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. Дис.... д-ра ист. наук / Военный университет МО РФ, 2003.

Осокина 1998/ *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941 гг. М., 1998.

Очерки истории Ленинграда V / Очерки истории Ленинграда: Период Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945 гг. Л., 1967. Т. 5.

Очерки истории Ленинградской организации ВЛКСМ 1969 / Очерки истории Ленинградской организации ВЛКСМ. Л., 1969.

Очерки истории Ленинградской организации КПСС II / Очерки истории Ленинградской организации КПСС. Л., 1968. Ч. II.

Очерки истории Ленинградской организации КПСС 1980 / Очерки истории Ленинградской организации КПСС: В 3 т. Л., 1980. Т. II.

Павлов 1983 / *Павлов Д.В.* Ленинград в блокаде. М., 1983.

Пантелеев 1984 / *Пантелеев Л.* Кожаные перчатки // Ленинградская правда. 1984. 27

января.

Пароль 1962 / Пароль: Победа! // Ленинградская правда. 1962.18 января.

Петер 2004 / *Петер Я.* Война Германии на уничтожение советской метрополии // Блокада Ленинграда: 1941–1944: Досье / Немецко-российский музей Берлин-Карлсхорст. Берлин, 2004. С. 7–18.

Пилявский, Тиц, Ушаков 1984 / *Пилявский В.И., Тиц А.А., Ушаков Ю.С.* История русской архитектуры. Л., 1984.

Писаревская, Ляшенко 1989 / *Писаревская Я.Л., Ляшенко Е.А.* Устная история: Первый опыт обобщения некоторых результатов научной экспедиции по изучению причин и последствий голода 1932–1933 гг. в районах Кубани // Архивы СССР: История и современность: Межвуз. сб. научных трудов. М., 1989.

Письма во власть 1998 / Письма во власть, 1917–1927. М., 1998.

По местам боев 1947 / По местам боев // Вечерний Ленинград. 1947. 27 января.

Подвиг века 1969 / Подвиг века. Л., 1969.

Подвига славная годовщина 1960 / Подвига славная годовщина // Ленинградская правда, 1960. 27 января.

Подписал ли губернатор 2001 / Подписал ли губернатор // Санкт-Петербургские Ведомости. 2001.1 марта.

№ 39 (2429).

Польман 2000 / *Польман Х.* Волхов: 900 дней боев за Ленинград, 1941–1944. М., 2000.

Поляков 1999 / *Поляков Ю.А.* О массовом сознании в годы войны // Историческая наука: Люди и проблемы. М., 1999.

Полякова 1982 / *Полякова П.* Скульптура и пространство. М., 1982.

Привалов 1958 / *Привалов К.* Бессмертный подвиг // Ленинградская правда. 1958.18 января.

Прохватилов 1950 / *Прохватилов А.* Знаменательная дата // Ленинградская правда. 1950.27 января.

Пятилетие 1949 / Пятилетие Великой победы под Ленинградом // Ленинградская правда. 1949. 28 января.

Разумова 2001 / *Разумова И.А.* Потаенное знание русской семьи: Быт. Фольклор. История. М., 2001.

Ревзин 1994 / *Ревзин Г.И.* Картина мира в архитектуре: «Космос и история» // Вопросы искусствознания. 1994. Вып. 2/3.

Революция 1997 / Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997.

Рожанский 1990 / *Рожанский М.Я.* «Устная история» – философия памяти // Общественные науки. 1990. № 6.

С.141–150.

Розенталь 2003 / *Розенталь Г.* Реконструкция рассказов о жизни: Принципы отбора, которыми руководствуются рассказчики в биографических нарративных интервью // Хрестоматия по устной истории. СПб., 2003. С. 322–355.

Российская повседневность 1995 / Российская повседневность, 1921–1941 гг.: Новые подходы. СПб., 1995.

Рубашкин 1980 / *Рубашкин А.И.* Голос Ленинграда. Л., 1980.

Рубашкин 1996 / *Рубашкин А.* О подвиге и трагедии Ленинграда. (Размышления о «блокадной» литературе) // Голоса из блокады: Ленинградские писатели в осажденном городе (1941–1944). СПб., 1996.

Садовский 1947 / *Садовский А.* Девушка с соколом // Вечерний Ленинград. 1947. 27

января.

Санкт-Петербург 2003 / Санкт-Петербург. 300 лет истории. СПб., 2003.

Сборник 1944 / Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени, 1942-1943– Л., 1944.

Севбо 1969 / *Севбо И.П.* Структура связного текста и автоматизация реферирования. М., 1969.

Селиванов 2002 / *Селиванов В.Н.* Стояли как солдаты: Блокада. Дети. Ленинград. СПб., 2002.

Семенов 1949 / *Семенов П.* В те дни // Смена. 1949– 27 января.

Сенявская 1995 / *Сенявская Е.С.* 1941–1945: Фронтовое поколение. М., 1995.

Сенявская 2002 / *Сенявская Е.С.* Военно-историческая антропология – новая отрасль исторической науки // Отечественная ИСТОРИЯ. 2002. № 4. С. 135–144.

Сергей Орлов 1946 / Сергей Орлов в дни войны и в дни мира // Вечерний Ленинград. 1946. 27 января.

Симоняк 1946 / *Симоняк Н.* Славная победа // Ленинградская правда. 1946.

27 января.

Сирота 1960 / *Сирота Ф.И.* Город-герой. Л., 1960.

Соболев 1965 / *Соболев Г.Л.* Ученые Ленинграда в годы блокады, 1941–1943 // Исторические записки. Л., 1965.

Т. 75.

Соболев 1966 / *Соболев Г.Л.* Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. М.; Л., 1966.

Собрание 2004 / Собрание законодательства Российской Федерации: Ежегод. офиц. изд. Администрации Президента Российской Федерации. М., 2004. № 1.

Советская власть 2003 / Советская власть – народная власть? Очерки истории народного восприятия советской власти в СССР. СПб., 2003.

Советская деревня I / Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД: Документы и материалы. М., 1998. Т. 1: 1918–1922 годы.

Советская повседневность 2003 / Советская повседневность и массовое сознание, 1939–1945. М., 2003.

Соколов 1969 / *Соколов А.* Бойцы внутреннего фронта// Ленинградская правда. 1969. 24 января.

Соловьев 1880 / *Соловьев Д.Н.* Пятидесятилетие Санкт-Петербургской Первой гимназии, 1830–1880. СПб., 1880.

Солсбери 2000 / *Солсбери Г.* 900 дней: Блокада Ленинграда. М., 2000.

Сталин 1945 / *Сталин И.В.* Приказ Верховного Главнокомандующего 1 мая 1945 года. М., 1945.

Старков, Кан 1947 / *Старков А., Кан И.* Солдат Ленинграда // Вечерний Ленинград. 1947. 27 января.

Страна Ленинграду 2002 / Страна Ленинграду) 1941-1945: Сборник документов. СПб.; Кишинев, 2002.

Строительство 1960,1962,1975-7,1975 и, 1977) 1978 / Строительство и архитектура Ленинграда, 1960. № и; 1962. № 7; 1975. № 7,11.1977. № 8. 1978. № 5.

Сурис I / *Сурис Б.* «.. .Больше, чем воспоминанья»: Письма ленинградских художников: В 2 кн. СПб., 1993. Кн. 1.

Там, где шли бои 1947 / Там, где шли бои // Вечерний Ленинград. 1946. 27 января.

Терстон 1995 / *Терстон Р.* Вежливость и власть на советских фабриках и заводах:

- Достоинство рабочих 1935–1941 гг. // Российская повседневность: 1921–1941 гг.: Новые подходы. СПб., 1995. С. 59–67.
- Тихонов 1943 / *Тихонов Н.С.* Героическая защита Ленинграда. М., 1943.
- Тихонов 1963 / *Тихонов Н.* Заря над Невой // Ленинградская правда. 1963. 18 января.
- Товарищ Сталин 1951 / Товарищ Сталин – вдохновитель и организатор Великой победы под Ленинградом // Ленинградская правда. 1951. 26 января.
- Томпсон 2003а / *Томпсон П.* Голос прошлого. Устная история. М., 2003.
- Томпсон 2003б / *Томпсон П.* Семейный миф, модели поведения и судьба человека // Хрестоматия по устной истории. СПб., 2003. С. 110–145.
- Топоров 1995 / *Топоров В.Н.* О динамическом контексте «трехмерных» произведений изобразительного искусства // Лотмановский сборник. М., 1995. Вып. 1.
- Торжество 1950 / Торжество сталинского военного искусства // Смена. 1950. 27 января.
- Торжествующая жизнь 1948 / Торжествующая жизнь // Ленинградская правда. 1948. 27 января.
- Тоталитаризм 1989 / Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989.
- Тоталитаризм и социализм 1990 / Тоталитаризм и социализм. М., 1990.
- Трифопова 1960 / *Трифопова Л.П.* Андреев. М., 1960.
- Трукан 1994 / *Трукан Г.А.* Путь к тоталитаризму, 1917–1929. М., 1994.
- Уродков 1958 / *Уродков С.А.* Эвакуация населения Ленинграда 1941–1942 гг. // Вестник Ленинградского университета. 1958. № 2.
- УРСУ1989/ *Урсуд.П.* Методологические проблемы устной истории // Источниковедение отечественной истории. 1989. М., 1989. С. 3–32.
- Утехин 2001 / *Утехин И.* Очерки коммунального быта. М., 2001.
- Утехин 2004 / *Утехин И.* Из наблюдений над поэтикой жалобы // *Stadia Ethnologica* СПб., 2004 [= Труды факультета этнологии ЕУ СПб. Вып. 2]. С. 274–305.
- Фадеев 1944 / *Фадеев А.* Ленинград в дни блокады. М., 1944.
- Федорова 1962 / *Федорова З.* Страницы, написанные под огнем // Ленинградская правда. 1962. 27 января.
- Филатов 1965 / *Филатов В.П.* Ленинградская милиция в период обороны города (1941–1944). М., 1965.
- Франция-Память 1999 / Франция-Память. СПб., 1999.
- Фриш 2003 / *Фриш М.* Устная история и книга Стадса Теркеля «Тяжелые времена» // Хрестоматия по устной истории. СПб., 2003. С. 52–65.
- Фролов 2001 / *Фролов М.Н.* Заболеваемость и смертность эвакуированных по пути от Ленинграда до Костромы // Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде: Историко-медицинский аспект. СПб., 2001.
- Хасс 2004 / *Хасс Г.* Немецкая историография блокады Ленинграда (1941–1944) // О Блокаде Ленинграда в России и за рубежом. СПб., 2004.
- Хаттон 2003 / *Хаттон П.* Роль памяти в историографии Французской революции // Хрестоматия по устной истории. СПб., 2003. С. 356–375.
- Холмс 1994 / *Холмс Л.* Социальная история России. Ростов-на-Дону, 1994.
- Хубова 1997 / *Хубова Д.Н.* Устная история: «Verba volant»: Метод: Пособие. М., 1997.
- Худакова 1958 / *Худакова НД.* За жизнь ленинградцев. Л., 1958.
- Худакова 1960 / *Худакова НД.* Вся страна с Ленинградом. Л., 1960.
- Челлини 1998 / *Челлини Б.* Жизнь Бенвенуто Челлини. М., 1998.

- Черта 1965 / Черта города// Ленинградская правда. 1965.27 января.
- Шагинян 1947 / *Шагинян М.* Возрождение завода // Ленинградская правда. 1947.27 января.
- Шинкарук 1995 / *Шинкарук С.А.* Общественное мнение в Советской России в 30-е гг. (По материалам Северо-Запада). СПб., 1995.
- Шумилов 1974 / *Шумилов НД.* В дни блокады. М., 1974.
- Эренбург 1949 / *Эренбург И.* Наша гордость // Ленинградская правда. 1949– 27 января.
- Я плакала 1999 / Я плакала от голода и жалости // Невское время. 1999. 27 января.
- Яблочкин 1966 / *Яблочкин Ю.* Стойкость, невиданная в веках// Ленинградская правда. 1966. 27 января.
- 900 героических дней 1966 / 900 героических дней: Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1945 гг. М.; Л., 1966.
- Accusatory Practices 1997/ Accusatory Practices. Chicago, 1997.
- Alexopoulos 1998 / *Alexopoulos G.* Portrait of a Con Artist as a Soviet Man // Slavic Review 1998. Vol. 57. № 4. P. 774–790.
- Alexopulos 1997 / *Alexopulos G.* Exposing Illegality and Oneself: Complaint and Risk in Stalin's Russia // Reforming Justice in Russia, 1864–1996: Power, Culture and the Limits of Legal Order / Ed. by P.H. Solomon, Jr. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 1997.
- Andrle 1988 / *Andrle V.* Workers in Stalin's Russia Brighton, 1988.
- Andrle 1992 / *Andrle V.* Demon's and Devil's Advocates: Problems in Historical Writing on the Stalin Era // Stalinism: Its Nature and Aftermath: Essays in Honor of Moshe Lewin / Ed. by N. Lampert, G.T. Rittersporn. Ar-monk, N.Y.: M.E. Sharpe, 1992.
- Arendt 1958 / *Arendt H.* The Origins of Totalitarianism / 2d ed. N.Y., 1958.
- Barber 1991 / *Barber J.* Popular Reactions in Moscow to the German Invasion of June 22, 1941 // Soviet Union / Union Sovietique. 1991. Vol. 18. № 1/3. P. 5–18.
- Barber, Harrison 1991 / *Barber J., Harrison M.* The Soviet Home Front, 1941–1945: A Social and Economic History of the USSR in World War II. N.Y., 1991.
- Bauer, Gleicher 1953 / *Bauer R., Gleicher D.* Word-of-Mouth Communication in the Soviet Union // Public Opinion Quarterly. 1953. Vol. 17. № 3. P. 297–310.
- Bauer, Inkeles, Kluckhohn 1960 / *Bauer R.A., Inkeles A., Kluckhohn C.* How the Soviet System Works: Cultural, Psychological, and Social Themes. N. Y., 1960.
- Bertelsmann 1990 / *Bertelsmann J.* Aus Skizzenbüchern und Briefen an seine Frau. Nordrußland, vom 22.6.1941-28.5.1942. [S.1.], 1990.
- Bidlack 1991 / *Bidlack R.* Workers at War: Factory Workers and Labor Policy In the Siege of Leningrad. Pittsburgh, 1991 [= The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. № 902.].
- Bonnell 1997/ *Bonnelle E.* Iconography of Power: Political Posters under Lenin and Stalin. Los Angeles; London, 1997.
- Boym 1994 / *Boym S.* Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia Cambridge; London, 1994.
- Brody 1994 / *Brody R.J.* All for the Front? Party Authority, Popular Values and the Soviet Civilian Experience of World War II. Dissertation for the degree of Doctor of Philosophy (History). University of Michigan, 1994.
- Buchli 1999 / *Buchli V.* An Archeology of Socialism: Materializing Culture. Oxford, 1999.

- Buff 2000 / *Buff W.* Kriegstagebuch Ost.
29 September 1941 – 1 September 1942. Volksbund Deutsche Kriegs-gräberfürsorge. Kassel, 2000.
- Colton 1995 / *Colton T.* Moscow: Governing the Soviet Metropolis. Cambridge, 1995.
- Contending with Stalinism 2002 / Contending with Stalinism: Soviet Power and Popular Resistance in the 1930s. N.Y., 2002.
- Cookson 2001 / *Cookson C.* Body and Mind:
Hunger, horror and heroism: The Nature of Things // Financial Times.
2001.28 July.
- Culture 1995 / Culture and Entertainment in Wartime Russia Indiana, 1995.
- Danmore 2001 / *Danmore H.* The Siege: A Novel. N.Y., 2001.
- Davis 1997 / *Davis S.* Popular Opinion in Stalin's Russia: Terror, Propaganda, and Dissent, 1934–1941. Cambridge, 1997.
- Der Feldzug 1941–1943 / Der Feldzug gegen die Sowjetunion. Operationsplan der Heeresgruppe Nord für das Kriegsjahr 1941 (ebenso 1942; 1943) // Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg (BAMA). Bestand Heeresgruppe Nord: RH 19 III / 661, 663.
- Dreyfus 1982 / *Dreyfus H.L.* Michel Foucault: Beyond Structuralism and Hermeneutics. Chicago, 1982.
- Durch die innere Befestigungslinie 1941 / Durch die innere Befestigungslinie von Leningrad. 1-12. September 1941 // Militärwissenschaftliche Rundschau / Hrsg. von Generalstab des Heeres, 6. Jg. Berlin, 1941. S. 353–358.
- Fainsod 1958 / *Fainsod M.* Smolensk under Soviet Rule. Cambridge, Mass., 1958.
- Fall 12 1960 / Fall 12: Das Urteil gegen das Oberkommando der Wehrmacht, gefällt am 28. Oktober 1948 in Nürnberg vom Militärgerichtshof 5 d. Vereinigten Staaten von Amerika Berlin, 1960.
- Filtzer 1986 / *Filtzer D.* Soviet Workers and Stalinist Industrialization: The Formation of Modern Soviet Production Relations, 1928–1941. London, 1986.
- Fischer 1982 / *Fischer W.* Time and Chronic Illness: A Study of Social Constitution of Temporality: Habilitation Thesis. Berkeley, 1982.
- Fitzpatrick 1994 / *Fitzpatrick S.* Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. N.Y., 1994.
- Fitzpatrick 1996 / *Fitzpatrick S.* Supplicants and Citizens: Public Letter-Writing in Soviet Russia in the 1930s // Slavic Review. 1996. Vol. 55. № 1. P. 78–105.
- Flick, рукопись / *Flick W.* Erinnerungen, 1921–1949. Рукопись.
- Foucault 1980 / *Foucault M.* Power-Knowledge: Selected Interviews and other Writings, 1972–1977. N.Y., 1980.
- Foucault Reader 1984 / The Foucault Reader. N.Y., 1984.
- Fridrich, Brzezinski 1956 / *Fridrich C., Brzezinski Z.* Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge, 1956.
- Frisch 1979 / *Frisch M.* Oral History and Hard Times // Oral History Review. 1979. Vol. 7. R 70–79.
- Getty 1999 / *Getty J.* A Samokritika Rituals in the Stalinist Central Committee, 1933–1938 // Russian Review. Vol. 58. № 1 (January 1999). P. 49–70.
- Glantz 2001 / *Glantz D.M.* The Siege of Leningrad, 1941–1944: 900 Days of Terror. Osceola, 2001.
- Goure 1962 / *Goure L.* The Siege of Leningrad. Stanford; London, 1962.
- Greimas 1966 / *Greimas A.-J.* Semantique structural: Recherche de methode. Paris, 1966.
- Halbwachs 1950 / *Halbwachs M.* Collective Memory. N.Y., 1950. P. 78–87.

Halbwachs 1992 / *Halbwachs M.* On Collective Memory. Chicago, 1992.

Halfin 2000 / *Halfin I.* From Darkness to Light: Class, Consciousness and Salvation in Revolutionary Russia Pittsburgh, 2000.

Halfin, Hellbeck 1996 / *Halfin I., Hellbeck J.* Rethinking the Stalinist Subject: Stephen Kotkin's 'Magnet Mountain' and the State of Soviet Historical Studies // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 1996. Bd. 44.

Harvard Project I/7, III/25, IV/30, IV/41 / Harvard University. Davis Center for Russian and Eurasian Studies. Harvard Project on the Soviet social system [conducted by] the Russian Research Center: Harvard University. A schedules. Vol. I. № 7; Vol. III. № 25; Vol. IV. № 30; Vol. IV. № 41.

Haupt 1966 / *Haupt W.* Heeresgruppe Nord:

Der Kampf im Nordabschnitt der Ostfront 1941–1945. Podzun, 1966.

Haupt 1980 / *Haupt W.* Leningrad: Die 900-Tage-Schlacht, 1941–1944. Podzun, 1980.

Hellbeck 1996 / *Hellbeck J.* Fashioning the Stalinist Soul // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1996. Bd. 44.

Hellbeck 2000 / *Hellbeck J.* Speaking Out: Language of Affirmation and Dissent in Stalinist Russia// *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2000. Vol. 1 № 1. P. 71–96.

Hessler 2000 / *Hessler J.* The Stalinist Turn towards Consumerism// *Stalinism: New Directions* / Ed. by Sh. Fitzpatrick. London, 2000.

Heysing 1944 / *Heysing G.* Nordpfeiler der Ostfront. Berlin, 1944.

Hobsbawm 1978 / *Hobsbawm E.* Man and Woman in Socialist Iconography// *History Workshop: A Journal of Socialist Historians*. 1978. № 6. P. 121–138.

Hoffman 1991 / *Hoffman D.L.* Peasant Metropolis: Social Identities in Moscow, 1929–1941. Ithaca; N.Y., 1991.

Holmes 1997 / *Holmes L.E.* Part of History: the Oral Record and Moscow's Model School no. 25, 1931–1937 // *Slavic Review*. 1997. Vol. 56. № 2. P. 279–306.

Intimacy and Terror 1995 / *Intimacy and Terror: Soviet Diaries of the 1930s*. N.Y., 1995.

Kallmeyer, Schütze 1977 / *Kallmeyer W., Schütze F.* Zur Konstitution von Kommunikations Schemata // *Gesprächsanalyse* / Hrsg. von D. Wegner. Hamburg, 1977.

Kampf um Leningrad 1943 / Kampf um Leningrad, herausgegeben von der 18. Armee im Dezember 1943. Als Manuskript gedruckt in Reval // *Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg (BA-MA)*. RH 20–18 / 194.

Kenez 1985 / *Kenez P.* The Birth of the Propaganda State: Soviet Methods of Mass Mobilisation, 1917–1929. Cambridge, 1985.

Kharkhordin 1999 / *Kharkhordin O.* Collective and the Individual in Russia Berkeley, 1999.

Kotkin 1995 / *Kotkin S.* Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley, 1995.

Kotkin 1998 / *Kotkin S.* Review on "Popular Opinion in Stalin's Russia: Terror, Propaganda, and Dissent, 1934–1941" // *Europe-Asia Studies*. 1998. Vol. 50. № 4. P. 739–742.

Labov, Waletzky 1997 / *Labov W., Waletzky J.*

Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience // *Oral Versions of Personal Experience: Three Decades of Narrative Analysis*. Special Volume of *Journal of Narrative and Life History*. 1997. Vol. 7. P. 3–38.

Linde 1993 / *Linde Ch.* Life stories: The creation of coherence. N.Y.; Oxford, 1993.

Lovell, Ledeneva, Rogachevskii 2000 / *Lovell S., Ledeneva A. V., Rogachevskii A.* Bribery and Blat in Russia: Negotiating Reciprocity from the Middle Ages to the 1990s. London, 2000.

- Malia 1992 / *Malia M.* From under the Rubble, What? // *Problems of Communism*. 1992. Vol. 41. № 1 (January-April). P. 89-105.
- Molotov Notes 1942 / *The Molotov Notes on German Atrocities: Notes sent by V.M. Molotov, People's Commissar for Foreign Affairs, to all Governments with which the USSR has diplomatic relations*. London, 1942.
- Moskoff 1990 / *Moskoff W.* The Bread of Affliction: The Food Supply in the USSR During World War II. Cambridge, 1990.
- Niethammer 1995 / *Niethammer L.* Zeroing in on change // *The history of everyday life*. Princeton, 1995.
- Oevermann 1980 / *Oevermann U.* Zur Logik der Interpretation von Interviewtexten // *Interpretationen einer Bildungsgeschichte* / Hrsg. von Th. Heintze, H. W. Klusemann, H.-G. Soeffner. Bensheim, 1980. S. 15–69.
- Oevermann et al. 1979 / *Oevermann U., Allert T., Konaß E., Krambeck J.* Die Methodologie einer "objektiven Hermeneutik" und ihre allgemeine forschungslogische Bedeutung in den Sozialwissenschaften // *Interpretative Verfahren in den Sozial- und Textwissenschaften* / Hrsg. von H.-G. Soeffner. Stuttgart, 1979. S. 352–434.
- Oral history 1996 / *Oral history: An interdisciplinary anthology* / 2d ed. London, 1996.
- Osokina 2001 / *Osokina E.* Our Daily Bread: Socialist Distribution and the Art of Survival on Stalin's Russia, 1927–1941. N.Y., 2001.
- Passerini 1987 / *Passerini L.* Fascism in Popular Memory. Cambridge: Cambridge University Press; Editions de la Maison des Sciences de l'Homme, 1987.
- Pohlman 1962 / *Pohlman H.* Wolchow: 900 Tage Kampf um Leningrad, 1941–1944. Podzun, 1962.
- Portelli 1991 / *Portelli A.* The Death of Luigi Trastulli: Memory and the Event // *Portelli A The Death of Luigi Trastulli and Other Stories: Form and Meaning in Oral History*. Albany, 1991. P. 1–26.
- Ransel 2000 / *Ransel D.L.* Village Mothers: Three Generations of Change in Russia and Tataria. Bloomington, 2000.
- Reau 1938 / *Reau L.* L'Europe Française au siècle des Lumières. Paris, 1938.
- Reau 1994 / *Reau L.* Histoire du vandalisme. Paris, 1994.
- Rimmel 1999 / *Rimmel L.A.* Svodki and Popular Opinion in Stalinist Leningrad // *Cahiers du monde russe*. 1999. Vol. 40. № 1/2. P. 217–254.
- Rosenthal 1989 / *Rosenthal G.* May 8th, 1945: The Biographical Meaning of a Historical Event // *International Journal of Oral History*. 1989. № 10 (3). P. 183–192.
- Rosenthal 1993 / *Rosenthal G.* Reconstruction of Life Stories: Principles of Selection in Generating Stories for Narrative Biographical Interviews // *Narrative Study of Lives*. Sage, 1993. Vol. 1. P. 59–91.
- Rosenthal 1995 / *Rosenthal G.* Erlebte und erzählte Lebensgeschichte: Gestalt und Struktur biographischer Selbstbeschreibungen. Frankfurt am Main; N.Y., 1995.
- Sachs 1943 / *Sachs G.* Südlich des Ilmensees. Ein Kriegsbericht. Berlin, 1943.
- Sacks 1992 / *Sacks H.* Lectures on conversation. Cambridge, MA, 1992. Vol. I.
- Schama 1996 / *Schama S.* Landscape and Memory. London, 1996.
- Schlacht am Wolchow 1942 / *Schlacht am Wolchow* / Hrsg. von der Propaganda-Kompanie einer Armee. Riga, 1942.
- Schütze 1977 / *Schütze F.* Die Technik des narrativen Interviews in Interaktionsfeldstudien – dargestellt an einem Projekt zur Erforschung von kommunalen Machtstrukturen. Bielefeld: Fakultät

für Soziologie an der Universität Bielefeld, 1977.

Schütze 1983/ *Schütze F.* Biographieforschung und narratives Interview // Neue Praxis. 1983. Bd. 3. S. 283–293.

Schütze 1992 / *Schütze F.* Pressure and Guilt:

War Experiences of a Young German Soldier and their Biographical Implications // International Sociology. 1992. Vol. 7. № 2/3. P. 187–208.

Siegelbaum 1988 / *Siegelbaum L.* Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941. Cambridge, 1988.

Siegelbaum 2000 / *Siegelbaum L.* Dear Comrade, You Ask What I Need // Stalinism: New Directions / Ed. by Sh. Fitzpatrick. London: Routledge, 2000.

Siegelbaum, Sokolov 2000 / *Siegelbaum L., Sokolov A.* Stalinism as a Way of Life: A Narrative in Documents. New Haven, Conn.; London, 2000.

Simmons, Perlina 2002 / *Simmons C., Perlina N.* Writing the siege of Leningrad: women's diaries, memoirs, and documentary prose. Pittsburgh: Pittsburgh University Press, 2002.

Slim et al. 1998 / *Slim H., Thompson P., Bennett O., Cross N.* Ways of listening // The Oral History Reader / Ed. by R. Perks, A Thomson. London; N. Y., 1998. P. 114–125.

Stachow 1997/ *Stachow H.G.* Fiasko an der Newa: Die Belagerung von Leningrad, 1941–1944. Ein Augenzeugenbericht. München, 1997.

Stachow 2001 / *Stachow H. G.* Tragödie an der Newa. Der Kampf um Leningrad 1941–1944. Ein Augenzeugenbericht. Mit 85 Abbildungen, Karten and Dokumenten. München, 2001.

Südlich des Ladogasees 1943 / Südlich des Ladogasees. Winter 1943 / Hrsg. von der Armee vor Leningrad. Riga, 1943.

Suny 1997 / *Suny R. G.* Stalin and his Stalinism: power and authority in the Soviet Union, 1930–1953 // Stalinism and Nazism: Dictatorships in Comparison. Cambridge, 1997. P. 26–52.

Tagebuch 1996 / Tagebuch aus Moskau, 1931–1939 / Hrsg. von J. Hellbeck. München, 1996.

Thompson 1988 / *Thompson P.* The Voice of the Past / 2d ed. Oxford, 1988.

Thurston 1986 / *Thurston R. W.* Fear and Belief in the USSR's "Great Terror": Response to Arrest, 1935–1939 // Slavic Review. 1986. Vol. 45. № 2. P. 213–234.

Thurston 1991 / *Thurston R.* Social Dimensions of Stalin's Rule: Humor and Terror in the USSR, 1935–1941 // Journal of Social History. 1991. Vol. 24. № 3.

Thurston 1996 / *Thurston R. W.* Life and Terror in Stalin's Russia, 1934–1941. New Haven, 1996.

Verbrechen der Wehrmacht 2002 / Verbrechen der Wehrmacht: Dimensionen des Vernichtungskrieges 1941–1944 / Hamburg: Hamburger Institut für Sozialforschung, 2002.

Viola 2000 / *Viola L.* Popular Resistance in the Stalinist 1930s // Kritika 2000. Vol. 1. № 1.

Völlering 1989 / *Völlering G.* Meine verlorenen Jahre. Erinnerungen – nicht nur an Russland/ 3. Auflage. Messingen, 1989.

Werth 1964 / *Werth A.* Russia at War, 1941–1945. London: Barrie and Rockliff, 1964.

290. Infanterie-Division 1960 / 290. Infanterie-Division, 1940–1945. Delmenhorst: Selbstverlag Kameraden-Hilfswerk 290. Infanterie-Division, 1960.

Summary

The Memory of the Blockade: Original Evidence and the Historical Consciousness of Society presents the results of the research projects realized by the Center for Oral History at the European University in St. Petersburg: *The Blockade in the Fates and Memory of the Citizens of Leningrad* and *The Leningrad Blockade in the Collective and Individual Memory of the Inhabitants of the City*

(2001–2003). They analyses the image of the Leningrad blockade in the public conscience of the inhabitants of this city after the Second World War. Examination of the collective and individual memory of the blockade – the history of how its image was constructed in the official discourse of the post-War years and the personal recollections of the eyewitnesses – is accompanied by the publication of the interviews with those who survived in the blockade and the younger generation of the Leningrad citizens, whose parents or relatives abode the blockade.